ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ
УПРАВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПО
АЛТАЙСКОМУ КРАЮ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией д.с.н. А.Я. Троцковского

Новосибирск
2017

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
Т 654

Рецензенты:
д.э.н. А.С. Новоселов, ИЭОПП СО РАН;
д.э.н. С.Н. Бочаров, Алтайский филиал РАНХиГС;
д.э.н. С.В. Лобова, АлтГУ

Работа выполнена в рамках научного проекта 0325-2016-0008 «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы»

Т 654 **Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае** / Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. / под ред. А.Я. Троцковского. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. – 424 с.

ISBN 978-5-89665-312-7

В монографии изложены методологические и методические основы исследования регионального экономического пространства в контексте его конкурентоспособности. Выявлены трансформационные сдвиги в экономике края в свете формирования конкурентных преимуществ на различных её этапах. Охарактеризовано состояние и проблемы модернизации промышленности края. Дана характеристика ключевых конкурентно значимых факторов регионального роста, в числе которых инвестиции, инновации, качество и эффективность использования трудового потенциала, доходы населения, внешнеэкономическая деятельность. Проведена идентификация пространственных аспектов развития экономики и социальной сферы края. Дана оценка локальной асимметрии регионального развития, в том числе в городской и сельской подсистемах, на сельском рынке труда. Раскрыты основные черты и трансформация ключевых элементов центропериферийной структуры алтайского села. Проанализированы отдельные аспекты механизма регулирования пространственного развития экономики Алтайского края.

Монография представляет интерес для специалистов, работающих в области региональной экономики и управления, преподавателей, аспирантов, магистрантов, а также всех тех, кому небезразлична судьба Алтайского края.

Авторский коллектив:

д.с.н., проф. Троцковский А.Я. – введение, гл. 1–3, 5, 13, п. 4.2, 12.1, 14.2, 14.3, вместо заключения; Wust A. (Германия) – п. 6.3; д.э.н. Бородин В.А. – п. 4.1; магистр экономики Голотвин Д.Н. – п. 4.2; к.э.н. Де`Грааф О. – п. 7.1, 12.3; магистр экономики Долженко И.А. – п. 6.1; к.э.н. Жидких А.А. – п. 6.2, 14.4; магистр социологии Иванова О.И. – п. 8.3, 12.2; к.э.н. Каплинская И.Е. – гл. 10; к.э.н. Капустян Л.А. – п. 12.1; к.э.н. Мищенко И.В. – гл. 13, п. 1.3, 1.4; к.т.н. Мочалов В.М. – п. 3.4, 3.5; к.э.н. Наземцева Ю.Ю. – гл. 2, п. 1.2, 14.2, 14.3.; к.э.н. Обиремко С.И. – п. 4.2; магистр экономики Перекаренкова Ю.А. – п. 3.2, 7.2; к.с.н. Родионова Л.В. – п. 7.1, 8.1, 8.2, 12.3; д.с.н. Сергиенко А.М. – гл. 9, п. 6.3, 8.3, 12.2; к.э.н. Стрижкина В.Н. – гл. 11; к.э.н. Стрижкина И.В. – гл. 11; Сундеева М.А. – гл. 5, п. 7.1, 12.3; Супонина И.В. – п. 3.4, 3.5; к.и.н. Троцковская В.А. – п. 14.1; д.э.н. Шваков Е.Е. – п. 5.1.

ISBN 978-5-89665-312-7

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
© ИЭОПП СО РАН, 2017 г.
© Коллектив авторов, 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ *(Троцковский А.Я.)* 5

Раздел I
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА 1. Исследование регионального экономического пространства в контексте конкурентоспособности: методология и подходы 10
1.1 Конкурентоспособность и конкурентные преимущества территориальных социально-экономических систем: базовые понятия и подходы к оценке *(Троцковский А.Я.)*..... 10
1.2 Ключевые направления исследования регионального экономического пространства *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)*..... 14
1.3 Основные подходы к оценке неравномерности развития экономического пространства *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)*..... 18
1.4 Изучение центропериферийной структуры сельской местности региона: методология и методика *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)* 24

ГЛАВА 2. Теоретико-методологические и методические аспекты регулирования пространственного развития региона 30
2.1 Территориальная политика субъекта Российской Федерации *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)*..... 30
2.2 Цели, задачи и принципы территориальной политики *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)*..... 36
2.3 Общее представление о механизме регулирования пространственного развития экономики региона *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)* 40

Раздел II
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

ГЛАВА 3. Трансформационные сдвиги в экономике края в свете формирования конкурентных преимуществ 50
3.1 Регион накануне рыночных реформ *(Троцковский А.Я.)* 53
3.2 Вступление в рынок и развитие в условиях трансформационного кризиса *(Троцковский А.Я., Перекаренкова Ю.А.)* 57
3.3 Экономика края на этапе восстановительного роста *(Троцковский А.Я.)* 63
3.4 Кризис 2008–2009 гг. *(Троцковский А.Я., Мочалов В.М., Супонина И.В.)*..... 69
3.5 Основные черты развития края на современном этапе *(Троцковский А.Я., Мочалов В.М., Супонина И.В.)* 74
ГЛАВА 4. Проблемы модернизации промышленности Алтайского края 91
4.1 Характер и основные тенденции развития промышленности: предыстория, становление и эволюция *(Бородин В.А.)*..... 91
4.2 Модернизация лесной отрасли как модифицирующий фактор роста конкурентоспособности экономики Алтайского края *(Голотвин Д.Н., Обиремко С.И., Троцковский А.Я.)* 109

Раздел III
ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЮЧЕВЫХ КОНКУРЕНТНО ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РОСТА

ГЛАВА 5. Инвестиции как необходимое условие модернизации и обеспечения конкурентоспособности региональной экономики 126
5.1 Краткая характеристика ресурсного потенциала инвестиционной деятельности в регионе *(Троцковский А.Я., Сундеева М.А., Шваков Е.Е.)* 126
5.2 Динамика региональных инвестиций *(Троцковский А.Я., Сундеева М.А.)*..... 130

ГЛАВА 6. Повышение инновационности экономики Алтайского края 144
6.1 Общая характеристика и этапы развития инновационной системы региона *(Долженко И.А.)*……..... 144
6.2 Инновационные территориальные кластеры как инструмент реализации конкурентного потенциала региона *(Жидких А.А.)* 152
6.3 Социальная среда внедрения инноваций в сельских районах: тренды и факторы развития *(Сергиенко А.М., Wust A.)* 160

ГЛАВА 7. Эффективность использования трудового потенциала края 173
7.1 Динамика производительности труда *(Родионова Л.В., Де`Грааф О., Сундеева М.А.)* 173
7.2 Оплата труда наемных работников как фактор формирования конкурентных преимуществ региона *(Перекаренкова Ю.А.)* 183

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 8. Повышение качества и сбережение трудового потенциала сельских территорий края 197
8.1 Общая характеристика трудового потенциала *(Родионова Л.В.)* 197
8.2 Политика, направленная на сохранение и развитие трудового потенциала (*Родионова Л.В)*… 209
8.3 Миграция как фактор формирования трудового потенциала (*Сергиенко А.М., Иванова О.И.)* 216

ГЛАВА 9. Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края 229
9.1 Динамика уровня и структуры доходов населения *(Сергиенко А.М.)* 230
9.2 Дифференциация доходов населения *(Сергиенко А.М.)*……..... 239
9.3 Социально-экономические неравенства в сельских территориях *(Сергиенко А.М.)* 247

ГЛАВА 10. Развитие внешнеэкономической деятельности края в контексте российских тенденций ... 256
10.1 Эволюция модели внешнеэкономической деятельности в условиях перехода к рынку *(Каплинская И.Е.)* 256
10.2 Внешнеэкономическая деятельность в период 1990–1998 гг. *(Каплинская И.Е.)* 259
10.3 Специфика внешнеэкономической деятельности в межкризисный период (1998–2008 гг.) *(Каплинская И.Е.)* 261
10.4 Основные особенности внешнеэкономической деятельности края на современном этапе (2009–2016 гг.) *(Каплинская И.Е.)* 269
10.5 Институциональная поддержка внешнеэкономической деятельности *(Каплинская И.Е.)* 280

ГЛАВА 11. Особенности формирования и расходования бюджета Алтайского края на различных этапах развития экономики 288
11.1 Характеристика бюджета края в 1990-2009 гг. *(Стрижкина В.Н., Стрижкина И.В.)*…….. 288
11.2 Динамика бюджета края на современном этапе *(Стрижкина В.Н., Стрижкина И.В.)* …… 299

Раздел IV
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СВЕТЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

ГЛАВА 12. Оценка локальной асимметрии регионального развития 306
12.1 Структура и сдвиги в развитии городов края *(Троцковский А.Я., Капустян Л.А.)* 306
12.2 Динамика различий в социально-экономическом развитии сельских районов *(Иванова О.И., Сергиенко А.М.)* 315
12.3 Оценка локальной асимметрии на сельском рынке труда региона *(Родионова Л.В, Де`Грааф О., Сундеева М.А.)*…….. 331

ГЛАВА 13. Основные черты и трансформация ключевых элементов центропериферийной структуры алтайского села 345
13.1 Общее представление о центропериферийной структуре сельской местности края *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)* 345
13.2 Социальное развитие центропериферийных типов районов *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)* 348
13.3 Характеристика экономической среды сельских территорий с различным центропериферийным положением *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)* 357
13.4 Развитие центропериферийных типов сельских территорий края в 2010–2014 гг. *(Троцковский А.Я., Мищенко И.В.)* 365

ГЛАВА 14. Механизм регулирования пространственного развития экономики Алтайского края 369
14.1 Правовые основы регулирования пространственного развития региона *(Троцковская В.А.)* 369
14.2 Систематизация основных направлений и форм регулирования экономического пространства региона *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)* 382
14.3 Поддержка и стимулирование инвестиционной активности муниципальных образований *(Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.)* 386
14.4 Экономическое районирование: новый подход к моделированию с учетом формирования кластерных структур *(Жидких А.А.)* 395

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (*Троцковский А.Я.*) 403

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 404

Светлой памяти нашего Учителя,
академика РАН Т.И. Заславской

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования и степень изученности проблемы. Актуальность исследования и регулирования трансформационных сдвигов в экономике в целях формирования конкурентной среды, в особенности на уровне региона, на наш взгляд, является ярко выраженной. Обусловлена она, на наш взгляд, тремя главными моментами.

Первый из них связан с переходным периодом в развитии экономики России, в результате которого, как известно, произошла частичная замена прямого государственного регулирования саморегулирующимися рыночными механизмами. Уход государства из сферы экономики фактически означал свертывание региональной политики.

Произошедшее в ходе реформ разрушение системы государственного планирования в существенной мере подорвало сложившуюся систему территориального управления экономикой России. В результате произошло значительное усиление территориального неравенства в экономической и социальной сферах и потеря конкурентных позиций рядом регионов. В последующие годы процесс усиления межрегиональной дифференциации в развитии экономики происходил еще большими темпами.

Проведение экономических преобразований и структурной перестройки повлекло за собой рост не только межрегиональных, но еще в большей степени – внутрирегиональных различий. Существенные исходные различия в социально-экономическом развитии муниципальных образований и неравномерность процесса реформирования их экономики в условиях «слабой» региональной политики усугубили процесс их расслоения как по линии «город-село», так и в сельской местности.

Наиболее выпукло этот процесс заметен в городах с монопрофильной специализацией хозяйства, а также в сельской местности, где ряд муниципальных образований потеряли свою экономическую базу в результате деградации и свертывания сельскохозяйственного производства, сопровождающегося оттоком населения. В результате возник эффект «избыточности» производственной и социальной инфраструктуры, влекущий за собой увеличение нерациональных расходов региональных бюджетов, осложнилась организация социального обслуживания жителей этих поселений.

Второй важный момент, побуждающий исследователей обратиться к проблеме регулирования пространственных аспектов развития экономики региона[1], заключается в усилении в предстоящем периоде межрегиональной конкуренции, охватывающей рынки не только товаров, но и капиталов, технологий, рабочей силы.

[1] Регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне (далее – пространственного развития экономики региона) в самом общем виде представляет собой деятельность региональных органов власти по пространственной организации и устройству территории, осуществляемую посредством воздействия на экономику входящих в состав региона муниципальных образований. Регулирование пространственного развития экономики региона является ключевым элементом территориальной политики субъекта Федерации. Регулирование региональными органами власти экономики муниципальных образований во многом предопределяет территориальный облик региона, пространственную конфигурацию его развития.

Усиление межрегиональной конкуренции повышает требования к организации хозяйства регионов, в том числе и к ее пространственным аспектам. На первый план выходит повышение эффективности экономики каждого из муниципальных образований региона на основе наиболее полного использования имеющихся у них конкурентных преимуществ. Четкое позиционирование роли муниципальных образований в экономике региона создает предпосылки научно обоснованного и целесообразного (с позиций региона) подключения ресурсов последнего для решения наиболее острых проблем их социально-экономического развития.

Наконец, *третий* значимый момент, предопределяющий актуальность настоящего исследования, связан с реформированием системы местного самоуправления. Становление системы местного самоуправления существенно изменило экономико-правовой статус муниципальных образований, что повлекло за собой необходимость формирования новой системы отношений региональных органов власти и органов местного самоуправления, в том числе и в части регулирования экономики муниципальных образований.

Естественно, что такая актуальная проблематика, как формирование конкурентной среды и пространственная организация экономики, не могла быть обделена вниманием в научной литературе. Заметное оживление исследований в этом направлении имело место в начале 90-х годов XX века, что было обусловлено необходимостью формирования концепции регионального развития России. Опубликованы сотни статей, десятки монографий, выходит в свет ряд тематических журналов, раскрывающих те или иные формы и проявления экономической деятельности в пространстве[1].

Нет сомнения в ценности имеющихся регионоведческих исследований как в теоретико-методологическом, так и в прикладном плане. Вместе с тем очевидна доминанта в исследованиях межрегиональных различий и региональной политики федерального уровня. В регионоведческой литературе преобладают работы, фиксирующие, главным образом, различия в уровне социально-экономического развития территориальных образований (в основном – субъектов Российской Федерации) и не раскрывающие в полной мере механизмы их возникновения и преодоления.

К настоящему времени в регионах Российской Федерации наработана большая практика регулирования пространственного развития экономики. Однако, на наш взгляд, наукой она до сих пор должным образом не осмыслена, используемые формы и методы поддержки экономики муниципальных образований не систематизированы и тем более не «привязаны» к определенному типу регионов, находящихся к тому же на разных стадиях развития (аграрной, индустриальной либо постиндустриальной).

Углубление региональных научных исследований, и это признается как научным сообществом, так и практиками, обусловлено необходимостью формирования сильной субфедеральной региональной политики (далее – территориальной политики), способной, с одной стороны, стимулировать приток финансовых ресурсов, включая частные инвестиции, в наиболее динамичные муниципальные образования, а с другой – содействовать реструктуризации экономики слабоадаптивных муниципальных образований.

[1] Интересный, на наш взгляд, анализ журналов, публикующих статьи по пространственной экономике, сделан А.М. Демьяненко, Н.А. Демьяненко и В.Н. Украинским. См.: **Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н.** Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // Пространственная экономика. – 2012. – № 3. – С. 111–134.

Что же касается исследований экономики и социальной сферы Алтайского края, то здесь также можно отметить большое число разнообразных научных публикаций, освещающих те или иные стороны его развития. Однако, как правило, они посвящены изложению частных, тематически разобщенных вопросов и не претендуют на целостное представление о социально-экономическом развитии региона[1].

Исключением, пожалуй, являются издания Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, глубоко раскрывающие как отдельные аспекты экономического развития (инвестиционный климат, инновации, развитие агропромышленного комплекса и т.д.), так и дающие системное представление об экономике Алтайского края[2].

Настоящая монография, на наш взгляд, отличается присущим науке более проблемным характером рассмотрения вопросов социально-экономического развития края. С учетом специфики монографии, в ней фактически без редакторских купюр приведен авторский текст. Он, естественно, носит субъективный характер, что дает почву для неизбежных в этом случае дискуссий и полемики. При этом мы, не затушевывая острых, а порой и негативных результатов развития края, пытались дать взвешенную оценку произошедших изменений и породивших их причин.

«Путеводной звездой» исследования нам служило изречение Академика Татьяны Ивановны Заславской: «Задача ученого – познание не должного, но сущего».

Цель, задачи и объект исследования. Целью исследования, результаты которого изложены в настоящей монографии, является анализ развития и регулирования внутрирегионального экономического пространства Алтайского края в контексте формирования его конкурентных преимуществ.

Такая постановка вопроса обусловливает достаточно широкий круг многогранных задач. Однако с учетом ряда имеющихся ограничений авторы определили в качестве базовых четыре укрупненных задачи:

1) исследование трансформационных сдвигов в экономике Алтайского края и их влияния на формирование конкурентных преимуществ региона;

2) характеристика ключевых конкурентно значимых факторов;

3) идентификация территориальных аспектов развития экономики Алтайского края в свете конкурентных преимуществ;

4) формирование общего представления о механизме регулирования внутрирегионального экономического пространства.

В качестве эмпирического объекта исследования выступает Алтайский край. С точки зрения поставленных целей край является, можно сказать, идеальным объектом наблюдения в силу ряда причин. *Во-первых*, регион имеет одну из наиболее сложных (по сравнению с другими субъектами Российской Федерации) территориальных структур[3], элементы которой характеризуются значительными различиями в развитии их экономик.

---

[1] Поскольку упомянуть все основные работы по социально-экономическому развитию края нет возможности, сошлемся для примера на публикации алтайских ученых в журнале «Вестник алтайской науки». См.: **Вестник** Алтайской науки. – 2015. – № 3–4. – С. 79–605.

[2] **Экономическая** энциклопедия регионов России. Алтайский край / Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края. – НПО «Экономика». – М. : Экономика, 2012. – 477 с.

[3] Достаточно сказать, что в состав Алтайского края на 1 января 2016 г. входили 723 муниципальных образований: в том числе: 10 городских округов, 59 муниципальных районов (в среднем по России – 23 района), 654 поселения (7 городских и 647 сельских). См.: **Перечень** муниципальных образований [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/municipal_statistics/list_of_municipalities/ (дата обращения: 14.12.2016 г.).

Во-вторых, в крае представлены разные природно-климатические зоны, что позволило рассмотреть достаточно широкий спектр конкурентных преимуществ региона.

В-третьих, край представляет достаточно большую группу среднеразвитых регионов России, в существенной мере испытавших негативные социально-экономи-ческие последствия радикальных реформ.

В-четвертых, Алтайский край является приграничным регионом, что определяет специфику его внешнеэкономических связей.

Наконец, *в-пятых*, Алтайский край является наиболее типичным представителем аграрно-промышленных регионов, активно модернизирующих в настоящее время свою экономику.

Структура и содержание работы.

Монография базируется в главном на результатах многолетних исследований сотрудников Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН и привлеченных к этой работе аспирантов и преподавателей алтайских ВУЗов. Результаты этих исследований в определенной своей части получили отражение в научной литературе[1].

Тем не менее следует признать, что материалы, помещенные в монографию, не представляют собой законченного исследования. Имеет место разная степень изученности тех или иных рассматриваемых проблем. По разным причинам вне поля зрения авторов остались актуальные и, бесспорно, важные вопросы регионального развития, как, к примеру, малый бизнес, производственная и рыночная инфраструктура, формирование бюджета и др.[2]

Во многом это находит свое объяснение в сложности и, более того, амбициозности поставленной цели, подразумевающей исследования в рамках хотя и взаимосвязанных, но по сути самостоятельных направлений регионалистики – анализа структуры трансформации экономического пространства[3], исследования механизмов и

[1] **Экономические** реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда) / Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. – Барнаул, 1996. – 193 с.; **Социально-экономические** аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 248 с.; **Экономика** и энергетика Алтайского края: тенденции и перспективы развития. – Барнаул : АзБука, 2004. – 586 с.; **Социальная** траектория развития Алтая. – Барнаул : Изд-во ООО «Полиграф-Сервис», 2006. – 232 с.; **Социально-экономическое** развитие региона: методика и результаты исследования: монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 373 с.; **Алтайское** село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Троцковский А.Я., Мищенко И.В.** Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование: монография. – Барнаул, 2013. – 176 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография. – Барнаул, 2013. – 330 с. и др.

[2] Особо отметим фрагментарность изложения проблем формирования региональной политики и роли региональных органов власти в социально-экономическом развитии региона. Мы рассчитываем на то, что в процессе дальнейшей работы над материалом монографии, отмеченные моменты будут учтены.

[3] Изучение трансформации регионального экономического пространства само по себе представляет для исследователя непростую задачу. Дело в том, что когда речь заходит об изучении трансформационных процессов, то в фокусе исследования оказываются три момента – основные направления трансформации, механизмы и результаты. Именно в такой логической цепочке они изучаются и интерпретируются в научной литературе. Специфика монографии состоит в попытке охватить как можно больший круг инструментов развития регионального экономического пространства. Если в подобного рода исследованиях, как правило, рассматриваются наиболее значимые инструменты регулирования пространства (федеральные и ведомственные целевые программы, адресные программы развития конкретных территорий и т.п.), то в монографии охарактеризованы инструменты, зачастую не имеющие конкретной «территориальной привязки», но оказывающие на структуру экономического пространства заметное влияние.

проблем его регулирования, оценки конкурентных преимуществ и конкурентоспособности территориальных социально-экономических систем различного уровня и т.д.

Попытка авторов сформировать целостное и непротиворечивое представление об изучаемом предмете наталкивалась также на незрелость пространственной экономики как науки. Это проявилось, на наш взгляд, в отсутствии, как правило, добротной теоретико-методологической и методической базы исследования пространства и, что не менее важно, глубокого погружения исследователей в реальные социально-экономические процессы регионального развития и регионального управления.

Монография включает в себя четыре раздела. В *первом разделе* «Методологические и методические основы исследования» рассмотрены методология и подходы к исследованию регионального экономического пространства и его регулированию в целях формирования конкурентоспособной региональной экономики.

Во *втором разделе* монографии «Предпосылки формирования конкурентных преимуществ в Алтайском крае» раскрыты трансформационные сдвиги в экономике Алтайского края на различных этапах его развития и их влияние на конкурентоспособность региона, охарактеризованы состояние и динамика промышленности края, проблемы ее модернизации.

В *третьем разделе* «Характеристика ключевых конкурентно значимых факторов регионального роста» раскрыты важнейшие характеристики региональной социально-экономической среды, оказывающие, на наш взгляд, определяющее влияние на ее развитие и конкурентоспособность. В их числе инвестиции, инновации, трудовой потенциал, доходы населения, внешнеэкономическая деятельность.

Наконец, в *четвертом разделе* монографии «Идентификация и регулирование экономики Алтайского края в свете конкурентных преимуществ: территориальный аспект» показана структура внутрирегионального экономического пространства края и происходящие в ней изменения, а также изложено авторское видение основных направлений и форм его регулирования.

Подытоживая сказанное выше, авторы настоящей монографии выражают надежду на то, что их работа внесет свою скромную лепту в исследование трансформационных процессов и их роли в формировании конкурентных преимуществ применительно к регионам, характеризующимся, с одной стороны, сравнительно небольшим масштабом экономики, а с другой – необходимостью обеспечить при этом приемлемые условия жизни населения многочисленных территориально разбросанных муниципальных образований.

Ядро авторского коллектива составили сотрудники лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края ИЭОПП. К работе над монографией были также привлечены преподаватели и аспиранты ВУЗов края. Техническое редактирование и оформление работы осуществлено М.А. Сундеевой, Ю.А. Перекаренковой.

Раздел I.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПОДХОДЫ

1.1 КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ

Анализ и оценка региональной конкурентоспособности (региональных конкурентных преимуществ) получили отражение в научной литературе сравнительно недавно. Причины лежат на поверхности: конкуренция регионов за ограниченные ресурсы (финансовые, материальные, людские) во все бóльшей степени начала проявляться лишь с переходом страны к рынку[1].

На наш взгляд, для наиболее общей оценки состояния научных исследований в области региональной конкурентоспособности остается справедливым утверждение М. Портера, сделанное им по отношению к странам еще в 1990 г. «…Несмотря на все дискуссии, дебаты и публикации на эту тему, – писал М. Портер, – до сих пор не существует какой-либо убедительной теории, позволяющей объяснить конкурентоспособность или неконкурентоспособность отдельных стран. Более того, нет даже общепризнанного определения термина конкурентоспособность применительно к отдельным странам»[2].

На сегодня существует, по крайней мере, порядка десятка подходов к оценке конкурентоспособности[3] и еще больше подходов к определению понятия «конкурентоспособность региона»[4]. Научная ситуация в рассматриваемой области характеризуется быстрой эволюцией исследований в плане смены объекта: от анализа и оценки

[1] Как нам представляется, межрегиональное соперничество регионов за ресурсы имело место и в директивной экономике. Достаточно указать на стремление регионов любой ценой «заполучить» в процессе размещения производительных сил «выгодные» предприятия, строительство которых сопровождалось серьезными подвижками в развитии социальной и производственной инфраструктуры территории. Однако это соперничество, именуемое состязательностью, имело латентный характер, скрываясь под маской социалистического соревнования и плановых решений Центра. Бесспорно и то, что межрегиональное сотрудничество, организованное из Центра в целях получения выгоды от экономики «единого дома», существенно превалировало над межрегиональным соперничеством.

[2] **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли. – Т. 6. Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – 720 с.

[3] **Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Писарев Ю.А.** Алгоритм оценки конкурентоспособности региона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия:: «Социально-экономические науки». – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 112.

[4] **Чайникова Л.Н.** Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона. – Тамбов, 2008. – 148 с.

конкурентоспособности товаров и фирм (микроуровень) к анализу конкурентоспособности стран (макроуровень) и, далее, конкурентоспособности регионов (мезоуровень). При этом, на наш взгляд, в значительной части исследований имел место отход от установок классика (М. Портера), указывающего на то, что в конкурентные отношения вступают не страны, а конкретные фирмы. Страна служит лишь средой, создающей либо не создающей условия для роста конкурентоспособности фирм.

Однако даже при таком подходе применение категорий «конкурентоспособность», «конкурентные преимущества», «конкурентные позиции» применительно к странам (регионам) носит, по нашему мнению, достаточно условный характер, поскольку в территориальном аспекте ресурсы и условия производства имеют крайне локализованный характер (за исключением «управленческого» фактора) и сконцентрированы, по преимуществу, на поселенческом уровне. Другими словами, условия для роста конкурентоспособности фирм формируются на уровне поселений (города, поселка), а не на более высоких уровнях системы расселения.

К примеру, важнейшие туристские маршруты края пролегают через ряд его районов, но туризм является базовой отраслью лишь в отдельных из них (Алтайский район). Аналогично, использование природных условий в лечебных целях характерно не для края в целом, а для города-курорта Белокуриха и еще ограниченного ряда территорий; добыча соли – для п.г.т. Бурла и т.д.

Смена объекта исследования в работах по конкурентоспособности, по нашему мнению, не сопровождалась глубоким научным осмыслением новых реалий. Так, к примеру, не до конца продумана методология анализа и оценки конкурентоспособности регионов. Некритичное использование сложившихся подходов к оценке конкурентоспособности и конкурентных преимуществ стран не позволяет объяснить происходящих реальных процессов. Так, в процессе соперничества за централизованно распределяемые бюджетные ресурсы регионы в отличие от стран используют не только свои сильные, но и слабые стороны. Наиболее яркий пример – поддержка слаборазвитых регионов, осуществляемая за счет регионов-доноров. В целом развитие исследований по региональной конкурентоспособности идет по пути расширения перечня признаков (индикаторов) конкурентоспособной территориальной системы. Наиболее часто среди признаков (индикаторов) конкурентоспособной территориальной системы называется уровень жизни населения, накопленный экономический потенциал, производство товаров и услуг, конкурентных на национальном и мировом рынках и др.

В целом для регионоведческих работ характерен еще более широкий перечень факторов конкурентоспособности (региональных конкурентных преимуществ)[1]. Так, например, ученые ИЭ УрО РАН акцентируют внимание на следующих ресурсах и условиях, формирующих региональный бизнес-климат:

- развитость инфраструктурного комплекса региона;
- состояние окружающей среды;
- качество рабочей силы;
- научно-исследовательский потенциал и степень его реализации в хозяйственной деятельности компаний;

[1] В самом общем виде под региональными конкурентными преимуществами понимается «совокупность природных, социально-экономических, научно-образовательных, технических, информационных, культурных и институциональных условий, сложившихся в регионе, отличающих его от других регионов и определяющих перспективы производства в нем товаров и услуг». См. об этом: **Унтура Г.А.** Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 1. – С. 6.

♦ политика региональных властей в сфере регулирования предпринимательской деятельности[1].

Иной алгоритм оценки конкурентоспособности регионов предложен кемеровскими учеными, выделявшими пять основных факторов: уровень экономического потенциала, эффективность его использования, привлекательность для населения, привлекательность для бизнеса и инновационность экономики.

Нельзя не отметить и вклада новосибирских ученых в исследование конкурентоспособности регионов. Одним из первых в начале 1990-х годов обратился к нему Р.И. Шнипер, предложив методику выделения и оценки конкурентных позиций регионов[2]. К середине же 2000-х годов, по нашим оценкам, сформировалась новосибирская школа регионалистов[3].

Следует сказать, что анализ этих и других работ с целью определения общепринятых позиций в оценке региональной конкурентоспособности осложнен двумя моментами.

Первый из них связан с недостаточным осмыслением и нечеткой артикуляцией цели исследований, уходящих своими корнями в неопределенность понятия «региональная конкурентоспособность».

Обобщая упомянутые выше работы, заметим, что авторы пытаются дать ответы на два, хотя и взаимосвязанных, но различных по своей сути, вопроса:

1) в чем именно проявляется конкурентоспособность региона, каковы ее признаки (критерии);

2) каковы факторы (конкурентные преимущества), обусловившие тот или иной уровень конкурентоспособности региона.

Как правило, авторы не разделяют отмеченные направления исследований региональной конкурентоспособности, оценивая последнюю через тот либо иной набор конкурентных преимуществ региона[4].

Более того, в учебниках по региональной экономике доминирует точка зрения, что конкурентоспособность региона есть, по сути, совокупность его конкурентных преимуществ[5].

Второй момент, затрудняющий анализ работ, связан с некорректным использованием в ряде случаев научных понятий, обусловленных как избыточностью (одно явление отражается разными понятиями), так и недостатком (одно понятие отражает разные явления) дефиниций. Авторы, как правило, не обращают должного внимания на отработку понятийного аппарата, не считают нужным соотнести используемые ими дефиниции с определениями, используемыми в работах других авторов[6].

---

[1] **Татаркин А.И.** Формирование конкурентных преимуществ региона // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 147.

[2] **Шнипер Р.И.** Конкурентные позиции региона и их оценка // Регион: экономика и социология. – 1995. – № 1. – С. 3–24.

[3] Яркими представителями этой школы наряду с ее основателем Р.И. Шнипером являются Коломак Е.А., Ларина Н.И., Маршалова А.С., Новоселов А.С., Унтура Г.А.

[4] Следует признать, что грань между факторами и признаками конкурентоспособности региона крайне тонка, поскольку подавляющее большинство характеристик региона (к примеру, уровень жизни его населения, накопленный экономический потенциал и др.) могут рассматриваться одновременно как в качестве признаков, так и в качестве факторов региональной конкурентоспособности.

[5] **Региональная** экономика: учебник / под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. – М. : ИНФРА, 2007. – 666 с.

[6] Заметим, что упомянутое суждение присуще не только работам по конкурентоспособности, а и значительной части регионоведческих работ, в особенности, по новым направлениям исследований (например пространственной экономике).

Слабым моментом большинства исследований в анализируемой области остается их «размытый» характер, претензия на истину применительно ко всем ситуациям и временам. По нашему убеждению, оценка конкурентоспособности региона, его конкурентных преимуществ должна иметь совершенно конкретное звучание.

Это должно, на наш взгляд, проявляться в следующих моментах:

♦ необходимо определиться с тем, что М. Портер называл «характером конкуренции» (какие именно отрасли, сегменты региональной экономики являются конкурентоспособными);

♦ необходимо уточнить по отношению к какому рынку (межрегиональному, национальному, мировому) оценивается конкурентоспособность региона;

♦ следует различать существующие и потенциальные конкурентные преимущества региона;

♦ необходимо уточнить о каких преимуществах идет речь (номинальных или реальных, используемых предприятиями региона).

Целесообразно рассмотреть в качестве важнейшего конкурентного преимущества региона интеграцию внутрирегионального пространства (степень различий между отдельными элементами региона как системы и связанность их между собой).

Как уже отмечалось, прежде всего следует принять во внимание, что оценка конкурентных преимуществ территориальных социально-экономических систем более «высокого уровня» (страны, региона, сельского административного района) носит условный характер. Конкретную среду для фирм (по выражению М. Портера) формирует, главным образом, не территории «высокого уровня», а конкретные поселения, где эти фирмы дислоцированы.

Оценка конкурентоспособности последних базируется на рациональной идеи о том, что концентрация и рост экономической активности, с одной стороны, благоприятные условия для проживания, рост уровня жизни населения, с другой, свидетельствуют об укреплении конкурентных позиций территории (города, поселка городского типа, сельского поселка).

Однако при оценке конкурентоспособности поселений есть свои сложности. Укажем только на два момента. Первый из них связан с «рассогласованностью» характера социально-экономического развития территориальной системы: по одним показателям различия нарастают, по другим – нивелируются. Неясно, как в этом случае интерпретировать происходящую динамику в контексте конкурентоспособности.

Второй момент обусловлен различным «вкладом» используемых для анализа показателей социально-экономического развития поселения в укрепление (ослабление) конкурентоспособности региона. Бесспорно, что все стороны социально-экономического развития территории оказывают какое-либо влияние на ее конкурентные позиции. При этом ряд из них оказывает опосредованное влияние, другие же, как например, развитие потребительского рынка, отражаемое показателем «объем розничного товарооборота» и «объем потребляемых услуг», – прямое. Он свидетельствует о привлекательности территории как для населения, так и для бизнеса, ориентированного на внутренний рынок.

При оценке конкурентоспособности территориальных систем более «высокого» уровня, где поселения выступают в качестве элементов, образно говоря «вопросов без ответа» еще больше.

Так, дисгармоничное развитие территориальной системы более «высокого» уровня в условиях стагнации либо спада экономики свидетельствует о возможном появле-

нии территорий «драйверов» экономического роста. Поэтому сближение показателей за счет торможения территорий-лидеров в плане оценки конкурентоспособности должно быть оценено негативно[1].

С другой стороны, в многочисленных статьях регионалистов с тревогой говорится о дезинтеграции экономического пространства России, об усилении конкуренции между регионами, что угрожает ее конкурентоспособности.

По-видимому, оценка конкурентоспособности территориальных социально-экономических систем должна производиться с учетом ряда внешних обстоятельств и конкретной ситуации: состояния экономики страны, ее движущих сил и ограничений, экономической политике Центра и т.д.

1.2 КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С учетом поставленной цели работы нами определены три основных направления исследования:

1) анализ структуры и перспектив пространственного развития экономики региона;

2) анализ конкретно значимых общих и специфических факторов развития экономики муниципальных образований (городских округов и сельских районов);

3) анализ деятельности региональных органов власти по регулированию пространственных аспектов развития экономики в целях формирования конкурентоспособной экономики (рис. 1.1).

Первое направление – анализ структуры экономического пространства региона – предполагает выделение в качестве ее элементов как территорий с четко очерченными границами (типов муниципальных образований, функциональных округов, территориально-производственных округов и т.п.), так и территорий с неявными границами (агломераций, пригородных зон).

В результате работы по этому направлению должен быть получен ответ на вопрос, как «устроено» внутрирегиональное пространство, какие различия и характерные черты присущи его отдельным элементам, какими процессами (конвергенции, дивергенции) можно описать динамику внутрирегиональной структуры.

Для региональной науки это направление исследований является традиционным. Достаточно четко здесь просматриваются две сложившихся группы исследований:

1) анализ различий между отдельными административно-территориальными образованиями региона (классами, типами) по уровню социально-экономического развития (как в статике, так и в динамике);

2) «таксономия» (по терминологии Э.Б. Алаева), подразумевающая выделение по какому-либо признаку (совокупности признаков) однородных зон, ареалов, районов. В научной литературе чаще всего это направление исследований обозначается как «экономическое районирование».

[1] Отметим, что одна из немногих идей, разделяемых большинством ученых, состоит в том, что позитивная оценка процессов региональной дифференциации, рациональности межрегиональных пропорций, а значит, и конкурентоспособности должна производиться с позиций устойчивости развития не отдельной территориальной подсистемы, а всей системы в целом.

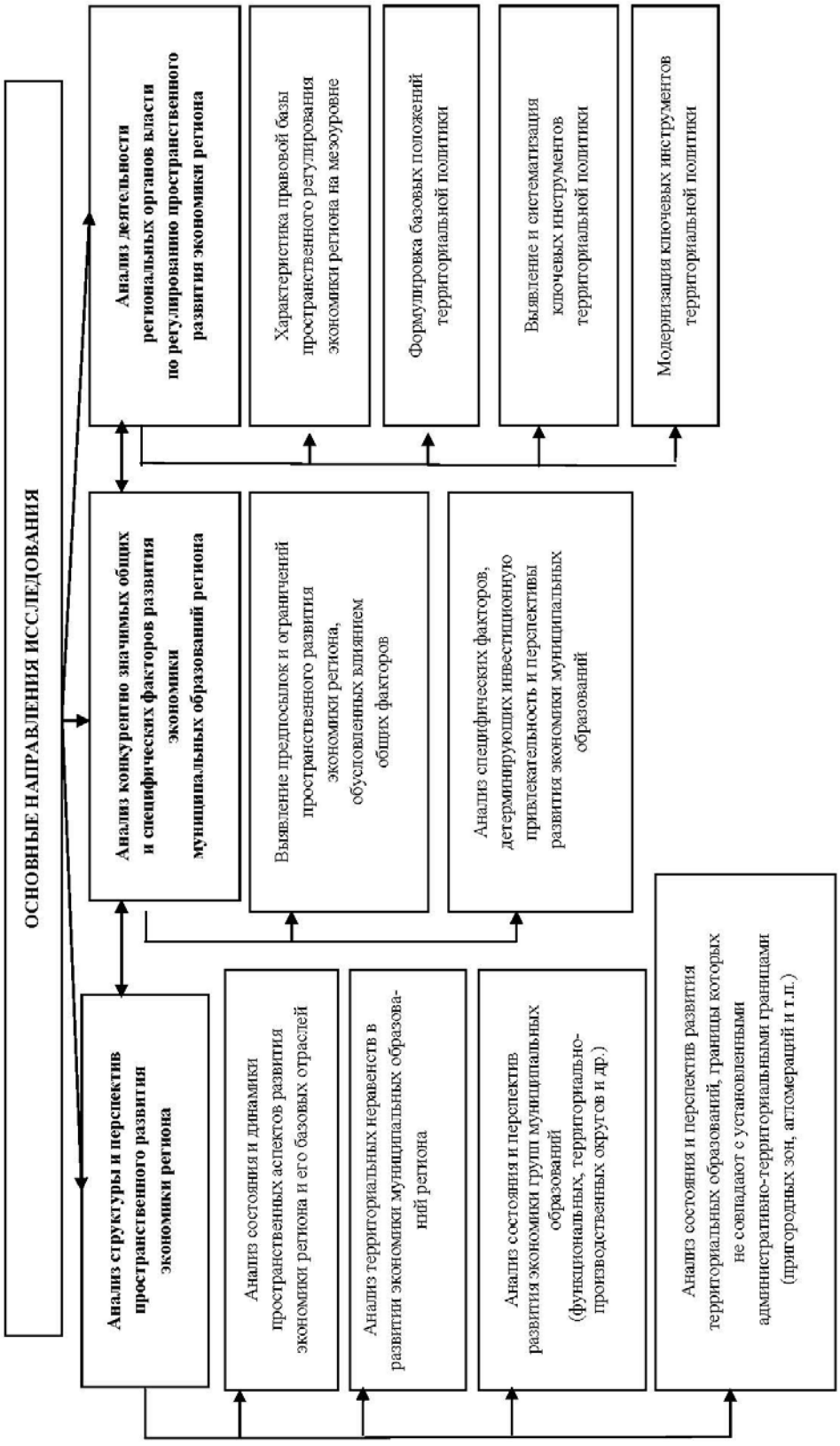


Рис. 1.1. Основные направления исследования пространственного развития экономики региона

Второе направление исследования раскрывает конкурентно значимые факторы развития экономики региона и его муниципальных образований, другими словами, факторы, детерминирующие в главном размещение производства и дислокацию трудовых ресурсов в регионе и на его территориях.

Названные факторы могут быть подразделены на *общие* и *специфические*. К *специфическим* факторам следует отнести некие характеристики муниципального образования (экономико-географическое положение, природные ресурсы, демографический и социально-экономический потенциалы и т.п.), детерминирующие уровень и темпы развития его экономики[1] (рис. 1.2). Воздействием именно специфических факторов, отражающих индивидуальные особенности муниципального образования, объясняют существенные различия в уровне и темпах его развития.



Рис. 1.2. Классификация факторов региональной конкурентоспособности

[1] Заметим, что если сравнительная оценка текущего состояния страны и ее регионов является сложившимся направлением исследований в региональной экономике, то применительно к муниципальным образованиям она проводится значительно реже. См. об этом: **Баянова О.Т.** Сравнительная рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 96–107.

Вместе с тем имеются, на наш взгляд, *общие* для всех муниципальных образований региона факторы развития (торможения) их экономик. Мы выделяем две главные отличительные особенности общих, присущих региону, факторов:

(1) недифференцированное воздействие по отношению к различным муниципальным образованиям;

(2) опосредованный характер воздействия на экономику муниципальных образований.

Такой подход к анализу предпосылок (конкурентных преимуществ) и ограничений (лимитирующих факторов) развития экономики муниципальных образований базируется на предположении об определенной взаимосвязи между развитием экономики отдельного муниципального образования и экономики региона в целом. Конечно, поиск прямых и лежащих на поверхности зависимостей, – это касается как направлений, так и, прежде всего, темпов развития экономики муниципальных образований, – не является, на наш взгляд, продуктивным. Тем не менее существует целый ряд механизмов, включая управленческие, обеспечивающих взаимообусловленность и относительную согласованность развития конкретного муниципального образования и региона в целом.

С нашей точки зрения, базовые характеристики региона зачастую оказывают наиболее существенное влияние на развитие экономики муниципальных образований. С учетом этого предположения акцент в работе сделан на анализе ключевых характеристик региона, обусловливающих уровень, характер развития и потенциал экономики муниципальных образований.

На рисунке 1.2 выделено три блока общих факторов:

(1) ресурсно-географический блок, включающий в себя характеристику экономико-географического положения, степени освоенности территории, природных ресурсов и природно-климатических условий региона;

(2) инфраструктурный блок, в состав которого входят характеристики развития производственной и рыночной инфраструктур[1], жилищно-коммунального хозяйства и финансовой системы;

(3) социально-демографический блок, объединяющий характеристики уровня и качества жизни населения, развития социально-бытовой инфраструктуры, демографического и трудового потенциала.

Учитывая существенные различия в социальном развитии города и села, анализ социально-демографического развития региона в целом должен быть дополнен дифференцированной оценкой развития его городского и аграрного секторов. Только в этом случае возможно выявление общих и специфических предпосылок и ограничений в развитии экономики «городских» и «сельских» муниципальных образований[2]. Это позволяет, с одной стороны, свести к минимуму совокупность рассматриваемых факторов, выделив те из них, которые оказывают наибольшее воздействие на харак-

[1] В научной литературе изучение региональной инфраструктуры как фактора развития территории получило большое распространение. См., например, **Яковлева С.И.** Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2006. – № 7. – С. 189–200.

[2] По понятным причинам, реализовать в одной работе такой комплексный интегрированный подход к анализу общих факторов, детерминирующих развитие экономики муниципальных образований, не представляется возможным. Поставленная задача облегчается тем, что в 2007 г. в Алтайском крае в этом направлении была осуществлена большая работа. См. об этом: **Алтайский** край – территория экономического роста. – Барнаул, 2007. – 308 с.

тер территориального развития региона. С нашей точки зрения, такой подход является более продуктивным, поскольку ориентирует исследователей на выявление проблем, а практиков – на их разрешение.

Наконец, суть *третьего направления* исследования пространственных аспектов развития экономики заключается в анализе деятельности региональных органов власти и управления по регулированию пространственного развития экономики региона. Так же как и первые два направления исследования, оно включает в себя ряд последовательных шагов, в числе которых формулировка базовых положений территориальной политики, а также выявление и систематизация ключевых форм и инструментов поддержки развития экономики муниципальных образований (фактически используемых в практике региональных органов и перспективных).

1.3 ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Анализ и оценка различий в развитии территориальных социально-экономических систем как основы интеграции (дезинтеграции) внутрирегионального пространства стало одним из традиционных направлений исследования в региональных науках. При этом возможна реализация различных подходов. Так, по мнению Б.Л. Лавровского, в рамках исследования территориальных аспектов развития экономической системы возможны два подхода. В одном из них изучается развитие отдельной территориальной подсистемы во времени. В рамках этого «динамического» подхода исследуются обычно показатели динамики, отраслевых структурных сдвигов в подсистеме за тот или иной промежуток времени. Здесь же изучаются роль и значение той или иной отдельной территориальной подсистемы в экономике страны. Приведенный аспект анализа обычно описывается понятием «развитие региона (регионов)».

При другом подходе к исследованию пространственных аспектов развития рассматривается территориальная система, взятая в единстве всех своих подсистем. Основная идея данного «структурного» подхода сводится к оценке развития подсистем друг относительно друга или территориальной системы в целом. Данный аспект анализа обычно описывается понятием «региональное развитие»[1].

Несколько иначе представляется это И.И. Кузнецовой. Она также выделяет два общих подхода к исследованию дифференциации. Первый подход, по ее мнению, заключается в изучении между регионами (территориями региона) на основе совместного анализа соответствующих показателей с целью построения рейтингов (комплексных оценок) территорий. В основе второго подхода лежит анализ данных по группе территорий с целью построения рейтингов дифференцированных показателей[2].

Оценка территориальных различий в Российской Федерации проводится применительно к различным территориальным социально-экономическим системам. В их числе наиболее крупные территориальные образования – Федеральные округа. Одно из наиболее распространенных направлений исследования – оценка региональной асимметрии. Что касается внутрирегиональных различий, то чаще всего они рассматриваются либо в контексте «город – село», либо как межрайонные различия. Сельские

[1] **Лавровский Б.Л.** Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. – 2003. – № 4. – С. 524–537.

[2] **Кузнецова И.И.** Проблемы территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 22. – С. 264.

поселения в качестве объекта исследования, как указывалось ранее, встречаются гораздо реже.

Таковы, на наш взгляд, главные направления анализа пространственного развития.

Наряду с этим имеются и оригинальные исследования, в которых в качестве объекта для сравнения выступают и другие территориальные образования.

Так, И.Д. Тургель трактует понятие локальной асимметрии регионального развития «как сложного, многопланового явления, взаимосвязанными компонентами которого являются:

– дифференциация социально-экономических показателей муниципальных образований, входящих в состав области, края, республики и т.п.;

– дифференциация социально-экономических показателей экономико-географических регионов, выделяемых в границах субъекта Федерации;

– дифференциация социально-экономических показателей регионального Центра и прочих муниципальных образований;

– дифференциация социально-экономических показателей между и внутри групп муниципальных образований, выделяемых по сущностно значимым основаниям»[1].

При оценке территориальной дифференциации важными являются два момента. Один из них связан с используемой методикой анализа территориальных различий, а другой – с интерпретацией полученных результатов. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Прежде всего отметим чрезвычайное разнообразие методических подходов к оценке развития пространственных систем. Этот тезис имеет отношение главным образом к системе индикаторов и показателей, присущих регионоведческим работам. Так, набор показателей для оценки уровня либо динамики социально-экономического развития территориальной системы меняется в зависимости от уровня исследования. Чем выше уровень, например, сравнение федеральных округов либо межрегиональные сравнения, тем более обобщенный характер имеют показатели и более полон их круг, что объясняется возможностями статистики.

Напротив, оценка территориальной дифференциации внутри одного региона проводится с помощью ограниченного круга показателей. Заметим, что этот недостаток компенсируется использованием в процессе анализа различий в развитии муниципальных образований социологической информации, например, экспертных оценок.

Как правило, методика сравнения территориальных образований представляет собой трехшаговую процедуру. На первом шаге проводится отбор наиболее существенных показателей социально-экономического развития территориальной системы; на втором – так называемая факторная оценка состояния территориальной системы и региональных (внутрирегиональных) различий по отдельным показателям; на третьем шаге формируются интегральные показатели, используемые для типологизации рассматриваемых территориальных образований. Формирование интегральных показателей (индексов) производится также различными методами, зачастую с использованием балльной оценки.

По мнению С.А. Суспицына, наибольшую популярность среди таких сопоставлений приобрели рейтинговые сравнения социально-экономического развития регио-

[1] **Тургель И.Д.** Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного. – Вып. XVI. – М., 2000. – С. 234.

нов. Простота методик сравнительного анализа, позволяющих рассчитывать балльные оценки, ранги, частные и сводные рейтинги по достаточно широкому кругу явлений и показателей социально-экономического развития регионов, сделали их доступными для специалистов, ученых, статистиков и др.

Основная идея рейтинговых методов состоит в возможности построения относительно простыми средствами упорядоченных оценок сравнительного положения регионов Российской Федерации. Использование большинства конкретных подходов позволяет формировать однородные массивы региональных показателей, которые затем нормируются (приводятся к единому масштабу) для обеспечения корректности межрегиональных сопоставлений. Построенные таким образом совокупности региональных показателей (индикаторов) пригодны для сравнения. Рейтинги могут быть локальными (частными, по отдельным индикаторам) или сводными (комплексными, по совокупности индикаторов). При проведении комплексных сравнений отдельным индикаторам экзогенно могут быть заданы веса, отражающие их неравнозначность[1].

В качестве оцениваемых характеристик в сравнительных исследованиях могут выступать как отдельные показатели развития территориальной социально-экономической системы[2], так и достаточно широкий набор признаков, комплексно и всесторонне ее характеризующих.

В этом плане показательна работа одного из авторов монографии[3]. Им было проанализировано четыре блока показателей, характеризующих: население, систему расселения, развитие социально-бытовой и производственной сфер территории. Оценка населения производилась с помощью таких индикаторов, как возрастная структура; естественное и механическое движение населения (всего 14 показателей). Характеристика расселения производилась с помощью следующих индикаторов: заселенность территории; концентрация сельского населения; удаленность района от городских опорных центров и железных дорог (всего 26 показателей).

Состояние социально-бытовой сферы оценивалось с помощью следующих индикаторов: обеспеченность сельского населения услугами; территориальная плотность социальной инфраструктуры; обеспеченность поселений учреждениями инфраструктуры в расчете на 10 сельских населенных пунктов (всего 48 показателей).

Наконец, производственная сфера также раскрывалась с помощью ряда индикаторов, а именно: развитость общественного сельхозпроизводства; развитие личного подсобного хозяйства сельского населения; сельскохозяйственная освоенность территории; концентрация производства сельскохозяйственных предприятий; эффективность сельскохозяйственного производства (всего 26 показателей).

Заметим, что работ, столь широко и комплексно раскрывающих уровень социально-экономического развития территориальной системы, немного. Как правило, исследователи-регионалисты ограничиваются несколькими основными, на их взгляд, показателями. К примеру, для оценки неравномерности пространственного развития А.И. Буфетова использовала среднедушевые показатели объема промышленной

[1] **Суспицын С.А.** Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2. – С. 134–140.

[2] **Глущенко К.П.** Методы анализа территориального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 55.

[3] **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

продукции, оборота розничной торговли, инвестиции в основной капитал, ввод в действия общей площади жилых домов, а также темпы изменений названных показателей[1].

С.А. Суспицын для оценки социально-экономического положения регионов и межрегиональных различий использовал шесть относительных индикаторов, в числе которых объем промышленного производства, плотность инвестиций, объем строительства жилья, уровень безработицы, заработной платы и бюджетной обеспеченности[2].

А.А. Победин, оценивая внутрирегиональную дифференциацию муниципальных образований Свердловской области, опирался на важнейшие социально-экономические показатели, среди которых средний уровень заработной платы, уровень безработицы, численность врачей в расчете на 10 тысяч населения, душевая обеспеченность жильем, уровень преступности в расчете на 100 тысяч жителей[3].

И.Н. Меренкова анализировала степень дифференциации сельских территорий Воронежской области с точки зрения основных сфер – экономической, социальной, экологической и институциональной. В качестве показателей экономической сферы были определены: рентабельность реализации продукции с учетом субсидий; стоимость валовой продукции на одного труженика, занятого в сельскохозяйственном производстве; затраты на производство продукции на 1 га сельскохозяйственных угодий; выручка от реализации продукции на одного занятого в сельскохозяйственном производстве. Для характеристики социальной сферы были использованы следующие показатели: коэффициент естественного движения населения районов; доля занятого сельского населения; соотношение среднемесячной заработной платы работников сельскохозяйственных организаций со среднерайонной заработной платой; объем розничной торговли на душу населения[4].

И.Д. Тургель при оценке локальной асимметрии регионального развития были использованы в расчетах показатели динамики производства промышленной продукции, уровня безработицы и среднедушевого розничного товарооборота, опосредованно отражающего уровень доходов населения[5].

За основу типологии сельских территорий Алтайского края Н.Н. Чиняков взял две оценки: социально-экономическое развитие муниципального образования и качество жизни населения[6].

---

[1] **Буфетова А.Н.** Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 58.

[2] **Суспицын С.А.** Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2. – С. 135–136.

[3] **Победин А.А.** Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области [Электронный ресурс] // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2010. – № 4.– URL: http://vestnik.uapa.ru/ru–ru/issue/2010/04/15/ (дата обращения: 12.12.2015 г.).

[4] **Меренкова И.Н.** Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 24 – С. 50–51.

[5] **Тургель И.Д.** Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного. – Вып. XVI. – М., 2000. – С. 235.

[6] **Чиняков Н.Н.** Некоторые проблемы социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.timacad.ru/conf_news/section2/section2.php (дата обращения: 14.10.2016 г.).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют «разнобой» методик, применяемых для оценки региональной (внутрирегиональной) дифференциации, в том числе и в части системы индикаторов и показателей. Данное обстоятельство, и это отмечают многие исследователи, существенно затрудняет сравнение результатов различных исследований, выявления тенденций развития пространства.

Следует отметить, что разнообразие подходов касается не только процесса формирования информационной базы. Не менее разнообразен и широк спектр методов экономической статистики, используемых исследователями для оценки дифференциации регионального развития. Наряду с широким использованием средних значений показателей применяются такие методы статистического анализа, как расчет размаха, стандартного отклонения, коэффициента вариации, коэффициентов асимметрии и эксцесса.

Наиболее часто дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований оценивается с помощью коэффициента вариации, показывающего относительное изменение анализируемого признака и позволяющего производить сравнение признаков, измеряемых в различных единицах.

По-нашему мнению, формирование различными исследователями системы индикаторов и показателей происходит недостаточно обоснованно[1]. Как показал анализ литературы, чрезвычайно редко встречаются работы, где бы сформированная система индикаторов и показателей развития территорий оценивалась с позиций соответствия определенным требованиям. Между тем в научной литературе изложены требования как к системе показателей в целом, так и к каждому отдельному показателю.

Так, главным требованием к системе показателей в целом является полнота и относительная пропорциональность отражения различных сторон изучаемого объекта. В числе основных требований к наборам показателей, формирующим индикаторы, следующие: во-первых, каждый набор показателей должен отражать содержание изучаемого явления многосторонне, с разных точек зрения, с помощью разных способов измерения; во-вторых, для отражения каждой стороны явления желательно учитывать не один, а хотя бы два-три показателя; в-третьих, имеет смысл объединять в одном наборе, на базе которого будет строиться индикатор, показатели, большинство из которых сходным образом дифференцируют изучаемые объекты.

Определенные требования предъявляются и к каждому включаемому в проект информационной базы показателю. Во-первых, все проектируемые показатели должны быть практически доступными и в известной мере надежными. Во-вторых, вбираемые показатели должны как можно более непосредственно отражать изучаемое явление, так как косвенные показатели чаще всего бывают многозначными, могут интерпретироваться по-разному. В-третьих, важно, чтобы социально-экономический смысл каждого показателя для всех объектов был стабильным и однозначным. Наконец, желательно, чтобы используемые для построения типологии показатели относились если не прямо к изучаемому объекту, то хотя бы к объектам, границы которых к нему близки[2].

---

[1] Близких позиций придерживается ведущий специалист в области межрегиональных экономических измерений С.А. Суспицын. По его утверждению, «интереса исследователей к совершенствованию методик межрегиональных сопоставлений, обоснованию корректности методов оценки и достоверности результатов сравнений не наблюдается». См.: **Суспицын С.А.** Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2. – С. 97.

[2] **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – С. 49.

В заключение краткого обзора сложившихся в отечественной региональной экономике основных подходов к анализу и оценке неравномерности пространственного развития акцентируем внимание на одном из наиболее важных моментов исследования – интерпретации полученных результатов. В этих целях воспользуемся некоторыми базовыми понятиями теории регионального развития, изложенными в работах Б.Л. Лавровского и широко используемыми другими исследователями.

С точки зрения Б.Л. Лавровского, «существуют только три типа регионального развития, которые можно назвать: асимметричный, гармоничный и нейтральный. Асимметричным, или дисгармоничным, называется такой тип (характер) регионального развития за определенный период, при котором регионы, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы, имеющие относительное отставание, – его усугубляют; гармоничный (симметричный) – тип регионального развития, при котором разрыв региональных показателей значимо сокращается. Наконец, нейтральным называется тип развития, при котором соотношение региональных показателей в течение периода остается приблизительно неизменным.

Асимметричное развитие связывается с центростремительными тенденциями, взаимным удалением региональных показателей друг от друга, все большим межрегиональным различием (расслоением); гармоничное развитие соответствует взаимному сближению региональных показателей, большей региональной однородности. Тот или другой тип регионального развития не может быть априори объявлен позитивным или негативным. Скажем, результатом асимметричного развития может быть улучшение показателя во всех регионах. И, наоборот, сближение региональных показателей во времени может сопровождаться их тотальным ухудшением.

Численное значение порога, за которым межрегиональные пропорции, считавшиеся ранее допустимыми, выходят за пределы нормы, порождая тем самым чрезмерные контрасты, зависит от множества обстоятельств. Важно лишь иметь в виду, что такие пороги (уровни, границы, пределы) существуют. Тогда региональными диспропорциями будем называть явление, при котором разница в развитии регионов превышает некоторый (предельный, критический) уровень»[1].

Такова общая постановка вопроса, которую разделяет большинство исследователей. Однако проблема состоит в том, что до настоящего времени оптимальные (рациональные) пропорции в развитии территориальных систем наукой не определены. Как показал анализ литературы, исследователи обращают свое внимание главным образом на рост межрегиональных и внутрирегиональных различий. Этому имеется вполне логичное объяснение: глубокая дезинтеграция экономического пространства России является одним из факторов, тормозящих ее устойчивое развитие[2].

С другой стороны, степень различия между территориальными системами является механизмом, движущей силой развития пространства. Стагнация и упадок одних территорий, как отмечали теоретики региональной науки, является необходимой предпосылкой роста и процветания других территорий. Интерпретируя результаты исследования, об этом нельзя забывать.

---

[1] **Лавровский Б.Л.** Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. – 2003. – № 4. – С. 525.

[2] **Сидельников Н.В**. Оценка неравномерности развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1.– С. 23.

1.4 ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

В основу изучения центропериферийной структуры села региона (далее – региональной сельской периферии – РСП) положено предположение о том, что различные типы сельских территорий – в случае нашего исследования это ближняя, срединная и дальняя периферия – по-разному адаптировались к рынку и в настоящее время характеризуются различным набором и остротой социально-экономических проблем. Соответственно, названные выше типы сельских территорий требуют разработки либо по сути различных, либо, вероятнее всего, разно акцентированных программ повышения конкурентоспособности.

Анализ центропериферийной структуры сельской периферии подразумевает, на наш взгляд, ответ на два взаимосвязанных вопроса:

(1) какие именно сельские территории должны рассматриваться в качестве элементов сельской периферии и тем самым представлять собой объект наблюдения;

(2) каким образом можно выделить основные элементы территориальной структуры сельской периферии, характеризующиеся существенными центропериферийными различиями.

Остановимся на рассмотрении каждого из названных выше вопросов подробнее. Исходной предпосылкой работы является положение о том, что границы рассматриваемых сельских территории – элементов территориальной структуры – должны совпадать с границами административно-территориальных единиц. Несмотря на то что в определенном смысле это отход от реальной действительности, влекущий за собой «огрубление» результатов исследования, однако в противном случае теряется возможность использования имеющейся статистической информации для характеристики внутрирегиональных центропериферийных различий в развитии сельских территорий.

Вышесказанным не исчерпывается весь спектр ограничений работы. Так, существенным ограничением является тот момент, что в работе учитывается влияние на сельское окружение отдельно каждого из городов региона, в то время как в реальности ряд сельских территорий испытывает на себе одновременное влияние двух и более близлежащих городов. Аналогично, изучение пространственной структуры сельской периферии в рамках одного отдельно взятого региона не позволяет учесть влияние близлежащих городов соседних регионов.

Учитывая названные допущения, структура сельской периферии региона может быть представлена как совокупность взаимосвязанных между собой элементов:

- сельских районов;
- сельских поселений;
- локальных систем «город – сельское окружение».

Наибольшее распространение в регионоведческой литературе получили работы по изучению локальных систем расселения. Доминирующий подход к изучению системы «центр-периферия» в этом случае заключается в выделении одного города – центра (как правило, в качестве центра берется региональный центр) и его перифе-

рии («соседи» разного порядка, в зависимости от расстояния до города-центра)[1]. Однако этот подход не позволяет охватить всю сельскую местность региона.

В идеальном случае, на наш взгляд, для достижения поставленных в работе целей в качестве объекта наблюдения было бы использование сельских поселений. Однако непреодолимым препятствием на этом пути является ограниченность статистической информации. Последнее во многом объясняет наличие в региональной науке практически единичных работ, где в качестве объекта изучения выступала бы сельская местность как система поселений[2].

С учетом вышесказанного в качестве объекта наблюдения целесообразно выбрать сельский район. Такой подход широко используется в работах по региональной экономике, целью которых является оценка глубины социально-экономических различий в развитии территориальных систем разного уровня и детерминирующих ее механизмов[3].

Методический подход к выделению основных элементов региональной сельской периферии. Распределение сельских районов по оси «центр–периферия» представляет собой в методическом отношении наименее проработанную, но и вместе с тем наиболее значимую – с позиции получения достоверных научных результатов – процедуру.

Прежде всего отметим отсутствие в теоретических разработках общепринятого взгляда на ключевые характеристики (атрибуты) центра и периферии как основных элементов пространственной структуры. Наиболее часто в качестве основных характеристик центра исследователи[4] называют существенную роль (значимость) в развитии территориальной системы; высокий уровень и позитивную динамику социально-экономического развития; обладание решающим объемом распределяемых ресурсов[5].

---

[1] **Буфетова А.Н.** Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 55–68; **Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б.** Центропериферийные взаимодействия в регионах России – анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2010. – С. 644–663; **Нефедова Т.Г.** Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008 – № 5. – С. 14–31.

[2] **Мерзлов А.В.** Использование европейского опыта регионального маркетинга в целях устойчивого развития сельских территорий Ярославской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 5. – С. 24; **Петриков А.** Устойчивое развитие сельской местности в России и направления научных исследований // АПК: экономика, управление. – 2001. – № 12. – С. 13; **Устойчивое** развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. – М., 2005. – 229 с.

[3] **Меренкова И.Н.** Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 24. – С. 49–60; **Нефедова Т.Г.** Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–31; **Победин А.А.** Указ соч.; **Троцковский А.А., Троцковский А.Я.** Социально-территориальная структура агропромышленного региона и механизмы ее регулирования: монография. – Барнаул, 2008. – 211 с.

[4] Здесь имеются в виду такие исследователи, как Э.Б. Алаев, Л.Б. Вардомский, А.Н. Пилясов, Н.В. Зубаревич, С. Роккан, А.И. Трейвиш, Э. Иссерман и др.

[5] В качестве примера иного подхода укажем на исследование Р.М. Нижегородцева. По представлениям этого автора, в качестве характеристик, по которым совершается данное разделение, можно выбрать различные основания, как стоимостные, так и натуральные: объем производства или инвестиций, пропускную способность транспортных магистралей, интенсивность товародвижения (объем товаро-потоков на единицу площади территории), численность населения. Тем самым уровень экономического развития, концентрация экономической деятельности населения являются необходимым атрибутом «центральных мест». См.: **Нижегородцев Р.М.** Эволюция экономического пространства // Российская наука: мечта светла. Сборник научно-популярных статей / под ред. В.И. Конова. – М., 2006. – С. 371.

Соответственно, в эмпирических исследованиях до настоящего времени отсутствует однозначная идентификация центра (периферии) с тем или иным типом административно-территориальных образований.

Тем не менее ученые-регионалисты едины в одном: сельская местность как совокупность сельских территорий, отличительной особенностью которых является выраженная аграрная направленность хозяйства, не может претендовать на статус центра и однозначно относится к периферии как мировой системы, так и пространственной структуры отдельной страны и ее регионов.

Учитывая вышесказанное, в дальнейших своих рассуждениях мы будем исходить из представления о сельской местности как исключительно периферии регионального развития.

Методологической основой данной работы является положение, высказанное Дж. Фридманом и В. Алонсо о том, что периферия не является неким однородным полем. Она имеет следующую структуру: внутреннюю (ближнюю) область, тесно связанную с ядром, получающую от последнего импульсы к развитию; внешнюю (дальнюю), на которое ядро практически не оказывает серьезного влияния[1]. Однако, на наш взгляд, а также, по мнению многих других исследователей, выделение двух полярных групп в пространственном развитии территории не является достаточным. Так, например, А.Н. Пилясов наряду с ближней и дальней периферией выделяет автономную периферию. Влияние центра на нее очень слабое вследствие разобщенности по следующим причинам:

- отдаленности от центра из-за недостаточных коммуникационных и транспортных сетей (например вновь осваиваемая территория);
- отличий институциональных систем (анклав, свободные экономические зоны и другие сочетания экономических и неэкономических особенностей, например, «точечная анклавная провинция» и «этнические, конфессиональные изоляторы»)[2].

Р.М. Нижегородцев, характеризуя территориальную дифференциацию, отмечает, что «в результате достаточно длительного развития территориальной системы почти всегда обнаруживается отчетливое разделение территории по уровню развития на три неравнозначные части: центр – это важнейшая и наиболее развитая элементарная ячейка данной территории, бицентр – второй по значимости элемент (их может быть несколько) и так называемую периферию, включающую в себя все остальные элементы системы»[3].

Другой яркий пример изучения трехзвенной пространственной структуры связан с работами академика А.И. Татаркина. Наряду с центральными и периферийными регионами он выделяет так называемые срединные регионы, что позволило ученому создать теорию развития и роли срединных регионов[4].

---

[1] **Friedmann J., Alonso W.** Regional development as a policy issue // Regional development and planning. – Cambridge (Mass.), 1964. – P. 41.

[2] **Пилясов А.Н.** И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания: монография. – М., 2009. – С. 56.

[3] **Нижегородцев Р.М.** Указ. соч. – С. 373.

[4] **Татаркин А.И.** Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. – 2005. – № 4. – С. 21–39.

Об этом еще в 1976 г. писал И. Валлерстейн, утверждавший, что трехзвенная структура свойственна не только пространственной организации, а между любыми полярными категориями всегда есть промежуточное звено (полупериферия)[1], обеспечивающее стабильность, гибкость и эластичность системы.

С учетом вышесказанного, методикой анализа пространственного развития сельской местности региона, используемой в нашем исследовании, предлагается выделение следующих трех групп сельских территорий:

(1) ближней периферии;

(2) срединной сельской периферии;

(3) дальней (автономной) периферии.

Сельские районы, главным образом пригородные, расположенные в своей основной части в зоне влияния городов, входят в состав первой группы. Напротив, районы, расположенные вне зоны влияния центра, составляют дальнюю периферию, характеризующуюся автономным развитием. Наконец, районы, расположенные между районами ближней и дальней периферии, обозначены нами как срединные.

Следующим существенным моментом разрабатываемой методики является ответ на вопрос: какие именно города должны быть учтены в исследовании. Как правило, в региональных исследованиях рассматривается влияние крупных и крупнейших городов[2]. Вместе с тем для локальных систем населенных пунктов в качестве центра могут выступать малые города, а также поселки городского типа и крупные сельские населенные пункты. Бесспорно, что крупные села – центры районов – выполняют районоорганизующие функции, однако их роль в формировании внутрирегиональной пространственной структуры сельской местности существенно ниже по сравнению с городами[3].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что разработанная методика изучения пространственной структуры сельской местности региона подразумевает, с одной стороны, учет влияния на сельское окружение всех без исключения городов региона; с другой стороны, в методике должен найти отражение факт различной силы их влияния на сельское окружение (масштабов зоны влияния)[4].

Другими словами, выделенные ранее группы сельских районов (ближняя периферия, срединные районы и дальняя периферия) внутренне неоднородны. В них

---

[1] Понятие «полупериферия» впервые было введено Иммануилом Валлерстейном в середине XX века. Ученый считал, что полупериферия является промежуточным звеном между центром и периферией, сочетает черты и того, и другого, эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию и является своего рода стабилизирующим элементом в мировом разделении труда. Она имеет возможность присоединяться к центру. См.: **Wallerstein I.** A World-system perspective on the social sciences // British journal of sociology. – 1976. – Vol. 27. – № 3. – P. 347.

[2] Принято различать следующие классификации городов: города с населением до 50 тысяч жителей обычно относят к малым, от 50 до 100 тысяч – к средним, от 100 до 250 тысяч – к большим, от 250 тысяч до 1 миллиона – к крупным, свыше 1 миллиона – к крупнейшим (города-миллионеры). См.: **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики. – М., 2003. – С. 27.

[3] **Троцковский А.Я.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

[4] По имеющимся в географической литературе сведениям, зона влияния города определяется следующими радиусами: для города с населением более 1 млн человек – 70–80 км; от 250 тыс. до 1 млн человек – 50–60 км; 100–250 тыс. человек – 30–40 км; менее 100 тыс. человек – 20–25 км. См.: **Быстрова Н.П., Кранц Л.А.** Зона активного взаимодействия города и села // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город-село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР. – Саранск, 1981. – С. 150.

существуют районы, испытывающие мощное агломерационное влияние крупнейших городов, сильное влияние крупных и больших городов и слабое – средних и малых городов. Исходя из этого, методически правильно внутри группы районов ближней сельской периферии выделить отдельные территориальные структуры более мелкого масштаба. Подобную методику применим и по отношению к группе срединных сельских административных районов, выделив в них районы относительно приближенные либо удаленные от крупнейших, крупных и больших городов (табл. 1.1).

Такие города оказывают значимое влияние на развитие села. Они обладают высокоразвитой экономической базой, мощным социально-культурным потенциалом. В них располагаются предприятия по промышленному и производственному обслуживанию села, учреждения по управлению сельским хозяйством. Данные города являются центрами по подготовке специалистов для сельского хозяйства с высшим и средним образованием, по медицинскому обслуживанию, а также по культурно-бытовому обслуживанию сельских жителей.

В ближнюю периферию I порядка входят районы, испытывающие на себе наиболее сильное влияние города-центра. К ним относятся районы, входящие в состав агломераций, а также районы, центром которых является большой или крупный город. В России, имеющей низкую плотность населения, агломерационные процессы (расширение внешней зоны агломерации, строительство в ней жилья, значительные маятниковые трудовые миграции из пригородов) заметны в городах с населением свыше 0,5 млн человек, но наиболее активно наращивают сервисные функции и жилищное строительство региональные центры-миллионники. Более того, как отмечает Н.В. Зубаревич, порог в 500 тысяч жителей является своеобразной «границей социальной безопасности» города, начиная с которой резко падает уровень безработицы, расширяются возможности трудоустройства, активнее малый бизнес и т.п. Это обусловлено высокой диверсифицированностью экономики таких городов, более высокими доходами населения, высоким уровнем развития бизнеса, сферы услуг[1].

Таблица 1.1

Структура внутрирегионального пространства сельской периферии

Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Сельские территории, входящие в состав агломераций. Сельские территории, центром которых являются большие и крупные города	Сельские территории, расположенные в зоне активного влияния крупного либо большого города	Сельские т территории, центром которых является малый или средний город	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями I порядка	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями II порядка	Сельские территории, удаленные от городов региона

[1] **Зубаревич Н.В.** Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2003. – С. 111.

В группу районов ближней периферии II порядка входят районы, находящиеся в зоне активного влияния крупного либо большого города. Как отмечалось ранее, зона активного влияния крупного города составляет 50–60 км, а большого – 30–40 км. Специфика влияния города на сельские территории сходна с первой группой. Близость к городу позволяет использовать преимущества крупного или большого города.

Районы ближней периферии III порядка испытывают влияние среднего или малого города на свое социально-экономическое развитие. К данной группе сельских районов относятся те районы, центром которых является малый и средний город. Зона влияния таких городов, как правило, незначительна (20–25 км). Таким образом, вышеуказанные города оказывают влияние только на «свой» сельский район.

Срединные районы, как предусмотрено методикой, также разбиты на две подгруппы в зависимости от удаленности от крупнейших и крупных городов региона. Районы дальней периферии, согласно методике, представлены одной компактной группой, отличительной особенностью которой является удаленность от городов региона (см. табл. 1.1).

В целом, предложенный подход к изучению пространственной структуры сельской местности позволяет рассматривать выделенные типы сельских районов в качестве основных элементов территориальной структуры региональной сельской периферии, различающихся между собой местоположением в региональном пространстве.

Глава 2.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

2.1 ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Регулирование пространственного развития региона и, в частности, развития его экономики неразрывно связано с одной из базовых дефиниций регионалистики[1] – региональной политикой.

В проекте «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» последняя определялась как законодательно оформленная система правовых, организационных, институциональных и финансово-экономических мер, определяющих деятельность органов государственной власти, их территориальных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, объединений бизнеса и иных институтов гражданского общества, направленная на достижение целей и решение задач политического, экономического и социального развития регионов в соответствии с основными направлениями внутренней и внешней политики[2].

Для целей нашего исследования, – в силу универсальности и простоты, – представляется более удачным определение региональной политики, приведенной в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации». Согласно этому документу, региональная политика определяется как система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации[3].

В экономической литературе традиционно рассматриваются два уровня государственной региональной политики – федеральный и субфедеральный. Естественно, что названные уровни существенно различаются между собой, исходя из компетенций и полномочий субъектов регулирования (соответственно, федеральных и региональных органов власти), масштабом решаемых задач и привлекаемых в этих целях ресурсов, используемыми при этом методами и формами работы.

С нашей точки зрения, отдавая должное признанию различий между двумя уровнями региональной политики, следует, тем не менее, постоянно помнить об их тесной взаимозависимости и взаимообусловленности. Тесная связь между уровнями региональной экономической политики государства обусловлена, во-первых, тем, что

---

[1] Энциклопедический словарь определяет регионалистику как взаимосвязанную систему наук, отражающих влияние регионализации на все стороны жизни общества и представляющих единую дисциплину. См.: **Федерализм**: энциклопедический словарь. – М., 1997. – С. 199.

[2] Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (проект) [Электронный ресурс] // **Недвижимость** и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – № 2 (35). – URL: http://dpr.ru/journal/journal_33_4.htm (дата обращения: 26.06.2016 г.).

[3] **Об основных** положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23, ст. 2256.

развитие экономики региона, включая ее пространственные аспекты, детерминировано деятельностью одновременно двух субъектов – федеральных и региональных органов власти и управления. Во-вторых, региональная экономическая политика субъекта Федерации зачастую является зеркальным отражением политики федеральных властей, поскольку обе политики являют собой пространственный срез единой государственной социально-экономической политики. Наконец, в-третьих, структура региональной политики как на макро-, так и на мезоуровне идентична.

А.С. Маршалова и А.С. Новоселов пишут по этому поводу следующее: «В отличие от других разновидностей социально-экономической политики (структурной, инвестиционной, промышленной и пр.) региональная политика не имеет столь четких контуров и не столь целостна. Ее основную часть составляет прежде всего стратегия территориального развития, находящая свое проявление в территориальных разделах программ социально-экономического развития страны (региона) и адресных мерах поддержки федеральным (региональным) центром конкретных территорий. Наряду с этим основу региональной политики составляет латентная, но не менее значимая ее часть, под которой подразумеваются пространственные аспекты различных политик (социальной, инвестиционной, аграрной, промышленной) на федеральном и субфедеральном уровне, не имеющие определенной территориальной привязки, но оказывающие на развитие территориальных систем существенное влияние»[1].

Академик А.Г. Гранберг констатировал, что «в настоящее время большая часть мероприятий и затрачиваемых государственных средств, влияющих на региональное развитие, осуществляется вне рамок собственно региональной экономической политики»[2]. Известные регионалисты Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев прямо рассматривали региональную политику как совокупность региональных аспектов различных видов политик[3]. Речь в данном случае идет о проблеме «региональных последствий нерегиональных решений», являющейся, по общему признанию, одной из самых сложных в региональной теории и практике.

Сравнивая между собой два уровня региональной политики, вне внимания исследователей, на наш взгляд, остается один момент. Дело в том, что федеральная региональная политика по своей сути носит исключительно пространственный характер. На субфедеральном же уровне деятельность региональных властей направлена, во-первых, на развитие экономики региона в целом либо неких ее отраслевых аспектов, т.е. не носит четко выраженного пространственного характера; во-вторых, на пространственное развитие региона в части территориальной организации хозяйства и условий жизнедеятельности населения.

Если провести аналогию между федеральной социально-экономической политикой и социально-экономической политикой субъекта Федерации, то, по-видимому, в структуре последней целесообразно наряду с инновационной, социальной, инвестиционной и прочими видами политик выделить субфедеральную региональную

---

[1] **Маршалова А.С., Новоселов А.С.** Проблемы формирования региональной экономической политики субъекта Федерации // Проблемы регионального и муниципального управления: сборник научных трудов / под ред. А.С. Новосёлова. – Новосибирск, 2011. – С. 7.

[2] **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики: учебник для вузов – 2-е изд. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – С. 425.

[3] **Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.** Основы региональной политики. – М. : Изд-во Михайлова В.А., 1988. – С. 38; **Чертов Н.А.** Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона. – Новосибирск, 2003. – С. 16.

(далее – территориальную политику), «ответственную» за пространственные аспекты развития региона.

С учетом сказанного, в контексте нашего исследования под территориальной политикой субъекта Федерации будем понимать социально-экономическую политику региона, ориентированную на оптимизацию его пространственного развития путем нивелирования существующих территориальных диспропорций, повышения конкурентоспособности муниципальных образований посредством использования имеющихся у них преимуществ и, в конечном счете, обеспечивающую комплексное социально-экономическое развитие региона и его устойчивое развитие.

Общепризнанно, что федеральная региональная политика изучена существенно лучше, чем территориальная политика[1]. Причины этого кроются, прежде всего, в истории становления региональной политики. Ее теоретические основы были заложены в трудах отечественных и зарубежных регионалистов еще во второй половине XX века. На формирование советской школы регионалистики решающее влияние оказала система государственного управления, в которой Центр занимал доминирующие позиции в развитии и размещении производительных сил, экономическом районировании, регулировании межрегиональных взаимоотношений. Поскольку развитие территории было обусловлено в основном отраслевой политикой министерств и ведомств, а деятельность региональных органов власти строго координировалась и контролировалась Центром, изучение территориальной политики оказалось на «втором плане».

В настоящее время совершенствование территориальной политики является одним из приоритетных направлений региональных исследований. Однако, как отмечают А.С. Маршалова и А.С. Новоселов, «региональная политика на субфедеральном уровне только формируется, ее становление осуществляется в условиях слабой разработанности проблем управления пространственным развитием и методов интеграции муниципального уровня в общую систему управления субъектом Федерации»[2].

Оценивая в целом сложившуюся в рассматриваемой проблемной области знаний ситуацию, А.Н. Демьяненко, Н.А. Демьяненко и В.Н. Украинский отмечают, что «в настоящее время при впечатляющих темпах роста отечественных публикаций, посвященных пространственным аспектам экономической деятельности, сама сфера экономических исследований, идентифицируемая как пространственная экономика, отличается крайней аморфностью и фрагментированностью. Это в равной степени справедливо как в отношении ее внутренней структуры, так и внешних границ»[3].

Несмотря на значительное число научных работ по проблематике исследования, формирование концептуальных основ регулирования пространственного разви-

[1] Сошлемся, для примера, на следующую работу: **Коршунов А.** Пространственные трансформации и развитие экономики регионов России. – Барнаул, 2009. – 195 с. Перечисление же даже ключевых исследований в этом направлении заняло бы не одну страницу.

[2] **Маршалова А.С., Новоселов А.С.** Проблемы формирования региональной экономической политики субъекта Федерации // Проблемы регионального и муниципального управления: сборник научных трудов / под ред. А.С. Новосёлова. – Новосибирск, 2011. – С. 7.

[3] **Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н.** Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // Пространственная экономика. – 2012. – № 3. – С. 131; **Гранберг А.Г.** Пространственная экономика в системе наук. Новая экономическая ситуация [Электронный ресурс]. – URL: www.econorus.org/consp/files/gran.doc (дата обращения: 14.02.2016 г.).

тия экономики на мезоуровне[1] представляет сегодня достаточно сложную задачу. Ее решение затрудняется рядом обстоятельств – как со стороны науки, так и со стороны практики[2].

В науке, прежде всего, это проявляется в отсутствии общепринятых устоявшихся понятий, раскрывающих данную сферу общественных отношений. Даже поверхностный анализ имеющихся публикаций обнаруживает заметные расхождения в трактовке различными авторами основных дефиниций региональной экономики и политики. Это касается таких базовых понятий региональной экономики, как «регион», «территория», «район»[3].

При всех имеющихся различиях, большинство регионалистов трактует понятие «регион» как определенную таксономическую единицу, обладающую общностью условий жизни населения и связанную с административно-территориальным делением страны.

Близкое к этому понимание заложено в определении понятия «регион», используемого в официальных документах. «Регион – часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий. Регион может совпадать с границами территории субъектов Российской Федерации или объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации»[4].

Терминологическую путаницу в региональные исследования вносит и различная трактовка понятий «территориальное и региональное управление». Так, авторы словаря-справочника «Территориальное управление экономикой» считают, что «под территориальным управлением понимается управление, определенное политическим и административным делением страны. В данном контексте территориальное управление имеет место на федеральном уровне государства, на уровне субъектов РФ, на уровне муниципальных образований (городов, районов, поселков, сел и других образований)». При этом, на их взгляд, «региональное управление» – это «управление, осуществляемое в любом регионе и на любой территории вообще, то есть управление, не связанное напрямую с существующим политическим и административно-территориальным делением страны. Таким образом, региональное управление –

---

[1] Регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне (далее – пространственного развития экономики региона) в самом общем виде представляет собой деятельность региональных органов власти по пространственной организации и устройству территории, осуществляемую посредством воздействия на экономику входящих в состав региона муниципальных образований. Регулирование пространственного развития экономики региона является ключевым элементом территориальной политики субъекта Федерации. Регулирование региональными органами власти экономики муниципальных образований во многом предопределяет территориальный облик региона, пространственную конфигурацию его развития.

[2] С нашей точки зрения, отмеченные ранее в настоящей работе «размытость» и «собирательный» характер региональной политики являются одним из основных «камней преткновения» на пути ее изучения и выработки мер практической реализации.

[3] См., например, **Алаев Э.Б.** Экономико-географическая терминология. – М. : Мысль, 1977. – С. 46, 48, 50; **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики: учебник для вузов – 2-е изд. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – С. 15; **Лексин В.Н., Швецов А.Н.** Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – 3-е изд. (стер.). – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 24–25; **Сигов А.И.** Региональная экономика (понятийный аппарат). – СПб. : ИРЭ РАН, 2000. – С. 41.

[4] Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23, ст. 2256.

это более абстрактное и общее понятие, нежели территориальное управление»[1].

Новосибирские же ученые-регионалисты исходят из того, что территория и регион соотносятся как целое и его часть. По их мнению, «понятие «территориальное управление» следует употреблять в тех случаях, когда речь идет о пространственном размещении производительных сил и территориальных пропорциях социально-экономического развития всей страны. Территориальное управление является прерогативой федерального правительства и призвано обеспечить реализацию социально-экономической стратегии общественного воспроизводства с учетом особенностей, порождаемых территориальным аспектом. Если территориальное управление означает регулирование процессов общественного воспроизводства в целях повышения его эффективности за счет совершенствования территориального разделения труда и межрайонных связей, то региональное управление имеет дело с воспроизводственными процессами, локализованными на конкретной территории»[2].

Учитывая сказанное, мы не будем останавливаться подробно на анализе терминологического разнообразия ключевых понятий, используемых в региональной экономике. Условимся в рамках данного исследования использовать термины «регион» и «субъект Федерации» как синонимы. Аналогично, понятие «региональное управление» отождествлять с «территориальным управлением»[3]. Соответственно, рассматривать в качестве синонимов понятия «территориальная политика субъекта Федерации» и «субфедеральная региональная политика».

При этом мы опираемся на высказывания крупных специалистов в области регионалистики – Б.М. Штульберга и В.Г. Введенского. По их мнению, «наряду с государственной федеральной региональной политикой субъекты Федерации разрабатывают и реализуют свою территориальную политику, направленную на мобилизацию ресурсов и обеспечение необходимых условий жизни населения всех городов и районов, расположенных на территории республики, края, области. Цель такой политики – найти компромисс между интересами региона и муниципалитета»[4].

Завершая краткий обзор основных понятий нашего исследования, условимся, под территориальным (пространственным) развитием понимать изменения экономического[5] и социального пространства региона, происходящие в результате смещения

---

[1] **Территориальное** управление экономикой: словарь-справочник. – 2-е изд., доп. и перераб. / гл. ред. В.П. Колесов, В.М. Шупыро. – М. : ТЕИС, 2001. – С. 532–533.

[2] **Регион**: проблемы планирования и управления. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – С. 13.

[3] Заметим, что такой подход является довольно распространенным в региональной экономике. Употребление в нашем исследовании термина «территориальный» подчеркивает значение собственно территории в пространственном строительстве. См. об этом подробнее: **Лаженцев В.Н.** Научно-методологические проблемы государственного регулирования территориального развития // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 1. – С. 48.

[4] **Штульберг Б.М., Введенский В.Г.** Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. – М. : Гелиос АРВ, 2000. – С. 23.

[5] Эта категория является важной частью понятийного аппарата региональной экономики. Экономическое пространство представляет собой насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними. Каждый регион имеет свое внутреннее экономическое пространство и связи с внешним пространством. В экономическом пространстве фиксируется большое разнообразие форм организации хозяйства и расселения, которые следует учитывать при научном обосновании региональной политики: промышленные и транспортные узлы; территориально-производственные комплексы; различные типы городов (монофункциональные, многофункциональные и др.) и городских систем (агломерации, мегаполисы); а также разнообразные типы сельских поселений. В контексте настоящего исследования представляет интерес анализ предложенных А.Г. Гранбергом следующих характеристик экономического пространства: плотность (численность населения, объем валового регионального продукта,

центров притяжения населения и пространственного перераспределения ресурсов. Следовательно, пространственное развитие экономики региона – ключевой элемент территориального развития, заключающийся в формировании и качественном преобразовании пространственной проекции региональной хозяйственной системы (пространственной структуры экономики).

В экономической литературе, можно сказать, стало традицией различать два понятия: рост и развитие. Хотя экономический рост является, как правило, решающим условием территориального развития, тем не менее, как отмечают В.Н. Лексин и А.Н. Швецов, рост производства в отдельных регионах, реализуемый без учета требований устойчивости и сбалансированности развития территорий, часто сопровождается деградацией основных компонентов региональных систем, и, более того, инициирует эту деградацию[1]. Однако в рамках региональных теорий и тем более при практической реализации мер региональной политики речь идет преимущественно об экономическом росте, а не о развитии, так как рост в отличие от развития поддается количественной оценке[2].

Однако сложности анализа регулирования пространственного развития экономики региона не ограничиваются терминологической неопределенностью понятий. Немаловажное значение имеет отсутствие в науке системного представления о факторах, предопределяющих ход экономических процессов в регионе, о влиянии решений федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления на развитие экономики конкретных муниципальных образований. Более того, наука не располагает сегодня достоверной информацией о реальных экономических процессах, раскрывающих территориальное распределение и перераспределение ресурсов, включая бюджетные средства. Так, оценивая политику в области регионального развития, видный специалист в этой области А.Н. Швецов признает: «…Мы должны признаться, что не владеем объективной информацией. Мы не знаем, как идут потоки на территориях, регионы не знают, сколько точно приходит денег на конкретные программы, а каналов поступления такого рода денег великое множество. Федеральные власти тоже не знают, сколько на конкретную территорию приходит денег в конечном итоге. Поэтому здесь, мне кажется, давно назрела пора поставить вопрос о введении территориального разреза федерального бюджета и, соответственно, региональных бюджетов»[3].

С позиций дальневосточных ученых-регионалистов причины коренятся в отсутствии общепризнанных теоретико-методологических оснований пространственного развития. «Можно сказать, – пишут по этому поводу П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко, – что результатом интенсивного развития региональных разработок (в основном прикладного характера) в течение последнего десятилетия стало то, что доказывать необходимость выявления и учета пространственного фактора в экономике России более нет

природные ресурсы, основной капитал на единицу площади); размещение (показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности); связность (интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, а также условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием коммуникационных систем).

[1] **Лексин В.Н., Швецов А.Н.** Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – 3-е изд. (стер.). – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 29.

[2] **Кузнецова О.** Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 52.

[3] Обсуждение экспертами состояния современной российской экономики происходило в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования в рамках разработки проекта «Государственная экономическая политика». См.: **Российская** модернизация. Экономические беседы / Центр проблем. анализа и гос.-упр. проектирования ; под ред. С.С. Сулакшина. – М., 2007. – С. 270.

нужды. Но единообразного и непротиворечивого представления о том, каковы теоретико-методологические основания исследования пространственного фактора в экономике, пока не выработано»[1]. Они же связывают определенные ожидания по ликвидации «белых пятен» в регионоведческой науке со становлением пространственной экономики как междисциплинарной дисциплины[2].

2.2 ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Согласно исходным предпосылкам нашего исследования, территориальная политика субъектов Федерации, основу которой составляет регулирование пространственного развития экономики на региональном уровне, является составной частью, образно говоря, «нижним ярусом» региональной политики страны. Поэтому прежде всего рассмотрим концептуальные положения региональной политики.

Наиболее полное определение региональной политики, с нашей точки зрения, дали в своей монографии А.Л. Гапоненко и В.Г. Полянский. По их представлению цель региональной политики в самом общем виде можно сформулировать как гармонизацию пространственного развития страны путем устранения сложившихся территориальных диспропорций и развития регионов с использованием имеющихся у них преимуществ (природно-климатических, транспортных и пр.)[3].

Б.М. Штульберг и В.Г. Введенский делают акцент на достижении комплексного социально-экономического развития региона[4]. В центре региональной политики, с позиции этих авторов, находится решение проблем государственного и межрегионального характера. Подобной точки зрения придерживаются В.Н. Лексин и А.Н. Швецов. По их мнению, системное регулирование территориального развития – это «сознательно организуемая совокупность идеологических, политических, правовых и административных воздействий на условия, приоритеты и ограничения трансформации отдельных элементов территориальных образований и (или) взаимосвязей между ними с целью разрешения территориально-хозяйственных и иных противоречий и обеспечение на этой основе воспроизводства территориального потенциала как системы»[5].

По-нашему мнению, приведенные определения региональной политики можно применить и по отношению к территориальной политике субъекта Российской Федерации. В дальнейшем условимся понимать под территориальной политикой субъекта Российской Федерации социально-экономическую политику региона, ориентированную на оптимизацию его пространственного развития путем нивелирования существующих территориальных диспропорций, повышение конкурентоспособности муниципальных образований посредством использования имеющихся у них преимуществ и, в конечном счете, обеспечивающую комплексное социально-экономическое развитие региона и его устойчивое развитие.

---

[1] **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 9.

[2] **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // Пространственная экономика. – 2011. – № 4. – С. 124–134.

[3] **Гапоненко А.Л., Полянский В.Г.** Развитие региона: цели, закономерности, методы управления. – М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1999. – С. 23.

[4] **Штульберг Б.М., Введенский В.Г.** Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. – М. : Гелиос АРВ, 2000. – С 47.

[5] **Лексин В.Н., Швецов А.Н.** Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – 3-е изд. (стер.). – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 26.

Как региональная политика страны, так и территориальная политика субъекта Российской Федерации ориентированы на достижение двух групп взаимосвязанных целей – экономических и социальных. В соответствии с целями можно выделить две группы задач. *Первая группа* – экономические задачи, состоящие в формировании конкурентоспособной региональной экономики[1]. В числе основных задач экономической направленности, определенных проектом Концепции совершенствования региональной политики Российской Федерации:

- поддержка и укрепление экономического лидерства адаптированных к рынку модернизирующихся муниципальных образований, в том числе за счет развития рыночной и производственной инфраструктур;
- содействие эффективной специализации муниципальных экономик с учетом имеющихся у них конкурентных преимуществ;
- формирование эффективных (с точки зрения повышения конкурентоспособности) межмуниципальных связей.

Нельзя не отметить, что в процессе реализации региональной политики особую роль играет степень инновационности выстраиваемой экономики[2]. С целью повышения уровня инновационности рекомендуется:

- развивать научно-технический и образовательный потенциал крупнейших и крупных городов региона;
- развивать крупные транспортно-логистические и производственные узлы;
- создавать сети территориально-производственных кластеров, направленных на развитие высокотехнологичного производства и глубокую переработку сырья;
- использовать механизм создания особых экономических зон[3].

Вторая группа задач территориальной политики региона – социальные, которые в проекте Концепции сформулированы как:

- поддержка необходимых территориальных пропорций в развитии его экономики, недопущение чрезмерной дифференциации территориальных образований по уровню экономического развития;
- опережающее развитие наиболее перспективных, но развивающихся недостаточными темпами муниципальных образований; повышение за счет этого сбалансированности пространственного регионального развития;

---

[1] Заметим, что анализ конкурентоспособности регионов, формирование их конкурентных преимуществ в последние годы привлекает внимание значительного числа исследователей. См. к примеру, **Татаркин А.И.** Формирование конкурентных преимуществ региона // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 198.

[2] Сегодня трудно уже представить работу, посвященную развитию экономики региона, без упоминания ее инновационного характера. См., например, **Верещагина В.Н., Гриценко Г.М.** Проблемы стратегического управления инновационным развитием регионального АПК (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2009. – № 12. – С. 116–120; **Кожевина О.В.** Повышение конкурентоспособности региона на основе реализации модели инновационного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 14–20 и др.; **Папело В.Н., Иткулов С.Г., Иващенко Г.В.** Инновационная политика и управление научно-техническим прогрессом в АПК Сибирского федерального округа // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири. – Новосибирск, 2009. – С. 117–144; **Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Пимонов А.Г**. Конкурентные преимущества и инновационность экономики регионов // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 33–49;

[3] Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (проект) [Электронный ресурс] // **Недвижимость** и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – № 2(35). – URL: http://dpr.ru/journal/journal_33_4.htm (дата обращения: 26.06.2016 г.).

- поддержка в максимально возможной мере экономики депрессивных муниципальных образований, в том числе за счет использования форм прямой поддержки;
- выявление или формирование в большинстве муниципальных образований точек (полюсов) экономического роста;
- формирование эффективных, – с позиций выравнивания уровня развития экономики различных муниципальных образований, – межмуниципальных связей, пространственная интеграция сильных и слабых в экономическом отношении муниципальных образований[1].

Достижение социальных целей[2], формирование равноценных условий жизни населения вне зависимости от места проживания обусловливает рассмотрение в качестве приоритетных так называемых проблемных территорий (сельских поселений с численностью до 100 человек, поселений с отсутствием общественного производства, монофункциональных городов и т.п.).

Соотношение между экономическими и социальными целями территориальной политики региона не настолько однозначно, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, обеспечение конкурентоспособности экономики региона является необходимым и обязательным условием формирования достойного уровня жизни населения территориального образования. С другой стороны, концентрация ресурсов на решении экономических задач затрудняет функционирование социальной сферы региона. Зачастую необходимым условием получения значимых экономических результатов является усиление социальной неоднородности, в том числе и в территориальном разрезе[3].

Именно поэтому при разработке в середине 1990-х годов концепции региональной экономической политики Министерство экономики сделало ставку на стимулирование развития лидирующих регионов. Эта идея была использована Министерством регионального развития спустя 10 лет при разработке Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Идеология формирования полюсов регионального развития, как отмечалось ранее, положена и в основу разработанного в 2008 г. Министерством экономического развития Российской Федерации проекта Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. По представлению авторов Концепции, реализация инновационно- и социально-ориентированного сценария регионального развития должна опираться на зоны опережающего экономического роста. Естественно, опережающее развитие отдельных территориальных образований повлечет за собой усиление расслоения последних по уровню социально-экономического развития. Это, по мнению авторов, – неизбежная плата за экономический прорыв, которая должна быть «уравновешена» компенсационными механизмами по отношению к экономике слаборазвитых регионов (муниципальных образований)[4].

---

[1] Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (проект) [Электронный ресурс] // **Недвижимость** и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – № 2 (35). – URL: http://dpr.ru/journal/journal_33_4.htm (дата обращения: 26.06.2016 г.).

[2] Одним из наиболее глубоких и комплексных материалов в этом направлении см. работу: **Малеева Т.М., Овчарова Л.Н.** Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO. – 2009. – № 10. – С. 11–31.

[3] **Троцковский А.Я., Щетинин М.П.** Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2/2. – С. 299.

[4] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В территориальной политике субъекта Федерации как составной части региональной политики страны имманентно присущее противоречие между экономическими и социальными целями развития территориальных систем разрешается путем постоянного, – в зависимости от этапа развития экономики региона, – изменения приоритетов территориальной политики.

Как показывает опыт, накопленный в развитых странах в области регионального развития, в период кризиса и необходимости накопления ресурсов приоритет отдается достижению экономических целей; в периоды стабильного развития экономики на первый план выходит достижение социальных целей.

Однако даже в периоды депрессии и выхода экономики из кризиса протекционистская политика в отношении проблемных территорий – это касается прежде всего достижения социальных целей, должна, на наш взгляд, иметь место и «работать» на сохранение территориальной целостности региона.

Региональная политика страны, как и территориальная политика региона, в целом по своей сути социальны. Профессор С.С. Артоболевский писал по этому поводу: «Целенаправленная деятельность государства, ориентированная на снижение пространственных социально-экономических диспропорций, становится важнейшей составляющей региональной политики, когда они (диспропорции) достигают чрезмерного уровня, препятствующего нормальному функционированию страны, представляют угрозу ее единству, ведут к росту регионального антагонизма и их опасность осознается населением и политиками»[1]. Таким образом, конечную цель территориальной политики нужно определить как обеспечение благосостояния и достойного уровня жизни населения, гарантированный доступ жителей различных территориальных образований к бюджетным услугам, безусловная реализация конституционных прав граждан.

Экономические же цели, такие как устранение территориальных диспропорций, формирование конкурентоспособной региональной экономики, достижение комплексного социально-экономического развития региона, – должны носить по отношению к сформулированной выше конечной цели территориальной политики подчиненный характер.

Достижение как экономических, так и социальных целей в процессе регулирования пространственного развития экономики региона основывается на ряде принципов[2]. Важнейший из них – безусловный приоритет общерегиональных целей развития перед муниципальными, обеспечивающий эффективное развитие регионального рынка и преодоление в определенной мере внутрирегиональной асимметрии.

Второй принцип – принцип многополярного развития региона, допускающий формирование пространства развития для муниципальных образований, различных по своей специализации, а также максимально эффективное использование всех имеющихся преимуществ территориального многообразия условий экономической деятельности населения. Реализация этого принципа предполагает стимулирование

[1] **Артоболевский С.С.** Региональная политика, направленная на снижение пространственных экономических и социальных диспропорций в РФ (концепция) / Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 25.

[2] Принципов территориальной политики, упоминаемых в научной литературе, существенно больше. В работе сделан акцент, с нашей точки зрения, на основополагающих принципах, определяющих «лицо» территориальной политики.

экономического развития территориальных социально-экономических систем путем создания новых центров роста.

Третий принцип – «компенсационный», предполагающий использование в отношении депрессивных территорий «установление комплекса особых мер развития – субсидий, направленных не только на выравнивание бюджетной обеспеченности, но и на поддержку региональных проектов развития, проектов, финансируемых за счет средств Инвестиционного фонда, особых экономических зон»[1].

С учетом охарактеризованных выше целей и принципов территориальной политики можно обозначить ее основные направления, в числе которых:

- развитие нормативно-правовой базы формирования экономического пространства региона;
- совершенствование территориальной организации хозяйства региона;
- поддержка экономики и развитие инфраструктуры конкретных муниципальных образований, стимулирование их инвестиционной активности;
- модернизация административно-территориальной структуры и системы территориального управления.

2.3 ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МЕХАНИЗМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

В основе данного исследования, как отмечалось ранее, лежат две значимых исходных предпосылки. Первая касается сущности пространственного развития экономики региона. Мы предполагаем, что по своей сути пространственное развитие экономики региона есть развитие совокупности взаимосвязанных экономик входящих в его состав муниципальных образований.

Вторая предпосылка заключается в представлении, что пространственное развитие экономики региона регулируется региональными органами власти посредством участия в хозяйственном обороте и регламентации определенного круга региональных экономических отношений, в том числе имеющих четко выраженную территориальную составляющую.

Региональные экономические отношения представляют собой совокупность общественных отношений, возникающих между субъектами региональной экономики по поводу производства, обмена и потребления товаров, работ и услуг на уровне региона.

Можно утверждать, что региональные экономические отношения обладают рядом специфических особенностей.

Во-первых, их ограниченный пространственный характер, т.е. проявляются они в основном в границах региональных социально-экономических систем[2]. Во-вторых, охват только экономической области общественной жизни, касающейся производства, распределения и перераспределения товаров и услуг.

---

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Теоретические основы такого подхода были разработаны д.э.н. Р.И. Шнипером. В своих работах он рассматривал процессы формирования социально-экономической среды региона как процессы функционирования системы локальных воспроизводственных циклов. См.: **Шнипер Р.И.** Регион: диагностика и прогнозирование. – Новосибирск, 1996. – 136 с.

Тем не менее региональные экономические отношения охватывают безграничную совокупность отношений, проанализировать которые в рамках одной работы не представляется возможным[1]. В связи с этим, с учетом поставленной цели, в нашем исследовании введены ограничения.

Первое ограничение связано с субъектами региональных экономических отношений, а именно, органами государственной власти и местного самоуправления, а также физическими и юридическими лицами.

В зависимости от состава субъектов в литературе юридической направленности выделяют две группы хозяйственных отношений – *горизонтальные* (предприниматель-предприниматель) и *вертикальные* (предприниматель – орган управления)[2].

Для достижения цели исследования необходимо сделать детальный анализ вертикальных хозяйственных отношений, типичным признаком которых является обязательное участие государственного уполномоченного органа, олицетворяющего конкретную территорию. В случае нашего исследования – это законодательный (представительный) и исполнительный органы власти субъекта Российской Федерации.

При этом региональные органы власти могут быть задействованы в разнообразных хозяйственных связях как в качестве организатора экономической деятельности, реализующего властные полномочия и контрольные функции, так и в роли равного партнера в хозяйственном обороте.

С точки зрения методологии, в процессе анализа пространственного регулирования экономики региона принципиально изучить приоритеты рассмотрения экономических отношений. В научной литературе экономические отношения, в зависимости от субъектов, входящих в их состав, делятся на *надрегиональные, межрегиональные* и *внутрирегиональные.*

Надрегиональные хозяйственные связи возникают между Российской Федерацией и ее субъектами в лице их органов по поводу организации хозяйственной деятельности или распоряжения имуществом, принадлежащим им на праве собственности. Межрегиональными признаются отношения между субъектами Российской Федерации, прежде всего, по поводу координации своей экономической деятельности. Внутрирегиональные отношения складываются между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также расположенными в регионе хозяйствующими субъектами по поводу организации и осуществления экономической деятельности на конкретной территории[3]. Сказанное проиллюстрировано на рисунке 2.1. Можно утверждать, что на настоящий момент времени механизм реализации хозяйственной компетенции субъекта Российской Федерации в целом сформировался. Так, в процессе решения экономических проблем, относящихся к компетенции Российской Федерации (надрегиональные экономические отношения), субъект Российской Федерации имеет право выступить с законодательной инициативой. Постановления и распоряжения

[1] Более того, по мнению дальневосточных ученых, занимающихся вопросами эволюции региональной экономики в «пространственную экономику» или даже «пространственную науку» в пространственный аспект многоразмерных экономических систем в современных условиях не может быть адекватно описан существующими подходами в рамках региональной экономики. См. об этом: **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 30.

[2] **Толстошеев В.В.** Региональное экономическое право России: учебно-практическое пособие. – М. : Бек, 1999. – С. 27.

[3] Там же. – С. 30.

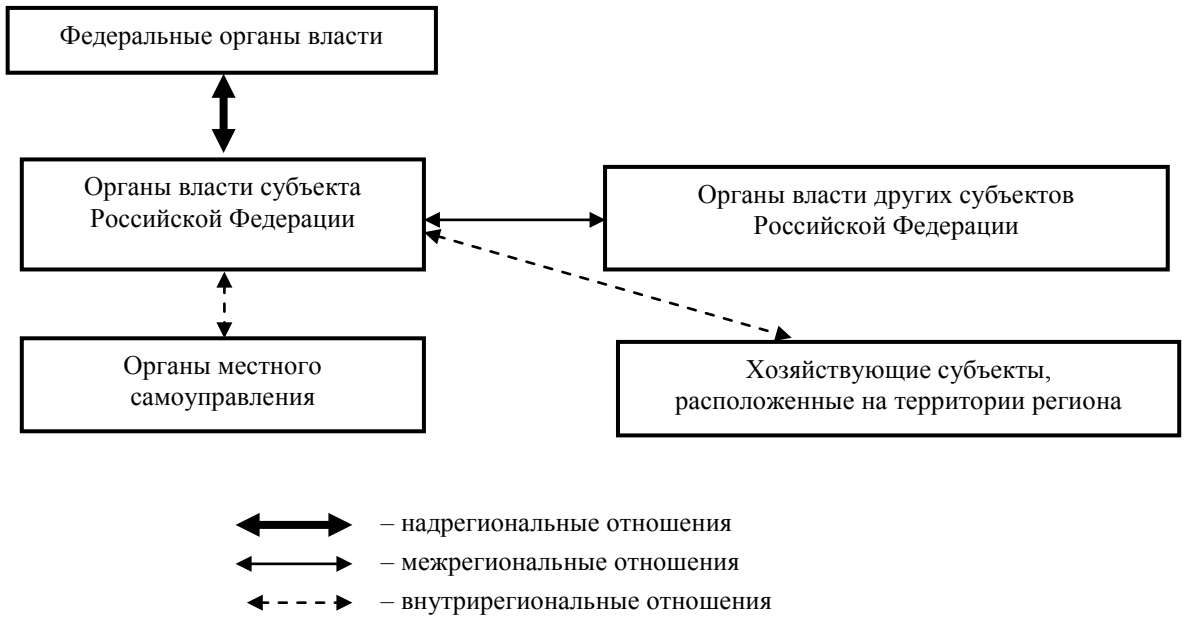


Рис. 2.1. Субъективный состав региональных экономических отношений

Федерального Правительства по вопросам совместного ведения[1] подлежат безоговорочному направлению органам исполнительной власти субъектов Федерации и т.п.

В современных условиях работы достаточно масштабно распространены межрегиональные экономические отношения как результат создания межрегиональных ассоциаций экономического сотрудничества. Следует отметить, что межрегиональное сотрудничество осуществляется субъектами Федерации как на двухсторонней, так и на многосторонней основах.

Что касается *внутрирегиональных* экономических отношений, то они, как правило, формируются в процессе взаимодействия региональных органов государственной власти с органами местного самоуправления представляющими интересы конкретной территории. Характер подобных отношений, в основном, обуславливается реформой местного самоуправления. Среди ключевых направлений взаимодействия региональных властей и органов местного самоуправления в экономической сфере, определенных федеральным законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»[2]:

[1] Статья 72 **Конституции** Российской Федерации в качестве вопросов, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, относит:

– вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;

– разграничение государственной собственности;

– установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации;

– координацию международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации, выполнение международных договоров России.

[2] **О государственном** прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 21 июля.

- разграничение объектов собственности;
- делегирование определенных властных государственных полномочий;
- поддержка социально-экономического развития конкретных территориальных образований;
- совместная реализация региональных программ экономической направленности и т.д.

Внутрирегиональные экономические отношения формируются в процессе взаимодействия органов власти субъектов Российской Федерации с расположенными на территории региона хозяйствующими субъектами (индивидуальными предпринимателями, российскими и иностранными коммерческими предприятиями, совместными предприятиями; некоммерческими организациями).

По мнению П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко, «именно экономические агенты становятся главными субъектами, определяющими не только пространственное распределение факторов производства, но и характер, масштаб, динамику развития социально-экономических комплексов регионов»[1].

Вышеупомянутые взаимодействия возникают по поводу территориальной легитимации хозяйствующих субъектов, активизации их участия в мероприятиях по удовлетворению ряда региональных потребностей, контроля за выполнением требований к адекватному ведению экономической деятельности на территории региона.

С учетом целей и задач нашей работы, разумно рассмотреть все виды региональных экономических отношений. Однако мы считаем, что при этом несомненный приоритет принадлежит изучению внутрирегиональных хозяйственных связей.

Второе существенное ограничение касается пространственных аспектов региональных экономических отношений. По нашему мнению, регулирование многообразных хозяйственных связей в разной мере влияет на пространственное развитие региона. Например, регулирование цен в регионе, сертификации качества и безопасности продукции оказывает примерно однотипное влияние, а вот разработка инвестиционной программы региона воздействует дифференцированно на экономику различных территориальных образований. Для нашего исследования особый интерес представляют региональные экономические отношения, имеющие четко направленный характер по отношению к конкретной территории.

В научной литературе предлагается провести следующую группировку региональных экономических отношений:

1) со значительно выраженными пространственными аспектами (формирование экономических зон и территорий с особым статусом; прогнозирование и программирование социально-экономического развития территориальных образований; разработка территориальных основ инвестиционной программы и т.п.);

2) с умеренно выраженными пространственными аспектами (региональная поддержка предпринимательства; формирование системы бюджетных закупок[2]; регулирование локальных естественных монополий и т.п.);

---

[1] **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 28.

[2] **Батейкин Д.В.** Механизм усиления роли локальных рынков государственных и муниципальных заказов: монография. – Барнаул, 2008. – 170 с.

3) с незначительно выраженными пространственными аспектами (экономическая легитимация хозяйствующих субъектов и экономической деятельности; налоговое и ценовое регулирование и т.п.)[1].

Заметим, что приведенная выше группировка экономических отношений носит достаточно условный характер. Так, например, реализация региональной системы бюджетных закупок в рамках формирования единой системы региональных, муниципальных и, частично, федеральных закупок влечет за собой увеличение влияния названных экономических отношений на пространственное развитие региона. Значительно выраженные пространственные аспекты могут иметь место при тарифном регулировании локальных естественных монополий.

Беря во внимание цель исследования, – регулирование пространственного развития экономики региона, – мы заостряем свое внимание на регулировании направлений и видов хозяйственной деятельности, имеющих наиболее значительное влияние на пространственное развитие региона, а значит, и на экономику в него входящих муниципальных образований.

Третье серьезное ограничение затрагивает сферу межбюджетных отношений. Основывая на зарубежном опыте регионального планирования, согласно которому межбюджетные отношения[2] не являются инструментом региональной пространственной политики, направленной на развитие экономики региона и его территориальных образований, мы исключили данный вид отношений из нашего анализа. Согласно сложившейся практике регионального планирования, за рубежом в процессе реализации государственного регулирования территориального развития поддержка регионов четко делится на текущую и инвестиционную, а также существует граница между межбюджетными отношениями и региональной политикой.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что межбюджетные отношения оказывают на экономическое развитие регионов только косвенное воздействие, и, соответственно, не рассматриваются как часть региональной политики. Регионы и/или муниципальные образования за счет финансовой помощи получают больше возможностей для предоставления большего объема социальных услуг, а не для стимулирования экономического развития. Региональной же экономической политикой обычно считают инвестиционную поддержку регионов, то есть меры, непосредственно воздействующие на развитие регионов[3].

Поскольку регулирование пространственного развития экономики региона представляет собой крайне широкую и многоаспектную проблему, в исследовании предусмотрен еще ряд ограничений.

---

[1] Группировка экономических отношений в части пространственного развития экономики региона была впервые предложена **А.Я. Троцковским и М.П. Щетининым.** Предполагалось, что она будет положена в основу эмпирического анализа в настоящем исследовании. Однако в дальнейшем по ходу работы в методологию исследования были внесены коррективы, позволяющие в гораздо большей степени, чем предполагалось изначально, учесть экономические отношения с умеренно выраженными пространственными аспектами.

[2] Здесь имеется в виду весь спектр бюджетно-налоговых отношений, в том числе распределение и перераспределение налоговой базы между регионами, межбюджетные трансферты из средств регионального бюджета и др.

[3] Подробнее данный вопрос рассмотрен в докладе рабочей группы Госсовета Российской Федерации по вопросам комплексного социально-экономического планирования развития регионов. См.: **Доклад** «О механизме взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ социально-экономического развития регионов» // Стратегия и конкурентоспособность. – 2006. – № 7. – С. 51–63.

Так, за рамками настоящего исследования остался ряд важных направлений совершенствования территориальной политики. В их числе:

♦ организация согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления по созданию благоприятных условий для развития экономики региона за счет повышения качества и доступности бюджетных услуг;

♦ разграничение полномочий, оказывающих существенное влияние на экономику региона, между различными уровнями власти в соответствии с законодательно установленными принципами. Прежде всего это касается деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и др.

С учетом вышесказанного, механизм регулирования территориального развития экономики региона в настоящем исследовании рассматривается как совокупность организационно-экономических форм, методов и инструментов, используемых региональными органами власти в процессе взаимодействия в рамках их компетенции с другими субъектами экономических отношений (органами федеральной власти, местного самоуправления, хозяйствующими субъектами), ориентированных на пространственные аспекты социально-экономического развития региона и удовлетворение как в региональном масштабе, так и на уровне муниципальных образований общественных, корпоративных и индивидуальных потребностей в материальных благах и услугах.

Таким образом, в самом общем виде механизм регулирования территориального развития региона может быть раскрыт через анализ способов (методов и форм) регулирования региональных экономических отношений, с помощью которых региональные органы власти достигают целей, заявленных в Стратегии развития региона и его муниципальных образований.

Одним из наиболее распространенных подходов в регионалистике является классификация методов воздействия на экономику региона – на *прямые* и *косвенные*. Так, А.С. Маршалова и А.С. Новоселов на основании анализа работ ученых-регионалистов предлагают обобщенную классификацию методов управления региональной экономикой:

- по характеру воздействия на рыночные процессы – прямые и косвенные;
- по широте воздействия – общеэкономические и селективные;
- по каналам воздействия – экономические и административные;
- по политике действия и формам реализации – налоговые, бюджетные, ценовые, антимонопольные, внешнеэкономические, институциональные и др.[1]

Прямые методы, прежде всего, имеют «адресный» характер, т.е. направлены на региональную поддержку развития экономики конкретных территорий, реализуемую в форме ресурсного и организационно-правового подкрепления. В их числе:

- разработка планов и прогнозов развития региона;
- бюджетное финансирование экономических и социальных целевых программ, инвестиционных проектов;
- размещение на предприятиях региона заказов для общерегиональных нужд;
- предоставление субвенций для отдельных предприятий;
- осуществление приватизации предприятий[2].

[1] **Маршалова А.С., Новоселов А.С.** Управление экономикой региона. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2001. – С. 112.

[2] **Регион**: проблемы планирования и управления. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – С. 47.

Косвенные методы регулирования пространственного развития региона подразумевают регулирование развития, с одной стороны, регионообразующих отраслей и комплексов, а с другой – регламентацию деятельности отдельных сфер и инфраструктуры регионального рынка. К этой группе относятся:

- создание условий для привлечения инвестиций для решения задач регионального развития;
- компенсация дополнительных затрат, которые хозяйствующие субъекты несут при решении региональных проблем;
- предоставление налоговых льгот предприятиям, выполняющим социальные функции;
- регулирование цен на продукцию госсектора, предприятий-монополистов, на социально-значимые товары[1].

С учетом вышесказанного прямые методы регулирования пространственного развития экономики региона сводятся, главным образом, к региональной поддержке экономики муниципальных образований, косвенные – к регулированию отраслей и комплексов, а также регламентации развития отдельных сфер и инфраструктуры регионального рынка (рис. 2.2).

Группировка методов воздействия на пространственное развитие экономики региона на прямые и косвенные не позволяет в полной мере охарактеризовать соответствующий механизм. В этих целях более плодотворным является подход, реализуемый в нашем исследовании. Согласно ему, как отмечалось ранее, регулирование пространственного развития экономики региона органами власти субъекта Российской Федерации осуществляется в рамках их полномочий путем регламентации ряда экономических отношений, а также непосредственного участия в хозяйственном обороте.



Рис. 2.2. Основные методы и направления регулирования пространственного развития экономики региона

[1] **Регион**: проблемы планирования и управления. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – С. 47.

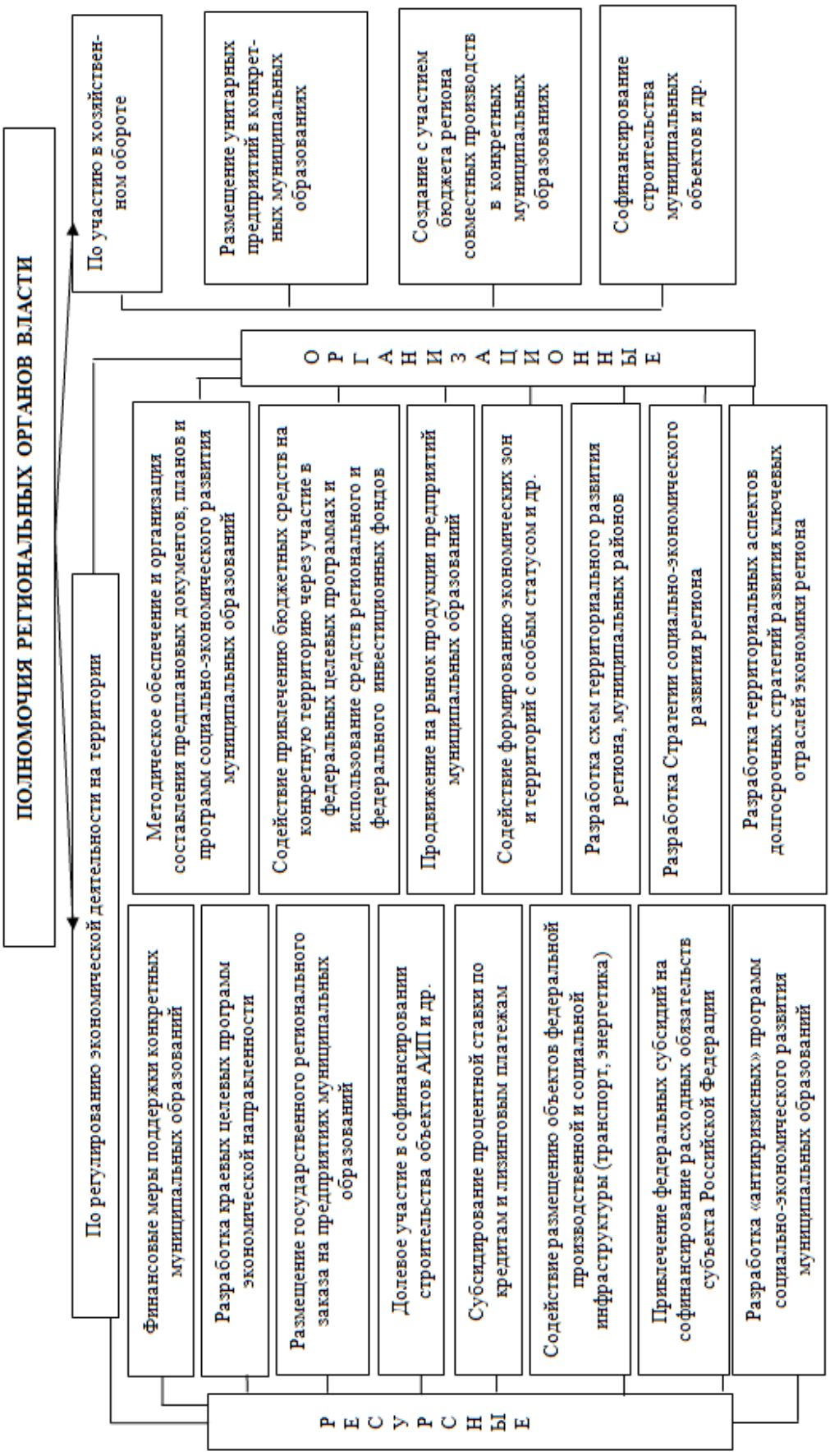


Рис. 2.3. Основные формы регулирования пространственного развития экономики региона в зависимости от полномочий региональных органов власти

Рисунок 2.3, на наш взгляд, не требует специальных комментариев. Вместе с тем следует обратить внимание на два момента. Прежде всего, мы с определенной степенью условности попытались представить инструменты регулирования экономической деятельности на территории в виде двух групп: ресурсные и организационные. Первая группа, судя по названию, включает в себя формы и методы работы региональных властей, связанные с вложениями средств из регионального бюджета.

Вторая группа объединяет формы и методы, носящие по преимуществу организационный характер (содействие в привлечении частного капитала и средств федерального бюджета, методическое обеспечение процесса формирования различных документов территориального планирования и т.д.).

Второй существенный момент заключается в том, что при регулировании развития пространственной экономики региона органы власти субъекта Российской Федерации выступают в качестве своеобразного, с одной стороны, «ретранслятора», а с другой – демпфера, смягчающего для населения последствия радикальных рыночных реформ. Активное участие органов власти в реализации национальных проектов, федеральных целевых программ, формировании экономических зон и территорий с особым статусом обеспечивает привлечение на территорию средств федерального бюджета. Последнее особенно важно для регионов, экономика которых характеризуется недостаточным уровнем развития.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Разработаны и уточнены подходы к комплексному анализу и оценке развития края в контексте формирования конкурентных преимуществ. Отличительная особенность предложенных подходов заключается в ряде моментов. Основные из них:

- ♦ анализ конкурентных преимуществ региона с позиции развития экономики и социальной сферы;
- ♦ учет как отраслевых, так и пространственных аспектов регионального развития;
- ♦ оценка современного состояния и конкурентоспособности края с учетом ретроспективы;
- ♦ изучение особенностей и конкурентных преимуществ развития края применительно к различным этапам экономики;
- ♦ характеристика уровня и динамики развития региона на основе синтеза объективной (статистические данные) и субъективной (опросы населения и экспертов) информации и др.

2. Разработана методика изучения территориальной структуры региональной сельской периферии в контексте ее устойчивого развития и повышения конкурентоспособности.

Исходной методологической посылкой исследования является представление о том, что устойчивость и конкурентоспособность территориальной социально-экономической системы детерминирована двумя главными факторами: накопленным накануне рыночных реформ экономическим и социальным потенциалом и степенью первоначальной адаптации хозяйства сельских территорий к радикальным рыночным реформам начала 1990-х годов.

Методика интегрирует три подхода к анализу и оценке:

(1) территориальной структуры региональной сельской периферии;

(2) устойчивости развития региональной сельской периферии к радикальным рыночным преобразованиям;

(3) сложившихся к настоящему времени центропериферийных различий в социально-экономическом развитии сельских территорий региона.

3. Предложен методический подход к изучению экономического и социального пространства сельской местности региона, базирующийся на теориях Дж. Фридмана и В. Алонсо. Отличительной особенностью предложенной методики является учет влияния на сельское окружение всех без исключения городов региона с поправкой на масштаб зоны влияния, что позволяет получить более точное и дифференцированное представление о структуре периферии по сравнению с существующими подходами.

4. Уточнены ключевые понятия исследования: территориальная политика субъекта Федерации и механизм пространственного регулирования экономики региона.

Под *территориальной политикой* следует понимать социально-экономическую политику региона, ориентированную на оптимизацию его пространственного развития путем нивелирования существующих территориальных диспропорций, повышение конкурентоспособности муниципальных образований посредством использования имеющихся у них преимуществ и, в конечном счете, обеспечивающую комплексное социально-экономическое развитие региона и его устойчивое развитие.

Территориальная политика одновременно ориентирована на достижение экономических и социальных целей. Эти две группы целей территориальных систем взаимосвязаны, но противоречие между ними носит неустранимый характер. Данное противоречие, имманентно присущее территориальной политике, может смягчаться путем постоянного изменения приоритетов территориальной политики, в зависимости от того, на каком этапе развития находится экономика региона. Однако даже в периоды депрессии и выхода из кризиса должна иметь место установка на создание равноценных условий жизни населения вне зависимости от места его проживания.

Под *механизмом регулирования* пространственного развития экономики региона следует понимать совокупность организационно-экономических форм, методов и инструментов, используемых региональными органами власти в процессе взаимодействия с другими субъектами экономических отношений в регионе, ориентированных на его развитие и максимально полное удовлетворение в региональном масштабе общественных, корпоративных и индивидуальных потребностей в материальных благах и услугах.

Раздел II.
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ КРАЯ В СВЕТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Цель исследования, результаты которого частично изложены в настоящем разделе монографии, заключается в выявлении трансформационных сдвигов, произошедших в Алтайском крае за четверть века рыночных преобразований[1] в контексте обеспечения конкурентоспособности региона.

Радикальные рыночные преобразования, повлекшие за собой кризис всей экономической системы России, сказались на экономике Сибирского федерального округа и, в частности, Алтайского края, в гораздо более существенной степени, чем в европейских регионах страны. Кризис 90-х годов XX века привел к ухудшению всех основных показателей социально-экономического развития края и снижению его вклада в экономику России. Доля валовой добавленной стоимости отраслей, составляющих экономическую основу региона, в ВРП России уменьшилась с 1,06% в 1995 г. до 0,76% в 2015 г., прежде всего за счет сокращения добавленной стоимости, созданной в промышленности. Произошло сокращение ресурсов, направляемых на развитие края: доля краевых инвестиций в действующих ценах в общероссийских инвестициях в указанный период уменьшилась почти в 2 раза (табл. 3.1).

Вместе с тем нельзя не заметить, что падение ключевых показателей экономического развития края пришлось на 1990–2005 гг. Напротив, начиная с 2005 г. край по темпам роста большинства показателей социально-экономического развития опережал Россию как в докризисный (2008–2009 гг.), так и посткризисный период – таблица 3.2.

На изменение роли края в экономике России повлияли как общие, характерные в целом для страны, так и частные, присущие краю, факторы.

Так, отмеченные в таблице 3.1 подвижки наглядно свидетельствуют об устойчивой тенденции концентрации экономической активности в развитых и высокоразвитых (финансово-экономических центрах и сырьевых экспортоориентированных) регионах. Удельный вес среднеразвитых[2] (промышленно-аграрных и аграрно-промышленных, в числе которых Алтайский край), а также менее развитых регионов в экономике России,

[1] Судя по анализу научной литературы, для отечественных исследователей-экономистов характерен, как правило, иной подход, суть которого заключается в отслеживании текущей социально-экономической ситуации. Наряду с этим в палитре научных исследований макроэкономического характера все чаще стали появляться работы историографического плана, оценивающие результаты рыночных преобразований в России с начала рыночных реформ. См., например, **Ясин Е., Андрущик Г., Ивантер А.** и др. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 77–96.

[2] Алтайский край был отнесен к типу среднеразвитых регионов в докладе Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. См. подробнее: **Голяшев А.В., Григорьев Л.М.** Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf (дата обращения: 19.10.2015 г.).

имеет тенденцию к снижению (за исключением посткризисного периода 2008–2009 гг.). Такова, можно сказать, закономерность развития экономического пространства России в условиях переходной и рыночной экономики.

В Алтайском крае, как будет показано ниже, ситуация серьезно усугубилась в связи с существенно большим, по сравнению с Россией, падением показателей его социально-экономического развития на этапе вступления в рынок. Резкое торможение края на старте рыночных реформ и сегодня, спустя более четверти века, сказывается на достигнутых результатах[1].

Из вышесказанного следует существенный вывод о том, что тенденции и уровень социально-экономического развития края не может оцениваться, во-первых, без учета сдвигов в региональной структуре экономики страны; во-вторых, вне характерных для линейки среднеразвитых регионов общих тенденций; наконец, в-третьих, состояния экономики края накануне рыночных реформ. Лишь такой анализ, на наш взгляд, может претендовать на объективность, свести к минимуму тенденциозность и конъюнктурный характер, присущий ряду социально-экономических исследований.

Вместе с тем результаты ретроспективного анализа развития края отнюдь не могут рассматриваться исключительно как результат вступления региона в рынок. Нет нужды доказывать, что сегодняшнее социально-экономическое положение Алтайского края, его конкурентоспособность являются итогом его развития на протяжении достаточно длительного времени.

Как известно, это время характеризуется последовательной сменой различных этапов в развитии экономики России: «вступление в рынок», «кризисное развитие», «восстановительный рост». Именно на этот период пришелся глубокий трансформационный кризис, продолжавшийся почти 7 лет (1992–1998 гг.), дефолт 1998 г., сменившийся этапом восстановительного роста (1999–2007 гг.) и новой «точкой слома» – кризисом 2008–2009 гг. Наконец, далее, посткризисное развитие, продолжавшееся с затуханием темпов роста вплоть до стагнации экономики России в 2014 г., перешедшее к настоящему времени, по оценке ряда видных экономистов, в стагфляцию и рецессию[2].

По существу, главные факторы экономического роста (ключевая ставка, курс рубля, норма инвестиций и т.п.) формируются, как известно, на макроуровне. На мезоуровне проявляются во многом лишь последствия макроэкономической политики федеральных властей и, прежде всего, решений Правительства и Центробанка.

Другими словами, происходящие на региональном уровне структурные сдвиги, «модернизационные подвижки» в экономической и социальной сферах региона, рассматриваемые в контексте формирования его конкурентных преимуществ, не могут быть осмыслены и объяснены без учета федеральной политики и конкретной ситуации на каждом из этапов развитии экономики.

Сказанное выше предопределило *первый методологический принцип* исследования – анализ региональной социально-экономической динамики на фоне изменений, происходящих на различных этапах развития российской экономики.

---

[1] Этот момент имеет принципиальное значение, поскольку, как известно, развитие региональных систем характеризуется высокой степенью инерционности. В силу сказанного можно предположить, что негативные тенденции, имевшие место в крае в 1990–2005 гг., сказывались и, по-видимому, будут сказываться на его динамике.

[2] **Аганбегян А.Г.** Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

Таблица 3.1

Удельный вес Алтайского края в основных показателях социально-экономического развития России, %

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Численность постоянного населения в среднем за год	1,79	1,81	1,81	1,76	1,70	1,63
Валовой региональный продукт	–	1,06	0,81	0,75	0,80	0,76*
Объем промышленной продукции	1,34	0,90	0,64	0,68	0,71	0,59
Продукция сельского хозяйства	2,77	2,79	3,24	2,88	3,22	2,74
Инвестиции в основной капитал	1,49	0,93	0,58	0,59	0,60	0,63

Примечания: 1 Расчет ВРП ведется с 1994 г.

2. С 2005 г. – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Таблица 3.2

Среднегодовые темпы роста основных социально-экономических показателей Алтайского края и России, %

Показатели	Алтайский край		Россия	
	2005–2009	2010–2014	2005–2009	2010–2014
Численность занятых в экономике	98,7	99,7	100,3	100,1
Общая численность безработных	106,0	88,7	102,2	90,9
Реальные располагаемые денежные доходы	107,9	105,3	108,6	102,8
Промышленное производство	102,9	106,2	101,4	103,5
Продукция сельского хозяйства	104,4	99,2	104,0	102,6
Ввод в действие жилых домов	113,1	102,9	107,8	106,7
Грузооборот транспорта	105,8	103,9	99,5	102,7
Оборот розничной торговли	107,5	106,9	110,0	105,3
Внешнеторговый оборот	103,7	91,6	111,4	110,8
Кредитные вложения в экономику (на конец года)	133,0	86,4	н.д.	н.д.
Инвестиции в основной капитал	109,9	110,1	108,6	104,3

Источник: Расчеты авторов с использованием: Россия в цифрах. 2015. – С. 37–39; Россия в цифрах. 2014. – С. 40–42; Россия в цифрах. 2013. – С. 40–42; Россия в цифрах. 2011. – С. 37–38; Алтайский край в цифрах. 2010–2014. – С. 20; Алтайский край в цифрах. 2008–2013. – С. 18; Алтайский край в цифрах. 2007–2012. – С. 16; Алтайский край в цифрах. 2006-2011. – С. 16; Алтайский край в цифрах. 2005–2010. – С. 18.

Вместе с тем, как известно, особенности региональных социально-экономических процессов во многом обусловлены двумя важнейшими «местными» факторами – территориальным положением и отраслевой спецификой региона. Для объективной оценки их влияния на конкурентоспособность экономики региона мониторинг социально-экономического развития края целесообразно проводить на фоне регионов СФО (периферийное по отношению к центру географическое положение) и регионов агропромышленной ориентации (общность отраслевой специфики), что составляет суть *второго методологического принципа* исследования.

Третий (не по значимости) *методологический принцип* нашего исследования состоит в использовании подходов к исследованию конкурентоспособности стран, заложенных М. Портером.

Мы опираемся на два базовых положения его теории. Первое из них гласит, что конкурируют не страны, а фирмы. Страна рассматривается лишь в качестве среды, способствующей либо не способствующей росту конкурентоспособности фирм[1].

Второе положение заключается в том, что объяснить конкурентоспособность отраслей и фирм, дислоцированных на территории, влиянием одного, пусть и крайне значимого фактора, невозможно. Рассматривая различные факторы конкурентоспособности, М. Портер отмечал: «Очевидно, что ни одно из приведенных выше объяснений не является полностью удовлетворительным. Любое из них само по себе недостаточно для понимания конкурентоспособности отраслей экономики на территории той или иной страны. Каждое из этих объяснений содержит в себе какую-то долю истины. По-видимому, в данном случае действует более обширный и более сложный комплекс сил»[2].

В итоге предполагается получить объемную картину изменений в экономической и социальной сферах региона, обусловленную как общими для всей России, так и специфическими факторами роста, присущими конкретному региону либо его муниципальным образованиям.

3.1 РЕГИОН НАКАНУНЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

На начало рыночных реформ Алтайский край имел свое определенное место в общесоюзном разделении труда, что позволило ему играть заметную роль в экономике России. По данным Агентства Деловой Информации, в 1990 г. среди 74 регионов России по совокупному общественному продукту край занимал 22-е место, по произведенному национальному доходу – 25-е, по национальному доходу, использованному на потребление и накопление, – 18-е, по продукции промышленности – 24-е, по валовой продукции сельского хозяйства – 4-е, по капитальным вложениям (1986–1990 гг.) – 23-е, по рыночному обороту – 21-е место[3].

По темпам экономического развития край также не выпадал из общего ряда. В 1990 г. совокупный общественный продукт вырос на Алтае на 7%, в Новосибирской области – на 12%, в Омской области – на 4,7%. Однако по данным ИЭиОПП СО РАН, по воспроизводственным возможностям экономики Алтайский край отставал от своих соседей (табл. 3.3).

---

[1] В первом случае мы будем говорить о наличии либо формировании конкурентных преимуществ края, во втором – об ограничивающих (лимитирующих) факторах его развития.

[2] **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли: Т. 6. Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – С. 567.

[3] **Бизнес-карта** России. Социально-экономический потенциал: [Справочник: В 18 кн.]. Кн. 4: Западная Сибирь: Алтайский край. Новосибирская обл. Томская обл.– М. : Бизнес-карта, 1993. – 251 с.

Таблица 3.3

Национальный доход на душу населения в ряде регионов Западной Сибири в 1990 г., тыс. руб.

Регион	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход	В том числе на	
			потребление	накопление
Алтайский край	2,2	2,7	2,0	0,7
Новосибирская область	2,6	2,6	2,0	0,6
Омская область	2,7	2,3	2,0	0,3

Источник: **Троцковский А.Я., Чертов Н.А.** Экономика Алтайского края в условиях реформирования. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. – С. 24.

По существу, ресурсы накопления край получал извне за счет средств государственного бюджета[1], а основные направления государственного участия в развитии края были связаны с АПК и отраслями, обеспечивающие его функционирование. С учетом этого важнейшей функцией Алтайского края в системе межрегионального разделения труда являлось производство и поставки продовольствия в индустриальные районы востока России.

Ретроспективный анализ, проведенный сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, показал, что край в 70-х годах XX века входил в группу регионов с замедленным, инерционным развитием промышленности, неустойчивой динамикой сельскохозяйственного производства, с сокращающимся новым производственным строительством. Темпы прироста валового общественного продукта составляли 5% против 6% по стране в целом, с более резким замедлением в последующие годы[2].

Для Алтайского края на старте рыночных реформ сложилась неблагоприятная комбинация основных факторов регионального развития, обусловивших кумулятивный эффект упадка экономики региона.

Одним из важнейших факторов, негативно влияющих на развитие экономики края, была низкая доля топливно-энергетического комплекса, составляющая в структуре промышленности края в 1992 г. 7,1% против 23,3% по народно-хозяйственному комплексу страны в целом и 61,1% – по Западно-Сибирскому экономическому району. Практически половину электроэнергии край получал по перетоку. При этом выработка ее на предприятиях края осуществлялась на привозном топливе, в результате чего в крае сложился один из самых высоких в России тарифов на тепловую и электрическую энергию.

[1] По данным сотрудников Совета по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству в 1990 г. в 28 регионах (39% общего числа) объем произведенного национального дохода был существенно меньше используемого, то есть недостаточным для осуществления расширенного воспроизводства и нормального социально-экономического развития. См.: **Концепция** развития и размещения производительных сил Российской Федерации в 1993–2000 гг. / Минэкономики, Госкомсотрудничество Российской Федерации, Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству. – М., 1993.– С. 5.

[2] **Троцковский А.Я., Чертов Н.А.** Региональная политика в агропромышленных регионах: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 105.

Второй фактор – относительная отдаленность основных производств края от сырьевых ресурсов и потребителей продукции, обусловливающая высокую степень зависимости конкурентоспособности продукции края, даже на внутреннем российском рынке, от транспортных тарифов.

Третий важнейший фактор – это «невыгодная» в условиях разрыва кооперационных связей структура промышленности края: суммарная доля сельхозмашиностроения, легкой промышленности и оборонных предприятий, наиболее подверженных кризису, в структуре промышленности края составила 71%.

Наконец, четвертый фактор, ограничивающий конкурентоспособность экономики края, – высокий удельный вес в отраслевой структуре края низкоэффективного сельскохозяйственного производства.

Воспроизводственный процесс в Алтайском крае к началу 90-х годов XX века характеризовался рядом специфических региональных противоречий, в числе которых:

- ♦ хроническая финансовая зависимость от Центра;
- ♦ сравнительно низкая эффективность материального производства, обусловленная старением производственного аппарата, снижением отдачи от его использования;
- ♦ мелкоселенная и дисперсная структура расселения;
- ♦ отставание развития непроизводственной сферы края от уровней, достигнутых Россией и Западной Сибирью[1].

Край являлся индустриально-аграрным регионом, что значительно отличало его от других территорий Сибири и в целом Российской Федерации по структуре народного хозяйства. Если на долю промышленности в 1990 г. приходилось 37,8%, сельского хозяйства – 16,4% всего внутреннего валового продукта страны, то на Алтае эти показатели составляли, соответственно, 62 и 38%.

Аграрно-промышленный комплекс края являлся крупнейшим производителем продовольствия на востоке России. В Российской Федерации край в 1990 г. занимал по производству зерна 10-е место, мяса – 6-е место, молока – 4-е место и 1-е место – по выработке жирных сыров. Доля Алтайского края в общем объеме производства по России составила 7,7%. Располагаясь в восточных районах страны, вдали от других регионов аграрной ориентации (Поволжья и юга России), край удачно вписывался в систему территориального разделения сельскохозяйственного производства, часто компенсируя недопоставки в продовольственные и зерновые фонды страны в случае неурожайных лет.

Стратегия интенсификации сельскохозяйственного производства, принятая в 70-х – 80-х годах XX века, сопровождалась рядом позитивных перемен в развитии сельского хозяйства. Происходила структурная перестройка АПК, в результате которой было обеспечено более быстрое развитие животноводства, расширялась база переработки и хранения продукции. С 1989 г. был осуществлен перевод сельхозпредприятий на работу на принципах самофинансирования. Получили распространение новые формы оплаты труда, арендные отношения. Улучшились социальные условия жизни людей на селе. Все это дало положительные результаты, способствовало увеличению объемов производства как в России, так и в Алтайском крае.

[1] Более подробно см.: **Троцковский А.Я., Чертов Н.А.** Региональная политика в агропромышленных регионах: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 133–136.

Вместе с тем к концу 1980-х годов в сельхозпроизводстве накопился целый ряд противоречий – экономических, организационных, социальных, – тормозящих его развитие. Именно на эти годы приходится массовый отток из сельской местности в города; рост городского населения и его доходов, приведшие к нарастанию дефицита сельхозпродуктов.

Основными отраслями специализации в промышленном производстве Алтайского края являлись машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность, коксохимия. В 1990 г. край занимал ведущие позиции в России по производству дизелей и дизель-генераторов (в общем производстве по России 36,2%), тракторов (более 11%), котлов паровых свыше 10 тонн пара в час, шт. (88,9%), грузовых железнодорожных вагонов (18,3%). Более половины продукции машиностроения Алтая вывозилось в республики Средней Азии, Казахстан и европейскую часть России.

Важное место в экономике края занимала коксохимическая промышленность: доля края в России по производству кокса составляла 14%, почти 20% кокса шло на экспорт. Заметную роль край играл в производстве химических волокон и нитей – 12,9% от общероссийского производства.

Структура экономики Алтая и расселенческая концепция были подчинены его агропромышленной специализации. Характеризуя систему расселения в крае, сложившуюся к началу реформ, необходимо отметить, что в целом Алтайский край относился к территориям с низким уровнем урбанизации. Густота сети городских поселений была сравнительно низка: на 100 тыс. км^2 даже при равномерном их размещении по территории приходилось бы около 15 городских поселений, основная часть которых обладала низким социальным потенциалом, в силу чего не могла служить центрами систем расселения[1].

В зоне влияния городов, учитывая малое их количество и неравномерность размещения, проживала относительно небольшая часть сельского населения. Основная же часть сельских жителей проживала вне зоны повседневной доступности городов. В этих условиях основная нагрузка по созданию благоприятных условий жизни почти половины населения приходилась непосредственно на сельские поселения.

Система сельского расселения края характеризовалась рядом особенностей, негативно сказывающихся на конкурентоспособности региона. В их числе:

♦ необеспеченность реальной связанности поселенческой сети, обусловленная относительно невысокой плотностью сельского населения (7,5 чел. на 1 км^2) и густотой сети сельских поселений (9,7 поселений на 1000 км^2);

♦ достаточно крупный размер сельских поселений, который составлял 787 чел. (в расчете на заселенные поселения), что существенно отличало край в лучшую сторону не только от большинства других регионов страны, но и от соседних областей Западной Сибири. Почти 60% сельского населения было сосредоточено в 26% сельских поселений, насчитывающих свыше 1000 человек[2].

[1] По мнению специалистов, территория, на которую распространяется влияние крупного города, составляет 14–22 тыс. км^2, а малого – 2–5 тыс. км^2.

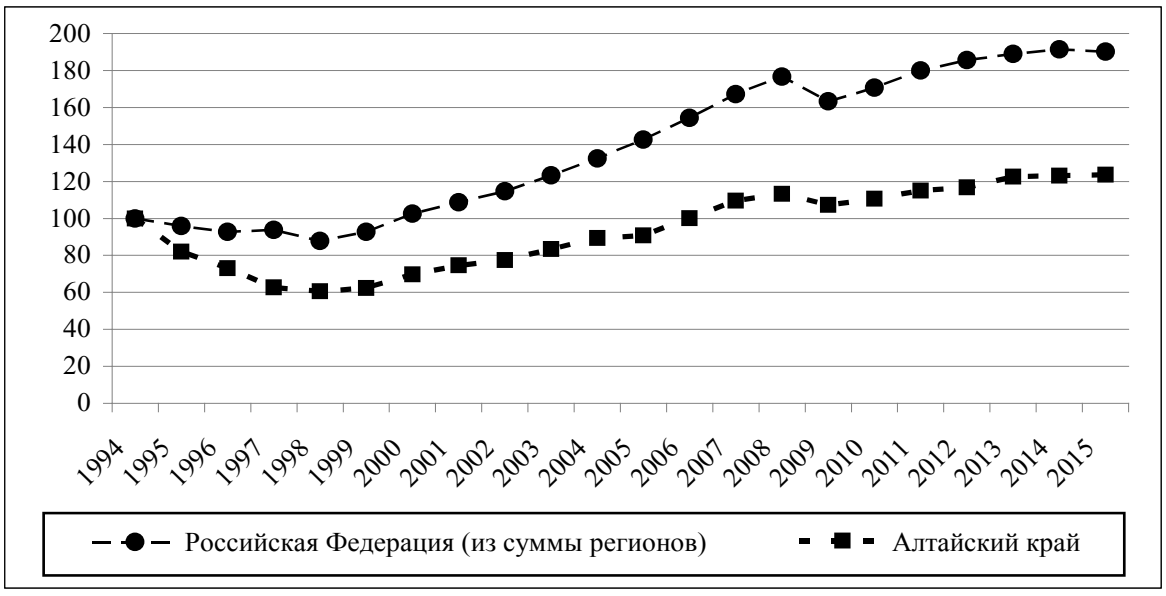
[2] Формированию такой крупноселенной сети на Алтае в значительной мере способствовал интенсивный процесс концентрации населения, наблюдавшийся на Алтае в прошлые годы. Так, с 1959 по 1979 год число малых поселений уменьшилось почти на 2 тысячи. Но даже за период между переписями 1979 и 1989 гг., когда, казалось бы, процесс ликвидации сел был остановлен, число сельских поселений сократилось почти на 11%, а численность проживающего в них сельского населения уменьшилась за это время без малого на 5%.

Относительно невысокий уровень социально-экономического развития, сложившиеся к концу 1980-х годов устойчивые диспропорции в экономике и поселенческой структуре края определили его низкое стартовое положение накануне перехода к рыночной экономике, что не могло не сказаться на темпах его дальнейшего развития и конкурентоспособности.

3.2 ВСТУПЛЕНИЕ В РЫНОК И РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА

Кризис экономики негативным образом сказался на социально-экономическом развитии всех регионов Западной Сибири. Ухудшение внешнеэкономических условий было настолько значительным, что на динамику развития регионов не оказали значимого влияния даже такие факторы, как исходный социально-экономический потенциал и отраслевая специфика экономики. Все рассматриваемые регионы Западной Сибири, включая Алтайский край, оказались в кризисном и стагнирующем состоянии.

Вместе с тем воздействие совокупности названных выше факторов предопределило характер протекания трансформационного кризиса в крае. Он оказался более глубоким и затяжным по сравнению с регионами, находившимися в относительно более выгодных стартовых условиях в 1994 г. В самой нижней точке падения, приходящейся на 1998 г., объем ВРП России уменьшился по сравнению с 1994 г. на 12,2%, Алтайского края – на 39,4% (рис. 3.1)[1].



Примечание. 1995–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 3.1. Динамика индексов физического объема ВРП субъектов Российской Федерации и Алтайского края, % (1994 г. = 100%)

[1] Как известно, ВРП в расчете на душу населения является одним из главных показателей экономического потенциала региона, а темпы изменения душевого ВРП свидетельствуют об успешности региона в части его наращивания. В целях сопоставления широко применяется сравнение темпов роста душевого ВРП региона и ВРП России (суммы ВРП регионов). С нашей точки зрения, результаты сопоставительных исследований, в том числе оценку вклада региона в ВРП России, следует интерпретировать с определенными оговорками, не увязывая их, о чем уже говорилось, напрямую с результативностью деятельности региональных властей.

Таблица 3.4

Динамика основных макроэкономических показателей Алтайского края в 1992–1998 гг.

Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998*
Объем промышленной продукции в фактических отпускных (по полному кругу), млрд руб.	212	1418	3750	9976	14580	15326	14810
Индекс физического объема, %	83	85	59	98	84	94	94
Производство товаров народного потребления, млрд руб.	77,2	515	1302	3320	4127	4096	4345
Индекс физического объема, %	87	91	74	82	84	86	86
Производство валовой продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	80	122	76	122	91	77	106
Инвестиции за счет всех источников финансирования, млрд руб.	32,5	310	917	2480	2813	2739	3379
Индекс физического объема инвестиций, %	66	77	69	96	64	82	117
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м общей площади	857,6	770,0	555,3	622,8	467,3	454,2	455,3**
Перевезено грузов автотранспортом общего пользования, млн т	29,3	16,6	15,6	10,1	5,3	4,0	3,2
Темп роста, %	73	57	94	65	52	75	81
Оборот розничной торговли, млрд руб.	71,5	778	2523	6635	7040	8265	10154
Индекс физического объема, %	95,5	137,3	92,2	95,4	71,9	106,2	100,6
Удельный вес населения, имеющего среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума, %	–	23,2	36,8	33,7	46,8	45,7	52,9
Соотношение среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума	–	172	179	157	132	135	123
Численность официально зарегистрированных безработных, тыс. человек (на конец периода)	10,2	15,8	28,8	36,0	44,5	35,6	39,6
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года, в разах)	32	11,5	2,7	2,4	1,2	1,1	1,7
Численность студентов на 10 тыс. населения	144	139	142	152	164	178	189
Зарегистрировано преступлений	48522	48944	44203	47984	51490	47631	55300

* С 1998 г. – млн руб.

** По годовым отчетам.

Источник: Данные Росстата.

Спад валового производства в крае в последние годы рассматриваемого периода (на 39% в 1995–1998 гг.) был заметно глубже российского (на 11%), в результате чего вклад Алтайского края в валовой региональный продукт в среднем по России сократился с 1,1% в 1994 г. до 0,8% в 2000 г.

Объем промышленной продукции в 2000 г. уменьшился по сравнению с 1991 г. на 60,7%, производство товаров народного потребления – на 63,0, производство валовой продукции сельского хозяйства – на 30,8, объем инвестиций за счет всех источников финансирования – на 77,8%. Общее представление о сдвигах, произошедших в экономике региона за годы реформ, дает таблица 3.4.

«Близость к земле» народного хозяйства Алтайского края имеет более глубокие последствия для понимания происходящих в экономике края процессов. При всех негативных тенденциях, развившихся в крае за годы реформ, именно его аграрная специализация, которую в сложившихся условиях можно было в определенном смысле рассматривать как конкурентное преимущество края, нивелировала в первые годы уничтожительные последствия реформ, позволяла обеспечить населению существенно более низкие доходы, чем по стране и другим регионам без крайнего обострения социально-политической ситуации в регионе, экономить на затратах, связанных со структурными преобразованиями, государственными вложениями в аграрный сектор и т.д.

Вплоть до 1994 г. край имел лучшие показатели в сравнении со средними по России. По сводному рейтингу (обобщающему сравнение более чем по 200 социально-экономическим показателям) край сохранял свое положение среди других регионов-субъектов РФ. Обвал произошел в 1994 г., когда объемы производства в крае упали за год более чем на треть. И к началу 1998 г., когда в целом по России ситуация в определенном смысле стабилизировалась, положение в крае продолжало устойчиво ухудшаться.

Развитие промышленности края в 1991–2000 гг. характеризовалось двумя основными тенденциями:

(1) существенной потерей промышленного потенциала;

(2) «утяжелением» структуры промышленности, сокращением наукоемких производств. Аналогичные тенденции были характерны для России в целом.

Особенно тревожные процессы были связаны с деиндустриализацией края, поскольку «полюса роста» формируются, прежде всего, в отраслях промышленности. На протяжении ряда лет перестройки происходил длительный процесс отставания края по промышленному потенциалу от других регионов Западной Сибири. Регионы поляризовались на две большие группы: сырьевые (ресурсодобывающие) и несырьевые (перерабатывающие). В несырьевых регионах, каким является Алтайский край, промышленный спад оказался более глубоким, чем в целом по России и в регионах Западной Сибири.

Происходящие в результате стихийной структурной перестройки сдвиги в отраслевой структуре промышленного производства с позиций среднесрочной и долгосрочной перспективы края, обеспечения его конкурентоспособности, – речь идет о создании наукоемких и высокотехнологичных производств, – не могут также быть признаны благоприятными. Налицо «утяжеление» отраслевой структуры промышленности, серьезные потери в объемах производства сельхозмашиностроения, промышленности строительных материалов и легкой промышленности.

В целом структурные изменения, произошедшие в промышленности края, идентичны сдвигам, происходящим в экономике России, а именно:

- устойчивое развитие получили экспортоориентированные производства, поставляющие источники сырья, материало- и энергоемкую продукцию (черная металлургия);
- умеренное развитие – отрасли пищевой и в большей мере – мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, имеющие устойчивый платежеспособный спрос на внутреннем рынке;
- резкое сокращение было характерно для машиностроения, легкой промышленности, промышленности строительных материалов.

В 1999 г. по сравнению с 1992 г. промышленность края значительно сократила выпуск основной номенклатуры изделий: тракторов и двигателей к ним, плугов, котлов паровых, кузнечно-прессовых машин, дизелей, химических волокон, вагонов грузовых магистральных и других изделий.

По ряду товаров доля края в общероссийском производстве оставалась достаточно высокой: вагоны грузовые магистральные – 7,3%, тракторы – 11,0%, кузнечно-прессовые – 14,8%. Однако предприятия отрасли «машиностроение и металлообработка» испытывали конкуренцию по многим продуктам не только на внешнем, но и на внутреннем рынках.

Конкуренцию промышленных предприятий существенно затрудняли два момента:

(1) высокая зависимость производства от ввоза топливно-энергетических ресурсов, импорта сырья и комплектующих из стран СНГ и Балтии;

(2) крайне низкая эффективность промышленного производства: по уровню рентабельности реализованной промышленной продукции и уровню рентабельности промышленных предприятий край занимал аутсайдерские позиции в России.

Перспективы развития промышленности, выпуска конкурентоспособной продукции напрямую «завязаны» на обновление основных фондов. По мнению Майкла Портера, «Конкурентоспособность страны зависит от того, насколько ее промышленность способна к обновлению и модернизации»[1].

Здесь было одно из наиболее слабых мест в развитии промышленности края: основные фонды продолжали стареть, коэффициент износа в целом по промышленности вырос и составил на конец 1999 г. 58,6% (в 1992 г. – 44,8%).

Алтай – один из крупных продовольственных регионов России. Несмотря на кризис, по объемам производства сельхозпродукции край входил в первую десятку регионов России; его доля в 1998 г. составила 2,1% (в 1995 г. – 2,8%). В общем производстве зерна в Западно-Сибирском регионе на долю края приходилось 38%. Площадь сельхозугодий составляла около 11 млн га, в том числе 6,9 млн га пашни. В экстенсивном сельском хозяйстве был занят каждый четвертый рабочий и служащий (по России – 12,8%).

Наличие большого количества плодородных земель, сенокосов и пастбищ, сумма положительных температур в вегетационный период растений, зональные почвоохранные системы земледелия, прогрессивные технологии в животноводстве обеспечивают относительную устойчивость сельскохозяйственного производства. К концу 1980-х годов по уровню производства основных видов сельскохозяйственной продукции край занимал одно из ведущих мест не только в России, но и мог сравниться с развитыми странами Европы и США.

[1] **Портер М.** Конкурентные преимущества стран / Вехи экономической мысли: Т. 6. Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – С. 565.

Спад сельскохозяйственного производства в 1990-е годы, низкая производительность сельского хозяйства в сочетании с его высоким удельным весом в экономике региона привели к снижению эффективности хозяйства края в целом, значительному недоиспользованию рабочей силы, что проявилось как в повышенной открытой, так и скрытой безработице. В аграрном секторе края вследствие низкой покупательной способности произошло сужение рынка, обострились социальные противоречия, возникла необходимость безвозмездного субсидирования сельской периферии.

В земледелии были практически приостановлены работы по сохранению плодородия и мелиорации земель. В животноводстве снизились объемы производства всех видов продукции, уменьшилось поголовье скота и птицы, снизилась их продуктивность, разрушался накопленный производственный потенциал, выбытие основных фондов значительно превышало их ввод.

По численности поголовья крупного рогатого скота край, по данным Главного управления экономики и инвестиций администрации края, был отброшен на уровень 1942 г., поголовья свиней – на 1940 г., поголовья птицы – на 1964 г., поголовья овец и коз – на уровень 1930-х годов. Объем производства мяса снизился до уровня 1940-х годов, молока и яиц – до уровня 1958 г. Доля продукции сельского хозяйства края в общем объеме сельскохозяйственной продукции России уменьшилась с 2,8% в 1991 г. до 2,7% – в 1999 г. Тем не менее по сравнению с промышленностью сельскохозяйственное производство характеризовалось меньшими темпами спада. По сравнению с 1991 г. объем валовой продукции снизился на 30,8% (в промышленности – на 69,8%).

Для инвестиционной сферы края была характерна парадоксальная ситуация: достаточно высокий рейтинг инвестиционной привлекательности края, определенный независимыми и авторитетными экспертами[1], с одной стороны, и отсутствие значимых реальных инвестиций – с другой.

Инвестиционно-строительный комплекс края находился в стадии суженного воспроизводства. Причем темпы падения объемов капитальных вложений в крае в рассматриваемом периоде опережали среднероссийские и западносибирские, что привело к дальнейшему отставанию края по этому показателю, уменьшению вплоть до 1997 г. доли края в общих объемах капиталовложений России, обеднению его инвестиционного потенциала (доля края в общих инвестициях в основной капитал России составляла в 1995 г. 0,9%, в 1997 г. – 0,7%, в 1998 г. – 0,8%, в 1999 г. –0,7%)[2].

В Алтайском крае доля инвестиций в основной капитал составляла в 1997 г. 13,4% валового регионального продукта, а в 1998 и 1999 гг. – 15,8% и 14,1% соответственно (для сравнения: удельный вес валовых инвестиций в основной капитал в ВВП составлял в России 16,7%, в быстроразвивающихся странах Юго-Восточной Азии – до 30%).

Коэффициент обновления основных промышленно-производственных фондов снизился с 6% в 1991 г. до 2% – в 1999 г., т.е. краю понадобилось бы около 50 лет на полную замену основных фондов (Япония, к примеру, имела соответствующий показатель 8 лет).

[1] В качестве экспертов выступали группа финансовых компаний «Пионер Первый» и аналитическая группа журнала «Эксперт», экономический департамент банка Австрии и др.

[2] **Регионы** России / Госкомстат России, 1997. – М., Т. 1. – С. 368–369; **Регионы** России / Госкомстат России, 1998. – М., Т. 2. – С. 20–21; **Регионы** России / Госкомстат России, 1999. – М., Т. 2. – С. 30–31.

С началом широкомасштабных реформ в области ценообразования и налогообложения произошло резкое ухудшение инвестиционного климата края. Цепочка взаимных неплатежей повлекла за собой острую нехватку денежных ресурсов, рост незавершенного строительства, остановку или консервацию объектов. Уже в 1998 г. по ряду отраслей наблюдалось заметное падение объемов капитальных вложений (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Динамика отраслевой структуры вложений в основной капитал

Отрасли	% к предыдущему году (в сопоставимых ценах)		% к общему объему инвестиций по краю	
	1998 г.*	1999 г.**	1998 г.*	1999 г.**
Всего по краю, в том числе	106,5	105,4	100	100
Жилищно-коммунальное хозяйство	99,0	107	22,9	33,4
Транспорт	1,3 раза	2,0 раза	15,8	20,8
Промышленность	90	96,7	27,1	18,6
Сельское хозяйство	101	143,3	14,3	12,9
Строительство	67	3,1 р.	0,4	7,5
Торговля и общественное питание	65	2,0 р.	0,5	3,4
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	84	113,4	5,3	3,9
Народное образование	1,7 раза	94,2	5,4	3,2
Связь	1,6 раза	81,1	4,4	2,5

* 1998 г. – по крупным и средним предприятиям и организациям.
** 1999 г. – по полному кругу предприятий и организаций края.

Источник: Данные Росстата.

На долю государственного сектора в 1998 г. приходилось 20% общего объема инвестиций, негосударственного – 80%. Краевой и местные бюджеты были не в состоянии финансировать крупные производственные инвестиции. Собственные средства предприятия являлись основным источником финансирования, на их долю приходилось 42% всех инвестиций (бюджетные средства составляли 29,8% общих инвестиций в основной капитал по кругу крупных и средних предприятий и организаций, средства внебюджетных фондов – 7,1%, заемные средства других организаций – 5,4%, кредиты банков – 0,6%, прочие – 5,9%). Главная проблема края, таким образом, заключалась в отсутствии серьезного фонда накопления, позволяющего обеспечить высокие темпы роста инвестиций, необходимые для структурных преобразований и динамичного развития экономики.

Подытоживая изложенное, отметим, что вступление края в рынок сопровождалось серьезным ухудшением состояния внутрирегиональной среды, ограничивающей возможности развития расположенных на территории края промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В результате край не смог удержать достигнутых к началу реформ позиций в экономике России, что свидетельствовало об ослаблении конкурентных преимуществ и снижении его конкурентоспособности.

3.3 ЭКОНОМИКА КРАЯ НА ЭТАПЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО РОСТА

Этап восстановительного роста экономики Алтайского края охватывает достаточно большой промежуток времени (1999 г. – первая половина 2008 г.). Экономическая ситуация как в крае, так и в стране в целом характеризовалась в эти годы положительной динамикой основных макроэкономических показателей.

Определяющим фактором развития региональной экономики на этапе восстановительного роста был более высокий по сравнению с другими регионами спад промышленного производства, отражающий процесс деиндустриализации его экономики, в сочетании с сохранением, а иногда и ростом занятости населения в сельском хозяйстве[1].

Сравнительный анализ развития регионов Российской Федерации свидетельствует о том, что, несмотря на более высокие темпы развития, Алтайский край по ряду основных макроэкономических показателей (валовому региональному продукту на душу населения, доли накопления в основной капитал, душевым доходам бюджета края и др.) существенно отставал от «среднего» региона России и регионов Сибирского федерального округа.

С учетом большей глубины падения экономики и более низких темпов роста ВРП Алтайскому краю понадобилось вдвое больше времени по сравнению с Россией в целом, чтобы восстановить объемы ВРП уровня 1994 г. – 12 и 6 лет соответственно (см. рис. 3.1).

Вместе с тем наряду с общими чертами, характерными для всего этапа восстановительного роста экономики, в отдельные периоды имели место, как показал анализ, особенности социально-экономических процессов, связанные, прежде всего, с различиями в темпах позитивных изменений и, соответственно, в полученных результатах. Сказанное послужило основанием для разбиения этапа восстановительного роста экономики на два подэтапа: начальный (1999–2004 гг.) и заключительный (2005 г.– первая половина 2008 гг.). Рассмотрим их подробнее.

Особенности развития края на начальном этапе восстановительного роста (1999–2004 гг.). Начальный этап восстановительного роста экономики характеризовался, прежде всего, заметным сокращением инфляции. Темпы инфляции замедлились и составили в 2000 г. 122,6% против 171% в 1998 г. Снижение инфляции, увеличение кредитных вложений, а также бюджетных средств и другие позитивные факторы обеспечили прирост инвестиций в крае за 1998–2000 гг. в 1,5 раза[2].

В промышленности края в посткризисный период наблюдался прирост производства[3] (28,0% за 1999–2000 гг.) с постепенным замедлением темпов в силу исчерпания действия позитивных факторов, сформировавшихся в результате финансового кризиса (резкая девальвация рубля, значительное снижение издержек производства, ослабление конкуренции на рынке со стороны иностранных производителей).

---

[1] «Вторичная аграризация» типична для многих периферийных регионов и отражает способ выживания населения с помощью традиционного хозяйства. Вместе с тем, как уже отмечалось, объяснить тенденции развития региона влиянием одного фактора невозможно. Как правило, региональные и внутрирегиональные сдвиги являются результатом совокупного влияния многих экономических и социальных процессов, протекающих на территории.

[2] **Алтайский** край в цифрах. 1998–2002: стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 2003. – С. 152.

[3] По сравнению с 1991 г. удельный вес Алтайского края в общем объеме произведенной промышленной продукции (работ, услуг) в фактических отпускных ценах России снизился к 1999 г. с 1,3 до 0,7%.

Развитие сельского хозяйства по отношению к прошлому периоду характеризовалось наращиванием в 1998–2000 гг. объемов производства: в 2000 г. Алтайский край занял 2-е место после Краснодарского края по валовому производству зерна. Существенно, хотя и в недостаточной степени, улучшились финансовые результаты работы сельхозпредприятий края.

Однако, как уже отмечалось, девальвация рубля в качестве фактора роста экономики «работает» весьма непродолжительное время (2–3 года). С 2000 г., когда был пройден пик падения цен на нефть, и, в особенности, с 2003 г., основным фактором роста российского ВВП становится оживление нефтяного рынка[1].

Ориентация Правительства России на ресурсную модель экономики предопределила сравнительно невысокую конкурентоспособность края в силу того, что основной объем его ВРП приходится на базовые отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт, строительство), в то время как рост ВРП России в исследуемый период был связан в основном с повышением от периода к периоду цен на энергоносители[2].

Развитие и эффективное функционирование предприятий регионообразующих отраслей, предопределяющих состояние экономики края, затруднялось в силу действия ряда негативных факторов.

Для большинства промышленных предприятий это – низкая конкурентоспособность. По оценке Института проблем промышленного развития, только 8–10% алтайских предприятий были конкурентоспособны на внутреннем рынке, и единицы имели устойчивый экспортный потенциал.

Неконкурентоспособны предприятия легкой промышленности, слабые конкурентные позиции были у предприятий сельхозмашиностроения, производителей бытовой техники, большинства машиностроительных, химических и нефтехимических производств.

Неконкурентоспособность алтайских предприятий на рынке бытовой электроники при отсутствии государственного оборонного заказа предопределила фактическую ликвидацию в крае высокотехнологичной отрасли радиоэлектроники и приборостроения. Единственной отраслью, сохранившей достаточно устойчивые конкурентные позиции на потребительском рынке края и России в целом, была пищевая и мукомольно-крупяная промышленность.

В целом отраслевая структура продолжала характеризоваться высокой долей отраслей, ориентированных на ввоз основного сырья и материальных ресурсов, глубокую их переработку и вывоз готовой продукции за пределы края (отраслей машиностроения и металлообработки (без производства медицинской техники), химии и нефтехимии, черной металлургии в промышленности в среднем за 1999–2004 гг. – 42,6%).

Это предопределило уязвимость алтайской промышленности к рыночным колебаниям на российских рынках сырья, материальных ресурсов и совокупного спроса на

[1] Российский нефтяной бизнес в 2000 г. принес втрое больше дохода, чем в 1998 г. С 2003 г., когда цены на нефть поднялись до 27 руб. за баррель, каждый год они росли на 12–15%. См.: **Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.** Российская экономика на повороте: докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 27 с.

[2] Естественно, объяснить отставание темпов роста ВРП края от среднероссийского показателя влиянием только одного, пусть и главного фактора, нельзя. О других факторах, повлиявших на этот процесс, речь пойдет ниже.

готовую продукцию. Кроме того, в 2000 г. при сопоставимых с концом 1960-х годов объемах производства промышленной продукции доля ее производства, ориентированного на потребительский рынок, уменьшилась с 50 до 30%[1].

АПК объективно нуждался в реформировании. Однако выбранные в начале 1990-х годов пути реформирования АПК оказались для него разрушительными. Трансформационный кризис, по признанию акад. И.В. Курцева, «характеризующийся беспрецедентным спадом сельхозпроизводства, ухудшением экономических условий функционирования АПК, разрушением материально-технической базы и ослаблением кадрового потенциала сменился относительной стабилизацией и некоторым ростом объемов сельхозпроизводства на фоне крайне неблагополучного финансово-экономического состояния»[2].

Сложные природно-климатические условия в 1994–1997 гг. серьезно подорвали экономику сельхозтоваропроизводителей края. Деструктивные процессы, – деградация пашни, сокращение поголовья скота, объемов производства, сокращение степени механизации, вызванные отсутствием у предприятий финансовых и материально-технических ресурсов, низкой эффективностью производства, неплатежами, диспаритетом цен[3], – не только не были приостановлены, но еще усилились. Реформирование крупнотоварных механизированных сельскохозяйственных производств обернулось в большинстве случае их разрушением и выводом из оборота сельскохозяйственных земель.

Острейшей проблемой оставалась нехватка собственных оборотных средств для сезонного финансирования производства, связанная с недоступностью банковского кредита, высокой кредиторской задолженностью, особенно по платежам в бюджеты всех уровней и внебюджетные государственные фонды. Основная часть долгов приходилась на пени и штрафы. Суммы этих долгов были настолько велики, что погасить их самостоятельно, без реструктуризации задолженности предприятия в ближайшие годы не смогли. В силу этого подавляющая часть сельхозпредприятий имела неработающие банковские счета.

Несмотря на рост объемов валового производства сельхозпродукции и улучшение финансовых показателей деятельности сельхозтоваропроизводителей, это не сказалось кардинальным образом на их положении. Отсутствие необходимых денежных поступлений привело к многократному уменьшению закупок новой сельскохозяйственной техники, машин и оборудования, прекращению капитальных вложений в развитие социальной инфраструктуры села. Сельскохозяйственные предприятия края по обеспеченности зерновыми комбайнами находились на 65-м месте в Российской Федерации, тракторами в расчете на 1000 га пашни – на 76-м месте.

---

[1] **Байкалов С.П.** Системный анализ проблем промышленного развития региона. – Барнаул, 2000. – 290 с. Более подробно тенденции развития промышленности Алтайского края будут изложены в главе 4.1 монографии; **Бородин В.А.** Промышленность Алтайского края, XX век: чему учит история // Вестник алтайской науки. – 2001. – № 2. – С. 29–46; **Бородин В.А.** Стратегические направления реформирования промышленного комплекса Алтайского края // Ползуновский альманах. – 1999. – № 2. – С. 140–152; **Промышленность** Алтайского края: анализ, оценка, основные направления реформирования: науч. изд. – Барнаул, 1999. – 217 с.; **Промышленность** Алтайского края: анализ и оценка итогов работы в 1999–2000 гг.: отчет о НИР / Институт проблем промышленного развития. – Барнаул, 2000. – 88 с.;

[2] **Курцев И.В., Кисельников А.А., Мочалов В.М.** Экономико-статистический анализ агропромышленного комплекса Сибири и ее регионов: итоги аграрных реформ и проблемы постреформенного развития. – Новосибирск, 2005. – С. 64.

[3] По данным Главного управления сельского хозяйства администрации края, диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию резко усилился. Так, в 2000 г. по сравнению с 1990 г. требовалось зерна, соответственно: за 1 тонну дизельного топлива – 0,3 и 4,8 тонны; за 1 тонну бензина – 0,8 и 4,3 тонны; за 1 трактор К-700 – 82,3 и 772 тонны; за 1 трактор Т-4 – 39 и 319 тонн; за 1 комбайн «Нива» – 53 и 462 тонны.

Хозяйства были вынуждены перейти на экстенсивный путь развития. В этой ситуации происходило вымывание основных и оборотных средств, сокращение и невостребованность трудового потенциала. В результате – высокий уровень безработицы, при котором на долю села приходилось 55% всех безработных края.

Итак, вплоть до середины анализируемого периода (2005 г.) предпосылки для перехода базовых отраслей экономики края к устойчивому развитию, повышению конкурентоспособности региона в целом так и не были сформированы, что проявлялось: во-первых, в низкой текущей конкурентоспособности продукции промышленных предприятий края, отсутствии необходимых условий для существенного повышения конкурентоспособности в долгосрочной перспективе в силу ускоренного выбытия основных производственных фондов (по данным баланса ОФ 2005 г., коэффициент выбытия равен 9,9%, коэффициент поступления – 13,9%). Во-вторых, в низком уровне инвестиционного спроса, устаревшей материально-технической базе производства с крайне высокой долей технологического оборудования (по крупным и средним коммерческим организациям доля машин и оборудования, используемых более 15 лет, в 2005 г. составляла в целом по краю 37%, по базовым отраслям – 30,5%). В-третьих, в снижении эффективности использования основных фондов, высокой материалоемкости и росте энергоемкости продукции, низкой рентабельности, недостаточной для обеспечения расширенного воспроизводства и т.п.

Развитие края на заключительном этапе восстановительного роста экономики (2005 г. – первая половина 2008 г.). Стабильная экономическая ситуация, позитивная динамика финансового состояния предприятий послужили главными факторами устойчивого развития России и края в 2005–2007 гг.

Применительно к России в целом, по мнению ряда экономистов, «2005 г. может рассматриваться как начало нового этапа развития экономики, обусловленного наметившейся тенденцией к изменению качества и структуры экономического роста и к постепенной (пусть и медленной) переориентации его источников, во-первых, с внешнего экспортного спроса на внутренний, и, во-вторых, с добывающей сферы на перерабатывающие отрасли. Правда, говорить об устойчивости указанных процессов, как нам представляется, пока преждевременно»[1].

Относительное благополучие Алтайского края в предкризисный период (имеется в виду кризис 2008–2009 гг.) наиболее ярко проявилось на рынке труда.

Если до 2000 г. экономическая активность населения края увеличивалась незначительно, а в отдельные годы даже сокращалась, то 2005 г. стал своеобразной «точкой перелома» в тенденциях развития рынка труда края.

В результате устойчивого спроса на рабочую силу во всех секторах экономики в крае, как, впрочем, и в других регионах России, произошел стабильный рост занятости, продолжавшийся вплоть до нового экономического кризиса[2].

Для Алтайского края привлечение инвестиций, прежде всего, частных, в условиях рыночной экономики, стало, как показала многолетняя практика, «узким местом».

В 2005 г. доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте была чуть выше 15,7%. Однако именно с 2005 г. начался процесс стабильного роста этого важнейшего показателя, предопределяющего перспективы развития региона.

---

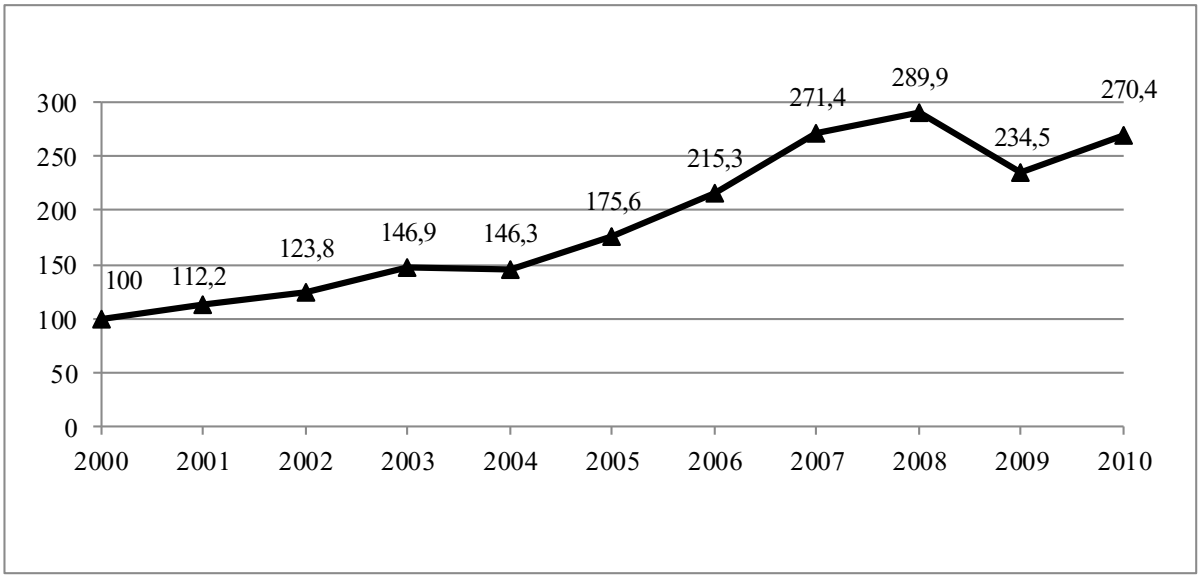
[1] **Ершов М.** Экономический рост: новые проблемы и новые риски // Вопросы экономики. – 2005. – № 12. – С. 22–23.

[2] Подробнее см.: **Рынок** труда Алтайского края. 2006–2009: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2010. – С. 6.

В 2006 г. по сравнению с 2005 г. объем инвестиций в основной капитал увеличился на 22,6%[1]. Аналогичная ситуация была характерна и для всего рассматриваемого периода. Так, в 2005–2007 гг. рост инвестиций в Алтайском крае принял характер убыстряющегося процесса: темпы роста инвестиций по отношению к 2000 г. составили в 2005 г. 1,8 раза, в 2006 г. – 2,2 раза, в 2007 г. – 2,7 раза.

Это позволило краю сохранить отмеченную позитивную тенденцию и в 2008 г. – первом году нового очередного кризиса. Как видно из рисунка 3.2, для инвестиций в Алтайском крае этот год стал переломным, достигнув своего максимума за 10 лет[2].

Среди других позитивных тенденций развития экономики в предкризисные годы следует отметить рост интенсивности процесса обновления основных фондов. Коэффициент обновления основных фондов в среднегодовых ценах составил в 2005–2007 гг., соответственно, 2,5, 2,7 и 3,0.



Источник: Данные Алтайкрайстата.

Рис. 3.2. Динамика инвестиций в основной капитал по Алтайскому краю, % (2000 г. = 100%)

Вместе с тем рост физического объема основных фондов в сопоставимых ценах в целом по краю (104,8% в 2007 г. по отношению к 2005 г.) не сопровождался качественным улучшением их состоянии из-за недостаточного выбытия материально устаревших фондов. В результате степень износа основных фондов выросла с 48,7% в 2005 г. до 51,3% в 2007 г. [3]

По сравнению с Россией и регионами СФО процесс обновления основных фондов шел с меньшей интенсивностью, в результате чего доля основных фондов края в основных фондах России составила в 2008 г. 0,8%, снизившись по сравнению с 2005 г. на 0,1 п.п. (процентных пункта).

[1] Рассуждая на эту тему, акад. Л. Абалкин писал: «для реальной модернизации экономики отечественные инвестиции в течение ближайших 15 лет должны расти примерно на 18% к предыдущему году». См.: **Абалкин Л.** Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. – 2006. – № 1. – С. 6–7.

[2] **Инвестиционная** деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 6.

[3] Это, на наш взгляд, еще одно свидетельство проявления закономерности концентрации экономической активности в наиболее развитых регионах страны.

Проблемным моментом осталась и сравнительно низкая эффективность использования основных фондов. Анализ, проведенный сотрудниками Алтайкрайстата, позволил установить, что эффективность использования основных фондов Алтайского края обеспечивалась опережающим ростом валовой добавленной стоимости по сравнению с ростом стоимости основного капитала (на 17,1 п.п.).

Однако в 2007–2008 гг. основные фонды в крае использовались с меньшей эффективностью. Прирост произведенной валовой добавленной стоимости на 81,2% был обеспечен ростом основных фондов и только на 18,8% – интенсивностью их использования[1].

Отмеченные выше позитивные тенденции в развитии экономики благотворным образом сказались на доходах населения. В анализируемом периоде наблюдался постоянный рост номинальных и реальных денежных доходов населения края (табл. 3.6). Отмеченная тенденция позволила сохранить уровень денежных доходов населения даже по итогам первого кризисного года[2].

Таблица 3.6

Динамика денежных доходов населения Алтайского края в 2005–2008 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008
Денежные доходы населения, млрд руб.	140,4	190,2	224,6	292,8
% к предыдущему году	130,0	135,5	118,1	130,4
Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	111,3	125,0	108,2	113,2
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	112,2	124,8	106,7	112,7

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Характеризуя в заключении развитие экономики на этапе восстановительного роста, обратим внимание на два момента.

Первый момент. Развитие края на этом этапе можно охарактеризовать в целом как период частичного оздоровления экономики. Однако ряд позитивных тенденций, позволивших нивелировать наиболее острые проблемы социально-экономического развития края, сочетался с накоплением диспропорций и противоречий в его экономике, обусловивших относительно невысокий уровень его конкурентоспособности.

Второй момент. Устойчивое развитие экономики края на заключительном этапе восстановительного роста, можно предположить, явилось следствием сочетания объективных (благоприятная макроэкономическая конъюнктура) и субъективных (деятельность новой администрации края) факторов. Это время, бесспорно, можно охарактеризовать как период активного создания предпосылок для укрепления конкурентоспособности края. К сожалению, в силу своей непродолжительности, он не привел к повышению качества роста, необходимого для формирования прочных и долгосрочных конкурентных основ алтайской экономики.

[1] **Процессы** воспроизводства основных фондов в Алтайском крае. 2005–2008: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2010. – С. 25.

[2] См. подробнее: **Денежные** доходы и потребительский спрос населения Алтайского края [2005–2009 гг.]: аналит. обзор. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2010. – 20 с.

3.4 КРИЗИС 2008–2009 гг.

В силу глобализации финансовой системы кризис на зарубежных финансовых рынках явился толчком к развитию кризисного процесса в России. Охватив российский финансовый рынок, кризис быстро перекинулся в реальный сектор экономики страны. Основным каналом трансформации кризиса из финансовой системы в производственную явилось, как известно, кредитное сжатие[1].

Естественно, что в условиях экономического спада, резкого уменьшения доступности кредитов, нарастания дефицита бюджета край не мог оставаться «островком стабильности».

Социально-экономическое развитие края в годы кризиса в целом происходило в русле общероссийских трендов. Вместе с тем неоднородность экономического пространства страны, специфика отраслевой структуры края и ряд других факторов наложили свой отпечаток на развитие края в годы кризиса. Это проявилось в несовпадении кризисных процессов в России и крае – как по времени, так и по глубине. Рассмотрим этот момент более подробно.

Развитие края в 2008 г. Анализируемый год с полным правом можно охарактеризовать как год втягивания Алтайского края в кризис: первый и второй кварталы характеризуются ростом основных показателей социально-экономического развития, третий квартал – стагнацией производства, и, наконец, четвертый квартал – умеренной рецессией (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Индексы выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, % к соответствующему периоду предыдущего года

Показатель	Россия		Алтайский край		Отклонение, п.п.	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009
1 квартал	109,1	87,7	113,4	88,8	+4,3	+1,1
2 квартал	106,9	85,7	112,6	91,2	+5,7	+5,5
3 квартал	105,5	90,8	100,0	96,5	–5,5	+5,7
4 квартал	97,1	97,4	94,4	102,5	–2,7	+5,1
Год	104,3	90,6	103,8	95,3	–0,5	+4,7

Источник: Влияние мирового финансового кризиса на производство и использование ВРП Алтайского края. 2008–2009: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 12.

Данные таблицы 3.7 свидетельствуют о том, что втягивание и дальнейшее развертывание кризиса в Алтайском крае и России происходило в 2008 г. по-разному: более медленное вхождение края в кризис в первой половине года в сочетании с более быстрой эскалацией кризиса во второй половине года. Последний момент предопределил в целом по году несколько большие темпы падения в крае индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, который

[1] В нашу задачу не входило изучение причин и форм проявления финансового кризиса в России. Об этом достаточно подробно уже в конце 2008 – начале 2009 гг. высказались ведущие ученые экономисты. См., например, **Алексашенко С.** Кризис 2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11.– С. 25–37; **Григорьев Л.** Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 12. – С. 27–45; **Замараев В.** Экономические итоги 2008 года: конец тучных лет диагноз // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 4–25.

составил, соответственно, 104,3 в России против 103,8% в крае и прироста ВРП. В России (из суммы регионов) прирост ВРП составил 5,7%, в крае – 3,3%.

Ранее уже отмечалось, что развитие края в 2008 г. носило противоречивый характер. Позитивная динамика развития края в этом году позволила увеличить ряд важнейших показателей: выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности вырос на 3,8%, объем промышленного производства – на 3,3%, внешнеторговый оборот – в полтора раза. Несмотря на рост объемных показателей деятельности, финансовые результаты свидетельствуют об убыточности экономики края (табл. 3.8).

Почти в два раза увеличился прирост реальных располагаемых денежных доходов населения. Однако рост потребления населения сдерживался ростом потребительских цен – на 1,2 п.п. выше, чем в среднем по России[1].

С другой стороны, стагнация и дальнейшая рецессия во второй половине 2008 г. сказались на замедлении темпов роста ряда ключевых отраслей и сфер: промышленного производства, инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли и др.

Таблица 3.8

Прирост основных показателей социально-экономического развития Алтайского края, % к предыдущему году

Показатели	2007	2008	2009
Валовой региональный продукт	9,5	3,3	–5,3
Выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности	12,2	3,8	–4,7
Промышленное производство	13,5	3,3	–8,0
Строительство	26,8	–4,5	–28,3
Грузооборот транспорта	11,4	1,3	–3,6
Сельское хозяйство	9,2	–5,2	20,2
Внешнеторговый оборот*, в том числе	41,9	53,2	–44,6
экспорт	60,0	39,2	–43,2
импорт	6,2	95,3	–47,7
Инвестиции в основной капитал	26,1	6,8	–19,1
Сальдированный финансовый результат в экономике	в 18,0 раз	–6,2	–19,7
Реальные располагаемые денежные доходы	6,7	12,8	–14,0
Общая численность безработных	–28,6	28,6	44,6
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)	12,1	14,5	10,1
Оборот розничной торговли	15,3	12,0	–17,5

* Без учета экспорта и импорта с Республикой Беларусь.

Источник: Влияние мирового финансового кризиса на производство и использование ВРП Алтайского края. 2008–2009: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 42.

[1] **Ценовая** ситуация на региональном потребительском рынке продовольственных товаров в период мирового финансового кризиса (Алтайский край, 2008–2010 г.): аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 9.

Особенно остро сказался кризис на развитии отрасли «строительство» (сокращение по сравнению с предыдущим годом на 4,5%)[1]. Сократился в 2008 г. по сравнению с предыдущим годом индекс физического объема сельскохозяйственного производства за счет снижения выпуска продукции растениеводства в сельскохозяйственных организациях, крестьянских и фермерских хозяйствах, хотя напрямую связывать это с кризисом было бы не совсем корректно. В заметной степени на кризис отреагировал также рынок труда края, где общая численность безработных выросла на 28,6% (при снижении численности безработных в 2007 г. на 26,8%).

Развитие края в 2009 г. Если попытаться дать обобщенную характеристику развития края в 2009 г., то она в целом исчерпывается понятием «полномасштабная рецессия». Этот год войдет в историю как самый сложный период для экономики Алтайского края после трансформационного спада, как год, на который пришлась самая острая фаза кризиса.

В самом деле, как видно из таблицы 3.8, подавляющее большинство приведенных показателей (за исключением сельскохозяйственного производства) характеризуются отрицательными темпами роста. Валовой региональный продукт в крае сократился в сопоставимых ценах на 5,3% (по России – на 7,6%), выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности – на 4,7%.

Произошло сокращение промышленного производства, грузооборота транспорта, оборота розничной торговли. Почти наполовину снизился внешнеторговый оборот, почти на 20% – сальдированный финансовый результат в экономике.

Снижение по сравнению с предыдущим годом инвестиций в основной капитал (на 19,1%) привело к дальнейшему падению объемов строительства (на 28,3%).

Ухудшение финансового состояния хозяйствующих субъектов, с одной стороны, и инфляция – с другой, повлекли за собой снижение денежных доходов населения. Если в 2008 г. по отношению к предыдущему году реальные располагаемые денежные доходы населения выросли на 12,8%, то в 2009 г. – уменьшились на 14,0% (см. табл. 3.8).

Обобщенные итоги развития края в кризисный период. Подытоживая вышесказанное, заметим, что для Алтайского края как и для всей страны в целом[2], финансовый кризис 2008–2009 гг. сопровождался нисходящими трендами развития экономики: падение экономики края, начавшееся в четвертом квартале 2008 г., закончилось лишь примерно через год.

Сравнительная оценка последствий кризиса для страны и края неоднозначна. С одной стороны, по оценке специалистов Алтайкрайстата, «общемировой финансово-экономический кризис на экономику и социальную сферу Алтайского края оказал более сильное негативное влияние, чем на соседние регионы СФО и России в целом»[3]. С другой стороны, суммарное падение темпов экономического роста за два года в крае сложилось на уровне среднего по России. В 2009 г. реальный объем валового

[1] В строительстве края первые признаки кризиса были отмечены органами статистики в апреле (только с января-октября индекс составил 98,7%, до этого он был больше 100%), на транспорте – в июле, в промышленности – в ноябре 2008 г.

[2] Заметим, в связи со сказанным, что по оценке директора по макроэкономическим исследований ГУ-ВШЭ к.э.н. С. Алексашенко, Россия входит в число стран, в наибольшей степени пострадавших от глобального кризиса: масштабы падения экономики оказались больше, чем во многих развитых и развивающихся странах мира. См.: **Алексашенко С.** Кризис 2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11 – С. 4.

[3] **Экономика** Алтайского края в 2008–2009 гг.: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2010. – С. 66.

Таблица 3.9

Валовой региональный продукт РФ и Алтайского края

	Показатель	2007	2008	2009	2009 к 2007, %
Россия	ВРП (из суммы регионов), млрд руб.	27964,0	33908,8	32007,2	114,5
	% к предыдущему году, в основных сопоставимых ценах	108,3	105,7	92,4	97,7
	На душу населения, руб.	195819	237552	224163	114,5
Алтайский край	ВРП, млн руб.	223563,4	259343,1	265613,3	118,8
	% к предыдущему году, в основных сопоставимых ценах	109,5	103,3	94,7	97,8
	% к ВРП России	0,8	0,8	0,8	–
	На душу населения, руб.	90760	106020	109089	120,2
	% к ВРП на душу населения России	46,3	44,6	48,7	+2,3 п.п.

Источник: Влияние мирового финансового кризиса на производство и использование ВРП Алтайского края. 2008–2009: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 11.

регионального продукта по Алтайскому краю сократился по отношению к 2007 г. на 2,2% (по России – на 2,3%). При этом рост ВРП в 2008 г. и его снижение в 2009 г. происходили в меньшей степени, чем по России (табл. 3.9).

Необходимо также отметить, что 32% всех субъектов Российской Федерации имели по сравнению с Алтайским краем более низкие показатели индекса физического объема ВРП. В годы кризиса удельный вес края основных макроэкономических показателей России существенно не изменился. Доля ВРП Алтайского края составила 0,8% в сумме региональных ВРП, среднесписочной численности занятых – 1,6%, объема основных фондов (на конец года по полной учетной и балансовой стоимости) – 0,8%, активов организаций – 0,3%[1].

Кризис выявил наиболее «слабые звенья» в экономике края в условиях воздействия внешних шоков и экономической нестабильности. Среди них – более выраженное по сравнению с Россией сокращение реального объема инвестиций в основной капитал (на 6,2 п.п.).

Заметим, что в 2008 г., учитывая инерционность инвестиционных процессов, объем инвестиций в крае достиг максимального значения за предыдущие восемь лет (2000–2008 гг.). Стагнация экономики повлекла за собой резкое уменьшение в 2009 г. объемов инвестирования, отбросив край по этому показателю на уровень 2006 г.[2]

Строительство в крае развивалось в предкризисные годы опережающими российские показатели темпами. Однако реакция отрасли на кризис в крае произошла раньше, чем в целом по России, и характеризовалась более высокими темпами падения, в результате чего негативные последствия кризиса для строительства в регионе оказались более существенными.

[1] **Влияние** мирового финансового кризиса на производство и использование ВРП Алтайского края. 2008–2009: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 10–11.

[2] **Инвестиционная** деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010: аналит. зап. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2011. – С. 6.

Естественно, сокращение объемов строительства в крае повлекло за собой стагнацию и падение связанных с ним отраслей: производство строительных материалов сократилось за годы кризиса более чем на треть (34,5%).

Другой базовой отраслью края, наиболее сильно пострадавшей от кризиса, была промышленность[1]. Однако в отличие от строительства промышленность края по сравнению с Россией характеризовалась более высокими темпами прироста в 2008 г. и меньшей глубиной падения в 2009 г. В итоге за два года кризиса темпы снижения промышленного производства в крае были в 1,8 раза меньше среднероссийских.

В условиях кризиса 2008–2009 гг. относительную экономическую стабильность Алтайского края обеспечили две взаимосвязанных отрасли – сельское хозяйство и обрабатывающие производства (производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; обработка древесины и производство изделий из дерева; химическое производство).

С одной стороны, ситуация в сельском хозяйстве в силу таких особенностей отрасли, как значительная степень зависимости от природных факторов, длительный производственный цикл, ограниченные финансовые ресурсы – повлияла не лучшим образом на итоги социально-экономического развития региона, что нашло свое отражение в показателях развития края 2008 г. С другой стороны, стабильность спроса на продукцию сельского хозяйства вкупе с емким внутренним рынком края позволили сельхозтоваропроизводителям обеспечить рост производства (120,2% к 2008 г.). В результате в 2009 г. объемы производства продукции сельского хозяйства впервые за период с начала реформ превысили уровень 1990 г., составив 110,2%.

Пищевые производства, бесспорно, относятся к числу наиболее динамично развивающихся отраслей края, о чем свидетельствует стабильный рост выпуска ими продукции (в 2008 г. – на 1,3%, в 2009 г. – на 10,0%). Учитывая их значимый вклад в формировании индекса промышленного производства (29,3%), они для края в условиях нестабильной экономики с полным правом могут рассматриваться как «якорные».

Потребительский рынок края испытал на себе меньшее негативное влияние кризиса по сравнению с ключевыми секторами экономики края (обрабатывающими производствами, строительством и транспортом). Тем не менее падение платежеспособного спроса населения в силу большего по сравнению с Россией снижения среднедушевого дохода повлекло за собой более существенное уменьшение оборота розничной торговли (по РФ по сравнению с 2007 г. прирост составил 7,9%, по краю – –7,6%).

Напротив, по объему платных услуг, оказанных населению, Алтайский край по сравнению с Россией находился в выигрышном положении. Прирост по этому показателю намного (в 3,5 раза) превышает среднероссийский (к уровню 2007, соответственно, 6,0 и 1,7%).

Ухудшение финансовых показателей крупных и средних предприятий ряда производств, дефицитный консолидированный бюджет края, высокая инфляция[2] не могли не сказаться негативным образом на уровне жизни населения: доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, увеличилась с 20,1% в 2007 г. до 24,4% в 2009 г.

[1] Заметим, что ситуация в различных секторах промышленности существенно разнилась. Наиболее негативное влияние на темпы промышленного производства оказало резкое падение выпуска в таких видах обрабатывающих производств, как производство транспортных средств (сокращение в 1,9 раза), готовых металлических изделий (в 1,4 раза), машин и оборудования (на 37,0%), кокса (на 17,0 %).

[2] Инфляция в Алтайском крае в силу опережающего роста цен на продовольственные и непродовольственные товары превышала среднероссийскую: в 2008 г. – на 1,2 п.п., в 2009 г. – на 1,3 п.п. В целом это проявление закономерностей экономической жизни: рост инфляции на периферии, как известно, происходит более высокими темпами.

Особо, на наш взгляд, следует отметить большую уязвимость и меньшую устойчивость к внешним шокам социальной сферы, прежде всего рынка труда. Уровень безработицы в Алтайском крае существенно превышал среднероссийский: в отдельные месяцы 2008–2009 гг. превышение по показателю общей безработицы составляло 1,1–1,7 раза, по официальной (зарегистрированной) – 1,4–2,3 раза.

Сравнение достигнутых к концу 2009 г. показателей развития ключевых отраслей экономики края (промышленности, транспорта, строительства) с показателями докризисного 2007 г. свидетельствует о том, что кризис к концу 2009 г. не был преодолен. Аналогичная ситуация была характерна и для страны в целом.

3.5 ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный этап развития края[1], так же как и предыдущий этап восстановительного роста, априори не является однородным. Здесь в зависимости от особенностей экономики, возможно, с определенной степенью условности, выделение двух сменяющих друг друга этапов. Суть первого из них (2010–2012 гг.) заключается в оживлении экономики, обусловленном выходом из очередного кризиса. Содержание и характерные черты второго этапа (с 2013 г. по настоящее время) предопределяются рецессией как результатом структурного кризиса.

Приняв названную периодизацию за основу, дадим выделенным этапам краткую характеристику.

Особенности развития края на этапе выхода из кризиса. Выход из кризиса страны в целом и Алтайского края, в частности, несмотря на имевшие место пессимистические прогнозы, начался уже в 2010 г. По сравнению с предыдущим годом экономическая конъюнктура сложилась более благоприятно, что позитивным образом сказалось на деловой активности и экономическом положении предприятий и организаций. Улучшились общие финансовые результаты их хозяйственной деятельности, возросла доля прибыльных предприятий и организаций.

Одной из основных отличительных черт восстановления реального сектора экономики в Алтайском крае по сравнению с Россией были более высокие темпы роста основных показателей развития экономики. Так, производство промышленной продукции в Алтайском крае в 2010 г. по отношению к 2007 г. составило 115,9% (Россия – 96,4%); продукции сельского хозяйства – 109,5% (Россия – 99,7%); грузооборот транспорта общего пользования, соответственно, 106,1 и 96,7%; инвестиции в основной капитал – 99,6 и 98,2%. В результате укрепления финансового положения предприятий, с одной стороны, и повышения доступности кредитов – с другой, инвестиционная активность в крае практически достигла уровня докризисного 2007 г. На ее рост позитивно повлияла государственная поддержка, оказанная в 2009 г. из федерального и, отметим особо, краевого[2] бюджетов.

[1] Под современным этапом развития края мы понимаем хронологический период, охватывающий последние 6 лет (с 2010 г. и по настоящее время).

[2] На увеличение роли краевого бюджета в инвестиционном процессе позитивно повлиял рост в 2010 г консолидированного бюджета края: профицит составил 5 млрд руб., объем собственных доходов увеличился на треть.

Доля бюджетных средств в общем объеме инвестиций края выросла с 21,3% в 2006 г. до 24,8% в 2010 г., в том числе инвестиций из краевого бюджета – с 6,1 до 11,3%[1].

Приведенные цифры свидетельствуют о двух важных моментах, имеющих отношение к экономической политике:

(1) выход из кризиса происходил в рамках существующей модели роста, где государство, нейтрализуя «рыночную стихию» (по выражению В. Мау), играло все более важную роль в обеспечении роста экономики;

(2) увеличивая спрос на товары и услуги, государство, тем самым, пыталось компенсировать рыночную неопределенность и слабость зарождающихся рыночных институтов.

Одним из главных индикаторов состояния экономики является, как известно, рынок труда. Оживление экономики края в 2010 г. придало новый импульс его развитию: уровень экономической активности населения по сравнению с 2009 г. увеличился в 2010 г. на 1,3 п.п. и составил 66,6% (по России – 67,7%)[2].

Согласно обследованиям по проблемам занятости, проведенным Алтайкрайстатом, численность безработных в 2010 г. по сравнению с кризисным 2009 г. сократилась на 41,4 тыс. чел. (27,2%), численность занятого населения, напротив, увеличилась на 57,1 тыс. чел. (5,2%). Соответственно, нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию уменьшилась с 19, 1 до 7,5 чел.[3]

Тем не менее ситуация на рынке труда края на начальном этапе выхода из кризиса по сравнению с общероссийской и регионами СФО оставалась более сложной: уровень общей безработицы в Алтайском крае равнялся в 2010 г. 8,8%, что на 1,3 п.п. выше среднероссийского показателя и на 0,1 п.п. – показателя уровня общей безработицы по регионам СФО.

Среднее время поиска работы безработными в крае составило 8,3 месяца (по России – 7,5, по СФО – 7,6 месяца). Доля безработных, ищущих работу год и более (так называемая застойная безработица), достигла в 2010 г. 38,1% (по России – 30,0%, по СФО – 34,1%)[4].

Сказанное выше позволяет нам обозначить вторую отличительную особенность характеризуемого периода: восстановление стабильности на рынке труда Алтайского края по сравнению с Россией шло менее интенсивно[5].

По результатам обследования населения по проблемам занятости[6] в 2009–2012 гг. в Алтайском крае произошло снижение экономической активности населения края. Общая численность экономически активного населения за анализируемый период сократилась на 45,7 тыс. чел. (3,7%). Уровень экономической активности в 2012 г. по сравнению с 2009 г. уменьшился на 0,2 п.п.

---

[1] **Инвестиционная** деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – С. 9–10.

[2] **Рынок** труда Алтайского края. 2006–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул. – 2011. – С. 6.

[3] **Там же.** – С. 23.

[4] **Там** же.– С. 24–25.

[5] Мы решили ограничиться констатацией этого факта, поскольку его трактовка и оценка требуют специального углубленного исследования. См. об этом: **Мау В.** Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики – 2011. – № 2. – С. 14–15.

[6] См. подробнее: **Сегменты** рынка труда Алтайского края: неформальная занятость – состояние и тенденции развития: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 6–11.

В последующие годы развитие рынка труда было обусловлено позитивными сдвигами в экономике края. Вместе с тем эти сдвиги обусловили уменьшение общей численности безработных граждан в крае в 2 раза; уровень безработицы составил 6,2%. Безработица на регистрируемом рынке труда снизилась с 4,7 до 2,5%. Заметно уменьшился коэффициент напряженности на региональном рынке труда и средняя продолжительность периода безработицы.

Наряду с объемом инвестиций и уровнем занятости населения своеобразной «лакмусовой бумажкой», свидетельствующей об оживлении экономики, является ценовая ситуация в регионе.

Кризисный период, как известно, характеризуется заметным падением спроса и, как следствие, снижением цен. Именно такая ситуация была характерна для 2009 г., когда практически во всех отраслях Алтайского края (за исключением розничной торговли) наблюдалось существенное снижение цен (от 5 до 20%)[1] – таблица 3.10.

В 2010 г. цены в ведущих секторах экономики начали расти, что свидетельствует о повышении спроса, характерного для посткризисного периода, о возобновлении экономического роста. За период с 2008 по 2010 год наибольший рост (в 1,4 раза) был характерен для потребительских цен[2] и цен производителей сельхозпродукции[3].

Цены производителей промышленных товаров и строительной продукции увеличились в 1,3 раза. Темпы прироста цен на грузовые перевозки автомобильным транспортом составили 0,6%, на услуги связи для юридических лиц – 10,2%.

Таблица 3.10

Динамика индексов цен в Алтайском крае в 2008-2010 гг., %

Показатели	2008	2009	2010
Индекс потребительских цен	114,5	110,1	108,2
Индекс цен производителей промышленных товаров	105,0	95,1	129,7
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции	111,2	90,8	137,5
Сводный индекс цен строительной продукции	118,9	93,7	113,0
Индекс тарифов на грузовые перевозки автомобильным транспортом	123,9	80,1	101,4
Индекс тарифов на услуги связи для юридических лиц	102,4	102,8	104,7

Источник: Данные Алтайкрайстата.

[1] **Ценовая** ситуация на региональном потребительском рынке продовольственных товаров в период мирового финансового кризиса (Алтайский край, 2008–2010 гг.): аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – С. 5.

[2] Потребительские цены на товары и услуги в Алтайском крае выросли в 2008–2010 гг. на 36,4%, по России в среднем – на 34,1%. Ежегодные приросты в 2008–2009 гг. были в крае выше, чем в России – на 1,2 п.п. и на 1,3 п.п. соответственно.

[3] Цены на сельскохозяйственную продукцию Алтайского края выросли за 2010 г. на 37,5% (самый высокий прирост за последние 7 лет). Такая динамика была обусловлена увеличением спроса на производимую в крае сельхозпродукцию в условиях засухи в европейской части России.

Темпы прироста цен в Алтайском крае в ведущих секторах экономики превышали соответствующие показатели по России: на сельхозпродукцию – на 14,4 п.п., промышленные товары – на 5,9 п.п., потребительские товары и услуги – на 2,3 п.п.[1]

В 2010 г. возобновилась многолетняя тенденция роста реальных денежных доходов Алтайского края. Последние в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 4,6% (в 2009 г. упали на 13,2%). При этом докризисного уровня по этому важнейшему показателю, как свидетельствуют наши расчеты, краю достичь не удалось: если в 2008 г. среднедушевые располагаемые денежные доходы населения составляли 2,2 прожиточных минимума, то в 2010 г. – лишь 1,8.

Это не могло не сказаться на уровне потребления населения края. Оборот розничной торговли в 2010 г., по информации Алтайкрайстата, не достиг уровня 2007 г. (98,5%), в то время как в целом по России он вырос на 14,9%[2].

В связи со сказанным выше, заметим, что третьей отличительной особенностью начала восстановительного периода в крае по сравнению с Россией являются более низкие темпы стабилизации денежных доходов и уровня потребления населения.

В целом за анализируемый период наблюдался заметный рост различных показателей уровня жизни населения[3]. Так, в 2012 г. по сравнению с первым годом кризиса (2008 г.):

- заработная плата работников выросла на 64,5%;
- пенсии – в 2 раза;
- располагаемые ресурсы домашних хозяйств в среднем на 1 члена домохозяйства – на треть (32,8%).

Несмотря на то что доля расходов населения на продукты питания выросла и составила более 30%, жизненные условия потребителей в Алтайском крае можно оценить как удовлетворительные[4].

В качестве позитивного и крайне важного аспекта социального развития края отметим снижение поляризации населения по доходам. По степени равномерности распределения доходов, оцениваемого с помощью коэффициента фондов, Алтайский край занимал в 2012 г. среди регионов СФО второе место.

Интересно отметить, что и в предыдущие годы (2000–2006 гг.) расслоение населения края по доходам шло более медленными темпами, чем в России[5]. Косвенно, на наш

---

[1] **Ценовая** ситуация на региональном потребительском рынке продовольственных товаров в период мирового финансового кризиса (Алтайский край, 2008–2010 гг.): аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – С. 5, 7.

[2] Подробнее об этом см.: **Потребительский** рынок продовольственных товаров Алтайского края. 2008–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – С. 19–23.

[3] При характеристике уровня жизни были использованы материалы Алтайкрайстата, опубликованные в следующих аналитических записках: **Алтайская** семья в зеркале статистики.2008–2012: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 56 с.; **Цифры** и факты: качество жизни населения в Алтайском крае. 2009–2013: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 52 с.

[4] Согласно классификации жизненных условий потребителей, предложенной зарубежными статистиками, доля расходов населения на продукты питания от 30 до 35%, оценивается как удовлетворительные условия, от 35 до 40% – как малоутешительные. Доля расходов на питание свыше 50% свидетельствует о бедности потребителей.

[5] **Диспропорция** в доходах населения Алтайского края (2000–2006 гг.): аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. - Барнаул, 2007. – С. 23.

взгляд, это свидетельствует о меньшем проникновении рыночных отношений в алтайскую экономику.

Оценивая изменения уровня жизни населения края в посткризисный период (2008–2012 гг.), нельзя не отметить ряд негативных тенденций.

Первая из них обусловлена более высокими темпами роста прожиточного минимума по сравнению со среднедушевыми денежными доходами (соответственно, 1,45 и 1,36). В результате незначительно ухудшилось соотношение названных показателей: если в 2008 г. среднедушевые денежные доходы превышали прожиточный минимум в 2,37 раза, то в 2012 г. – в 2,23 раза.

Удорожание жизни, естественно, привело к росту численности населения, живущего за чертой бедности. В 2012 г., согласно данным Алтайкрайстата, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 495,2 тыс. чел., увеличившись по сравнению с 2008 г. на 6,3% (без учета теневых доходов).

Вторая негативная тенденция обусловлена влиянием другого фактора – относительно низкими темпами роста показателей уровня жизни населения.

Так, реальные располагаемые денежные доходы населения в период 2010–2012 гг. росли ежегодно на 1,8–4,7%. Тем не менее эти темпы не позволяли компенсировать резкое падение доходов населения в 2009 г. (на 14%). По сравнению с началом кризиса реальные располагаемые денежные доходы населения края уменьшились на 4,2%.

Относительно низкие темпы роста показателей уровня жизни населения края повлекли за собой консервацию отставания края по анализируемым показателям от России и СФО. Величина среднедушевых денежных доходов населения в крае была в 1,7 раза ниже среднероссийского уровня, а среди регионов СФО край по этому показателю занимал предпоследнее место.

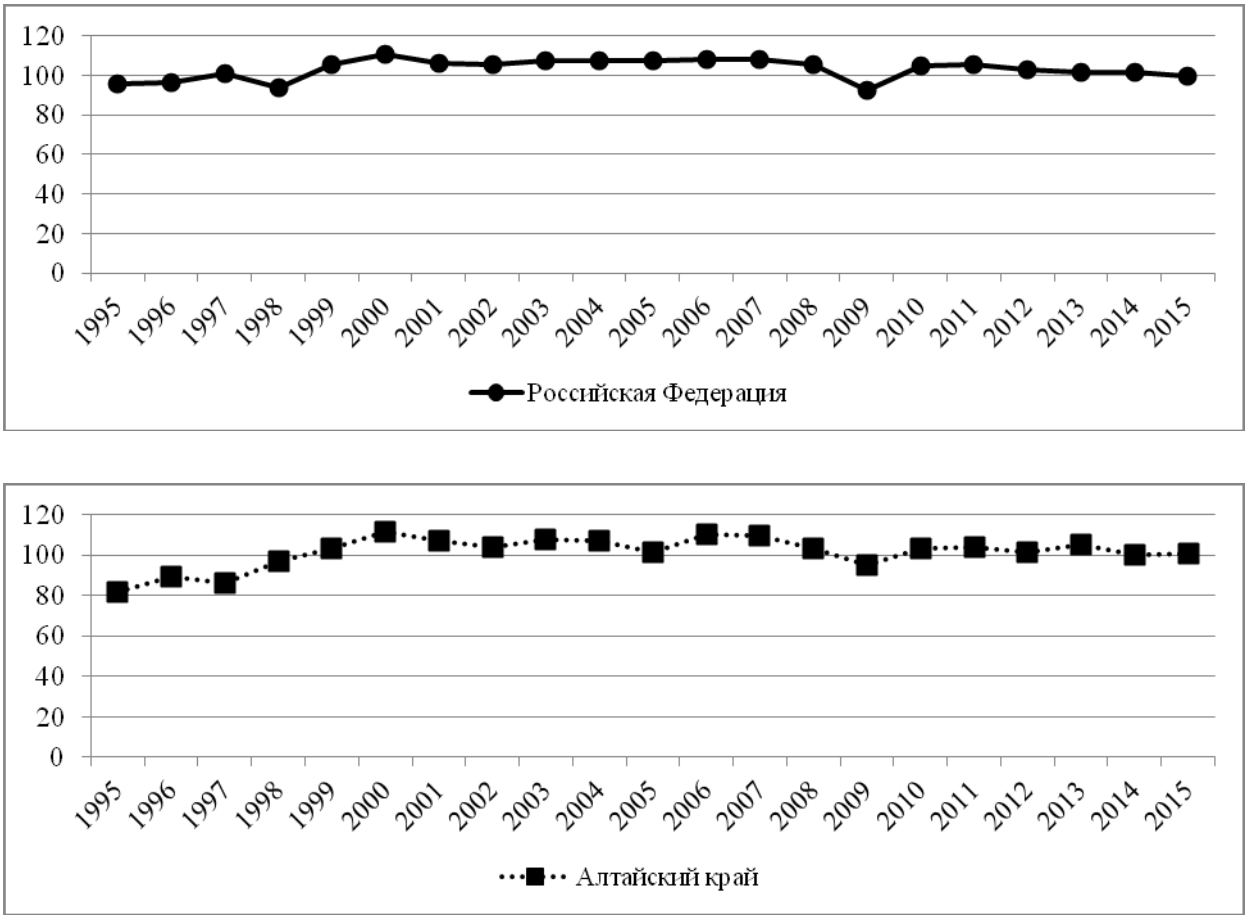
Несмотря на то что краю в 2010–2012 гг. удалось сократить уровень бедности населения более высокими, чем в России, темпами (3,3 п.п. против 1,8 п.п. соответственно), разрыв остался заметным: доля населения за чертой бедности в 2012 г. составила в крае 20,6% (в России – 10,7%).

О сохранении заметных различий в уровне жизни населения края и России свидетельствуют и результаты федерального статистического выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного Алтайкрайстатом[1].

За период с 2008 по 2012 год темпы роста располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена домохозяйства в Алтайском крае были на 22,6 п.п. ниже, чем в России. Вследствие этого на конец этапа выхода из кризиса уровень располагаемых ресурсов домохозяйств в Алтайском крае оказался почти на четверть (24%) ниже среднероссийского и на 14% меньше чем в регионах СФО.

Изложенное выше позволяет нам выделить две особенности развития края на этапе выхода из кризиса. Во-первых, край более медленно втягивался в кризис и более быстро выходил из него. Во-вторых, если судить по обобщающему показателю – индексу физического объема валового регионального продукта, – то, как видно из рисунка 3.3, в 2013 г. в крае он вырос, в то время как в России уменьшился.

[1] Заметим, что в силу недостаточной репрезентативности (обследовано всего 745 семей, в том числе 420 городских и 325 сельских), эти результаты в процессе анализа целесообразно использовать как дополнительные.



Примечание. 1995–1997 гг. - оценка

Источник: Данные Росстата.

Рис. 3.3. Динамика индекса физического объема ВРП Алтайского края и регионов Российской Федерации в 1995–2015 гг., % к предыдущему году

Значительную роль в формировании более высоких по сравнению с Россией темпов посткризисного развития экономики сыграл «эффект масштаба».

Регионы с относительно небольшой по масштабу экономикой достигли полного преодоления кризиса по сравнению с регионами с более масштабной экономикой в первую очередь (табл. 3.11).

Сказанное, однако, не исключает совпадения в главном тенденций развития экономики края и страны, главной чертой которых является затухающий характер восстановительного роста. Совпадение тенденций развития страны и отдельного ее региона – закономерное явление, поскольку, по мнению известного экономиста В. Мау, «механизм торможения, связанный с исчерпанием действовавшей с 1999 г. модели экономического роста, имеет общестрановой характер»[1].

[1] Рассуждая по этому поводу, он писал: «Применительно к России этого суть преодоления структурного кризиса состоит в необходимости уйти от рентной экономики, то есть от модели, основанной на масштабном перераспределении доходов, поступление и рост которых не связаны с повышением производительности». См.: **Мау В.** Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика в России в 2015 г. // Вопросы экономики. – 2016. – № 2 – С. 17.

Таблица 3.11

Оценки полного преодоления кризиса по регионам Сибири, % к 2008 г.

Регион	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Алтай	82,6	87,4	90,9	80,2	90,8
Республика Бурятия	92,6	95,8	99,5	100,0	100,8
Республика Тыва	96,3	97,1	103,8	99,5	100,4
Республика Хакасия	76,9	80,7	87,9	104,4	106,8
Алтайский край	71,7	86,6	97,6	99,6	100,,3
Забайкальский край	79,5	55,8	57,3	58,6	59,5
Красноярский край	92,2	97,7	102,2	99,1	99,6
Иркутская область	78,7	83,7	90,3	94,5	86,7
Кемеровская область	71,6	81,2	83,5	84,1	88,1
Новосибирская область	65,1	83,0	93,4	86,0	96,7
Омская область	65,2	76,4	85,1	91,5	91,6
Томская область	79,6	73,0	80,8	83,5	81,1

Примечание. Временная оценка полного преодоления кризиса проводилась по самому раннему году, когда рост физического объема основных показателей развития региона достигал уровня 2008 г.

Источник: Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2016. – С. 349.

Различия же в тенденциях, асинхронность проявления кризиса, как отмечалось ранее, обусловлены, как правило, отраслевой структурой региональной экономики. Так, «локомотивом» роста валовой добавленной стоимости (ВДС) в Алтайском крае в 2013 г. было сельское хозяйство, индекс физического объема ВДС которого составил 114,5% (в 2012 г. – 84,1%). Вырос также индекс физического объема ВДС торговли (в 2012 г. – 101,1%, в 2013 г. – 105,5%) и обрабатывающих производств (100,9 и 103,7% соответственно). Несколько снизился, хотя и остался высоким, индекс ВДС по виду деятельности «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (121,9 и 113,2% соответственно). Заметим, что на долю перечисленных видов деятельности приходилось более 62% ВДС края (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Динамика структуры валового регионального продукта в Алтайском крае в 2005–2015 гг., %

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	16,8	16,4	15,8	15,6	18,3	18,4	16,1	13,8	15,6	14,6	17,3
Добыча полезных ископаемых	0,2	0,4	0,5	0,7	0,8	0,9	1,2	1,1	0,8	0,7	0,7
Обрабатывающие производства	19,4	18,5	17,5	17,7	17,6	20,0	19,9	19,7	19	18,2	18,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,7	4,5	4,2	4,1	4,7	4,3	4,2	4,0	3,7	2,7	2,4
Строительство	4,7	4,8	4,2	4,3	3,9	5,0	4,8	4,9	4,6	6,1	5,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21,8	20,9	23,7	21,4	18,9	19,3	17,4	16,9	17,0	16,8	15,7
Гостиницы и рестораны	0,8	0,8	0,8	0,9	0,7	0,7	0,8	0,9	0,8	0,9	1,0
Транспорт и связь	7,5	8,6	8,9	9,4	8,3	5,8	7,8	7,6	6,6	8,0	7,6
Финансовая деятельность	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	0,5	0,5	0,4	0,2	0,2	0,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,5	6,3	6,5	6,8	5,6	6,9	9,1	10,7	11,7	11,7	12,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение, социальное страхование	5,0	7,1	7,2	7,6	8,5	7,6	7,0	8,2	8,0	7,8	7,0
Образование	5,2	4,6	4,1	4,4	5,0	4,3	4,6	4,8	4,7	4,8	4,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,0	5,5	5,2	5,8	6,1	5,3	5,5	5,8	5,7	5,8	5,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,3	1,4	1,3	1,2	1,3	1,0	1,1	1,2	1,6	1,7	1,7

Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 22.04.2017 г.).

Наиболее ярко изменение экономической ситуации проявляется в инвестиционной сфере. Тренд ускоряющегося восстановления инвестиционной активности, характерный для посткризисного оживления экономики в 2010–2012 гг., уже в 2013 г. пришел к своему завершению. Если в 2010–2012 гг. темпы роста инвестиций в основной капитал составляли в среднем 114%, то в 2013–2015 гг. – лишь 96,5% (в первой половине 2016 г. – 88,5%). Аналогичная картина характерна и для России в целом.

Характерные черты развития экономики края в 2013–2016 гг. Оценка экономических и социальных процессов, произошедших в крае в 2013–2016 гг., во многом зависит от представления о характере переживаемого этапа экономического развития страны. По мнению В. Мау, «глобальный кризис, начавшийся в 2007–2008 гг., остается определяющим фактором социально-экономического развития ведущих стран, включая Россию… Речь идет о длительном периоде турбулентности (подчеркнуто мною – *А.Т.*), когда в результате глубинных сдвигов формируется новая модель экономического роста…»[1].

Развитие экономики края на этом этапе происходило в рамках тенденций, характерных для России в целом: торможение экономического развития, получившее свое начало в 2012 г., продолжилось с нарастающими темпами в последующие годы (табл. 3.13). В 2013 г. стало окончательно ясно, что период стабильного роста экономики как страны, так и края, подошел к своему завершению.

Оценивая экономическую ситуацию, сложившуюся в крае в 2013–2016 гг., необходимо выделить две ее черты.

С макроэкономической точки зрения она (ситуация), в особенности на общероссийском фоне, может быть оценена как относительно стабильная. Об этом свидетельствует, прежде всего, рост региональной экономики. Среднегодовые темпы роста валового регионального продукта в 2013–2015 гг. составили в крае 101,9% (в России – 100,8%). По темпам среднегодового роста физического объема ВРП в 2013–2015 гг. в расчете на душу населения Алтайский край занял 25-е место среди 85 регионов России.

Сохраняется достигнутый уровень промышленного производства, сельское хозяйство демонстрирует неплохие темпы роста (7% в среднегодовом исчислении при 4,2% в России), растет, пусть и невысокими темпами, грузооборот транспорта. Продолжается рост реальных располагаемых доходов населения (на фоне их падения в среднем по России), увеличивается ввод в действие жилых домов (см. табл. 3.13).

С другой стороны, как отмечалось выше, как для страны, так и для края период 2013–2016 гг. характеризуется качественным изменением ситуации, обусловленным заметным торможением роста ряда основных показателей социально-экономического развития по сравнению с предыдущим периодом. Таблица 3.14 наглядно демонстрирует наступление в рассматриваемом периоде рецессии – как в России, так и в крае. При этом нельзя не отметить, что торможение экономики в крае по большинству анализируемых показателей происходило меньшими темпами по сравнению с Россией.

Исключением является инвестиционная сфера края, где ситуация может быть оценена как настораживающая. Темпы снижения объема инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг. составили в среднегодовом исчислении 5,5%, что выше среднероссийских показателей.

[1] **Мау В.** Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. – 2015. - № 2. – С. 5.

Таблица 3.13

Динамика основных показателей социально-экономического развития Алтайского края и России в 2010–2016 гг., % к предыдущему году

Показатели	Алтайский край							Россия						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность занятых в экономике	105,2	97,4	100,4	94,2	101,4	101,5	97,6	100,1	100,2	100,5	99,9	99,9	99,6	100,1
Общая численность безработных	72,8	93,4	72,1	128,8	87,1	113,7	105,1	88,2	88,8	83,9	100,2	94,0	107,4	99,5
Реальные располагаемые денежные доходы	104,7	104,5	101,8	108,6	107,1	100,4	93,8	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3	95,7	94,1
Промышленное производство	122	104,5	104,4	101,3	98,9	100,1	101,1	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1
Продукция сельского хозяйства	96,1	102,7	88,4	122,7	88,7	107,1	112,4	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	102,6	104,8
Ввод в действие жилых домов	100,8	96,4	101,6	102,9	113,6	117,9	84,8	97,6	106,6	105,6	107,2	118,2	101,4	94,0
Грузооборот транспорта	108,2	109,0	100,0	100,5	102,8	94,3[1]	95,3[1]	106,9	103,4	102,9	100,6	99,9	100,2	101,8
Оборот розничной торговли	106,6	113,0	110,8	104,4	100,1	90,6	94,8	106,5	107,1	106,3	103,9	102,7	90,0	94,8
Внешнеторговый оборот[2]	84,5	93,5	104,9	92,3	84,4	82,8	…	132,7	130,6	103,5	100,0	93,4	66,4	88,6
Инвестиции в основной капитал	115,3	114,5	112,1	105,2	101,1	83,2	90,0	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	91,6	99,1

Примечания. 1. Алтайский край – грузооборот автомобильного транспорта (крупные и средние организации).

2. По данным Таможенной статистики, в фактически действовавших ценах. За 2010–2011 гг. с учетом стран ЕАЭС, в 2010–2012 гг. по краю данные не могут быть корректно определены из-за отсутствия данных по импорту из Казахстана.

Источник: Данные Росстата.

Таблица 3.14

Среднегодовые темпы роста основных социально-экономических показателей развития Алтайского края и России, %

Показатели	Алтайский край		Россия	
	2010–2012	2013–2016	2010–2012	2013–2016
Численность занятых в экономике	100,9	98,6	100,3	99,9
Общая численность безработных	78,9	107,6	86,9	100,2
Реальные располагаемые денежные доходы	103,7	102,3	103,6	98,5
Промышленное производство	110,0	100,3	105,2	99,9
Продукция сельского хозяйства	95,6	107,0	101,3	104,2
Ввод в действие жилых домов	99,6	104,0	103,2	104,8
Грузооборот транспорта	105,7	101,6	104,4	100,6
Оборот розничной торговли	110,1	97,3	106,6	97,7
Инвестиции в основной капитал	114,0	94,5	107,9	97,4

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Заметим, что Алтайскому краю вплоть до 2014 г. удавалось удерживать достаточно высокие темпы развития инвестиционной сферы[1]. Это подтверждается постоянным ростом доли инвестиций в ВРП края (за исключением 2014 г.): в 2010 г. рост на 18%, в 2011 г. – 21,2, в 2012 г. – 22,7, в 2013 г. – 22,7, в 2014 г. – на 22,3%[2].

Торможение темпов роста инвестиционной сферы с 2014 г. по 2016 год во многом объясняется спецификой структуры источников ее финансирования: в Алтайском крае на долю бюджетных инвестиций приходится порядка четверти их общего объема (для сравнения: в большинстве стран мира бюджетные инвестиции не превышают 3–4%).

«Сжатие» доходной части бюджетов всех уровней в условиях перехода от посткризисного оживления экономики (2010–2012 гг.) к ее стагнации заметно уменьшило инвестиционный потенциал алтайской экономики и возможности стимулирования экономического роста в крае за счет бюджетных средств[3]. За период 2013–2014 гг. по сравнению с двумя предыдущими годами финансирование федеральных целевых программ за счет средств федерального бюджета сократилось в среднегодовом исчислении в 1,4 раза; капитальные вложения за счет средств краевого бюджета – в 2,5 раза.

[1] В публикациях экономистов отмечается, что за прошедшие 50 лет устойчивый динамичный рост демонстрировали страны, в которых доля инвестиций была не менее 25% ВВП, причем вложения в образование и здравоохранение составляли еще порядка 7–8%. См. об этом: **Мау В.** Цит. работа. – С. 20.

[2] **Инвестиции** в основной капитал – ключ к повышению экономического потенциала Алтайского края. 2010–2014: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – С. 3.

[3] Высокая зависимость инвестиционной сферы края от бюджетных инвестиций может быть расценена по-разному. В период кризиса экономики, на наш взгляд, это является определенным преимуществом, поскольку выход из кризиса традиционно обеспечивается в России за счет роста вложений в экономику, прежде всего, бюджетных средств.

Снижение инвестиционной активности характерно и для промышленных предприятий края. В 2015 г. по сравнению с предыдущим годом инвестиции в основной капитал промышленных предприятий (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) сократились без малого на треть (32,5%)[1].

Аналогичная ситуация сложилась на крупных и средних предприятиях обрабатывающих производств, где в период с 2013 по 2015 год объем инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) составил 18,7 млрд руб. и уменьшился по сравнению с 2013 г. на 10,5%.

Падение инвестиционной активности крупных и средних предприятий обрабатывающих производств в крае произошло на фоне заметного улучшения их финансового положения[2]. Сальдированный финансовый результат, полученный ими в 2015 г. по сравнению с 2014 г., увеличился в 1,9 раза; снизилась суммарная задолженность по обязательствам и кредиторской задолженности[3]. Из сказанного следует важный вывод о том, что на пути повышения инвестиционной активности промышленных предприятий края наряду с недостаточным объемом собственных средств существуют труднопреодолимые препоны иного характера, включая институциональные.

Определенный оптимизм в части перспектив роста инвестиционной активности промышленных предприятий внушают результаты проведенного Алтайкрайстатом в 2016 г. обследования. Согласно полученным данным, 79% обследованных промышленных предприятий осуществляли в том или ином масштабе инвестиционную деятельность. Главным образом, инвестиции были направлены на замену изношенной техники и оборудования, автоматизацию или механизацию производственных процессов.

По прогнозам руководителей алтайских предприятий (всего было обследовано 166 организаций) 40% из них планировали увеличение объема инвестиций в основной капитал, 56% – использование инвестиций на уровне прошлого года и лишь 4% предприятий – их сокращение[4].

Все более заметную роль в поддержании инвестиционной активности в крае начинают играть инвестиции в жилищное строительство. Доля затрат, направленных в жилища, в видовой структуре инвестиций росла вплоть до 2016 г. (табл. 3.15).

---

[1] **Точки** роста промышленности Алтайского края: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 20.

[2] Заметим, что в целом для предприятий производственного сектора России условия инвестирования в рассматриваемый период не были благоприятными в силу ухудшения в 2013 г. финансового положения предприятий. Наибольшее сокращение сальдированной прибыли наблюдалось в секторах производственного и инвестиционного спроса по сравнению с отраслями потребительского спроса и торговли. 60% прибыли формировалось в нефтегазовом секторе и торговле, что снижало возможности инвестирования в несырьевых отраслях экономики.

[3] **Устойчивое** финансовое положение – основа успешного развития организаций обрабатывающих производств Алтайского края. 2013–2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 57–58.

[4] **Инвестиционная** активность промышленных организаций Алтайского края. 2016: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 9.

Таблица 3.15

Динамика инвестиций в жилищное строительство Алтайского края в 2011–2016 гг. (в действующих ценах)

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Инвестиции, направленные в жилища, всего, млн руб.	6624,5	9825,0	10794,9	22148,2	20809,3	14022,7
Доля в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	9,4	11,7	11,4	22,2	26,5	18,6

Источник: Алтайский край в цифрах. 2012–2016: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2017. – С. 218.

В 2013–2015 гг., как и в предыдущие годы, в крае имело место увеличение общей площади жилых помещений в расчете на 1000 человек населения. В 2015 г. в крае введен наибольший объем жилья за последние 24 года, а темпы ввода жилья превышали среднероссийские. Все это позволило краю сократить разрыв по показателю ввода жилья в расчете на 1000 человек населения – как по сравнению с Россией, так и регионами СФО. За 2011–2015 гг. разрыв сократился, соответственно, с 1,7 до 1,6 и с 1,4 до 1,3 раза[1].

В 2015 г. рецессия в экономике края коснулась и развития жилищной сферы. В отличие от России в Алтайском крае в 2015 г., по сравнению с 2014 г., объем инвестиций в жилье (в действующих ценах) уменьшился на 6,4%, а в 2016 г. – более чем в 1,5 раза.

Для перспектив Алтайского края как аграрно-промышленного региона принципиально важное восстановление и сохранение промышленного производства, прежде всего, обрабатывающих производств[2]. В 2016 г. производство и распределение электроэнергии, газа и воды увеличилось на 2,5%, обрабатывающие производства увеличили выпуск на 1,7%, добыча полезных ископаемых сократилась на 12,5%.

В целом, как отмечалось ранее, наблюдался незначительный рост промышленного производства. С апреля 2016 г. наметилась устойчивая тенденция превышения индексов промышленного производства в крае над общероссийскими индексами и показателями по регионам СФО (по итогам 2016 г., соответственно, на 0,3 и 0,1 п.п.)[3].

Какие ключевые процессы в развитии промышленности скрываются за общими цифрами? Попытаемся раскрыть их на примере развития обрабатывающих производств

[1] **Как много** в жизни значит дом. Развитие жилищного строительства в Алтайском крае. 2011–2015 гг.: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 7.

[2] Индекс промышленного производства в крае на 85% формируется предприятиями, осуществляющими деятельность в сфере обрабатывающих производств, на 13% - предприятиями по производству и распределению электроэнергии, газа и вод. Вклад предприятий по добыче полезных ископаемых в индекс промышленного производства порядка 2%.

[3] **Ситуация** в сфере промышленного производства в Алтайском крае. Январь-декабрь 2016.: аналит. обзор / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2016. – С. 3-4.

края в 2013–2015 гг.[1] Самое главное – преодоление кризиса, по разделяемому практически всеми учеными-экономистами мнению, требует повышения эффективности производства, прежде всего, за счет снижения издержек.

Анализируя финансовое положение организаций обрабатывающих производств Алтайского края в 2013–2015 гг., нельзя не заметить позитивных подвижек. Более того, можно предположить, что крупные и средние предприятия обрабатывающих производств края, отвечая на требования рынка, продемонстрировали в эти годы в определенном смысле рыночное поведение.

Последнее проявилось в ряде моментов, а именно:

- росте сальдированного финансового результата за счет ассортиментных сдвигов, расширения номенклатуры выпускаемой продукции, географии поставок, технического перевооружения и разработки новых технологий, модернизации и реконструкции производственных цехов и т.п.;
- повышении эффективности деятельности, нашедшим отражение в росте уровня рентабельности проданных товаров, продукции, работ и услуг – с 8,7 до 12,2%;
- сокращении доли убыточных организаций с 27,7% в 2013 г. до 20,8% в 2015 г., что ниже аналогичных показателей среднероссийского уровня и уровня СФО;
- увеличении суммарной стоимости имущества (а не «проедании» капитала) при одновременном росте доли оборотного капитала (по сравнению с 2013 г. – на 2,4 п.п.)[2].

Второй, можно сказать, устойчивый тренд развития предприятий обрабатывающих производств края – продолжающаяся до настоящего времени селекция жизнеспособных предприятий. В секторе обрабатывающих производств (без субъектов малого предпринимательства) одновременно с увеличением прибыли на одну прибыльную организацию, сумма убытка на одну убыточную организацию в 2015 г. по сравнению с 2013 г. увеличилась более чем в 2 раза.

Эффективность деятельности организаций значительно дифференцирована, прежде всего в зависимости от ее вида (при одновременном сокращении различий). Ряд видов деятельности организаций обрабатывающих производств, по оценке специалистов Алтайкрайстата, имел удовлетворительное финансовое состояние и хороший запас финансовой устойчивости. В первую очередь именно для этих организаций была характерна независимость от заемного капитала и обязательств, обусловленная в среднем превышением собственных средств над заемными в 2,4 раза.

В целом же развитие промышленности Алтайского края в 2013–2016 гг. дает нам определенные основания утверждать о создании в главном предпосылок для завершения рецессии промышленности края и ее первичной адаптации к новым реалиям. Наиболее наглядно эти процессы прослеживаются по результатам опроса руководителей крупных алтайских промышленных предприятий[3]. Доля руководителей, охарактеризовавших экономическую ситуацию, сложившуюся к концу года, как «благоприят-

[1] **Устойчивое** финансовое положение – основа успешного развития организаций обрабатывающих производств Алтайского края. 2013–2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 57–58.

[2] Свидетельствует ли это о начале формирования устойчивой тенденции рыночного поведения предприятий, ожидаемого нами с начала 1990-х годов, или это влияние краткосрочной рыночной конъюнктуры, покажет время.

[3] Оценка деловой активности организаций осуществляется Алтайкрайстатом ежемесячно, с охватом наиболее крупных из них. К примеру, в декабре 2014 г. в обследовании приняли участие 85 организаций, совокупная доля которых в общем объеме отгруженной продукции собственного производства всех организаций края, основной вид деятельности которых относится к промышленному производству, составила около 41% (в 2016 г. – 57 организаций с долей отгруженной продукции в 30%).

ную» и «удовлетворительную», неуклонно снижалась: в 2013 г. – на 82%, в 2014 г. – на 72%, в 2015 г. – на 68%. Такая же в целом картина была характерна для динамики индекса предпринимательской уверенности[1]: в 2012 г. – на +1%, в 2013 г. на –8%, в 2014 г. на –16%, в 2015 г. на –12%.

Однако уже по итогам 2016 г. руководителям российских и алтайских предприятий отмечалось улучшение экономической ситуации. Так, в Алтайском крае в декабре 2016 г. индекс предпринимательской уверенности был выше уровня прошлого года на 7 п.п. Доля предприятий, руководители которых характеризовали экономическую ситуацию как «благоприятную» и «удовлетворительную», составила 74%, что выше уровня прошлого года на 8 п.п.[2]

Развитие экономики края, как и страны в целом, в период посткризисного оживления экономики (2010–2012 гг.) было обусловлено фактором роста потребительского спроса, позитивное влияние на который оказали рост доходов населения и потребительского кредитования. Ежегодное снижение реальных располагаемых доходов населения в 2014–2015 гг. повлекло за собой уменьшение оборота розничной торговли. Если темпы ее роста в период посткризисного оживления экономики составляли в среднем 110,1%, то в рассматриваемый период структурного кризиса экономики – 97%. Аналогичная ситуация характерна и для регионов России (см. табл. 3.13).

Реакция рынка труда края на ухудшение в анализируемом периоде рыночной конъюнктуры (по сравнению с 2010–2012 гг.) аналогична общероссийской: массового высвобождения рабочей силы не происходит, баланс на рынке труда обеспечивается за счет частичной занятости при сдерживании роста заработной платы работников[3]. В результате заметно уменьшается доля заработной платы в валовом региональном продукте (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Динамика удельного веса заработной платы и прибыли в ВРП края и России (из совокупности регионов), %

Показатель	Алтайский край			Россия		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Доля зарплаты в ВРП	48,1	43,8	41,8	41,5	41,9	40,8
Доля прибыли в ВРП	50,1	54,5	56,6	56,9	56,5	57,7

Источник: Официальные статистические показатели / ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 20.06.2017 г.); расчеты авторов.

[1] Индекс предпринимательской уверенности представляет собой среднее превышение позитивных оценок над негативными по основным производственным показателям. См. подробнее аналитические записки Алтайкрайстата «**Деловая** активность организаций Алтайского края добывающих, обрабатывающих производств и осуществляющих распределение электроэнергии, газа и воды (без субъектов малого предпринимательства)» за соответствующий период.

[2] **Ситуация** в сфере промышленного производства в Алтайском крае. Январь-декабрь 2016 г. аналит. обзор / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2016. – С. 17, 18.

[3] Трактовка этого явления может быть двоякой. С одной стороны, удержание работодателями «излишней» рабочей силы на предприятиях, как следствие, низкая безработица, снижение в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом темпов роста общей численности безработных, являются важными факторами, обеспечившими в крае социальную стабильность.

О чем свидетельствует вышеприведенная таблица? Если стать на позицию В. Мау, то речь идет о том, что Алтайский край в анализируемом периоде стремительно уходит от присущей России «потребительской модели роста», поскольку сокращение доли прибыли в ВРП приводит к уменьшению инвестиционных возможностей предприятий[1].

С этим можно было бы согласиться, но при одном условии – полученная прибыль в главном расходуется на накопление (инвестиции), а не на потребление. Как было показано выше, снижение инвестиционной активности промышленных предприятий края может происходить и на фоне повышения их прибыльности.

Оценивая тренд роста заработной платы в крае в анализируемом периоде, обратим внимание на два настораживающих момента:

- во-первых, в крае, как и в России в целом, темпы роста заработной платы обгоняли темпы роста производительности труда;
- во-вторых, социальные выплаты в крае растут темпами, ненамного уступающими темпам роста заработной платы (в 2015 г. по сравнению с 2010 г., к примеру, реальная заработная плата выросла на 10,7%, реальный объем социальных выплат – на 10,6%)[2].

В целом же в анализируемом периоде по сравнению с периодом посткризисного оживления произошло сокращение реальных располагаемых денежных доходов населения, причем заметно меньшими темпами, чем в России (в среднегодовом исчислении по периодам, соответственно, на 1,4 и 5,1 п.п.) – табл. 3.17.

Важно отметить, что в Алтайском крае в анализируемом периоде, как видно из таблицы 3.17, произошло сокращение бедности, а в России, напротив, увеличение, благодаря чему разрыв по этому ключевому социальному показателю между краем и Россией в целом сократился.

Таблица 3.17

Среднегодовые темпы роста основных социально-экономических показателей развития Алтайского края и России, %

Показатели	Алтайский край		Россия	
	2010–2012	2013–2016	2010–2012	2013–2016
Реальные располагаемые денежные доходы	103,7	102,3	103,6	98,5
Реальная начисленная заработная плата	107,0	98,1	105,4	99,2
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	22,4	17,6	11,9	12,2

Источник: **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб./ Росстат. – М., 2016. – С. 39–40; Алтайский край в цифрах. 2012–2016. – С. 44; Официальные статистические показатели / ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 06.07.2017 г.), расчеты авторов.

[1] По данным, приводимым В. Мау, доля заработной платы в ВВП России в 2013 г. превысила 50%, что, по его мнению, «не только усиливает потребительскую ориентацию экономики, но и может свидетельствовать о приближении кризиса». См. об этом: **Мау В.** В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономик. – 2014. – № 2. – С. 12–13.

[2] Подробнее см.: **Доходы** населения Алтайского края: структурный и динамический анализ. 2011–2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю ; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Барнаул, 2016. – 48 с.

Резюмируем. В условиях структурного кризиса экономика края по сравнению со среднероссийским регионом оказалась более адаптированной, с менее выраженной реакцией на ухудшение экономической конъюнктуры. С другой стороны, приведенные факты свидетельствуют, прежде всего, о том, что край в силу структурных особенностей экономики более медленно по сравнению с Россией втягивался в кризис. «Запаздывающий характер» проявления кризиса в Алтайском крае сочетался с более быстрым выходом из него, что во многом объясняется так называемым «эффектом масштаба».

В целом развитие края, учитывая все сложности современного этапа посткризисного развития, можно, на наш взгляд, оценить как позитивное. Главное, что удалось достичь в непростых условиях структурного кризиса экономики – это не допустить риска серьезной дестабилизации социально-экономической ситуации в крае, неуправляемого развития событий, удержать позиции в ключевых отраслях – промышленности и сельском хозяйстве, сохранить и даже приумножить социальную сферу.

В Алтайском крае есть определенные предпосылки для выхода из рецессии 2013–2016 гг., недопущения длительного спада или стагнации экономики, что является крайне важно для развития региона.

На перспективу до 2030 г. для экономики Алтайского края, исходя из имеющихся ресурсов, прогнозируется выход на траекторию более быстрого роста, чем в среднем экономики Российской Федерации. Максимальное опережение возможно по показателям: инвестиции, промышленное производство, ввод жилья (до 20%). Близкими темпами по отношению к среднероссийским будут расти душевые доходы, заработная плата и показатели развития потребительского рынка (душевые платные услуги и оборот розничной торговли)[1]. Ожидать же полного перелома негативных трендов, характерных для структурного кризиса экономики, в условиях действия отмеченного выше механизма торможения, на наш взгляд, не следует.

[1] **Региональное** и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2016. – С. 357.

Глава 4.
ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

4.1 ХАРАКТЕР И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПРЕДЫСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Естественноисторические и климатические особенности, географическое положение на срединном меридиане России, отделяющее территорию Алтая на многие тысячи километров от удалённых рынков, крупных промышленных центров и морских портов с дешёвой транспортировкой продукции создавали крайне невыгодную конъюнктуру для развития появившегося в конце XIX века товарно-сельскохозяйственного производства. Расширение сбыта излишков сельскохозяйственной продукции за пределы Алтая и ближайших территорий наталкивалось на её неконкурентоспособность по цене из-за высокой стоимости ее доставки к потребителям. Развитие сельского хозяйства современникам виделось в удешевлении провоза его продукции путём уменьшения веса и объёма транспортируемого сырья. Это явилось толчком для становления на Алтае собственной промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья и удовлетворения потребностей домашних хозяйств в простейших промышленных товарах и услугах.

Уже к 1913 г. соотношение отраслей экономики региона – сельского хозяйства и промышленности – составляло 81 и 19% соответственно при численности населения, занятого промышленным трудом 7%[1]. После сложного периода революции и гражданской войны к 1925 г. в структуре промышленности доминировали пищевая (51%) и лёгкая, включая кожевенно-меховую (36%) отрасли. Металлообработка составляла 5,5%, но уже к 1932 г. за счёт роста объёмов производства её доля повысилась до 12%[2].

Две тенденции характеризуют промышленность того периода. Первая – мелкотоварный характер с максимальным территориальным рассредоточением. Вторая – её тесная связь с сельским хозяйством. Лицо экономики Алтая определяло производство сельскохозяйственной продукции и её переработка. Развитие экономики шло преимущественно по эволюционной траектории, на основе механизма саморазвития.

В последнее предвоенное десятилетие (1930–1940 гг.) в стране были развёрнуты два масштабных экономических проекта: коллективизация и индустриализация, изменивших лицо экономики. Однако если коллективизация крестьянских хозяйств с переходом в социалистический сектор была в основном завершена на Алтае уже к 1936 г., то масштабная индустриализация обошла его стороной. Алтай остался на обочине создания в Сибири крупной промышленности, сохранив преимущественно мелкотоварный характер и основную специализацию – переработку сельскохозяйственного сырья и производство продуктов питания. Появление близлежащих крупных промышленно развивающихся территорий и промышленных центров, рост

[1] **Очерки** Алтайского края / под ред. Б.М. Быкова, А.П. Вележанина, А.М. Красноусова. – Барнаул : Сибиздат, 1925. – С. 44.

[2] **Западно-Сибирский** край в цифрах. 1936: стат. справ. – Новосибирск : Зап.-Сиб. КУНХ, 1936. – С. 14–15, 48–57.

населения в них, стимулировали рост производства сельскохозяйственной продукции, усиление специализации промышленности края на её переработке.

Появление в годы Великой Отечественной войны в городах Алтайского края (Барнаул, Бийск, Рубцовск, Новоалтайск) эвакуированных из европейской части России крупных предприятий и их последующее развитие в первое послевоенное десятилетие коренным образом изменило масштабы и отраслевую структуру алтайской промышленности и доминирующий в ней технологический уклад, заложив в них современную основу. Доминирующее ранее мелкотоварное промышленное производство уступило место отраслевым промышленным комплексам. В 1955 г. по отношению к довоенному уровню отмечался устойчивый рост (почти в 5 раз) объёмов валовой продукции. Опережающие темпы роста были в производстве продукции производственно-технического назначения (машиностроение). В эти годы отмечен и рост производства потребительских товаров в пищевой и лёгкой промышленности. В отраслевой структуре соотношение между этими товарными группами составляло в 1956 г. 45 и 53% соответственно. К концу периода масштабно протекал процесс концентрации производства. Резко сократилось число предприятий пищевой и лёгкой промышленности, находящихся на самостоятельном балансе.

К началу 60-х годов прошлого столетия в промышленности региона произошло коренное изменение доминирующего промышленного уклада: на смену сформированной к 1940 г. многоукладной промышленности с преобладанием мелкотоварного производства пришла крупная промышленность, более ориентированная не столько на удовлетворение потребностей собственной и близлежащих территорий, сколько на производство и поставку продукции в рамках народно-хозяйственных планов. Уже к 1965 г. пищевая промышленность сократила свою долю в структуре производства до 25%. Преимущественно эволюционный процесс формирования многоукладной промышленности на Алтае был прерван[1].

Период 1955–1988 гг. характеризовался нарастанием отмеченной тенденции опережающего роста производства продукции производственно-технического назначения. В эти годы на Алтае был создан комплекс предприятий химической и нефтехимической промышленности и производство кокса. За 1961–1985 гг. введено 82 предприятия, производительность труда выросла к 1940 г. в 11,4 раза. Сформированный в этот период технологический уклад крупной промышленности сохранился и сегодня.

Иные тенденции наблюдались в пищевой и лёгкой промышленности: после первой половины 1970-х годов отрасли начали стагнировать. Приоритеты промышленного развития всё больше смещались в сторону отраслей, производящих продукцию производственно-технического назначения. С конца 1970-х годов в промышленном производстве Алтайского края начала проявляться ещё одна важная тенденция – замедление темпов роста промышленного производства, вызванного исчерпанием его потенциала. В отраслях, ориентированных на потребности внутреннего рынка и удовлетворение потребительского спроса, продолжилось сокращение мелкотоварного производства, сопровождаемое самоликвидацией предприятий.

В последние годы советского периода на Алтае, как и во всей стране, активизировался процесс перехода от системы управления промышленными комплексами, основанной на отраслевом принципе, государственном планировании и жёстком регулировании народно-хозяйственных связей, к управлению, основанному на механизмах

[1] **Бородин В.А.** Промышленность Алтая: на рубеже веков: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2007. – С. 29–30.

рыночного регулирования. При этом ожидалось, что на смену 65-летнему периоду роста промышленности придёт достаточно длительный (5–7 лет) период адаптации, «встраивания» предприятий в механизмы рыночного хозяйствования, рождения новой парадигмы экономического роста, основанной на рыночных потребностях. Но этого не случилось. Спонтанность и неподготовленность рыночных реформ, отсутствие ясно сформулированных целей и программ их достижения, игнорирование объективных проблем переходного периода, поспешное проведение институциональных реформ (разгосударствление собственности, либерализация внешнеэкономической деятельности) и сверхжёсткая монетарная политика привели к обвальному спаду промышленного производства в России и системному кризису российской экономики.

Сверхжёсткая финансовая политика в отношении реального сектора экономики, чисто монетарные методы борьбы с инфляцией не давали желаемого результата. «Сжатие» денежной массы в обращении до уровня 12–14% к товарной привело к расцвету неденежных форм платежей, «бартеризации» всей экономики страны. Это оказывало крайне негативное влияние на деятельность промышленных предприятий. Востребованность в промышленной продукции ещё сохранялась на дореформенном уровне, но её производство было гораздо выше уровня платёжеспособного спроса потребителей. Производство сокращалось, как «шагреневая кожа», процесс затронул и изготовителей конечной продукции, и их поставщиков. По принципу «домино» это разрушало складывающуюся десятилетиями производственную кооперацию. Отсутствие навыков работы в системе свободного приобретения ресурсов на рынке, а также поиска рынков сбыта и формирования эффективных каналов продвижения продукции привели к системным сбоям в деятельности предприятий. Да и сколько-нибудь сформировавшейся институциональной среды рынка не было.

Обвальный спад промышленного производства на фоне системного экономического кризиса 1990-х годов сопровождался кризисом всех его составляющих (структурный, инвестиционный, институциональный, финансовый), сопоставимый по последствиям с периодом революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). Воздействующие тогда на хозяйственную жизнь страны внешние и внутренние факторы практически полностью повторились.

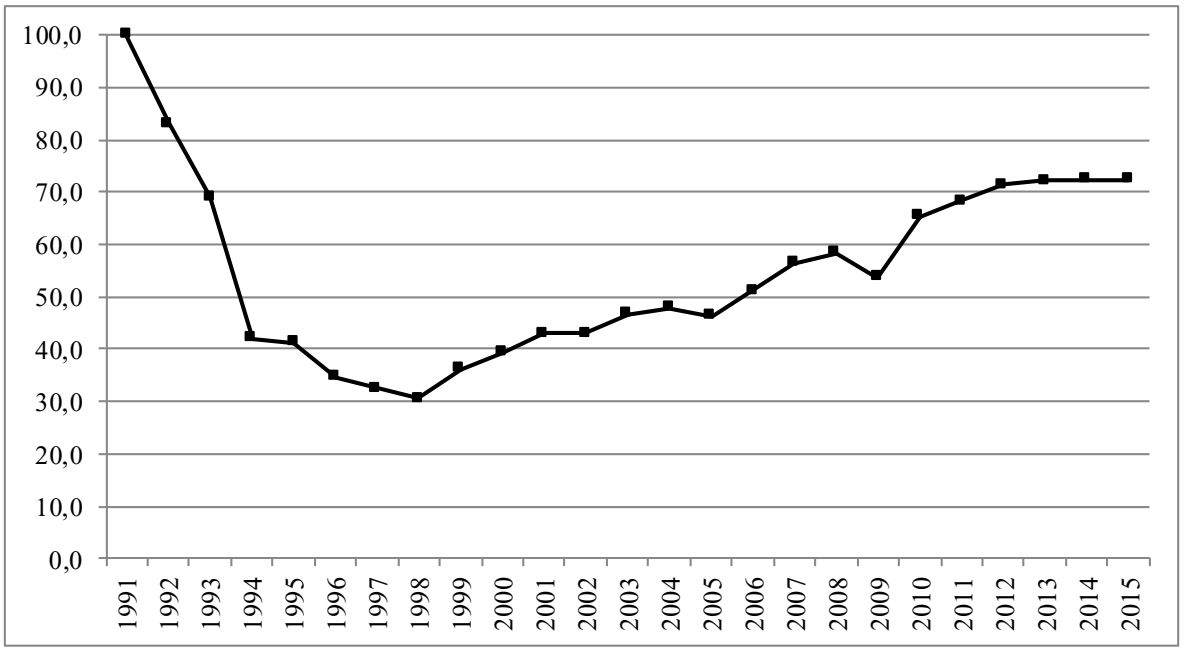
Из системного кризиса 1990-х годов алтайская промышленность начинала «выползать», оставляя за собой более чем на 60% сократившееся производство. Особенно большие потери понесли предприятия машиностроения, лёгкой промышленности, оборонно-промышленного комплекса. Главный ресурс промышленности – её кадровый потенциал сократился вдвое.

Без больших потерь, с обновлением производственного аппарата вышла из кризиса пищевая промышленность, особенно её мукомольно-крупяные предприятия, что подтвердило тезис об устойчивости предприятий, работающих на местных рынках и сырьевых ресурсах и ориентированных на внутренний региональный потребительский спрос.

Реформы разрушили не только экономику, но и её социальные институты, оказали сильнейшее влияние на сложившиеся отношения между людьми вообще и отношения в производственных коллективах, в частности. В основе этих отношений в дореформенный период лежали советские ментальные и культурные ценности, составляющие фундамент, на котором выстраивалась система управления предприятием, формировались механизмы мотивации. Приватизация собственности предприятий и внедрение рыночных механизмов регулирования производственной деятельности вошли в противоречие с устоявшимися нормами поведения человека на предприятии.

Таким образом, в эти тяжёлые годы были разрушены сложившиеся в дореформенный период производственные отношения, нанесён удар по менталитету, производственной культуре, мотивационным механизмам и другим фундаментальным ценностям, на которых зиждется эффективность предприятий.

На рисунке 4.1 представлена динамика промышленного производства в Алтайском крае после начала рыночных реформ по настоящее время[1].



Источник: Данные Алтайкрайстата.

Рис. 4.1. Динамика промышленного производства Алтайского края, % к 1990 г.

На первом этапе[2] восстановительного роста (2000–2008 гг.) в экономике края промышленность наряду с сельским хозяйством продолжала оставаться ведущей сферой. Доля промышленного производства в валовом региональном продукте (ВРП) составляла 22%, в формировании краевого бюджета – 38%, основные фонды промышленности в среднегодовом исчислении составляли 22,5% стоимости основного капитала Алтайского края. Промышленное производство обеспечивало около 50 тысяч рабочих мест (около 22,6% от числа занятых в экономике, управлении и социальной сфере края). Только в 2007 г. введено дополнительно 2411 рабочих мест. В структуре

[1] **Бородин В.А.** Алтай промышленный: монография / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 64–65.

[2] Здесь и далее использованы данные из разработанных под научным руководством и при непосредственном участии автора ведомственных целевых программ развития промышленности Алтайского края. См. подробнее: **Ведомственная** целевая программа «Развитие промышленного производства в Алтайском крае» на 2010–2012 годы [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 23.11.2010 г. № 522 // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт].– URL: http://www.econom22.ru/economy/se-monitoring/ Post522_20101123.pdf (дата обращения: 10.12.2016 г.); **Долгосрочная** целевая программа «Развитие промышленного производства в Алтайском крае» на 2013–2017 годы [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 26.12.2012 г. № 731 // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/ 58a/731_post.PDF (дата обращения: 10.12.2016 г.).

промышленного производства по видам экономической деятельности[1] в 2008 г. наибольший удельный вес занимало производство пищевых продуктов (25,5%), производство кокса (14,6%), производство транспортных средств и оборудования (10,2%), химическое производство и производство резиновых и пластмассовых изделий (9,5%)[2].

В промышленность направлялось около 25% инвестиций в основной капитал Алтайского края, что подтверждает ее значительный инвестиционный потенциал.

Отмечалась стабильно положительная динамика производства, включая его основные виды деятельности. Продолжились положительные сдвиги в его структуре за счёт роста доли отрасли, обеспечивающей внутренний региональный спрос и использующей собственное сырьё (пищевая промышленность). В эти годы стабильно рос спрос на внутренних и внешних рынках на железнодорожные вагоны, кокс, ряд промышленных товаров потребительского рынка, витаминную продукцию и биологические активные добавки. Были введены новые производственные мощности на ОАО «Алтайский трансформаторный завод», по производству кокса на ОАО «Алтай-кокс», мощности по производству стального литья на Рубцовском филиале ОАО «Алтайвагон», новые мощности по производству продуктов питания (растительного масла, мясные продукты, цельномолочная продукция, хлебобулочные изделия). Повысился уровень устойчивости и конкурентоспособности на рынке ряда крупных и средних промышленных предприятий. Этому способствовало частичное снижение процентной ставки коммерческого кредита и оживление инновационной активности, стабилизация ситуации на рынке сырья и материалов. Активизировалась инвестиционная поддержка промышленности краевым бюджетом и лоббирование её интересов региональной властью в Правительстве РФ и банковском секторе.

Всё это позволило к началу 2008 г. улучшить финансовое состояние промышленных предприятий Доля прибыльных предприятий впервые за постреформенный период достигла 70%. Это сопровождалось ростом оборотных активов, включая их денежную составляющую, снижением кредиторской задолженности. В обрабатывающих производствах коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами достиг положительного значения, приблизился к нормативному коэффициент автономии. Особенно заметно улучшилось финансовое положение предприятий, занятых производством пищевой продукции, кокса, химической продукции, строительных материалов, резиновых и пластмассовых изделий, обработки древесины и производством изделий из неё.

Опережающими темпами росла добыча полезных ископаемых на месторождениях полиметаллических руд в юго-западных территориях Алтайского края, в частности, в Рубцовском и Змеиногорском районах, что оживило их экономику и социальную сферу.

Вместе с тем эффективность промышленного производства всё ещё оставалась низкой. Уровень рентабельности крупных и средних промышленных предприятий в 2000–2007 гг. составлял от 1,8 до 6,4%. У подавляющего большинства промышленных предприятий сохранился недостаток собственных средств для обновления производственных технологий и оборудования, расширенного воспроизводства, повышения конкурентоспособности.

---

[1] По принятой Росстатом классификации отрасли были декомпозированы и заменены видами экономической деятельности.

[2] **Бородин В.А.** Алтай промышленный: монография / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 64–65.

Финансовая стабилизация на большинстве промышленных предприятий благоприятно сказалась на инвестиционной активности. Объём инвестиций в основной капитал по крупным и средним промышленным предприятиям за этот период вырос более чем в 1,8 раза.

За анализируемый период произошли положительные изменения в результатах финансово-хозяйственной деятельности крупных и средних промышленных предприятий края. В группу развивающихся предприятий, сформированную по результатам анализа, проведённого в 2005 г. (ОАО «Алтайвагон», ОАО «Алтайский трансформаторный завод», ОАО «Кучуксульфат», ООО «Бийский завод стеклопластиков», ОАО «Барнаульский завод АТИ», ОАО «Алтай-кокс», ЗАО БМК «Меланжист Алтая», ОАО «Алейскзернопродукт», ОАО «Мельник», ОАО АПК «Хлеб Алтая», ОАО «Барнаульский пивоваренный завод», ЗАО «Рубцовский молочный завод», Алтайский шинный комбинат), дополнительно вошли такие предприятия, как ООО УК «Алтайский завод прецизионных изделий», ОАО ХК «Барнаульский станкостроительный завод», ОАО «Сибирь-Полиметаллы», ООО «Алтай-Форест».

Как показал анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятий за 2006–2007 гг., к началу кризиса 2008 г. развивающиеся предприятия и предприятия с устойчивым финансовым состоянием производят 52% объема производства промышленной продукции в Алтайском крае. В то же время одно из крупнейших и социально значимых предприятий ОАО «Алтайский трактор» продолжал оставаться в группе кризисных предприятий.

К числу факторов, характеризующих рост промышленного производства в рассматриваемом периоде как преимущественно экстенсивный, следует отнести низкую эффективность промышленного производства. Так, если в 2000 г. из 23 крупных и средних предприятий машиностроения и металлообработки было три убыточных предприятия, а средний уровень рентабельности 20 прибыльных предприятий составлял 6,5%, то по итогам 2007 г. в этой группе предприятий оказалось уже шесть убыточных, а средний уровень рентабельности прибыльных предприятий составил 6,7%. Аналогичная ситуация сложилась и в группе предприятий химической и нефтехимической промышленности. Таким образом, несмотря на снижение числа убыточных предприятий по так называемому «полному кругу», анализируемому органами статистики, на крупных и средних предприятиях на протяжении 2000–2007 гг. уровень рентабельности практически не вырос. Собственные средства для расширенного воспроизводства, обновления основных производственных фондов и технологий, повышения конкурентоспособности продукции у большинства анализируемых предприятий в необходимом объеме отсутствовали.

К числу хронически убыточных предприятий относились бывшие флагманы машиностроения на Алтае: ОАО «Алтайский моторный завод», ОАО ХК «Барнаултрансмаш», ОАО «Алтайский трактор», ОАО «Барнаульский геофизический завод», ОАО «Барнаульский радиозавод», а также ОАО «Алтайхимпром», ООО «Барнаульский завод «Кристалл» и ряд других. Несмотря на рост объемов производства, практически нулевой уровень рентабельности на протяжении последних пяти лет наблюдался у одного из крупнейших предприятий края – ОАО ПО «Алтайский шинный комбинат».

Вместе с тем устойчивая динамика роста объёмов промышленного производства, (индекс промышленного производства в 2008 г. к 2005 г. составил 129,3%), стабилизация финансово-экономического положения большинства предприятий, закрепление не менее половины из них в группе развивающихся и финансово-устойчивых позволяли

надеяться, что промышленность Алтая, несмотря на тяжелейшие последствия рыночных реформ 1990-х годов, вышла из состояния системного кризиса.

Восстановительный период 2000–2008 гг. в промышленности Алтая, характеризующийся положительной динамикой роста объёмов промышленного производства, улучшением финансового состояния и оживлением инвестиционной и инновационной деятельности, а также укреплением рыночных позиций, был прерван в конце 2008 г. последствиями финансового кризиса в стране, отразившемся и на положении дел в промышленности Алтая.

Падение объёмов промышленного производства в 2009 г. составило 8,0% к уровню 2008 г., вернув его к средине 1990-х годов, в том числе по обрабатывающим производствам – 9,0%, добыче полезных ископаемых – 5,9%, производству и распределению электроэнергии, газа и воды – 1,6%. Особенно сильно кризис сказался на производстве машин и оборудования (падение к уровню 2008 г. составило 21,1%, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 34,7%, строительные материалы – 46,6%). Падение производства произошло вследствие снижения объёмов заказов и уровня загрузки производственных мощностей. Упал спрос на инвестиционные товары. Производители потребительских товаров ощутили снижение потребительского спроса, связанного с сокращением в кризисный 2009 г. реальных денежных доходов населения (86,8% к 2008 г.) и расходов, направленных на покупку товаров и оплату услуг.

Одной из причин, обострivших протекание кризиса в алтайской промышленности, стал прогрессирующий износ основных производственных фондов, особенно их активной части. Данные, полученные нами при разработке ведомственной целевой программы «Развитие промышленного производства в Алтайском крае на 2010–2012 годы», показали, что несмотря на активизацию с начала 2000-х годов процесса обновления основных фондов предприятий, среднее значение износа оборудования находилось в пределах 60–71% в зависимости от отраслевой принадлежности, а коэффициент обновления основных фондов у более чем половины промышленных предприятий не достигал 10%, что при прогрессирующем износе явно недостаточно для ускоренной модернизации. Крупные инвестиционные проекты были свёрнуты, объём инвестиций в основной капитал в промышленности в 2009 г. составил 67% к докризисному году, причём эта тенденция сохранилась и в первый посткризисный период. Источниками покрытия инвестиционных расходов предприятий оставались преимущественно собственные средства (до 85%). Кредиты банков как источник финансирования инвестпроектов составляли не более 10% по промышленности. Поддержка краевого бюджета осуществлялась в виде компенсации 2/3 банковской учётной ставки по полученным инвестиционным кредитам и на субсидирование лизинговой деятельности, что составило в 2009 г. 2,8% от объёма используемых промышленностью инвестиций.

Низкая инвестиционная активность промышленных предприятий в анализируемый период определялась следующими факторами: слабой вовлеченностью кредитно-финансовых институтов в решение проблем промышленного комплекса Алтайского края и ограниченностью ресурсов краевого бюджета; дефицитом собственных средств, направляемых на модернизацию и обновление. На большинстве машиностроительных предприятиях сохранилась низкая доля автоматизированного оборудования (10,5%). Станки с числовым программным управлением (ЧПУ) и обрабатывающие центры составляли не более 5% от всего количества станков, что не позволяло предприятиям быстро перестраиваться на выпуск новых видов продукции, востребованной рынком.

Переход на более современный технологический уклад, отвечающий изменяющимся требованиям к производству конкурентоспособной по качеству и издержкам продукции, вновь был отложен.

Анализ показателей, характеризующих работу обрабатывающих промышленных производств Алтая за 2010–2015 гг. в разрезе видов экономической деятельности, рассчитанных нами по данным статистических отчётов Алтайкрайстата, показывает, что ранее отмеченная тенденция роста в структуре промышленности пищевой отрасли, сохранилась. Сохраняются в качестве крупных субъектов промышленности края производители кокса, шин грузовых автомобильных и авиационных, готовых металлических изделий, транспортных средств. Наметился рост производства машин и оборудования. Продолжают работать нестабильно отрасли лёгкой промышленности (текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви). Объемы производства промышленной продукции всё более концентрируются на крупных промышленных предприятиях. Так, среднегодовой объём произведённой продукции ОАО «Алтай-кокс» и ОАО «Алтайвагон» составляет около 25% объёма выпуска продукции обрабатывающими производствами.

Характеризуя состояние промышленности Алтая в этот период, следует отметить чувствительность крупных промышленных производств к внешним факторам, определяющим рыночный спрос на их продукцию. Объёмы рыночного спроса на кокс определяются конъюнктурой мирового рынка металлов, а производство железнодорожных вагонов определяется инвестиционным спросом на пополнение и замену изношенного подвижного состава ОАО «Российские железные дороги» и частными грузовыми компаниями. Нельзя не заметить серьёзные структурные сдвиги, касающиеся почти двойного сокращения объёмов производства в сравнении с дореформенным 1990 г. в видах экономической деятельности, входящих в машиностроение и металлообработку. Тяжёлые испытания при переходе к рыночным отношениям в экономике выпали на долю лёгкой промышленности. Низкая конкурентоспособность на потребительском рынке, заполненном товарами Евросоюза, Турции и Китая, «серое» и откровенно «чёрное» производство внутри страны определили обвальное падение объёмов производства в структуре промышленности Алтая (1,1% в объёмах обрабатывающей промышленности против 11,5% в 1990 г.).

Рассмотрим состояние промышленности Алтайского края во второй восстановительный период – 2010–2015 гг.[1]

На протяжении этого периода в крае наращивался потенциал промышленного производства за счет ввода новых производственных мощностей, модернизации и технического перевооружения, внедрения новых и совершенствования действующих технологий, эффективного управления производством на крупных предприятиях региона. В результате сводный индекс промышленного производства за 2008–2011 гг. составил 123,1%, а за период 2010–2015 гг. промпроизводство выросло в 1,4 раза.

По итогам 2011 г. удельный вес организаций Алтайского края, осуществляющих инновации, увеличился до 11%. В 2008 г. доля таких организаций составила 7,2%, затраты на технологические инновации за этот период возросли с 986,5 млн руб. до 2,8 млрд руб.

С 2010 г. направления развития сельхозмашиностроения прорабатываются на базе созданного Некоммерческого партнёрства «Алтайский кластер аграрного машиностроения». Разработан перспективный план производства сельхозтехники, базирующийся на

[1] Долгосрочная целевая программа «Развитие промышленного производства в Алтайском крае на 2013–2017 годы».

трёх основных, базовых технологиях – глубокой вспашки, неглубокой вспашки и без вспашки (No-till), появились образцы инновационной техники (энергосберегающая сеялка СКСС-2,5 востребована далеко за пределами региона).

В 2012 г. на площадке ОАО «Сибэнергомаш» в интересах Алтайского кластера энергомашиностроения и энергоэффективных технологий открылся Центр коллективного пользования, оснащённый современным прецизионным научным и технологическим оборудованием. Его сертификация позволит проводить научно-техническую экспертизу качества выпускаемой продукции в соответствии с международными стандартами, что открывает возможности для выхода на новые рынки сбыта участников кластера.

ООО УК «Алтайский завод прецизионных изделий» (АЗПИ) с 2011 г. начал серийные поставки 10 модификаций распылителей под маркой «BOSCH made in Russia». В течение последних лет АЗПИ ведет разработки собственной топливоподающей системы, которая называется Altay Common Rail Sistem. Специалисты ведущих мировых производителей оценивают аккумуляторные топливные системы впрыска топлива как систему будущего.

Активное развитие получила добывающая промышленность региона. Осуществляется разработка месторождений полиметаллических руд, введены в эксплуатацию Рубцовский и Зареченский горно-обогатительные комбинаты. Завершается строительство рудника на крупнейшем Корбалихинском месторождении. С 2010 г. в крае начата промышленная добыча золота.

Вместе с тем анализ данных Алтайкрайстата позволяет авторам сделать вывод о том, что несмотря на положительное сальдо финансового результата в обрабатывающих производствах, после 2010 г. вновь отмечается рост числа убыточных предприятий, и особенно в таких видах экономической деятельности, как производство транспортных средств, производство машин и оборудования, производство резиновых и пластмассовых изделий, текстильное и швейное производство, производство готовых металлических изделий (от одной трети до половины предприятий). По результатам 2014 г. убыточны 43% предприятий добывающей промышленности. 74% предприятия энергетики убыточны весь период – с 2011 по 2014 год. Рентабельность проданной продукции обрабатывающих производств снизилась с 10,8% в 2011 г. до 7,7% в 2014 г. Примерно в тех же пределах колебалась рентабельность вовлекаемых в производство активов. Наиболее рентабельным в обрабатывающих производствах в этот период было химическое производство, производство пищевых продуктов, производство строительных материалов (неметаллических минеральных продуктов). Отрицательную рентабельность демонстрируют текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви, издательская и полиграфическая деятельность. Стабильно имеет отрицательную рентабельность использование активов в энергетике (производстве и распределении электроэнергии, газа и воды).

Основные фонды промышленности сосредоточены в обрабатывающих производствах и производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (88451 и 87661 млн руб. соответственно) или 20,3% ко всем основным фондам Алтая. Износ основных фондов в обрабатывающих производствах составил 45%, в энергетике – 65%. На этом фоне коэффициент обновления хотя и подрос в 2013 г., однако, как мы неоднократно подчёркивали, не отвечает требуемым темпам их обновления. Объём инвестиций в основной капитал в обрабатывающих производствах промышленности Алтая продолжает оставаться недостаточным для модернизации и обновления продукции и производственного аппарата предприятий.

Таблица 4.1

Основные фонды и их состояние по видам экономической деятельности в 2008–2013 гг. (по полной учётной стоимости на конец года), 2008–2013 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все основные фонды	615342	670720	712242	760405	805721	868025
Добыча полезных ископаемых	3260	3604	4836	5268	5925	6769
Обрабатывающие производства	47335	57041	62729	66748	73358	88451
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	63976	65663	65530	73959	85054	87661
Коэффициент обновления, млн руб.						
Все основные фонды	3,2	2,9	2,3	3,2	2,7	6,4
Добыча полезных ископаемых	5,1	1,6	12,3	6,6	8,3	8,4
Обрабатывающие производства	5,7	8,6	4,0	6,0	5,4	12,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,1	1,2	0,6	1,5	2,2	3,8
Степень износа основных фондов, %						
Все основные фонды	50,7	49,5	48,9	50,4	49,0	49,0
Добыча полезных ископаемых	10,6	13,6	15,1	18,5	23,8	26,9
Обрабатывающие производства	44,5	42,8	43,2	45,0	45,6	45,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	65,4	66,5	67,5	67,9	63,3	62,7

Источник: Данные Алтайкрайстата, расчеты авторов.

Состояние основных фондов в промышленном производстве Алтайского края за период 2008–2013 гг. демонстрируют данные, представленные в таблице 4.1.

Здесь нельзя не упомянуть проводимой в анализируемый период политики финансовых властей России. Направленная исключительно на сдерживание инфляции монетарными методами путём сокращения денежной массы в экономике страны (агрегата М2) за счёт высокой ключевой ставки ЦБ (до 17%) и стоимости коммерческого кредита до 20–25% годовых, такая политика ограничивала привлечение кредитных ресурсов для финансирования средних и долгосрочных инвестиционных проектов в промышленности.

В относительно благоприятных для промышленности Алтая 2010–2013 гг. доля инвестиций в обрабатывающую и добывающую промышленность составила около 8,1% от всего объёма инвестиций в основной капитал реального сектора экономики края.

В обрабатывающих производствах наибольшая доля инвестиционных вложений приходилась на производство пищевых продуктов – 47,5%. Практическое отсутствие

инвестиционных средств отмечается статистикой в текстильном и швейном производствах, производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви[1].

Техническая оснащённость подразделений, разрабатывающих изделия основного производства и технологию их изготовления, достаточно высокая с наличием автоматизированных рабочих мест. При этом число пакетов прикладных программ для проектирования ежегодно увеличивается, срок последнего обновления лицензии на программные продукты на опрошенных предприятиях соответствует 2011–2012 гг.

Таким образом, инвестиционная и инновационная деятельность организаций промышленности края характеризовалась в посткризисный период ростом собственных финансовых ресурсов (объём собственных финансовых ресурсов увеличился с 4478186 тыс. руб. в 2009 г. до 9931523 тыс. руб. в 2011 г., доля собственных финансовых ресурсов в структуре источников выросла с 52,9% в 2009 г. до 71,6% в 2011 г.); возросшей доступностью заёмных источников для субъектов промышленности Алтайского края (объём ежегодно привлекаемых заёмных финансовых ресурсов составляет в среднем от 2 млрд до 3,5 млрд руб.); наличием бюджетной финансовой поддержки субъектов промышленности Алтайского края, что является важным элементом в процессе инновационного развития и инвестиционной активности организаций.

Наибольшая доля собственных финансовых ресурсов в совокупном объёме собственных финансовых ресурсов промышленности Алтайского края формируется организациями, занимающимися производством кокса (32,8% от всех собственных финансовых ресурсов промышленности края), организациями по производству транспортных средств и оборудования промышленного назначения (32%), а также организациями по добыче полезных ископаемых (16,3%).

Наибольшую инвестиционную активность проявляют организации, занимающиеся производством резиновых и пластмассовых изделий (по итогам 2011 г. они инвестировали 71,4% имеющихся финансовых ресурсов в основной капитал), организации по добыче полезных ископаемых (64%), наименее активными признаны организации по производству машин и оборудования (5,4% от своих финансовых ресурсов направлено на инвестиции в основной капитал).

Оценку инвестиционного потенциала можно провести, сопоставив объём собственных финансовых ресурсов организаций промышленности с их потребностями в инвестициях для обновления основных производственных фондов (ОПФ).

Наиболее сложная ситуация в отношении имеющихся и требуемых финансовых ресурсов отмечается в производстве машин и оборудования (по итогам 2011 г. потребность в инвестициях на обновление ОПФ при полной мобилизации собственных финансовых ресурсов на эти цели может быть компенсирована всего на 28%).

Внешнеэкономическая деятельность промышленных предприятий. Характеризуя внешнеэкономическую деятельность экономических субъектов в Алтайском крае в 2014 г., следует назвать такие цифры: экспорт составил 460,8 млн долл. США, импорт – 362,3 млн долл. США. Превышение экспорта над импортом составило 98,5 млн долл. США, что определило положительный торговый баланс в Алтайском крае.

В товарной структуре экспорта продукция машиностроения занимает 18,5%, химического производства – 10,4%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 23,5%, продовольственные товары – 21,0%, минеральные продукты и топливо – 23,0%, про-

[1] Отчет по НИР «Разработка ведомственной целевой программы «Развитие промышленного производства в Алтайском крае на 2013–2017 годы». С. 22, табл. 6,8».

чие – 1,8%. К важнейшим видам экспортной продукции относятся продукты питания, кокс, лесоматериалы хвойные, вагоны железнодорожные, вагоны-цистерны, котлы, шпалы[1].

Экспортный потенциал промышленности Алтайского края в основном определяют такие предприятия, как ОАО «Алтай-кокс», ОАО «Алтайский вагоностроительный завод», предприятия деревоперерабатывающей, пищевой и химической промышленности. Среди стран, импортирующих продукцию алтайских предприятий, доминируют страны ближнего зарубежья; в то же время неоправданно низок, на наш взгляд, экспорт в страны, с которыми Алтайский край имеет общую границу и традиции во внешней торговле (Китай и Монголия).

Отсутствие экспортных поставок большинством крупных и средних промышленных предприятий можно отнести к низкой конкурентоспособности их продукции и инертности поведения на внешних рынках предприятий, производящих продукты питания (пищевая и мукомольно-крупяная промышленность).

Оценка конкурентоспособности основных видов промышленной продукции предприятий Алтайского края и их рыночной перспективы. Исходя из классической схемы разделения конкурентных преимуществ на преимущества низкого порядка (дешёвая рабочая сила, дешёвое сырьё и энергоресурсы) и преимущества высокого порядка (уникальность продукции и известная торговая марка; высокий уровень применяемых технологий, обеспечивающих низкие издержки и высокое качество), можно сделать вывод, что конкурентоспособностью на внешнем и внутреннем рынках обладают не более 8–10% видов промышленной продукции края. Имевшиеся до начала реформ конкурентные преимущества низкого порядка утеряны в связи с либерализацией цен на сырье и материалы, повышением цен на энергоресурсы, инфляцией издержек в целом.

По нашей оценке, не утеряли конкурентные возможности на внутреннем и внешнем рынках следующие виды машиностроительной продукции: дизели транспортные, котлы паровые; прессы механические; вагоны грузовые; некоторые виды изделий и комплектующих военной техники; сельскохозяйственные машины. Конкурентоспособны на внутреннем рынке большинство видов продовольственных товаров, некоторые виды химических продуктов и компонентов.

Оценка текущей кадровой ситуации и перспектив её изменения. Общая численность занятых в промышленном производстве за весь постреформенный период (1992–2015 гг.) сократилась, достигнув на 1 января 2015 г. 139,8 тыс. чел. или 46,6% от уровня 1992 г.

Сегодня наибольшая численность работающих сконцентрирована в обрабатывающей промышленности, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Среднемесячная заработная плата в промышленности края находится на уровне среднекраевой, что явно недостаточно для привлекательности рабочих профессий.

На решение предприятиями проблемы повышения эффективности и конкурентоспособности отрицательно сказывается нехватка высококвалифицированных специалистов, высокая текучесть и старение персонала, низкий уровень оплаты труда рабочих и специалистов.

Высокая интенсивность структурных сдвигов в промышленном производстве, значительная дифференциация по финансовым результатам деятельности, уровню заработной платы предприятий и отраслей, низкая адаптивность системы профессиональ-

[1] **Прибылов А.М., Бородин В.А.** Методологические основы оценки экспортного потенциала региона // Вестник алтайской науки. – 2012. – № 3. – С. 120–127.

ного образования к рынку трудовых ресурсов обусловили дисбаланс спроса и предложения на рынке труда. По данным Алтайкрайстата, в 2015 г. численность граждан, состоящих на учёте в службе занятости в целом, по краю составляло 23,9 тыс. человек, а потребность работодателей – 17,6 тыс. человек.

Что касается промышленности, то серьёзной проблемой становится не столько нехватка рабочих кадров в абсолютном выражении, сколько возрастающее несоответствие их квалификации требованиям современных производственных технологий, обеспечивающих выпуск конкурентоспособной продукции, и современному уровню технологического оборудования.

Таким образом, нарастает тенденция несоответствия спроса и предложения рабочей силы, выражающаяся, в первую очередь, в недостатке рабочих кадров требуемой квалификации. Подготовка, переподготовка и обучение рабочих кадров на собственной базе предприятий ведётся недостаточно эффективно. Из-за низкой заработной платы, отсутствия на большинстве предприятий общежитий и перспектив обеспечения жильём низкой остаётся «закрепляемость» выпускников профессиональных технических училищ.

Количество выпускаемых организациями начального профессионального образования квалифицированных рабочих кадров по востребованным специальностям ниже потребности, что частично связано с низким уровнем престижности труда в промышленности, разрушением действовавших ранее механизмов управления мотивацией на предприятиях.

Для восстановления привлекательности труда на промышленных предприятиях необходимо расширить действующие механизмы стимулирования рабочих кадров и инженерно-технических работников. «Советские» стимулы ушли, а эффективных современных стимулов явно недостаточно.

На предприятиях между собственниками, менеджментом и наёмным персоналом отсутствует понимание общих задач и роли каждого в их реализации. Уровень корпоративной культуры, разделяемые ценности и установки, когнитивные возможности персонала, как правило, не отвечают решению стратегической задачи – обретению устойчивости в конкурентной среде путём достижения требуемого уровня конкурентоспособности предприятия.

Оценка результатов разгосударствления (приватизации) промышленности Алтайского края. Продолжительность периода с момента перехода собственности промышленных предприятий в негосударственные формы (более 20 лет) позволяет сделать первую оценку степени эффективности выполнения программы разгосударствления.

Уже к 1998 г. полностью перешли в акционерную или частную собственность предприятия пищевой отрасли, строительной индустрии, лёгкой, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Были акционированы все предприятия машиностроения и металлообработки, а также химии и нефтехимии, выпускавшие продукцию народнохозяйственного назначения. Из 13 предприятий бывшего военно-промышленного комплекса семь акционированы с государственным участием, четыре перешли под контроль акционеров (физических и юридических лиц), два остались в госсобственности. От приватизации было получено 31,4 млрд руб. в ценах 1997 г. (около 0,3% от стоимости основных фондов), 85% из них направлены в бюджет. В среднем продажная цена акций, реализованных на денежных аукционах, была превышена на 20%.

Из 50% крупных и средних промышленных предприятий края на 45 (90%) акционирование проведено в рамках единого юрлица; пять (10%) дезинтегрированы с образованием нескольких юридических лиц, на двух (4%) реструктуризация сопровождалась закреплением контрольных пакетов акций у головного предприятия и образованием холдинговых структур.

Использовалось два способа дезинтеграции промышленных предприятий: 1) по продуктово-технологическому признаку (в рамках единой технологической цепочки, ориентированной на выпуск конечной продукции) и 2) путём выделения внутренних структур в юридически самостоятельные предприятия без учёта технологических и организационных связей. В последнем случае из-за разрыва технологической цепочки изготовления конечной продукции вновь образованных предприятий снизилась эффективность производства, так как выросли непроизводительные издержки, уменьшился стратегический потенциал. Эта тактика, нацеленная на краткосрочное выживание, привела к потере «эффекта масштаба», ослаблению конкурентных позиций, а также потенциала саморазвития и инвестиционной привлекательности.

В процессе приватизации в промышленности края только одно предприятие (НПО «АНИТИМ») смогло привлечь инвестиционные ресурсы путём продажи акций на инвестиционном конкурсе. Таким образом, в целом по промышленности одна из основных задач приватизационного процесса – привлечение инвестиций для модернизации производства и повышения конкурентоспособности продукции – не была выполнена[1].

Приватизация собственности промышленных предприятий, производящих продукцию с неблагоприятной рыночной конъюнктурой, как правило, не только не привела к повышению эффективности использования ресурсов предприятий и собственности акционеров, но и значительно ухудшила эти показатели.

Отмечается слабость органов корпоративного управления (Советы директоров, Наблюдательные Советы) в решении стратегических вопросов обеспечения жизнедеятельности акционерных обществ.

Следует отметить, что в 1999–2005 гг. ряд промышленных предприятий края ОАО «Алтай-кокс», «Сибэнергомаш», «Барнаултрансмаш», «Алтайдизель» были интегрированы в крупные финансово-промышленные группы, контролирующие рынки сбыта и обладающие инвестиционными ресурсами. Но как показала практика работы ряда этих предприятий («Барнаултрансмаш», «Алтайдизель»), включение их в финансово-промышленные группы не спасло их от длительного кризиса производственной деятельности.

Малое промышленное предпринимательство. Основные показатели деятельности малых промышленных предприятий за период 1998–2014 гг. выглядят следующим образом:

- число малых промышленных предприятий после системного кризиса 1998 г. имело нестабильную по годам тенденцию роста (от 2123 до 4120 малых предприятий);
- доля объёмов промышленного производства малых промышленных предприятий в общем объёме производства промышленной продукции выросла за этот период с 5,4 до 14,3%. При этом темпы роста промышленного производства на малых предприятиях превышают темпы роста производства в целом по промышленности края;
- среднесписочная численность работающих на малых промышленных предприятиях выросла с 1998 г. в 2 раза (с 19 тыс. 500 чел. до 34 тыс. чел.);

[1] **Бородин В.А.** «Лучше бы она не приходила…». О результатах приватизации собственности промышленных предприятий Алтая // ЭКО. – 2017. – № 1. – С. 16–176.

• средняя рентабельность малых промышленных предприятий и объём образуемой прибыли не могут служить источником инвестиций в основной капитал;

• по выпуску товаров и услуг и численности занятых лидируют малые промышленные предприятия пищевой промышленности, машиностроения и металлообработки, химической промышленности; причём более половины промышленной продукции малых предприятий выпускается предприятиями пищевой отрасли. В лёгкой, лесной и деревообрабатывающей промышленности Алтая доля малых предприятий в объёмах производства превышает 50%[1].

Индивидуальное предпринимательство в сфере промышленного производства на Алтае активизировалось в 1990-е годы и представлено сегодня в основном в обрабатывающих производствах, где занято 2,1 тыс. человек индивидуальных предпринимателей с объёмом выручки 4824,3 млн руб. (3,4% выручки от всех видов экономической деятельности).

Структура промышленного производства. Однако следует заметить, что основное число индивидуальных предпринимателей в крае (55,2%) занято в оптовой и розничной торговле и ремонте автотранспортных средств и предметов личного пользования.

Действие факторов, определяющих совокупный спрос на продукцию различных отраслей, обусловило отраслевые структурные сдвиги в промышленном производстве в сторону снижения доли машиностроения, химии и нефтехимии, лёгкой промышленности и увеличения доли пищевой (включая мукомольно-крупяную) промышленности, электроэнергетики, производства кокса, фармацевтической промышленности.

Вхождение пищевой промышленности после 1992 г. в число базовых отраслей следует оценить как положительный структурный сдвиг, тенденцию к большей ориентации промышленности края на внутренние рынки сырья и готовой продукции. Вместе с тем нельзя назвать положительной резкое уменьшение доли лёгкой промышленности и столь же резкий рост электроэнергетики на фоне сокращения потребления электрической и тепловой энергии промышленностью и непрекращающегося все годы роста её стоимости.

В целом отраслевая структура продолжает характеризоваться высокой долей отраслей, ориентированных на ввоз основного сырья и материальных ресурсов, глубокую их переработку и вывоз готовой продукции за пределы края (машиностроение, химия и нефтехимия, производство кокса). Собственная сырьевая база существует в крае только для пищевой промышленности, производства ряда лекарственных препаратов и витаминной продукции, отдельных видов химической продукции, деревообработки и строительных материалов. Сохраняется уязвимость алтайской промышленности к рыночным колебаниям на российских рынках сырья, материальных ресурсов и совокупного спроса на готовую продукцию.

К 2015 г. структура промышленной продукции выглядела следующим образом: 45% – продукция производственно-технического назначения, 16,5% – сырьё и энергетические ресурсы, 32% – продовольственные товары, 6,5% – непродовольственные потребительские товары. Резкое снижение производства непродовольственных потребительских товаров фактически означает потерю алтайской промышленностью их внутреннего рынка.

[1] См. подробнее: **Бородин В.А.** Алтай промышленный: монография / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 93.

Физический объём инвестиций в основной капитал на большинстве предприятий машиностроения, лёгкой промышленности не даёт оснований утверждать, что промышленность Алтая в целом вступила в инновационно-активную фазу своего развития и становления современного технологического уклада.

Состояние основных ресурсов предприятий (оборотные средства, финансы, персонал, инвестиционный потенциал) говорит об отсутствии глубоких качественных изменений на большинстве предприятий и не позволяет прогнозировать оптимистический сценарий устойчивого роста промышленного производства в условиях проводимой сегодня экономической политики. Эффективность промышленного производства низкая, экономические результаты его деятельности недостаточны для расширенного воспроизводства, обновления основных производственных фондов и технологий, повышения конкурентоспособности продукции.

Явно выраженными тенденциями в промышленном производстве Алтая являются усиление негативных явлений, таких как инфляция издержек производства, насыщение рынка и усиление конкуренции; исчерпание резервов экстенсивного роста за счёт свободных производственных мощностей; недостаток средств развития для обновления технологий и технологического оборудования, не отвечающий требованиям конкурентоспособности уровень компетенций персонала промышленных предприятий и нарастающий дефицит высококвалифицированных рабочих кадров; отсутствие в стране в целом эффективных инструментов промышленной политики, направленных на качественный рост.

Представленный материал позволяет автору предложить приоритеты промышленного развития Алтая, которые, в первую очередь, исходят из естественных конкурентных преимуществ, обеспеченных исторически сформированным экономическим, природным, трудовым и интеллектуальным потенциалом, и определяют устойчивый экономический рост и достойный уровень жизни и занятости населения региона.

Известно, что Алтайский край является регионом агропромышленного типа, благополучие которого во многом зависит как от уровня развития сельского хозяйства, так и промышленности. Исследование особенностей экономики агропромышленных рынков показывает, что отличительной особенностью их промышленности является тесная связь с сельским хозяйством.

Отмеченная специфика Алтайского края подтверждается следующими факторами:

– близкие по своим значениям показатели удельного веса в структуре экономики промышленности и сельского хозяйства и занятого населения в этих секторах;

– наличие крупного сельскохозяйственного производства, обеспечивающего сырьевую базу пищевой промышленности, удельный вес которой в структуре обрабатывающей промышленности растёт, составляя более 40%;

– высокая доля сельского населения (44,2%).

В условиях рыночной, эволюционно-развивающейся экономики отраслевые пропорции и приоритеты промышленного развития Алтайского края должны складываться исходя из следующих установок.

Фундаментом создания устойчиво развивающейся конкурентоспособной промышленности Алтая является собственная ресурсная база (внутренний рынок сырья, созданный в советский период производственный, технологический и интеллектуальный потенциал и компетенции), а также требующий более расширенного присутствия традиционный рынок промышленных регионов Сибири, Урала, Средней и Центральной Азии, Китая, выхода на рынки Юго-Восточной Азии. Расширение

рыночного присутствия наших промышленных товаров возможно только при более глубокой и полной переработке сельскохозяйственного сырья, что открывает новые перспективы для обрабатывающей промышленности Алтая.

Промышленный уклад будет эволюционироваться от доминирующих в настоящее время в алтайской промышленности крупных и средних предприятий к многоукладному промышленному производству с более устойчивым к внешним факторам территориально рассосредоточенным мелкотоварным производством на современной технологической основе. Должно восстановиться и получить развитие промышленная кооперация в сельских местностях (лесопиление, первичная обработка кожи и шерсти, переработка и консервирование овощей, плодовоягодных культур, производство металлических изделий, ремонт машин и механизмов и др.). Опережающее, обусловленное внутренними ресурсами и региональным рынком сбыта, развитие должна получить пищевая промышленность. Большой потенциал роста с выходом на мировые рынки биологически-активных добавок и витаминной продукции имеет фармацевтические предприятия Алтая.

Найдут своего потребителя на алтайском рынке товары лёгкой промышленности, восстановление которой внесёт существенный вклад в экономику и бюджет Алтая и его территорий.

Стабильно растущий рынок имеют предприятия лесопиления, деревообработки и производства современных строительных материалов.

Уцелевшие в период рыночного реформирования предприятия транспортного и энергетического машиностроения, химии, в том числе нефте- и углехимии, станкостроения и дизелестроения могут закрепиться на занимаемых ими рынках в случае, если в короткие сроки завершат организационно-структурные реформы и найдут инвестиции для обновления производственных мощностей. Эти важнейшие предпосылки эффективного развития, достижения и роста уровня конкурентоспособности, сохранения и роста рыночного присутствия не могут реализоваться при отсутствии или ограниченности собственных инвестиций. Необходимо вхождение этих предприятий в крупные интегрированные промышленные структуры, обладающие рыночным весом и инвестиционными возможностями. Невозможность реализации по тем или иным причинам такой стратегии оставляет единственный вариант развития на среднесрочную перспективу – движение в сторону создания малых промышленных производств ограниченной по номенклатуре и объёмам производства, но востребованной рынком продукции.

Будущее предприятий, специализирующихся на продукции военно-технического назначения, определяют объёмы государственного заказа и уровень диверсификации производства.

Какой же, на наш взгляд, должна быть промышленная политика на Алтае, максимально сглаживающая неизбежные для рыночной экономики колебания спроса на её продукцию и сохраняющая устойчивые позиции одной из ведущих сфер региональной экономики, обеспечивающей достойный уровень жизни и занятость его населения?

Первое. Приоритетность отраслей промышленного производства должна исходить в первую очередь из естественных конкурентных преимуществ, которые обеспечивает природный, трудовой и интеллектуальный потенциал Алтая. К числу таких производств следует отнести переработку сельскохозяйственного сырья и производство на его основе товаров потребительского рынка как менее подверженного колебаниям экономической конъюнктуры и рыночным потрясениям.

Второе. Промышленная политика по отношению к таким крупным фондо- и инвестиционноёмким отраслям, как машиностроение и химическая промышленность, включая нефте- и углехимию, отдалённые рынки сырья и готовой продукции которых отличаются сложной и затратной логистикой и высоким уровнем конкуренции на них, – должна строиться исходя из необходимости обеспечения конкурентоспособности отраслей.

Обеспечить конкурентные преимущества за счёт низких издержек чрезвычайно сложно в связи с отмеченной выше удалённостью от товарных рынков, высокой в сравнении с другими регионами стоимостью энергоресурсов, что формирует высокие издержки производства и продаж. Стратегически более перспективна ориентация на высокотехнологичные производства уникальной продукции с повышенными потребительскими качествами.

Возможности региона в реализации такой политики ограничены, так как в её основе лежит необходимость кардинального обновления производственного потенциала, что требует притока крупных инвестиционных ресурсов. В этой связи нужно всячески стимулировать процессы включения таких производств в крупные межрегиональные и транснациональные компании, имеющие устойчивые конкурентные позиции на рынках материальных, финансовых ресурсов и товарных рынках с максимально возможным учётом социально-экономических интересов территории.

Третье. Необходим возврат к многоукладности промышленного производства, существовавшей в крае вплоть до начала 60-х годов прошлого столетия. Этот процесс стихийно идёт и сегодня, но стихийность чревата новыми ошибками и низкой результативностью. Представляется целесообразным расширение комплекса мер по поддержке промышленного предпринимательства в мелкотоварной его форме на базе современных технологий и развития кооперативных связей с крупными и средними промышленными предприятиями. Развитие многоукладности позволит ускорить структурные сдвиги в сторону промышленных производств, ориентированных на потребительский рынок территории с максимальным использованием её сырьевого и трудового потенциала.

История промышленного развития Алтая в целом и его экономики за более чем столетний период, авторский взгляд на которую представлен в данной работе, показывает, что умение рачительно хозяйствовать на родной земле не приходит автоматически со сменой идеологических установок и форм собственности. Оно, это умение, есть результат эволюционного процесса совершенствования хозяйственных механизмов, которому противопоказаны субъективные подходы и непродуманные по отдалённым последствиям решения.

4.2 МОДЕРНИЗАЦИЯ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ КАК МОДИФИЦИРУЮЩИЙ ФАКТОР РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Развитие лесного хозяйства, лесозаготовки и услуги в этих областях для Российской Федерации представляют собой, по мнению акад. А. Аганбегяна, «производства – резервы роста». Со временем, считает он, Россия по производству продуктов лесопереработки могла бы стать первой в мире.

Какова ситуация в Алтайском крае? Можно ли отнести деятельность, связанную с лесным комплексом[1], аналогично России, к производствам – резервам роста либо, напротив, она представляет собой стагнирующее производство? Каково влияние лесной отрасли на конкурентоспособность структуры хозяйства алтайского края?

Эти и ряд других вопросов, на наш взгляд, остаются до сегодняшнего дня без ответа. Очевидно одно – лесной комплекс края в силу его незначительных масштабов не рассматривается в качестве локомотива его роста, в результате чего в Стратегии развития края до 2025 г. ему уделено третьестепенное место[2], а социально-экономические аспекты его функционирования изучены крайне слабо[3].

Оценка роли и места лесного комплекса региона в формировании конкурентоспособности его экономики в условиях, когда органы статистики в качестве единицы наблюдения рассматривают не отрасли, а виды экономической деятельности, – затруднена. Судить можно лишь по косвенным признакам. Так, на сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство приходилось в разные годы от 13 до 18% валовой добавленной стоимости, произведённой в крае.

---

[1] Под лесным комплексом понимается совокупность отраслей, связанных с ведением лесного хозяйства, заготовкой, обработкой и переработкой древесного сырья. Основу лесного комплекса составляет лесная отрасль, включающая в себя отрасли и подотрасли промышленности, связанные с заготовкой и переработкой древесины. Не менее важное значение играет лесное хозяйство, под которым понимаются отрасли, функциональное значение которых – изучение и учет лесов, их воспроизводство, охрана от пожаров, вредителей и болезней, регулирование лесопользования и контроль за использованием лесных ресурсов. См. подробнее: **Лесной** кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Из этого не следует, что развитию лесного комплекса в крае не уделяется должного внимания. В частности, проблемы развития лесного комплекса отражены в ведомственной целевой программе «Развитие лесов Алтайского края» на 2011–2015 гг., а также «Концепции развития лесной отрасли Алтайского края на период до 2020 г.». См.: **Ведомственная** целевая программа «Развитие лесов Алтайского края» на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 10.08.2011 г. № 354 // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/759/post354_100810.pdf (дата обращения: 10.12.2016 г.); **Концепция** развития лесной отрасли Алтайского края на период до 2020 г. [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 19.02.2013 г. № 78 // Официальный сайт Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/d63/78_13.PDF (дата обращения: 10.12.2016 г.).

[3] Изучение лесного комплекса Алтайского края имеет давние традиции. См. об этом работы: **Парамонов Е.Г., Менжулин И.Д., Ишутин Я.Н.** Лесное хозяйство Алтая. – Барнаул : Алтай, 1997. – 373 с.; **Чуканов В.И.** Методический подход к стратегии планирования социально-экономического развития лесного хозяйства и результаты оптимизационных расчетов многоресурсного лесопользования в Алтайском крае: сб. тр. // МГУЛ. № 343. – Барнаул, 2005. – С. 75–86. Наиболее комплексно проблемы развития лесного комплекса изложены в ежемесячном журнале «Лесной Алтай».

В этих отраслях в 2013 г. работало в крае 206,6 тыс. человек. На конец 2013 г. в 67 предприятиях и организациях, занимающихся лесозаготовками, среднегодовая численность работников составляла 3255 человек[1]. Для сравнения: общая численность занятых в Алтайском крае – 1075 тыс. человек.

Обработка древесины и производство изделий из дерева составляли в 2014 г. 2,6: всех обрабатывающих производств[2]. При этом обрабатывающие производства составляли 82,9% общего объёма отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами[3].

По данным Алтайкрайстата, по состоянию на 1 января 2013 г. фактическое поступление платежей от использования лесов в федеральный бюджет составило 121,5 млн руб. В бюджет Алтайского края поступило 36,2 млн руб. Общая сумма совокупного дохода за 2012 г. от использования лесов составила 157,7 млн руб. Основными источниками поступления доходов использования лесов, по данным Алтайкрайстата, стали доходы от заготовки древесины – 87,8%, денежных взысканий и штрафов – 5,8%, аренды лесных участков, используемых для осуществления рекреационной деятельности, – 3,9%[4].

Относительно небольшое влияние лесного комплекса на экономику Алтайского края, – по крайней мере, если судить по приведенным выше цифрам, – имеет свои объективные причины: регион относится к числу малолесных территорий. Лесистость территории края составляет всего 22,6% (в среднем по регионам СФО – 53,8%, России – 46,6%).

Качественный состав лесов с точки зрения наращивания объёмов заготовки и переработки древесины также «не идеален». Общая площадь лесов края составляет свыше 4,5 млн га. Лесные экосистемы занимают около 28% его общей площади и характеризуются большим разнообразием пород, продуктивности, строения и возрастной структуры леса. На долю наиболее ценных (с точки зрения заготовки и переработки древесины) хвойных пород приходится лишь более половины общего запаса древесины Алтайского края.

Вместе с тем недооценивать потенциальное влияние функционирования лесного комплекса на экономическое и социальное развитие края нельзя, в особенности если принять во внимание его «побочные» эффекты.

Алтайский край располагает достаточно развитым лесным комплексом, базирующемся, главным образом, на использовании местных сырьевых ресурсов. Несмотря на то что край относится к малолесным регионам, он является одним из лидеров в стране по качеству освоения и использования лесных ресурсов. Ежегодно в регионе заготавливается около 2,5 млн куб.м древесины, при этом 70% полученной от рубок деловой древесины перерабатывается в крае (для сравнения: в России – 20%, в СФО – 24%). По производству пиломатериалов Алтайский край занимает 3-е место в Сибири после Иркутской области и Красноярского края и 5-е место – в России.

---

[1] **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 554.

[2] **Социально-экономическое** положение Алтайского края. 2014: стат. докл. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2015. – С. 17.

[3] **Алтайский** край в цифрах. 2010–2014: стат. сб. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2015. – С. 111.

[4] **Экологические** функции леса и эффективность использования лесных ресурсов Алтайского края: аналит. обзор / под ред. В.М. Мочалова: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 21.

Крупные деревообрабатывающие предприятия Алтайского края оснащены импортным дорогостоящим оборудованием и состоят из автоматизированных ленточных комплексов, высокотехнологичных сушильных камер, высокопроизводительных строгальных станков, линий оптимизации и линии по производству клееного мебельного щита. Модернизация производственно-технологической базы лесной отрасли является составной частью модернизации экономики края.

Реализация лесопродукции осуществляется преимущественно на внутреннем рынке. Экспорт её производится в страны ближнего и дальнего Зарубежья – Республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, а также в Китай и Афганистан. В структуре экспорта края древесина и целлюлозно-бумажные изделия занимают заметное место: на их долю в 2014 г. приходилось 25,3% всего объёма экспорта края, что превышает долю экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (20,9%). Глубокая переработка древесины – одно из заметных направлений диверсификации структуры экспорта края.

Имеющийся лесосырьевой потенциал региона, с одной стороны, и ёмкость внутреннего и внешнего рынка лесопродукции – с другой, предопределяют возможность существенного увеличения объемов заготовки древесины. Достаточно только сказать, что освоение расчётной лесосеки (допустимого объёма изъятия древесины) в 2013 г. составило 39%.

По оценкам специалистов, ежегодный свободный резерв древесины для заготовки достигает 3,9 млн куб. м и представлен в основном лиственными породами (2,8 млн куб. м). Заготовка по преимуществу хвойных пород имеет своим следствием накопление спелых и перестойных насаждений лиственных пород, что, в конечном счете, приводит к негативным экономическим последствиям.

Лесная отрасль в Алтайском крае, как показано выше, не является ведущей отраслью, но значение её велико и многообразно. Леса Алтая выполняют защитную функцию: сохранение биологического разнообразия, предотвращение эрозии почв и повышение их плодородия, регулирование водного стока, обогащение атмосферы кислородом. По оценкам специалистов, для защиты 3,3 млн га сельскохозяйственных угодий в крае необходимо иметь до 200 тыс. га лесных полос.

Одновременно леса выполняют социальную и экономическую функции, обеспечивая спрос экономики края и населения на все виды лесных ресурсов и поступления доходов в бюджетную систему. Особо хотелось бы указать на роль лесного промысла в обеспечении должного уровня жизни населения. Этот процесс трудно поддаётся оценке. Можно лишь констатировать, что недревесные ресурсы, несмотря на их значительные объемы, не используются в крае в больших промышленных масштабах. Вместе с тем значительная часть сельского, а также определенная часть городского населения занимается лесным промыслом. При этом важно, что лесной промысел – удел, главным образом, малообеспеченных слоёв населения. В результате лесной комплекс «работает» на решение острой социальной проблемы – ликвидации бедности в Алтайском крае.

Еще один крайне важный в территориально-поселенческом плане аспект функционирования лесного комплекса. Речь идёт о том, что лесная отрасль – фундамент функционирования и развития лесных поселков[1], которых в крае,

[1] Заметим по ходу дела, что пространственные аспекты функционирования и развития лесного комплекса края изложены в научной литературе весьма скупо. Этому аспекту рассматриваемой темы посвящены отдельные статьи. См. **Троцковский А.Я., Обиремко С.И., Голотвин Д.Н.** Лесной комплекс в контексте развития экономического пространства Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2–2 (82). – С. 347–352.

по нашим оценкам, насчитывается свыше 500[1].

Леса края расположены на территории 50 муниципальных образований. В 18-ти сельских муниципальных районах доля лесных поселков составляет свыше половины общего числа населённых пунктов, а в Алтайском, Залесовском, Заринском, Косихинском, Тальменском и Угловском районах удельный вес лесных посёлков составляет от 72 до 88% всех поселений района.

Резюмируя сказанное, отметим, что развитие лесного комплекса, в особенности с учётом его латентных и малоизученных функций, является существенным модифицирующим фактором повышения конкурентоспособности экономики Алтайского края. Позитивное влияние, оказываемое лесным комплексом на экономику края, на наш взгляд, недооценено. Здесь имеет место большой потенциал, раскрытию которого мешает ряд проблем. Остановимся на их рассмотрении подробнее.

Проблемы лесного комплекса. Лесная отрасль оказалась одним из сегментов экономики, наиболее приспособленных к экспортно-сырьевой её модели. Адаптивность лесной отрасли проявилась, прежде всего, в сравнительно высокой инвестиционной привлекательности входящих в её состав предприятий. Привлечение инвестиций позволило модернизировать заготовку и переработку древесины, благодаря чему, по мнению специалистов, в Алтайском крае ряд проблем развития отрасли выражен менее остро, чем в России.

Так, по их мнению, ключевая проблема – истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих лесопромышленных предприятий и путей транспорта. В крае в силу ряда причин она не просматривается столь очевидно, как в большинстве лесных регионов России. Вместе с тем многие проблемы развития лесного комплекса России являются актуальными и для Алтайского края. Назовем главные из них.

В числе первых – *нехватка мощностей по глубокой механической и химической переработке древесного сырья*, способных переработать низкокачественную, лиственную и тонкомерную древесину, а также древесные отходы лесозаготовок и деревообработки.

За последние годы в мире наиболее высокими темпами развивались производства по химико-механической и химической переработке древесины, в то время как в Российской Федерации по причине недостатка собственных мощностей по глубокой переработке древесины объём производства бумаги и картона находился на уровне 1980 г.[2]

---

[1] К сожалению, в научной литературе, посвященной функционированию и развитию сельских территорий края, лесные поселки не нашил своего отражения. Между тем их перспективы как монопоселений детерминированы развитием лесного хозяйства и в этом смысле потенциально проблематичны, о чем речь пойдёт ниже. См.: **Троцковский А.Я., Мищенко И.В.** Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование. – Барнаул, 2013. – 176 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

[2] Проблема нехватки мощностей по глубокой переработке древесины остается актуальной на протяжении всех лет существования отрасли. Критичность сложившейся ситуации осознана не только наукой, но и руководством страны. Однако никаких существенных подвижек в отрасли пока не наблюдается: Россия остаётся мировым лидером по площади лесов с ценными хвойными породами, по производству и экспорту круглой древесины и существенно отстает от развитых стран по рациональности использования древесины, объемам производства бумаги, фанеры, ДСП и других изделий из леса. См.: **Калабеков И.Г.** Российские реформы в цифрах и фактах. – М., 2010. – С. 129.

В лесном комплексе края достигнут практически предельный уровень загрузки имеющихся мощностей, который в производстве продукции глубокой переработки древесины составляет в производстве фанеры 100%; древесноволокнистых плит – 100%, бумаги, картона – 100%. Производство товарной целлюлозы в крае отсутствует.

Следующая ключевая проблема развития лесного комплекса края – обеспеченность и состояние лесохозяйственных дорог[1].

Общая протяженность автомобильных дорог составляет 35366 км, из них с твёрдым покрытием – 3642 км. Плотность дорожной сети на 1 тыс. га лесного фонда – 8,1 км, в том числе с твёрдым покрытием – 0,8 км. С учётом общей протяжённости дорог в крае обеспеченность дорожной сетью можно было бы считать достаточной. Однако часть лесохозяйственных дорог, представленных естественными проездами, непригодна для движения автомобильного транспорта в весенне-осенний период из-за наличия переувлажнённых участков и отсутствия искусственных сооружений. Из вышеизложенного следует, что в целом в Алтайском крае обеспеченность земель лесного фонда транспортными путями нельзя признать достаточной, особенно дорогами с твёрдым покрытием и улучшенными дорогами, что не может обеспечить эффективное использование лесов, оперативную борьбу с лесными пожарами и вредными организмами.

Обеспеченность лесохозяйственными дорогами существенно разнится в зависимости от лесохозяйственной зоны. Так, в Ленточно-боровой и Приобской зонах количество дорог вполне достаточно для выполнения работ по охране, защите и воспроизводству лесов, а также их использования. На 1 тыс. га земель лесного фонда протяжённость дорог по указанным зонам, соответственно, составляет 13,9 и 10,5 км.

В Салаирской низкогорной зоне обеспеченность дорогами является недостаточной, их протяжённость составляет всего 3,3 км. Дороги находятся в неудовлетворительном состоянии, так как создавались в период существования леспромхозов (до 1993 г.) и в настоящее время требуют реконструкции. В Предгорной зоне протяжённость дорог также составляет всего 2,6 км на 1 тыс. га земель лесного фонда.

Более интенсивное строительство лесных дорог, достижение необходимой их плотности, повышение класса и качества дорог приведут к развитию инфраструктуры в регионах, реализации новых инвестиционных проектов и освоению новых лесных массивов и, как следствие, к повышению продуктивности лесов, улучшению их породного состава и эффективности использования земель лесного фонда.

В качестве третьей (не по значимости) проблемы развития лесного комплекса укажем *использование устаревших технологий, машин и оборудования с высокой долей ручного труда и низкой производительностью*. В лесном хозяйстве и лесозаготовительном производстве используется физически и морально устаревшая техника и технологии. Это связано с прекращением деятельности большинства заводов лесного машиностроения. Действующие предприятия лесного машиностроения не обеспечивают необходимый технический уровень и качество выпускаемой лесо-

[1] В зависимости от назначения лесохозяйственные дороги подразделяются на три типа:

I тип – магистральные дороги, объединяющие сеть дорог II и III типов и соединяющие лесные массивы с дорогами общего пользования. Ширина их полотна – 6,5 м и более, ширина проезжей части – 4,5 м.

II тип – дороги, обслуживающие части территории лесного фонда и выходящие на дороги магистрального направления. Ширина их полотна – 4,5–6,5 м, ширина проезжей части – 3,5 м.

III тип – лесохозяйственные узкоспециализированные дороги, к которым относят противопожарные дороги, подъездные усы на лесосеках, дороги для доступа к питомникам, лесосеменным участкам и плантациям, для вывозки древесины от рубок ухода и др. Ширина их полотна – 4,5 м, ширина проезжей части – 3 м.

заготовительной техники. Не соответствует современному уровню требований выпускаемое отечественное деревообрабатывающее оборудование, значительно уступающее по показателям материалоёмкости и энергоёмкости импортным аналогам. Разрушена отраслевая научно-исследовательская и проектная база развития лесного машиностроения. Отсутствует база сервисного и эксплуатационного обслуживания отечественной лесозаготовительной техники.

В Алтайском крае это проблема выражена в меньшей мере, чем в целом в России, благодаря тому, что лесные предприятия края взяли курс на использование импортных машин и оборудования. Вместе с тем высокая стоимость импортного оборудования и несоответствие российского лесного машиностроения задачам развития лесного комплекса делает актуальной данную проблему и для Алтайского края.

Следующий проблемный момент в развитии лесного комплекса связан с *недостаточным уровнем инновационной активности на лесопромышленных предприятиях*. Эта проблема развития лесного комплекса, характерная в целом для России, наносит свой отпечаток и на лесной комплекс Алтайского края. Причины возникновения такой ситуации, как и предыдущей проблемы, связаны с резким снижением финансирования научных организаций за счет бюджетных средств. Бизнес практически не принимает участие в финансировании научно-исследовательской деятельности. Это, в конечном итоге, привело, с одной стороны, к распылению бюджетных средств на решение мелких и частных вопросов, не позволяющих решить проблемы стратегического характера, а с другой – к стагнации научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Полностью разрушена действовавшая раньше система опытных предприятий, испытательных станций и полигонов.

Ощущается, на наш взгляд, нехватка новых направлений исследований – в области лесной экономики, управления лесами, информационных систем, моделей развития отрасли. Отсутствует комплексный подход к решению проблем лесного хозяйства. Технологическое отставание от мирового уровня характеризуется отсутствием «прорывных» инновационных проектов в лесном комплексе, позволяющих снять структурные ограничения развития отрасли и выйти на производство совершенно новых (по потребительским свойствам) видов продукции, востребованных на внешнем и внутреннем рынках – конструкционных материалов на основе древесины, экологически безопасных листовых древесных материалов, волокнистых полуфабрикатов, полученных без применения элементарного хлора, высококачественных видов бумаги и картона для печати и упаковки, современного ассортимента санитарно-гигиенических изделий, малотоннажных видов бумаги для промышленности и т.д.

Немаловажное значение для развития лесного комплекса имеет *недостаток квалифицированных кадров и низкий уровень производительности труда*, обусловленные ухудшающейся ситуацией в профессиональной и квалификационной подготовке рабочих кадров, специалистов, возрастающим дефицитом квалифицированных кадров по разным направлениям лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности.

В настоящее время в системе лесного хозяйства нет ни одного высшего учебного заведения. В Алтайском крае данная проблема менее ярко выражена благодаря подготовке кадров на базе ГОУ СПО «Бийский лесхозтехникум» и на кафедре лесного хозяйства в АГАУ.

Развитие лесного комплекса края сдерживается *недостаточным использованием лесных участков для целей, не связанных с заготовкой древесины*.

Статья 25 Лесного кодекса РФ закрепляет возможность многоцелевого использования лесов. Однако при практическом применении данной статьи по-прежнему остаются неурегулированными процедура предоставления лесных участков, а также механизм согласования и учёта взаимных интересов лиц, использующих леса для различных целей, распределения их прав, обязанностей и расходов на охрану, защиту и воспроизводство лесов, проведение кадастрового учёта.

Эта проблема своими корнями уходит в ранее действующее законодательство (Лесной кодекс Российской Федерации, принятый в 1997 г.). Объектом регулирования лесных отношений был «участок лесного фонда», под которым понималась «совокупность земли и той растительности, которая растет на той или иной земле». При этом отдельный участок можно было передавать в аренду нескольким юридическим лицам. Одному – для охоты, другому – для заготовки древесины, третьему – для рекреации, а в договорах аренды балансировать интересы арендодателей и арендаторов. В 2007 г. был принят новый Лесной кодекс, в котором были разведены понятия земли и леса. Регулирование лесных отношений было построено на использовании понятия «земельный участок».

На земельном участке, имеющем кадастровый номер, возможно осуществление работ только одним арендатором. Если, к примеру, земельный участок передали арендатору под лесозаготовку, его нельзя уже передать другим пользователям для нужд охотничьего хозяйства, рекреации и т.п. Для решения этой проблемы, по нашему мнению, необходимо вернуться на позиции, изложенные в Лесном кодексе 1997 г., возродив понятие «участок лесного фонда».

Далее, статьями 32 и 34 действующего Лесного кодекса Российской Федерации предусматривается осуществление юридическими лицами и гражданами заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов, пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений только на праве долгосрочной аренды лесных участков. Однако аренда для данных видов использования лесов зачастую экономически невыгодна (неурожайные годы, сезонность работ, незначительный доход, тогда как расходы по уплате арендных платежей и на выполнение работ по охране, защите и воспроизводству лесов являются обязательными и постоянными). В настоящее время данный вид использования лесов практически стал невостребованным, а бюджеты всех уровней теряют доходы. Предприятия, ранее занимающиеся заготовкой и переработкой данных видов лесных ресурсов, закрывают эти производства, а иногда и бизнес.

Так как заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов, пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений, так же как и заготовка древесины, связаны с изъятием лесных ресурсов, представляется логичным предусмотреть наряду с арендой лесных участков использование указанных лесных ресурсов на основании договоров купли-продажи без предоставления лесных участков в аренду.

Одним из серьёзных препонов на пути развития лесного комплекса края стало *заключение договоров аренды участков лесного фонда по результатам лесных аукционов с недобросовестными и некомпетентными лесопользователями.*

В силу несовершенства аукционного механизма крупные участки лесного фонда оказались в ведении непрофильных компаний, необеспеченных необходимым оборудованием для заготовки и переработки древесины, без квалифицированных кадров соответствующей направленности, а также профессионального опыта освоения лесных участков и строительства лесных дорог. Возникла коллизия интересов, при которой непрофильные компании, «застолбившие» лесные участки, не спешили, да и не могли их осваивать, а реальные и эффективные лесопользователи не могли развиваться из-за дефицита сырья.

Победители аукционов, не имеющие собственных производственных мощностей, привлекали для ведения лесозаготовок субподрядчиков, т.е. фактически сдавали лес в субаренду, подменяя тем самым государство. Субаренда лесов превратилась для «лесных спекулянтов» в доходный бизнес, а для государства обернулась целым «букетом» проблем: деградацией лесозаготовок, вывозом круглого леса в необработанном виде за границу, ухудшением породного состава лесов, повышением угрозы лесных пожаров и болезней леса.

Представляется целесообразным для обеспечения эффективного осуществления использования лесов, улучшения их состояния, развития благоприятного инвестиционного климата заменить лесные аукционы конкурсами, предусмотрев преимущественное право на получение лесных участков в пользование лиц, имеющих ресурсы и мощности (кадровые ресурсы, специализированную технику и оборудование и т.п.) для проведения работ по охране, защите и воспроизводству лесов, заготовке, переработке древесины и иной лесной продукции, что должно явиться одним из обязательных условий участия в конкурсе на право заключения договора аренды лесных участков.

Ключевое значение для развития лесного комплекса края имеет *неурегулированность отношений в части использования городских лесов*.

Вне «зоны действия» единой системы управления в РФ находятся леса особо охраняемых природных территорий (26,9 млн га), леса на землях поселений (1,4 млн га), леса на иных землях. Особо остро стоит вопрос, об управлении лесами на землях муниципальных образований, чрезвычайно важных в социально-экологическом значении лесов. Ситуация здесь непрозрачна – статус городских лесов окончательно не определён, структура управления ими не ясна. Пристального внимания требует муниципальный лесной контроль и надзор, муниципальный пожарный надзор в лесах, которые в настоящее время непонятно как осуществляются, по какой технологии и кем контролируются.

Характеризуя ситуацию в лесном комплексе, нельзя обойти стороной проблемы функционирования и развития лесных поселков. Во многих из них с введением в действие в 2007 г. нового Лесного кодекса резко обострились проблемы строительства и содержания объектов социальной сферы. Ранее это была прерогатива лесхозов, являющихся государственными предприятиями. Функции по социальному развитию лесных посёлков перешли от лесхозов к администрациям районов, сельских советов. Последние же в силу отсутствия финансовых средств, зачастую не справляются с этой задачей, что порождает избыточную миграцию наиболее активной части жителей лесных поселков.

Парадоксально, но действующим законодательством не предусматривается никаких платежей за использование лесов, ни в бюджеты муниципальных районов, ни в бюджеты сельских поселений, на территории которых расположены леса.

Деградация и исчезновение лесных посёлков, бесспорно, нанесут развитию лесного комплекса непоправимый ущерб, подорвут сложившуюся систему охраны лесов от пожаров, защиты от вредителей и болезней леса, лесовосстановления и использования лесов.

Развитие лесной отрасли, как известно, является экономическим базисом существования лесных посёлков. В той же мере функционирование лесных поселков является ключевой детерминантой развития лесной отрасли. Сказанное предполагает разработку и реализацию действенного механизма поддержки сельских поселений.

Организационно-экономические проблемы модернизации лесного комплекса края. Модернизация лесного комплекса прямо связана с формированием и реализацией приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов.

Лесным кодексом, а также Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня № 419 «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов»[1] предусмотрено заключение договоров аренды на безаукционной основе. С одной стороны, этим документом предусмотрена достаточно высокая планка – объём капитальных вложений в инвестиционный проект должен составить не менее 300 млн руб. С другой стороны, установлены весомые льготы за аренду лесного участка, используемого для реализации приоритетного инвестиционного проекта в области освоения лесов – в течение срока окупаемости проекта применяется коэффициент 0,5 к утверждённым ставкам платы за единицу объёма лесных ресурсов и за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности.

На 1 января 2013 г. в Российской Федерации в число приоритетных попал 121 инвестиционный проект. В дальнейшем осталось 110 инвестиционных проектов общим объёмом более 410 млн руб. В разрезе федеральных округов лидером по объёму инвестиций, привлечённых в лесную отрасль, является Сибирский Федеральный округ, в лесном комплекс которого планируется вложить 189 млн руб. В Алтайском крае предусмотрены и частично уже реализованы два приоритетных инвестиционных проекта в области освоения лесов: «Организация завода по производству деталей комплектов домов из лесного бруса» (ООО «Содружество») и «Создание площадки лесопиления в г. Камень-на-Оби Алтайского края» (ООО «Каменский ЛДК»).

Практика реализации приоритетных инвестиционных проектов выявила ряд проблем, большая часть которых имеет организационно экономический характер. Среди них, в первую очередь, сложность разработки заявки и формирования концепции, а также включения инвестиционного проекта в список приоритетных[2]*. В результате нарушаются установленные сроки прохождения заявки на получение статуса приоритетного инвестиционного проекта в области освоения лесов; как правило, поданные заявки с первого раза не согласовываются.

Другой значимой проблемой, низводящей на «нет» идею реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, является несовершенство законодательства, допускающего возможность доступа к лесным ресурсам недобросовестных инвесторов. Последние, получив в аренду лесные участки без аукциона, активно ведут лесозаготовки и не спешат с реализацией инвестиционных проектов. Одной из реальных мер улучшения этой ситуации могло бы быть установление порядка, согласно которому заключение договоров аренды на льготных условиях производится после освоения не менее 15–20% объёма заявленных инвестиций.

---

[1] О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов (вместе с «Положением о подготовке и утверждении перечня приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов»): утверждено постановлением Правительства РФ от 30.06.2007 № 419 (ред. от 21.12.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 30, ст. 3935.

[2] В качестве причин такого положения укажем на необходимость сбора значительного объёма информации, играющей вспомогательную роль, а также дублирование органами власти одних и тех же полномочий. К примеру, экономическая часть концепции инвестиционного проекта проверяется, как минимум, четыре раза: дважды – органами исполнительной власти субъекта Федерации и дважды – органами власти федерального уровня.

Третья проблема, снижающая эффективность реализации приоритетных инвестиционных проектов, заключается в необоснованном увеличении инвесторами сроков окупаемости проекта с целью продления действия льготных условий. Здесь, на взгляд автора, необходимо установить максимальные сроки окупаемости инвестиционных проектов, дифференцировав их по видам производства и объемам инвестиций.

Далее, имеет место отсутствие научно обоснованного государственного планирования распределения инвестиций на освоении лесов по территориям. Главным фактором, учитываемым при отборе инвестиционных проектов, является наличие сырья. Однако очевидно, что сырьевое обеспечение является необходимым, но недостаточным условием успешной реализации проекта. Требуется оценка потребности в квалифицированных кадрах, энергетических и материальных ресурсах, рыночной и социальной инфраструктуре. В определённом смысле здесь может оказаться полезным опыт ФГБНИУ «Совет по изучению и развитию производительных сил» Минэкономразвития и РАН.

Ещё один существенный момент, который нельзя не упомянуть, связан с отсутствием государственной поддержки по формированию и содержанию инфраструктуры в местах реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. Без значительных затрат на инфраструктуру, как известно, не обходится ни один инвестор.

С подобными проблемами сталкиваются инвесторы и на ранее освоенных территориях с уже созданной инфраструктурой. Особенно остро он ощущаются в лесных посёлках, где администрация района, сельского совета, не в силах содержать на должном уровне социальную сферу по причине отсутствия финансовых средств. Дело в том, что в прежние времена многие объекты социальной инфраструктуры лесных посёлков фактически «висели» на лесхозах, являющихся госпредприятиями, финансировались ими, снабжались необходимыми материалами и т.д. В начале 2007 г., с введением в действие нового Лесного кодекса, лесхозы были ликвидированы, и вся полнота задач по поддержанию социальной сферы легла на местные и региональные власти.

Такой оборот дел для многих лесных поселков стал губительным, поскольку люди оказались практически отрезанными от цивилизации и культурной жизни. Наряду с целым комплексом других причин это способствовало оттоку наиболее активной части населения из лесных посёлков. Государство на содержание и реконструкцию объектов социальной сферы, строительство и ремонт дорог, мостов денег в достаточном количестве из бюджета не выделяло и не выделяет, что так же отпугивает потенциальных инвесторов.

Эта проблема в полной мере ощущается и в Алтайском крае, где реализация двух инвестиционных проектов осуществляется в ленточно-боровой лесной зоне, которая характеризуется самой развитой лесной инфраструктурой и дорожной сетью в Алтайском крае. Вместе с тем в Приобской лесной зоне, которая уступает ленточно-боровой по развитию лесной инфраструктуры и дорожной сети, продолжается деградация лесных поселков. А в Салаирской и Предгорной зонах, где лесная инфраструктура и дорожная сеть практически отсутствуют, возможность реализации проектов в области освоения лесов сегодня даже не рассматривается.

В заключение остановимся ещё на одной, можно сказать, центральной проблеме, тормозящей эффективную реализацию приоритетных проектов в области освоения лесов – отсутствие баланса экономических интересов субъектов лесных отношений в результате несовершенства системы финансирования лесного хозяйства.

Основными источниками средств на охрану, защиту и воспроизводство лесов, помимо бюджетных ассигнований (из федерального и региональных бюджетов), являются собственные средства арендаторов. На лесных участках, переданных в аренду, лесохозяйственные мероприятия осуществляются арендаторами в объёмах и в сроки, указанные в проекте освоения лесов и договоре аренды. Невыполнение требований в этой части является основанием для досрочного расторжения договора аренды лесного участка. Однако с позиции арендатора средства, затрачиваемые им на лесное хозяйство, являются обязательным элементом затрат, которые он вынужден перекладывать на себестоимость производимых лесных товаров или услуг, что ведёт к их удорожанию или снижению прибыли лесопользователя. Поэтому главной мотивацией арендатора при осуществлении комплекса лесохозяйственных работ является снижение этих затрат и, чаще всего, в ущерб их качеству.

Причиной, на наш взгляд, является не столько стремление к экономии затрат, сколько отсутствие экономических стимулов качественного выполнения этих работ вследствие того, что разрешённые сроки аренды гораздо ниже одного периода оборота рубок. Арендатор не заинтересован в положительном конечном результате, с одной стороны, и не несёт ответственность за соответствие лесохозяйственных работ после их завершения требуемым параметрам – с другой. Всё это приводит к некачественному выполнению лесохозяйственных мероприятий, в том числе при реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов.

Другой дисбаланс экономических интересов вытекает из того, что муниципальные образования не получают никаких платежей за использование на своей территории лесов обязаны содержать на должном уровне инфраструктуру и социальную сферу, в том числе в лесных посёлках[1]. Складывается парадоксальная ситуация: богатый лесом район получает в свой бюджет значительно меньше, чем муниципальное образование, на территории которого леса нет, а земли сдаются в аренду. Это приводит и к конфликту интересов между муниципальными образованиями и арендаторами, которые не могут разделить зону ответственности по содержанию и реконструкции объектов социальной сферы, строительству и ремонту дорог, мостов и решению других социальных вопросов, в том числе при реализации приоритетных инвестиционных проектов.

Таким образом, существующая система финансирования лесного хозяйства не отвечает требованиям сбалансированного управления лесами. Она примитивна и не отвечает своему назначению, сохраняет все недостатки «централизованной сметно-бюджетной операционной системы», функционировавшей в условиях централизованно планируемой экономики.

---

[1] Более общая постановка проблем устойчивого развития алтайского села дана в работах А.Я. Троцковского. См. об этом: **Троцковский А.Я., Щетинин М.П.** Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-2. – С. 298–308; **Троцковский А.А., Троцковский А.Я.** Социально-территориальная структура агропромышленного региона и механизмы ее регулирования: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 211 с.; **Родионова Л.В., Троцковский А.Я.** Региональный рынок труда: проблемы формирования, прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2–1. – С. 298–307.

Решением данной проблемы мог бы стать переход к такому распределению финансовых потоков за единицу объема лесных ресурсов и единицу площади лесного участка, которые бы создавали баланс экономических интересов всех субъектов лесных отношений. По нашему мнению, платежи за ресурсы леса должны состоять из двух частей, одна из которых представляет собой плату на ведение лесного хозяйства, а вторая – чистый доход государства как владельца лесов. Первая часть должна оставаться у того субъекта, на который возложена обязанность ведения лесного хозяйства – арендатора или лесохозяйственного предприятия, выполняющего на аукционной основе работы по охране, защите и воспроизводству лесов на участках, не переданных в аренду. Вторая часть должна распределяться между разными уровнями управления (федеральный, субъект Российской Федерации, муниципальные образования) на цели, соответствующие компетенции этих уровней в части освоения лесов. Именно за счёт этих средств Российская Федерация и её субъекты могли бы планировать инвестиции на создание инфраструктуры, без которой немыслимо дальнейшее освоение лесов.

Муниципальные образования тоже должны пользоваться доходами от леса для жизнеобеспечения населения. Можно было бы предусмотреть возможность заключения соглашений между муниципальным образованием и арендаторами, в соответствии с которыми арендатор вместо внесения платежей за использование лесных ресурсов в местный бюджет мог бы решать конкретные социальные вопросы.

По нашему мнению, такой подход обеспечил бы баланс экономических интересов всех основных субъектов лесных отношений, в том числе и арендатора, на которого ныне возложены обязанности ведения лесного хозяйства. Субвенции же должны приобрести совершенно другой характер: они должны служить источником инвестиций на определённые мероприятия, предусмотренные в федеральных целевых программах, а также в лесных планах субъектов Российской Федерации.

Подытоживая вышесказанное, заметим, что на пути повышения эффективности функционирования лесного комплекса края, увеличения его вклада в развитие края стоит целая совокупность проблем. Они образуют своеобразный «свивальник» в развитии лесного хозяйства, требующий своего разрешения. Сложность проблем развития лесного комплекса обусловлена во многом тем, что они коренятся в несовершенстве федерального законодательства, не учитывающего интересы различных субъектов «лесных» отношений.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Анализ трансформационных сдвигов в экономике Алтайского края показал, что тренды социально-экономического и демографического развития России и края в главных своих чертах совпадают. Это – закономерное следствие сформированного в России единого экономического пространства. Вместе с тем при совпадении трендов на различных этапах экономики в отдельные годы имеет место асинхронность развития. Типичным её проявлением является различная скорость протекания процессов, порождающая несовпадение их по времени и глубине.

При вхождении в рынок и на этапе трансформационного кризиса для края по сравнению с регионами России был характерен более глубокий спад, обусловленный отраслевой спецификой его экономики. В самой нижней точке падения, приходящейся на 1998 г., индекс физического объёма валового регионального продукта края

по сравнению с Россией уменьшился по отношению к 1994 г. в 3,3 раза. На достижение докризисного уровня Алтайскому краю понадобилось 12 лет, «среднероссийскому региону» – 6 лет. Вклад Алтайского края в валовой региональный продукт России сократился с 1,1% в 1994 г. до 0,9% в 1999 г.

Вступление края в рынок сопровождалось серьёзным ухудшением состояния внутрирегиональной среды, ограничивающей возможности развития расположенных на территории края промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Потеря достигнутых к началу реформ позиций в экономике России свидетельствовала об относительном ослаблении конкурентных преимуществ и снижении его конкурентоспособности.

Аграрная специализация края была в эти годы в определённом смысле его конкурентным преимуществом, обеспечивающим относительную устойчивость его развития. В то время как промышленность края характеризовалась обвальным падением производства (в 1998 г. по сравнению с 1991 г. – порядка 70%), производство валовой продукции сельского хозяйства сократилась в существенно меньшей мере (29,6%). «Близость к земле» народного хозяйства края нивелировала в первые годы радикальных реформ (да и в дальнейшем) их негативные последствия, позволила не допустить обострения социально-политической ситуации в регионе при более низких, чем в стране и соседних регионах, доходах населения, экономить на затратах, связанных с государственными вложениями в развитие аграрного сектора и т.д.

На начальном этапе восстановительного роста (1999–2004 гг.) предпосылки для перехода базовых отраслей экономики края к устойчивому развитию, повышению конкурентоспособности региона в целом так и не были сформированы.

В промышленности края это проявилось: во-первых, в низкой конкурентоспособности продукции промышленных предприятий края (доля конкурентоспособных предприятий – порядка 8–10%), отсутствии необходимых условий для существенного повышения их конкурентоспособности в долгосрочной перспективе в силу ускоренного выбытия основных производственных фондов. Во-вторых, в низком уровне инвестиционного спроса, устаревшей материально-технической базе промышленного производства с крайне высокой (более 70%) долей технологического оборудования, эксплуатируемого более 15 лет. В-третьих, в снижении эффективности использования основных фондов, высокой материалоёмкости и росте энергоёмкости продукции, низкой рентабельности, недостаточной для обеспечения расширенного воспроизводства и т.п.

В сельском хозяйстве края, несмотря на рост объёмов валового производства сельхозпродукции и финансовых показателей, кардинального улучшения положения сельхозтоваропроизводителей не произошло. Острейшей проблемой оставалась нехватка собственных оборотных средств для сезонного финансирования производства, связанная с недоступностью банковского кредита, высокой кредиторской задолженностью. Многократно уменьшились закупки новой сельскохозяйственной техники, машин и оборудования, прекратились капитальные вложения в развитие социальной инфраструктуры села, усилилась невостребованность трудового потенциала, породившая высокую безработицу на селе.

Заключительный этап восстановительного роста экономики (2005 – первая половина 2008 г.) может рассматриваться как начало нового этапа ее развития. С 2005 г. начался нарастающий процесс постоянного роста инвестиций: по отношению к 2000 г. темпы роста инвестиций составили в 2005 г. 1,8 раза, в 2006 г. – 2,2 раза, в 2007 г. – 2,7 раза. Выросла интенсивность обновления основных фондов.

Коэффициент обновления основных фондов составил в 2005–2007 гг., соответственно, 2,5, 2,7 и 3,0. Однако основные фонды в крае по сравнению с предыдущим периодом использовались с меньшей эффективностью.

В результате устойчивого спроса на рабочую силу во всех секторах экономики в крае, как и в России в целом, произошёл стабильный рост занятости, продолжавшийся вплоть до нового экономического кризиса.

Позитивные тенденции в развитии экономики благотворным образом сказались на доходах населения: реальные денежные доходы населения в 2008 г. по отношению к 2004 г. выросли в 1,7 раза.

В целом экономику Алтайского края на заключительном этапе восстановительного роста можно охарактеризовать как период частичного оздоровления. Однако устойчивый рост экономики не сопровождался заметным повышением ее качества, необходимым для формирования конкурентной среды края.

Кризис 2008–2009 гг. Нисходящие тренды развития в этот период характерны как для России, так и для края. Особенностью развития последнего является более медленное вхождение в кризис в первой половине 2008 г., и его более быстрая эскалация – во второй половине.

Первый год кризиса для края, если судить по результатам, имел противоречивый характер. Динамика развития края в предыдущий период позитивным образом сказалась на ряде ключевых показателей его развития: увеличился выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, объём промышленного производства, внешнеторговый оборот. Увеличился прирост реальных располагаемых доходов населения.

С другой стороны, стагнация и дальнейшая рецессия во второй половине 2008 г. сказались на замедлении темпов роста ряда ключевых отраслей и сфер: более всего, строительства, промышленного производства, инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли и др. В заметной степени на кризис отреагировал также рынок труда края. Общая численность безработных выроста на 28,6% (при снижении численности безработных в 2007 г. на 26,8%).

Второй год кризиса – год полномасштабной рецессии экономики как страны, так и края. Подавляющее большинство отраслей (за исключением сельского хозяйства) характеризуются отрицательными темпами роста. Валовой региональный продукт в крае сократился в сопоставимых ценах на 5,3% (по России – на 7,6%), выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности – на 4,7%.

Анализ результатов развития края в кризисном периоде представляет собой интерес с точки зрения оценки его конкурентоспособности. Именно на «сломе» экономики видны как сильные, так и слабые стороны её развития. В условиях кризиса 2008–2009 гг. относительную экономическую стабильность Алтайского края обеспечили две взаимозависимые отрасли: сельское хозяйство и обрабатывающие производства (производство пищевых продуктов, включая напитки и табак; обработка древесины и производство изделий из дерева; химическое производство).

Промышленность края оказалась в числе отраслей, наиболее пострадавших от кризиса. Вместе с тем темпы снижения промышленного производства в крае были в 1,8 раза меньше среднероссийских, что косвенно свидетельствует о том, что промышленность края, хотя и ценой больших потерь, прошла в главном тяжёлый путь адаптации к новым рыночным реалиям.

Особо уязвимой и менее устойчивой к внешним шокам оказалась социальная сфера края: доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, увеличилась с 20,1% в 2007 г. до 24,4% в 2009 г. Уровень безработицы в Алтайском

крае существенно превышал среднероссийский: в отдельные месяцы 2008–2009 гг. превышение по показателю общей безработицы достигало 1,7 раза, по официальной (зарегистрированной) безработице – 2,3 раза.

Развитию края на этапе выхода из кризиса (2010–2012 гг.) присущи три отличительные черты.

Первая из них состоит в более высоких темпах восстановительного роста реального сектора экономики. Производство промышленной продукции в первый год посткризисного развития по отношению к 2007 г. составило 115,9% (Россия – 96,4%); продукции сельского хозяйства – 105,9% (России – 99,7%); грузооборота транспорта общего пользования, соответственно, 106,1 и 96,7%.

Здесь проявилось действие целого комплекса причин, важное место среди которых занимал так называемый эффект масштаба. Регионы с относительно небольшой по масштабу экономикой преодолели кризис в первую очередь. Нельзя также сбрасывать со счетов и деятельность региональных органов власти по реализации антикризисной программы.

Вторая отличительная черта восстановительного периода – менее интенсивное по сравнению с Россией восстановление стабильности на рынке труда. Ситуация на рынке труда края на начальном этапе выхода из кризиса по сравнению с общероссийской оставалась более сложной: уровень общей безработицы в Алтайском крае равнялся в 2010 г. 8,8%, что на 1,3 п.п. выше среднероссийского показателя.

Наконец, **третья** особенность – более низкие по сравнению с Россией темпы стабилизации денежных доходов и уровня потребления населения, что не исключает заметного роста различных показателей уровня жизни. В 2012 г. по сравнению с первым годом кризиса зарплата работников выросла на 40%, пенсии – в 2,2 раза, располагаемые ресурсы домашних хозяйств в среднем на 1 члена домохозяйства – на треть.

Несмотря на то что краю в 2010–2012 гг. удалось сократить уровень бедности населения более высокими, чем в России, темпами (3,3 п.п. против 1,8 п.п. соответственно), разрыв остался заметным: доля населения за чертой бедности в 2012 г. составила в крае 20,6% (в России – 10,7%).

Однако ежегодный рост в 2008–2012 гг. реальных денежных доходов на 1,8–4,7% не позволил компенсировать резкое (на 14%) падение доходов населения в 2009 г. По сравнению с началом кризиса реальные располагаемые денежные доходы населения края уменьшились на 4,2%, а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась на 6,3%.

Очевидно, что состояние рынка труда, уровень доходов населения и развитие потребительского рынка являются факторами, негативным образом сказывающимися на привлекательности края как места жительства, а значит, и на его конкурентоспособности.

Развитие края в условиях структурного кризиса (2012–2015 гг.) также в целом проходило в рамках общероссийских трендов, заключающихся в затухающем характере экономического роста.

1. Тренд ускоряющегося восстановления инвестиционной активности, характерный для посткризисного оживления экономики в 2010–2012 гг., уже в 2013 г. пришёл к своему завершению. Если в 2010–2012 гг. темпы роста инвестиций в основной капитал составляли в среднем 114%, то в 2013–2015 гг. – лишь 96,5%

(в первой половине 2016 г. – 88,5%). Аналогичная картина характерна и для России в целом.

«Сжатие» доходной части бюджетов всех уровней в условиях перехода от посткризисного оживления экономики (2010–2012 гг.) к её стагнации, продолжающейся до настоящего времени, заметно уменьшило инвестиционный потенциал алтайской экономики и возможности стимулирования экономического роста в крае за счёт бюджетных средств. За период 2013–2014 гг. по сравнению с двумя предыдущими годами финансирование федеральных целевых программ за счёт средств федерального бюджета сократилось в среднегодовом исчислении в 1,4 раза, капитальные вложения за счёт средств краевого бюджета – в 2,5 раза.

В условиях структурного кризиса экономика края в целом по сравнению со среднероссийским регионом оказалась более адаптированной, с менее выраженной реакцией на ухудшение экономической конъюнктуры, о чем свидетельствует рост в 2013 г. валового регионального продукта края на фоне падения валового регионального продукта России (из суммы регионов).

Локомотивами роста валовой добавленной стоимости в крае были сельское хозяйство, торговля, обрабатывающие производства, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. На их долю приходилось более 62% валовой добавленной стоимости края.

В целом развитие края на современном этапе посткризисного развития (2010–2015 гг.) можно, на наш взгляд, оценить как позитивное. Главное, что удалось достичь в непростых условиях структурного кризиса экономики – это не допустить риска серьёзной дестабилизации экономической ситуации в крае, поддержать в силу имеющихся ограниченных ресурсов развитие социальной сферы и социальной инфраструктуры и, что особенно важно, увеличить темпы роста строительства и ввода жилья.

2. Промышленность края занимает особо значимые позиции в развитии края, а её способность к модернизации предопределяет конкурентные позиции региона.

Трансформационные процессы повлекли за собой существенные подвижки в отраслевой структуре промышленности. В качестве позитивных сдвигов – вхождение в 1992 г. пищевой промышленности в число базовых отраслей; негативные подвижки в структуре промышленности связаны с резким уменьшением доли лёгкой промышленности и значительным ростом электроэнергетики на фоне сокращения потребления электрической и тепловой энергии промышленностью и непрекращающимся ростом ее стоимости.

Существенным фактором роста конкурентоспособности промышленности является усиление её ориентации на внутренние рынки сырья и готовой продукции. Однако собственная сырьевая база существует в крае в основном для пищевой промышленности, производства ряда лекарственных препаратов и витаминной продукции, отдельных видов химической продукции, деревообработки и производства строительных материалов.

В целом отраслевая структура продолжает характеризоваться высокой долей отраслей, ориентированных на ввоз основного сырья и материальных ресурсов, глубокую их переработку и вывоз готовой продукции за пределы края (машиностроение, химия и нефтехимия, производство кокса). В силу этого уязвимость алтайской промышленности к рыночным колебаниям на российских рынках сырья, материальных ресурсов и совокупного спроса на готовую продукцию сохраняется.

Не способствуют росту конкурентоспособности алтайской промышленности состояние основных ресурсов предприятий (инвестиционный потенциал, финансы, основные и оборотные средства, кадровое обеспечение).

В условиях насыщения рынка и усиления конкуренции промышленная политика в крае должна базироваться на трёх принципах:

1) поддержка промышленных производств с учётом необходимых им ресурсов, составляющих естественные конкурентные преимущества края;

2) развитие крупных фондо- и инвестиционноёмких отраслей (машиностроение, химическая промышленность) с ориентацией на высокотехнологичные производства уникальной продукции с повышенными потребительскими качествами путём включения их в крупные межрегиональные и национальные компании;

3) расширение комплекса мер по поддержке промышленного предпринимательства в его мелкотоварной форме на базе современных технологий и развития кооперации с крупными и средними промышленными предприятиями.

3. Вклад лесного комплекса в развитие экономики и повышение конкурентоспособности края недооценен. Развитие лесного комплекса имеет на сегодня два неоспоримых преимущества: базирование производства на местных сырьевых ресурсах и наибольшая адаптация к экспортно-сырьевой модели экономики. Кроме того, лесной комплекс выполняет целый ряд существенных для жизнеобеспечения населения функций, прямо не связанных с заготовкой древесины.

На пути повышения эффективности функционирования лесного комплекса, увеличение его вклада в развитие экономики и повышение её конкурентоспособности стоит ряд проблем (организация инвестиционного процесса, нехватка мощностей по глубокой механической и химической переработке древесины, недостаточная обеспеченность и плохое состояние лесохозяйственных дорог и др.). Их решение связано главным образом с совершенствованием федерального законодательства.

Раздел III.

ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЮЧЕВЫХ КОНКУРЕНТНО ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РОСТА

Глава 5. ИНВЕСТИЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

5.1 КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Сбережения[1] и их трансформация в инвестиции, как известно, являются ключевым фактором экономического роста региона, развития его социальной сферы. Капиталовложения служат опорой роста экономики, повышения ее конкурентоспособности, в особенности в условиях отсутствия востребованных свободных мощностей предприятий либо невозможности их эффективного использования[2].

Улучшение технологической структуры материального производства на основе замещения устаревших технологий и основных фондов современными предполагает существенное изменение темпов и пропорций инвестиционного процесса.

Повышение инвестиционной активности в регионе, рост инвестиций[3], является результатом воздействия значительного числа факторов. Основная их часть, по нашему мнению, формируется на федеральном уровне и обусловлена в значительной своей доле характером макроэкономической политики. Именно макроэкономическая политика, прежде всего, денежно-кредитная и налоговая, предопределяет возможности сбережений и, в особенности, максимальной трансформации их в инвестиции как необходимого условия быстрого экономического роста.

Косвенным свидетельством в пользу этого положения являются результаты сравнительного анализа индекса физического объема инвестиций в России и Алтайском крае в долгосрочном периоде (с целью исключения влияния краткосрочных колебаний экономической конъюнктуры) (рис. 5.1).

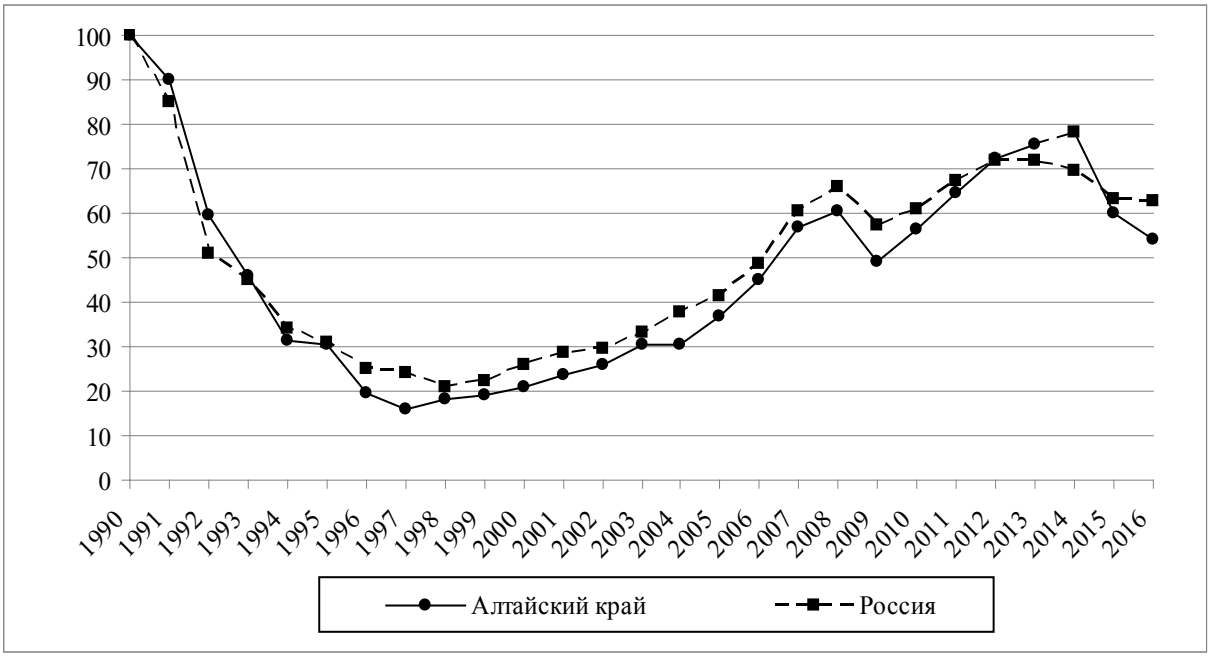
Рисунок 5.1 наглядно демонстрирует идентичную направленность тенденций, а также близкие темпы изменения индекса физического объема инвестиций в основной капитал, присущих России и краю, что свидетельствует о развитии инвестиционных процессов в едином правовом и экономическом пространстве под воздействием общих для всей страны факторов мобилизации инвестиций, детерминируемых макроэкономической политикой.

---

[1] Согласно основным методологическим положениям системы национальных счетов, под сбережениями понимается часть располагаемого дохода, не израсходованная на конечное потребление товаров и услуг. На региональном уровне этот показатель не рассчитывается.

[2] По мнению акад. А. Аганбегяна, экономический рост в России на 80% связан с инвестициями. См.: **Аганбегян А.Г.** Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. – 2015. – № 2. –С. 10.

[3] В качестве характеристики величины инвестиций в экономике используется показатель валового накопления, складывающийся из валового накопления основных фондов, изменения запасов материальных оборотных средств и чистого приобретения ценностей.



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.1. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % (1990 г. = 100%)

В результате разработки стратегии и тактики макроэкономической политики формируются такие важнейшие с точки зрения роста инвестиционной активности процессы, как ограничение инфляции сверх уровня, препятствующего повышению инвестиционной активности; снижение процентной ставки до уровня, сопоставимого с рентабельностью капиталовложений в реальный сектор экономики; расширение масштабов привлечения на финансовые рынки сбережений населения и т.д.

Условия, формируемые на «выходе» макроэкономической политики, как уже отмечалось, являются общими для всех регионов России. С другой стороны, инвестиционный климат в конкретном регионе во многом обусловлен региональными факторами, носящими как объективный (наличие природных ресурсов, уровень социально-экономического развития), так и субъективный характер (деятельность региональных властей по формированию условий для роста инвестиционной привлекательности региона и эффективного использования инвестиционных ресурсов)[1] (рис. 5.2).

Для Алтайского края, как типичного агропромышленного региона, формирование эффективного рынка капиталов и механизмов, обеспечивающих мобилизацию инвестиционных ресурсов, а также их наиболее эффективное использование, представляет собой непростую задачу в силу того, что возможности роста сбережений в

[1] Так, например, в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ по итогам 2015 г., проведенном Агентством стратегических инициатив, Алтайский край по интегральному индексу отнесен к третьей группе (из пяти возможных), опередив 37 субъектов РФ (по итогам 2014 г. – ко второй группе, 9-е место из 21). См.: **Национальный** рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал регионов России: [сайт]. – URL: http://www.investinregions.ru/rating/ (дата обращения: 20.11.2015 г.).

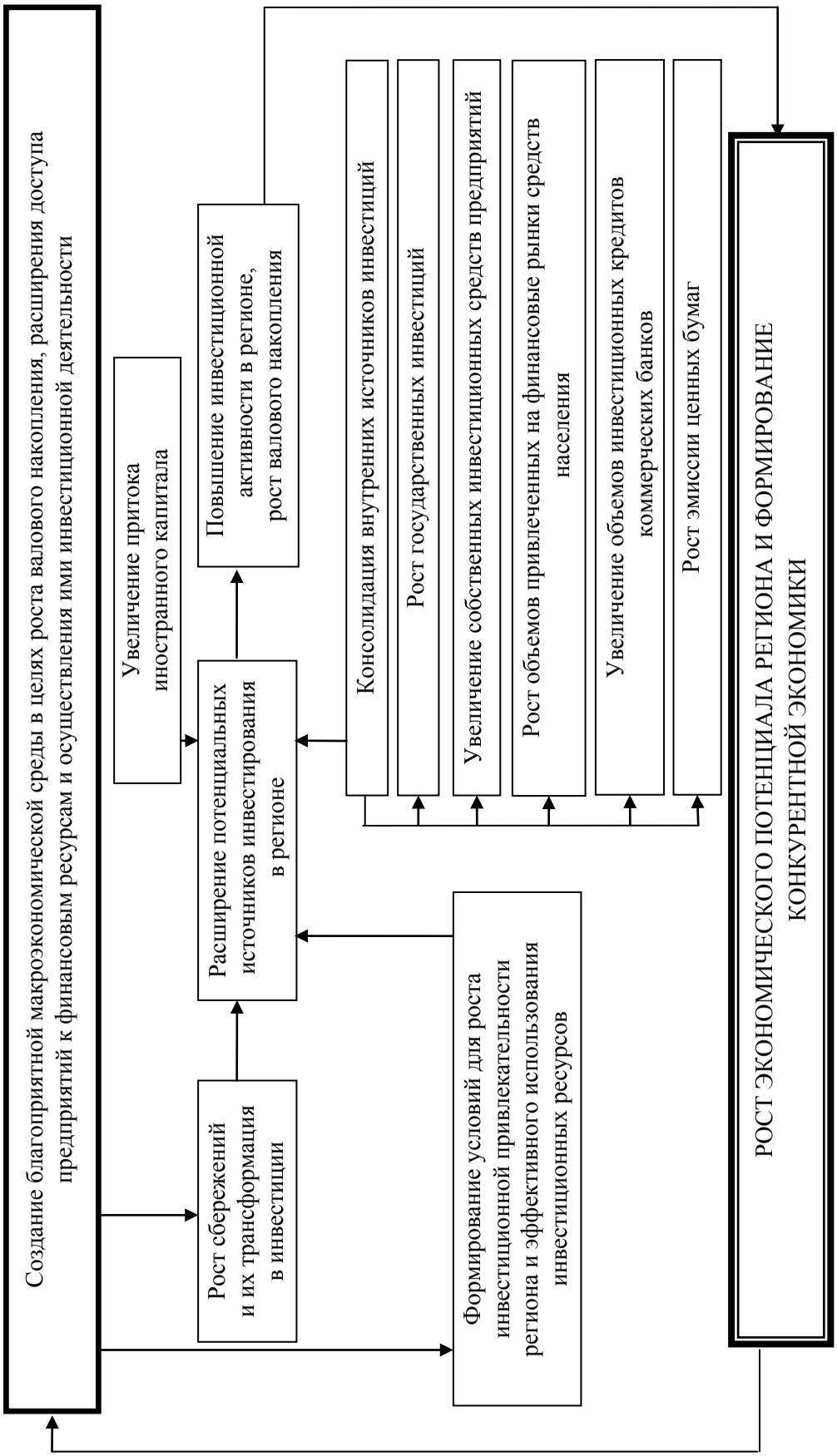
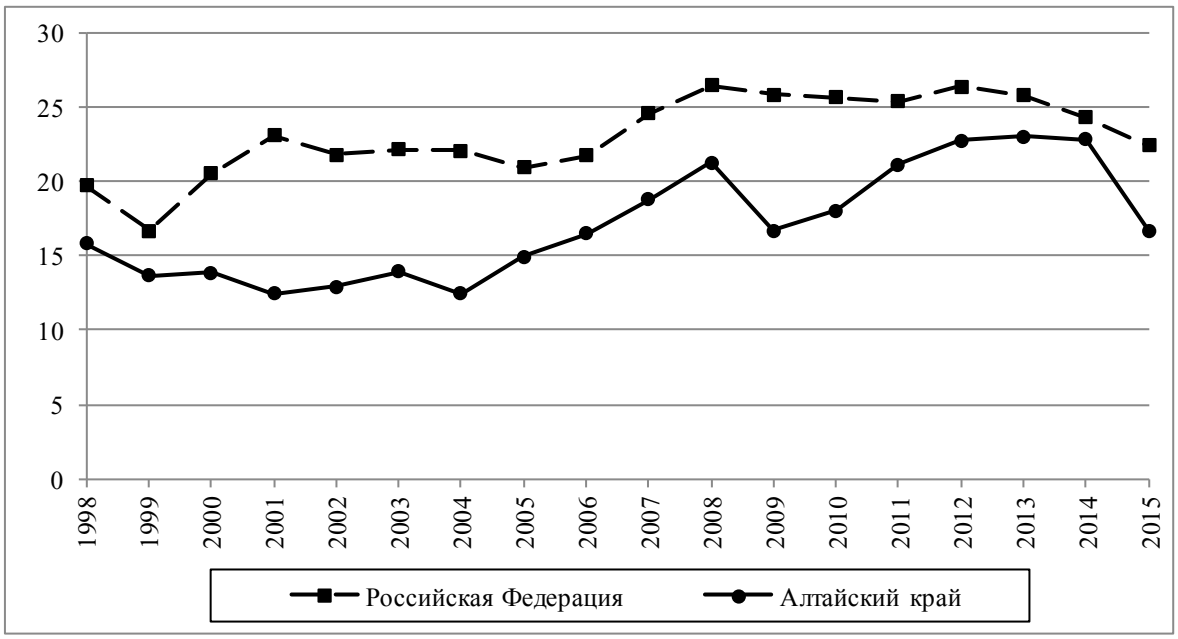


Рис. 5.2. Схематичное представление о механизме формирования ресурсного потенциала инвестиционной деятельности в регионе

регионе весьма ограничены. Это касается всех возможных инвестиционных источников: и собственных средств предприятий, и привлеченных в том числе бюджетных средств, и средств населения, используемых в долевом строительстве.

Наряду с общероссийскими факторами, сдерживающими инвестиционную активность (вывоз капитала, долларизация экономики, высокие инвестиционные риски, низкая доступность кредитных ресурсов и т.д.), «работают» местные факторы (специфика отраслевой структуры экономики, уровень и динамика социально-экономического развития края и др.). Вследствие относительно невысоких возможностей сбережения в Алтайском крае, валовое накопление основного капитала на душу населения по субъектам Российской Федерации в фактически действующих ценах в 2013 г. превышало соответствующие показатели по краю в 2,5 раза (в 2002 г. – в 3,6 раза)[1].

Если рассматривать инвестиционный процесс в динамике, то следует сказать, что в последние, весьма непростые годы, ситуация в крае, по крайней мере, не усугубилась. Алтайский край в 2012 г., так же как и Россия в целом[2], вышел на докризисный уровень (2008 г.), а также сумел удержать свои позиции вплоть до 2015 г. Это позволило краю существенно сократить разрыв с Российской Федерацией в целом по доле валового накопления капитала в ВРП (рис. 5.3).

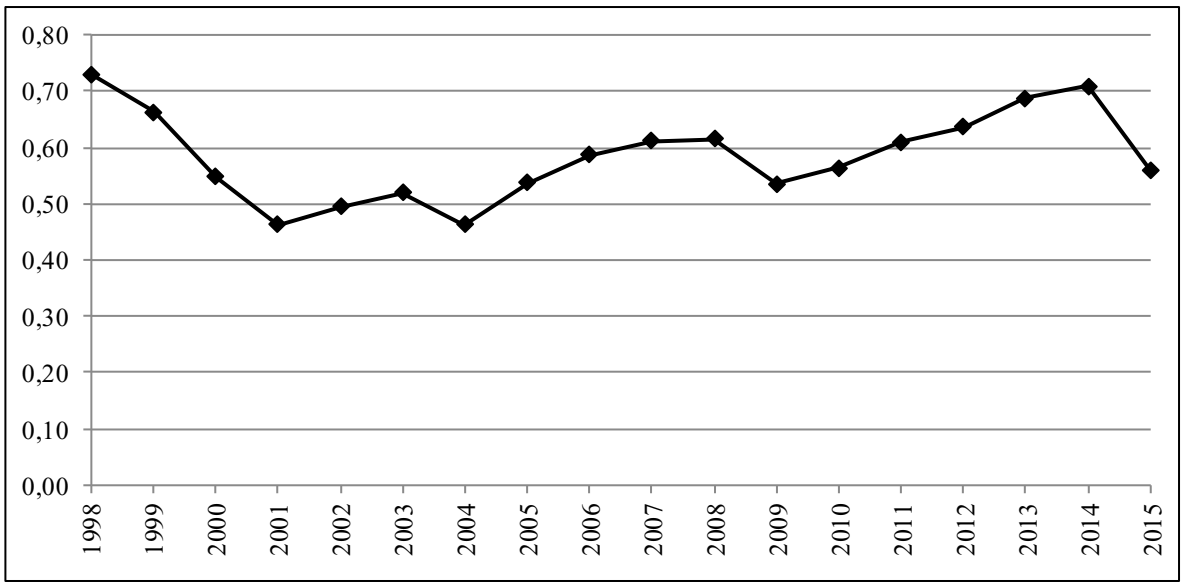


Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.3. Динамика валового накопления основного капитала в Алтайском крае и Российской Федерации в 1998–2015 гг., % к ВРП

[1] Рассчитано авторами с использованием данных Росстата. См.: Единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do (дата обращения: 20.11.2015 г.).

[2] Как отмечалось в докладе Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, «в 2012 г. объем накопления в стране (в постоянных ценах – *авторы*) едва вернулся к пику начала 2008 г. после почти 20-процентного падения, но в 2013 г. несколько снизился» См.: **Голяшев А.В., Григорьев Л.М.** Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf (дата обращения: 19.10.2015 г.).



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.4. Доля Алтайского края в накоплении основного капитала Российской Федерации в 1998–2015 гг., %

Соответственно, начиная с 2009 г. и, в особенности, в последние годы (за исключением 2015 г.) заметно растёт доля Алтайского края в накоплении основного капитала Российской Федерации (рис. 5.4).

«Догоняющее» развитие Алтайского края по показателю валового накопления основного капитала вселяет определенный оптимизм в части перспектив развития региона, поскольку отсутствие значимого прироста накопления, сохранение его объемов на уровне 2008 г. послужило главным фактором торможения экономики в 2013–2016 гг., серьезной угрозой развитию страны и края в среднесрочной перспективе.

5.2 ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Ключевой особенностью инвестиционного процесса, отмечаемой практически всеми исследователями, является снижение инвестиционной активности как в России, так и в подавляющем числе ее регионов. Так, по нашим оценкам, объем инвестиций в основной капитал в 2015 г. – как в России, так и в крае – составил в сопоставимых ценах 60 и 63% инвестиций 1990 г. соответственно Отсутствие широкомасштабных инвестиций обусловлено целым рядом причин, в числе которых, по мнению ряда исследователей, постепенный переход на новый режим инвестирования, при котором более высокая эффективность должна сочетаться с относительно меньшим их объемом.

Более глубокую картину, на наш взгляд, рисуют специалисты Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации А. Голяшев и Л. Григорьев. «Относительно низкие инвестиции, – пишут они, – главная слабость всей пореформенной экономики. Для этого есть свои основания в характере приватизации, сложившейся системе корпоративного контроля, целях новых собственников крупных национальных предприятий и логике управления. Примерно 40 крупных государственных и частных компаний осуществляют порядка половины капиталовложений страны. Их эффектив-

ность остается под большими сомнениями со стороны экономистов, особенно с учетом обрастания бюрократией, престижным потреблением, типичными свойствами крупного (особенно государственного) бизнеса: огромные средства на управление, саморекламу, побочные программы, охрану и «корпоративные» мероприятия. Это чрезвычайно неповоротливая система, зависящая от сложной кооперации федеральных и региональных чиновников, госбанков.

Вторая часть инвестиций, которые реализуются крупным, средним, малым, региональным бизнесом, страдает от нехватки «доступа» ко многим видам ресурсов, зависимости от бюрократии разных уровней, коррупции, неустойчивости прав собственности. Уже на эту картину накладываются дороговизна кредита (ставки больше 20%), неустойчивость среды, ненадежность судов, давление на бизнес»[1].

Проблема низкой мобилизации инвестиционных ресурсов предприятиями реального сектора носит комплексных характер. С одной стороны, как известно, рост капиталовложений в производство невозможен без роста его эффективности. С другой стороны, мобилизация инвестиционных ресурсов предприятиями происходит неудовлетворительно в силу неразвитости рынка капитала.

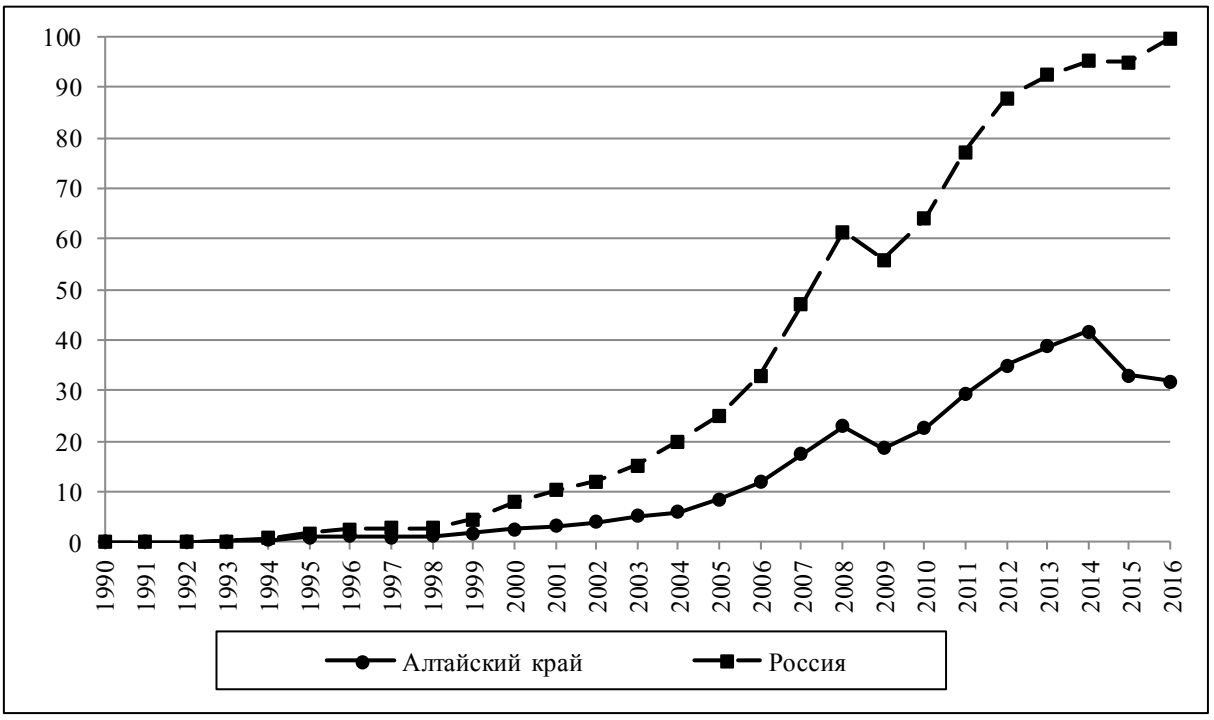
Оценка инвестиционной активности и ее динамики в Алтайском крае, что называется, не лежит на поверхности. В научных статьях и публикациях на эту тему прослеживаются две точки зрения. Согласно одной из них, инвестиционный процесс в крае характеризуется рядом проблем, главные из которых – отставание от среднероссийских показателей и недостаточные темпы роста. Согласно другой точке зрения, как правило, высказываемой представителями региональных органов власти, на протяжении последних лет Алтайский край устойчиво занимает позиции в списке первых 30 субъектов России по уровню инвестиционного потенциала, а инвестиционная привлекательность региона повысилась[2].

С наших позиций, оценка инвестиционных процессов в Алтайском крае существенно разнится в зависимости от того, в каких ценах (действующих либо сопоставимых) она производится. Если оценивать многолетнюю динамику инвестиций в фактически действующих ценах (рис. 5.5), то наглядно прослеживаются две тенденции: ежегодный рост инвестиций как в среднем регионе России, так и в Алтайском крае и увеличение отставания края от среднероссийских показателей. Особенно наглядно отставание края заметно в 2015 г. В самом деле, в действующих ценах 2015 г. по сравнению с 1995 г. душевой объем инвестиций увеличился в крае более чем в 40 раз, а отставание края от среднего региона России – в 2,6 раза.

Однако, как отмечалось ранее, многократное повышение цен в анализируемом периоде существенно искажает реальную картину. Инфляция отразилась не только на «номинальных» объемах роста инвестиций как в России, так и в Алтайском крае, но и на росте «номинальных» различий между ними, поскольку они также обусловлены ценовым фактором. Достаточно сказать, что индекс цен на строительно-монтажные

[1] **Голяшев А.В., Григорьев Л.М.** Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf (дата обращения: 19.10.2015 г.). – С. 13.

[2] **В режиме** созидания. В ритме позитивных перемен: Социально-экономическое развитие Алтайского края в 2006–2013 годах. Итоги и перспективы / под общ. ред. М.П. Щетинина. – Барнаул : Азбука, 2013. – С. 15; **Стандарт** деятельности органов исполнительной власти Алтайского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (утвержден постановлением Администрации Алтайского края № 100 от 28.02.2013 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт] – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/ 174/100_13.PDF (дата обращения: 20.11.2015 г.).



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.5. Динамика инвестиции в основной капитал на душу населения в фактически действовавших ценах, тыс. руб. (до 1998 г. – млн руб.)

работы в целом по Российской Федерации вырос в 2013 г. по сравнению с 1994 г. более чем в 100 раз, а по краю – лишь в 75 раз[1].

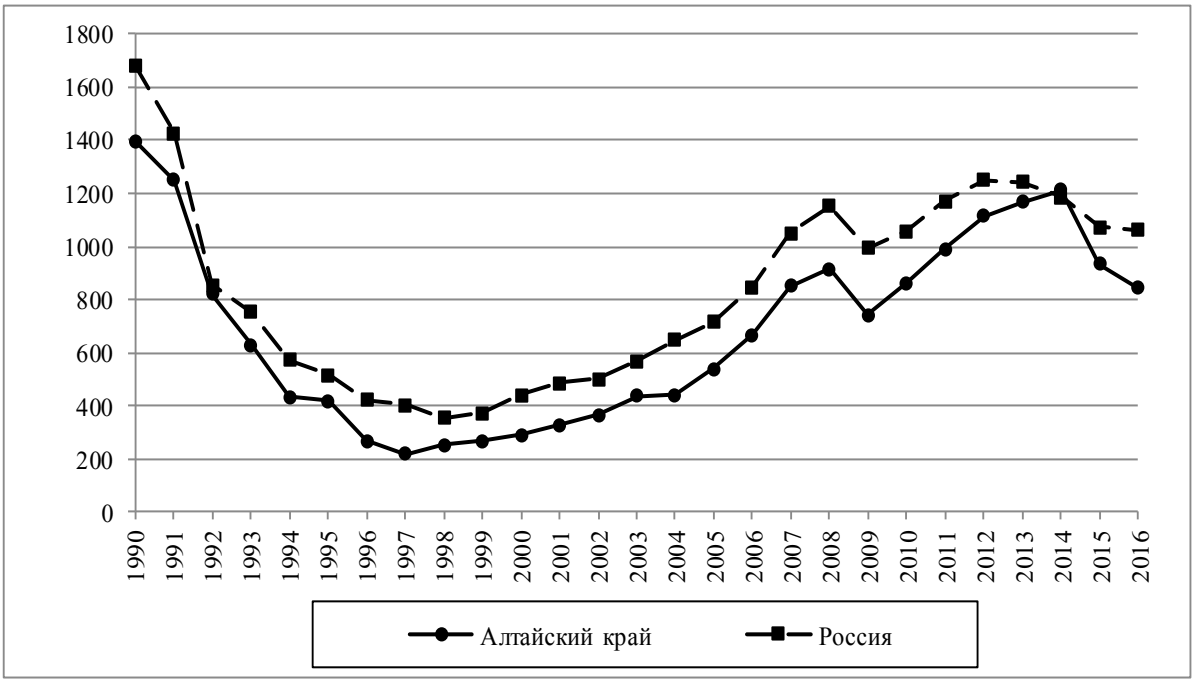
Для получения более объективной картины инвестиционной активности в Алтайском крае, «очищенной» от влияния инфляционных процессов, необходимо произвести переоценку в сопоставимых ценах базисного года.

На рисунке 5.6, где динамика инвестиций в основной капитал показана в сопоставимых ценах 1990 г., видна совершенно иная, по сравнению с предыдущим рисунком, картина. Тренды изменений душевых инвестиций в крае и среднероссийском регионе совпадают, а в 2009–2014 гг. наблюдалась позитивная тенденция более высоких темпов роста индекса физического объема инвестиций в основной капитал в Алтайском крае по сравнению с Россией, в результате чего край по показателям душевых инвестиций (в сопоставимых ценах) приблизился к среднероссийским значениям. Пик сближения пришелся на 2014 г., в 2015 и 2016 гг. различия начали нарастать в результате большего по сравнению с Россией падения душевых инвестиций в крае (в ценах 1990 г.).

Отмеченная выше тенденция является следствием того, что доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте края в 2009–2014 гг. росла темпами, превышающими среднероссийские, что позволило краю, с одной стороны, начиная с 2011 г. по рассматриваемому показателю обогнать Россию[2] (рис. 5.7), а с дру-

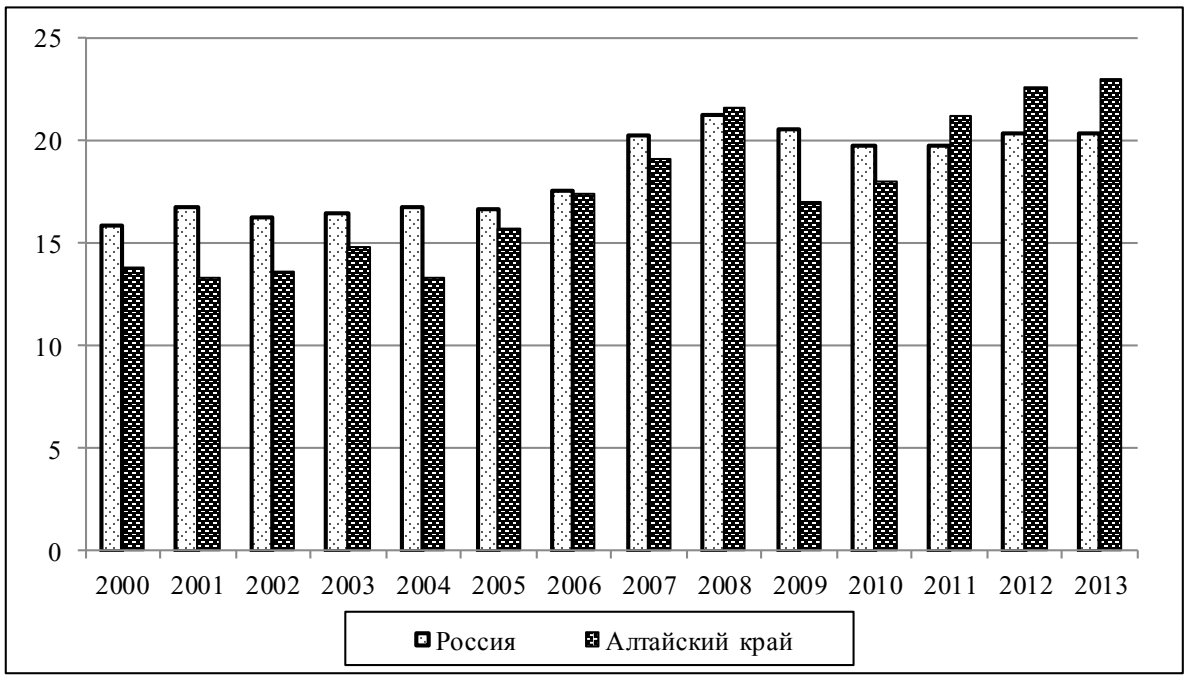
[1] Рассчитано авторами на основе данных России.

[2] В связи со сказанным заметим, что валовое накопление капитала в целом по России, составляющее 24–25% ВВП, оценивается как умеренное. Рост валового накопления с 24 до 27–28% означает рост



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.6. Инвестиции в основной капитал на душу населения, в ценах 1990 г., руб.



Источник: Данные Росстата.

объема инвестиций примерно в 1,35 раза. В краевой программе «Улучшение инвестиционного климата в Алтайском крае на 2011–2016 гг.» предусмотрено довести норму накопления капитала в 2016 г. до 25%. С нашей точки зрения, достижение столь высокой планки подразумевает повышение уровня сбережения, возможности которого в крае, как отмечалось ранее, сравнительно ограничены. С учетом сравнительно небольшого душевого объема ВРП края установка на высокий уровень нормы накопления может прийти в противоречие с необходимостью сохранения и повышения достигнутого уровня потребления. В этих условиях на первый план выходит проблема повышения эффективности использования инвестиций.

Рис. 5.7. Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте в 2000–2013 гг., %

Таблица 5.1

Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Алтайском крае (без субъектов малого предпринимательства), %

Год	Собственные средства	Привлечённые средства	Из них			
			кредиты банков	бюджетные средства	в том числе	
					федеральный бюджет	бюджеты субъектов Российской Федерации
1992	41,8	58,2	3,11	48,0	41,5	6,5
1993	39,4	60,6	3,91	40,9	31,3	9,6
1994	46,2	53,8	2,31	39,0	28,0	9,1
1995	52,6	47,4	…	27,6	16,4	8,1
1996	54,3	45,7	…	18,3	12,1	6,2
1997	49,5	50,5	…	25,1	16,0	9,1
1998	43,7	56,3	0,4	18,4	8,3	10,1
1999	44,9	55,1	0,6	23,3	14,3	9,0
2000	40,5	59,5	3,9	30,3	23,0	7,3
2001	59,8	40,2	1,5	16,3	8,5	7,8
2002	60,3	39,7	2,9	23,4	11,7	7,8
2003	50,2	49,8	7,4	19,7	9,5	8,1
2004	53,2	46,8	5,4	15,3	9,4	4,2
2005	48,3	51,7	9,6	16,2	10,1	4,7
2006	38,8	61,2	9,9	21,3	12,3	6,1
2007	37,8	62,2	12,9	19,9	10,7	6,8
2008	34,2	65,8	13,2	21,2	8,5	9,9
2009	34,3	65,7	11,7	28,9	14,0	12,9
2010	42,3	57,7	9,3	24,8	11,6	11,3
2011	39,0	61,0	15,6	26,6	11,2	12,3
2012	43,6	56,4	8,3	27,6	12,0	13,6
2013	43,6	56,4	7,7	24,8	9,7	11,3
2014	37,6	62,4	8,6	19,6	8,9	7,9
2015	43,6	56,4	4,7	25,1	11,2	11,1

Приложение. Льготные государственные инвестиционные кредиты.

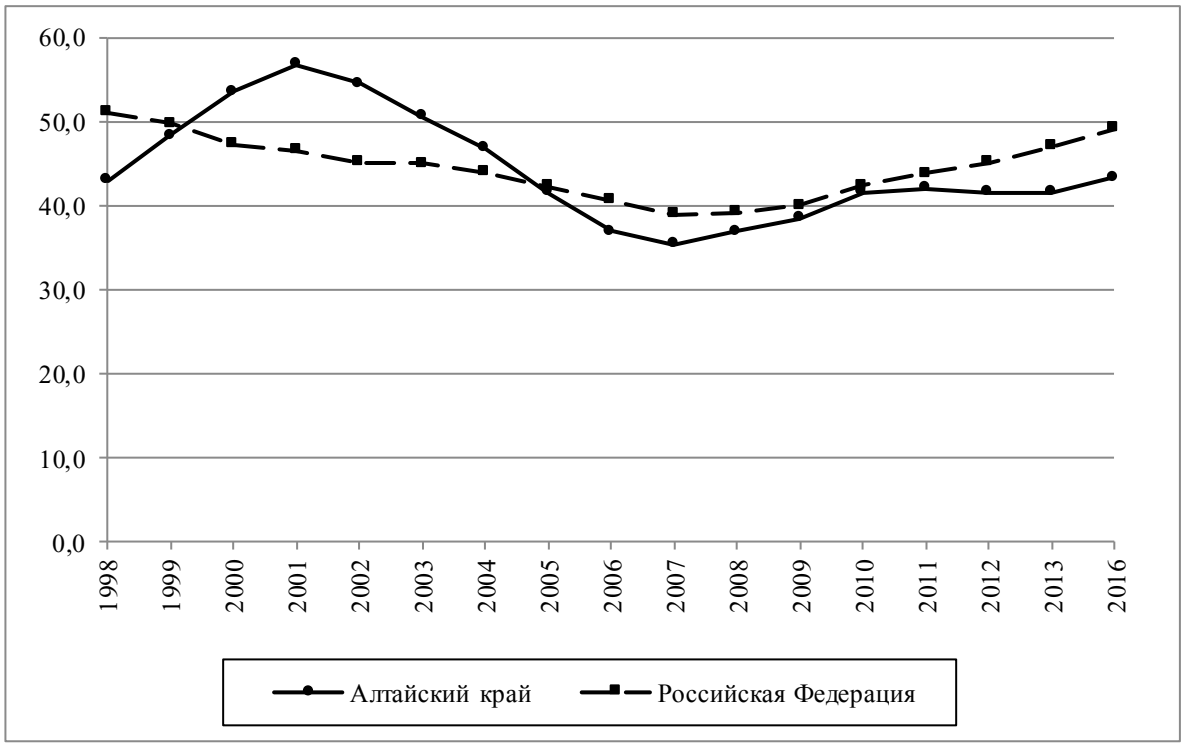
Источник: Данные Росстата.

гой, как отмечалось ранее, – увеличить долю Алтайского края вплоть до 2014 г. в накоплении основного капитала России по сравнению с докризисным уровнем (см. рис. 5.4).

Каковы главные причины более динамичного (по сравнению с Россией в целом) инвестиционного развития края? За счет каких инвестиционных источников оно осуществлялось? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать динамику распределения инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (таб. 5.1).

Важнейшим источником финансирования инвестиций в основной капитал, как следует из таблицы 5.1, являются собственные средства предприятий. В 2014 г. на их долю (без учета субъектов малого предпринимательства) приходилось 38,4% всех инвестиций (в России – 48,1%). Сравнение приведенных выше показателей позволяет нам сделать вывод о том, что сегодня алтайские предприятия располагают меньшими возможностями для своего развития за счет собственных средств.

Отметим, что такая ситуация была не всегда. Из рисунка 5.8 видно, что в 1998–2016 гг. прослеживаются два периода: 1998–2005 гг., когда возможностей инвестировать за счет собственных средств у алтайских крупных и средних предприятий было больше, чем у предприятий и организаций России в целом, и 2005–2016 гг., когда возможности развития за счет собственных средств у предприятий края по сравнению с российскими уменьшились.



Примечание. При построении графика использован метод скользящей средней по трехлетним периодам.

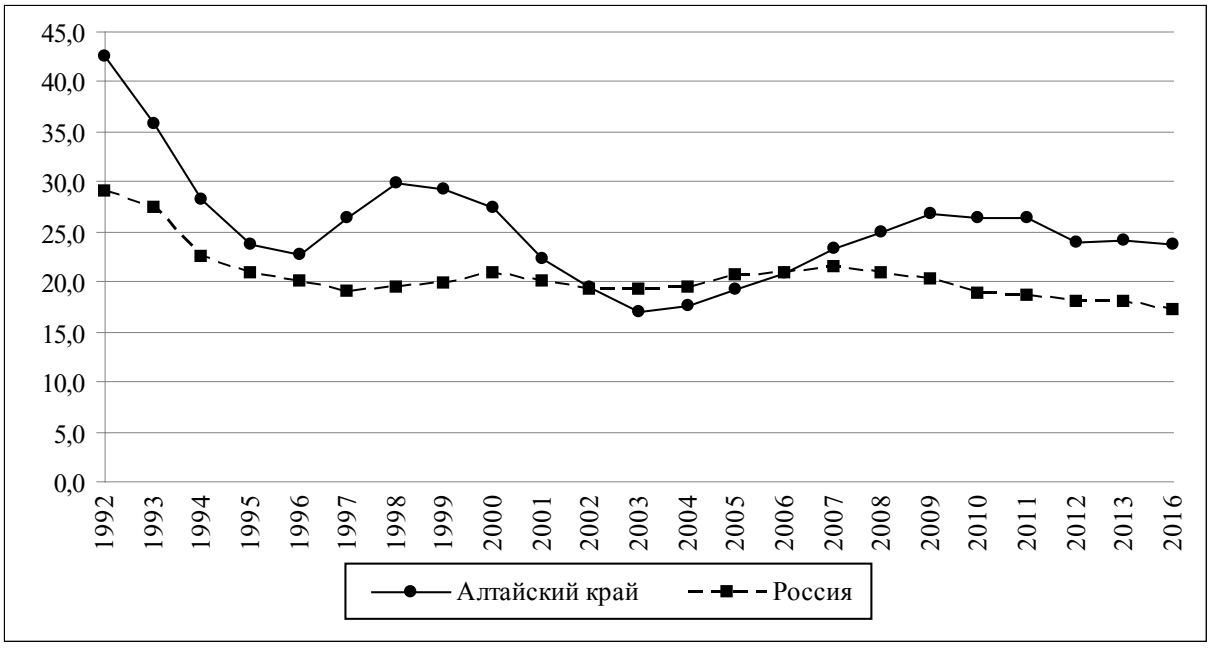
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.8. Динамика доли собственных средств в инвестициях в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации (без субъектов малого предпринимательства), %

Сложившаяся ситуация может быть объяснена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, относительно низкой привлекательностью края как места приложения частных инвестиций; во-вторых, установкой региональных властей на формирование фундамента развития края в средне- и долгосрочной перспективе (возможно, даже в ущерб сиюминутным интересам), активной их деятельностью по привлечению инвестиций из Федерального и регионального бюджетов[1].

В целом же доля собственных средств, направленных на инвестирование, как в России, так и в Алтайском крае, имеет тенденцию к понижению. Скорее всего, это можно объяснить не столько целесообразностью использования в целях инвестирования привлеченных средств, сколько недостаточными объемами собственных средств предприятий (как прибыли, так и амортизации), необходимых для инвестирования.

В структуре привлеченных средств определяющую роль играют бюджетные средства. На их долю в 2009–2016 гг. приходилась почти половина всех привлеченных средств. Заметную роль играли бюджетные средства и в общем объеме инвестиций, где на их долю приходился в последние годы каждый четвертый рубль. В рассматриваемом периоде, за исключением 2003–2006 гг., удельный вес бюджетных инвестиций в общем их объеме в Алтайском крае был выше, чем в России в целом (рис. 5.9).



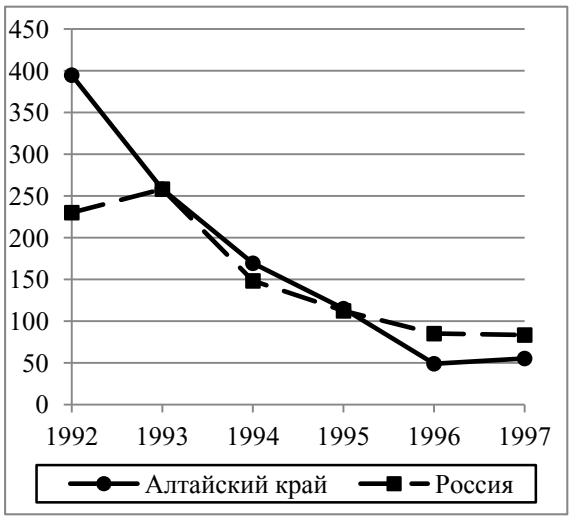
Примечание. При построении графика использован метод скользящей средней по трёхлетним периодам.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.9. Динамика удельного веса бюджетных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации (без субъектов малого предпринимательства), %

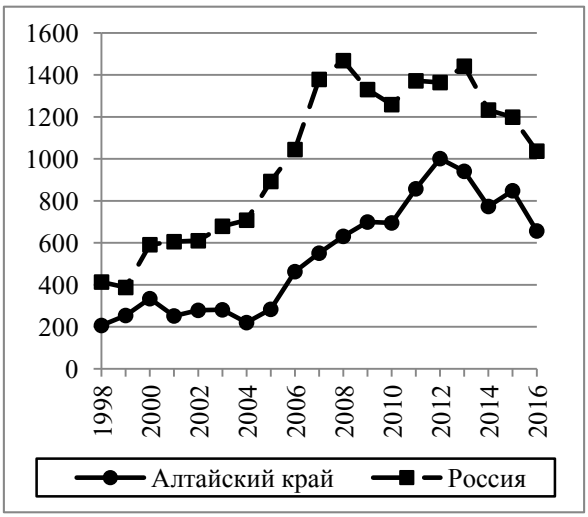
[1] В наиболее полном и систематизированном виде ключевые направления деятельности Алтайского края по повышению инвестиционной привлекательности региона отражены в Стандарт деятельности органов исполнительной власти Алтайского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (утвержден постановлением Администрации Алтайского края № 100 от 28.02.2013 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/ upload/iblock/ 174/100_13.PDF (дата обращения: 20.11.2015 г.).

Рисунки 5.10 и 5.11 наглядно демонстрируют картину различий по объему бюджетных инвестиций в среднероссийском регионе и Алтайском крае[1]. Ситуация по годам складывалась по-разному, но в целом очевидно отставание края по этому показателю от России. Наибольшие различия были характерны для 2008 г. К 2016 г. различия удалось сократить, но разрыв так и не был преодолен.



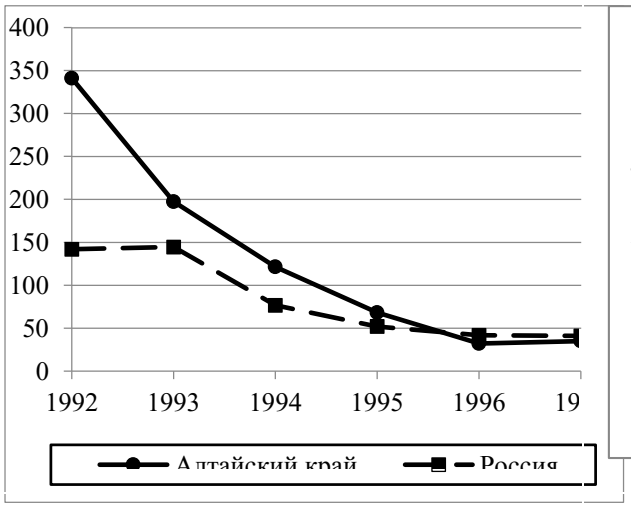
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.10. Бюджетные инвестиции в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.



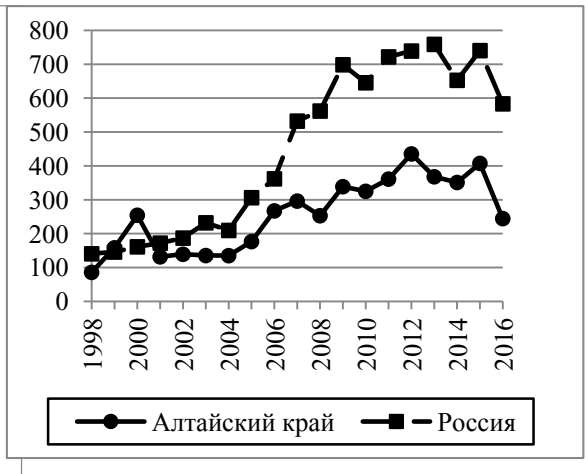
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.11. Бюджетные инвестиции в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.12. Инвестиции из федерального бюджета в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.



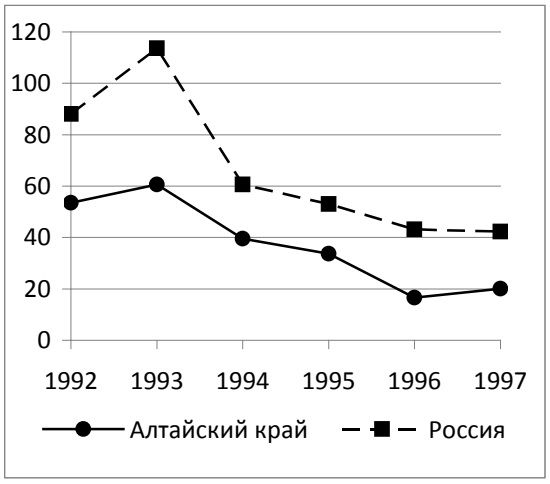
Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.13. Инвестиции из федерального бюджета в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.

[1] Отсутствие необходимой для ресурсов статистической информации обусловило необходимость построения двух графиков, отражающих динамику душевых бюджетных инвестиций по полному кругу организаций и по кругу крупным и средним организациям.

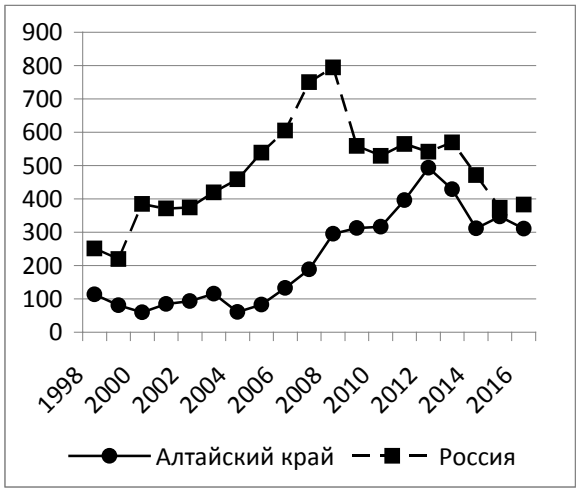
Имеющееся с дореформенных лет преимущество в «инвестиционной подпитке» из федерального бюджета к началу 2000-х годов край потерял и во всё большей мере стал опираться на инвестиционные ресурсы краевого бюджета (рис. 5.12 и 5.13).

Отмеченный выше «инвестиционный рывок» в 2010 г. был в существенной мере обеспечен за счет средств краевого бюджета. Алтайский край сумел, начиная с 2004–2005 гг., резко увеличить инвестиционную активность и в 2015 г. вплотную приблизиться по рассматриваемому показателю к среднероссийскому региону (рис. 5.14 и 5.15)



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.14. Инвестиции из бюджета Алтайского края и бюджетов субъектов Российской Федерации в расчете на душу населения (по полному кругу организаций), в ценах 1990 г., тыс. руб.



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.15. Инвестиции из бюджета Алтайского края и бюджетов субъектов Российской Федерации в расчете на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 1998 г., руб.

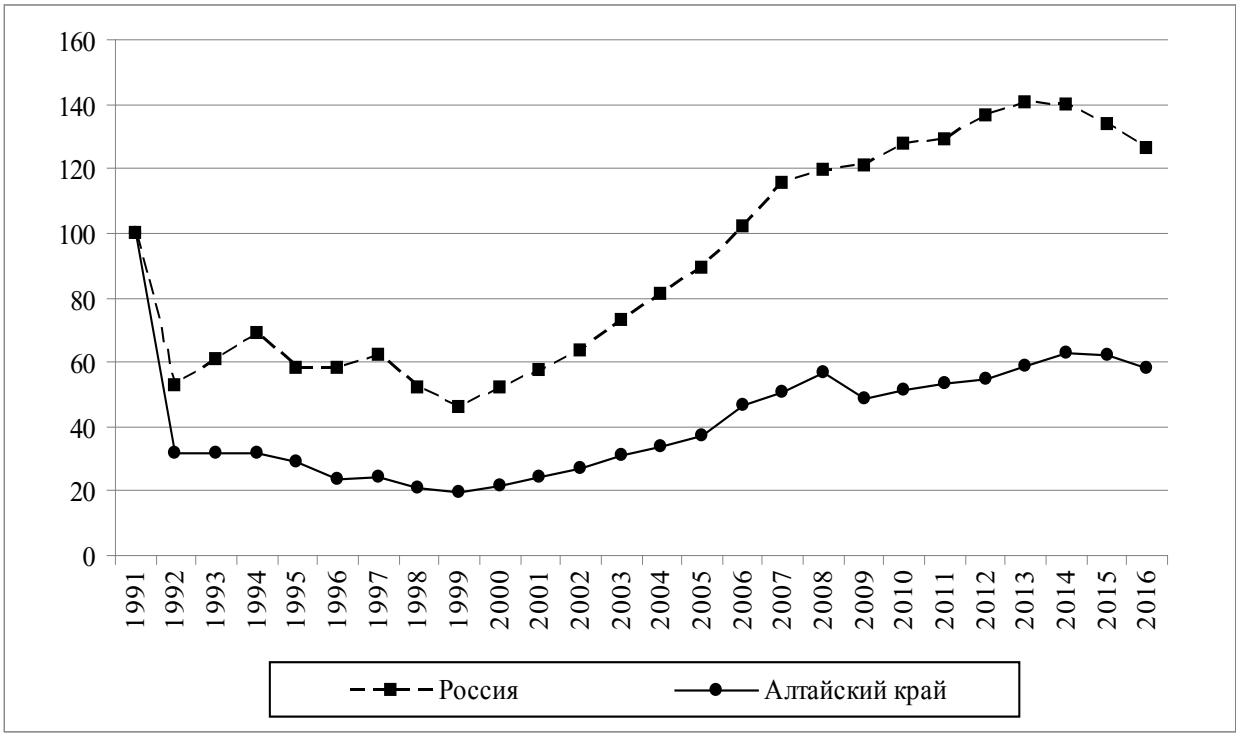
Оценка охарактеризованных выше структурных сдвигов, с нашей точки зрения, имеет двойственный характер. С одной стороны, высокая доля бюджетных средств в общем объеме инвестиций однозначно должна быть оценена позитивно. Во-первых, в силу того что бюджетные инвестиции при нехватке собственных средств предприятий позволяют поддерживать определенный уровень инвестиционной активности в крае. Во-вторых, бюджетные инвестиции в значительной своей части направлены на формирование инфраструктуры, в том числе социальной, что для Алтайского края является актуальным моментом. Наконец, в-третьих, на начальном этапе выхода из кризиса увеличение объема государственных инвестиций в целях «разогрева» экономики имеет решающее значение.

С другой стороны, в сегодняшних условиях рост государственного инвестиционного спроса (прежде всего инвестиций из федерального бюджета) имеет для Алтайского края, как было показано выше, незначительные перспективы. Следовательно, увеличивать емкость регионального инвестиционного рынка необходимо за счет повышения платежеспособного спроса предприятий и населения.

Сбережения населения, как известно, выступают в качестве одного из главных финансовых источников инвестиций. Составляя, так называемый, «отложенный спрос», они являются источником инвестиций в жилищную сферу и участвуют в формировании «длинных» инвестиционных денег банков.

В Алтайском крае, к примеру, размер вклада (депозита) физических лиц в кредитных организациях на душу населения на 1 января 2014 г. составил 46 522 руб. против 117 900 руб. в среднем по России. Такое соотношение обусловлено тем, что если судить по данным официальной статистики, реальные доходы населения на протяжении длительного времени были и остаются на уровне, уступающем среднероссийскому (рис. 5.16)[1].

Сравнительно низкий уровень сбережений населения в крае обусловил невысокий внутренний потребительский спрос, что, естественно, негативно сказалось как на развитии экономики края, так и его отдельных отраслей и сфер.

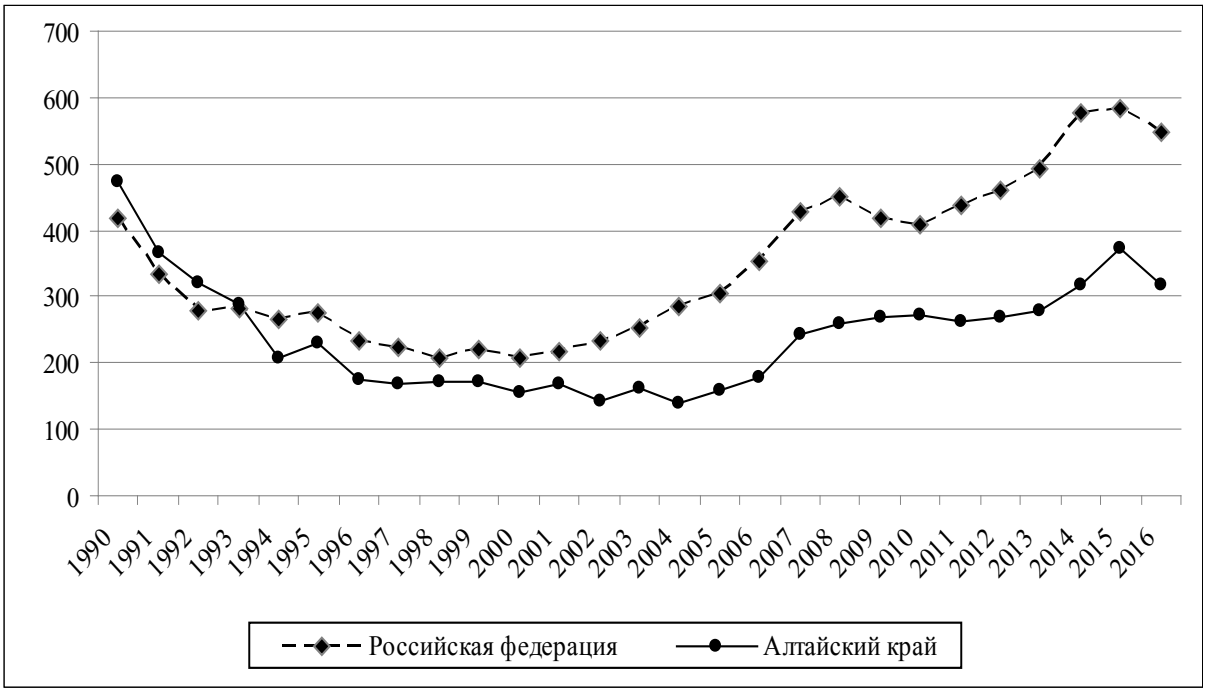


Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.16. Динамика реальных денежных доходов населения Алтайского края и России в 1991–2016 гг. (1991 = 100%)

[1] Обвальное падение реальных доходов жителей Алтайского края в начале 1990-х годов имеет для края и сегодня самые негативные последствия. Укажем лишь на то, что поддержание высокого внутреннего потребительского спроса, прямо связанного с ростом реальных доходов населения, является наряду с ростом инвестиций необходимым и обязательным условием вхождения региона в стадию экономического роста.

В начале 1990-х годов, когда инвестиционный спрос на жилье формировался, главным образом, со стороны государства, край занимал лидерские позиции. В дальнейшем, по мере увеличения удельного веса средств населения в общем объеме инвестиций в строительство жилых домов[1], происходил процесс сжатия внутреннего инвестиционного спроса и, соответственно, нарастания отставания края по вводу жилья от среднероссийских показателей[2] (рис. 5.17).



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 5.17. Ввод в действие жилых домов в Алтайском крае и Российской Федерации в 1990–2016 гг., на 1000 чел. населения, кв. м общей площади

Рассмотрим далее структурные сдвиги в основной капитал в разрезе различных форм собственности. Динамика структуры инвестиций в основной капитал по формам собственности, сложившаяся в 2016 г., отражает специфику административно-территориальной структуры края. Проявляется это, в частности, в большем удельном весе муниципальных инвестиций и более низком – инвестиций, освоенных предприятиями смешанной формы собственности (табл. 5.2).

Изменения, произошедшие в структуре инвестиций в основной капитал по формам собственности, как в России, так и в Алтайском крае, однонаправлены: выросла доля инвестиций, освоенных предприятиями частной формы собственности на фоне сокращения доли инвестиций предприятий и организаций государственной и смешанной форм собственности.

[1] Удельный вес жилых домов, построенных населением за счёт собственных и заёмных средств, в общем объёме ввода жилья в Алтайском крае составил в 1990 г. 10,3%, а в 2013 г. – 53,0%.

[2] Здесь, на наш взгляд, нашли отражение центростремительные тенденции в расселении населения, при которых оно концентрируется в центральных, более благоприятных для проживания районах, в то время как Алтайский край, так и Сибирь в целом теряют свое население.

Таблица 5.2

Динамика структуры инвестиций в основной капитал по формам собственности в 1995 г., 2016 г., %

Формы собственности	Алтайский край		Российская Федерация	
	1995	2016	1995	2016
Инвестиции в основной капитал – всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе				
государственная	44,1	14,0	31,3	15,1
муниципальная	7,6	5,7	6,3	2,6
частная	21,5	69,7	13,4	56,3
смешанная российская	24,8	2,9	46,2	7,8

Источник: Данные Росстата.

Наряду с отмеченными структурными сдвигами кардинально изменилась инвестиционная активность предприятий: на государственных и муниципальных предприятиях – снизилась, на частных – возросла. Так, в 1995 г. на предприятиях государственного и муниципального сектора края инвестиции в расчете на одного занятого в 1,5 раза превышали инвестиции на одного занятого на частных предприятиях. По прошествии 20 лет, напротив, инвестиционная активность частных предприятий была в 1,5 раза выше, чем на предприятиях государственной и муниципальной форм собственности.

Наконец, охарактеризуем вкратце видовую структуру инвестиций, являющуюся одним из критериев эффективности их использования.

Как следует из таблицы 5.3, видовая структура инвестиций в Алтайском крае и видовая структура инвестиций в России во многом схожи: как в крае, так и в России в целом основную долю составляют инвестиции в здания (кроме жилых) и сооружения, а также машины, оборудование, транспортные средства.

Что же касается динамики видовой структуры, то, с нашей точки зрения, в Алтайском крае по сравнению с Россией произошедшие сдвиги могут быть оценены как более прогрессивные. Об этом свидетельствует рост в крае удельного веса вложений в машины, оборудование, транспортные средства (за исследуемый период – на -7,9 п.п.) на фоне снижения этого показателя в целом по России (на 5,7 п.п.). По доле инвестиций, направленных на развитие активной части основных фондов, край занимал в 2013 г. второе место среди регионов СФО[1].

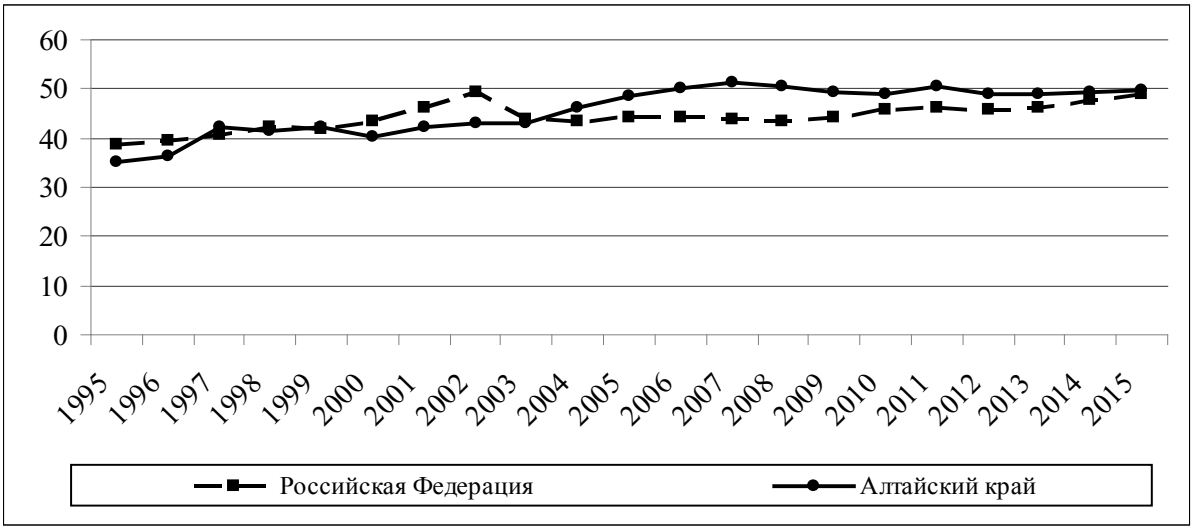
[1] **Инвестиционная** деятельность регионов Сибирского федерального округа. 2014: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. – Томск, 2014 – С. 27.

Таблица 5.3

Динамика видовой структуры инвестиций в основной капитал в Алтайском крае и Российской Федерации в 1999, 2016 гг., %

Виды инвестиций	Алтайский край		Российская Федерация	
	1999	2016	1999	2016
Инвестиции в основной капитал – всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе				
жилища	19,9	18,6	14,3	15,4
здания (кроме жилых) и сооружения	38,1	38,2	41,5	45,2
машины, оборудование, транспортные средства	30,7	38,6	36,3	30,6
прочие	11,3	4,6	7,3	8,8

Источник: Данные Росстата.



Источники: Данные по Алтайскому краю взяты из сборников: **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2011–2015. – С. 166; **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2010–2014. – С. 195; **Статистический** ежегодник Алтайский край. 2008–2013. – С. 172; **Статистический** ежегодник Алтайского края 2003–2008.– С. 180; **Статистический** ежегодник Алтайского края 2005–2010. – С. 186–187; **Алтайский** край в цифрах. 2008–2013. – С. 80; **Алтайский** край в цифрах. 2007–2012. – С. 72; Алтайский край в цифрах. 2006–2011. – С. 72; **Алтайский** край в цифрах. 2001–2005. – С. 40; **Алтайский** край в цифрах. 1997–2001. – С. 30; **60 лет** Алтайскому краю: юбил. стат. сб. – Барнаул : ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1997. – С. 74; Данные по Российской Федерации взяты из сборников: **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2016. – С. 551; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2015. – С. 511; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2014. – С. 382; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2013. – С. 411; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2012. – С. 419; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2010. – С. 393; **Регионы** России. Социально-экономические показатели 2005. – С. 371; **Российский** статистический ежегодник. 2003. – С. 308.

Рис. 5.18. Степень износа основных фондов в экономике Алтайского края и Российской Федерации в 1995–2015 гг., %

В заключение этого раздела работы заметим, что отмеченные выше позитивные тенденции не повлияли кардинально на обновление основных фондов и повышение темпов модернизации производства (рис. 5.18).

Однако нельзя не заметить, что Алтайскому краю, начиная с 2007 г., удаётся, по крайней мере, не допускать роста износа основных фондов в экономике, чего нельзя сказать о России. К началу 2016 г. имевшиеся по сравнению с краем преимущества в части меньшей степени износа основных фондов «среднероссийский» регион потерял.

Преодоление многолетнего отставания края по объему инвестиций, особо заметного при оценке инвестиций в действующих ценах, возможно лишь путем «инвестиционного рывка». Рассчитывать же на то, что краю удастся сделать такой рывок за счет собственных ресурсов, без помощи федеральных средств нереально в силу того обстоятельства, что край не обладал и не обладает значимыми преимуществами, являющимися по общему признанию, локомотивами регионального экономического роста.

Среди таких преимуществ, как показал анализ территориального развития России в 2000–2012 гг., проведенный Минэкономразвития, два основных – реализация в регионе крупных инвестиционных проектов, в том числе с государственным участием и ускоренный рост агломераций[1].

Речь идет не о том, что в крае нет крупных инвестиционных проектов либо отсутствует инвестиционная поддержка со стороны федерального бюджета. Суть вопроса – в масштабах инвестиционной деятельности, объемах государственной поддержки, благодаря чему можно было бы существенным образом ускорить развитие края. Речь идет о масштабах государственной поддержки развития регионов, соразмерной помощи регионам, входящим в состав, к примеру Южного, Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов, имеющих благодаря этому устойчивую тенденцию к росту.

Что же касается агломерационного развития[2], то Барнаульская агломерация, как известно, насчитывает сегодня порядка 824,6 тыс. чел., а перспективы ее роста в среднесрочной перспективе вызывают сомнение в силу отсутствия должных ресурсов, в первую очередь, населения. С учетом этого, рассматривать ее сегодня как значимый локомотив регионального роста, сопоставимый по влиянию со сложившимися агломерациями, на наш взгляд, нельзя.

Для Алтайского края, имеющего существенные ограничения в росте валовых сбережений и их трансформации в инвестиции в условиях действующей модели «ресурсной экономики», достижение и удержание показателей инвестиционной активности на уровне «среднего» региона России, – является, как показывает практика, реальной задачей и в то же время достойным результатом.

---

[1] **Прогноз** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

[2] Как отмечают специалисты Минэкономразвития России, базовой тенденцией развития страны является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупных городах и формирование 20 агломераций с численностью населения более 1 млн человек.

Глава 6.
ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОСТИ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

6.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

В настоящее время повышение эффективности функционирования экономики России тесно связано с ускоренным развитием инновационной сферы и созданием национальной инновационной системы.

Ключевым документом, определяющим долгосрочную политику российского государства в сфере инноваций, является Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, разработанная на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

За последние несколько лет государство создало законодательный и организационный каркас национальной инновационной системы (далее – НИС). Функционируют структуры, ответственные за предоставление предпосевных и посевных инвестиций, венчурного финансирования, сформирована правовая база инновационного центра «Сколково». В значительной мере облегчено применение в коммерческих целях разработок, созданных в государственных научных структурах и вузах. Структура НИС содержит блоки, генерирующие знания и занимающиеся подготовкой инновационных кадров, создающие инновационную инфраструктуру, производящие инновационный продукт и проводящие государственную политику.

Тем не менее очевидно, что рост интенсивности инновационных процессов на уровне страны все более тесно «завязан» на регионы, поскольку именно они являются местом экономического взаимодействия и инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Эффективное сочетание потенциала региональных инновационных решений и возможностей федеральных институтов могут обеспечить выход региона на новый уровень и качество экономического роста.

Современное состояние и основные тенденции развития инновационной сферы Алтайского края. Алтайский край обладает многопрофильным научным потенциалом, ориентированным на потребности ОПК, химической промышленности, машиностроения и агропромышленного комплекса. Различными видами научной, проектной и изыскательской деятельности занимаются более 3 тысяч человек в 37 научно-исследовательских организациях, в числе которых академические учреждения, исследовательские подразделения высшей школы, проектно-конструкторские структуры промышленных предприятий.

Приоритетные региональные исследования сосредоточены в области создания новых материалов, живых систем, информационных, химических, энергосберегающих технологий. Особая роль в обеспечении модернизации, усиления экономической базы региона и его выхода на инновационную траекторию отводится малому бизнесу. По удельному весу малых предприятий, осуществляющих затраты на технологические инновации, край занимает первое место в России.

Анализ тенденций и факторов развития экономики региона за период 2006–2013 гг. свидетельствует о том, что инновации постепенно становятся одним из

наиболее важных факторов экономического роста. Все более явной и востребованной становится инновационная функция высшего образования и повышение роли образовательных учреждений высшего профессионального образования в инновационном процессе. Это позволяет позиционировать регион как ведущий на евразийском пространстве центр, осуществляющий подготовку кадров более чем по 200 специальностям; в вузах края разработан и реализуется ряд стратегических программ, получивших федеральную поддержку и направленных на подготовку специалистов для инновационной экономики.

Наука постепенно переориентируется на потребности экономики, в ее развитии отмечаются изменения, связанные с повышением доли предпринимательского сектора как в выполнении, так и в финансировании исследований (73% в структуре объема работ, выполненных научными организациями в 2012 г), наблюдается увеличение масштабов поисковых исследований, объемов прикладных работ в университетах. Научно-исследовательский сектор региона демонстрирует положительную динамику ключевых показателей. Практически в три раза с 2006 г. выросли затраты на научные исследования (1847 млн руб. по итогам 2013 г.) и объем выполненных научных исследований и разработок, существенно улучшилась материальная база научных организаций (среднегодовая стоимость основных средств в сравнении с 2008 г. увеличилась в 4 раза и составила в 2012 г. 7,3 млрд руб.).

Наблюдается активизация инновационных процессов во всех секторах экономики, в том числе традиционных; опережающая динамика развития высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг (фармацевтики, образования, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий); развитие новых видов экономической деятельности (производство композитов, наноматериалов, биотехнологии); рост инвестиций в научные исследования и разработки (в 2,8 раза к уровню 2006 г.).

В отраслевой структуре промышленности отмечаются сдвиги в сторону видов деятельности, характеризующихся коротким жизненным циклом продукции (производство пищевых продуктов), и снижение доли тех, где цикл длиннее. Лидерами по объемам отгруженной инновационной продукции в крае становятся производители пищевых продуктов (в 2012 г. 46% в структуре отгруженной инновационной продукции против 13% в 2006 г.), химии и электрооборудования. Вместе с тем доминируют исследования и инновации, связанные не с продуктами, а с технологическими процессами (металлургия, производство транспортных средств и другие).

Растет число передовых производственных технологий, используемых организациями края (1959 единиц по итогам 2013 г.). Из общего количества используемых технологий практически 90% приобретено за пределами региона. Вместе с тем технологии, разработанные в регионе, востребованы не только в России, но и в странах ближнего зарубежья. По количеству проданных технологий и программных средств среди регионов Сибирского федерального округа Алтайский край в 2012 г. занимал 2-е место (организациями края продана 71 разработка против одной в 2008 г.), уступая лишь Томской области, а по доле инновационной продукции в объеме экспорта промышленных предприятий регион лидирует в Сибири.

Объем бюджетных инвестиций, направленных в инновационный сектор бизнеса, вырос в 3,3 раза; более чем в 70 раз увеличена поддержка научных коллективов (в сравнении с 2006 г.). Активизируется участие научных коллективов края в федеральных целевых программах и конкурсах Минобрнауки России на выполнение научно-исследовательских работ, развитие кооперации науки и бизнеса, создание инноваци-

онной инфраструктуры. Расширяются и диверсифицируются региональные институты развития инноваций, развивается инновационная инфраструктура.

Позиции края как региона со значительным научно-техническим и инновационным потенциалом подтверждаются экспертными оценками ведущих рейтинговых агентств страны. В рейтинге инновационной активности регионов, составленном Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий в 2013 г., Алтайский край улучшил свои позиции, поднявшись на 8-е место.

Структурные и институциональные изменения в развитии экономики Алтайского края осуществлялись в рамках создания региональной инновационной системы (далее – РИС). Впервые понятие РИС как совокупности субъектов инновационной деятельности, инновационной инфраструктуры, а также органов государственной власти Алтайского края, обеспечивающих реализацию государственной инновационной политики, определено законом Алтайского края от 14 сентября 2006 г. № 95-ЗС «Об инновационной деятельности в Алтайском крае».

Основные этапы становления и развития инновационной системы Алтайского края. Первый (организационный) этап (2006–2007 гг.): создание основ инновационного сектора экономики Алтайского края, формирование правового поля, создание управленческих структур и совещательных органов. Особое место в региональной политике было отведено инновациям в 2006 г., когда был принят закон «Об инновационной деятельности в Алтайском крае». Одновременно с разработкой закона происходило реформирование органов исполнительной власти края: регулирующим и координирующим центром развития инновационной системы стало Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края, в составе которого образовано управление по науке и инновационной политике.

Особое внимание уделялось вовлечению научной общественности и бизнеса в процесс реализации государственной научно-технической и инновационной политики. Для этих целей в 2007 г. образован совещательный орган – Координационный совет Алтайского края по инновационной деятельности.

В 2007 г. были кардинально изменены принципы поддержки научных исследований. В основу положена двухступенчатая процедура выбора проектов, используемая на федеральном уровне. Предусмотрена увязка научных исследований с приоритетами социально-экономического развития Алтайского края. Активизировано сотрудничество с государственными научными фондами России, сформированы экспертные советы. В период с 2006 по 2013 год поддержано 306 проектов на общую сумму 72 млн руб., в том числе 222 проекта совместных региональных конкурсов РФФИ и РГНФ. Выполнение работ на паритетных условиях позволило привлечь более 30 млн руб. средств федерального бюджета.

Основным содержанием второго этапа (2008–2010 гг.) является внедрение кластерного подхода. Новый подход к управлению региональной инновационной системой был заложен в 2008 г. В настоящее время успешно развиваются кластеры в сфере биофармацевтики, аграрного машиностроения, энергомашиностроения и энергоэффективных технологий, производства полимерных композитов. По состоянию на начало 2015 г. в них вовлечено более 80 организаций.

Координацию кластерной политики в регионе с 2010 г. осуществляет Алтайский центр кластерного развития (далее – АЦКР). Деятельность АЦКР сконцентрирована на создании профессиональных лабораторий, разработке программ развития кластеров, проведении маркетинговых исследований и прочих мероприятий.

Удалось укрепить позиции кластерных формирований на федеральном уровне. Программа развития «АлтайБио», разработанная АЦКР (совместно с администрацией г. Бийска и НП «Алтайский биофармацевтический кластер»), включена в перечень 25 пилотных территориальных инновационных кластеров, утвержденный 28 августа 2012 г. поручением Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева. Помимо этого, компании кластера вошли в состав технологических платформ «Медицина Будущего» и «БиоТех 2030».

Для обеспечения ускоренного развития биоиндустрии создан центр инжиниринга «Промбиотех». Его главной задачей является обеспечение взаимодействия между инжиниринговыми компаниями и производственными предприятиями биотехнологического профиля в целях повышения технологической готовности малого и среднего бизнеса к освоению новых видов продукции и внедрению научно-технических разработок.

Третий (интеграционный) этап приходится на 2011–2013 гг. Особую роль в развитии инновационной среды региона сыграла пролонгация в 2011 г. статуса наукограда Российской Федерации научно-техническому центру Алтайского края г. Бийску. Была обеспечена возможность дальнейшего развития города в формате важнейшего элемента не только региональной, но и национальной инновационной системы.

Позитивное воздействие на инновационный сектор экономики оказало включение в 2011 г. в краевую целевую программу «О государственной поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2011–2013 гг. мероприятий по поддержке инновационной деятельности. За три года на условиях долевого финансирования целевых расходов было поддержано 25 стартап-проектов на общую сумму 12,5 млн руб., каждому из которых предоставлен грант на развитие в размере 500 тыс. руб. Для действующих инновационных предприятий апробирован механизм субсидирования части затрат, связанных с производством инновационной продукции. В 2011–2013 гг. на реализацию 33 проектов таких компаний направлено 62,5 млн руб. бюджетных инвестиций. При этом максимальный размер субсидии на одного заявителя ежегодно увеличивался: с 1 млн руб. в 2011 г. до 5 млн руб. в 2013 г.

В 2012 г. инновационные аспекты в развитии экономики края получили отражение в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. (утверждена законом Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС). Документом предусмотрено обеспечение институциональных условий для развития инноваций, совершенствование механизмов государственного содействия коммерциализации научных разработок, стимулирование взаимодействия науки и бизнеса, продвижение собственных инновационных продуктов и технологий на внутреннем и внешнем рынках.

В 2013 г. в целях обеспечения благоприятных условий инновационной деятельности и стимулирования модернизации производства в Алтайском крае принят закон от 04.09.2013 № 46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае», который разграничил полномочия органов государственной власти Алтайского края и закрепил приоритетные сферы инновационной деятельности.

Значимым этапом на пути инновационного развития региона стало вступление Алтайского края в 2013 г. в Ассоциацию инновационных регионов России.

Таким образом, к 2014 г. в крае были созданы ключевые элементы региональной инновационной системы, работающие по принципу «инновационного лифта». В этой системе поддержка инновационной деятельности организаций и отдельных предпринимателей осуществляется на всех этапах жизненного цикла инноваций: от зарождения идеи до реализации конкретного инновационного проекта в виде внедрения технологии, организации выпуска инновационной продукции на действующем производстве, создания нового производства (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Элементы инновационной системы Алтайского края

<table>
<tr><td colspan="2"></td><td>Фундаментальные исследования</td><td>Прикладные исследования</td><td>Опытное производство</td><td>Серийное производство</td></tr>
<tr><td colspan="2">Ключевые субъекты</td><td colspan="2">Ведущие вузы (10) и научно-исследовательские организации (15) – 2189 чел.</td><td>Малые инновационные предприятия (37 компаний)</td><td>Крупные и средние высокотехнологичные предприятия</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Инфраструктура</td><td rowspan="2">Инфраструктура вузов, НИИ СО РАН</td><td rowspan="2">ЦКП, научно-образовательные центры, ЦТТ</td><td>Бизнес-инкубаторы, технопарк «Бийск», внедренческие центры</td><td>Индустриальный парк «Новоалтайск Южный»</td></tr>
<tr><td colspan="2">АЦКР</td></tr>
<tr><td colspan="2">Региональные институты поддержки</td><td colspan="2">Государственная поддержка в виде грантов на исследования в рамках соглашений с РФФИ, РГНФ, Фондом содействия</td><td>Государственная поддержка инновационных компаний в виде субсидий</td><td>Алтайский гарантийный фонд, Алтайский фонд микрозаймов, Региональный инвестиционный фонд, Алтайский краевой лизинговый фонд</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3">Полюса инновационного развития</td><td rowspan="3">1) Перспективные вооружения, военная и специальная техника;
2) Индустрия наносистем и материалов;
3) Живые системы;
4) Энергетика и энергосбережение</td><td colspan="2">Научно-исследовательские структуры, ОПК, НИИ Россельхозакадемии</td><td>Инновационные территориальные кластеры АБФК и АЛТЭК</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Инновационный территориальный кластер АЛТАКАМ</td></tr>
<tr><td colspan="3">Сферы «новой экономики»: фармацевтика, информационные технологии, биотехнологии, композиты</td></tr>
<tr><td colspan="2">Внутренние ресурсы</td><td colspan="2">Ведущие научные коллективы</td><td colspan="2">Высококвалифицированные специалисты</td></tr>
<tr><td colspan="2">Центры инноваций</td><td>Барнаул, Бийск</td><td colspan="2">Барнаул, Бийск, Рубцовск</td><td>Барнаул, Бийск, Рубцовск, Новоалтайск</td></tr>
<tr><td rowspan="6">Внешние ресурсы</td><td rowspan="4">Федеральные институты поддержки</td><td>РНФ</td><td></td><td>Филиал Фонда содействия</td><td rowspan="3">Внешэкономбанк</td></tr>
<tr><td>ФПИ</td><td colspan="2">РВК, венчурные фонды, фонд Сколково</td></tr>
<tr><td colspan="3">РОСНАНО</td></tr>
<tr><td colspan="4">РФТР</td></tr>
<tr><td rowspan="5">Федеральные программы поддержки</td><td colspan="4">Программы развития ведущих университетов, поддержка технологических платформ</td></tr>
<tr><td>ФЦП, ВЦП</td><td colspan="3">Программы инновационного развития компаний с госучастием</td></tr>
<tr><td colspan="3">ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» на 2014-2020 годы;
ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы</td><td>Развитие ОЭЗ</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Поддержка исследований ведущих ученых</td><td colspan="3">Программа поддержки кооперации вузов и предприятий</td></tr>
<tr><td colspan="3">Поддержка инновационных территориальных кластеров</td></tr>
<tr><td colspan="2">Развитие технопарков</td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td colspan="3">Поддержка инновационной инфраструктуры ФУ</td></tr>
</table>

Примечания. Используемые в таблице сокращения:
ОЭЗ – особая экономическая зона;
ЦКП – центр коллективного пользования;
ЦТТ – центр трансфера технологий;
Минобрнауки России – Министерство образования и науки Российской Федерации;
Минэкономразвития России – Министерство регионального развития Российской Федерации;
Роспатент – Федеральная служба по интеллектуальной собственности;
РФФИ – ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований»;
РГНФ – ФГБУ «Российский гуманитарный научный фонд»;
РНФ – фонд «Российский научный фонд»;
ФПИ – фонд «Фонд перспективных исследований»;
филиал Фонда содействия – представительство ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» – Алтайский региональный фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере;
РФТР – ФГАУ «Российский фонд технологического развития»;
Алтайский гарантийный фонд – НО «Алтайский гарантийный фонд»;
Алтайский фонд микрозаймов – НО «Алтайский фонд микрозаймов»;
Региональный инвестиционный фонд – фонд «Региональный инвестиционный фонд Алтайского края»;
Фонд «Сколково» – НО «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий»;
РВК – ОАО «Российская венчурная компания»;
РОСНАНО – ОАО «РОСНАНО»;
АЦКР – КГБУ «Алтайский центр кластерного развития»;
АБФК – НП «Алтайский биофармацевтический кластер»;
АЛТЭК – НП «Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий»;
АЛТАКАМ – НП «Алтайский кластер аграрного машиностроения»;
Внешэкономбанк – государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности».

Региональные центры инновационной активности. Современная пространственная структура экономики Алтайского края характеризуется высокой степенью концентрации научно-технической и инновационной активности в ведущих центрах. Так на долю двух городов края – Бийска и Барнаула, приходилось в 2012 г. порядка 91% всех затрат по краю на научные исследования и разработки, 95% всего объема выполненных научных исследований и разработок, 95% всего объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг.

Ключевым элементом региональной инновационной системы является один из тринадцати действующих в настоящее время наукоградов Российской Федерации – г. Бийск. Наличие особого статуса обеспечивает городу возможность привлечения федеральных ресурсов для поддержки социальной, инженерной и инновационной инфраструктуры. С 2005 г. на развитие г. Бийска в статусе наукограда привлечено более 1,4 млрд руб. средств федерального бюджета и свыше 50 млн руб. – из краевого бюджета.

Концентрация в городе ряда научно-исследовательских, промышленных, сервисных и инфраструктурных организаций и их комплексное развитие позволяет реализовать всю инновационную цепочку: от исследований и разработок до выпуска наукоемкой продукции. По объему инновационной продукции на душу населения наукоград в 8 раз опережает среднекраевой уровень (19906 руб. по итогам 2012 г. против 2426 руб. в среднем по краю).

В Бийске функционируют три полюса инноваций: в сфере оборонной промышленности, биофармацевтики и нанотехнологий. Инновационная система города развивается темпами, опережающими средние по краю и стране в целом. Город становится не только научным, но и инновационным центром региона. В 2006–2012 гг. объем научных исследований организаций Бийска вырос в 3 раза, затраты на инновации – в 12 раз, а выпуск новой продукции – в 28 раз. Помимо выполнения федеральной миссии наукограда, Бийск является площадкой формирования и апробирования новых инструментов региональной научно-технической политики. Именно в наукограде в 2008 г. сформирован Алтайский биофармацевтический кластер, а в 2010 г. запущен процесс субсидирования затрат действующим инновационным компаниям, расширенный в последующие годы.

Формирование благоприятных организационных и правовых условий стимулирует развитие кооперации предприятий наукограда с научно-исследовательскими организациями соседних регионов. В 2012 г. завершен реализованный в партнерстве с Томским государственным университетом проект создания на базе ОАО «ФНПЦ «Алтай» единственного в России производства стратегически важного импортозамещающего соединения – кристаллического глиоксаля. Стоимость проекта составила 544 млн руб.

В столице края расположены крупные высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, сосредоточено около половины инновационно активных компаний региона. Предприятия города осуществляют практически половину затрат на технологические, маркетинговые и организационные инновации в крае. Имеющийся потенциал позволяет г. Барнаулу развиваться в качестве центра подготовки высококвалифицированных кадров, разработок в области медицины, сельского хозяйства и промышленности.

Организации г. Рубцовска, занимающиеся инновационной деятельностью, специализируются на разработках технологий сельскохозяйственного машиностроения, а также новых технологий добычи и обогащения полезных ископаемых. Реструктуризация крупных промышленных предприятий Барнаула и Рубцовска, их консолида-

ция со средними и малыми компаниями, формирование условий для конструктивного сотрудничества с вузами и научно-исследовательскими институтами обусловили возможность формирования НП «Алтайский кластер аграрного машиностроения».

В результате изучения опыта функционирования и развития инновационной сферы нами были выделены следующие сдерживающие факторы инновационного развития Алтайского края:

1. Специфические условия развития производительных сил, обусловленные повышенными затратами на производство в силу сложных природно-климатических условий Сибири.

2. Неравномерный характер инновационного развития муниципальных образований, обусловленный высокой степенью концентрации научно-интеллектуального и инновационного потенциала в границах ведущих промышленных центров; нарастание диспропорций в силу опережающего развития инновационной системы наукограда.

3. Система внутренней кооперации, затрудняющая переориентацию экономики на замкнутый цикл производства с применением высокотехнологичного оборудования и интеллектуальных разработок.

4. Использование региональными компаниями технологий и технологических решений преимущественно сторонних производителей, в том числе зарубежных.

5. Недостаточная степень вовлеченности крупных промышленных предприятий в инновационные процессы, преимущественное вложение ресурсов в инвестиционные, а не инновационные проекты.

6. Фрагментарность инновационной инфраструктуры в сферах «новой экономики» – производство композитов, наноматериалов, биотехнологии.

7. Существенно разный масштаб инновационной деятельности в технологическом секторе и социальной сфере.

8. Недостаток оперативной и комплексной статистической информации для принятия управленческих решений в сфере инноваций (отсутствие систематизированных данных об объектах инновационной инфраструктуры, кластерах, инновационной деятельности в сельском хозяйстве, строительстве и др.; неполнота статистической оценки развития малого инновационного бизнеса, особенно на микропредприятиях).

Учитывая наличие ряд факторов, сдерживающих развитие инновационной сферы Алтайского края, потребуется дальнейшая системная работа, направленная на увеличение эффективности региональной инновационной системы, устранение разобщенности в работе субъектов инновационной деятельности и решение общих задач, обусловленных спецификой инновационной сферы: неразвитость системы проектного и венчурного финансирования, дефицит специалистов по инновационному менеджменту и качественно проработанных инновационных проектов, разрывы в инновационном цикле при переходе от фундаментальных исследований к коммерческим технологиям.

В качестве ключевых направлений развития инновационной системы Алтайского края предлагается:

- дальнейшая переориентация существующей РИС с целью формирования условий для эффективного организационного развития инновационных кластеров;
- развитие новых отраслевых сегментов промышленного комплекса (био- и наноиндустрии), достройка инфраструктуры новыми элементами в соответствии с потребностями высокотехнологичного бизнеса (инжиниринговые центры, индустриальные и технологические парки, центры прототипирования);

- расширение использования возможностей федеральных программ и проектов для запуска новых инновационных кластеров;
- наращивание инновационной активности в традиционных сферах экономики региона, в первую очередь сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном комплексе, топливно-энергетическом хозяйстве, строительстве с целью общего повышения их эффективности, снижения энергоемкости, перехода на современные технологии и виды сырья;
- усиление инновационных процессов на территории моногородов и сельских муниципальных образований;
- преодоление структурных диспропорций в развитии инновационных начал в технологической и социальной сферах, создание условий для развития специфического института социального предпринимательства, поощрение внедрения новаторских технологий в различных сферах жизнедеятельности;
- развитие «образовательного» сегмента региональной инновационной системы, расширение масштабов программ обучения инновационному предпринимательству и технологическому менеджменту в системе высшего и дополнительного образования, в том числе целевой подготовки специалистов для реализации инновационных проектов;
- расширение существующей практики финансирования инновационных проектов в различных формах (бюджетных кредитов, частичной компенсации процентной ставки по кредитам, лизинга, субсидирования затрат на оборудование и др.); оптимизация инструментов поддержки инновационной деятельности, повышение уровня системности их применения; достройка механизма «инновационного лифта», в том числе за счет активизации взаимодействия с институтами развития, созданными на федеральном уровне;
- развитие государственно-частного партнерства в инновационной сфере, в том числе взаимодействие с банками, страховыми, консалтинговыми компаниями, предприятиями и организациями всех форм собственности;
- развитие и стимулирование потребительского спроса на инновационную продукцию, в том числе через государственные и муниципальные закупки;
- переход от практики поддержки отдельных организационно-имиджевых мероприятий инновационной направленности (форумов, конференций, обучающих и консультационно-методических мероприятий, конкурсов, выставок и ярмарок) к созданию целостной системы коммуникаций как единого механизма взаимодействия участников инновационной деятельности;
- развитие межрегионального взаимодействия инновационных регионов, использование лучших практик региональных инновационных систем; обеспечение открытости региональной инновационной системы, дальнейшая интеграция региона в общероссийские и мировые процессы создания и использования нововведений;
- повышение заинтересованности инновационно активных организаций в достоверном и качественном отражении инновационных процессов в статистической информации, создание единых методологических и методических подходов к проблемам совершенствования статистического инструментария для оценки инновационных процессов на территории региона;
- усиление координации органов исполнительной власти Алтайского края при решении вопросов инновационного развития; создание интегрированной информационной системы мониторинга инновационных процессов.

6.2 ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Основы кластерной политики. В настоящее время установка на формирование и поддержку развития территориальных кластеров является стратегическим приоритетом экономической политики многих стран. Она заключается в создании благоприятных условий и механизмов саморазвития на конкретных территориях в целях формирование территорий-лидеров, развитие которых должно способствовать выходу из кризиса других территорий и регионов.

Современную государственную кластерную политику характеризует множество особенностей. Она может выступать в виде:

- системы мер в составе стратегий экономического развития;
- целевой политики с четко определенной стратегией и выделенным бюджетом, которая охватывает ряд промышленных секторов;
- совокупности различных мероприятий, нацеленных на отдельную отрасль производства;
- политики, сфокусированной на отдельных аспектах развития кластеров, в частности, на сетевые взаимодействия бизнеса и исследовательских организаций, а также малого и крупного предпринимательства.

Особенности проводимой политики определяют многообразие направлений и форм государственной поддержки инновационных кластеров, среди которых можно выделить такие как прямая финансовая поддержка кластерных инициатив; снижение налоговой нагрузки как на НИОКР, так и на расходы, не связанные с инновациями; формирование инновационной инфраструктуры; содействие позиционированию и укреплению имиджа территории (ярмарки, выставки, деловые миссии и пр.); обеспечение взаимодействия между наукой, бизнесом и властью; информационное обеспечение, законодательные новшества и пр.

Как видим, этот список достаточно широк, и в этой связи крайне важной представляется оптимизация и согласование указанных мер поддержки с учетом их востребованности участниками кластерных объединений.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации[1] предусматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также создание ряда инновационных высокотехнологичных кластеров[2] в Европейской и Азиатской части России. В 2013 г. Министерство экономического развития РФ в целях реализации региональной социально-экономической политики и развития механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в инновационной сфере объявило о

[1] **Концепция** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] В данном случае под инновационным территориальным кластером понимается совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием: объединяющей научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности); механизма координации деятельности и кооперации участников кластера; синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации.

формировании перечня инновационных территориальных кластеров, который направлен на решение следующих задач[1]:

- содействие повышению конкурентоспособности предприятий и организаций, входящих в состав кластеров, повышению качества жизни на территории их базирования;
- развитие инновационной, производственной, транспортной, энергетической инженерной, жилищной и социальной инфраструктуры кластеров;
- содействие привлечению на территорию базирования кластеров инвестиций (включая в том числе размещение исследовательских, внедренческих и инжиниринговых центров российских и зарубежных компаний, стимулирование трансфера и локализации технологий производства инновационной продукции);
- содействие привлечению квалифицированной рабочей силы;
- развитие системы профессионального и непрерывного образования;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение эффективной поддержки деятельности кластеров из средств различных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и институтов развития, а также из внебюджетных источников;
- формирование, развитие и тиражирование эффективных механизмов ГЧП в инновационной сфере;
- развитие международной научно-технической и производственной кооперации.

По итогам экспертизы из 94 поступивших заявок Минэкономразвития РФ были отобраны программы развития 25 кластеров, которые в соответствии с отраслевой спецификой были разбиты на несколько групп: «Ядерные и радиационные технологии», «Производство летательных и космических аппаратов, судостроение», «Фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность», «Новые материалы», «Химия и нефтехимия», «Информационные технологии и электроника».

Кластеры, вошедшие в данный перечень, характеризуются различными моделями территориальной организации и пропорциями соотношения научно-технической и производственной деятельности. Также представлены как модели кластеров в четко очерченных территориальных границах, практически совпадающих с границами муниципальных образований (гг. Саров, Железногорск, Троицк), так и модели, объединяющие предприятия, научные и образовательные организации в рамках сетевых структур более крупных агломераций (г. Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области). Ведущая роль крупного промышленного производства характерна для кластерных программ Республик Татарстан и Башкортостан, Архангельской и Нижегородской областей, Хабаровского края. Здесь развитие кластера предполагается за счет интенсификации трансфера результатов научно-технических исследований в деятельность уже существующих хозяйствующих субъектов, а также за счет создания новых малых и средних компаний, встраиваемых в формируемые крупными предприятиями цепочки добавленной стоимости. В то же время програм-

[1] **О проведении** конкурсного отбора субъектов Российской Федерации для предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 сентября 2013 г. № 514 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/ innovations/politic/ doc20130906_1 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

мы развития кластеров гг. Пущино, Обнинск, Троицк, Димитровград, кластера «Физтех-XXI» характеризуются ориентацией в первую очередь на использование потенциала расположенных на их территории научных и образовательных организаций мирового уровня. Это предполагает привлечение крупных российских и зарубежных компаний к развертыванию высокотехнологичных производств за счет имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры кластеров, а также активное развитие малого и среднего инновационного предпринимательства за счет коммерциализации разрабатываемых здесь технологий.

Тем не менее, на наш взгляд, созданным на данный момент в российской экономике кластерам присущ ряд недостатков. Среди них можно выделить следующие.

1. Неоднородность элементов. Кластеры создаются во многом искусственно на базе независимых хозяйствующих субъектов разного размера, отраслевой принадлежности и формы собственности, что не способствует появлению у них общих интересов в части создания совместной инфраструктуры (информационной, научно-технической, образовательной, предпринимательской и т.п.).

2. Отсутствие в кластере отдельных обязательных элементов, например, научно-инновационного потенциала, производственных мощностей, сектора специфических бизнес-услуг. Преодолеть эту специфику в обозримой перспективе не представляется возможным исходя из существующих ограничений, которые накладываются факторами размещения.

3. Разобщенность, взаимное недоверие партнеров и, как следствие, отсутствие между ними прочных кооперационных связей. Каждое предприятие производит свою номенклатуру продукции, зачастую схожую с продукцией других участников кластера, что приводит к нездоровой (избыточной) конкуренции за использование общедоступных ресурсов, локализованных на данной территории.

4. Излишняя «гибкость» состава, границ, конфигурации и внутренней структуры кластера. Это проявляется в свободном присоединении предприятий и организаций к кластеру и выходом из него.

5. Формальный характер существующих органов управления кластером, отсутствие у них единой стратегии развития и позиционирования участников на рынке.

Подход к оказанию государственной поддержки кластерных инициатив за непродолжительный период (2013–2015 гг.) существенно изменился. В 2013 г. в рамках перечня отобранных пилотных программ развития кластеров с учетом оценок их инновационного и производственного потенциала из них были сформированы две группы. В первую группу были включены 14 кластеров, программы развития которых поддержаны посредством предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектам Российской Федерации, на территории которых они базируются. Наиболее востребованным направлением использования субсидии стала транспортная инфраструктура (21% от общего объема запрашиваемых средств), наименее востребованными – развитие энергетической и жилищной инфраструктуры (по 4% от общей суммы средств). На создание инновационной инфраструктуры кластерами предлагалось направить 19% от объема субсидии. Общий объем субсидий за эти годы составил 1,3 млрд руб.

Ко второй группе были отнесены 11 кластеров, чьи программы требовали доработки, в связи с чем их поддержка предполагалась за счет включения в установленном порядке в состав федеральных целевых программ Российской Федерации, а также в рамках деятельности ГК «Внешэкономбанк», ОАО «Российская венчурная компания», Российский Фонд технологического развития, Фонд содействия развитию малых форм

предприятий в научно-технической сфере, ОАО «РОСНАНО», Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, Фонд инфраструктурных и образовательных программ[1].

В 2014–2015 гг. Министерство экономического развития РФ субсидировало расходы всех 25 кластеров. Подход к распределению средств выглядит достаточно просто: первая половина всего объема субсидии делится между кластерами в равных долях, вторая – пропорционально суммам всех расходов, предусмотренных программами развития каждого из кластеров. И здесь возникает проблема неравенства: регионы, имеющие б*о*льшие бюджетные возможности для развития территории базирования кластера, оказываются в выигрышном положении по отношению к регионам с ограниченными бюджетами. Иными словами, распределение средств субсидии происходит безотносительно к конкретным проектам, которые заявляют или реализуют участники кластеров. Более того, прямая поддержка кластерных проектов сейчас вообще не предусмотрена. Средства субсидии в основном предоставляются на приобретение оборудования для центров коллективного пользования, оборудования или инжиниринговых центров, на повышение квалификации и проведение выставочно-ярмарочных мероприятий.

На наш взгляд, выбор форм поддержки должен, прежде всего, основываться на учете связей между участниками кластеров. Эти связи могут быть как горизонтальными, так и вертикальными.

Горизонтальный кластер формируется на основе одного или нескольких промышленных предприятий, функционирование которых обусловлено местными условиями, обеспечивающими определенные экономические преимущества. Необходимо отметить, что указанные преимущества не всегда строго локализованы, и предприятия могут с почти равным эффектом размещаться в пределах довольно обширной территории, обладающей этими преимуществами. Учитывая, что компании зачастую относятся к одной отрасли, производя схожие товары и услуги, они, безусловно, являются конкурентами. Однако совместное использование общих условий хозяйствования делает очевидными сильные и слабые стороны каждой компании, поскольку пространственная близость позволяет «непосредственно» наблюдать и сравнивать любые различия в политике и результатах работы соседних предприятий. Таким образом, фирмы-участники кластера имеют возможность внедрять подтвержденные достижения других, добавляя при этом свои идеи.

В целом кластер включает в себя четыре группы элементов. Первая группа формирует «ядро», в которое в данный момент времени входит определенный круг звеньев в соответствии с их специализацией.

Вторая группа – это «окружение», образованное смежными предприятиями, расположенными в непосредственной близости от ядра и связанное с ним на базе использования его продукции, технологий, ресурсов.

Третья группа обычно включает ряд дополнительных и обслуживающих организаций, которые, несмотря на то что более или менее тесно связаны с «ядром» и смежными предприятиями, все же не составляют с ним производственно-технологического единства. Сюда входят предприятия и организации жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания, торговые, образовательные, культурно-просветительные, лечебные и т.д.

[1] **Пилотные** инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / под. ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – 92 с.

К последней, четвертой группе относятся сельскохозяйственные предприятия, непосредственно обслуживающие центр.

Учитывая, что размеры каждого отдельного кластера имеют свои рациональные пределы, а его производственная мощность может быть во много раз меньше потенциальных возможностей территории, не исключена вероятность существования в одном регионе нескольких кластеров, специализация которых неизбежно приведет к их кооперированию. Именно такое широко разветвленное взаимодействие теснее сплачивает между собой все части хозяйства в единый комплекс и в зависимости от природы и масштаба связей формирует технологические системы разного размера – локальные, региональные и национальные.

Основным условием конкурентоспособности региона является его специфичность, основанная на эффективном использовании уникальных компетенций и ресурсов. Эту специфичность нельзя купить, передать куда-либо или легко воспроизвести в другом месте[1]. Это приводит нас к пониманию того, что горизонтальные кластеры могут быть основаны как на продуктах, так и на услугах. К первым относятся кластеры по добыче и переработке природных ресурсов; ко вторым – кластеры в сфере здравоохранения, образования, санаторно-курортных услуг, туризма. Таким образом, высокая зависимость от особенностей местности приводит к большей географической концентрации экономической деятельности.

Вертикальный кластер характеризуется, прежде всего, наличием единого центра, сильной кооперацией, четко выраженной специализацией участников и отсутствием конкуренции между ними. Сотрудничество в таких объединениях распространяется на гораздо б*о*льшие расстояния, нежели чем при горизонтальном взаимодействии и отражает уже существующие производственные и рыночные связи. Таким образом, географическая близость предприятий является желательной, но не необходимой. Наиболее важным условием связанности участников такого кластера являются взаимодополняемость и разделение труда. Компании, входящие в кластер, специализируются на отдельных стадиях производственного процесса, обладая при этом опытом и квалификацией, которые могут быть использованы в осуществлении различной, но дополняющей друг друга деятельности. Синергетический эффект от взаимодействия организаций, входящих в кластер, достигается за счет отрасли, которая представляет собой совокупность компаний, объединенных по технологическому или продуктовому признаку. Существование ядра вертикальных кластеров крайне выгодно для региона, поскольку зачастую они не зависят от местных природных условий и не ограничены локальным рынком[2].

Выбор модели кластера (горизонтальный или вертикальный) в конкретном регионе зависит от структуры его экономики, от особенностей воспроизводимых материальных и природных активов, от свойств идентичности местного сообщества и т.д.

Кластер «АлтайБио»: структура и формы поддержки. Алтайский биофармацевтический кластер «АлтайБио» был создан в г. Бийске в 2008 г. В настоящее время он входит в перечень 25 территориальных инновационных кластеров. С момента его создания количество участников возросло с 20 до 35 единиц; численность работников

[1] **Foss N.J.** Higher-order industrial capabilities and competitive advantage // J. Industry Studies. – 1996. – № 3 (1). – Pp. 1–20.

[2] **Porter M.E.** The economic performance of regions // Regional Studies. – Vol. 37. – № 6–7. – 2003. – Pp. 549–578, 562.

с 5,6 тыс. до 7,4 тыс. человек. 90% действующих в кластере фирм относятся к категории малых и средних. «Якорными» предприятиями кластера являются лидеры российского рынка биофармацевтической продукции – ЗАО «Эвалар» и ЗАО «Алтайвитамины». Для этого кластера характерен горизонтальный тип связей.

Предприятия кластера выпускают более 600 видов биологически активных добавок, лекарственных средств, фармацевтических субстанций, около 200 наименований функциональных продуктов питания, более 100 видов оздоровительной продукции на основе пантов, а также медицинскую технику и косметику. Часть предприятий, согласно перечню стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации, являются единственными в стране производителями целого ряда фармацевтических субстанций и активными участниками программы обеспечения лекарственной безопасности страны.

Для обеспечения конкурентоспособности кластер «АлтайБио» применяет главным образом отраслевые технические знания, осуществляя инновации путем постоянных усовершенствований выпускаемых продуктов, упаковки, дизайна и т.д. на имеющихся производственных линиях. Экспериментирование непосредственно на предприятиях и совершенствование продуктов на основе собственных идей являются ключевыми механизмами внутренней инновационной деятельности компаний. Принципиально новые разработки обычно внедряются не чаще одного раза в год, благодаря тому, что в г. Бийске размещены важные организации НИОКР: ОАО «ФНПЦ «Алтай» и Институт проблем химико-энергетических технологий СО РАН, активно участвующие в инновационной деятельности компаний.

Центром экспертной оценки и корректировки развития производственных структур является ОАО «ФНПЦ «Алтай», которое имеет значительный опыт разработки технологий и продуктов двойного назначения на национальном уровне. Системные взаимосвязи данной организации с малыми и средними предприятиями реализуются через практические научные исследования, специализированные для химической и фармацевтической отрасли. В частности, это открытие важнейших общенациональных производств по выпуску кристаллического глиоксаля, окисленных декстранов, противовирусных препаратов, а также высокоэффективных санитарно-гигиенических материалов нового поколения на основе кристаллических сорбентов. В этом контексте ФНПЦ «Алтай» можно считать краеугольным камнем кластера, без которого не сформировались бы его отличительные характеристики и технологические особенности, лежащие в основе высокой конкурентоспособности продукции. Необходимо отметить, что разработка этих продуктов осуществлялась в сотрудничестве с крупнейшими академическими институтами страны ФГБУ «Научный центр клинической и испытательной медицины СО РАМН», ФГБУН «Институт физики прочности и материаловедения СО РАН» и ФГАОУ ВО «Национальным исследовательским Томским государственным университетом» и частично финансировалась государством.

Институт проблем химико-энергетических технологий является подразделением Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) и занимается разработкой промышленных технологий и методов синтеза высокоэнергетических соединений, лекарственных и биологически активных субстанций. Учитывая, что последние меры, связанные с преобразованием учреждений академической науки в стране имеют большую региональную направленность, обеспечивая более целенаправленную инновационную поддержку в тесной увязке с нуждами промышленности, Институтом разработана и внедрена технология производства лекарственного средства «Тилорон».

Помимо собственно производственных предприятий, важную роль играют инфраструктурные организации и институты, служащие мостом между профессиональ-

ными сообществами и крупными элементами «тройной спирали» (наука, бизнес, власть).

- Во-первых, это – Бийский технологический институт (филиал Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова), который осуществляет подготовку кадров для химических производств и способствует приобретению работниками новых квалификационных навыков, а также тесно сотрудничает с местными компаниями. Кроме этого, реализуются программы по экономическим и организационным проблемам отрасли.

- Во-вторых, это – Бийский бизнес-инкубатор инновационного типа, который оказывает услуги по размещению «старт-ап» компаний, часть из которых созданы крупными резидентами кластера и Бийским технологическим институтом. Спецификой учреждения является наличие 4 лабораторий, в том числе биотехнологического профиля. Здание инкубатора находится в собственности муниципалитета; средства на его реконструкцию и приобретение оборудования привлечены из федерального и краевого бюджетов.

- В-третьих, это – некоммерческое партнерство «Инновационно-производственный технологический парк «Бийск», который выступает связующим звеном между научно-исследовательской деятельностью и производством.

- В-четвертых, это – некоммерческое партнерство «АлтайБио» – сетевая организация, цель которой обеспечение регулярного обмена информацией, координация межфирменных взаимоотношений и выработка договоренностей, укореняющих компании в кластере.

Поддержка деятельности кластера зависит как от регионального, так и федерального уровня, и осуществляется с учетом потребностей компаний, возникающих в силу их специфичности. В качестве примеров можно рассматривать следующее.

Во-первых, научные исследования, а именно: «ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направления развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»; «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», Российский фонд фундаментальных исследований.

Во-вторых, сетевое взаимодействие: технологические платформы «Биоэнергетика», «Биоиндустрия и биоресурсы – БиоТех 2030», «Медицина будущего».

В-третьих, субсидирование затрат за счет Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Государственной программы Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 годы»[1].

В-четвертых, повышение конкурентоспособности – краевая программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года»[2].

[1] **Государственная** программа Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 24.01.2014 г. № 20 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/ official_docs/e318663.html (дата обращения: 20.11.2015 г.).

[2] **Краевая** программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года»: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 15.07.2014 г. № 329 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/ upload/iblock/f5f/329_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

Отдельно следует упомянуть Государственную программу Алтайского края «Развитие инновационного территориального кластера «АлтайБио» на 2014–2016 годы»[1], целью которой является ускоренное развитие фармацевтической промышленности региона, базирующейся на выработке инновационных лекарственных препаратов на основе натурального сырья растительного и животного происхождения, а также на дальнейшем расширении производства пищевых продуктов с заданными функциональными свойствами. Ключевыми направлениями реализации этой программы стали мероприятия, направленные на устранение инфраструктурных ограничений деятельности кластера, а именно:

– создание и оснащение аналитического центра коллективного пользования оборудованием распределенного типа и опытно-промышленной биотехнологической лаборатории (2014 г.);

– оснащение пилотного центра промышленных биотехнологий для отработки и масштабирования технологий, производства опытных партий продукции для регистрационных и других испытаний (2015 г.).

Таким образом, как мы полагаем, в кластере «АлтайБио» присутствуют все необходимые элементы производственной, научной, образовательной и предпринимательской инфраструктур. Учитывая, что инновационная деятельность малых и средних предприятий осуществляется на собственных мощностях и своими силами, которых явно недостаточно для создания новых продуктов, меры государственной поддержки должны быть ориентированы на формирование инфраструктуры коллективного доступа к оборудованию, как лабораторному, так и для малотоннажного производства.

Исходя из этого, приоритетными направлениями совершенствования кластерной политики государства должны стать следующие. Прежде всего, формализация самого понятия «кластер» с учетом необходимых и достаточных элементов обеспечивающей его инфраструктуры. Далее, необходим отход от практики субсидирования решения только транспортных, инженерных и социальных проблем территорий базирования кластеров. Необходимо распределение финансовых средств исходя из «проектного» подхода с учетом специфики связей между участниками кластера. Например, в случае «горизонтального кластера» наиболее действенным является создание недостающих элементов предпринимательской и инновационной инфраструктуры; для «вертикального» кластера – поддержка конкретных проектов, например, в форме субсидирования затрат на производство и НИОКР, стимулирования спроса на продукцию и государственный заказ. Наконец, по нашему мнению, финансирование недостающих элементов инновационной инфраструктуры должно предусматривать не только приобретение оборудования, но и капитальное строительство.

[1] **Государственная** программа Алтайского края «Развитие инновационного территориального кластера «АлтайБио» на 2014–2016 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 10.10.2014 № 459 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/ iblock/d4d/459_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

6.3 СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ: ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Инновации в сельском хозяйстве являются одним из драйверов повышения конкурентоспособности региона и решения проблемы продовольственной безопасности страны. Распространение таких инноваций рассматривается в государственных федеральных и региональных программах в качестве важнейшего механизма формирования устойчивого развития сельских территорий[1]. В связи с этим возникают вопросы готовности села и сельского хозяйства к таким инновациям, имеется ли социальная среда их системного развития, можно ли сегодня говорить о движении села к устойчивому формированию такой среды, какие факторы определяют эти тенденции. В данном параграфе рассмотрим, каков вектор социально-экономического развития села Алтайского края с начала 2000-х годов, насколько выражено движение сельских сообществ от выживания в 1990-е годы к системным инновациям, а также каковы социальные ресурсы инновационного развития села, в том числе в области внедрения новых технологий в сельском хозяйстве.

Методологические основы исследования. Под инновациями в социально-экономическом развитии села мы понимаем принципиально новые изменения в социально-экономической сфере жизнедеятельности сельских жителей, связанные с внедрением новых объектов и технологий, получивших одобрение и признание сельского сообщества и далее интегрированных в его культуру. Данное понимание инноваций получено, во-первых, на основе концептов теории инноваций Й. Шумпетера, а также трудов А.И. Пригожина и других ученых[2], акцентирующих внимание на выделение субъектов инновационных действий и их роли. Инновации рассматриваются как процесс и результат, выделяются адаптация и другие стадии институционализации инновации.

Теоретической базой в понимании механизмов инновационного развития на селе являются теории социального капитала П. Бурдьё и Р. Патнэма, идентифицирующие социальный капитал и социальные сети как факторы инновационного развития[3], а также концепция обучающегося региона, где рассматривается состояние и развитие институтов и сетей трансфера знаний об инновациях. Так, например, в рамках кон-

---

[1] Так, например, целью государственной программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы является «создание благоприятных социально-экономических условий для комплексного и устойчивого развития сельской экономики», под которым понимается «содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе, повышение комфортабельности жизнедеятельности сельских граждан, активизации участия граждан в реализации общественно значимых проектов в сельской местности, формирования позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни». См.: **Государственная** программа Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 27.10.2014 г. № 497 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/638/497_14.pdf (дата обращения: 25.12.2016 г.).

[2] См.: **Лапин Н.И.** Теория и практика инноватики. – М., 2008. – 328 с.; **Пригожин А.И.** Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – 270 с.; **Шило И.Н.** Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 114–119; **Шумпетер Й.** Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла): пер. с англ. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.

[3] См.: **Бурдьё П.** Формы капитала/ пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74; **Putnam R.** Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York, 2000. – 541 pp.

цепции обучающегося региона подчеркивается важность: 1) активации собственного потенциала (локальных знаний), основанных на взаимодействии региональных субъектов; 2) управления знаниями в регионе, усиливающими квалификацию (компетенции) населения; 3) участия населения в текущих процессах, активизации инициатив в регионе; 4) устойчивого развития (через «цепочки добавленной стоимости»)[1].

Опираясь на этот теоретический фундамент, а также на труды российских исследователей в области инновационного социально-экономического развития села[2], мы можем сделать вывод о том, что масштабы и распространение инноваций в сельских сообществах во многом определяет социальная среда внедрения инноваций. Её образует совокупность социально-экономических, социокультурных и политических условий и факторов активности сельского населения, его социальных групп по внедрению инноваций в сельских сообществах. Среди данных факторов особое значение имеют инновационная культура сельского сообщества (их отношение к инновациям, адаптация, готовность к внедрению), а также наличие и открытость каналов трансфера знаний на селе. В нашем исследовании внимание акцентировано на изучении состава акторов инноваций, информационных каналов и знаний об инновациях, изменений в инновационной культуре сельских сообществ.

Помимо данных государственной статистики результаты исследования развития социальной среды внедрения инноваций в селах Алтайского края основаны на данных проведенных с начала 2000-х годов выборочных опросов сельских жителей (n = 606 в 2002 г.; n = 1011 в 2008 г.; n = 440 в 2011 г.; n = 150 в 2013 г.; n = 260 в 2016 г.) и экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса и организаций социальной сферы (n = 56 в 2002 г.; n = 280 в 2008 г.; n = 75 в 2011 г.; n = 40 в 2013 г.; n = 60 в 2014 г.)[3]. Особое значение имеют результаты исследования

---

[1] См.: **Healy A., Morgan K.** Space of innovation: Learning, Proximity and the Ecological Turn // Regional studies. – Vol. 46.8. – September 2012. – Pp. 1041–1053; **The learning** region: foundations, state of the art, future /edited by RoelRutten, FransBoekema. – Edward Elgar: Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2007. – 320 pp.

[2] См.: **Виноградский В.Г.** Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы. – Саратов, 2010. –195 с.; **Голубева В.** Инновации и традиции российского агрокомплекса // Мир России. – 2013. – № 1. – С. 61–77; **Земельная** аккумуляция в начале XXI века: сборн. науч. статей / под общ. ред. А.М. Никулина. – М., 2012. – 274 с.; **Калугина З.И.** Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.; **Мореханова М.Ю.** Социальные аспекты перехода сельского хозяйства на инновационный путь развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М., 2008. – С. 273–275; **Нечипоренко О.В., Самсонова В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю.** Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2015. – 252 с.; **Фадеева О.П.** Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск, 2014. –262 с.

[3] Социологические исследования проведены сотрудниками Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН и НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» (под руководством А.М. Сергиенко). Результаты исследования подробнее см.: **Алтайское** село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.; **Сергиенко А.М.** Динамика бедности сельского населения аграрных регионов России и механизмы ее преодоления // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа : БАГСУ, 2014. – Гл. 12. – С. 183–201; **Сергиенко А.М.** Социальная сфера алтайского села как объект государственной и муниципальной политики // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2008. – № 1.– С. 39–42; **Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; **Сергиенко А.М., Родионова Л.В.** Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регион // Стратегическое управление простран-

социальных факторов внедрения инноваций в землепользовании, проведенного в рамках российско-немецкого проекта «КУЛУНДА: Как предотвратить глобальный синдром „DustBowl“ – пыльных бурь? Экологические и экономические стратегии для устойчивого земледелия в степях России: возможные решения в условиях климатических изменений» (2011–2016 гг.) и направленного на выявление инновационных способов землепользования, нивелирование экономических и экологических последствий освоения и использования земель в Кулундинской зоне, таких как возникновение эрозии почвы, истоньшение гумуса и кардинальное снижение концентрации углерода в почве, что в конечном счете привело к возникновению пыльных бурь и ухудшению качества жизни населения края. С этой целью в 2013 г. проведен выборочный опрос 150 сельских жителей, проживающих в 6 районах Кулундинской зоны Алтайского края (Мамонтовском, Михайловском, Новичихинском, Павловском, Романовском и Тюменцевском) и 40 полустандартизированных интервью с представителями местной власти и организаций социальной сферы, руководителями и работниками хозяйств[1] и около 100 качественных интервью проведено с экспертами и сельскими жителями в экспедициях в 2013–2015 гг. Кроме того, нами использованы материалы сайтов региональных органов управления и сельских муниципальных районов, а также СМИ (прежде всего публикации в газете «Алтайская нива») за 2011–2016 гг.

Социальные факторы инновационного развития села. Сельские жители связывают инновационное развитие села в первую очередь с информационными технологиями, распространением Интернета (рис. 6.1). Благодаря реализации госпрограмм занятости на селе появились новые возможности (до последних двух-трех кризисных лет) в создании малых форм предпринимательства (например, открывались пекарни, кафе, парикмахерские, транспортные и другие организации, оказывающие услуги населению, действовала программа поддержки молодых предпринимателей в сельском хозяйстве). Хотя создание квалифицированных рабочих мест по-прежнему признается слабым звеном, преобладают низкоквалифицированные и малооплачиваемые рабочие места, что выталкивает молодежь из села.

ственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 377–393; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография. – Барнаул, 2013.– 330 с.

[1] Подробнее о результатах исследования: **Сергиенко А.М.** Внедрение инновационных технологий как фактор устойчивого землепользования: социальные аспекты исследования в сельских районах Алтайского края // Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации: материалы Островских чтений 2014.– Саратов : ИАгП РАН, 2014. – С. 349–354; **Сергиенко А.М.**. Социально-экономические и экологические аспекты внедрения инноваций в землепользовании в сельских районах Алтайского края // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России: XIX Никоновские чтения. – М. : Изд-во ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. – С. 237–241; **Сергиенко А.М.** Социально-экономические факторы внедрения инноваций в землепользовании в районах Кулундинской зоны Алтайского края // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2014. – № 11. – С. 4–9; **Сергиенко А.М.** Тренды и инновации в социально-экономическом развитии алтайского села в начале XXI века // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 11–14 ноября, 2014 г. [Электронный ресурс]. – Барнаул : АлтГУ, 2014. – 1 эл. опт.диск (CD-ROM). – С. 2615–2625.



Рис. 6.1. Инновационные изменения в развитии села за 2008–2013 гг. *(по мнению сельских жителей),* %

Инновационную природу имеют отдельные изменения в образовании и здравоохранении, связанные с обновлением материально-технической базы и применением новых технологий. Во второй половине прошедшего десятилетия эти изменения происходили точечно и несистемно: в отдельных селах, районах появились новое медицинское и школьное оборудование, компьютерные классы, Интернет, повысилась оплата труда отдельных категорий медработников и учителей. Подтверждая несистемный характер изменений, приведем пример из рассказа одного из руководителей сельских районов: *«В школу привезли интерактивную доску, повесили, пошел дождь и через прохудившуюся крышу на эту доску хлынула вода… Денег у сельсовета не было на ремонт крыши». Тогда инновации были, по словам этого главы администрации, словно «красивые пуговицы к старенькому потрепанному платью». За 5–6 лет, предшествующие опросу 2013 г., масштабы инновационных изменений существенно возросли и распространились, стали более системными («меняются не только пуговицы, но иногда и на новое платье хватает»).*

Способствовать инновационным изменениям в развитии села будет в первую очередь *создание новых рабочих мест* (так считают почти ¾ сельских жителей) и *решение проблем в социальной сфере* (в области социальной поддержки, обеспеченности жильем, образования, здравоохранения, культуры, 27–45% респондентов) – рисунок 6.2. Кроме того, по мнению почти каждого третьего респондента положительно повлияет на развитие села *обновление сельхозтехники, внедрение новых технологий в землепользовании.*



Рис. 6.2. Факторы будущих инновационных сдвигов
(«Что будет способствовать инновационным изменениям в социально-экономическом развитии села?»), по мнению сельских жителей, %

Распространению инноваций на селе способствуют прежде всего традиционные каналы распространения информации (их использует до половины сельчан): это главным образом семейно-родственные и дружеские сети, а также СМИ (рис. 6.3). Значительно выросла роль Интернета (использует около 20%). Эффект совместного действия всех этих информационных каналов, подтверждающий, что село сегодня становится активной инновационной средой, мы обнаружили в одной из наших экспедиций в 2013 г. В поселке Комсомольском Павловского района за несколько месяцев была закуплена многими хозяйками такая бытовая инновация, как мультиварка, потому что их словами «*это удобно и экономит время*».

Изменилось отношение населения к инновациям. Несмотря на то что среди сельского населения сохраняется преимущественно негативное или равнодушное отношение к переменам (около 60%), в 2013 г. наблюдался небольшой перевес позитивных оценок над негативными (более 40% против 35%) – рисунок 6.4. И, кроме того, активных участников перемен стало больше пассивных противников: 11% тех, кто *«старается активно участвовать»* в переменах против 7% крайне негативных оценок тех, кто *«ощущает отсутствие перспективы для села»*.

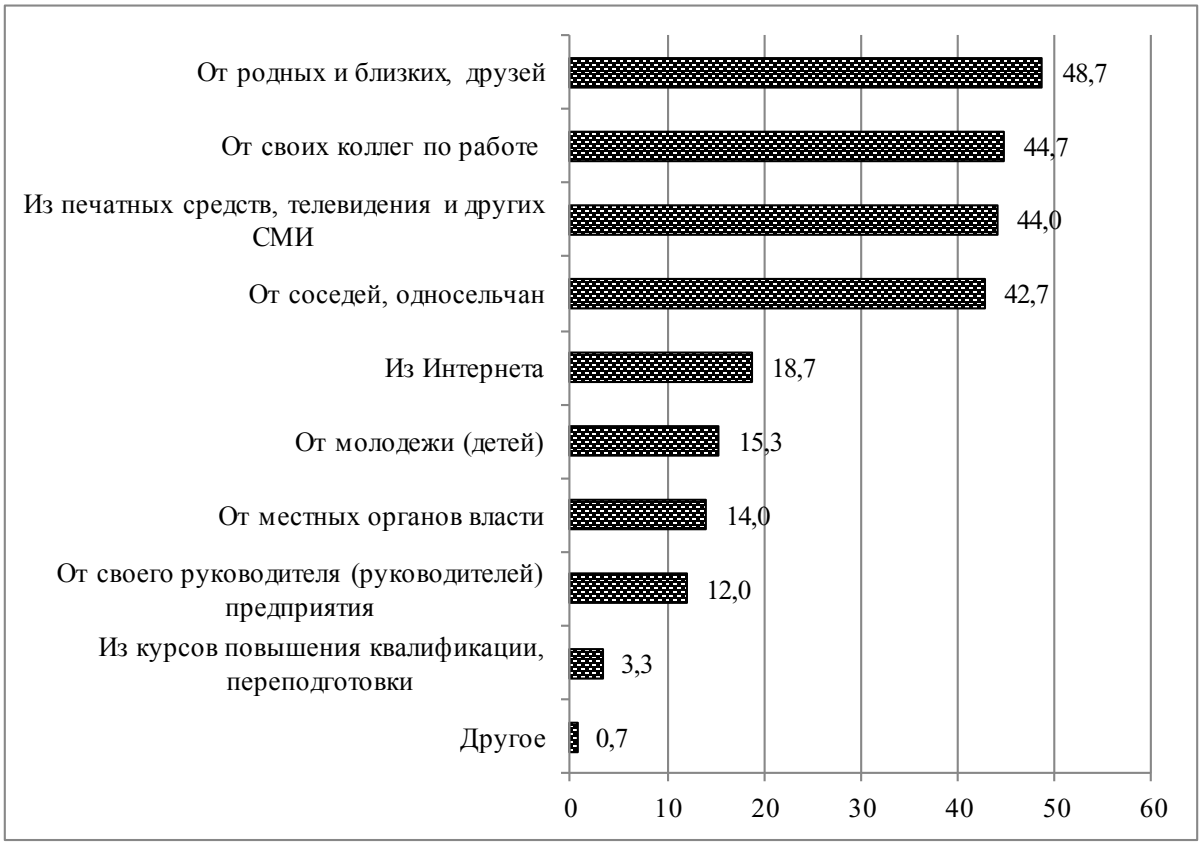


Рис. 6.3. Источники информации об инновациях в сельских сообществах, %
(опрос сельских жителей в 2013 г.)



Рис. 6.4. Отношение сельского населения к переменам на селе за 2008–2013 гг., %
(опрос сельских жителей в 2013 г.)

Из интервью с экспертом (2013 г.): *«Село очень трудно к новому всегда приспосабливается. Есть такие моменты, когда очень трудно мы воспринимаем все новое. И это хорошо, я считаю. За счет села Россия держалась в те столыпинские времена, и сейчас еще мы пока держимся. У нас свой менталитет, домострой называется. Поэтому свою нишу мы найдем».*

К активным участникам перемен, социальным драйверам инновационного развития села сельские жители отнесли прежде всего местную власть и сельскохозяйственный бизнес (60 и 23% респондентов). Они убеждены, что внедрение позитивных изменений на селе зависит сегодня в первую очередь от этих факторов (60 и 23% респондентов) – рисунок 6.5. Причем, по оценкам местных органов, влияние бизнеса на социальное развитие села и зависимость сельских муниципалитетов от поддержки села бизнесом постоянно растет.

Из интервью с агрономом (Павловский район, 2013 г.): *«Понятно, что от социальной сферы мы избавились когда-то, и сейчас муниципальным органам намного тяжелее. Помогаем, чем можем. Допустим, даем деньги на водоснабжение в поселке…Ну наши же работники все-таки в поселке живут, поэтому стараемся».*

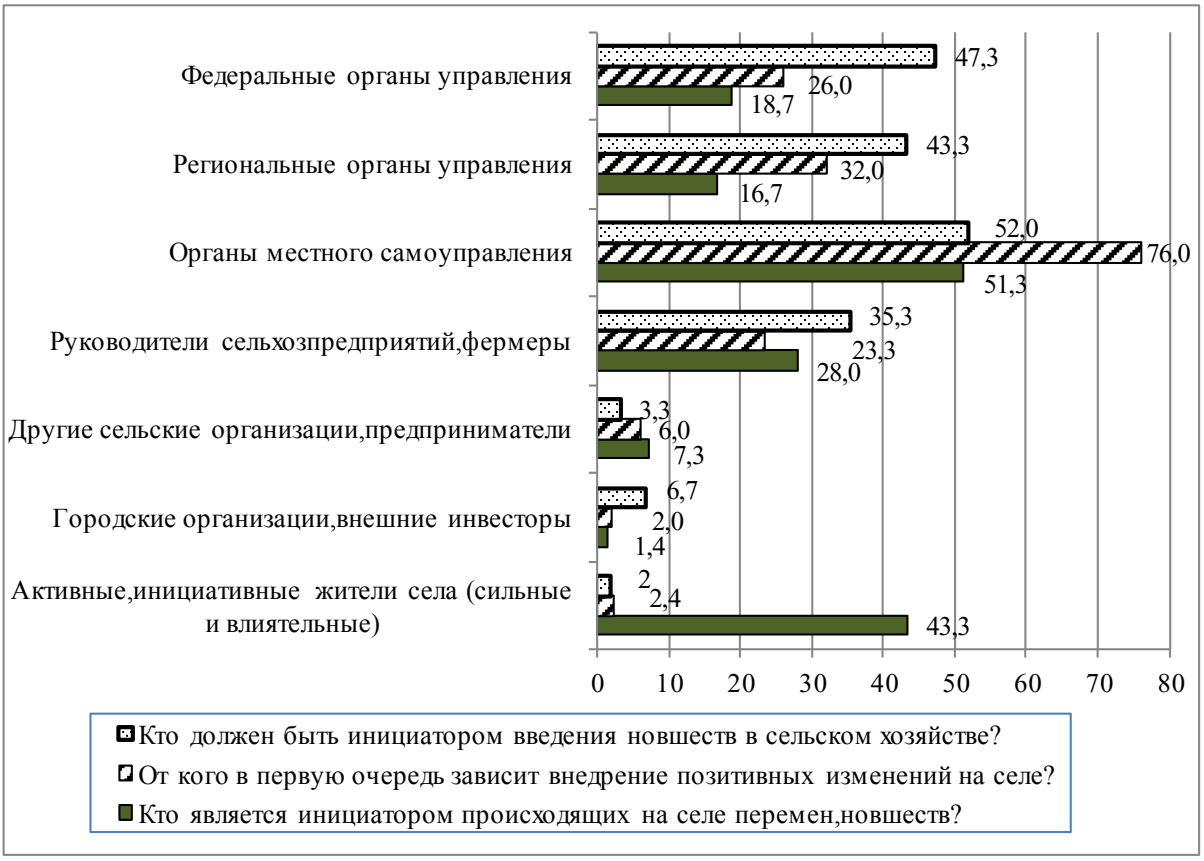


Рис. 6.5. Инициаторы инноваций на селе, %
(опрос сельских жителей в 2013 г.)

Большего участия сельские жители ждут от государства, от региональных органов (32%) и Центра (26%), хотя позитивные сдвиги в федеральной политике по отношению к селу со второй половины «нулевых» ими признаются: это госпрограммы поддержки села, газификации, поддержка молодежи, политика импортозамещения. В связи с этим, как оценивают сельские жители действия государства и местной власти по внедрению инноваций в последние годы? Оценки действий государства преимущественно невысоки по всем сферам (от 8 до 20% «отличных» и «хороших» оценок) – рисунок 6.6.

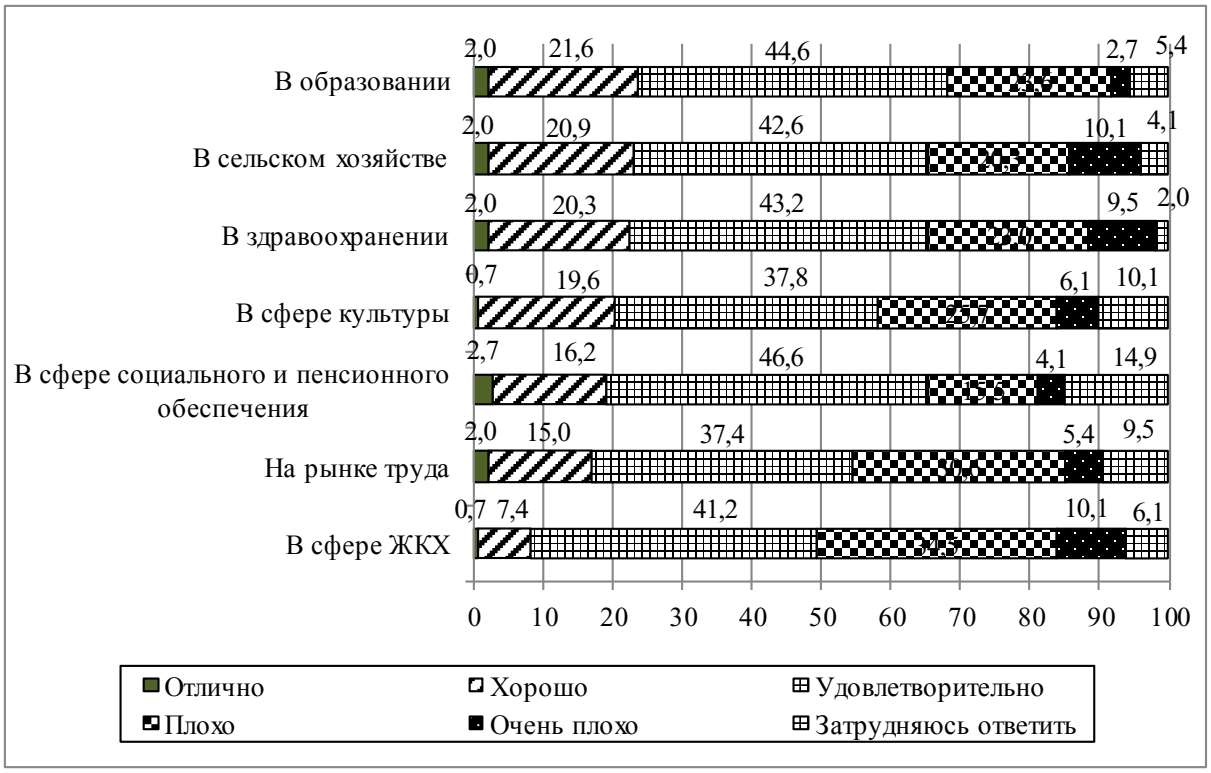


Рис. 6.6. Оценка государства по внедрению инноваций
в социальной и экономической жизни села в 2008–2013 гг., *%*
(опрос сельских жителей в 2013 г.)

Наиболее высокие оценки получены в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства, а наиболее низкие (36 и 45% «плохих» оценок) – по развитию рынка труда и жилищно-коммунального хозяйства. В сравнении с данными опросов 2008 г. эти оценки довольно значительно выросли, тогда доля высоких оценок не превышала 10%. Рейтинг оценок действий местных органов управления близок по масштабам и структуре к оценкам действий государства, но чуть более высоки оценки в сфере культуры, более низки – в здравоохранении.

Социальные ресурсы внедрения инноваций в землепользовании. Активные технологические изменения в землепользовании стали проводится только с конца «нулевых», когда, по мнению руководителей хозяйств, предприятия массово обновили технику, перешли на использование новых технологий обработки земли. Для сравнения: в 1990-е годы позитивные преобразования в использовании техники землепользования изредка наблюдались в половине изучаемых районов, в каждом третьем районе никаких изменений не происходило; в годы экономического роста изменения хотя и стали более распространенными, но они были преимущественно незначительными.

По опросу 2013 г. состояние своего хозяйства руководители оценивали в основном как удовлетворительное, лишь четверть хозяйств активно осваивали новые технологии и участвовали в модернизации инфраструктуры села[1]. Относительно новую сельхозтехнику (не старше 5 лет) имело более 80% хозяйств, в том числе в каждом четвертом хозяйстве значительная часть техники была совершенно новая. Около половины опрошенных механизаторов работало на технике не старше 5 лет.

Наряду с развитием возможностей в применении новых технологий землепользования (до последних двух-трех кризисных лет), связанных с улучшением кредитования и реализацией госпрограмм обновления техники и развития АПК, руководители хозяйств отметили, что тормозят инновации удорожание заёмных средств и в целом низкие масштабы стимулирования к этому со стороны Центра и местной власти, а также социально-экономические факторы: более 60% хозяйств ощущают нехватку квалифицированных работников, низкую мотивацию молодежи к сельскохозяйственному труду.

> Из интервью с экспертами (2013 г.): *«В сельском хозяйстве механизаторов не хватает, хотя у нас ПТУ есть, там готовят их. Вот, скорее всего (в малых селах в основном) доездят на тракторах, и всё, их там тоже не будет. Сейчас уйдет это поколение, которое на земле и с землей росло, как говорится... А уже приходит поколение, которое выросло с интернетом и компьютером. Поэтому селу очень трудно будет»;*
>
> *«Люди очень, как говорится, изменились за последние годы. А молодежь сейчас, она не та, молодежь-то, и у нее нет мотивации такой, как вот у нашего поколения. То есть у них нет азарта, нет интереса в работе, только потребительское всё...».*

Распространенность знаний об инновационных технологиях в землепользовании среди руководителей хозяйств и механизаторов относительно высока, хотя есть и резерв распространения более глубоких знаний: в 2013 г. каждый пятый руководитель хозяйства имел слабое представление о новых технологиях. Довольно значительным является сектор предприятий, где такие технологии применяются: на каждом третьем в среднем более трех лет. Основными каналами трансфера знаний о новых технологиях являются СМИ (80% ответов), Интернет (половина ответов) и специальные каналы (каждый четвертый); среди последних: курсы повышения квалификации, семинары, сельскохозяйственные выставки («День сибирского поля», выставки поставщиков новой техники). Иногда такую информацию получали от местных властей и Союза крестьянских (фермерских) формирований Алтайского

[1] В экспертном опросе приняло участие 20 руководителей хозяйств различных организационно-правовых форм (превалируют крестьянско-фермерские хозяйства) с площадью сельскохозяйственных земель от 300 до 19 тыс. га (в среднем – около 7 тыс. га). Численность постоянных работников в хозяйствах – от 2 до 400 человек (больше ста в среднем, до 50 человек в каждом втором хозяйстве). Довольно значительна доля сезонных работников: 13–14 человек в среднем. Несмотря на влияние глобального экономического кризиса, с 2008 г. численность работников возросла в среднем на 7%.

края. Более половины механизаторов знакомо с новыми технологиями в землепользовании, среди использующих новую технику большинство прошло специальное обучение (обучение «на местах» или специальных курсах)[1]. Информацию о таких инновациях механизаторы получили в первую очередь от руководителей хозяйств и других механизаторов, и реже – через СМИ и Интернет.

Преимущества применения новых технологий руководители хозяйств и механизаторы видят в росте урожайности и производительности труда, но и в создании квалифицированных рабочих мест с высокой культурой труда (рис. 6.7).

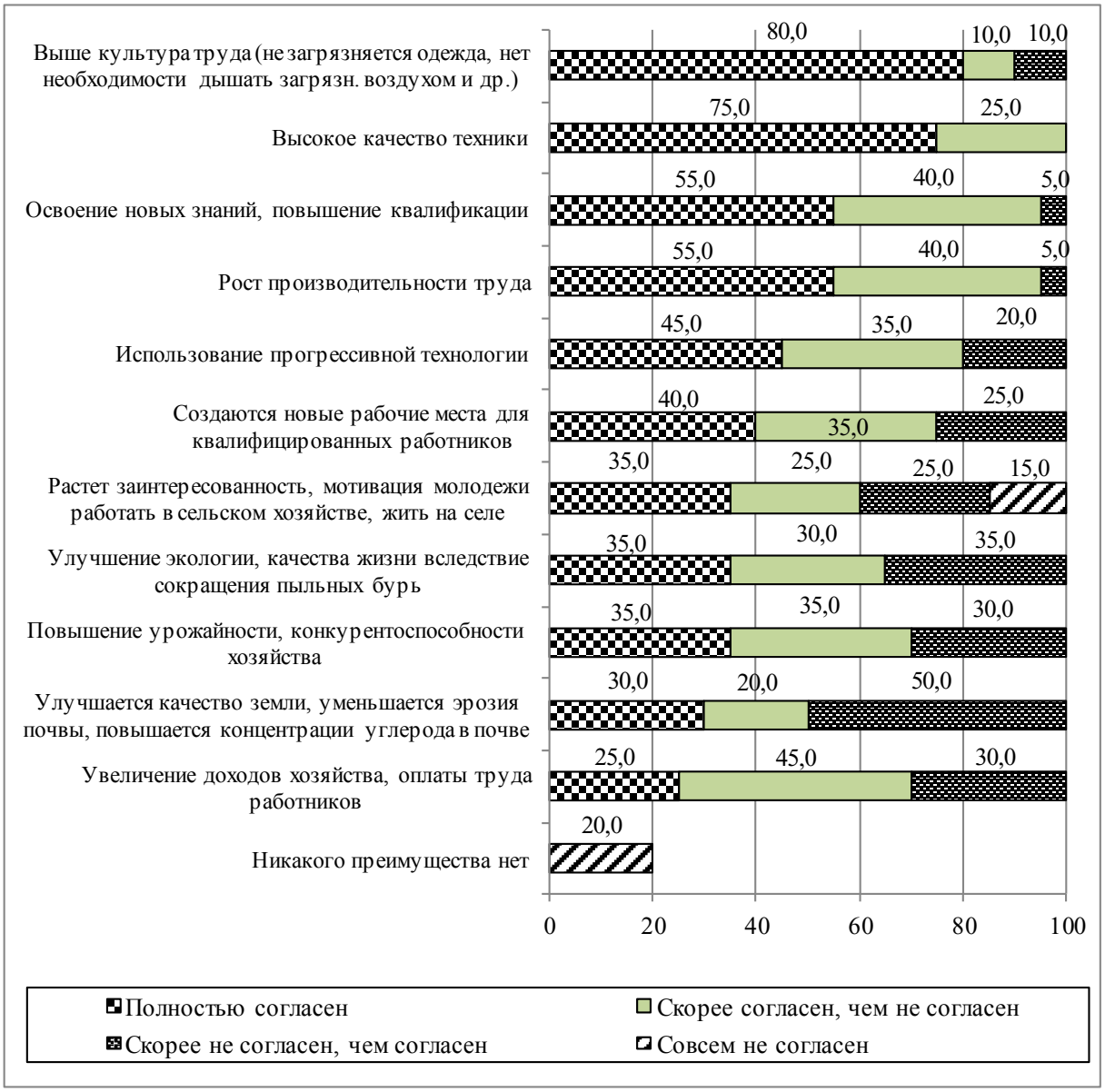


Рис. 6.7. Преимущества применения инновационных (эколого-ориентированных) технологий, *%*
(оценка руководителей хозяйств в 2013 г.)

[1] Среди 39 опрошенных механизаторов (в среднем 40 лет с трудовым стажем около 17 лет) большинство имеет начальное либо среднее профессиональное образование, лишь каждый пятый не имеет профессионального образования. Менее половины механизаторов работает на новой или относительно новой технике (не старше 5 лет).

По словам механизаторов, *хорошо работать на современной технике, получать более высокую зарплату и возвращаться с работы в чистой одежде*. Среди них превалирует положительное отношение к новой технике, отрицательные оценки перевешивали только у механизаторов с низким профессиональным образованием.

Более половины сельчан *позитивно оценивает перспективы изменений в технологиях сельскохозяйственной обработки земли*, даже если они приведут к сокращению занятости, но около 17% отрицательно настроены (рис. 6.8).



Рис. 6.8. Отношение сельских жителей к изменениям
в технологиях сельскохозяйственной обработки земли
(«Как Вы относитесь к тому, что произойдут изменения в технологиях сельскохозяйственной обработки земли, которые помогут решению проблемы пыльных бурь в вашем селе, районе, но, возможно, приведут к сокращению занятости?»), % (опросов 2013 г.)

Из интервью с экспертом – представителем районной администрации (Михайловский район, 2013 г.): *«Скорее всего, в будущем Михайловка – это будет село пенсионеров. Сюда будут приезжать, если работа будет... Но помимо этого здесь есть еще несколько причин. Вот, понимаете, раньше в сельском хозяйстве был же экстенсивный путь развития – все больше земель осваивали и т.п. А когда интенсивный путь идет, то людей много не надо, чтобы обрабатывать земли. Сейчас одним американским комбайном можно все земли Михайловского обработать. И поэтому людям деться некуда. Единственное… пенсионеры никуда не уедут, потому что им здесь жить... А вот именно эта молодежь, которая и есть генофонд…, так вот, генофонд будет уезжать».*

Значимой корреляции между миграционными намерениями сельских жителей, в частности молодежи, и отношением к переменам на селе, инновациям в сельском хозяйстве не обнаружено. Стремятся покинуть село как среди активно поддерживающих инновационные изменения (даже если это ведет к снижению занятости местных жителей), так и среди тех, кто относится к ним крайне отрицательно. Вместе с тем именно среди тех, кто не хочет уезжать из села, больше равнодушно относящихся к изменениям последних лет на селе и к инновациям в сельском хозяйстве.

Что является для хозяйств сдерживающим фактором перехода к новым технологиям в землепользовании? Помимо проблем технического характера (например связанных с ремонтом иностранной техники) признавались сложности освоения работниками такой техники. Для старшего поколения и механизаторов с низким образованием также существует проблема гомеостаза, связанная с привычкой работать на старой отечественной технике, но это менее значимая проблема. Среди социально-экономических препятствий для перехода к инновационным методам выделяется сокращение рабочих мест, поскольку для многих руководителей хозяйств важным является социальное благополучие села[1]. Например один из краевых лидеров по внедрению инноваций в сельском хозяйстве признался в интервью, что *«знает, как можно повысить эффективность производства, но не будет этого делать, поскольку будет вынужден сократить значительную часть работников»*.

Вместе с тем мотивация к внедрению инновационных технологий довольно высока: до последних двух-трех кризисных лет около половины руководителей хозяйств потенциально были готовы приобрести такую технику. Главными барьерами для них являлись не только ограниченные финансовые возможности, но и недостаток информации о явных преимуществах таких технологий, полученной на основе опыта других хозяйств.

* * *

Итак, анализ *социальной среды внедрения инноваций в сельских сообществах* Алтайского края позволил выявить *неравномерность и противоречивость ее развития.* С одной стороны, *сохраняются и нарастают в последние годы масштабные проблемы* низкой оплаты труда, безработицы, оттока молодежи из села и нехватки квалифицированных кадров (молодых специалистов), сокращения доступности базовых социальных услуг[2]. Преобладает негативное или равнодушное отношение к происходящим на селе переменам. Но с другой стороны, принципиальным изменением с начала 2000-х годов является *формирование значительного потенциала развития активной социальной среды внедрения инноваций в сельском хозяйстве и сельских сообществах в целом*, основанного на непрерывном нарастании объемов трансфера информации и знаний, существенном повышении значимости образова-

[1]См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; Ее же. **Внутренняя** социальная политика агробизнеса в Алтайском крае: современные практики, тенденции и факторы развития // Актуальные проблемы социологии бизнеса: сборник статей / под ред. В.В. Нагайцева. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. – С. 24–40**; Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.

[2]См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 7 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 132–140; Ее же. Тренды и драйверы социального развития сельских территорий Алтайского края: инновационные аспекты исследования // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 4–5 февраля, 2016 г. / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул : АЗБУКА, 2016. – С. 241–246.

ния и квалификации, формировании новых каналов трансфера знаний. Этот потенциал основан на довольно высокой мотивации сельского бизнеса к внедрению новых технологий, на желании работников обучаться и работать на такой технике и в целом на позитивном отношении сельского населения к инновациям, даже несмотря на последствия сокращения рабочих мест.

Хотя кризисные явления в экономике с конца 2014 г. «пошатнули» вероятность реализации данного потенциала, а также привели к обеспокоенности сельских жителей возможным сокращением госпрограмм поддержки села и сельского хозяйства, – реализовать такой потенциал по-прежнему можно различными путями, среди которых большое значение имеют развитие традиционных и новых специальных каналов трансфера знаний (путем усиления взаимосвязей хозяйств, образовательных учреждений, колледжей, вузов, центров занятости, поставщиков сельхозтехники и местных органов), активное государственное стимулирование внедрения инноваций в сельском хозяйстве (через развитие кредитно-денежных, ценовых и других механизмов регулирования).

Особое внимание в государственной политике должно быть уделено сокращению миграционного оттока сельской молодежи как важнейшего ресурса инновационного развития[1]. В условиях активного сокращения молодежи в структуре сельского населения, сохранения ее значительного объема миграционных настроений необходимо учитывать неоднозначные последствия модернизации сельского хозяйства, внедрения агротехнологических инноваций: последние срабатывают как на притяжение, так и на выталкивание из села молодых специалистов. К таким последствиям относится также формирование более крупноселенной системы расселения, поскольку дисперсность поселений не требуется для высокотехнологичного сельского хозяйства, а большинство небольших деревень, особенно удаленных от городов и крупных сел («мелкая периферия»), не выдержат конкуренции по комфортности проживания и созданию высокотехнологичных рабочих мест. Даже в кризисных условиях для устойчивого развития сельских территорий в государственной политике должен формироваться акцент на сохранении в сельских поселениях инфраструктурного ядра социальной сферы, обеспечении доступности базовых социальных услуг (здравоохранения, образования, культурно-досуговой сферы) и стимулировании сельского бизнеса и общественных структур, участвующих в социальной поддержке села.

[1] Подробнее см. п. 8.3 монографии.

Глава 7
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА КРАЯ

7.1 ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Вопросы повышения производительности труда имеют фундаментальное значение для роста экономики и ее конкурентоспособности, повышения уровня жизни населения и укрепления социальной стабильности в обществе, сохранения политической независимости и обеспечения национальной безопасности. В условиях усиливающихся демографических ограничений, глобальной экономической неопределенности и нарастающего санкционного давления их актуальность существенно возрастает.

Необходимость специального рассмотрения производительности труда на региональном уровне обусловлена ее значительной межрегиональной дифференциацией, а также разной интенсивностью воздействия общих и наличия на местах специфических факторов и барьеров ее роста. Для агропромышленных регионов, большинство которых отличается крайне низким уровнем производительности труда, эти вопросы в современных условиях приобретают особую значимость.

Производительность труда является объектом активного интереса со стороны отечественных и зарубежных ученых. Однако с началом рыночных преобразований в нашей стране проблемы производительности труда выпали из повестки дня. Многократно сократилось количество научных исследований и публикаций по данной тематике, показатели производительности труда исчезли из государственного статистического учета, а меры по ее повышению – из программных документов на уровне страны и регионов. И только после майских указов Президента 2012 г. интерес к изучению производительности труда стал восстанавливаться. В работах российских ученых – А. Аганбегяна, В. Бессонова, В. Гимпельсона, Е. Гурвича, Р. Капелюшникова, В. Кондратьева, Я. Кузьминова, Н. Михеевой, Е. Ясина и др.[1] – основное внимание уделяется проблемам измерения производительности труда, оценке ее уровня и тенденций изменения в сравнении с другими странами, изучению соотношения производительности и заработной платы, отраслевой и региональной дифференциации, анализу факторов и механизмов изменения производительности труда. Наряду с перечисленным зарубежные ученые рассматривают роль производительности труда в конкурентоспособности стран и регионов, изучают взаимосвязь производительности труда и справедливости в распределении доходов, определяют границы роста производительности труда и причины замедления темпов ее роста, строят регрессионные

[1] **Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г.** Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 7–44; **Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.** Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики: доклады X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля, 2009 г. – М. : ИД ГУ ВШЭ – 2009. – 66 с.; **Вакуленко Е., Гурвич Е.** Моделирование механизмов российского рынка труда // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 5–29; **Капелюшников Р.И.** Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 36–61; **Михеева Н.Н.** Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С. 6–28.

модели зависимости производительности труда от различных факторов – M. Alle, O. Blanchard, T. Dohmen, L. Katz, H. Lehmann, N. Meager, M. Porter, V. Schaffer, S. Speckesser и др.[1]

Анализу производительности труда на региональном уровне посвящены работы А. Зайцева, Н. Зубаревич, Б. Лавровского, Р. Мельникова, Н. Михеевой и др.[2] Однако изучению специфики производительности труда в агропромышленных регионах сегодня не уделяется достаточно внимания.

Предметом нашего исследования является производительность труда в одном из крупнейших агропромышленных регионов России – Алтайском крае.

Для оценки уровней и динамики производительности труда в регионе использовались данные Росстата об объемах валового регионального продукта (ВРП, до 1996 г. – оценка) и среднегодовой численности занятых в экономике. Измерение уровней производительности труда осуществлялось путем деления ВРП на численность занятых. Для определения уровней производительности труда в сопоставимых ценах объемы ВРП в текущих ценах пересчитывались в постоянных ценах 1995 г. с применением соответствующих индексов физического объема. Индексы производительности труда по экономике в целом рассчитывались как частное от деления индексов физического объема ВРП и индексов изменения среднегодовой численности занятых.

Для оценок уровней производительности труда по видам экономической деятельности (ВЭД, до 2004 г. в отраслях) бралось отношение производимой валовой добавленной стоимости (валовой продукции отраслей) к среднегодовой численности занятых соответствующими видами экономической деятельности (в отраслях). Расчет индексов производительности труда по ВЭД (отраслям) осуществлялся путем деления индексов физического объема выпуска по видам деятельности (валовой продукции отраслей) на индексы изменения среднегодовой численности занятых в них.

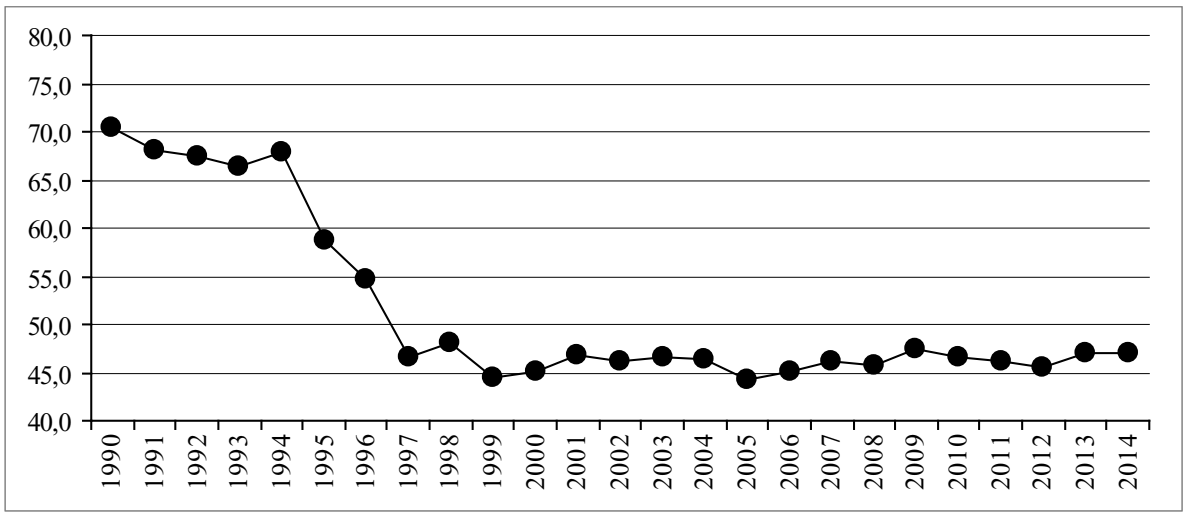
Авторы отдают себе отчет в том, что за столь продолжительный период времени неоднократно менялись методики учета как результатов экономической деятельности в регионе, так и затрат живого труда. При этом корректировка данных за предыдущий период либо не проводилась вовсе, либо проводилась, но на очень ограниченном отрезке времени, либо – за разные периоды времени для России и регионов. Вместе с тем на основе имеющейся информации самое общее представление об уровне производительности труда, тенденциях ее изменения и месте региона в общероссийских показателях составить можно.

---

[1] **Blanchard O., Katz L.** Wage dynamics: Reconciling theory and evidence. American Economic Review. – 1999. – Vol. 89, No 2. – Pp. 69–74; **Meager N., Speckesser S. Wages,** productivity and employment: A review of theory and international data. European Employment Observatory Thematic Expert ad-hoc Paper. Institude for Employment Studies. – 2011; **Dohmen T., Lehmann H., Schaffer V.** Wage policies of a Russian firm and the financial crisis of 1998: Evidence from personnel data – 1997 to 2002. Industrial and Labor Relations Review. – 2014. – Vol. 67, No 2. – Pp. 504–531; **Алле М.** Условия эффективности в экономике / пер. с фр. Л.Б. Азимова, А.В. Белянина, И.А. Егорова, Н.М. Калмыковой. – М. : Научно-издательский центр «Наука для общества». – 1998; **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли: Т. 6. Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – 720 с.

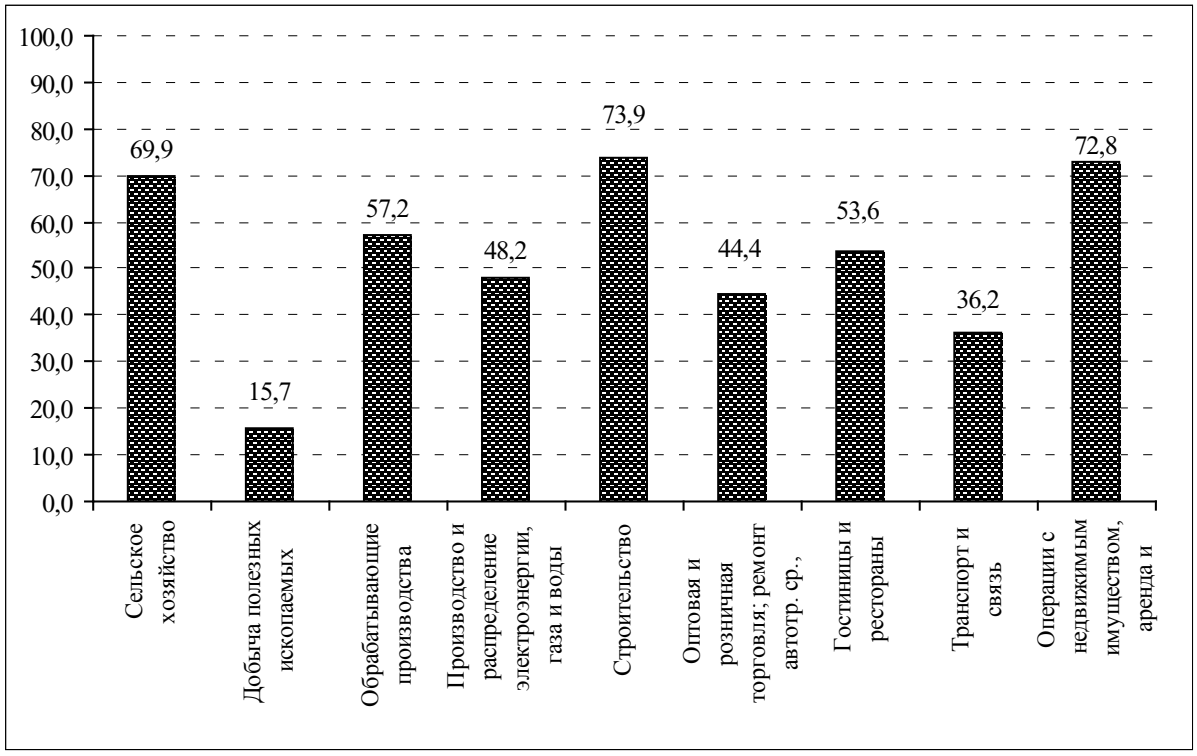
[2] **Зайцев А.** Региональная диагностика и отраслевой анализ производительности труда // Федерализм. – 2013. – № 1. – С. 54–77; **Зубаревич Н.В.** Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38–53; **Лавровский Б.Л., Мурзов И.А.** Большая Сибирь: тенденции производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 103–117; **Лавровский Б.Л., Позднякова И.В.** Самое важное, самое главное для победы // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 83–95; **Михеева Н.Н.** Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2. – С. 86–112.

По уровню производительности труда Алтайский край традиционно уступает большинству регионов России и существенно отстает от средних показателей по стране. К сожалению, со временем это отставание только нарастало. Если в 1990 г. производительность труда в регионе составляла около 70% от уровня РФ, то в 2014 г – менее 50% (рис. 7.1).



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.1. Производительность труда в Алтайском крае
по отношению к производительности труда в России, в ценах 1995 г., %

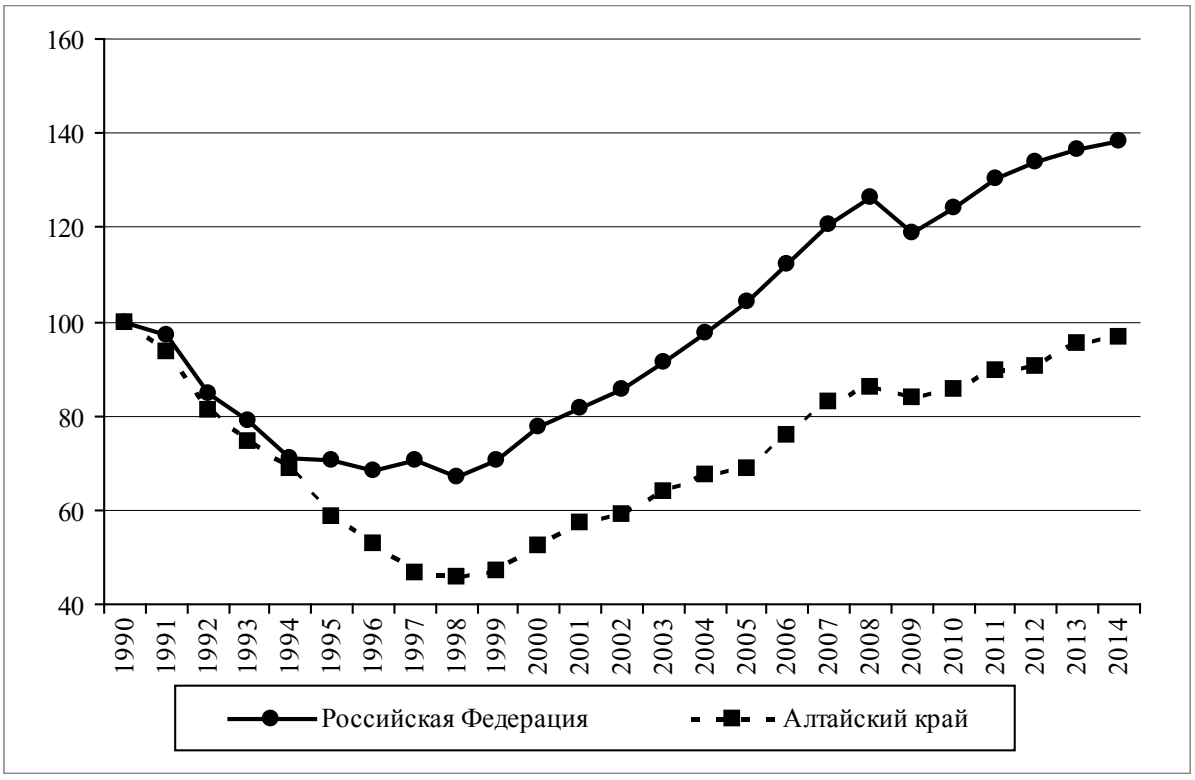


Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.2. Производительность труда по видам экономической деятельности в Алтайском крае относительно среднероссийских показателей в 2014 г., РФ = 100%

Картина отраслевых значений производительности труда в крае довольно многолика и в ряде отраслей специализации не столь удручающа. Так, в 2014 г. в важнейших видах экономической деятельности – сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах – она составляла 70 и 57% от соответствующих общероссийских показателей, строительстве и операциях с недвижимым имуществом – 74 и 73% соответственно, в торговле – 44%, на транспорте и предприятиях связи – 36%, а в добывающих отраслях – только 16% (рис. 7.2).

Динамика региональных уровней производительности труда носит ярко выраженный проциклический характер, в ней просматривается несколько волн повышения и понижения, выделяются долговременные позитивные и негативные тренды в сочетании с частыми краткосрочными незначительными колебаниями. Она характеризуется более глубоким по сравнению со среднероссийскими показателями падением в 1990-е годы и очень близким к этим показателям ростом и меньшим падением в 2000-е годы (рис. 7.3).



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 7.3. Динамика производительности труда в Алтайском крае и Российской Федерации, % к 1990 г.

В анализируемый период в движении производительности труда в Алтайском крае, как и в России в целом, можно выделить два качественно отличающихся друг от друга этапа. Первый этап пересекается с фазой российского трансформационного кризиса, охватившего все сферы жизнедеятельности и все регионы страны. Он распространяется на период до 1998 г. и характеризуется устойчивым снижением производительности труда темпами почти в два раза превышающими среднероссийские (табл. 7.1). Самыми драматичными в динамике производительности труда на этом этапе были 1995–1998 гг.

Таблица 7.1

Среднегодовые темпы снижения производительности труда в 1991–1998 гг., %

	1991–1994	1995–1998	1991–1998
Алтайский край	–8,9	–9,6	–9,3
Российская Федерация	–8,2	–1,5	–4,8

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Если обратиться к отраслевым показателям, то наибольшее падение производительности труда наблюдалось в машиностроении, легкой промышленности и торговле, а наименьшее – в сельском хозяйстве. По сравнению с общероссийскими индикаторами в краевых «отраслях-лидерах» и «отраслях-аутсайдерах» по динамике производительности труда темпы ее падения были в 2 и более раз ниже или выше, за исключением легкой промышленности (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Среднегодовые темпы снижения производительности труда в основных отраслях специализации экономики Алтайского края в 1991–1998 гг., %

Показатель	Алтайский край	Российская Федерация
Промышленность	–7,2	–3,9
В том числе:		
машиностроение	–13,3	–5,3
химия и нефтехимия	–6,3	–7,1
легкая промышленность	–14,6	–14,1
пищевая промышленность	–7,1	–7,8
Сельское хозяйство	–2,2	–5,7
Строительство	–6,0	–7,3
Транспорт	–8,4	–5,1
Розничная торговля	–15,7	–9,2

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Столь негативному развитию событий способствовали низкое стартовое положение экономики региона накануне рыночных реформ и крайне неблагоприятное сочетание факторов его экономического развития. Особо здесь следует выделить: разрыв традиционных экономических связей, прежде всего с новыми государствами Средней Азии (в бывшие союзные республики Алтайский край поставлял в основном зерно и продукцию сельхозмашиностроения, а получал от них хлопок и фрукты); высокую концентрацию в экономике региона предприятий военно-промышленного комплекса (преимущественно в машиностроении и химической отрасли), обвальное сокращение государственного заказа на продукцию оборонного назначения, непродуманную программно и ресурсно необеспеченную конверсию; в значи-

тельной мере аграрный характер региональной экономики с недостаточно конкурентным низкопроизводительным сельским хозяйством[1].

Последнее было обусловлено рядом объективных и субъективных причин. В частности, неблагоприятными климатическими условиями (Алтай – зона рискованного земледелия), устаревшей материально-технической базой, диспропорциями в развитии агропромышленного комплекса (доминированием производства сельскохозяйственного сырья и отставанием сельхозпереработки), диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, необоснованным ростом транспортных тарифов и др.

Перед началом рыночных преобразований доля предприятий упомянутых выше отраслей в общекраевом производстве превышала 80%. Именно на этих предприятиях произошел наибольший экономический спад в 1991–1998 гг., а многие из них были остановлены вовсе. По данным Алтайкрайстата, на предприятиях машиностроения и металлообработки объемы производства сократились в 7 раз, легкой промышленности – в 12 раз, химической и нефтехимической промышленности – в 2,5 раза. В натуральном выражении производство тракторов уменьшилось почти в 20 раз, паровых котлов – в 18 раз, дизелей и станков – в 10 раз, химических волокон – в 8 раз, лакокрасочных материалов – в 7 раз, хлопчатобумажных тканей – в 48 раз.

В аграрной экономике снижение производства оказалось существенно меньше по сравнению с промышленностью, но и здесь негативные процессы были налицо. Валовой сбор зерна в хозяйствах всех категорий сократился на 43%, производство мяса – на 25%, молока – на 30%, шерсти – на 62% и т.д. Интенсивность падения объемов производства в большинстве отраслей специализации алтайской экономики в 1,5–2,0 раза превышала среднероссийские показатели. При этом темпы сокращения численности занятых на предприятиях рассматриваемых отраслей хотя и превышали средние показатели по стране, но не столь значительно, и были существенно ниже темпов падания объемов производства.

Сохранение избыточной рабочей силы на предприятиях было характерно для всей страны и, по мнению российских и зарубежных ученых, было обусловлено целым комплексом общих и специфических факторов, в частности:

- экономической политикой государства, которое с целью предотвращения социального взрыва стимулировало излишнюю занятость, используя при этом целый арсенал инструментов от прямого субсидирования оказавшихся неэффективными предприятий до предоставления хозяйствующим субъектом дешевых кредитов и налоговых льгот в обмен на отказ от массовых увольнений;
- широким распространением неполной и неоплачиваемой занятости. В условиях экономического кризиса работодатели отдавали предпочтение не высвобождению работников, а снижению заработной платы, ее многомесячным задержкам, сокращению продолжительности рабочего времени;
- особенностями российской приватизации, при которой в руках трудовых коллективов оказался значительный пакет акций предприятий, и многие менеджеры предпочитали не вступать в открытый конфликт с работниками-акционерами;
- сохранением патерналистских установок и стереотипов поведения, сформировавшихся в советский период у значительной части директоров, а также их стремле-

[1] **Троцковский А.Я., Чертов Н.А**. Экономика Алтайского края в условиях реформирования. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. – 139 с.; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** и др. Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда). – Барнаул, 1996. – 193 с.

нием сохранить кадровый потенциал своих предприятий для возможного развития в будущем;

• значительными финансовыми и другими издержками, связанными с высвобождением излишней рабочей силы, необходимостью выплаты увольняемым работникам компенсаций в размере двух-трех окладов, их предварительного уведомления об увольнении за два месяца, согласования массовых увольнений с профсоюзами и региональными органами управления и получения согласия последних на подобные действия и др.[1]

В Алтайском крае действие выделенных факторов усиливалось аграрной спецификой его экономики и повышенной долей сельского населения. В сельской местности сокращение реальной заработной платы, невыплаты заработной платы и время ее задержек в разы были больше, чем в городах. Вынужденные неоплачиваемые отпуска и сокращенные графики работы на селе также были распространены в большей степени. Относительное число собственников среди селян превышало их число среди горожан, поскольку почти все взрослое сельское население в отличие от городского, наряду с акциями своих предприятий, получило в собственность земельные паи. Кроме того, в сельских сообществах более развита сеть неформальных связей, соседские и родственные отношения, им присущ больший консерватизм[2].

Таким образом, структурные диспропорции в экономике Алтайского края, более ярко выраженные деструктивные процессы в ее развитии в 1990-е годы и непропорциональное сокращение численности занятых вызвали обвальное падение производительности труда на первом этапе в экономике региона в целом и ее ведущих отраслях. Это падение было настолько глубоким, что не смотря на последующие 17 лет почти непрерывного роста, производительность труда не достигла дореформенного уровня и по сей день. Заметим, что, по нашей оценке и данным других исследователей, дореформенный уровень производительности труда в России был восстановлен в 2005 г.[3] Вместе с тем в анализируемый период были созданы некоторые предпосылки для роста экономики и производительности труда в дальнейшем. В частности, разработаны правовые основы рыночных отношений, создана новая банковская система, проведена приватизация и сформирован класс частных собственников, экономические субъекты накопили определенный рыночный опыт.

Второй этап в движении производительности труда охватывает 1999–2014 гг. На этот период пришлись фаза восстановительного роста (до 2008 г.), экономический кризис 2008–2009 гг. и фаза затухающего роста и стагнации 2010–2014 гг. В процессе изменения производительности труда здесь наблюдался долговременный позитивный тренд с падением в 2009 г., преодоленным уже в 2010 г. (табл. 7.3).

---

[1] **Обзор** занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М. : ТЕИС, 2002. – С. 99–101; **Капелюшников Р.И.** Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 308 с.; **Commander S., McHale J., Yamtsor R.** Russia // Unemployment, Restructuring and the Labour Market in Eastern Europe and Russia / ed. by S. Commander, F. Corichelli. – Washington : World Bank, 1995.

[2] **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. –330 с.; **Родионова Л.В., Родионова О.Е**. Региональный рынок труда: проблемы формирования и регулирования. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 204 с.

[3] **Лавровский Б.Л., Мурзов И.А.** Большая Сибирь: тенденции производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 103–117.

Таблица 7.3

Среднегодовые темпы прироста производительности труда в 1999–2014 гг., %

	1999–2008	2009	2010–2014	1999–2014
Алтайский край	5,9	–2,6	3,0	4,7
Российская Федерация	6,5	–6,2	3,1	4,9

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

На этом этапе производительность труда в Алтайском крае демонстрировала динамику, близкую к среднероссийской. До кризисного 2009 г. среднегодовые темпы прироста производительности труда составили почти 6% (табл. 7.3). Достаточно быстрый ее рост был обусловлен, во-первых, восстановлением производства на сохранившихся мощностях и наращиванием выпуска на новых предприятиях, а во-вторых, сокращением в отличие от России в целом численности занятых. Постоянно увеличивали объемы производства предприятия, работающие на местном сырье, интегрированные в экономику Сибири и торгующие с государствами Таможенного Союза. Расширялось производство продуктов питания, комбикормов, ликероводочных изделий, лекарственных средств и биологически активных добавок, росли поставки кокса, форсунок для двигателей внутреннего сгорания, котлов и других изделий.

Особые успехи были достигнуты в пищевой промышленности, включая мукомольно-крупяную. По данным Алтайкрайстата, производство муки в эти годы увеличилось более чем в 2 раза, растительного масла – в 4 раза, крупы, макаронных изделий и сыров – в 5 раз. Численность занятых в пищевой промышленности, хотя и выросла в эти годы, но существенно в меньшей степени. Предприятия сельхозпереработки были приближены к ресурсной базе и относительно равномерно размещены по территории края, что также способствовало сокращению затрат и повышению производительности труда, увеличению поступлений денежных средств в местные бюджеты и сохранению сельских поселений.

Восстановление государственного заказа оживило производство на ряде предприятий оборонного комплекса. Сохранение производственных мощностей и кадрового потенциала в годы кризиса позволило им достаточно быстро нарастить объемы производства.

Благодаря высокому качеству своих изделий некоторые алтайские предприятия вышли на рынки Китая, Монголии, Индии, Италии, Германии и др. Среди них следует выделить закрытые акционерные общества – «Алтайский завод прецизионных изделий» и «Алтан», открытые акционерные общества – «Алтайвагон», «Сибэнергомаш», «Пава», «Алейскзернопродукт», «Рубцовский молочный комбинат» и др.[1]

Увеличение объемов производства и сокращение численности занятых в экономике Алтайского края в целом обеспечили почти двукратный рост производительности труда в рассматриваемый период. При этом ее ускоренный рост был отмечен в добыче полезных ископаемых, некоторых видах обрабатывающих производств (в частности, производстве продуктов питания, пластмассовых изделий, транспортных средств и оборудования, полиграфической деятельности), строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе. В таблицах 7.4 и 7.5 представлены среднегодовые темпы прироста производительности труда по отраслям специализации экономики Алтайского края в 1999–2004 гг. и укрупненным видам экономической деятельности 2005–2014 гг. на общероссийском фоне.

[1] **Мищенко В.В.** Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 423 с.

Таблица 7.4

Среднегодовые темпы прироста производительности труда в основных отраслях специализации экономики Алтайского края в 1999–2004 гг., %

Отрасль	Алтайский край	Российская Федерация
Промышленность	9,1	7,2
В том числе:		
машиностроение	10,7	13,2
химия и нефтехимия	5,4	9,8
легкая промышленность	26,4	10,8
пищевая промышленность	5,0	6,7
Сельское хозяйство	5,5	8,4
Строительство	7,8	9,5
Транспорт	7,9	4,0
Розничная торговля	6,6	3,6

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

В кризисный 2009 г. производительность труда в крае снизилась. Однако в промышленности и сельском хозяйстве она продолжала расти (см. табл. 7.5). Падение производительности труда в регионе в силу отраслевой специфики его экономики было менее глубоким по сравнению с производительностью труда в Российской Федерации в целом, а восстановление более быстрым. Уже в 2010 г. рост производительности труда возобновился, и ее уровень превысил докризисный. Вместе с тем динамика производительности труда заметно ухудшилась, среднегодовые темпы ее прироста в 2010–2014 гг. сократились почти в 2 раза (см. табл. 7.3 и 7.5).

Снижение темпов роста производительности труда в анализируемый промежуток времени в Алтайском крае, как и в России в целом, связывают с исчерпанием традиционных источников роста (в первую очередь постоянно растущей природной ренты, перераспределяемой во все сектора экономики и регионы страны), отсталой структурой экономики, износом основных фондов и крайне низкой инвестиционной активностью в предшествующие годы[1]. Более глубокий анализ ключевых факторов регионального развития дан в главах 4–6, 8–10 настоящей монографии.

Изменение производительности труда по видам экономической деятельности в рассматриваемый период оценивается неоднозначно. Более высокими темпами она росла в обрабатывающих производствах, на транспорте и предприятиях связи, в строительстве и сфере гостиничного обслуживания; темпы роста производительности труда в торговле были на уровне средних, а добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство по этому показателю попали в аутсайдеры (см. табл. 7.5).

В целом за 1999–2014 гг. производительность труда в регионе увеличилась в два с лишним раза. Самый интенсивный ее рост наблюдался в строительстве, добыче полезных ископаемых и операциях с недвижимым имуществом, а меньше всего она выросла в торговле и сельском хозяйстве.

[1] **Аганбегян А.Г.** Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

Таблица 7.5

Среднегодовые темпы прироста производительности труда по основным видам экономической деятельности в 2005–2014 гг., %

Показатель	2005–2008		2009		2010–2014		2005–2014	
	Алтайский край	Россия	Алтайский край	Россия	Алтайский край	Россия	Алтайский край	Россия
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,4	7,0	31,7	1,7	–3,0	4,9	1,7	3,6
Добыча полезных ископаемых	23,7	2,6	10,9	3,6	–1,2	2,6	6,1	1,8
Обрабатывающие производства	4,8	6,7	1,4	–5,1	4,7	6,3	2,9	3,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,8	1,8	2,4	0,8	0,6	1,3	2,1	1,0
Строительство	16,0	7,8	–11,8	–10,7	12,4	2,0	7,3	1,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	7,9	8,0	–21,9	–12,5	3,3	2,2	1,5	1,9
Гостиницы и рестораны	15,3	11,5	–30,4	–14,7	6,6	2,5	3,6	2,7
Транспорт и связь	10,2	9,1	–11,9	–8,3	5,2	3,7	3,5	3,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,1	10,6	7,4	–4,1	5,3	1,6	4,9	3,0

К сожалению, обобщающими данными для оценки динамики производительности труда в Алтайском крае в 2015–2016 гг. на момент подготовки настоящего раздела авторы не располагали. Однако на основе анализа отдельных показателей можно сделать вывод о том, что производительность труда по основным видам экономической деятельности в эти годы преимущественно росла. Устойчивое движение к росту демонстрировала производительность труда в обрабатывающих производствах, энергетике и сельском хозяйстве. Многие предприятия пищевой и легкой промышленности, химической и деревообрабатывающей отраслей, некоторых сегментов машиностроительного комплекса и фармацевтики, а также растениеводства и животноводства сумели нарастить объемы производства, снизить издержки и повысить эффективность использования живого труда. При сохранении отмеченных тенденций и прочих равных условиях, в 2017 г. производительность труда в экономике Алтайского края должна, наконец-то, превысить уровень 1990 г.

Вместе с тем снижение реальных доходов населения и доступности кредитных ресурсов и, как следствие, потребительского спроса, а также более медленное сокращение занятости негативно отразилось на динамике производительности труда в торговле, строительстве и в сфере услуг.

Темпы роста производительности труда в большинстве из упомянутых выше отраслей в анализируемый промежуток времени превосходили среднероссийские, а темпы ее сокращения были ниже. В ряде отраслей рост производительности труда в крае происходил на фоне ее падения в соответствующих отраслях России в целом.

Такому развитию событий в регионе способствуют благоприятные погодные условия в последние два года и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, западные санкции и ответное продовольственное эмбарго со стороны Российской Федерации, военные угрозы и возрождение оборонного комплекса. Мы становимся свидетелями того, как наши структурные недостатки перед началом рыночных реформ превращаются в современных условиях в наши конкурентные преимущества. И нужно воспользоваться настоящим моментом для создания в Алтайском крае более эффективной экономики.

7.2 ОПЛАТА ТРУДА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РЕГИОНА

Уровень оплаты труда работников является одним из основных показателей состояния экономики региона. Исходя из теории М. Портера, именно состояние спроса, определяемое уровнем дохода, предпочтениями покупателей и т.п., является одним из основных элементов формирования конкурентных преимуществ[1]. С нашей точки зрения, получаемые доходы в форме заработной платы, с одной стороны, являются основным источником воспроизводства рабочей силы[2], а с другой – через расходы работников, – основой прироста прибыли предприятий за счет создания и развития в регионе внутреннего рынка. Единство данных концептуальных положений в понимании сущности заработной платы выступает предпосылкой в исследовании оплаты труда как фактора формирования конкурентных преимуществ региона на фоне происходящих трансформационных процессов 1990–2015 гг.

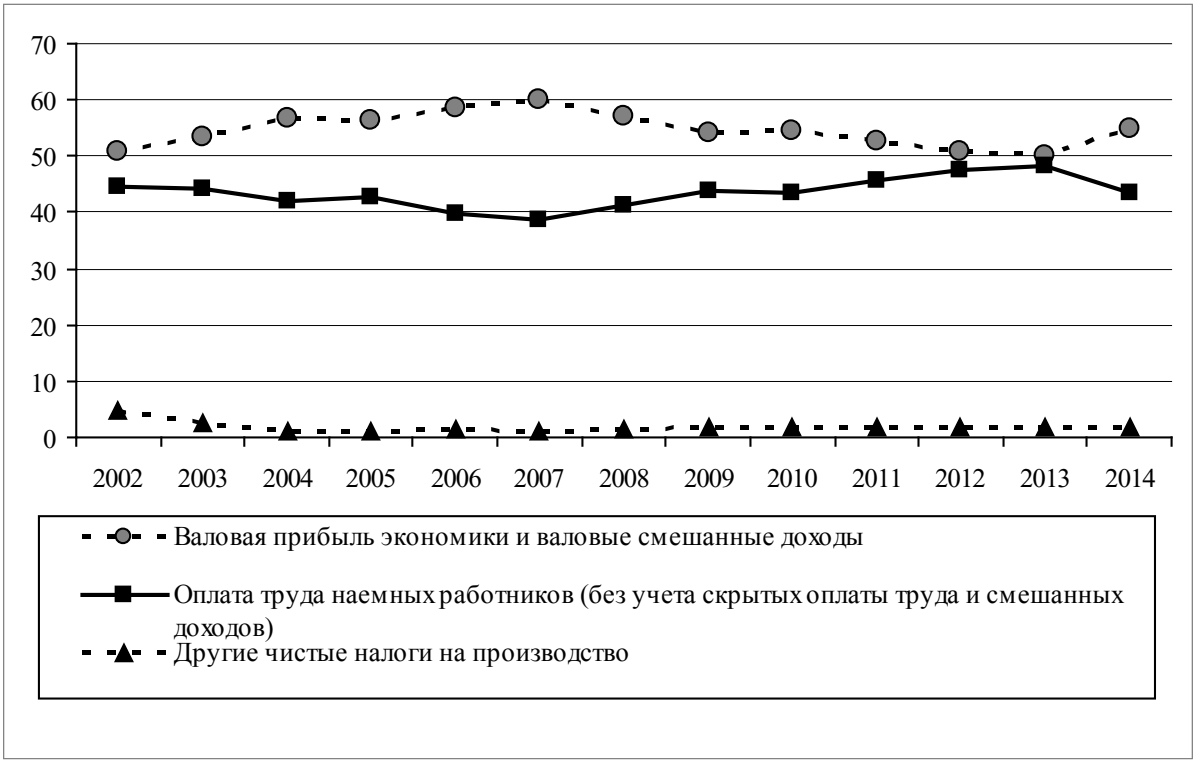
Исследование динамики заработной платы направлено на изучение основных тенденций изменения оплаты труда в Алтайском крае на этапах трансформационного кризиса 1992–1998 гг., восстановительного роста 1999–2008 гг., кризиса 2008–2009 гг., а также следующего за ним нового этапа восстановительного роста 2010–2011 гг. с последующим периодом стагнации экономики в 2012–2015 гг. Учитывая приведенную особенность анализа, а также обозначенные выше концептуальные положения в понимании сущности заработной платы, важным методическим аспектом исследования является рассмотрение динамики заработной платы в регионе с учетом происходящих за выделенные периоды изменений ВРП, индекса потребительских цен, среднегодовой численности занятых и др.

---

[1] См. подробнее: **Портер М.** Конкурентные преимущества стран // Вехи экономической мысли. – Т. 6: Международная экономика / под. общ. ред. А.П. Киреева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М. : ТЕИС, 2006. – С. 555.

[2] Основываясь на трудовой теории стоимости, К. Маркс определял стоимость рабочей силы рабочим временем, необходимым для ее производства и существования. В частности, он писал: «Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности». Но помимо удовлетворения естественных потребностей в пище, одежде, жилье и т.п., «сумма жизненных средств» должна быть достаточной для воспитания детей и тем самым включать «жизненные средства … детей ...». См. подробнее: **Маркс К.** Избранные сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – В 9-ти т. – Т. 7. – М. : Политиздат, 1987. – С. 162–163.

Макроэкономические основы исследования оплаты труда позволяют рассмотреть основные экономические пропорции, сложившиеся в экономике в распределении первичных доходов в структуре валового продукта[1]. За период 2002–2014 гг. доля оплаты труда наемных работников в формируемом валовом региональном продукте Алтайского края принимала значения от 40 до 50%. Так, с 2002 по 2007 год наблюдалось снижение удельного веса данного показателя в структуре образования ВРП. Во многом подобная тенденция объяснима тем, что на этом этапе происходило восстановление экономики России от последствий предыдущего периода кризиса (1992–1998 гг.). Ежегодный рост номинального объема производимого валового регионального продукта в экономике Алтайского края осуществлялся за счет увеличения удельного веса валовой прибыли и валовых смешанных доходов в его структуре. Соответственно, доля оплаты труда наемных работников снизилась за период с 2002 по 2007 год на 5,7 п.п. достигнув в 2007 г. уровня 38,8% от образуемых доходов в ВРП Алтайского края. Увеличение валовой прибыли Алтайского края за этот период составило 9,5 п.п., и к 2007 г. превысило 60% (рис. 7.4).



Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2002–2014 гг.

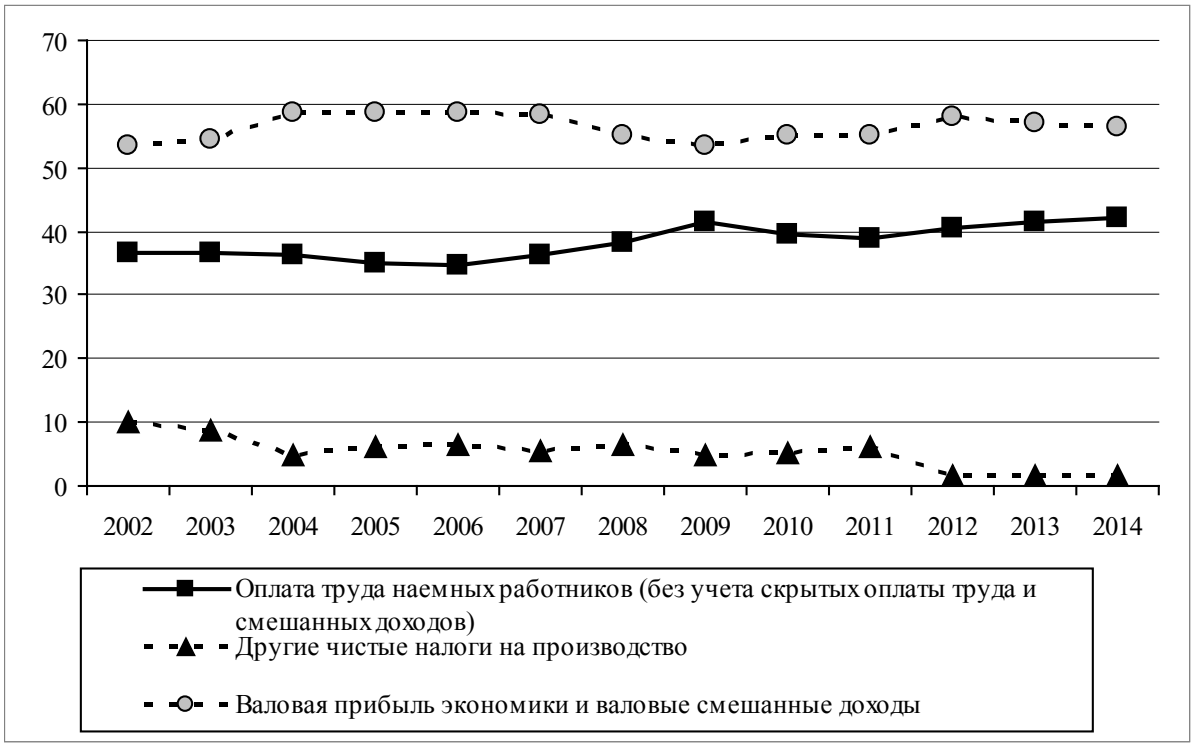
Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.4. Структура формирования валового регионального продукта в Алтайском крае по источникам доходов, %

[1] Согласно распределительному методу, при определении валового продукта в основе добавленной стоимости учитываются такие виды первичных доходов: оплата труда наемных работников, налоги, валовая прибыль и валовые смешанные доходы. См. подробнее: **Агапова Т.А., Серегина С.Ф.** Макроэкономика: учебник / под общ. ред. д.э.н., проф. А.В. Сидоровича; МГУ им. М.В. Ломоносова. – 6-е изд. – М. : Издательство «Дело и Сервис», 2004. – С. 28.

Наступление кризиса 2008 г. послужило причиной снижения удельного веса валовой прибыли экономики в объеме создаваемого ВРП Алтайского края на 5,9 п.п. в 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. Данное уменьшение объема валовой прибыли и валовых смешанных доходов в экономике продолжилось до 2014 г. В 2013 г. данный показатель составил 50,1% в структуре формирования ВРП Алтайского края. Однако в 2014 г. было зафиксировано увеличение доли валовой прибыли и валовых смешанных доходов в ВРП Алтайского края на 4,6 п.п. Столь существенное увеличение этого вида дохода в формируемом валовом продукте на территории региона не является положительным изменением с точки зрения развития экономики. Поскольку основой данного показателя стало не увеличение производства ВРП Алтайского края, темп роста которого по данным статистики в 2014 г. составил 100,4% относительно его величины за 2013 г. Основой для увеличения удельного веса валовой прибыли в формируемом валовом продукте стало снижение доли оплаты труда на 4,5 п.п.

Доля оплаты труда наемных работников в валовом региональном продукте в среднем по регионам РФ за период с 2002 по 2014 год в целом также имела тенденцию роста. Однако в сравнении с экономикой Алтайского края, увеличение данного показателя в среднем по российской экономике началось с 2007 г. Кризис 2008 г. способствовал росту доли оплаты труда на 2,1 п.п. от уровня предыдущего года. Пик роста данного показателя был достигнут в 2009 г., составив 41,6% в структуре ВРП в среднем по субъектам Российской Федерации (рис. 7.5).



Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2002–2014 гг.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.5. Структура формирования валового регионального продукта в среднем по субъектам Российской Федерации по источникам доходов, %

В период с 2007 по 2009 год в российской экономике также наблюдалось снижение валовой прибыли. Однако в последующий этап посткризисного восстановления российской экономики, в отличие от экономики Алтайского края, происходил рост валовой прибыли и валовых смешанных доходов. Так, в 2012 г. в сравнении с уровнем 2009 г. увеличение данного показателя составило 4,5 п.п. Изменение доли оплаты труда наемных работников в ВРП регионов России в этот период имело иную траекторию, нежели в экономике Алтайского края. С 2009 по 2011 год было зафиксировано падение данного показателя на 2,7 п.п. Однако в 2012 г. произошло увеличение доли оплаты труда наемных работников в ВРП в среднем по регионам России на 1,5 п.п., вызванное падением доли чистых налогов на производство в общей структуре формирования валового регионального продукта. В 2013 г. доля оплаты труда в ВРП регионов РФ вернулась к уровню 2009 г., а в 2014 г. достигла 42%. Доля валовой прибыли в 2014 г. снизилась в сравнении с уровнем 2012 г. на 1,6 п.п., составив 56,4% в формируемом ВРП в среднем по регионам России.

Сформировавшуюся в последние годы в целом в российской экономике тенденцию роста доли заработной платы в валовом продукте В. Мау охарактеризовал как проявление «социально-ориентированной особенности» новой модели роста. Характеристикой данной особенности стало «смещение баланса между трудом и капиталом в пользу труда»[1]. Однако исходя из сложившейся структуры экономики Алтайского края, обозначенная тенденция, на наш взгляд, имеет иное научное объяснение.

Обеспечение роста ВРП на данном этапе посткризисного восстановления экономики Алтайского края происходило во многом за счет увеличения доли оплаты труда наемных работников. Наступление кризиса 2008 г. и проявление его последствий в 2009–2013 гг. послужило причиной снижения удельного веса валовой прибыли экономики в объеме создаваемого ВРП Алтайского края по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. На первый взгляд зафиксированный рост доли оплаты наемного труда в валовом региональном продукте в этот период можно оценить как увеличение платежеспособного спроса, способного за счет возросшего потребления расширить рынки сбыта готовой продукции в регионе. Подобный подход способен стать основной формирования новых конкурентных преимуществ региона и развития его экономики в долгосрочной перспективе. Однако в 2014 г. произошло изменение данных тенденций, и соотношение показателей оплаты труда и валовой прибыли в структуре ВРП Алтайского края вернулось к уровню 2010 г.[2]. Признать позитивными произошедшие изменения с точки зрения формирования предпосылок для развития экономики региона не приходится. Поскольку изменение данных структурных пропорций произошло за счет номинального увеличения валовой прибыли, полученной предприятиями в Алтайском крае, при одновременном снижении объема оплаты труда в валовом продукте.

Из данных, приведенных в таблице 7.6, видно, что за период с 2005 по 2014 год происходило снижение удельного веса оплаты труда в общей структуре в таких ведущих видах экономической деятельности, как сельское хозяйство и обрабатывающие производства, а также в сферах транспорта и связи.

Несмотря на выделенные тенденции, за обозначенный период в экономике Алтайского края сохранялся рост номинального ВРП за счет данного источника дохода. Исследование структуры оплаты труда наемных работников свидетельствует о том,

[1] **Мау В.** В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 12.

[2] Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 22.04.2016 г.).

Таблица 7.6

Динамика удельного веса оплаты труда наемных работников по видам экономической деятельности в формировании ВРП Алтайского края в 2005–2014 гг., %

Виды экономической деятельности	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Основные виды экономической деятельности										
Сельское хозяйство	7,7	6,7	7,3	7,2	9,1	8,6	8,3	6,9	6,8	5,7
Обрабатывающие производства	18,0	19,2	19,1	17,4	14,8	15,6	17,5	15,8	14,3	16,6
Оптовая и розничная торговля	7,2	6,5	7,3	8,4	8,8	11,7	10,9	13,5	14,3	11,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,4	6,1	5,6	5,4	5,9	5,9	5,5	7,4	6,3	6,3
Справочно										
Транспорт и связь	17,2	9,6	9,2	10,2	7,7	7,5	7,6	5,9	9,1	7,8
Государственное управление	11,4	17,5	17,9	18,0	18,7	17,0	15,0	16,5	16,0	17,2
Образование	11,3	10,9	10,0	10,0	10,6	8,9	9,6	9,5	9,5	10,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	10,5	11,5	11,6	12,3	12,3	11,0	11,0	11,2	11,1	12,8

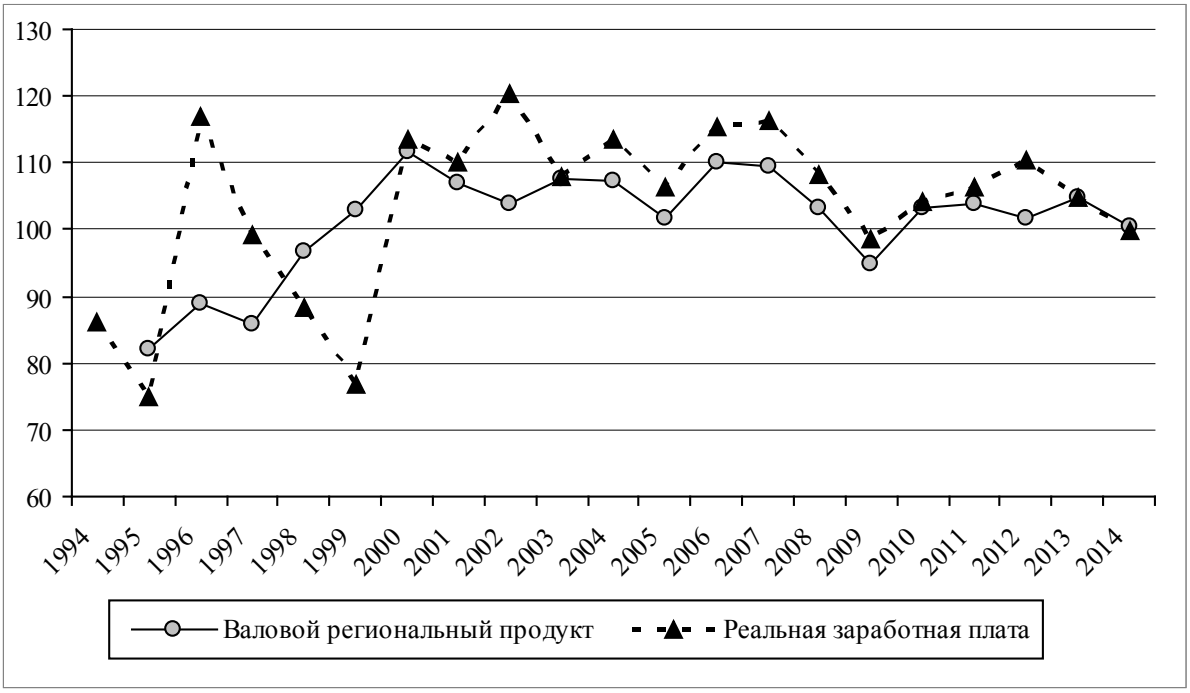
Примечание. Ввиду ограниченности сопоставимой статистической информации, при проведении анализа были использованы данные за 2005–2014 гг.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

что оплата наемного труда в основных для Алтайского края видах экономической деятельности (сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, торговле и в сфере недвижимости) составляет порядка 40% в формировании ВРП.

Увеличение удельного веса оплаты труда в формировании ВРП в 2014 г. в сравнении с 2005 г. было зафиксировано в сфере торговли (в 1,5 раза). Отличительной особенностью преобладающих тенденций в формировании валовой добавленной стоимости за счет оплаты труда наемных работников в российской экономике, в сравнении со спецификой формирования структуры ВРП Алтайского края, явилось увеличение доли оплаты труда в сферах здравоохранения, государственного управления, финансовой деятельности.

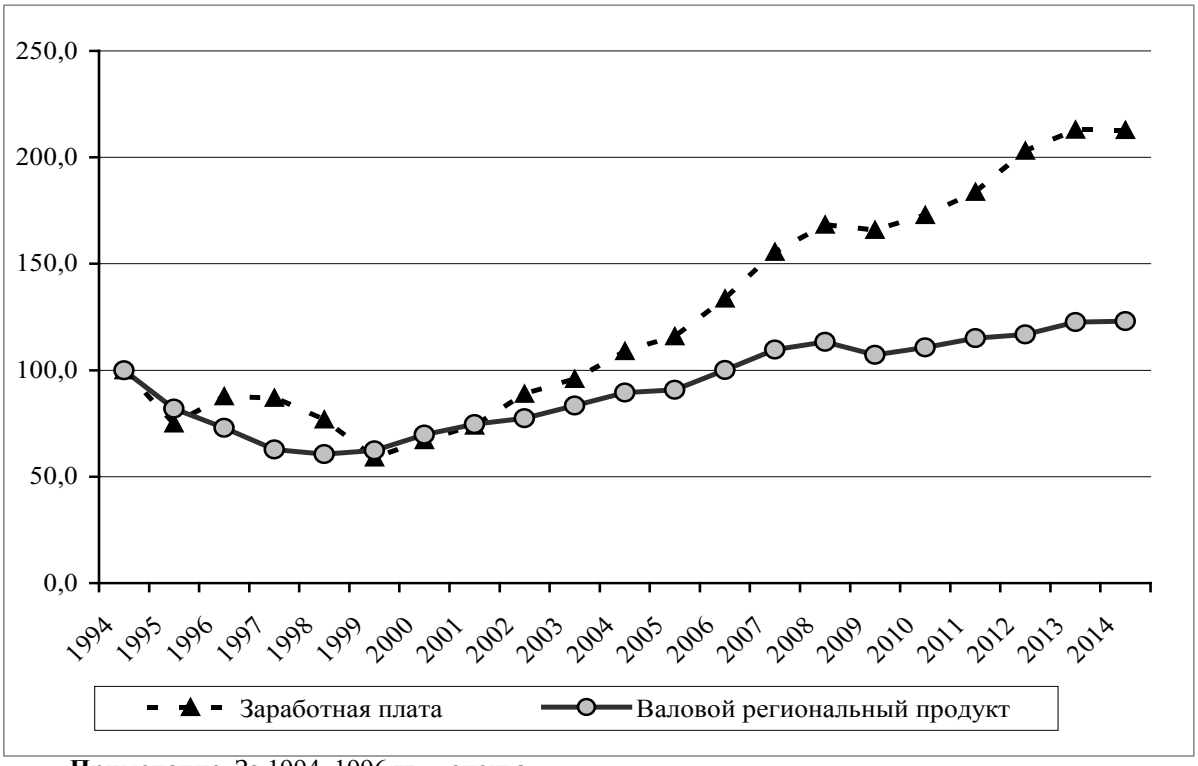
Динамика индексов физического объема ВРП и реальной заработной платы в Алтайском крае за 1994–2014 гг. свидетельствует о том, что заложенные тенденции в их изменении за первое десятилетие данного периода являлись определяющими в характеристике удельного веса заработной платы в ВРП в 2000-х годах. С 1994 по 2000 год (за исключением падения индекса физического объема ВРП от уровня предыдущего года на 3,1 п.п. в 1997 г.) в экономике Алтайского края преобладали ежегодные темпы роста ВРП (рис. 7.6).



Примечание. За 1994–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.6. Динамика индекса физического объема ВРП и объема реальной заработной платы в Алтайском крае в 1994–2014 гг., % к предыдущему году



Примечание. За 1994–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 7.7. Динамика ВРП и заработной платы в Алтайском крае в сопоставимых ценах, 1994 г. = 100%

С позиции существовавшего в российской экономике в этот период трансформационного кризиса данные темпы прироста валового продукта не способствовали выходу экономики Алтайского края из кризисного состояния. И вплоть до 1998 г. включительно происходило падение объема ВРП от уровня 1994 г. (рис. 7.7).

Проведенный анализ динамики оплаты труда в Алтайском крае показал, что в первом десятилетии экономических преобразований (до 2000 г.) происходило падение реального уровня средней заработной платы в регионе. После начала 2000-х годов, на фоне наметившейся стабилизации российской экономики, в Алтайском крае также стали формироваться тенденции роста реальной заработной платы. Однако ее изменения за период с 1994 по 1999 год несколько отличались от динамики ВРП. Отличия состояли в увеличении индекса реальной заработной платы в 1996 г. в сравнении с 1995 г. на 42 п.п. (см. рис. 7.6). Однако в последующие 3 года преобладавшие темпы ее ежегодного падения способствовали снижению реальной заработной платы в Алтайском крае в 1999 г. до 59% от уровня 1994 г. Начиная с 2000 по 2012 год ежегодные темпы роста реальной заработной платы были большими, чем темпы роста ВРП в регионе. Данный факт объясним прежде всего тем обстоятельством, что падение реальной заработной платы в период трансформационного кризиса было настолько существенным, что на последующем этапе восстановительного роста, начиная с 2002 г., ее темпы роста были больше темпов роста ВРП Алтайского края.

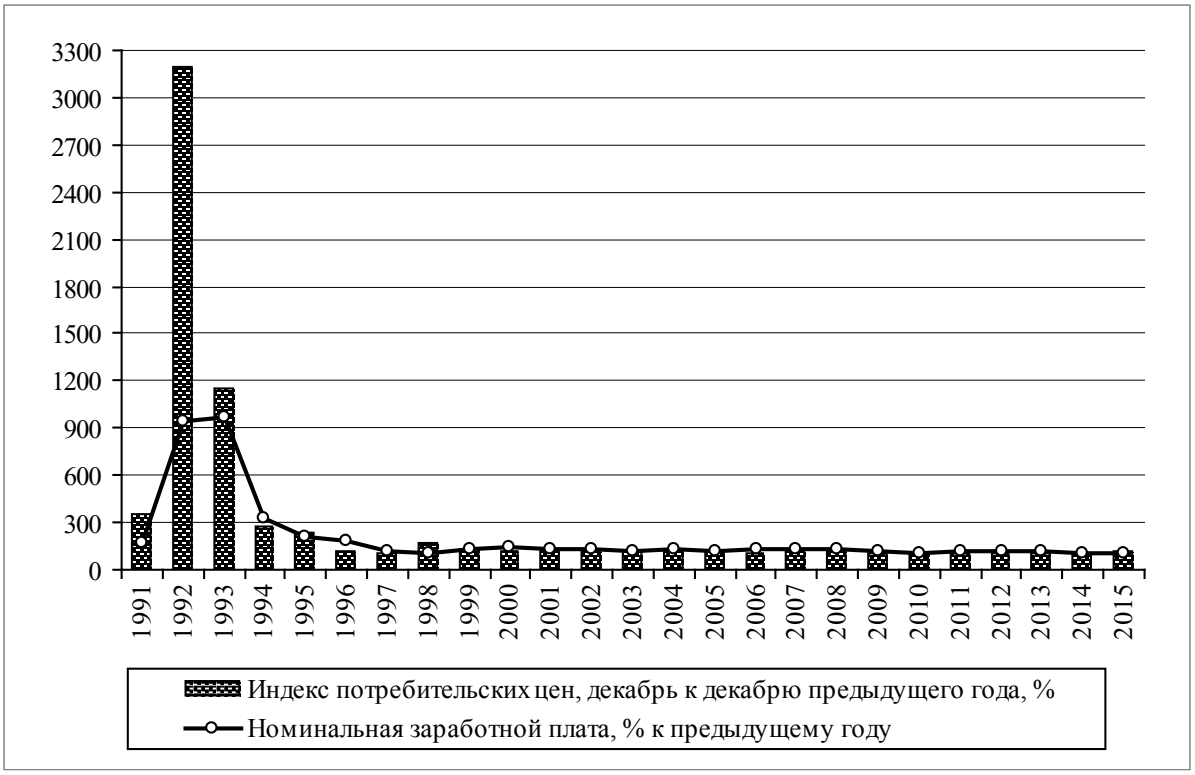
За 2013–2014 гг. данные тенденции изменились. В 2013 г. прирост ВРП и реальной заработной платы в экономике Алтайского края был одинаковым[1]. В 2014 г. прирост валового продукта составил 0,4%, а снижение реальной заработной платы составило 0,1% от уровня предыдущего года.

Анализ динамики номинальной заработной платы и индекса потребительских цен в Алтайском крае показал, что за первые 3 года рыночных реформ потребительские цены существенно превосходили уровень начисленной номинальной заработной платы в регионе. Несмотря на ежегодные темпы ее роста, превосходящие уровень цен (в 1996–1997 гг., 1999–2013 гг.), произошедшее обесценение средней заработной платы в 1991–1993 гг. не было компенсировано (рис. 7.8).

Период восстановительного роста (2000–2007 гг.) и наступление кризиса 2008 г. способствовали ежегодному увеличению средней номинальной заработной платы в регионе в среднем на 29% в год. При этом монетарного воздействия на экономику региона в этот период не было. Рост средней заработной платы в 2000–2008 гг. не оказал влияния на рост потребительских цен (в среднем 14%) в регионе в этот период.

Исследование среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности и среднегодовой численности занятых в них наемных работников позволяет оценить, насколько оплату труда наемных работников, как одного из источников дохода в валовом региональном продукте, можно рассматривать с позиции потенциальных расходов для формирования внутреннего рынка и развития экономики региона в целом.

[1] Особенностью российской экономики в 2013 г. было превышение темпов роста заработной платы над темпами роста ВВП. См. подробнее: **Мау В.** В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 12.



Примечание. 1994–1996 гг. – оценка.
Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 7.8. Номинальная заработная плата и индекс потребительских цен в Алтайском крае, %

Несмотря на происходящие положительные изменения в динамике величины средней заработной платы, по ряду ведущих отраслей в экономике региона получаемые трудовые доходы по-прежнему остаются ниже среднерегионального значения. Так, по официальным статистическим данным, в 2015 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, занятых в ведущих для экономики Алтайского края видах экономической деятельности, была ниже средней по региону[1]. В одной из ведущих отраслей специализации, какой является отрасль сельского хозяйства в Алтайском крае, – на протяжении всего анализируемого периода средняя заработная плата оставалась ниже средней по региону (за исключением 1990 г.). На этапе трансформационного кризиса 1992–1998 гг. заработная плата в данной сфере снизилась до 56% от средней по региону.

В сфере промышленности на протяжении 1990–1998 гг. заработная плата занятых превосходила среднее значение по региону (кроме 1994 г.). Аналогичная тенденция наблюдалась в сферах строительства, транспорта и связи. По данным статистики, в 1998 г. в данных сферах заработная плата составляла 116,0%, 151,8% и 165,3% от средней по региону соответственно. Еще большее значение средней заработной платы наблюдалось в сферах финансов и государственного управления – 220 и 176% от среднерегионального значения, соответственно. В отраслях социальной сферы (здравоохранении, образовании, культуры) заработная плата составляла в этот период 60–80% от средней по региону.

[1] **Алтайский** край в цифрах. 2011–2015 : крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – 2016. – С. 54.

В 1999–2008 гг. средняя заработная плата в рассматриваемых отраслях в сравнении со средним значением по региону в целом сохранила сформированные в предыдущем периоде пропорции. Так, в отрасли сельского хозяйства отставание средней заработной платы от среднего значения по региону сохранилось, а в начале 2000-х годов даже увеличилось. В 2005 г. данный показатель составил 50,3% от средней по региону.

В сфере промышленности в последующие 3 года после кризиса 1998 г. средняя заработная плата составляла 115–116% от среднерегионального значения. Однако начиная с 2002 г. данный показатель стал снижаться, и в 2007 г. в сфере обрабатывающих производств Алтайского края снизился до 96,7% от средней по региону. Прежнее значение наблюдалось в сфере производства и распределения электроэнергии – 110–130% от среднего значения по региону.

Сферами экономической деятельности, сохраняющими высокий уровень средней заработной платы относительно среднего значения по региону, оставались госуправление и финансовая деятельность. За 1999–2007 гг. средняя заработная плата работников сферы государственного управления составляла 155–178% от средней по краю, в финансовой деятельности – превосходила в 2,5–3,5 раза.

В сферах образования и здравоохранения заработная плата оставалась ниже средней по краю. Так, к 2007 г. в сфере образования заработная плата составляла 76,9% от средней по региону, в здравоохранении – 95%.

Этап мирового финансового кризиса 2008 г. и следующий за ним 2009 г. сопровождались ростом средней заработной платы по ряду отраслей. В сравнении с 2007 г. рост средней заработной платы в сельском хозяйстве относительно среднерегионального значения составил 9,3 п.п., в сфере операций с недвижимостью – 16,7 п.п. Снижение заработной платы в этот период произошло в сфере строительства, составив 16,4 п.п., финансов – 53 п.п., торговли – 5,4 п.п., здравоохранения – 4 п.п.

Следующий этап восстановления экономики Алтайского края, начавшийся в 2010 г., и продолжавшийся на протяжении 2011 г., положительно сказался на росте заработной платы в ведущих отраслях. Так, в сравнении с докризисным периодом 2007 г. и кризисом 2008 г., увеличение средней заработной платы произошло в сфере сельского хозяйства, обрабатывающих производств и торговли относительно среднего значения по экономике региона.

В 2012–2014 гг. на этапе стагнации экономики происходило увеличение номинального значения средней заработной платы в отраслях, и в экономике всего региона. Однако соотношение средней заработной платы по отраслям со средней по региону изменилось. Так, в ведущих отраслях экономики края в 2012–2013 гг. средняя заработная плата занятых в сельском хозяйстве увеличилась до 73% от средней по региону, в сфере торговли – до 77%.

Изменение заработной платы нельзя рассматривать без исследования динамики численности занятых. Среди основных факторов, сказавшихся на возрастании доли оплаты труда в ВВП, в докладе И.А. Погосова, Е.А. Соколовской обозначены структурные сдвиги, связанные с увеличением численности занятых в финансовой сфере и сокращением количества работников в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве[1].

В целом необходимо отметить, что за период 1990–2014 гг. в экономике Алтайского края произошло снижение общей численности занятых. На этапе трансформационного кризиса были сформированы изменения в структуре распределения занятых по

[1] **Погосов И.А., Соколовская Е.А.** Факторы долговременного экономического роста в России: научный доклад. – М. : Институт экономики РАН, 2015. – С. 20–21.

отраслям экономики. Прежде всего, начиная с 1991 по 1998 год, в экономике Алтайского края происходило снижение среднегодовой численности занятых. В этот период в сфере сельского хозяйства численность занятых уменьшилась, но в общей структуре занятых в экономике края ее доля составила 21–23%. Существенные изменения в структуре занятых за этот период произошли в сфере промышленности. Если в 1990 г. в общей структуре занятых в экономике Алтайского края около 30% было занято в сфере промышленности, то в 1998 г. была занята только пятая часть. Аналогичные изменения произошли в сфере строительства. Снижение численности занятых в общей структуре с 10,6% в 1990 г. до 6,2% в 1998 г. при сохранении в этот период заработной платы, превышающей среднерегиональное значение, несло в себе отрицательные тенденции для экономического развития края.

Завершение этапа трансформационного кризиса сопровождалось снижением общей численности занятых в экономике Алтайского края. Распределение занятых в ведущих для экономики края отраслях в 1998 г. свидетельствует о сокращении общей численности в сфере промышленности до 20,4%, в сельском хозяйстве – до 21,8%. В торговле среднегодовая численность занятых увеличилась, составив в 1998 г. 13,1% от общей численности занятых в экономике Алтайского края.

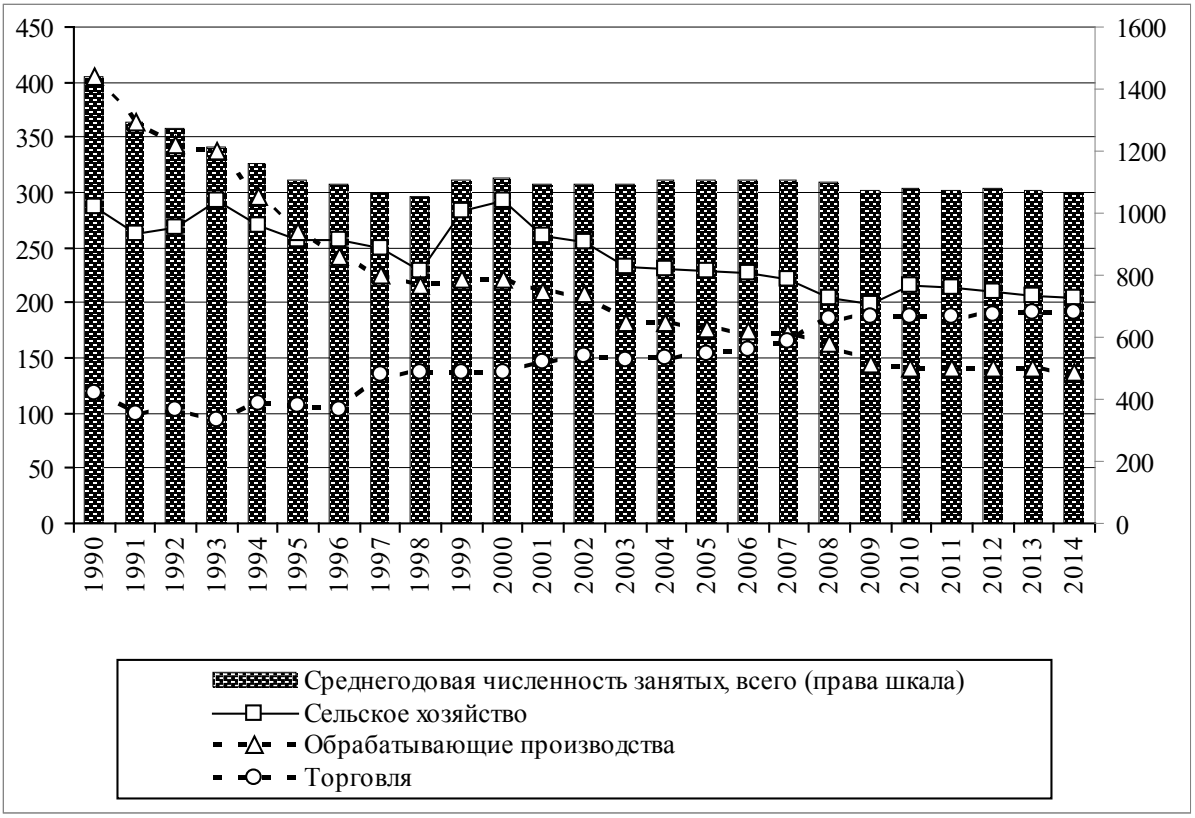
После кризиса 1998 г. наступивший этап восстановительного роста позволил увеличить среднегодовую численность занятых за 1999–2000 гг. в сфере сельского хозяйства до 291,9 тыс. чел. В последующие годы численность занятых в данной отрасли снижалась и в период наступления новой волны кризиса 2008–2009 гг. достигла 199,4 тыс. чел. Аналогичная тенденция наблюдалась и в сфере промышленности, достигнув минимального значения в сфере обрабатывающих производств до 139,9 тыс. чел. В 2010 г. в сфере торговли за период восстановительного роста приток численности занятых составил порядка 20%. Новая волна кризиса 2008–2009 гг. способствовала увеличению численности занятых до 187 тыс. чел. в данной сфере и сохранению наметившихся тенденций в обозначенных отраслях до 2014 г. В 2014 г. среднегодовая численность занятых в экономике Алтайского края уменьшилась до значения 1997 г., составив 1063,8 тыс. чел. (рис. 7.9).

Важным условием сохранения экономически активного населения на территории региона как одного из основных факторов формирования его конкурентных преимуществ является наличие рабочих мест с оплатой труда, позволяющей обеспечить необходимый уровень воспроизводства рабочей силы. Последнее предполагает, что нижней границей начисляемой оплаты труда наемных работников должен быть установленный в регионе прожиточный минимум, ниже которого воспроизводство рабочей силы является невозможным. Однако в 2015 г. заработная плата около 1/4 работников организаций в Алтайском крае была ниже величины прожиточного минимума[1], а для 5,1% работников от общей численности занятых в регионе[2] заработная плата была зафиксирована на уровне и менее установленного в РФ минимального размера оплаты труда[3]. Немногим больше, чем установленный МРОТ для внебюджетного сектора в Алтайском крае (от 5965,1 до 7400,0 руб.), получали в этот период 8,3% занятых (табл. 7.7).

[1] Труд и занятость в России. 2015: региональное приложение [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 12.03.2016 г.).

[2] **Сведения** о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: стат. бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

[3] Согласно ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 01.12.2014 г. № 408-ФЗ с 1 января 2015 г. МРОТ на территории Российской Федерации был установлен в размере 5965 руб. в месяц.



Примечание. С 1990 по 2002 год данные по численности занятых приведены в целом по отрасли «Промышленность».

Источник: Данные Росстата.

Рис. 7.9. Среднегодовая численность занятых в экономике Алтайского края в 1990–2014 гг., тыс. чел.

Таблица 7.7

Распределение численности работников организаций по размерам начисленной заработной платы в Алтайском крае за апрель 2015 г.

Величина начисленной заработной платы, руб.	Численность занятых, %
До 5965,0	5,1
От 5965,1 до 7400,0	8,3
От 7400,1 до 9000,0	7,8
От 9000,1 до 18600,0	38,5
От 18600,1 до 30000,0	23,5
От 30000,1 до 75000,0	15,5
От 75001,0 до 250000,0	1,3

Источник: **Сведения** о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 г.: статистический бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

Такой размер трудового дохода наемных работников не позволяет обеспечить удовлетворение минимальных потребностей в еде, одежде, жилье. В этом смысле у работника утрачивается экономический мотив для реализации своей рабочей силы и увеличения производительности труда. При таких условиях собственники рабочей силы теряют возможность не только для развития своего человеческого капитала при получении дополнительного образования и повышения квалификации, но и в целом для воспроизводства своей рабочей силы.

В основе сложившейся за годы экономических реформ дифференциации в размерах начисляемой заработной платы работников организаций Алтайского края отсутствует принцип научно обоснованного установления заработной платы работников, позволяющий сочетать специфику отраслей региона и уровень образования рабочей силы[1]. Данный факт подтверждается наличием существенной разницы в уровне средней заработной платы квалифицированных работников сферы промышленного производства, строительных организаций, транспорта и связи, ДПИ и средней заработной платы квалифицированных работников ЖКХ и торговли. Более того, заработная плата квалифицированных рабочих сферы промышленного производства, строительства, транспорта и связи в среднем не на много отличается от оплаты труда специалистов высшего уровня квалификации (табл. 7.8).

Таблица 7.8

Отклонение средней начисленной заработной платы работников организаций по занятиям от средней по Алтайскому краю в 2013 г., руб.

Показатель	Отклонение
Руководители организаций и их структурных подразделений (служб)	12629
Специалисты высшего уровня квалификации	3434
Специалисты среднего уровня квалификации	–1843
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	–6240
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	–6235
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	–6000
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	2384
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	1107
Неквалифицированные рабочие	–8061

Источник: Труд и занятость в России. 2015: региональное приложение [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 12.03.2016 г.).

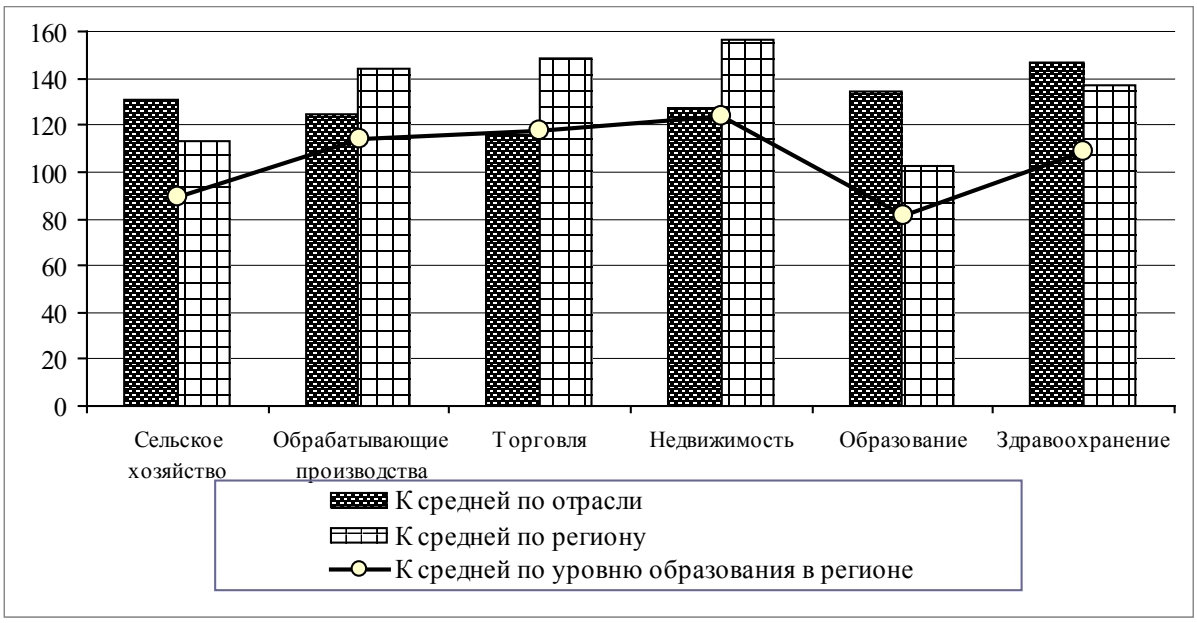
[1] Сохранение дифференциации в заработной плате как между работниками организаций различных отраслей, так между категориями работников, характерно в целом для российской экономики. См. подробнее: **Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.** Российская экономика на повороте [Текст] : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / Н.В. Акиндинова, Я.И. Кузьминов, Е.Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 17–18.

Установление заработной платы в отраслях экономики Алтайского края, исходя из уровня образования работников, имеет следующие особенности.

Во-первых, заработная плата работников, имеющих высшее образование, в 2015 г. превосходила как средний размер заработной платы, сложившийся в отдельно взятой отрасли, так и величину средней заработной платы по региону. Сравнительный анализ средней начисленной заработной платы работников с высшим образованием и величины средней заработной платы по региону для работников данного уровня квалификации позволяет выявить две отрасли – сельское хозяйство и образование, – где заработная плата была существенно ниже установленного среднерегионального значения (рис. 7.10).

Соотношение средней начисленной заработной платы работников, имеющих среднее профессиональное образование, со средней по региону заработной платой работников данного образовательного уровня позволило выявить сферы обрабатывающих производств, торговли и недвижимости, в которых заработная плата работников организаций Алтайского края превосходила средний уровень по региону на 29,7%, 34,4% и 6,6% соответственно.

Оплата труда работников, имеющих среднее общее образование, была ниже средней заработной платы по каждой отдельной отрасли. Оплата труда работников со средним общим образованием, занятых в торговле, недвижимости и обрабатывающих производствах, оставалась выше средней по соответствующему уровню образования в регионе (табл. 7.9).



Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 10.09.2016 г.), расчеты автора.

Рис. 7.10. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций Алтайского края в 2015 г. с высшим образованием, %

Таблица 7.9

Средняя начисленная заработная плата работников организаций Алтайского края в 2015 г. по уровню образования, %

Вид экономической деятельности	К средней по отрасли			К средней по уровню образования в регионе		
	высшее	среднее профобразование	среднее общее	высшее	среднее профобразование	среднее общее
Сельское хозяйство	130,5	100,6	94,7	89,3	98,0	98,7
Обрабатывающие производства	125,0	99,7	90,3	114,2	129,7	125,7
Торговля	115,6	92,6	91,3	117,8	134,4	141,7
Недвижимость	126,9	76,7	73,8	123,9	106,6	109,8
Образование	134,5	67,5	51,3	81,1	57,9	47,1
Здравоохранение	147,1	91,6	59,6	108,6	96,3	67,0

Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] / ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 10.09.2016 г.), расчеты автора.

Во-вторых, работники одного уровня образования, но разных сфер экономической деятельности, имеют различный уровень оплаты труда. Исходя из данных, приведенных в таблице, видно, что оплата труда работников сферы образования на 18,9% ниже среднерегионального значения заработной платы в сфере высшего образования. Оплата труда работников сферы образования, имеющих среднее профессиональное образование ниже заработной платы занятых в данной образовательной группе, например, в сфере торговли на 76,5 п.п.

Таким образом, необоснованная дифференциация в оплате труда работников разных отраслей во многом основана на снижении значимости уровня образования как критерия установления оплаты труда.

Несмотря на рост средней заработной платы, сложившееся за годы реформ отставание начисленной заработной платы работников сельского хозяйства, торговли, отраслей, формирующих человеческий капитал, от среднерегионального значения, а во многих случаях установление ее размера на уровне одного прожиточного минимума и ниже, не создает экономических предпосылок для воспроизводства работника и членов его семьи. Низкий уровень заработной платы порядка 2/3 занятого населения Алтайского края[1] не позволяет им активно участвовать в формировании платежеспособного спроса в сфере жилищного строительства, финансовых операций, развития сектора оказания платных услуг населению и т.д. При сохранении данной ситуации в области оплаты труда будет происходить увеличение бедности и сокращение квалифицированных кадров в значимых для развития региона отраслях, что является серьезным ограничением в повышении конкурентоспособности его экономики.

[1] **Сведения** о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 г.: статистический бюллетень / Росстат. – М., 2015. – С. 68–76.

Глава 8
ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА И СБЕРЕЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАЯ

8.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В условиях сокращения численности населения вопросы сбережения и повышения качества человеческого потенциала, его трудовой компоненты приобретают особую актуальность для устойчивого развития территориальных образований различного уровня, в том числе сельских. Именно от степени и качества их решения в значительной мере зависит экономическое и социальное развитие деревни, продуцирование современных рабочих мест в индустриальной экономике и сфере услуг и их обеспечение необходимыми трудовыми ресурсами, снабжение городов продовольствием и поддержание экологического равновесия, сохранение культурного наследия и социального контроля над обширной российской территорией[1].

Под трудовым потенциалом сельских территорий будем понимать совокупность динамично развивающихся физических и духовных сил сельских сообществ, которые могут быть использованы в процессе трудовой деятельности. При определении трудового потенциала авторы опирались на научные подходы российских и зарубежных ученых к изучению человеческого потенциала в целом и трудового в частности, и в первую очередь труды Т.И. Заславской[2]. Раскрывая его сущность и особенности, следует акцентировать внимание на следующих основных моментах:

1) трудовой потенциал является важнейшей компонентой человеческого потенциала и характеризует не только достигнутый уровень развития и использования ресурсов труда, но и оценивает возможности их совершенствования в перспективе;

2) трудовой потенциал не равен сумме потенциалов отдельных работников (реальных и потенциальных), это некоторое другое качество, характеризующее сельское трудовое сообщество как нечто целостное, динамичное, способное к саморазвитию;

---

[1] **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416; **Стратегия** развития сферы труда и занятости населения Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена Постановлением администрации Алтайского края от 24.12.2013 № 684) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/04a/Post684_131224.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

[2] **Заславская Т.И.** Избранное в 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 348–387; **Заславская Т.И.** Динамика человеческого потенциала / Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск : Наука, 2003. – С. 75–92; **Перспективы** и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416..

3) трудовой потенциал неразрывно связан с трудовой деятельностью, которая лежит в основе его формирования и реализации, а также с другими компонентами человеческого потенциала;

4) трудовой потенциал играет ключевую роль в устойчивости сельских территориальных социально-экономических систем, являясь ее системообразующим фактором и движущей силой развития.

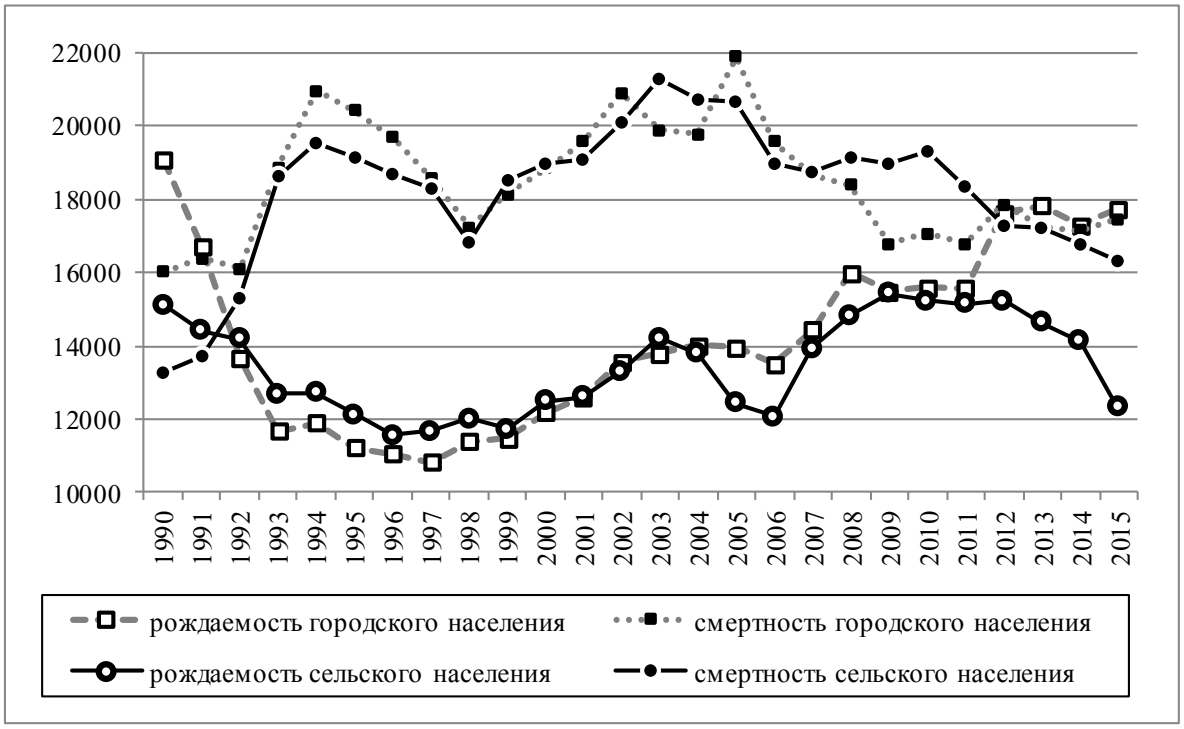
Исходя из вышеизложенного, трудовой потенциал сельских территорий – это интегральная оценка трудоспособности сельского населения, отражающая масштабы, уровень и перспективы ее развития.

В основу количественной оценки трудового потенциала можно взять показатели численности экономически активного населения, трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте, базирующиеся на данных обследований населения по проблемам занятости (с 2015 г. – рабочей силы), балансов трудовых ресурсов и переписей населения. Трудовой потенциал можно рассчитать как сумму произведений возрастных показателей соответствующих групп населения на потенциальную продолжительность их трудовой активности, или в более общем виде как произведение численности экономически активного населения (трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте) на среднюю продолжительность его (их) трудовой активности.

В данной работе мы попытаемся оценить трудовой потенциал сельских территорий Алтайского края на основе показателей экономической активности населения. По данным Росстата, в 2015 г. численность экономически активного сельского населения Алтайского края составила 468 тыс. человек, его средний возраст был равен 40,9 лет, а максимальный возраст трудовой активности, принятый в нашей стране, – 72 года. Исходя из этих данных, трудовой потенциал сельских территорий составлял 14,6 млн человеко-лет. По сравнению с 2000 г. он уменьшился на 17%. Устойчивая тенденция его сокращения наблюдается с 2006 г. и сохранится и в долгосрочной перспективе. Прогнозные расчеты показывают, что в зависимости от варианта развития в 2020 г. трудовой потенциал сельских территорий края может составить от 12 до 16 млн человеко-лет.

Наибольший вклад в сокращение трудового потенциала села внесла естественная убыль населения. Начиная с 1992 г. за счет превышения смертности над рождаемостью алтайская деревня потеряла более 120 тыс. человек. После начала «шоковых» экономических реформ ежегодно умирает 15–20 тыс. селян (рис. 8.1) – это в 1,5 раза больше, чем в 60–80-е годы прошлого столетия. Этот рост был вызван как увеличением возрастных интенсивностей смертности, так и повышением доли лиц старших возрастов в структуре населения. Среди причин смерти доминируют болезни систем кровообращения, онкологические заболевания и так называемые внешние причины (несчастные случаи, травмы, отравления, убийства и самоубийства, особенно среди мужчин в возрасте до 49 лет), – их суммарная доля в общей структуре смертности превышает 75%. В Российской Федерации, в одной из первых из числа развитых стран, граждане в наиболее трудоактивном возрасте, столкнувшись с ситуацией, при которой ухудшилось их социальное положение, потеряв работу и лишившись надежды ее найти, стали «убивать себя» умышленно и непреднамеренно, быстро и медленно[1].

[1] **Sandbu M.** (2015). The underemployment epidemic. Financial Times, November 6.



Источник: Данные Алтайкрайстата, расчеты авторов.

Рис. 8.1. Рождаемость и смертность населения Алтайского края, чел.

Если в 1990-е годы абсолютные индикаторы смертности сельского населения в целом были ниже, чем городского, то в 2000-е годы преобладало обратное соотношение. Общие коэффициенты сельской смертности традиционно превосходили аналогичные показатели в городах на протяжении всего исследуемого периода. Смертность мужчин, проживающих в сельской местности, на 20% превышает смертность сельских женщин, а в трудоспособном возрасте – более чем в 3 раза. Вместе с тем необходимо отметить, что начиная с 2011 г. наметилась тенденция устойчивого снижения смертности всех категорий сельского населения, а ее абсолютные значения стали меньше, чем в городах.

Если показатели смертности населения, особенно в трудоактивном возрасте, непосредственно влияют на текущие оценки трудового потенциала, то рождаемость в значительной степени определяет их динамику в перспективе.

В динамике рождаемости в 1990-е годы также преобладали негативные тенденции (см. рис. 8.1). Среднегодовая численность родившихся в сельской местности Алтайского края в эти годы уменьшилась более чем в 1,5 раза по сравнению с предшествующим аналогичным периодом, общий коэффициент рождаемости снизился на 8,3 пунктов промилле, а суммарный – на 40%. Этот процесс в той или иной мере затронул почти все категории родившихся, независимо от возраста матери, очередности рождений, места проживания и уровня образования родителей. На протяжении почти всего исследуемого периода показатели рождаемости не обеспечивали простого воспроизводства сельского населения, а их существенное падение сформировало новую отрицательную демографическую волну, последствием которой является ничем невосполнимое сокращение населения сначала в младших группах репродуктивного и трудоспособного возрастов, а затем и в более старших.

В 2000-е годы наблюдалась волнообразная динамика рождаемости, но преобладала тенденция ее роста. Этому способствовало вступление в детородный возраст относительно многочисленного поколения женщин, родившихся в 80-е годы прошлого столетия, и меры по ее стимулированию. Среднегодовое число родившихся по сравнению с 1990 годами увеличилось более чем на 1000 человек. Общий коэффициент рождаемости вырос на 18,3%. В течение почти всего периода отмечался рост суммарного коэффициента рождаемости, а с 2010 г. он превышает 2,15, т.е. создаются предпосылки для расширенного воспроизводства сельского населения. Однако в настоящее время оба источника увеличения рождаемости близки к исчерпанию.

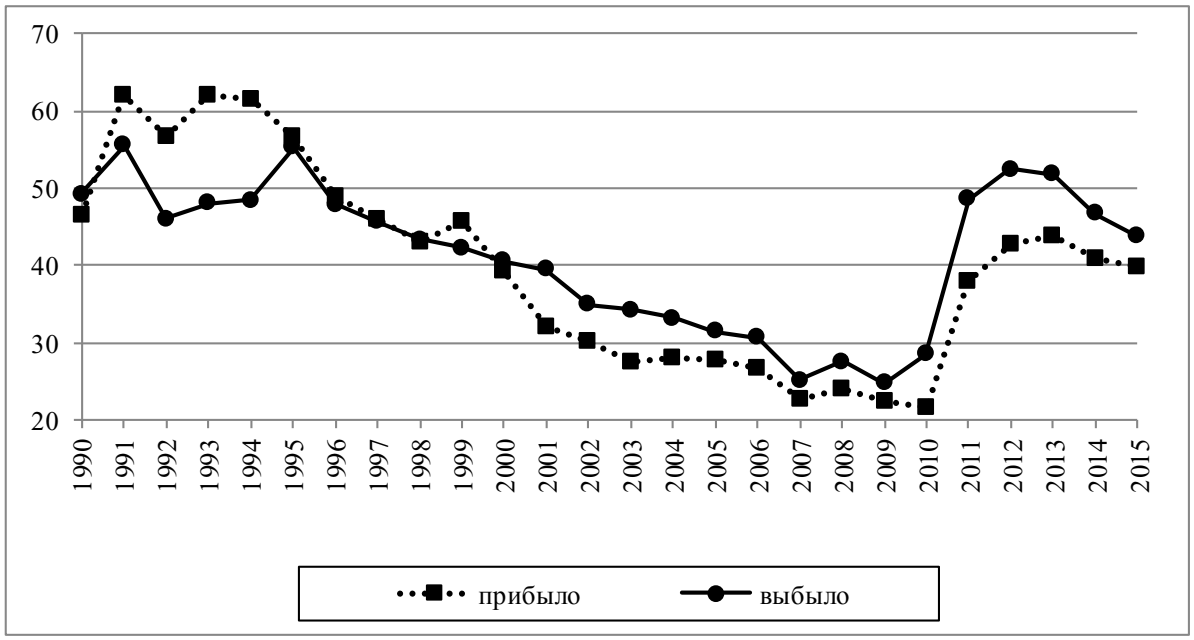
На протяжении всего анализируемого периода общие коэффициенты рождаемости в сельской местности превосходили аналогичные показатели в городах. Тренды в ее динамике в основном совпадали с трендами рождаемости в городах. Однако темпы изменения сельской и городской рождаемости заметно отличались.

По данным социологических опросов, 13% сельских жителей моложе 45 лет намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка, 19% – 2 и 5% – 3 и более. Вместе с тем 63% респондентов не хотят (или больше не хотят) заводить детей, из них 9% – по состоянию здоровья, примерно столько же – из-за низких доходов и плохих жилищных условий и около 30% – «просто не хотят». Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик. Больше других социальных групп детей хотят: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, занятые в экономике, материально обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

Следующим по значимости фактором, определяющим динамику трудового потенциала в сельской местности, является миграция[1]. В рассматриваемый период в Алтайском крае она характеризовалась сокращением миграционной активности сельского населения, его перераспределением из республик Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации, увеличением доли внутрикраевых перемещений населения, развитием новых видов трудовой миграции. Новые тенденции наблюдались в сельско-городской миграции – замедление процессов урбанизации и преимущественное переселение горожан в село в отдельные годы. Существенные деформации произошли в механизме территориального перераспределения населения. Среди факторов, определяющих миграционное поведение населения, наряду с социально-экономическими важное место заняли национально-этнические, демографические и политические. Следует также отметить снижение управляемости миграционными процессами и увеличение масштабов нелегальной миграции.

В настоящее время миграционная активность сельского населения края довольно низкая. Если в 1980 годы в территориальных перемещениях участвовало более 100 тыс. человек в год, то сегодня этот показатель снизился почти в полтора раза (рис. 8.2). Миграционный прирост сельского населения наблюдался в течение первых пяти лет исследуемого периода и являлся основным источником сохранения демографического потенциала алтайского села. Однако в 1995 г. он сменился на ми-

[1] **Taylor J.E.** Human Capital: Migration and Rural Population Change // Handbook of Agricultural Economics. [Electronic resource]. – URL: http://reap.ucdavis.edu/research/ Human.pdf (дата обращения: 13.08.2016 г.).



Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 8.2. Миграция сельского населения Алтайского края, тыс. человек

грационную убыль, которая в 2015 г. составила 3,9 тыс. чел., положительный миграционный баланс сохраняется только со странами ближнего зарубежья. Отличительной чертой этого вида миграций являлось возвращение бывших сельских жителей края, ранее его покинувших, и их детей в места первоначального проживания.

Именно эта категория граждан обеспечивала основной механический прирост сельского населения в 1990-е годы. Значительная часть этих миграций в первое десятилетие анализируемого периода носила вынужденный характер.

По данным социологического обследования, в структуре движущих сил миграции из новых независимых государств в Алтайский край в эти годы первое место занимали национально-этнические факторы. Более 80% респондентов подвергались дискриминации по признаку национальной принадлежности. Ущемление своих прав они ощущали в сфере занятости (при приеме на работу, в уровне заработной платы, в продвижении по службе), во время приватизации, в учреждениях образования (при поступлении на учебу, в отказе обучаться на родном языке), в сфере законодательства, при получении гражданства, а также в сокращении времени вещания радио и телевидения на русском языке, в переименовании поселений и улиц, на бытовом уровне. На втором месте находились социально-экономические причины, связанные с потерей работы, отсутствием возможностей оплачивать жилье и получать хорошее образование, неясностью перспектив для себя и детей. Третье место занимали демографические факторы. И на последнем месте находились экологические факторы. В последнее десятилетие происходило постепенное восстановление доминирующей роли социально-экономических факторов миграции, что свидетельствует о преобладании в территориальных перемещениях населения добровольных миграций.

Наиболее тесные миграционные связи из стран СНГ у Алтая сложились с Казахстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В 2014–2016 гг. существенно увеличился приток иммигрантов с Украины.

В миграциях со странами дальнего зарубежья наибольшее распространение получили процессы выбытия алтайских немцев в Германию, в 1990–2000 гг. алтайское село покинуло около 80 тыс. человек. Однако миграционный потенциал немцев Алтая постепенно снижался и в последние годы на историческую родину выезжает около 300 человек в год.

Наибольший вклад в миграционную убыль сельского населения вносят межрегиональные миграции, особенно с ближайшими соседями – Новосибирской и Кемеровской областями, которые отличаются более высоким уровнем экономического и социального развития. В рассматриваемый период в межрегиональных территориальных перемещениях участвовало от 14 до 32 тыс. сельских жителей в год, а их вклад в миграционный оборот составлял от 21–35%. Особый интерес с точки зрения привлечения в регион дополнительных финансовых ресурсов представляют миграционные связи Алтая с северными и восточными территориями России. В то время как их среднегодовой миграционный потенциал оценивался в последние годы почти в 250 тыс. человек, в крае оседало менее 1% от общей численности выбывающего с этих территорий населения.

Значительная часть сельских жителей меняли место жительства в пределах края. В анализируемый период внутрирегиональный миграционный оборот составлял от 30 до 69 тыс. чел. в год, а его доля в общем объеме миграционных потоков – от 47 до 65%. Однако поскольку эти миграции носили более эквивалентный характер, их вклад в формирование миграционной убыли или прироста сельского населения была не столь значительна (менее 15%). Кардинально новые процессы наблюдались в сельско-городских миграциях в 1991–1993 гг., 1999 г. и 2005–2006 гг. из города в село выезжало больше переселенцев, чем в обратном направлении. Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения определялись, главным образом, социально-экономическими факторами.

В результате межрегиональных и международных миграций алтайское село теряет более молодое и более образованное население. Исключение здесь составляют 1990-е годы, когда после распада Советского Союза в сельскую местность Алтая вынуждено устремились активные, дееспособные, высокообразованные и квалифицированные мигранты из новых независимых государств.

В годы социально-экономических преобразований одной из массовых стратегий активного экономического поведения сельского населения выступили временные трудовые миграции. Работа на выезде стала источником выживания для одних семей, сохранения привычного уровня жизни – для других и повышения материального благосостояния – для третьих.

Выездная работа явилась способом самореализации и условием экономической безопасности значительной части сельских жителей. По данным социологических опросов, в разные годы в трудовых миграциях участвовало от 2 до 5% сельских жителей. Подавляющая часть сельских жителей выезжали на работу в города края. Основными сферами приложения их труда являлись торговля, строительство, охранный бизнес. Кроме того, сельские трудовые мигранты Алтая работали на нефте- и газодобывающих предприятиях Тюменской области, металлургических предприятиях Кузбасса, в рыбной отрасли Дальнего Востока.

Отметим, что миграция является не только фактором, определяющим изменение трудового потенциала сельских территорий, но и важнейшим индикатором их привлекательности для населения. Миграционная убыль сельского населения свидетельствует о низкой конкурентоспособности сельских территорий.

В контексте устойчивого развития сельских территорий особое значение приобретает изучение миграционных установок и поведения молодежи. По данным социологических опросов, проведенных в 2008 г. и 2011 г., 95% молодых выходцев из села, обучающихся или работающих в городах, не намерены возвращаться в деревню, и от 50 до 65% молодых сельских жителей планируют уехать из села. Главными причинами формирования миграционных установок сельской молодежи являются отсутствие работы и желание улучшить свое материальное положение.

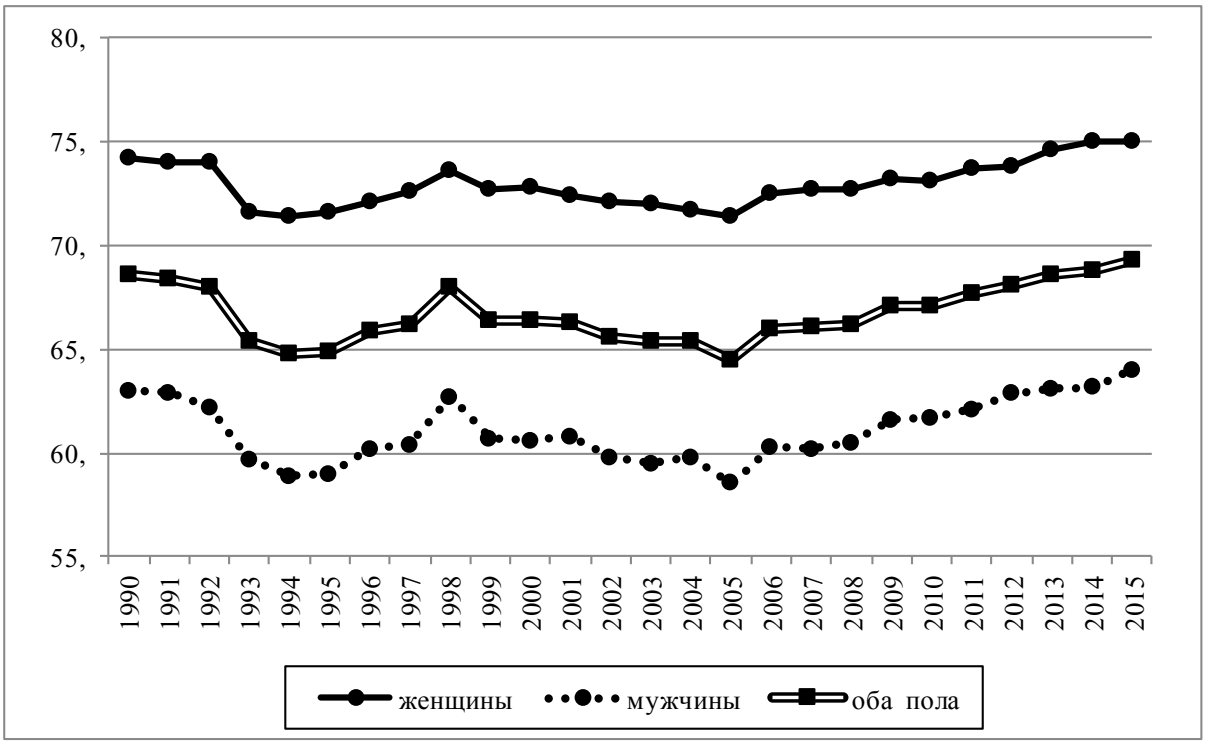
Степень использования трудового потенциала можно оценить через соотношение используемого в экономике трудового потенциала и общего трудового потенциала, в частности – через уровень занятости. В 2015 г. уровень занятости сельского населения Алтайского края был равен 53,5%, что на 7,2 п.п. ниже, чем в целом для российского села. За последние 10 лет он снизился на 12%. Все это свидетельствует о существенном недоиспользовании трудового потенциала и усилении негативных тенденций в данной сфере.

* Поскольку $Y_e = \frac{E}{MP_T + MP_{ur}} = \frac{E \times (T-t)}{(MP_T + MP_{ur}) \times (T-t)} = Y_L$ где Y_e – уровень занятости; E – численность занятых; MP_T – численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет; MP_{ur} – численность экономически неактивного населения в возрасте 15–72 лет; Y_L – степень использования трудового потенциала; T – максимальный возраст трудовой активности, t – средний возраст экономически активного населения.

К качественным характеристикам трудового потенциала относятся образование, квалификация и состояние здоровья реальных и потенциальных работников.

Важнейшим индикатором здоровья населения является показатель ожидаемой продолжительности жизни. Он показывает число лет, которое предстоит прожить в среднем новорожденному при условии, что на всем протяжении его жизни при переходе из одного возраста в другой интенсивность смертности будет соответствовать современному уровню во всех возрастных группах. Этот показатель формируется под воздействием самых разнообразных факторов, начиная от уровня развития и эффективности функционирования системы здравоохранения, состояния окружающей среды и заканчивая сложившимися стереотипами поведения и психологическим самочувствием населения. В анализируемый период ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Алтайского края 1990–1994 гг. и в 1999–2005 гг. уменьшалась, а в другие годы росла. Наихудшие значения этого показателя наблюдались в 1994 и 2005 гг., с 2006 г. отмечалась некоторая его стабилизация, а с 2008 г. – преимущественно рост (рис. 8.3). По продолжительности жизни село уступает городу (на 2,1 года), а сельские мужчины – сельским женщинам (на 11 лет).

Для измерения образовательной компоненты трудового потенциала чаще всего используются такие показатели, как охват населения различными видами обучения; среднее число накопленных лет образования; показатели, отражающие образовательную структуру населения, численность и долю в населении исследователей, обладателей научных степеней, занятых в НИОКР и в сфере образования; частные и бюджетные инвестиции в образование и т.п. Для оценки качества образования применяются различные виды тестирования, позволяющие измерить грамотность населения, потенциал обучаемости, уровень развития базовых навыков, необходимых для ориентации в обществе, уровень остаточных знаний у различных групп учащихся и студентов по



Источник: Данные Росстата.

Рис. 8.3. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Алтайского края при рождении, лет

базовым предметам и др.[1] Рассмотрим некоторые из этих показателей применительно к сельскому населению Алтайского края, Сибири и России.

Уровень образования сельского населения Алтайского края несколько ниже аналогичных среднероссийских показателей и выше среднесибирских. По нашей оценке, в 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян составляло 11,0 лет, сельского населения России – 11,1, а СФО – 10,9. Образовательная структура сельских жителей Алтая несущественно отличалась от подобной структуры в России и Сибири. Несмотря на то что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования российское село в целом и алтайское в частности значительно уступают городу, здесь на 1,5 года меньше среднее число накопленных лет образования по сравнению с городом, более чем в 2 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2 раза выше доля лиц с начальным образованием (табл. 8.1).

По сравнению с переписью 2002 г., в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения, увеличилась доля лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократилась – с более низким. При этом максимальные темпы прироста (снижения) отмечены в группах с высшим образованием (40%) и начальным профессиональным (–47%).

[1] **Унтура Г.А., Яковлева Т.И., Евсеенко А.В.** Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – С. 77–88.

Таблица 8.1

Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%) и уровень образования (лет)

Показатель	Год	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,7
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7
Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	10,9

Источник: Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. и 2010 г., расчеты авторов.

В условиях сокращения контингента учащихся и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

Другой негативной и отличительной для Алтайского края характеристикой последнего межпереписного периода является увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи в целом на 24%, а в возрастной группе до 20 лет – в 2,5 раза. И хотя абсолютные значения показателей неграмотности невелики – это очень тревожная статистика. В стране до недавнего прошлого всеобщей грамотности относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В целом в пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, строятся новые школы, улучшается их техническая база, развивается интернет, растет число высших учебных заведений, введение ЕГЭ увеличивает доступность качественного образования для талантливой молодежи. С другой стороны, закрываются малокомплектные школы и, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, унизительно низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую сторону сама концепция образования – из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу все больше платных услуг со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими, культурологическими и другими последствиями. Качество образования в целом снижается, по яркому высказыванию Т.И. Заславской «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников – меньше»[1]. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала – как в городах, так и в сельской местности.

Распределение сельского населения по уровню образования тесно связано с его профессиональным составом, поскольку принадлежность работника к определенной профессионально-должностной группе предполагает наличие у него соответствующей квалификации и специализации. В процессе обучения и практической деятельности реальные и потенциальные работники приобретают необходимые знания, умения и навыки, требуемые для выполнения трудовых функций по определенным видам занятий. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических и социальных перемен. Основными инструментами, которые позволяют анализировать, измерять и сопоставлять профессиональную структуру населения, являются Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) и разработанный на ее основе Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ)[2], который представляет собой систематизированный перечень видов трудовой деятельности и предназначен для решения задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики структуры рабочей силы, анализа и прогноза показателей в сфере занятости и профессионального образования.

[1] **Заславская Т.И.** Избранное в 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 378.

[2] Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) [Электронный ресурс] (утвержден постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих. В ОКЗ выделено 9 укрупненных профессиональных групп для гражданских занятий и 1 группа для военнослужащих, это – руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий; специалисты высшего уровня квалификации; специалисты среднего уровня квалификации; работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием; работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности; квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин; неквалифицированные рабочие; занятые на военной службе.

Исключение профессиональных характеристик населения из Всероссийской переписи населения 2010 г. не позволяет дать развернутую и более точную оценку профессионального состава сельских работников. По данным же социологического исследования, проведенного в 2011 г., в профессионально-должностной структуре сельского населения Алтайского края представлены все выделенные в соответствии с ОКЗ профессионально-должностные группы: руководители и специалисты высшего и среднего уровня квалификации, квалифицированные и неквалифицированные работники производственной и непроизводственной сфер экономики, а также занятые на военной службе (табл. 8.2). Для нее характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высокая доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11–15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского, лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6–10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом, и военнослужащих (0,8–2,5%).

К сожалению, сопоставимыми данными об изменениях в профессионально-должностной структуре сельского населения за весь анализируемый период мы не располагаем, однако отдельные оценки сделать можем. Сокращение реального сектора аграрной экономики и закрытие предприятий привели к тому, что многие квалифицированные специалисты и рабочие сменили высококвалифицированные занятия и профессии на менее квалифицированные. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием заняли места продавцов, экспедиторов, охранников. Квалифицированный труд с крупных сельхозпредприятий в значительных объемах вытеснен в ЛПХ и малый бизнес – сферы преимущественно ручного неквалифицированного труда.

Таблица 8.2

Профессионально-должностная структура сельского населения Алтайского края, %

Группы занятий	Профессии и должности	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора; директора школ, домов культуры, предприятий; заведующие детским садом, столовой; предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,0
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и др.	15,2
3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,5
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работники общественного питания, парикмахеры, швея и массажистка	14,1
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.	6,4
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	8,2
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	9,7
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	24,0
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия	–	0,6
Итого	–	100,0

Источник: Результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Из сказанного следует, что несмотря на некоторые позитивные изменения, трудовой потенциал сельских территорий Алтайского края сокращается и в значительной своей части не востребован, что негативно сказывается на устойчивости их развития и конкурентоспособности. Для сохранения демографического и трудового потенциалов в рамках Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года и в соответствии с ней в крае разработаны Стратегия развития человеческого капитала, Стратегия развития сферы труда и занятости, ряд краевых и ведомственных целевых программ, реализуются приоритетные национальные проекты, направленные на улучшение материально-технической базы учреждений образования и здравоохранения, повышение качества и доступности образовательных и медицинских услуг, формирование и пропаганду здорового образа жизни, обеспечение доступности жилья, улучшение экологической ситуации в регионе[1]. Их целью выступает стабилизация численности населения Алтайского края, в том числе в трудоспособном возрасте, и создание предпосылок для его роста. На основе краевых программ в ряде сельских территорий приняты муниципальные программы демографического развития.

8.2 ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В настоящем разделе мы остановимся на тех направлениях демографической и социально-трудовой политики, которые чрезвычайно актуальны для устойчивого инновационного развития сельских территорий, но не отражены или недостаточно глубоко проработаны в стратегических и программных документах их развития.

Повышение рождаемости. При решении данного вопроса необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время в репродуктивном возрасте пока еще находится последнее относительно многочисленное поколение россиян, родившихся в 1980-е годы (поколение 1990 гг. рождения почти в два раза малочисленнее), и если его представители не нарожают детей, то будущего у России в ее современных границах нет!

Вместе с тем по данным социологического опроса, проведенного в селах Алтая в 2011 г., 52% опрошенных в возрасте 20–49 лет на момент опроса не имели детей, 32% – имели по одному ребенку, 12% – двух детей и 2% – трех и более. Лишь 39% ре-

[1] **Стратегия** развития сферы труда и занятости населения Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена Постановлением Администрации Алтайского края от 24.12.2013 № 684) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/04a/ Post684_131224.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.); **Концепция** демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24.09.2001 № 1270-р) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт] – URL:. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya.html (дата обращения: 20.11.2015 г.); **Концепция** демографического развития Алтайского края на период до 2025 г. (утверждена распоряжением Губернатора Алтайского края от 31.07.2015 № 54-рг) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/7a5/54r_2015.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.); **План** первоочередных мероприятий на 2002–2005 гг. по реализации в Алтайском крае Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://altai.news-city.info/docs/sistemsz /dok_ieqzwz.htm, **Стратегия** социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] (утверждена законом Алтайского края 21.11.2012 № 86-ЗС) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf.

спондентов из этой возрастной группы намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка. Однако, как показывают исследования демографов, только 40% репродуктивных намерений реализовывается[1].

На рождаемость оказывают влияние многие факторы, в том числе условия жизни, состояние здоровья, нравственные установки, национальные традиции, образ жизни, уверенность в будущем и др. Опыт нашей страны показывает, что даже частичное использование отдельных факторов дает заметный эффект. Так, активная демографическая политика государства в 1980 годы позволила в кратчайшие сроки повысить рождаемость в крае до 17,5‰. В наши дни введение материнского капитала, увеличение пособий по беременности, родам и уходу за ребенком, наряду с чисто демографическими факторами, привели к росту рождаемости на 20%, а сельской – на 24%. Заметим, что сельчане в силу своего менталитета более отзывчивы на управленческие воздействия в сфере демографического воспроизводства, и это надо учитывать при формировании и реализации демографической политики.

Для того чтобы максимально использовать репродуктивный потенциал поколения перестройки и последующих поколений, важно задействовать весь комплекс экономических, институциональных, идеологических и других мер. Необходимо переориентировать экономику, политику, идеологию на приоритетное решение демографических проблем.

Сегодня наличие двух и более детей является одним из главных факторов сельской бедности. По мнению одного из экспертов, *«…около 70% семей, имеющих двух и более детей – это бедные семьи. Потому что сегодня иметь детей – большая роскошь. А семьи с тремя детьми – идут уже с минусом от прожиточного минимума. Мы проехали 48 районов и видели проблемы этих людей…».*

Иметь детей должно быть идейно привлекательно, ценностно востребовано, морально ответственно и экономически выгодно. А для этого нужно пересмотреть налоговую, кредитную, страховую, а также жилищную, земельную, пенсионную и другие виды политик в пользу семей с детьми и предпринимателей, у которых работают взрослые члены этих семей и которые оказывают последним значимую поддержку. В частности, сократить подоходный налог и платежи в социальные фонды за работников, имеющих несовершеннолетних детей; предоставлять на льготных условиях семьям с детьми земельные участки, кредиты, в отдельных случаях безвозмездные ссуды для приобретения или строительства жилья, сокращать ипотечные кредиты, давать отсрочку по их платежам при рождении каждого ребенка, обеспечивать нуждающихся строительными материалами; повысить пенсионный возраст женщин до 60-х лет, с последующей возможностью его сокращения на 1–5 лет при рождении и воспитании одного, двух, трех и более детей.

Особую материальную поддержку оказывать одиноким матерям. В условиях глубоких гендерных диспропорций государство должно создать нормальные условия для рождения и воспитания детей каждой женщине, желающей их иметь. Необходимо строить и предоставлять нуждающимся социальное жилье, многократно увеличить материнский капитал и расширить направления его использования, в том числе на текущее потребление (при соответствующем контроле), удовлетворить потребность в детских дошкольных учреждениях.

[1] **Синявская О.В., Тындик А.О.** Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2009. – № 10. – С. 137.

Важно полнее учитывать духовно-нравственную составляющую демографического развития России и ее регионов, максимально задействовать потенциал многовековой российской культуры и традиционных религий в преодолении депопуляционных процессов. Проводить активную работу по созданию привлекательного образа семьи с детьми через СМИ, образовательные программы, социальную рекламу и т.п. Способствовать формированию негативного отношения к абортам, которые убивают более 30% зачатых детей и наносят невосполнимый вред репродуктивному здоровью женщин. Совершенствовать законодательное обеспечение демографической политики, ввести демографическую экспертизу нормативно-правовых актов, повысить качество и доступность демографической информации.

Укрепление здоровья населения и снижение смертности. По оценкам специалистов, каждое последующее поколение россиян обладает худшим здоровьем, чем предшествующее[1]. Для того чтобы преодолеть долговременные негативные тенденции в этой сфере, необходимо укрепить здоровье детей и подростков, улучшить физическое и психическое состояние трудоспособного населения и сохранить здоровье пожилых людей. Здесь важно сделать правильный выбор приоритетов, который позволил бы сконцентрировать имеющиеся ресурсы на наиболее важных и перспективных направлениях работы, на решении проблем, которые достигли критической остроты и в то же время относятся к практически разрешимым.

Согласно данным ВОЗ, здоровье населения на 50% зависит от условий и образа жизни, на 20% – от состояния окружающей среды, на 20% – от генетических факторов и на 10% – от уровня медицинского обслуживания. Среди факторов здоровья более 70% занимают уровень, качество, условия и образ жизни населения, и было бы целесообразно основные усилия направлять в первую очередь на использование именно этих групп факторов.

В России почти половина всех смертей прямо или косвенно связана с потреблением алкоголя, наркотиков и с табакокурением[2]. Ежегодно почти 1000 тыс. человек погибает от чрезмерного употребления спиртосодержащих напитков, болезней, вызванных курением, и от передозировки наркотиков. В сельской местности алкоголизм, наркомания и табакокурение распространяются все интенсивнее. В Алтайском крае имеются примеры, когда спиваются целые деревни, пьют дети и подростки; более половины взрослого населения и треть подростков курит; приграничный статус региона и прохождение через его территорию наркотрафика усиливают угрозу наркотизации населения. По данным социологического опроса, 45% сельских жителей выделили алкоголизм и наркоманию в числе наиболее острых социальных проблем села.

Активная антинаркотическая (в широком смысле) работа может привести к хорошим демографическим результатам. Следует восстановить госмонополию на производство и продажу алкогольных напитков, ограничить территориально-временную доступность спиртосодержащей и табачной продукции; многократно увеличить акцизные сборы на алкогольные и табачные товары, ввести полный запрет на их рекламу (явную

---

[1] **Римашевская Н.М.** Здоровье человека – здоровье нации // Человек и реформы: секреты выживания. – М., 2003. – С. 74–84.

[2] **Немцов А.В.** Алкогольный урон регионов России. – М., 2003. – 136 с.; **Соболева С.В., Чудаева О.В.** Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 720–738; **Соболева С.В., Чудаева О.В.** Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 299–312.

и скрытую), запретить курение в общественных местах (в том числе на улицах, в парках, подъездах и т.п.), формировать негативное отношение к употреблению спиртных напитков, наркотиков, табакокурению, ужесточить антинаркотическое законодательство (включая антиалкогольное и антитабачное) и усилить административную и уголовную ответственность за его нарушение. Реализация этих мер позволит ежегодно сохранять в сельской местности края до 10 тыс. жизней. (Напомним, что естественная убыль сельского населения региона в 2015 г. составляла 4 тыс. человек.) Кроме того, они позволят сократить преступность, травматизм, количество разводов и, как показывает антиалкогольная кампания 1980-х годов, повысить рождаемость и продолжительность жизни. Опыт северных стран также свидетельствует о том, что жесткие ограничительные меры в этой сфере дают хорошие демографические результаты. Несоблюдение в полном объеме федеральных законов «Об ограничении потребления табака» и «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» равносильно ежемесячной потере более 500 сельских жителей края.

Значительное негативное воздействие на здоровье населения оказывает потребление некачественных продуктов питания и воды. По данным российских и европейских исследователей, искусственные красители, вкусовые добавки, консерванты, генно-модифицированные продукты, а также широкое использование пестицидов, всевозможных стимуляторов, антибиотиков и т. п. в сельском хозяйстве снижают иммунитет человека, приводят к гиперактивности и быстрой утомляемости детей, постепенно отравляют потребителей малыми дозами вредных веществ[1]. Закрытость государства в советский период, выдвигаемые приоритеты его развития и слабая восприимчивость к инновациям существенно замедлили распространение так называемых передовых технологий в производстве и переработке сельхозпродукции внутри страны, и сделали недоступными результаты их использования для большинства советских граждан. Однако с началом рыночных преобразований в Россию устремилась лавина вредных для здоровья продуктов питания. Вступление РФ в ВТО и повышение конкуренции на продовольственном рынке заставляют и отечественных производителей применять подобные технологии. Воспрепятствовать этому можно посредством развития инфраструктуры проверки качества продовольствия, перераспределения налогов и таможенных сборов с полезных продуктов питания на вредные, информирования населения о качестве продовольствия, его натуральности или искусственности, вреде или пользе, усиления административных барьеров на пути некачественной продукции, широкого использования антисанкционных механизмов.

В условиях высокого уровня заболеваемости населения важным приоритетом демографической политики является повышение качества и доступности медицинских услуг. Для своевременного выявления заболеваний и их эффективного лечения необходимо усилить роль первичной медикосанитарной помощи, особенно в сельской местности, активизировать работу выездных медицинских бригад, оптимизировать размещение объектов здравоохранения по территории края, улучшить их материально-техническую базу, повысить обеспеченность квалифицированными специалистами, поднять доступность федеральных и региональных медицинских учреждений для нуждающихся в их услугах жителей, повысить заинтересованность работников здравоохранения в профилактике заболеваний и т.п.

[1] **Соболева С.В., Чудаева О.В.** Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 724–725.

Реализация программы «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг. и приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2006–2015 гг. показала, что в сфере здравоохранения имеются значительные резервы для сохранения демографического потенциала, смертность сельского населения в крае за этот период сократилась на 17,7%, а трудоспособного – на 25%, существенно упали младенческая и материнская смертность.

Где взять ресурсы для решения демографических проблем? Одним из источников может стать природная рента. Если мы не хотим потерять Сибирь и Дальний Восток, то большая часть природной ренты должна оставаться на их территории для улучшения демографической ситуации.

Оптимизация миграционных связей и системы расселения. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет являться важным резервом увеличения демографического потенциала региона и единственным источником пополнения его трудового потенциала. В качестве приоритетных направлений здесь следует рассматривать:

- внесение концептуальной ясности относительно роли и места миграции в стратегическом развитии Алтайского края, ответов на вопросы, сколько мигрантов нужно региону и его территориям, каких и откуда; а также механизмов привлечения необходимых мигрантов и ограничения притока нежелательных. Особое внимание уделить образовательной миграции как наиболее эффективному способу привлечения и дальнейшего закрепления в регионе наиболее молодых, активных, образованных, включенных в местные социальные сети переселенцев;

- создание социально-экономических условий и правовой базы для сокращения миграционного оттока населения из края, закрепления молодежи, оптимизации внутрикраевых миграционных потоков, привлечение квалифицированных специалистов, менеджеров и рабочих в село, увеличение финансовой помощи семьям, переселяющимся в другую местность; стержневым направлением в миграционной политике должно стать расширение возможностей для проявления личной инициативы мигрантов в обеспечении себя жильем и работой путем наделения их земельными участками, льготными кредитами, строительными материалами и т.д.;

- установление прямых связей с финансово благополучными северными территориями страны по переселению на Алтай избыточного населения; создание в крае условий для проживания нефтяников Западной (а в перспективе и Восточной) Сибири, работающих вахтовым методом, отдыха и лечения других категорий северян, выделение для этих целей земельных участков, использование местной строительной базы;

- проведение комплекса правовых, организационных и экономических мер, направленных на легализацию и лучшую адаптацию иммигрантов в крае, распространение на них норм трудового законодательства, социальной защиты, а также налогообложения; более активное использование миграционной амнистии; разработка программ интеграции мигрантов в местные сообщества, включая создание региональных центров социально-психологической помощи мигрантам, обучения их русскому языку, основам трудового и миграционного права РФ, развития межкультурных коммуникаций, активное использование для этих целей механизмов гражданского общества;

• заключение двусторонних соглашений с приграничными странами об упорядочении миграционных потоков, режиме пересечения границ, создании совместных пунктов пограничного и миграционного контроля, обмене информацией о ситуации на рынке труда и рынке образовательных услуг, нарушителях миграционного законодательства и т.п.;

• создание законодательной базы, материальной, финансовой и социальной инфраструктуры для трудовых мигрантов (с тем, чтобы исключить или хотя бы ограничить злоупотребления как со стороны самих мигрантов, так и со стороны работодателей и государственных структур; положительное влияние на снижение незаконных трудовых миграций могло бы оказать использование механизмов государственно-частного партнерства, в том числе создание при региональных отделениях РСПП аккредитованных саморегулируемых организаций, осуществляющих набор, перемещение, трудоустройство и жилищно-бытовое обслуживание мигрантов и несущих солидарную ответственность за соблюдение законов в данной сфере; открытие в странах потенциальных мигрантов служб по организованному набору граждан этих стран на работу и профессиональное обучение в регионе[1].

В условиях нарастающих угроз со стороны международных террористических организаций особое внимание необходимо уделять вопросам контроля за миграционными потоками, особенно в приграничных территориях.

Депопуляция населения ведет к обезлюдеванию значительных территорий и утрате социального контроля над ними. Одним из способов решения этой проблемы и ряда других может стать *развитие усадебного типа расселения*. Для этого необходимо выделять в бессрочное бесплатное наследуемое пользование значительные участки земли, разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных стройматериалов, осуществлять производство средств малой механизации сельскохозяйственного труда по доступным ценам. Каждый желающий жить и работать на земле должен иметь возможность построить свой дом, посадить сад, развести цветник, выращивать овощи, ухаживать за животными. Свободной земли хватит и нынешним поколениям россиян, и их потомкам. В Алтайском крае связь населения с землей особенная, так как подавляющая часть его жителей имеет сельские корни, и край может выступить в качестве экспериментальной площадки для развития нового в современной России типа расселения.

Развитие трудового потенциала. В условиях ограниченных возможностей для количественного роста трудового потенциала выход представляется в повышении степени его использования и улучшении качественных характеристик.

Необходимы конструктивные реформы в системе образования. В настоящее время в рамках государственной программы «Образование» и президентской инициативы «Наша новая школа» предполагается создание при ведущих университетах школ для одаренных детей, обеспечивающих как очное, так и дистанционное образование. Предусматривается, что не менее 10% сельских школьников старших классов будут получать дополнительное образование в таких школах. Особое внимание планируется уделить дошкольному образованию, как этапу, на котором закладываются основы навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным

[1] **Курцер М.** Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 11–12.

решениям, креативность, изобретательность[1]. Но этого недостаточно. Каждый ребенок должен иметь возможности для получения качественного базового образования и развития творческих способностей.

Каждый молодой человек должен быть ориентирован на получение современного профессионального образования, освоение новых технологий, генерирование новых идей. В условиях высокой степени неопределенности нужно готовить умных, трудолюбивых, динамичных работников, владеющих базовыми профессиональными знаниями на высоком уровне и способных к непрерывному образованию. Задача работодателей – довести конкретного работника до конкретного рабочего места. При этом могут быть использованы разные формы: целевая практика учащихся и студентов; стажировка молодых специалистов или их направление на обучение к разработчикам нового оборудования; приглашение специалистов на предприятие для подготовки и переподготовки персонала.

Особое внимание необходимо уделить подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих для модернизирующейся экономики, их закреплению в реальном секторе путем формирования обоснованного регионального заказа на подготовку специалистов и рабочих традиционных и новых профессий, совершенствования механизма целевого набора учащихся в профессиональные учебные заведения в направлении повышения ответственности всех участников этого процесса, развития системы льготных образовательных кредитов, создания приемлемых условий для приобретения молодыми работниками благоустроенного жилья, установления для них достойной заработной платы.

Каждый зрелый работник должен иметь возможность совершенствовать свое мастерство, получать новые знания, осваивать новые компетенции через повышение уровня и доступности профессиональной подготовки, распространение системы непрерывного профессионального образования, внедрение дистанционных форм обучения. Для устойчивого развития территорий важно создать кадровый резерв из высокообразованных руководителей и специалистов, квалифицированных рабочих, разработать специальную программу поддержки этой категории работников при направлении их на отсталые, нерентабельные предприятия.

Каждый пенсионер при желании должен иметь возможность работать. В условиях дефицита кадров повышение доли старших возрастных групп в экономически активном населении, обладающих, с одной стороны, высокой квалификацией, трудолюбием, дисциплинированностью, а с другой – ограниченными физическими возможностями, относительно худшим здоровьем, меньшей восприимчивостью к инновациям, требует создания условий для продления трудовой жизни этой категории граждан, особенно в реальном секторе экономики. Поколение пятидесятилетних и старше должно успеть передать свои знания и опыт молодежи, поскольку среднее поколение здесь малочисленно и не сможет обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров. Лица старшего поколения нуждаются в особых условиях труда, более гибких формах его организации, сокращенном рабочем дне. Они могут трудиться в качестве экспертов, консультантов, наставников молодежи, работников экспериментальных хозяйств и малых предприятий, а также на неквалифицированных работах, не требующих больших физических затрат.

[1] Инновационная Россия – 2020 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: www.economy.gov.ru/minec/ activity/sections/ innovations/ doc20101231_016.

Решение вопросов развития профессионального образования в крае предполагает объединение бюджетных средств, средств населения и работодателей. При этом целесообразно более активно использовать инструменты налоговой и кредитной политики. В частности, установить льготы по налогообложению прибыли для организаций, направляющих средства на обучение своих работников, освободить их от части налогов в местный бюджет; предоставлять безвозвратные ссуды предприятиям на полное или частичное возмещение затрат на производственное обучение лиц, особо нуждающихся в социальной защите, освобождать их от части выплат в социальные фонды.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получат значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализации и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности[1]. Применительно к сельской местности особо важно развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, позволяющих повысить уровень доступности качественного образования для сельских жителей, обеспечить его непрерывный характер, предоставить возможность в составлении индивидуальных образовательных программ из наиболее востребованных модулей, усилить связь с практической работой, сократить финансовые затраты. Движение должно быть двусторонним, не только сфера образования должна подстраиваться под потребности экономики, но и экономика должна создавать современные рабочие места.

Реализация этих мер требует объединения усилий федеральных, региональных и местных органов управления, предпринимателей и общественных организаций, активизации самого населения и позволит в перспективе сократить убыль трудового потенциала, а при определенных условиях добиться его количественного и качественного роста.

8.3 МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Перспективы устойчивого социально-экономического развития села, его инновационных перемен и, как следствие, конкурентоспособности Алтайского края зависят во многом от миграционных процессов. Воздействие последних определяется, с одной стороны, масштабами миграционных настроений сельских жителей и их реализации, социальным составом уезжающих из села. Рост миграционных настроений, особенно среди наиболее молодой и экономически активной части сельского населения, девальвирует уже имеющиеся достижения в АПК и других отраслях экономики и социальной сферы, парализует стремления бизнеса и властных органов к их модернизации[2].

С другой стороны, Алтайский край, как приграничный регион, является притягательным для жителей других регионов и близлежащих стран с более низким уровнем жизни – как для переезда на постоянное местожительство, так и в целях

[1] **Мау В.А.** Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 120–124.

[2] См.: **Великий П.П.** Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012. – 340 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2013. – 330 с.

сезонной, маятниковой трудовой миграции. Потребность сельской экономики в заполнении рабочих мест в АПК и других сегментах рынка труда со специфическими стандартами занятости и качества формирует потоки трудовых мигрантов соответствующего профессионально-квалификационного и социально-демографического состава[1].

Для исследования миграции как фактора формирования трудового потенциала в сельской местности Алтайского края рассмотрим две составляющие разнонаправленных процессов миграции (миграция сельских жителей и трудовая миграция в сельские районы) и попытаемся ответить на вопрос, какова их результирующая для обеспечения конкурентоспособности региона, его сельских территорий. С этой целью для изучения динамики потенциала миграционных настроений сельского населения и ее причин воспользуемся данными государственной статистики, проведенных нами региональных выборочных опросов сельских жителей в 2002 г., в 2008 г., в 2011 г., в 2013 г. и в 2016 г.[2], результатами глубинных интервью с представителями местной власти и бизнеса, сельской молодежью (2013–2015 гг.), материалами СМИ[3]. Информационная база изучения трудовой миграции в сельскую местность сформирована на данных экспертного опроса 63 руководителей органов местного самоуправления в 39 сельских районах и на материалах нарративных интервью с трудовыми мигрантами, занятыми в сельском хозяйстве (2014 г.)[4].

Миграционные настроения сельских жителей и их реализация: масштабы, динамика, социальный профиль, причины. Результаты опроса сельских жителей Алтайского края в 2013 г. показали, что более 77% респондентов не желали менять место жительства. Миграционный потенциал на селе составлял более 19% (рис. 8.4), т.е. почти каждый пятый селянин планировал уехать за пределы сельской местности (в города своего региона, в другой регион или страну) или хотел бы поменять место жительства, но пока не имеет возможности (главным образом из-за отсутствия денежных средств на переезд). Причем каждый десятый респондент имел определенные планы по смене места жительства, последние были связаны преимущественно с переездом в один из городов Алтайского края или в другой регион страны.

---

[1] См.: **Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е**. Трудовая миграция в Алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5 (103). – С. 129-133; **Нефедова Т.Г.** Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. Административная реформа. – М., 2004. – № 2. – С. 441–458; **Трудовые** мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др. – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

[2] Опросы проведены в различных по урбанизированности (периферийности) районах, в селах с различной численностью по квотной выборке (по полу и возрасту в каждом районе).

[3] Результаты исследований см.: **Алтайское** село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2011. – 296 с.; **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

[4] Результаты исследований см.: **Сергиенко А.М.** Трудовая миграция в сельские районы Алтайского края и политика ее оптимизации: экспертные оценки руководителей сельских муниципалитетов // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2015. – № 12. – С. 29–33; **Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.** Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия Алтайского государственного университета. –№ 3–1(87). – 2015. – С. 190–194; **Трудовые** мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др. – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

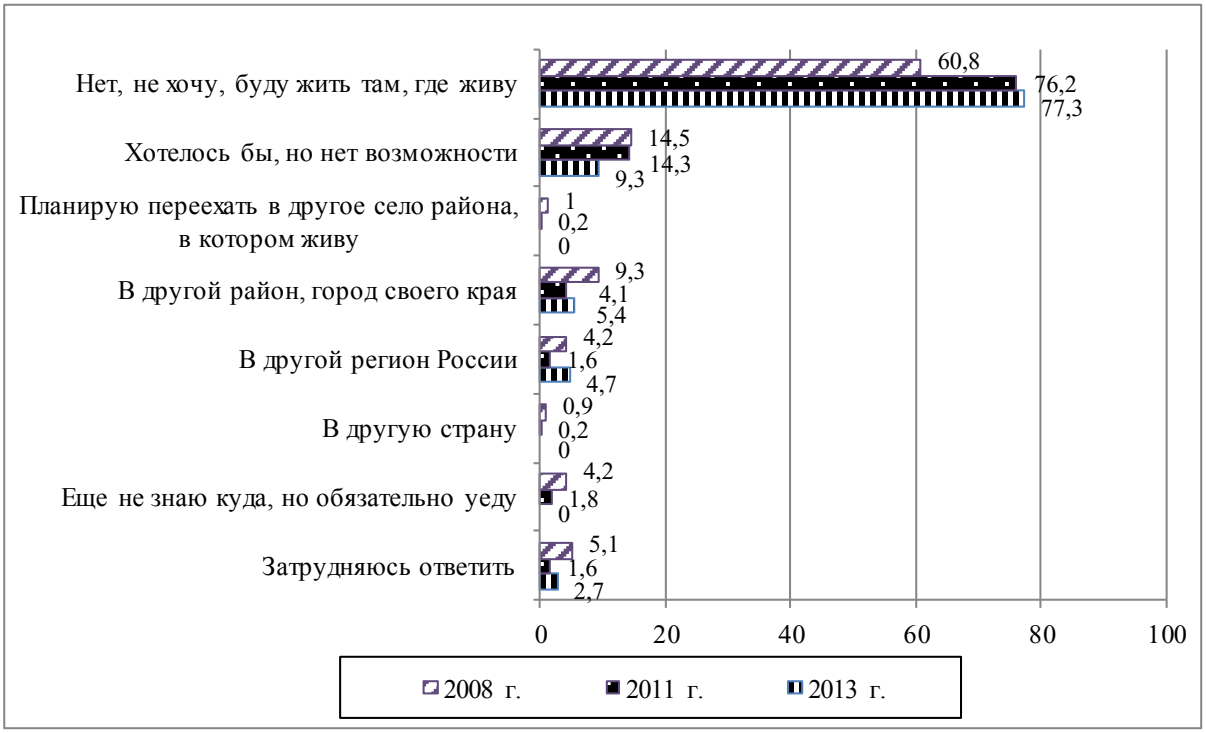


Рис. 8.4. Миграционные установки сельских жителей
(«Хотели бы Вы сменить место жительства? Куда планируете переехать?»), %
(по опросам 2008 г., 2011 г. и 2013 г.)

За предшествующие пять лет миграционный потенциал сильно сократился. В 2008 г., накануне глобального экономического кризиса, наблюдался значительный массив миграционных установок: каждый третий сельский житель хотел уехать из села, в 2011 г. таковых уже было существенно меньше (22%) и в 2013 г. осталось 19%, т.е. за рассматриваемые 5 лет удельный вес данной группы сократился в 1,6 раза (см. рис. 8.4). В основе снижения масштаба миграционных установок на отъезд из села лежат социально-экономические причины, в том числе существенное улучшение материального положения сельских жителей[1]. Кроме того, вследствие значительного улучшения транспортной обеспеченности и качества дорожной сети альтернативой переезду в город постепенно становится маятниковая трудовая миграция, которая в последние годы набрала значительный вес. По словам руководителей сельсоветов, близко расположенных к Барнаулу, «каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, села пустеют».

В половине случаев миграционные установки определяют низкий уровень жизни (планируют «улучшить материальное положение семьи»), в каждом третьем случае – отсутствие перспектив для детей, в каждом четвертом – нехватка «хороших» рабочих мест (с адекватной трудовому вкладу оплатой труда). Гораздо реже (до 10% случаев) в качестве причин миграционного настроения выделяются неблагоустроенность поселения, жилищные проблемы и отсутствие коммунальных удобств, низкое качество медицинского обслуживания. За последние пять лет структура причин формирования миграционных установок существенно не изменилась.

[1] Подробнее см. п. 8.3.

Миграционное настроение чаще формируется среди молодежи, сельских жителей с более высоким уровнем образования, среди не имеющих собственного жилья и среди более обеспеченных (табл. 8.3). И, напротив, наиболее высокий «градус» оседлых настроений (не менять место жительства) встречается среди пенсионеров, сельчан с наиболее низким уровнем образования и бедных[1].

Таблица 8.3

Распределение ответов сельских жителей на вопрос *«Хотели бы Вы изменить место жительства?»*, % к соответствующей группе ответивших (опрос 2013 г.)*

Характеристики		Да	Нет
В целом по массиву		**19,3**	**77,3**
Пол	Мужчины	19,5	79,3
	Женщины	20,6	75
Возраст	17–29 лет	34,5	58,6
	30–59 лет	21,3	77,5
	60 лет и более	3,1	93,8
Образование	Начальное и основное общее	0	100
	Среднее общее и начальное профессиональное	18,2	81,8
	Среднее профессиональное и неполное высшее	26,3	73,7
	Высшее	23,3	67,4
Занятость	Занятые в экономике	24,4	72,4
	Безработные	0	100
Материальное положение	Бедные и обездоленные (*«хватает средств только на питание и оплату коммунальных услуг» либо «денег иногда не хватает даже на питание»*)	12,5	83,3
	Относительно бедные *(«покупка вещей длительного пользования является проблемой»)*	19,1	80,9
	Обеспеченные, богатые *(«покупка дорогостоящих вещей (автомобиль и квартира, дом) вызывает серьезные затруднения» либо «можем позволить себе дорогие покупки»)*	22,6	71,0
Жилищные условия	Живут в собственном доме, собственной квартире	17,8	80
	Живут с родителями	0	100
	Снимают жилье, живут в служебной квартире (доме)	28,6	57,1

[1] Подробнее см.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.

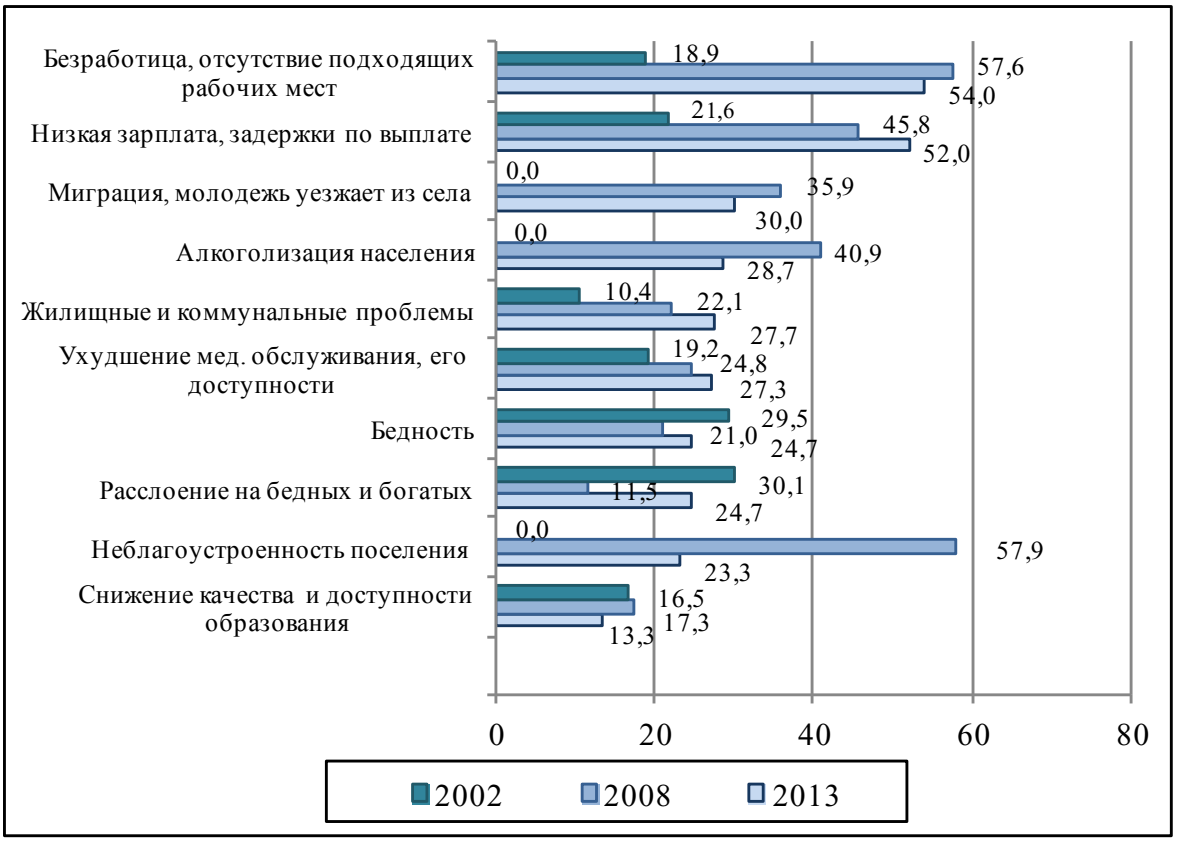


Рис. 8.5. Оценка сельскими жителями острых социальных проблем в развитии села в 2002 г., в 2008 г. и в 2013 г. . (*% к массиву респондентов*)

Молодежь формирует наиболее массивную социальную базу миграционных настроений и их реализации в сельской местности Алтайского края. Сдвиги в рейтинге социальных проблем села с начала 2000-х годов в оценках сельских жителей показывают, что миграция молодежи из села входит в последние годы в тройку лидеров, наряду с низкой заработной платой и безработицей (рис. 8.5).

Рейтинг остроты проблемы миграции молодежи в оценках экспертов (особенно представителей сельского бизнеса и руководителей организаций социальной сферы) еще выше, причем острота этой проблемы и, как следствие, нехватки квалифицированных кадров в последние годы усилилась[1].

По словам руководителя СПК «Путь Ленина» Поспелихинского района, «*надо обязательно остановить массовый отток молодежи из села… Уже сейчас нет ясной картины, кто будет трудиться на полях через 5–10 лет... Однако эта проблема требует комплексного решения государства – сил только одних хозяйств в этом вопросе недостаточно*».[2]

Из интервью с помощником главы фермерского хозяйства (с. Николаевка, Михайловский район, 2015 г.): *«Много молодёжи, конечно, уезжает. Из выпускников школы последних лет в сельском хозяйстве я никого не вижу. Из более ранних выпускников – да,*

[1] См.: **Сергиенко А.М., Иванова О.А.** Кадровая обеспеченность сельского хозяйства: проблемы и перспективы в условиях массовой миграции сельской молодежи // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы III Международного экономического форума / под ред. д.э.н. С.Н. Бочарова. – Барнаул : Издательство ООО «Колибри», 2016. – С. 358–362.

[2] По материалам статьи «**Вприглядку** механизатора не выучишь» в газете «Алтайская нива», № 24 (487) от 21–27 июня 2012 г.

молодежь 30–35 лет, вот в этом промежуточке она есть. Это те, которые по каким-либо причинам не сумели по окончании школы как-то определиться с учебным учреждением, и вот как-то так здесь остались. Но особой-то перспективы у них здесь нет…».

По данным всероссийской переписи 2010 г., сельская молодежь Алтайского края более активно уезжает из региона, чем молодежь регионов Сибирского федерального округа и России в целом (на 20 и 40% соответственно). По статистическим данным о внешней миграции с начала 2000-х годов сельская молодежь Алтайского края стабильно характеризовалась более высокой миграционной активностью в сравнении с остальным сельскими жителями и городской молодежью края (рис. 8.6), хотя в последние годы миграционная убыль сельской молодежи значительно снизилась (почти вдвое только за 2012–2014 гг.).

Миграционная убыль сельской молодежи наблюдалась в подавляющем большинстве районов Алтайского края, но наибольший отток в 2014 г. зафиксирован в Немецком национальном, Тальменском, Смоленском и Змеиногорском районах.

Следствием миграции сельской молодежи является активное сокращение ее численности (в 1,7 раза с 2002 г. до начала 2015 г., составив 139 тыс. чел.). Столь существенное сокращение (вдвое большее в сравнении с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста) привело к снижению удельного веса сельской молодежи в структуре сельских жителей трудоспособного возраста (до четверти в 2014 г.), что наносит серьезный ущерб трудовому потенциалу села.

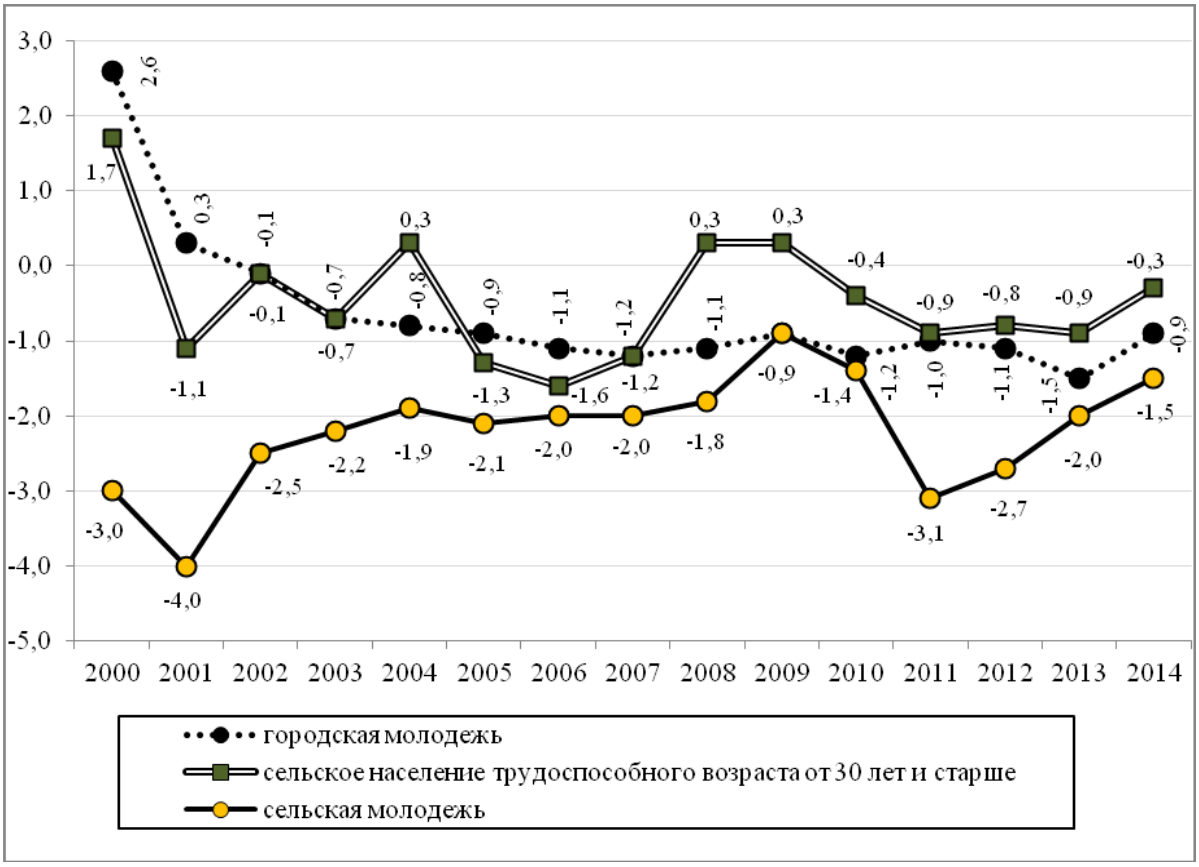


Рис. 8.6. Внешняя миграция сельской и городской молодежи, селян трудоспособного возраста от 30 лет и старше в Алтайском крае в 2000–2014 гг., тыс. чел.

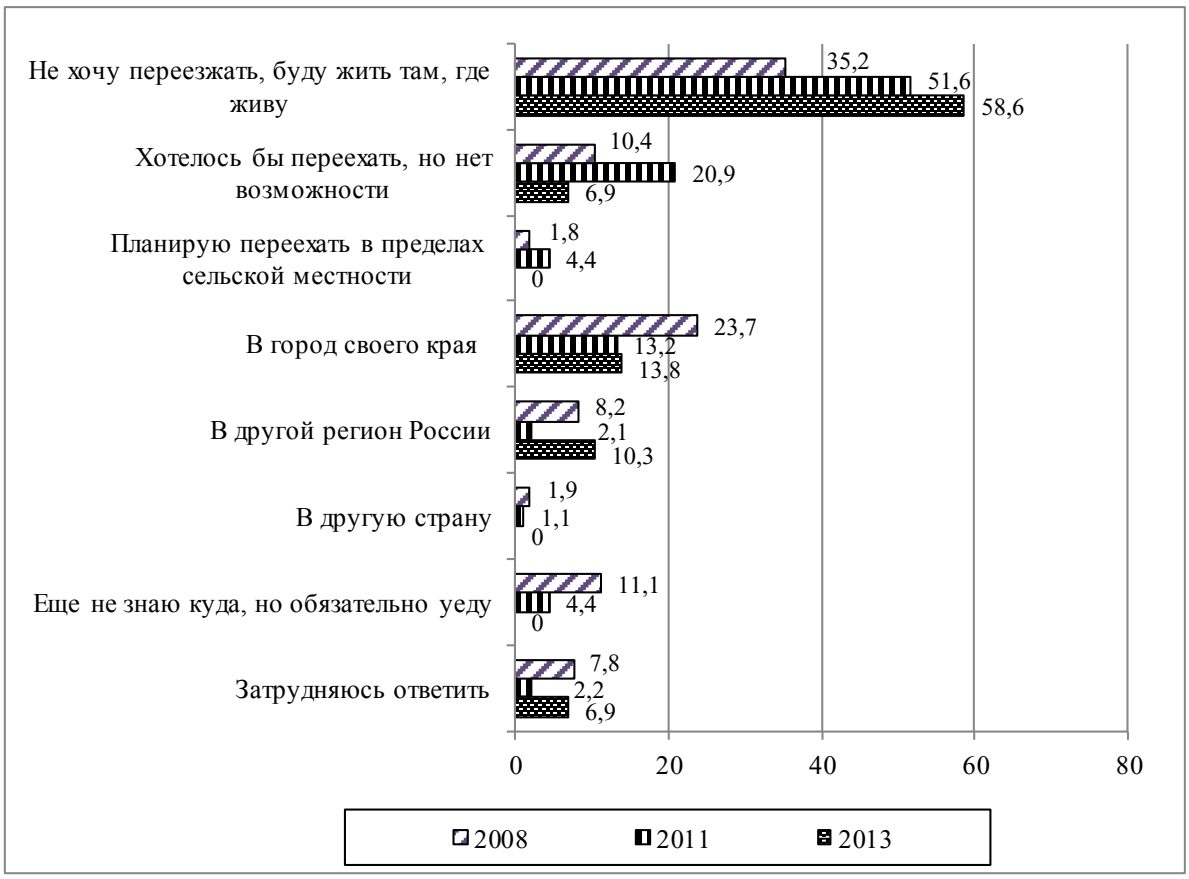


Рис. 8.7. Миграционные установки сельской молодежи
(«Хотели бы Вы сменить место жительства? Куда планируете переехать?»), %
(по опросам 2008 г., 2011 г. и 2013 г.)

Результаты выборочных опросов сельской молодежи соответствуют статистическим данным. Как уже отмечено, миграционный потенциал сельской молодежи значительно больше, чем в старших группах селян трудоспособного возраста: в 2013 г. желали уехать из села в города своего региона либо в другие регионы страны 35% молодежи против 19% среди всех сельских жителей (см. рис. 8.4 и рис. 8.7)[1]. За предшествующие 5 лет (с 2008 по 2013 год) миграционный потенциал сельской молодежи сократился в 1,6 раза (с 57 до 35%), а доля нежелающих менять место жительства выросла с 35 до 59% (см. рис. 8.7). Но за последние два-три кризисных года вновь наметился рост миграционного настроения: по опросу весной 2016 г. желали уехать из села уже 40% молодежи.

По результатам анализа данных статистики и проведенных нами социологических исследований, значимость занятости (ее статуса, уровня оплаты труда, условий труда и других характеристик) как драйвера миграционного оттока молодежи из села заметно усиливается, а социальным лифтом, обеспечивающим для молодежи доступ к качественным рабочим местам, все в большей мере становится образование, что

[1] См.: **Сергиенко А.М., Иванова О.А.** Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8. В 2-х ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21–26.

соответствует ситуации на международном рынке труда. По данным исследований английских ученых Ф. Картмеля и Э. Ферлонга, ограниченные возможности занятости молодежи – одна из важных проблем устойчивости сельских сообществ, стимулирующих миграционный отток[1]. Шотландские ученые С. Пэвис, С. Плэтт и Дж. Хаббард сделали вывод, что достигнутый уровень образования является значимым фактором не только выбора типа занятости сельской молодежи (поиска работы на местном или национальном рынке труда), но и формирования отношения к местному сообществу и сельской жизни в целом[2].

В крае наиболее высоким миграционным потенциалом обладают молодые селяне, слабо связанные с сельской средой жизнедеятельности (не имеющие хорошо оплачиваемой работы, собственного жилья, получающие профессиональное образование в городах) и одновременно активно использующие ресурсы в виде помощи со стороны родственных и коллективных социальных сетей.

> Из интервью с молодым работником ООО «Некрасовская сельхозтехника» (с. Гальбштадт, Немецкий национальный район): *«Проблема оттока молодежи из села объясняется просто: нет достойной заработной платы и, соответственно, стимула работать… Специалисты с высшим образованием часто вынуждены выполнять низкоквалифицированную работу, и многие по этой причине меняют место жительства»*[3].

> Из интервью с временно безработной (п. Комсомольский Павловского района, 2015 г.): *«После окончания педагогического вуза я вернулась в родное село, но в местную школу мне устроиться не удалось, а идти на сельхозпредприятие «за копейки» я не хочу. Поэтому придется ехать в город и устраиваться по специальности, родители обещали помочь с арендой жилья…»*.

Стремление повысить уровень образования является одной из распространенных и «набирающих силу» причин формирования миграционного настроения сельской молодежи. Этому способствует ухудшение ситуации с доступностью и качеством профессионального образования в сельской местности края. Иногда даже закрытие профучилища становится весомой причиной оттока молодежи из села.

> Из материалов статьи «Счет – в пользу оптимистов» в газете «Алтайская нива», № 48 (459), 8–14 декабря 2011 г.: *«В этом году новая причина оттока молодежи из района (Усть–Пристанского) – закрылось ПУ-59. И последствия этого мы начнем ощущать через года три-четыре... Раньше со всех сел района молодежь стекалась в училище, женились и оседали в селах. Треть работающего населения района наверняка прошла этот путь»*.

Значимыми противовесами выше названным факторам оттока молодежи из села являются государственная поддержка занятости и развитие дистанционного обучения в сельской местности.

---

[1] См.:**Cartmel, F.** Youth unemployment in rural areas / F. Cartmel, A. Furlong.– York: York Publishing Services Ltd, 2000. – P. 4–5.

[2] См.: **Pavis S., Platt S., Hubbard G**. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – P. 30.

[3] Из материалов статьи «Жить и работать буду в селе» в газете «Алтайская нива». См.: **Алтайская** нива. – 2012. – № 15 (478).

Из интервью с молодым предпринимателем в 2015 г. (пос. Новые Зори Павловского района): *«К моменту окончания вуза я уже решил, что останусь жить в своем селе, и стал продумывать различные варианты трудоустройства. Остановился на том, чтобы открыть свое дело. В центре занятости выделили небольшие деньги, открыл пекарню»*.

Из интервью с молодой сотрудницей сельской администрации (с. Смоленское Смоленского района, 2015 г.): *«Я несколько лет работаю в комитете по финансам. Когда появилась перспектива повышения, мне сказали, что необходимо получить высшее образование. Хорошо, что его можно получить дистанционно, а то бы пришлось отказаться от этой идеи, потому что в город на сессии не наездишься»*).

В свою очередь, город «выстраивает» естественные барьеры для активной миграции сельских жителей, среди них главными являются проблемы трудоустройства на «хорошие» рабочие места и получения доступного жилья.

Из интервью со студенткой медицинского колледжа в 2015 г., жительницей с. Стуково Павловского района: *«Если бы после получения диплома я нашла работу с жильем, то наверняка осталась бы в городе. Но найти такую работу очень непросто. Поэтому придется жить в деревне с родителями, а на работу ездить каждый день по 40 км до города и обратно»*.

Из интервью с молодым инженером СПК «Знамя Родины» с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского района, выпускником факультета механизации Аграрного университета: *«Пробовал зацепиться в городе, однако без стажа работы где там по специальности устроишься? Разве что на подхвате в многочисленных шиномонтажных и прочих автомастерских. Но такая перспектива положительных эмоций не вызывала. И не только у меня…»*[1].

Результаты проведенных нами в 2016 г. серий фокус-групповых опросов сельской молодежи, обучающейся в вузах Барнаула, показали, что наиболее мощным условием ремиграции студенческой молодежи, возвращения их в село после обучения является, прежде всего, возможность трудоустройства, хотя, безусловно, необходимо учитывать весь комплекс условий жизнедеятельности сельской молодежи, включая характеристики обеспеченности жильем и его качества, развития сельской социальной инфраструктуры, наличие регулярного транспортного сообщения и дорог хорошего качества, связывающих село с ближайшим крупным или средним по численности городом. Причем за возвращение в свое село высказалась только молодежь, проживавшая в крупных газифицированных селах, райцентрах. По результатам фокус-групповых опросов потенциал ремиграции составляет менее 5–10%, но резко повышается при наличии перечисленных условий – до 30–50%.

[1] Из материалов статьи «Под крышей дома. Своего!» в газете «Алтайская нива». См.: **Алтайская** нива. – 2015. – № 13 (627).

Трудовая миграция в сельскую местность и практики взаимодействия мигрантов с местными жителями. По оценкам представителей местной власти, распространенность трудовой миграции в сельских районах Алтайского края в 2014 г. была довольно высокой[1]. В 32 из 39 районов, где проводился опрос экспертов, трудятся мигранты из других стран и регионов страны. В 28 районах их численность крайне мала, лишь в 4 районах (Ключевском, Павловском, Немецком национальном и Смоленском) масштабы трудовой миграции достигали значительной величины. Помимо мигрантов, приехавших в край из стран СНГ еще в 1990-х годах, прошедших адаптацию и во многом интегрированных в сельское сообщество, значительную часть составляют временные и сезонные мигранты из Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, Азербайджана и Армении; в последние годы существенно увеличилась трудовая миграция из Кореи и Китая.

Распространенными практиками является наем мигрантов на сельхозпредприятия и к фермерам, в строительные организации, значительно реже – в организации торговли, общественного питания и других отраслей экономики[2]. В большинстве районов мигранты выполняют работы по выращиванию бахчевых и зерновых культур, овощей, картофеля; в отдельных районах они заняты животноводством. Для местных жителей мигранты выполняют различные виды работ в сфере домашнего и личного подсобного хозяйства: строят и ремонтируют жилые дома и подсобные помещения, выполняют трудоемкую работу в огородах, пасут скот, помогают вести домашнее хозяйство. Менее распространенными являются практики наемного труда местных жителей в хозяйствах мигрантов (на посевных работах, прополке, при сборе урожая), в принадлежащих им организациях строительства, торговли и общепита.

При всей мозаичности взаимоотношений трудовых мигрантов с местными жителями можно выделить несколько наиболее типичных моделей, среди них:

- занятость сезонных трудовых мигрантов на основе взаимоотношений закрытого типа, с низким уровнем взаимодействия мигрантов с сельскими жителями: модель характерна прежде всего для наемного труда мигрантов при их компактном расселении. Причины разобщенности с местным сообществом кроются в культурных различиях, языковом барьере и в специфике занятости. В большей мере это касается мигрантов из Китая, Кореи, Узбекистана и Таджикистана. Огромную роль в мотивации таких трудовых мигрантов играют связи с диаспорой и родственниками из страны выезда;

- хозяйственные стратегии оседлых трудовых мигрантов на основе взаимоотношений полузакрытого типа, с невысоким уровнем интеграции мигрантов в сельское сообщество и относительно низкой мотивацией к взаимодействию. В отличие от первой модели трудовые мигранты имеют значительную область самостоятельного принятия решений по налаживанию контактов с местными жителями;

---

[1] Кризисные процессы в экономике страны в 2015–2016 гг. и последние политические решения в области миграционной политики привели к сокращению масштабов трудовой миграции в крае.

[2] Подробнее см.: **Сергиенко А.М.** Трудовая иммиграция как драйвер социально-экономического развития села: опыт социологического исследования в приграничном аграрном регионе // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», [г. Екатеринбург, 10–11 апреля 2015 г.] [Электронный документ]. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 324–336. – URL: http://hdl.handle.net/10995/35380 (дата обращения: 20.11.2016 г.).

• хозяйственные стратегии оседлых трудовых мигрантов на основе взаимоотношений открытого типа, с активной адаптацией мигрантов в сельском сообществе, высоким уровнем взаимодействия с местными сельскими жителями в сфере труда и бизнеса. Для этой модели характерна рассеянная (фермерская) форма расселения мигрантов, что способствует их ассимиляции при длительном проживании[1].

По мнению представителей местной власти, трудовая миграция не оказывает пока значительного воздействия на социально-экономическое развитие сельских районов. Тем не менее основной вклад трудовой миграции эксперты видят в пополнении рынка труда рабочей силой (различной по квалификации, с преобладанием низкоквалифицированной), не приводящем к росту напряженности на рынке труда, к существенным сдвигам в сфере занятости в АПК и других отраслях сельской экономики. Трудовые мигранты обычно занимают низкооплачиваемые низкоквалифицированные рабочие места (часто в сфере неформальной занятости), выполняя работу, на которую не претендуют местные жители, тем самым способствуя снижению уровня оплаты труда, росту теневой экономики. Влияние трудовой миграции проявляется также в обмене знаниями и опытом в сфере сельского хозяйства (по технологиям возделывания почвы, выращивания бахчевых и овощей, зерновых культур, винограда, многолетних трав, ухода за крупным рогатым скотом, овцами и козами), проведения торговых операций (к примеру, при покупке живого скота) и в других сферах экономической деятельности.

Несмотря на обособленность временных и сезонных мигрантов, наблюдается позитивное влияние их трудовой культуры на развитие сельских сообществ: *«трудятся добросовестно, качественно»*, *«привносят более высокую культуру обслуживания покупателей»*. Кроме того, более высокая репродуктивная активность мигрантов, появление смешанных браков отражаются на увеличении рождаемости. Вместе с тем, несмотря на преобладание позитивных оценок влияния трудовой миграции на развитие села, эксперты настороженно оценивают эффективность дополнительного привлечения мигрантов в сельские районы. Две трети из них считает, что этого делать не следует, поскольку даже при увеличении мигрантов на 20%, это может привести к существенным изменениям с нежелательными последствиями.

[1] Подробнее см.: **Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.** Трудовые иммигранты и сельские жители приграничного аграрного региона: модели взаимодействия и пути его оптимизации // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XV Междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск : «Медиа-Альянс», 2015. – С. 365–373; **Сергиенко А.М.** Трудовые иммигранты в сельском сообществе: этнокультурный спектр взаимоотношений // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Барнаул : «Концепт», 2015. – С. 152–159; **Трудовые** мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др. – Саратов : Саратовский источник, 2015. – 293 с.

* * *

Итак, анализ миграционных процессов как фактора формирования трудового потенциала в сельской местности Алтайского края показал следующее. Во-первых, несмотря на значительное сокращение миграционного потенциала в последние годы (почти двукратное с 2008 по 2013 год), сельские территории края продолжают интенсивно терять экономически активную часть трудового потенциала, масштабы миграционных установок остаются значительными (в 2013 г. почти каждый пятый хотел уехать из сельской местности). Процессы миграционного оттока из села, безусловно, отражают глобальные закономерности урбанизации и роста производительности труда в сельском хозяйстве, но при таких масштабах и интенсивности в крае они формируют угрозу сохранению сельских сообществ, реализации возможностей модернизации сельского хозяйства и других ключевых отраслей сельской экономики, что неизбежно приводит к ослаблению перспектив социально-экономического развития села и конкурентоспособности региона в целом.

Основу миграционного потенциала формирует наиболее молодая и образованная часть сельского сообщества. Главными выталкивающими из села факторами по-прежнему являются относительно низкий уровень жизни и безработица, а также недоступность получения желаемого уровня образования или квалификации по месту жительства; причем значимость занятости и образования как факторов миграции заметно выросла с начала 2000-х годов.

Вместе с тем парадоксальной особенностью современной ситуации является заметное исчерпание влияния ключевых факторов роста потенциала динамики миграционных настроений селян из-за сочетания позитивных и негативных факторов: с одной стороны, благодаря значительному повышению уровня их жизни в предшествующее двум последним кризисным годам десятилетие, а с другой – из-за сокращения наиболее молодой части в демографической структуре сельских жителей, а также вследствие изменений притягательной силы городов как постоянного места жительства. В последнем случае на это повлияло существенное развитие транспортной и дорожной сети, обеспечивающей связь села с городом и создающее основу роста маятниковой трудовой миграции, а также ограниченные возможности города принять сельских мигрантов на постоянное место жительства путем создания подходящих рабочих мест и недорогого жилья. Причем даже последние кризисные годы (2014–2016 гг.) существенно не повлияли на повышение миграционных настроений сельской молодежи (40% в 2016 г.).

Перспективы позитивных сдвигов в миграционном настроении селян видятся, прежде всего, в создании эффективных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе, необходимых для повышения конкурентоспособности сельских территорий и региона, для реализации ключевых, уникальных функций села – рекреационной и обеспечения продовольственной безопасности. Приоритетом государственной политики по сокращению миграции сельской молодежи должны стать дифференцированные социальная поддержка и стимулирование активности различных ее групп с учетом территориальных, демографических, доходных и других характеристик социального положения. Среди направлений совершенствования государственной политики в области образования и занятости можно выделить следующие:

1) развитие профориентации, повышение доступности, качества и стимулирования получения профессионального образования, в том числе за счет дистанционных форм обучения;

2) целевое обучение и социальная поддержка молодых специалистов, внедрение системы муниципального заказа на подготовку кадров с учетом потребностей локальных рынков труда, закрепление молодых специалистов в сферах сельского хозяйства, здравоохранения, образования и в других отраслях экономики;

3) содействие трудоустройству выпускников вузов по получаемым специальностям, безработной молодежи, экономическое стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, развитие молодежного предпринимательства, в том числе в АПК;

4) содействие занятости молодых сельских женщин с маленькими детьми.

Во-вторых, анализ воздействия трудовой миграции на социально-экономическое развитие сельских районов в Алтайском крае показал, что трудовая миграция является важным фактором развития села, хотя и не приводит пока к значительному улучшению экономики. Специфика воздействия трудовой миграции на социально-экономическое развитие сельских районов края определяется его распространенностью, преобладанием рассеянной (фермерской) формы расселения мигрантов, способствующей их ассимиляции при длительном проживании, разнообразием национального состава, развитием различных трудовых и предпринимательских практик.

Несмотря на характерный для временной и сезонной миграции крайне низкий уровень взаимодействия мигрантов с сельскими жителями, как в сфере труда и ведения бизнеса, так и в повседневном бытовом общении, в сфере культурного обмена, – наблюдается позитивное влияние трудовой культуры мигрантов на социально-экономическое развитие сельских сообществ.

Для повышения эффективности воздействия внешней трудовой миграции на развитие села необходимо не только усилить реализацию существующих мер миграционной политики по первичной адаптации мигрантов, связанных с изучением русского языка и культуры страны, региона, сельских сообществ, сокращением масштабов нелегальной миграции, но прежде всего совершенствовать политику более глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий их комфортного проживания в сельской местности (путем содействия трудоустройству и открытию бизнеса, решению жилищных проблем, обеспечения медицинским и социальным страхованием, оказания социальной помощи), развития кросс-культурных практик их взаимодействия с местным населением.

Глава 9
ДИНАМИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Социально-экономические и политические трансформации в России последней четверти века наглядно отражаются в сфере доходов населения. Под влиянием перехода к рынку, кардинальных сдвигов в социально-экономической политике, а в последнее десятилетие в условиях глобального экономического кризиса и усиления внешнеполитического давления на экономику России сформировались современные тренды динамики и дифференциации доходов россиян, выражающиеся в кардинальных сдвигах в экономической и социальной структурах российского общества (см. в работах У. Алиева, Т. Богомоловой, Е. Гонтмахера, Т. Заславской, З. Калугиной, Л. Овчаровой и М. Малковой, Э. Райнерта и других ученых)[1]. Наряду с общероссийскими, в регионах действовали специфические факторы, определяющие конфигурацию динамики и дифференциации доходов населения. Наряду с геополитическими особенностями их развития, особое место в этих процессах занимают такие экономические и политические драйверы, как инвестиционная привлекательность региона, ресурсная обеспеченность, экономическая специализация, приоритеты государственной региональной политики и уровень федеральной поддержки (подробнее в работах В. Бобкова, И. Глазыриной и Е. Клевакиной, Н. Зубаревич, М. Латышевой, А. Троцковского и др.)[2]. В свою очередь, именно доходы населения как компонент уровня жизни все в большей мере становятся импульсом социально-экономического развития региона, определяя привлекательность рабочих мест в экономике и в целом устойчивое развитие условий жизнедеятельности людей и конкурентные преимущества региона.

---

[1] **Алиев У.Т.** Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 2 (192). – С. 97–108; **Богомолова Т.Ю.** Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990–2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120; **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Калугина З.И.** Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6. – С. 117–129; **Перспективы** и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.; **Райнерт Э.С.** Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 384 с.; **Российские** домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.; **Россия** и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. – 750 с.

[2] **Бобков В.** Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С.46–58**; Глазырина И.П., Клевакина Е.А.** Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 113–128; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Латышева М.А.** Статистическое исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. – 2010. – Вып. 1. – С. 89–92; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013.– 330 с.

В связи с этим интерес представляет Алтайский край – один из аграрных приграничных регионов Сибири. Здесь, с одной стороны, активное воздействие на доходы населения оказывают факторы экономической специализации (доля сельского хозяйства в экономике составляет 27,9% против 6,8% в РФ), а с другой стороны, геополитическая специфика его развития, связанная с приграничным расположением на юге Сибири[1]. Если в советское время социально-экономическое развитие регионов Сибири являлось приоритетным направлением государственной политики, что проявлялось в больших масштабах инвестиций в экономику, человеческий капитал и, как следствие, отражалось в существенно более высоких доходах населения на фоне всей страны, то за последнюю четверть века Сибирь отодвинулась далеко с первых позиций в распределении финансовых и человеческих ресурсов. Наиболее заметно это отставание среди ее аграрных приграничных регионов, к которым относится Алтайский край.

Рассмотрим, как за два с половиной десятилетия менялись доходы населения, масштабы бедности и социально-экономических неравенств в Алтайском крае, его позиции по этим показателям на фоне России и Сибирского федерального округа (СФО). Особое внимание обратим на специфику трендов в годы активных рыночных реформ (1990-е годы), период экономического роста (2000–2008 гг.) и на современном этапе (2009–2014 гг.), характеризующемся мощным влиянием внешнеэкономических и политических факторов, новыми акцентами в государственной политике.

9.1 ДИНАМИКА УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

В годы активного перехода к рынку (1990-е годы) в России и ее регионах масштабная (в первое полугодие – галопирующая) инфляция определила картину стремительного роста среднедушевых денежных доходов населения (в номинальном выражении), лишь отчасти погашающего ее влияние. Алтайский край кардинально проиграл в этой гонке за инфляцией и адаптации к рынку: вплоть до дефолтного 1998 г. регион ухудшал свои позиции на российском фоне (табл. 9.1).

Если в 1990 г. доходы жителей края и заработная плата работников его организаций была незначительно ниже среднероссийских (92,2 и 98,7% соответственно), то уже в начале реформ (1992 г.) они, соответственно, составляли 76 и 81,4% от аналогичной величины для России, а в 1998 г. упали до 52,8 и 67,7% (здесь и далее в качестве источника использованы данные Росстата за разные годы). И лишь в последние годы 1990-х годов ухудшение позиций по доходам населения Алтайского края относительно России удалось остановить, так как заработная плата в регионе продолжала сдавать свои позиции (53,7 и 61,4% в 2000 г.) – таблица 9.2.

Столь значительное ухудшение положения края по доходам соответствовало общему тренду для регионов Сибирского федерального округа. Ранее более высокие доходы сибиряков в этот период начали терять свои позиции на фоне доходов россиян. В 1995 г. доходы сибиряков были уже чуть ниже средних по стране (95,7%), далее этот разрыв постепенно увеличивался, и в 2000 г. они составляли уже 84,7% доходов россиян (см. табл. 9.1–9.2). Ухудшение позиций жителей регионов СФО по доходам в

[1] **Сергиенко А.М.** Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 1 (199). – С. 194–205.

Таблица 9.1

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в 1990–2015 гг., руб. в месяц

	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2014	2015
Доходы населения									
Российская Федерация	0,217	516	2281	8088	14864	16895	18958	27767	30225
Сибирский федеральный округ	…	494	1933	6681	12889	13491	15007	21490	23336
Алтайский край	0,200	347	1224	4640	9974	9868	11029	18434	21008
Заработная плата									
Российская Федерация	0,303	472,4	2223	8555	17290	18638	20952	32495	34030
Сибирский федеральный округ	0,327	553,3	2270	8110	15381	16606	18658	28347	29616
Алтайский край	0,299	332,2	1365	4914	9732	10872	12051	19456	20090

Источник: Данные Росстата.

Таблица 9.2

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций и валового регионального продукта на душу населения Алтайского края с аналогичными показателями по регионам СФО и РФ в 1995–2013(5) гг., %

	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015
Доходы населения										
Алтайский край к регионам СФО	70,3	63,3	69,5	77,4	73,1	73,5	73,7	78,1	85,8	90,0
Алтайский край к регионам РФ	67,6	53,7	57,4	67,1	58,4	58,2	58,6	61,6	66,4	69,5
Заработная плата										
Алтайский край к регионам СФО	60,0	60,1	60,6	63,3	65,5	64,6	67,3	68,2	68,6	67,8
Алтайский край к регионам РФ	70,3	61,4	57,4	56,3	58,3	57,5	60,1	60,5	59,9	59,0
ВРП на душу населения										
Алтайский край к регионам СФО	56,7	52,4	54,0	59,4	62,0	58,3	55,2	57,0	…	…
Алтайский край к регионам РФ	61,1	44,7	42,8	44,6	48,7	47,4	43,4	44,0	…	…

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

сравнении с россиянами в тот период было связано в первую очередь с регионами аграрной специализации (такими как Алтайский край) и республиками – национальными окраинами. В середине 1990-х годов доходы жителей края составляли 67,6% от среднесибирских, в конце десятилетия еще ниже – 63,3%. Хуже ситуация была только в республиках Тыва и Алтай.

Годы активных рыночных реформ характеризуются процессом усиления межрегиональной дифференциации по среднемесячной заработной плате работников предприятий. В 1990-х годах значительно усилились различия в динамике оплаты труда между аграрными и промышленными регионами с высокой долей добывающих отраслей. Значительный разрыв по оплате труда (до 2,5 раз) наблюдался между Алтайским краем и такими регионами СФО, как Кемеровская и Томская области, Красноярский край.

В годы экономического роста Алтайский край заметно восстановил позиции по доходам населения среди регионов России, хотя и не достиг уровня начала реформ. В 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей края составил 67,1% от значения аналогичного показателя по России. Среди регионов Сибири в этот период Алтайский край характеризовался по-прежнему одним из наименьших значений среднедушевых доходов, хотя разница заметно сократилась, и к началу глобального экономического кризиса они составляли 77,4% от доходов сибиряков (см. табл. 9.1–9.2).

Динамика отставания по среднемесячной заработной плате работников организаций Алтайского края от России и СФО имеет в этот период противоположные тренды: если в сравнении с регионами СФО край немного улучшил свои позиции (с 60,1% в 2000 г. до 63,3% в 2008 г.), то в сравнении со страной продолжал проигрывать (уровень относительного показателя упал с 61,4 до 56,3%). Первое объясняется тем, что за этот период регионы Сибири в целом более значительно ухудшили свои позиции по зарплате, потеряв свои преимущества в сравнении со всеми россиянами: если в 2000 г. этот показатель был выше чем в России на 2,1 п.п. (процентные пункты), то в 2008 г. уже на 11 п.п. ниже.

В 2009–2010 гг. глобальный экономический кризис слегка отразился на падении уровня среднедушевых доходов населения Алтайского края в сравнении с Россией (58,2–58,4%) и регионами СФО в целом (73,1–73,5%). Более того, в 2009 г. в крае произошло даже абсолютное сокращение доходов (на 1,1 п.п.), что не случилось с доходами жителей других регионов СФО и в стране в целом.

Начиная с 2011 г. Алтайский край компенсировал свое падение более интенсивным ростом доходов населения и заработной платы в сравнении с Россией и в большей степени – с регионами СФО, что отразилось на сокращении отставания. В 2015 г. доходы жителей края достигали 69,5% от средней по России, зарплата – 59,0%, а от средней по сибирским регионам – 90,0 и 67,8% соответственно (см. табл. 9.1–9.2). В целом, несмотря на заметное сокращение почти двукратной разницы с Россией, с начала 2000-х годов (на 15,8 п.п.) и еще более сильное – в сравнении с СФО (на 26,7 п.п. до 2015 г. включительно), масштабы отставания края от России по доходам населения остались значительными. Столь же весомым сохраняется отставание по зарплате от страны, причем за тот же период его размеры даже слегка увеличились (на 2,4 п.п.), наблюдалось лишь небольшое сокращение различий с СФО (на 7,7 п.п. до 2015 г. включительно). Аутсайдерские позиции Алтайского края ярко проявляются как на фоне страны, так и сибирских регионов. С начала «нулевых» край занимает одну из последних позиций по доходам населения и по заработной плате в СФО (почти стабильно последняя позиция с существенным отставанием от ближайшего (по данному

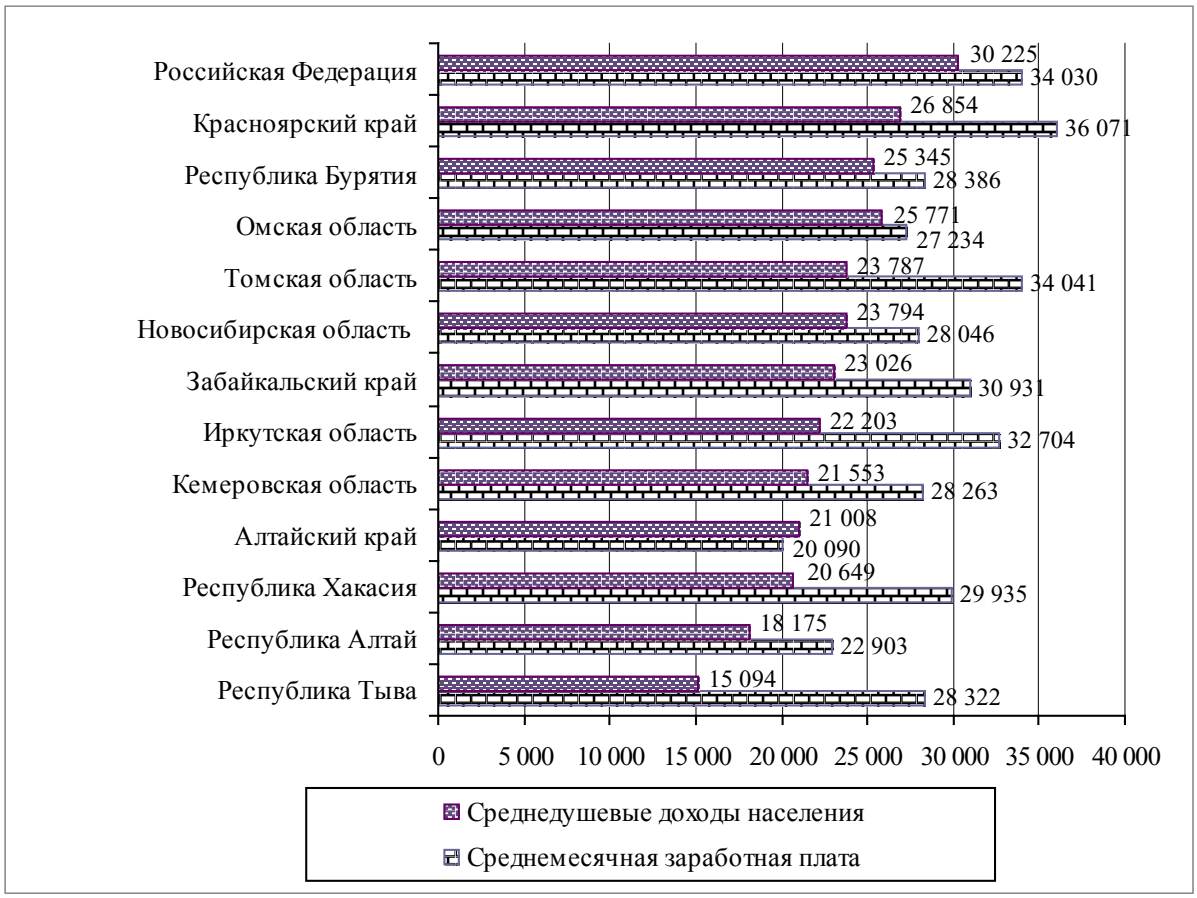


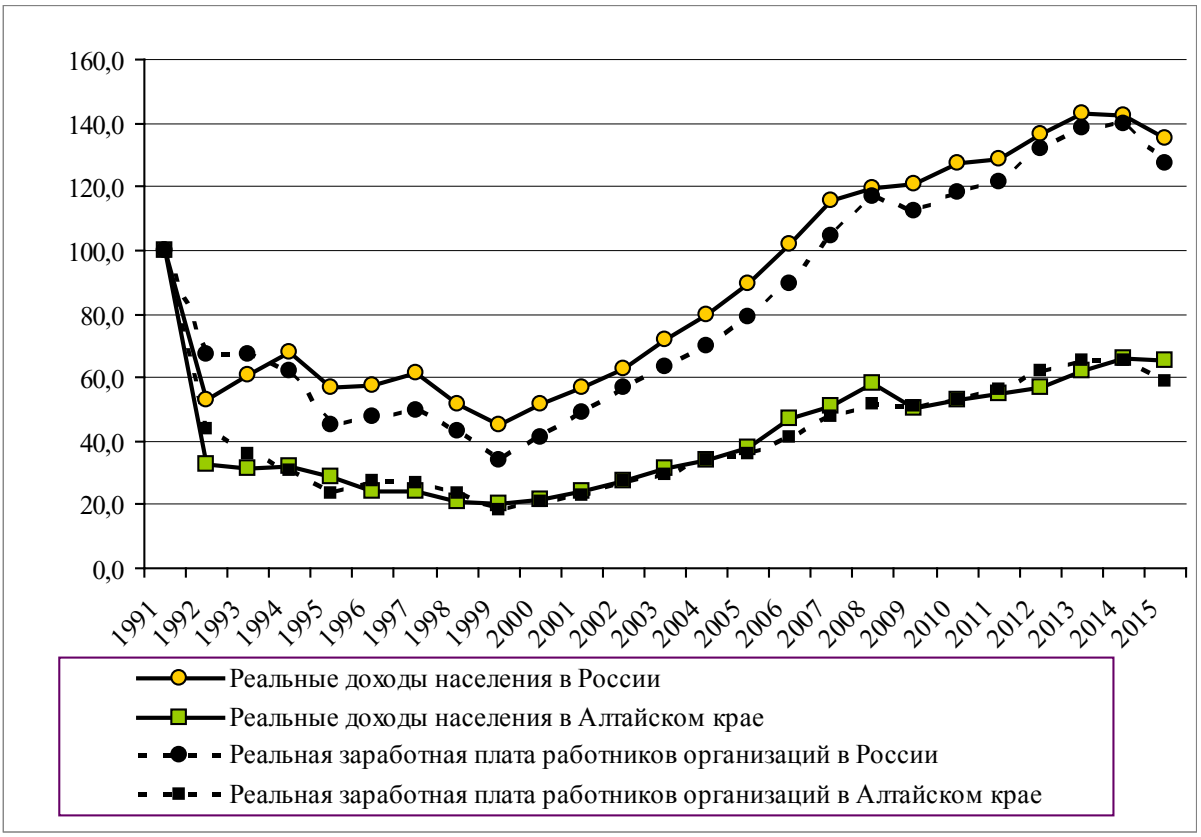
Рис. 9.1. Среднедушевые денежные доходы и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций России, Сибирского федерального округа и его регионов в 2015 г., %

показателю) соседа (республики Алтай) – рисунок 9.1[1].

Динамика реальных денежных доходов населения регионов России, в том числе Алтайского края, за прошедший 25-летний период характеризуется следующими трендами:

- пиком обвального падения в 1991–1992 гг. (период либерализации);
- кратковременным заметным ростом в 1993–1994 гг., это не коснулось Алтайского края, хотя здесь в 1994 г. реальные доходы уже не падали (массовая приватизация);
- небольшим ростом в 1996–1997 гг. после падения в 1995 г., сменившимся более значительным их снижением в 1998–1999 гг., в крае – постепенным снижением за исключением 1997 г. (адаптационный период перехода к рынку в условиях высокой инфляции, дефолт рубля в 1998 г.);

[1] **Алтайское** село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.; **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.2. Динамика реальных денежных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работников организаций России и Алтайского края в 1992–2015 гг. (нарастающим итогом к 1991 г.), %

• сравнительно устойчивым их увеличением в 2000–2008 гг., с высокими погодовыми темпами, в Алтайском крае – от 8,2 до 25,0% (благоприятная международная конъюнктура цен на энергоносители, усиление влияния социально-экономической политики);

• существенным сокращением темпов роста в стране за последующие 5 лет (2009–2013 гг.) с небольшим, но нарастающим падением в 2014–2015 гг. (кризисные явления в стране, усиленные снижением цены на нефть, внешнеполитическим давлением, санкциями), в крае – снижением реальных доходов только в 2009 г. на 13,2 п.п. (влияние глобального экономического кризиса) и в 2015 г. – на 1 п.п. (рис. 9.2)[1].

[1] Подробнее о характеристиках этапов экономического развития страны см., например: **Бобков В.** Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С.46–58; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Мау В.** Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 5–31; О динамике реальных доходов населения в России и Алтайском крае см.: **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262; **Сергиенко А.М.** Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 1 (199). – С. 194–205.

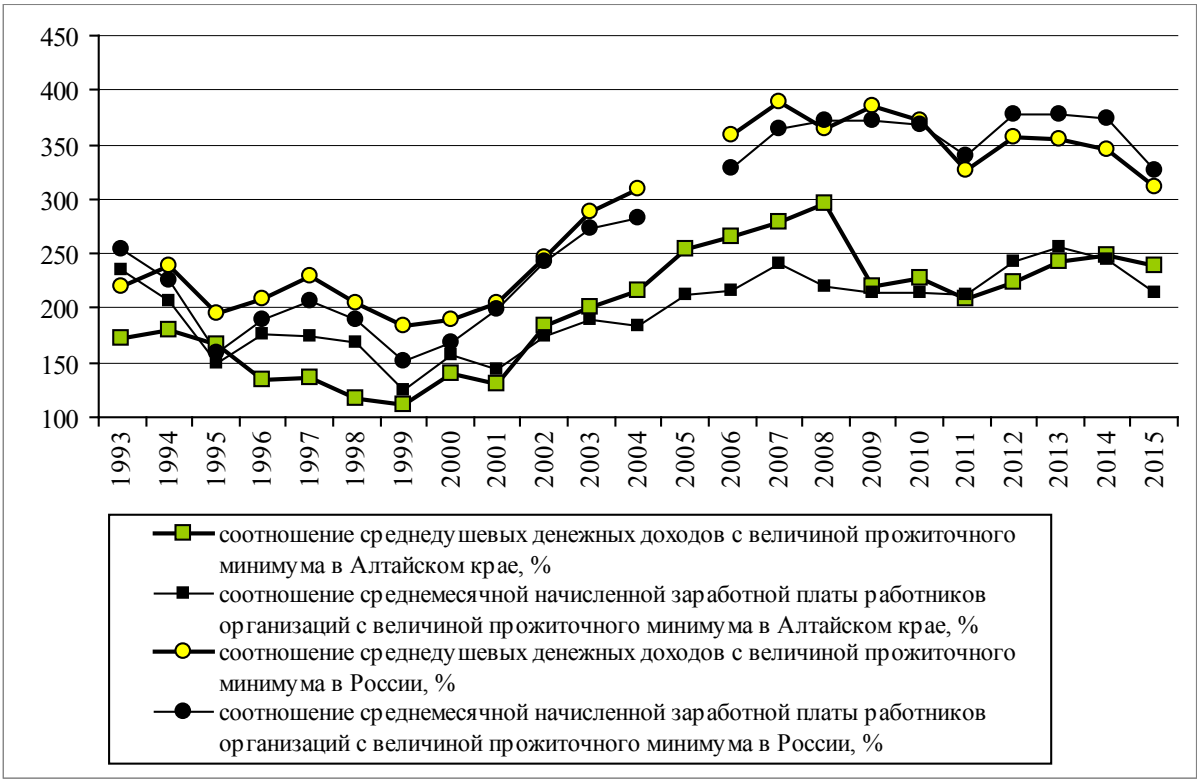
В целом характер динамики реальных доходов жителей Алтайского края соответствовал сибирским и общероссийским тенденциям, однако темпы падения доходов в 1990-х годах значительно превосходили средний уровень по Сибири и России, что обусловило их значительно более низкий уровень: например, по Алтайскому краю 19,9% от дореформенного уровня против 45,4% в стране (см. рис. 9.2). В годы экономического роста реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,7 раза, что выше значения аналогичного показателя по стране (2,3 раза). Несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей края в этот период, реальные доходы населения накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) составляли только чуть более половины от дореформенного уровня (57,9% к уровню 1991 г.).

За исключением мощного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 13,2%), как уже было отмечено, все последующие годы до 2014 г. включительно в крае наблюдался прирост со значительными колебаниями от 3,6% в 2011 г. до 9% в 2013 г. Только в 2015 г. реальные доходы населения в крае «потеряли» 1 п.п., что значительно меньше «потерь» в сравнении с Россией в целом, где такое сокращение достигло 4,9 п.п., отражая современные кризисные явления в экономике. В итоге Алтайский край смог выйти на 65,4% от дореформенного уровня реальных доходов, тогда как Россия уже в 2003 г. преодолела этот рубеж и в 2015 г., несмотря на сокращение за два года, опережала уровень 1991 г. более чем на треть (135,1%) – см. рис. 9.2.

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в России и Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов (см. рис. 9.2). В период экономического роста реальная зарплата в Алтайском крае выросла в 2,5 раза, погодовой прирост колебался в пределах от 6 до 20%. И в 2008 г. реальная зарплата составляла уже более половины (51,7%) от ее дореформенного уровня, что было лишь немногим больше отставания по реальным доходам. Кризисный 2009 г. практически выровнял позиции реальной зарплаты и реальных доходов относительно почти двукратного дореформенного уровня. И в новом десятилетии до 2013 г. включительно реальная зарплата в крае прирастала ежегодно с колебаниями от 4,2 до 10,5%, что выше страновых и среднесибирских показателей. Последние кризисные явления в экономике проявились уже в 2014 г. в низких темпах роста реальной зарплаты в стране (до +1 п.п.) и в небольших потерях – в регионе (–0,1 п.п.) и значительном падении – в 2015 г. (–9 и –10% соответственно). В этот год реальная зарплата в Алтайском крае достигла только 58,8% от дореформенного уровня, что в 2,2 раза ниже достигнутого в России относительно начала 1990-х годов (127,3%).

Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной зарплаты работников организаций с величиной прожиточного минимума соответствующих социально-демографических групп более чувствительно отражает изменения уровня жизни, покупательной способности населения в сравнении с трендами реальных доходов и заработной платы. Наименьшие значения этих показателей в России и Алтайском крае наблюдались в конце 1990-х годов: 1,52 прожиточных минимума (ПРМ) по соотношению с заработной платой и 1,83 – с доходами населения в России, а в регионах-«аутсайдерах» эти величины опускались, как видим по Алтайскому краю, почти до одного ПРМ (1,11 – по доходам и 1,25 – по зарплате) – рисунок 9.3.

В годы экономического роста величины соотношения доходов населения и заработной платы работников с ПРМ в России значительно увеличились. Более чем дву-



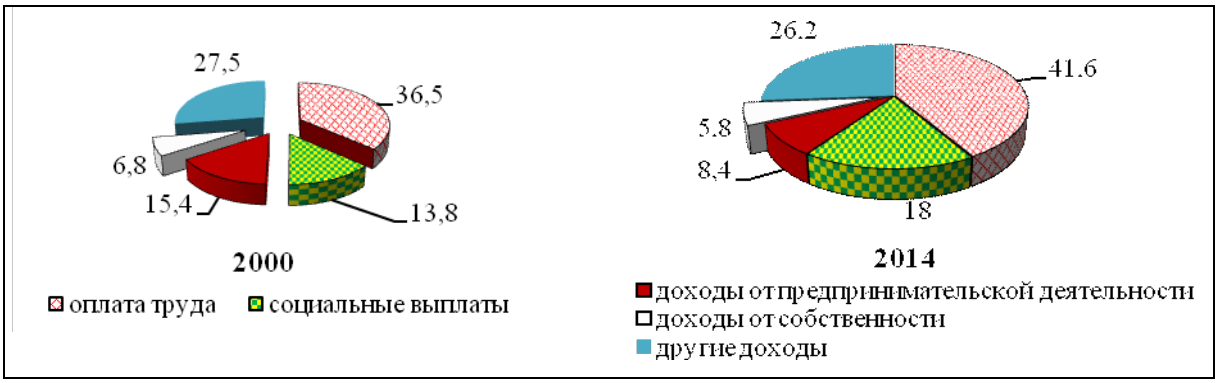
Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.3. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 1993–2015 гг.*

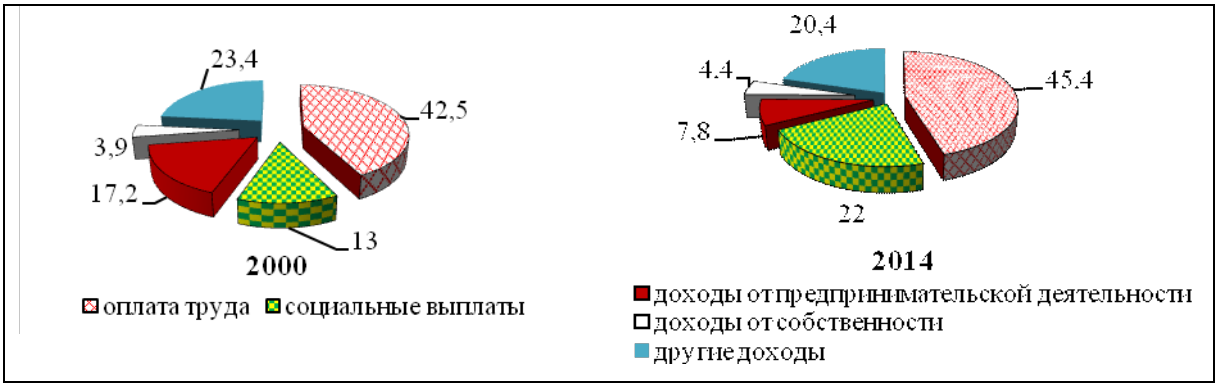
* На основании Федерального закона от 24.10.97 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума. С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», кроме Самарской области. В 2014–2015 гг. в целях обеспечения статистической сопоставимости данных относительные показатели по Российской Федерации рассчитаны без учета сведений по Республике Крым и г. Севастополю. Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума рассчитано для населения трудоспособного возраста.

кратный рост был достигнут по обоим показателям в 2007 г., приблизившись к четырем бюджетам ПРМ (3,9 и 3,64 соответственно). Покупательная способность доходов россиян тогда достигла максимума, в последующие годы она «вела себя» неустойчиво с преобладанием тенденции падения. Причем заметное сокращение доходов россиян по отношению к ПРМ в этот период в стране происходило трижды: в первый раз в кризисный 2008 г. (с 3,90 в 2007 г. до 3,65), затем – в 2010–2011 гг. (с 3,86 в 2009 г. до 3,26) и в современные кризисные 2014–2015 гг. (с 3,55 в 2013 г. до 3,12). Зарплата россиян ежегодно теряла свою величину в соотношении с ПРМ в 2009–2011 гг. (с 3,73 в 2008 г. до 3,40), последующий двухлетний рост поднял этот показатель до «исторического» максимума (3,79), а последний кризис «откинул» покупательную способность заработной платы на десять лет назад, причем основные потери произошли в 2015 г. (3,26).

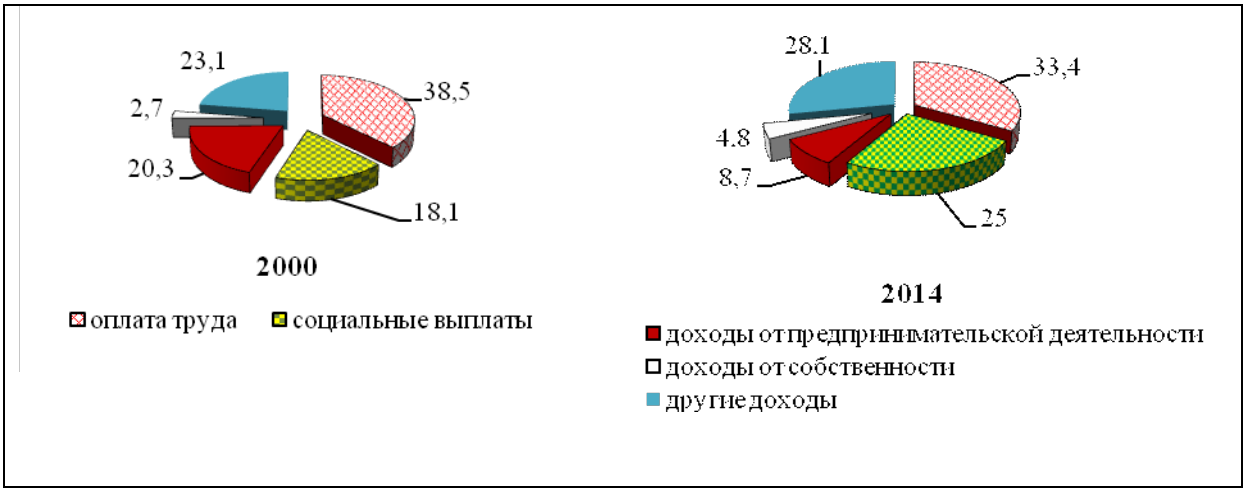
Российская Федерация



Сибирский федеральный округ



Алтайский край



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.4. Структура источников формирования денежных доходов населения России, СФО и Алтайского края в 2000 г. и в 2014 г., %

В Алтайском крае кризисные явления в экономике в 2008–2009 гг. драматически отразились на падении доходов и зарплаты по отношению к ПРМ: с 2,96 в 2008 г. до 2,20 в 2009 г. – по доходам; с 2,41 в 2007 г. до 2,13 в 2009 г. – по зарплате, что стало соответствовать показателям середины «нулевых». За последние два кризисных года снижение покупательной способности заработной платы в крае было менее глубоким, чем в стране (на 17%), что касается доходов жителей края, то их покупательная способность упала только в 2015 г. на 4%. Таким образом, в 2015 г. доходы жителей и заработная плата работников организаций края составили чуть более двух бюджетов ПРМ (2,39 и 2,13), что в 1,3 и 1,5 раза ниже соответствующих показателей в России.

Вектора изменений структуры доходов населения Алтайского края в 1990-х годах определялись более высокими по сравнению с российскими значениями динамикой и удельным весом доходов рыночного характера (связанных с развитием предпринимательства и институтов финансовой сферы) в общей структуре доходов населения и одновременно более низкими динамикой и долей социальных трансфертов и доходов от собственности, более низкими темпами падения доли оплаты труда. В крае удельный вес оплаты труда сократился с 73,3% в 1990 г. до 38,5% в 2000 г., что существенно ниже значений аналогичного показателя по Сибири и России в целом. В 1,8 раза вырос удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и собственности – с 11 до 20,3% (максимальная величина данной статьи доходов зафиксирована государственной статистикой в 1998 г. – 37,5%) – рисунок 9.4. Доля социальных трансфертов в структуре доходов жителей края в тот же период выросла в полтора раза – с 12 до 18,1%. К началу периода экономического роста сформировалась более значительная зависимость жителей Алтайского края от государственных социальных трансфертов в сравнении с жителями других регионов Сибирского федерального округа.

С начала 2000-х годов и до последнего времени в Алтайском крае, как и в регионах Сибири и России в целом, наблюдался существенный рост удельных весов таких ключевых элементов структуры доходов населения, как оплата труда и социальные выплаты, и напротив – значительное снижение долей доходов, полученных от предпринимательской деятельности, развития института собственности (см. рис. 9.4). Но в крае и регионах Сибири в целом значительно больше чем в России выросла доля социальных выплат. В 2014 г. в Алтайском крае доля социальных выплат была выше на 7,1 п.п., чем в России (25% против 18,1%), доля оплаты труда – на 8,2 п.п. ниже (33,4% против 41,6%), и незначительно отличались удельные веса доходов от предпринимательства (8,7 и 8,4%) и от собственности (4,8 и 5,8% соответственно).

В основе формирования уровня, структуры и дифференциации доходов населения, как известно, лежат экономические процессы, отражающиеся в частности в показателях валового продукта, производства отдельных видов продукции, а также социальная политика перераспределительных отношений. Сравнительный анализ позиций Алтайского края и регионов СФО и РФ в целом по валовому региональному продукту на душу населения, фиксирующему результативность экономической деятельности, а также по среднедушевым доходам населения и заработной плате работников организаций, отражающих вознаграждение за полученный результат, – показал следующее.

Во-первых, по ВРП на душу населения отставание края и от регионов СФО, и от регионов России существенно выше отставаний по заработной плате, и особенно по доходам населения, т.е. вознаграждение в крае выше результативности в экономике (см. табл. 9.2).

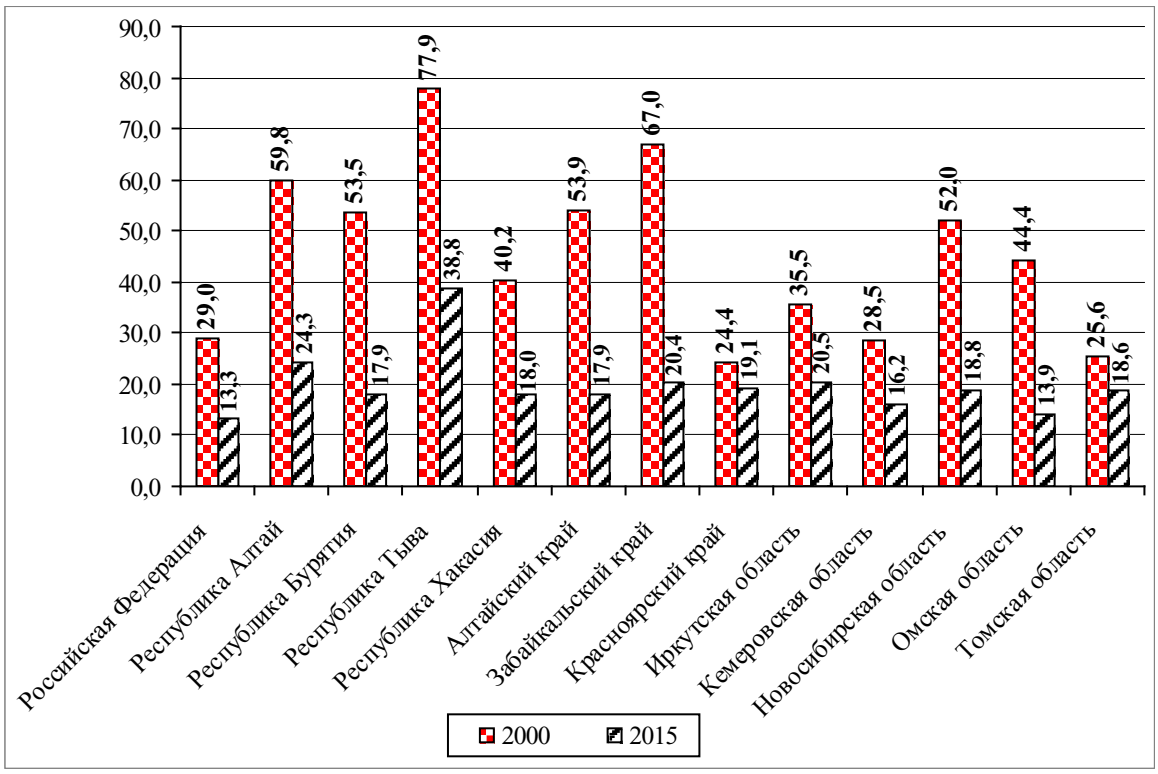
Во-вторых, с начала 2000-х годов отрыв края от Сибири по ВРП на душу населения и по заработной плате уменьшился незначительно – на 7,4 п.п. (с 47,6% в 2000 г. до 40,2% в 2013 г.) и на 8,5 п.п. (с 39,9 до 31,4% соответственно), тогда как разница по доходам населения сократилась в 2,6 раза – с 36,7 до 14,2%). Вместе с тем за этот период различия края с регионами России по ВРП на душу населения и по заработной плате практически не изменились (с 44,7 и 61,4% в 2000 г. до 45,6 и 59,9% в 2013 г.), лишь по доходам населения сократились почти в полтора раза (с 46,3 до 33,6%). Это свидетельствует, с одной стороны, о сравнительно сильной устойчивости трендов отставания края по показателям ВРП на душу населения и по заработной плате, а с другой стороны, о довольно весомом влиянии других факторов, позволивших заметно сократить различия по доходам населения. На наш взгляд, здесь речь может идти, прежде всего, о влиянии социальной политики, перераспределительных процессов в социально-экономической сфере в пользу отстающих регионов, поскольку именно доля социальных трансфертов в крае растет более высокими темпами в сравнении со страной и Сибирью. Кроме того, важнейшим фактором отставания по показателям ВРП на душу населения и по заработной плате для регионов аграрной специализации является сохраняющийся, по мнению многих ученых и практиков, так называемый «диспаритет цен» в сельском хозяйстве. Последний проявляется в относительно заниженных ценах на продукцию сельского хозяйства, составляющих, в конечном счете, значительную часть ВРП.

9.2 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Рост бедности населения (доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) наблюдался в 1990-х годах в России и всех ее регионах, однако динамика бедности во многих сибирских регионах была одной из наиболее неблагоприятных. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в СФО превышал средний по России в 1,7 раза (48,1% против 29% по РФ). Это относилось к 9 из 12 регионов, включая Алтайский край (рис. 9.5). В этот период в крае максимальная величина уровня бедности зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т.е. находились за чертой бедности (рис. 9.6)[1].

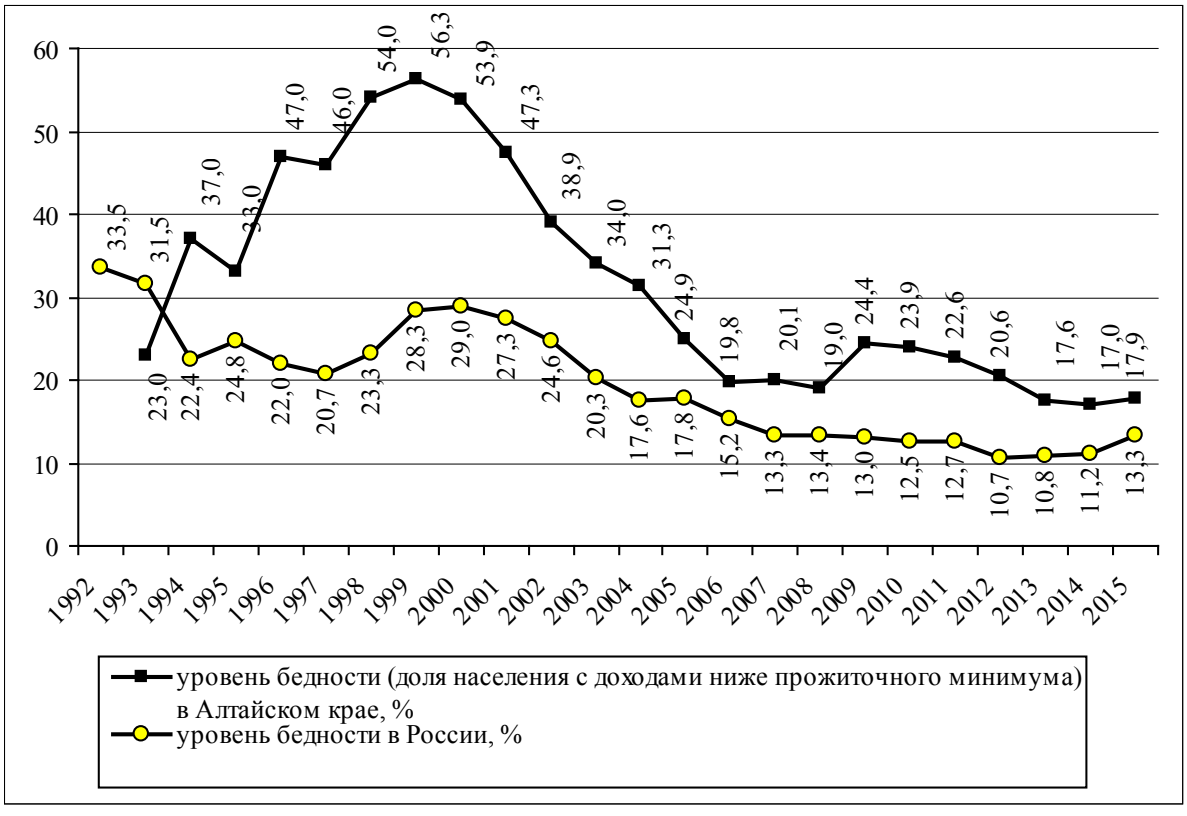
За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности в Алтайском крае составил 2,4 раза, что определялось более значительными снижением реальных доходов населения и спадом экономики, не подкрепленными адекватными мерами по стимулированию экономической активности населения и активной социальной поддержкой его бедных категорий. Причем если в первой половине 1990-х годов масштабы бедности в крае несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине опережение региона по данному показателю составляло 2,0–2,2 раза.

[1] Подробнее см.: **Алтайское** село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011, – 296 с.; **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262.



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.5. Уровень бедности населения регионов Сибирского федерального округа и России в 2000 г. и в 2015 г., %



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.6. Динамика уровня бедности в России и Алтайском крае в 1992–2015 гг.

Экономический рост в 2000-х годах и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины десятилетия привели к кардинальному сокращению масштабов бедности[1]. Этот период ознаменовался в регионах России довольно устойчивым сокращением бедности (в стране до 13,3% в 2007 г., в 2,2 раза). Глобальный экономический кризис не повлиял значительно на этот позитивный тренд, в 2008–2013 гг. включительно сокращение бедности преобладало над ее незначительным повышением в отдельные годы (в пределах 0,1–0,3 п.п.). Самый низкий уровень бедности был зафиксирован статистикой в 2012 г. (10,7%), когда страна почти достигла целевого норматива по Программе ООН –10%. Но последующие три года бедность набирала обороты, что обусловлено современными кризисными явлениями в экономике. И только в 2015 г. она выросла до 13,3%, т.е. Россия вернулась к ситуации 2007 г.

В Алтайском крае годы экономического роста также характеризуются устойчивым сокращением бедности. Уровень бедности сократился почти в три раза с начала тысячелетия, до 19,0% в 2008 г. (на 4 п.п. ниже уровня 1993 г.). К началу глобального экономического кризиса разрыв с российским уровнем составлял 1,4 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза).

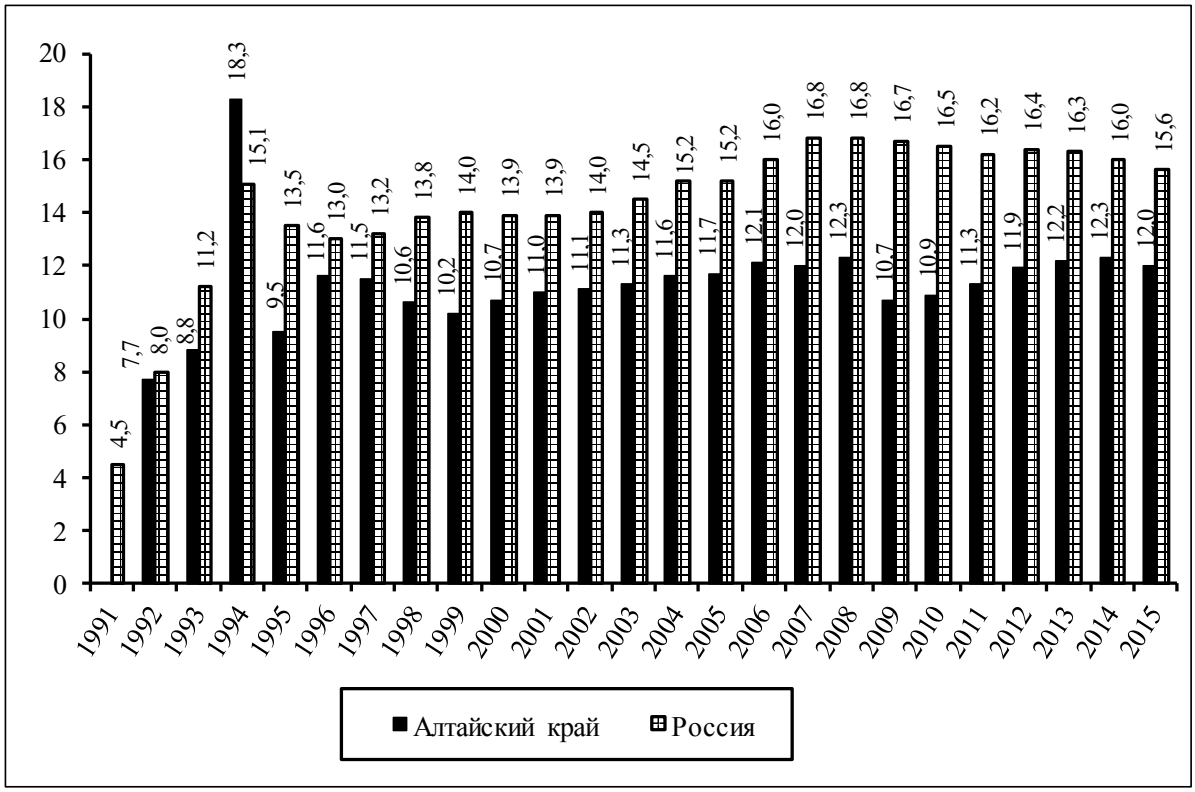
Глобальный кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 5,4 п.п., достигнув 24,4%. В последующую «пятилетку» (2010–2014 гг.) бедность уменьшилась до 17,0% (наименьшего значения с начала 1990-х годов). В 2015 г. бедность немного выросла (до 17,9%), и ее масштабы уже только на 28,9% превышали российские в сравнении с двукратной разницей 15 лет назад.

Жители всех регионов Сибирского федерального округа в 2015 г. стали беднее. На фоне сибирских регионов Алтайский край занимает третью-четвертую позицию (от наименьшего уровня) вместе с Республикой Бурятия (см. рис. 9.5). Только за 2014 г. Алтайский край улучшил позиции в процессах сокращения бедности, опередив Забайкальский край и Иркутскую область (где бедность, напротив, заметно выросла), а в 2015 г. бедность еще в трех регионах (Новосибирской и Томской областях, Красноярском крае) стала более масштабной, чем в крае. Население 8 сибирских регионов стало жить беднее жителей края.

Вместе с ростом бедности в 1990-х годах в России наблюдались активные процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% и наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли 15,1 раз и 40,9% соответственно (для сравнения: в 1991 г. – 4,5 раза и 26%) – рисунки 9.7–9.8.

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 год, происходило уже некоторое сокращение и последующая стабилизация различий в денежных доходах россиян: коэффициента фондов – на отметке 14 раз, коэффициента Джини – на уровне 40%.

[1] См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Российские** домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.



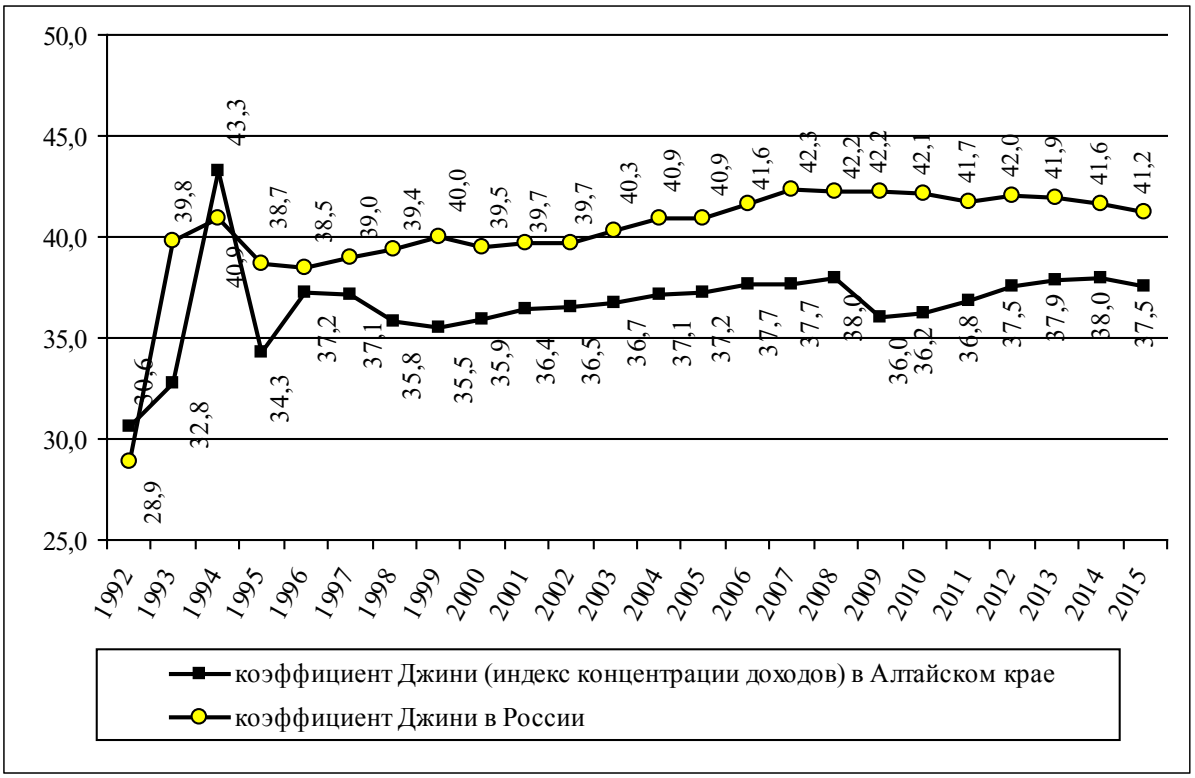
Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.7. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и Алтайском крае в 1991–2015 гг., раз

Для сравнения: неравенства по доходам в развитых странах в этот период в ряде случаев были заметно ниже (коэффициент Джини был равен 25–35%).

В годы экономического роста Россия со все большим отрывом превышает 10-кратную планку по разнице в доходах 10% богатых и 10% самых бедных, за которой, по мнению зарубежных ученых, должно прекратиться устойчивое развитие общества, без социальных потрясений и катаклизмов. Максимальное значение показателя наблюдалось в конце периода экономического роста, в 2008 г., тогда коэффициент фондов достиг 16,9 раз (для сравнения: в «нулевых» такой коэффициент составлял 12–14 раз в США, 6–7 раз – в Европе, 4 – в Скандинавских странах; даже в Латинской Америке разрыв был меньше – 14–15 раз). Годы влияния глобального экономического кризиса, современные кризисные явления в экономике страны привели к стабилизации и некоторому сокращению данного показателя – до 15,6 раз в 2015 г. Другой показатель расслоения, коэффициент Джини, показывает аналогичные тренды в России; постепенно сокращаясь с 2009 г., в 2015 г. он достиг 41,2%.

Дифференциация по доходам населения в Алтайском крае заметно отставала от аналогичной в стране, хотя характер динамики им соответствовал. Особенно активно различия нарастали в первой половине 1990-х годов (рис. 9.7–9.8). Наибольшее значение коэффициента фондов в тот период наблюдалось в 1994 г. (18,3) и было заметно выше российского уровня (15,1), для сравнения: в 1991 г. – 4,5. Во второй половине десятилетия значение данного показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз.



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.8. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 1992–2015 гг., %

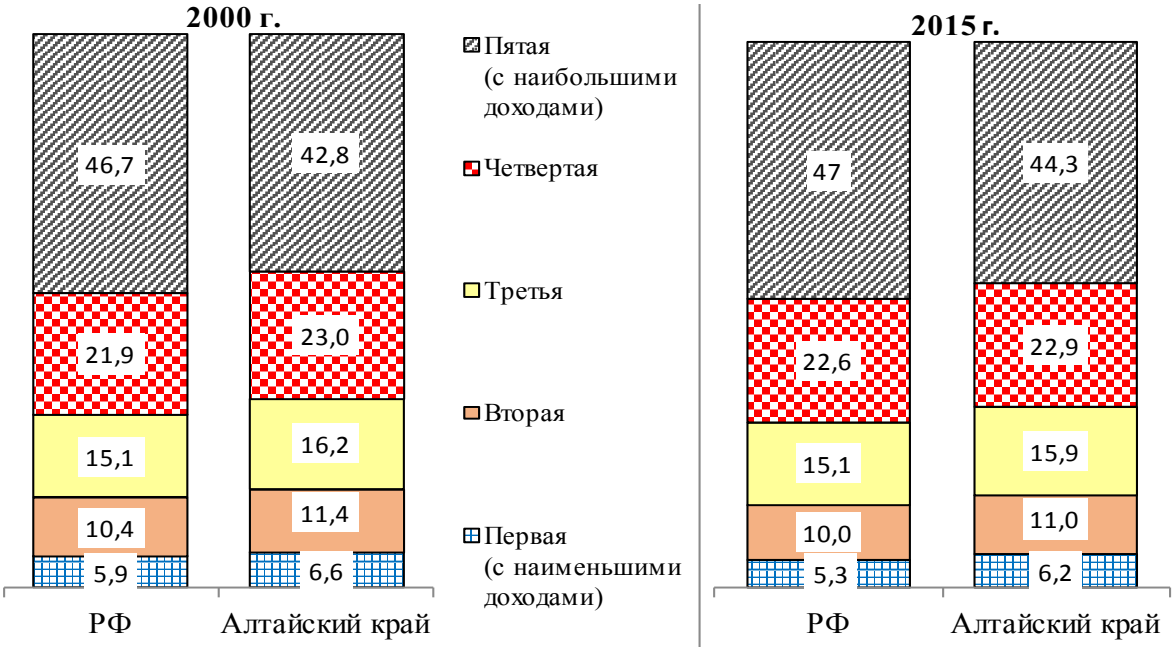
Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс дифференциации (вопреки снижению бедности), напротив, придав ему характер устойчивой тенденции[1]. В этот период различия в денежных доходах крайних децильных групп постепенно выросли с 10,7 раз в 2000 г. до 12,3 раз в 2008 г., лишь под влиянием глобального кризиса в 2009 г. коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. Последующие 5 лет ушли на восстановление прежних масштабов дифференциации, коэффициент фондов в регионе заметно вырос, вновь достигнув в 2014 г. максимальной величины конца периода экономического роста (12,3 раза); но в 2015 г. этот показатель, как и в стране, изменил свой растущий тренд на небольшое снижение (12 раз) – см. рис. 9.7. Разница в масштабах дифференциации доходов между Россией и Алтайским краем составила 1,3 раза («в пользу» страны).

[1] См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Богомолова Т.Ю.** Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990-2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120; **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Зубаревич Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; **Российские** домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.; **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013.– 330 с.

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов (рис. 9.8). Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. (43,3%). С 1995 г. оно не превышало 40%. Рост показателя в годы экономического роста завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 12,2 п.п. ниже российского уровня. Глобальный экономический кризис также развернул на один год кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (36%), а затем в период с 2010 до 2014 года вернул тенденцию к социальному расслоению вспять. В 2014 г. данный коэффициент составил уже 38%, что соответствовало уровню 2008 г., но уже в 2015 г. экономический кризис вновь слегка «пошатнул» растущий тренд социального расслоения (37,5%).

Анализ динамики общего объема доходов населения по квинтильным (20%-ным) группам также подтверждает рассмотренные выше тенденции (рис. 9.9). В годы экономического роста в Алтайском крае продолжала непрерывно и чуть более интенсивно, чем в стране, расти доля доходов самого верхнего, пятого квинтиля (20% наиболее обеспеченных жителей) – с 42,8% в 2000 г. до 44,4% в 2008 г., хотя за Россией сохранились более высокие позиции (46,7 и 47,9% соответственно). За последние годы значения этих показателей в стране и крае немного снизились: 47 и 44,3% соответственно в 2015 г.

В целом с начала 2000-х годов в крае выросла доля только верхнего квинтиля, удельные веса остальных сократились, особенно заметно – трех нижних, т.е., другими словами, происходило обогащение 20% наиболее обеспеченных жителей, остальные относительно них обеднели. Это несколько отличается от ситуации в стране, где кроме верхнего квинтиля выросла также доля четвертого, т.е. процесс расслоения происходил чуть более равномерно. Таким образом, динамика распределения доходов населения свидетельствует о продолжающихся процессах роста социально-экономических неравенств, поляризации общества, причем в крае эти процессы идут более интенсивно.



Источник: Данные Росстата.

Рис. 9.9. Распределение общего объема денежных доходов населения Алтайского края и России по 20%-ным группам в 2000 г. и в 2015 г., %

Неравенства по доходам населения имеют ярко выраженную территориальную проекцию. Это проявляется, *во-первых*, в различиях в доходах сельских и городских жителей (рис. 9.10). По результатам обследований домохозяйств в Алтайском крае, сельские домохозяйства получают значительно более низкие доходы в сравнении с городскими. Так, за последние 5 лет (с 2011 по 2015 год) доходы сельчан выросли на 26%, достигнув 13,9 тыс. руб., доходы горожан выросли на 56% и составили 20,1 тыс. руб. Но рост доходов, как и различия по ним между городом и селом, не являются устойчивыми[1]. Например, в 2012 г. доходы сельских жителей упали на 20%, что во многом было связано с сильной засухой и падением урожайности в сельском хозяйстве. Наиболее сильные различия в рассматриваемый период наблюдались в менее благополучные годы (относительно неурожайные, кризисные). Так, в 2012 г. доходы горожан были в 1,58 раз выше, чем доходы сельчан, тогда как в 2014 г. сократились более чем на треть, составив лишь 1,18 раз. В кризисном 2015 г. различия вновь заметно выросли – 1,44 раза.

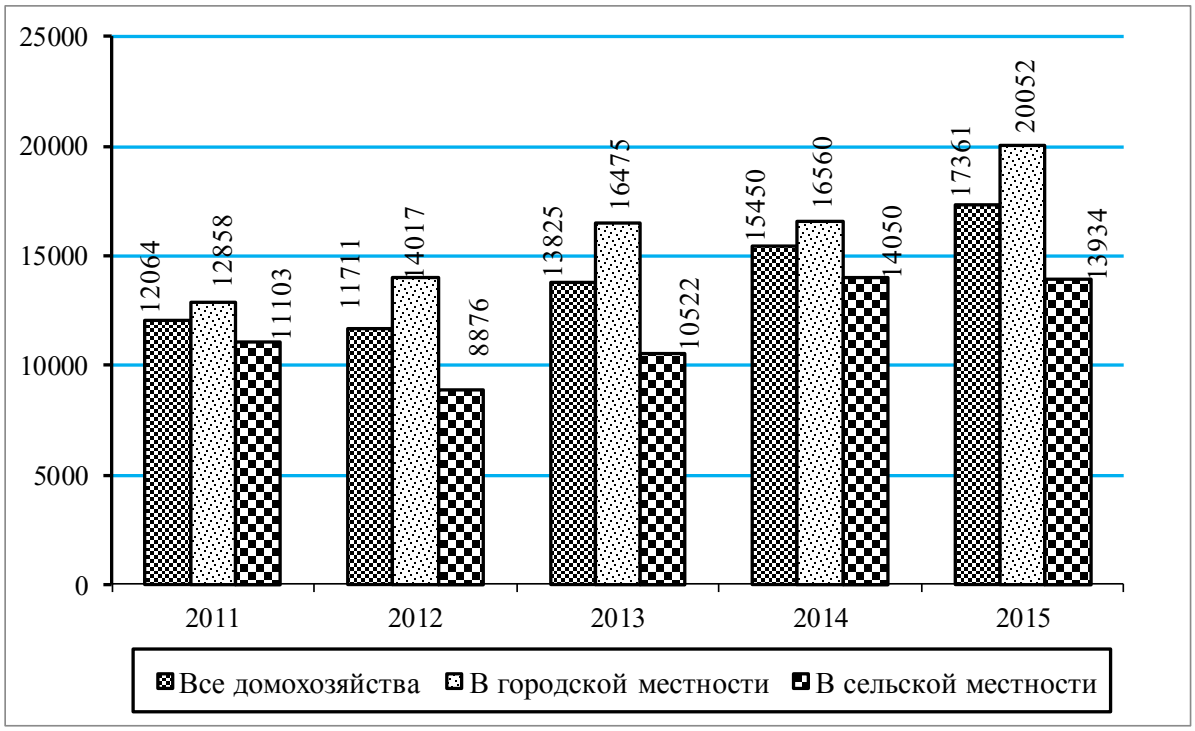


Рис. 9.10. Доходы сельского и городского населения Алтайского края в 2011–2015 гг. (по результатам обследований домохозяйств), %

[1] Помимо причин объективного социально-экономического характера, связанных с особенностями формирования бюджетов домохозяйств, эта неустойчивость может объясняться и определенными погрешностями измерения, связанными с небольшими объемами выборочных обследований домохозяйств, не позволяющих в необходимой степени обеспечить репрезентативность выборки относительно генеральной совокупности.

Таблица 9.3

Территориальные различия по крайним значениям среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций в Алтайском крае в 2011–2015 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015
Между крайними значениями, раз					
По краю – между городами и сельскими муниципальными районами	1,89	1,93	1,99	1,81	1,96
Между городами	1,49	1,50	1,51	1,37	1,55
Между сельскими муниципальными районами	1,58	1,55	1,58	1,58	1,70
Стандартное отклонение					
По краю – между городами и сельскими муниципальными районами	1897,2	2172,9	2377,7	2432,8	2874,2
Между городами	2246,3	2506,5	2677,3	2510,6	3567,4
Между сельскими муниципальными районами	1154,6	1384,7	1527,9	1682,3	1925,9

Во-вторых, территориальные различия по доходам населения наглядно проявляются в показателях среднемесячной заработной платы работников организаций в разрезе городов и сельских муниципальных районов (табл. 9.3). В 2015 г. различия в крайних (максимальном и минимальном) значениях зарплаты между городами составили более полутора раз (1,55), между сельскими муниципальными районами они еще выше – 1,7 раз, а между теми и другими разница достигает двух раз. За последние 5 лет территориальные «крайние» различия заметно выросли; наиболее существенно их рост наблюдался между городами (7,6%), между районами различия выросли в два раза меньше – почти на 4%. Стандартное отклонение по заработной плате в городах края составило в 2015 г. 3567 руб., в районах – 1926 руб.; за последние пять лет оно выросло в 1,6 и 1,7 раза соответственно.

Среди городов по заработной плате лидировал до последнего времени Новоалтайск, лишь в 2015 г. – Барнаул. И, напротив, последние пять лет городами-«аутсайдерами» являлись Славгород и Яровое. Среди сельских районов наиболее высокие значения по заработной плате набирали в 2011–2013 гг. Кулундинский и Рубцовский, в последние два года – Змеиногорский районы, а наиболее низкие – Тюменцевский и Шелаболихинский районы, а в 2015 г. – Алейский район.

9.3 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЕРАВЕНСТВА В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Для измерения масштабов социально-экономических неравенств воспользуемся представлением о бедности и обеспеченности (богатстве) с опорой на ключевые концепции социальной стратификации. Под бедностью сельского населения нами понимается его социально-экономическое положение, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными и натуральными ресурсами, их нехваткой, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. Помимо трех концепций определения и измерения бедности (абсолютной, относительной и субъективной), в оценке сельской бедности мы опираемся на положения А. Сена о неравенстве социального выбора, подразумевающего необходимость учитывать доступность социальных благ, и на депривационный подход П. Таунсенда, который исследовал бедность как интегральную характеристику статуса в зависимости от имеющихся социальных ресурсов[1]. Кроме того, мы используем результаты исследований Л. Бондаренко, З. Калугиной, Л. Овчинцевой и других отечественных ученых[2], оценивающих бедность и неравенства в современной России с учетом лишений и возможностей сельского населения.

Для оценки масштабов и глубины сельской бедности нами использована оценка материального положения семьи, включающего не только совокупные (денежные и натуральные) доходы семьи, но и характеристики лишений, связанных с потреблением, доступностью и качеством жилья, рабочих мест, образования, услуг здравоохранения и других социальных услуг, нарушениями трудовых и других социальных прав. На этой основе выделены три уровня бедности: обездоленность или крайнюю бедность (когда «денег не хватает даже на питание»), средний уровень (таким бедным «средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но не хватает – на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей») и относительную бедность (для кого «проблемой является покупка вещей длительного пользования»)[3]. Остальные сельские жители отнесены к относительно обеспеченным.

По результатам социологических исследований, в материальном положении сельского населения вплоть до 2014 г. происходили радикальные позитивные сдвиги. По сравнению с началом 2000-х годов уже к концу десятилетия почти в 3 раза сократились масштабы бедности, в полтора раза выросла доля средней группы (до 75%) и более чем в два – удельный вес относительно обеспеченных (7%) – рисунок 9.11. В 2011 г. масштабы обездоленности среди бедных были уже сравнительно невелики (13%), около 40% составляла средняя группа бедных и было около половины относи-

---

[1] **Сен А.** Развитие как свобода. – М. : Новое издательство, 2004. – 432 с.; **Townsend P.** The Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology. – 2010. – No 61. – Pp. 85–102.

[2] См.: **Бондаренко Л.** Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – № 6. – С. 104–116; **Калугина З.И.** Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117–129**;** **Овчинцева Л.** Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1. – С. 26–30.

[3] Подробнее о методологических основах и результатах исследования см.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Сергиенко А.М.** Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. № 2/1 (74). – С. 200–224.

тельно бедных. При этом различия в масштабах лишений этих трех групп оставались значительными[1].

Далее масштабы и глубина бедности продолжали сокращаться, и по опросу 2013 г. основные подвижки произошли уже за счет перемещения из группы относительно бедных в сторону обеспеченности: доля тех, кто может без труда приобретать себе любые товары длительного пользования и более богатых, составила уже около 20%, т.е. выросла более чем в 2 раза за предшествующие 5 лет (см. рис. 9.11). Сокращение масштабов бедности и рост социально-экономического неравенства отразились на улучшении социального настроения, репродуктивных и миграционных установок сельских жителей[2].

Такие изменения произошли, прежде всего, благодаря росту экономической активности более благополучных групп, а также сокращению доли тех, кто ничего не предпринимал для улучшения своего положения. Последних было около 20% среди всего сельского населения в начале 2000-х годов, а осталось около 7% в 2013 г. И простимулировано это было во многом запуском госпрограмм развития села.

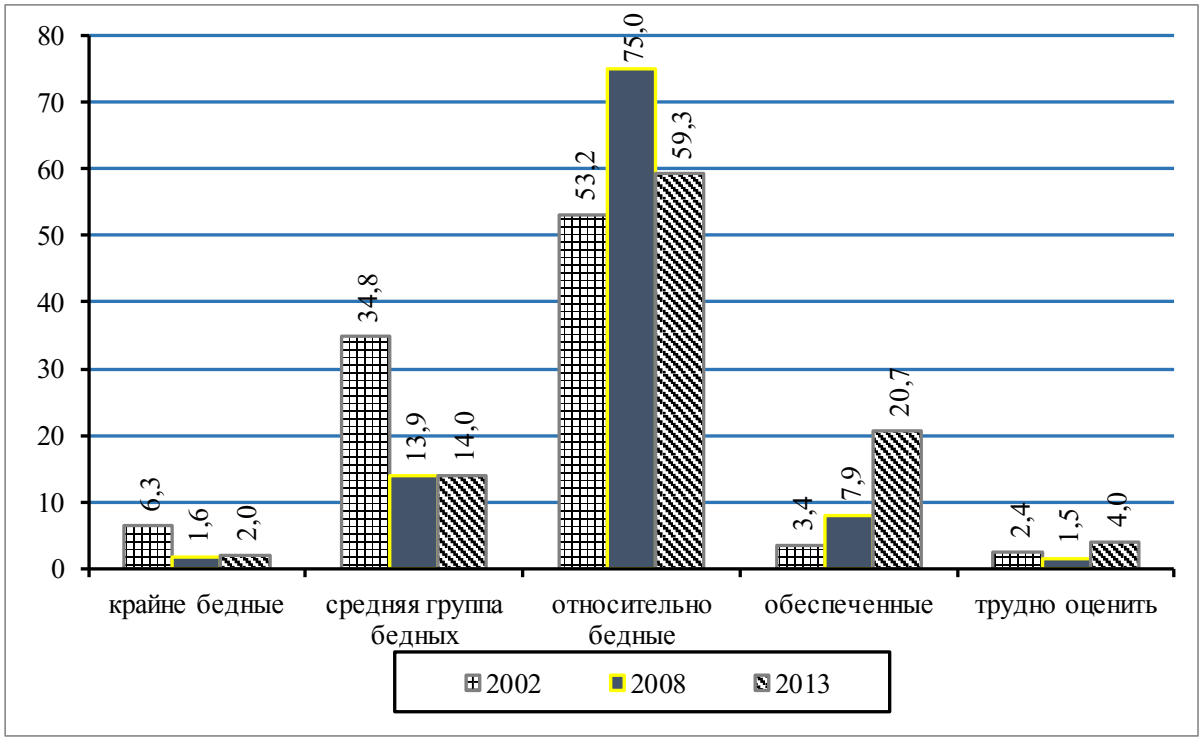


Рис. 9.11. Оценка сельскими жителями материального положения семьи в 2002 г., в 2008 г. и в 2013 г., %

[1] Подробнее о лишениях см.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.

[2] Подробнее см. в п. 8.3 монографии.

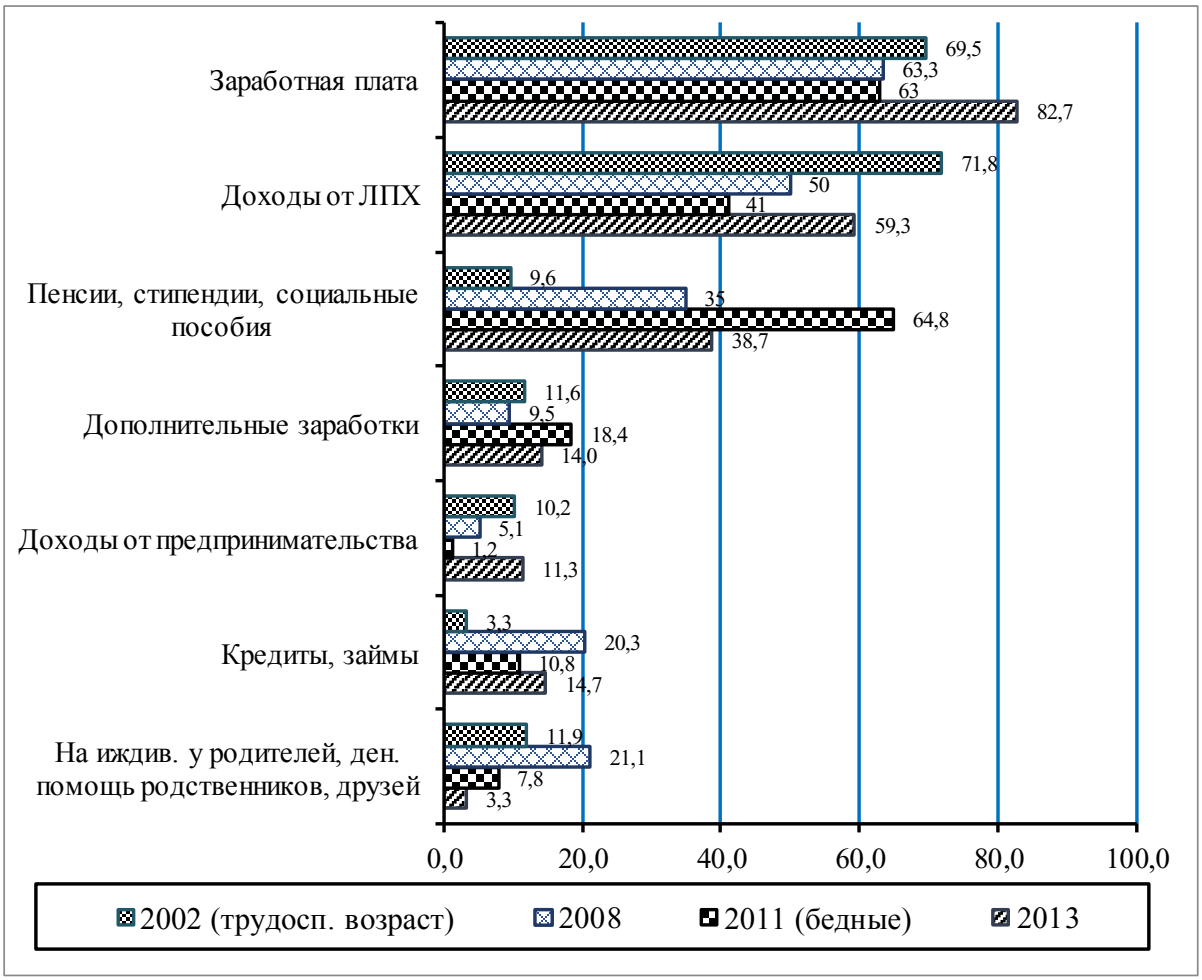


Рис. 9.12. Структура сельского населения по источникам доходов, %
(по данным опросов в 2002 г., в 2008 г., в 2011г. и в 2013 г.)

Изменения экономической активности сельского населения отражает структура их доходов (рис. 9.12). Если в 2002 г. более 70% респондентов называли личные подсобные хозяйства в качестве главного источника доходов, основы выживания, то в 2008 г. лидирующие позиции среди доходов уже занимала зарплата (63%), а доходы от семейного подворья имела только половина селян. К 2013 г. зарплата еще более упрочила свое лидерство (83%). Заметно выросла роль пенсий и других социальных выплат: их получают около 40% сельских жителей (почти 2/3 получателей среди бедных в 2011 г.). В последние докризисные годы повысилась также доля предпринимательских доходов (их получал каждый десятый), чему способствовал запуск программ стимулирования малого бизнеса.

Тенденции улучшения материального положения сельских жителей соответствовали краевым трендам сокращения бедности и роста реальных доходов населения. В 2015 г. в Алтайском крае произошел перелом позитивного тренда сокращения бедности, и в селах с этого периода также наблюдается явный рост обеспокоенности сельских жителей проблемами падения уровня доходов и роста бедности.

Факторами, дифференцирующими социально-экономические позиции сельчан, традиционно остаются образование и занятость (статус и сфера занятости), влияют также место жительства, семейное положение и количество детей, пол, возраст и здоровье. Анализ социального профиля сельского неравенства показал, что обеспеченных и зажиточных чаще представляют мужчины, старшая молодежь до 30 лет, холостяки. Эту группу чаще заполняют представители бизнеса и самозанятые в сферах торговли и сельского хозяйства, транспортных услуг. Обеспеченные проживают как правило в крупных селах. В «нулевых» это была самая образованная группа селян с самой высокой долей со средним профессиональным и высшим образованием, но в последнее время различия по уровню высшего образования с относительно бедными стерлись. За счет пополнения группы молодежью и пенсионерами обеспеченные потеряли в последние годы и лидерство по количеству детей в семье.

Среди *относительно бедных* чаще, чем среди *более бедных,* можно встретить пенсионеров, но сравнительно высока представленность и молодежи (особенно младшей – до 24 лет). В эту группу чаще попадают работники социальной сферы, а также занятые только в личном подсобном хозяйстве. Уровень образования «относительно бедных» близок к обеспеченным. Относительно бедные чаще других групп образуют семью и в этой группе больше всего многодетных семей. Проживают относительно бедные значительно чаще в средних селах (от 500 до одной тысячи жителей).

В группе средней и крайней бедности оказались в первую очередь низкооплачиваемые рабочие (обычно в сельском хозяйстве) и безработные, причем для обездоленных больше характерна долгосрочная безработица. Средне и крайне бедные имеют обычно низкий уровень образования, высока доля с начальным профобразованием (рис. 9.13). Такая бедность встречается чаще в среднем (ближе к 40 годам) и старшем трудоспособном возрасте. Среди обездоленных значительно больше женщин и имеющих серьезные проблемы со здоровьем: последних – 2/3, что в 2 раза больше чем в других группах бедных, в 1,5 раза больше инвалидов и хронически больных. Бедные и обездоленные чаще живут в небольших деревнях (до 500 человек).

За рассматриваемый период влияние стратифицирующих факторов на социально-экономическую дифференциацию на селе значительно изменилось. Во-первых, образование как канал социальной мобильности стало работать значительно лучше: с начала 2000-х годов в 3 раза сократилась крайняя и средняя бедность в группе с высшим образованием и почти в 2 раза – со средним профессиональным. Изменилась дифференцирующая сила влияния образования на неравенства. Если в начале «нулевых» мы наблюдали достаточно жесткую прямую зависимость между оценкой материального положения семьи и уровнем образования (различия между крайними группами по наличию высшего образования достигали 2,5 раз, по наличию профессионального образования в целом – 3,5 раз, то с конца «нулевых» межгрупповые грани стираются, уже нет заметных различий по среднему профобразованию, а представителей с высшим образованием среди относительно бедных уже не меньше чем среди обеспеченных.

В сравнении с началом 2000-х годов сельский рынок труда становится все более жестко сегментированным. Статус и сфера занятости усилили свое влияние на формирование неравенств на селе: безработица все в большей мере усиливает риск оказаться бедным и обездоленным, занятость в социальной сфере и в ЛПХ позволяет выйти в относительно бедные, а предпринимательство в торговле и сельском хозяйстве – стать обеспеченным. Первичный рынок труда все больше заполняется молодыми, образованными, не обремененными большими семейными заботами, а

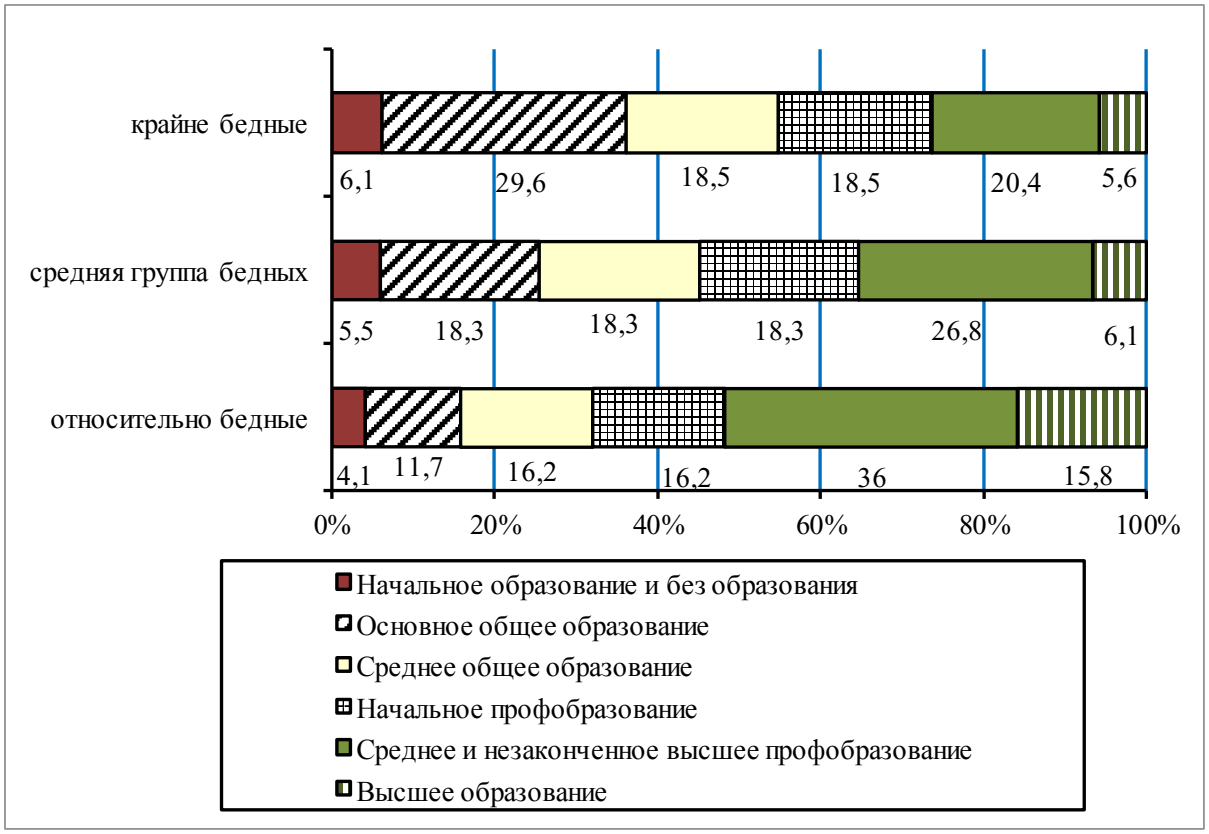


Рис. 9.13. Распределение различных групп бедных по уровню образования в 2011 г., % (опрос сельских жителей)

многочисленный вторичный рынок труда становится «уделом» лиц старших возрастных групп трудоспособного возраста.

В отличие от начала 2000-х годов возраст уже к концу «нулевых» становится одним из драйверов социально-экономической дифференциации: 1) молодежь перемещается в сторону обеспеченности: если в начале «нулевых» в выигрыше были в большей степени представители среднего трудоспособного возраста (чаще 35–39 лет), то уже в конце прошедшего десятилетия молодые люди 25–35 лет; 2) бедность и обездоленность закрепилась в большей мере за старшим трудоспособным возрастом (от 40 до 55(60 лет)) в отличие от начала 2000-х годов, когда в бедные попадали молодые люди до 35 лет, образовывавшие свою семью; 3) пенсионеры постепенно переместились из группы бедных и обездоленных в более благополучные группы.

Усилилось также влияние гендерного фактора: если в начале 2000-х годов не выявлено значимых различий в материальном положении сельских мужчин и женщин, то в новом десятилетии мужчины все чаще оказываются в группе обеспеченных. Семейное положение оказывало в целом устойчивое влияние на формирование неравенств (холостые – чаще обеспеченные, семейные – относительно бедные, вдовые – обездоленные), но влияние многодетности на формирование бедности и неравенств изменилось. В начале «нулевых» для многих сельских семей появление уже второго ребенка становилось причиной падения в обездоленность. А в начале «десятых» картина изменилась: трое детей и больше значительно чаще появляется в семьях относительно бедных. По оценкам экспертов, это произошло благодаря росту уровня жизни сель-

ских жителей и во многом вследствие влияния государственной политики: повлияло введение института материнского капитала, установление относительно высоких пособий для детей в опекунских семьях, что спровоцировало на селе массовое явление усыновления и опекунства, детские дома опустели.

Как сами сельские жители относятся к проблемам бедности и неравенства, как меняется восприятие этих проблем? Рейтинги социальных проблем села с начала 2000-х годов показывают, что бедность и расслоение на бедных и богатых не входят в первую пятерку проблем, которые беспокоят сельских жителей (см. рис. 8.5). Вместе с тем лидерство сохраняют с большим отрывом от остальных низкая зарплата и безработица, являющиеся проблемами, непосредственно связанными с бедностью. Среди личных и семейных проблем традиционно лидируют с большим отрывом рост цен и низкие доходы, а также проблемы доступности базовых услуг (медицинских, образования, коммунальных), что тоже непосредственно связано с бедностью и неравенством. Острота восприятия проблем бедности и расслоения за рассматриваемый период (2002–2013 гг.) снизилась[1]. Сократилась разница между крайними группами (обеспеченными и обездоленными) в их восприятии как социальных проблем села, но усилилось дифференцированное отношение к ним как к личным проблемам, что также подтверждает выводы о росте неравенств. И в 2015–2016 гг. расстановка проблем в обоих рейтингах, по мнению экспертов, сильно не поменялась, лишь усилилась острота таких проблем, как рост цен, низкие доходы, бедность и безработица.

Среди причин бедности – как в начале «нулевых», так и в текущем десятилетии – сельские жители и эксперты выделяли в первую очередь пьянство, низкую экономическую мотивацию и активность, низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд, низкие стартовые возможности («*родился и вырос в бедной семье*») и недостаточную государственную поддержку бедных. Но за этот период резко повысилось влияние низких «стартовых» условий и иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи, что говорит о проблеме воспроизводства бедности. И, напротив, заметно снизился рейтинг нехватки квалификации. Причем более благополучные группы в большей степени выделяют в качестве причин бедности низкую трудовую мотивацию и активность («*не хотят работать*») и пьянство, а обездоленные указывают больше на плохие стартовые условия, иждивенческую нагрузку на работающих в семье, преклонный возраст и плохое здоровье, слабую государственную поддержку.

Причины богатства практически симметричны причинам бедности. Среди главных выделяются высокие экономическая активность и статус занятости, занятость бизнесом, хорошие стартовые условия. В целом обеспеченные стабильно считают, что бедность и богатство зависят от самих людей, обездоленные – от внешних обстоятельств, а остальные группы – от тех и других в равной степени.

Ключевыми механизмами формирования и усиления социально-экономических неравенств на селе являются, прежде всего, рыночные механизмы: развитие новых технологий в сельхозбизнесе, развитие предпринимательства за счет местных ресурсов и вследствие проникновения капитала из городов, прихода крупных компаний из других регионов, стран, в том числе мировых и российских торговых се-

[1] Эти выводы соответствуют результатам исследования бедности и неравенства в России, полученным сотрудниками ИС РАН. См.: **Бедность** и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Электронный ресурс]: аналитический доклад. – М. : ИС РАН, 2013. – 167 с. – URL: http://novznania.ru/w/wp-content/uploads/2013/06/full.pdf (дата обращения: 25.12.2006 г.).

тей[1]. Сельские жители все чаще включаются в сферы занятости, связанные с глобальным или российским сетевым бизнесом, но они не становятся социальной базой развития села, при первой возможности уезжают в город, где больше потенциальных потребителей.

Механизмом воздействия на неравенства является также миграция – в сельскую местность и обратная, из села. Приезжают в сельскую местность, как правило, малообеспеченные мигранты, а покидают село те, кто имеет хотя бы минимальные ресурсы для обустройства в городе, чаще остаются обездоленные. Сезонные и маятниковые трудовые мигранты возвращаются в село со значительными доходами, что также приводит к росту неравенств[2].

Противоположные рыночным процессы сокращения бедности и неравенств на селе происходили во многом благодаря государственной политике поддержки сельских территорий, активно проводимой с середины 2000-х годов (национальные проекты и государственные программы развития АПК, сельской социальной инфраструктуры, стимулирования занятости, активизации жилищного строительства и газификации, политика импортозамещения, повышение внимания к проблемам молодежи, усиление контроля над нарушениями трудовых прав сельских работников).

До настоящего времени сохраняется высокая значимость традиционных практик поддержки в семейно-родственных сетях. В «нулевых» сетевые практики взаимопомощи набирали темпы: речь идет о материальной (денежной) помощи, помощи в натуральной форме, по хозяйству, в ремонте и строительстве жилья, в оказании транспортных услуг, трудоустройстве. В «нулевые» почти удвоилась (с 41 до 77%) доля сельских молодых семей, получивших помощь от родителей или родственников[3]. И даже в этом десятилетии около половины бедных получали значимую помощь от односельчан.

Сельский бизнес продолжает сегодня играть существенную роль не только в процессах формирования неравенств в сельских сообществах, но и их сокращения. Сохраняются традиции поддержки работников агропромышленных предприятий и социального развития села. Причем на селе нередко встречаются представители бизнеса с ярко выраженной социальной ориентацией, даже в ущерб рыночным принципам, экономической эффективности («*все, что я хочу – это сохранить свое село*»). Местные власти все сильнее ощущают свою зависимость от поддержки села сельским бизнесом, это касается поддержки инфраструктуры, культурной жизни, расчистки и ремонта дорог.

До 2014 г. росла распространенность и системность социальной поддержки со стороны сельского бизнеса: устойчивую и массовую приоритетность получили практики, прямо или косвенно повышающие доходы работников (дополнительные денежные выплаты, реализация продукции предприятия по более низким ценам, материальная помощь нуждающимся, организация льготного питания и предоставление служебного транспорта), а также различные формы развития персонала (по-

---

[1] См.: **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.; **Российское** село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа : БАГСУ, 2014. – 280 с.; **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.; **Scott J.C.** Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven: Yale University Press, 1985. – 389 pp.

[2] Подробнее о миграции см. в п. 8.3 монографии.

[3] См.: **Сергиенко А.М., Решетникова С.А.** Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.

вышение квалификации, поддержка молодежи через образовательные программы). За рассматриваемые 5 лет, до 2014 г. развитие получили практики хозяйств, направленные на улучшение здоровья работников (помощь в диспансеризации, дополнительное медицинское страхование, погашение расходов по путевкам в санатории, летние лагеря), обеспечение их жильем. Все эти практики осуществляло от четверти до половины предприятий и практически не оставалось хозяйств, не оказывающих никакой поддержки работникам (в 2008 г. их было 13%). Большинство представителей сельского бизнеса и сегодня оказывают помощь своим односельчанам (по опросу 2011 г. их было три четверти). Но в 2015–2016 гг. наблюдается возвращение к фрагментарности, сохраняются только практики, напрямую связанные с сохранением персонала и работающие на прибыль: по-прежнему предоставляются льготы на приобретение скота, кормов, семян, дров, служебный транспорт, организуется питание.

* * *

Итак, анализ доходов населения Алтайского края за последнюю четверть века позволил выявить региональные особенности качественных изменений трендов доходов и их дифференциации. В 1990-х годах это проявилось в кардинальном снижении реальных доходов, сокращении трудовых и увеличении предпринимательских доходов в общей структуре доходов, масштабном росте бедности и социально-экономической поляризации. Причем в период активных рыночных реформ (1992–1994 гг.) в крае большинство негативных процессов в сфере доходов населения имело более острый характер в сравнении с СФО и Россией, среди них: более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) падение реальных доходов, снижение доли заработной платы в доходах, рост бедности. В годы экономического роста Алтайский край характеризовался значительной положительной динамикой реальных доходов и оплаты труда, отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. В последние кризисные годы ухудшение ключевых социальных показателей было в регионе менее драматичным, что позволило краю переместиться в группу более благополучных сибирских регионов по масштабам бедности.

Вместе с тем в настоящее время в регионе по-прежнему сохраняется значительное отставание по среднедушевым доходам от россиян и сибиряков в целом, край стабильно занимает самую низкую позицию в Сибири по заработной плате. Реальные доходы достигают только 65%-ной планки дореформенного уровня, а реальная зарплата – ниже 60%. В условиях роста доходов, социально-экономической мобильности населения это приводит к повышению миграционного интереса к экономически более привлекательным территориям, потере экономически активной части жителей края.

Низкие позиции Алтайского края в рейтинге сибирских регионов и страны в целом по доходам населения и заработной плате позволяют сделать вывод о сохранении реальных рисков его конкурентоспособности и устойчивого социально-экономического развития. Эту ситуацию, на наш взгляд, не могут изменить даже такие факторы, как социальная политика, перераспределительные процессы в эконо-

мической сфере, преимущества, которые получил край как аграрный регион в связи с политикой импортозамещения и стимулирования инноваций.

Слом позитивных трендов динамики доходов и сокращения бедности населения в последние два-три года в Алтайском крае, как и в Сибири и России в целом, произошел не только вследствие экономических и внешнеполитических кризисных явлений, но и во многом из-за несистемного характера государственной социально-экономической политики по стимулированию экономической активности населения, формированию социальных лифтов преодоления бедности и борьбе с чрезмерным социальным расслоением[1].

Негативная динамика бедности и реальных доходов в Алтайском крае и ряде сибирских регионов остаются сегодня социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственных органов управления должно быть усилено в силу необходимости укрепления национальной безопасности страны, ее экономической и социальной составляющих, повышения конкурентоспособности, устойчивого развития регионов. Причем перспективные возможности роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств, очевидно зависящие от роста экономики и конкурентоспособности региона, системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства, – определяются сегодня во многом реализацией государственных приоритетов, а также интеграцией усилий государственных и местных органов власти, бизнеса и институтов гражданского общества.

Решение проблем сокращения бедности и неравенств на селе осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мобильности, улучшения положения сельчан часто те, кто получает помощь, «поднимается из бедности», при удобном случае уезжает из села. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельских жителей недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах «Земский доктор» или «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае»). Помимо известных эффективных механизмов сокращения бедности и чрезмерных неравенств, которые можно применить ко всему российскому обществу (к примеру, введение дифференцированной шкалы налогообложения), политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, на развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом пока еще живых практик самого сельского сообщества.

[1] См.: **Гонтмахер Е.Ш.** Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81; **Калугина З.И.** Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117–129; **Сергиенко А.М.** Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013.– 298 с.; **Российские** домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М. : Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

Глава 10. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

10.1 ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Одним из значимых факторов и, одновременно, индикатором конкурентоспособности региона является развитие внешнеэкономической деятельности. Наряду с инвестиционной и инновационной политиками, институциональными изменениями она может стать элементом стабилизации развития регионов как основы решения задач создания достойных условий жизни людей, роста их активности в социально-экономической сфере, а также повысить внешнюю устойчивость национальной экономики и расширить возможности последней. В качестве примера можно упомянуть тот же Китай, рост экономики которого имел в основе, в том числе, экспортную ориентацию экономики и форсированное развитие прибрежных районов, которые развивались во многом за счет ресурсов иностранного капитала, что постепенно дало импульс развитию и континентальных территорий.

Необходимо отметить, что роль внешнеэкономических факторов развития особо усилилась в мире в начале 80-х годов XX века, когда стало ясно, что реализация новых технологических возможностей и повышение эффективности производства нереальны без перехода к модели достаточно открытых национальных хозяйств. Расширение границ экономической деятельности создает дополнительные возможности более рационального использования ресурсов, в том числе технологических, и содействует росту экономики и уровня жизни людей. Экономические реформы в этот период в развитых странах (а позже и в развивающихся) активно реализовывали данную идею. Правда, не везде успешно, что, скорее всего, было связано, как показывает позитивный впечатляющий опыт КНР, с ошибками в осуществлении правительствами многих стран экономической политики. Эти тенденции переросли в масштабный процесс глобализации экономики. СССР и, позднее, Россия в значительной степени опоздали с реализацией этих возможностей, при этом совершив и много ошибок в процессе перехода к модели открытой экономики. Только с начала 1990-х годов стало возможным использовать расширение экономического пространства деятельности субъектов российской экономики как фактора ее развития на всех уровнях и подсистемах, включая международную торговлю, миграцию капитала, рабочей силы, интеграционное и валютное сотрудничество.

С момента вступления России в фазу реформ в экономике в условиях новой рыночной модели стали упрочиваться принципы международного разделения труда и специализации производства. При этом базовая концепция международного разделения труда по-прежнему связана с теорией Хекшера-Олина. В рамках этого подхода утверждается, что страны специализируются на производстве и экспорте продуктов интенсивного использования избыточных для страны факторов производства, и ввозят продукцию, в ходе создания которой интенсивно задействованы дефицитные ресурсы. Безусловно, важны и другие подходы, особенно в условиях несовершенства отраслевой структуры национальной экономики, что требует, прежде всего, проведения активной политики государства в области изменения соотношения фак-

торов производства (развитие технологий, накопление капитала, формирование новых количественных и качественных параметров трудовых ресурсов), в том числе и в территориальном аспекте. Стоит напомнить, что развитие факторов производства, а не только ориентация на сложившиеся базисные, уже имеющиеся ресурсы – важная составляющая теории международной конкуренции М. Портера[1]. Названные принципы можно применить и к региональному аспекту, поскольку факторы производства страны в любом случае локализованы в той или иной степени на определенной территории.

Советская модель внешнеэкономической деятельности была достаточно ограниченной и основывалась на других подходах. Кроме внешней торговли, которая долгое время, скорее, развивалась по принципу: «все что можем, делаем сами, что не можем – покупаем, а поскольку для покупки нужен экспорт, экспортируем, что можем», другие формы (миграция капитала, особенно предпринимательского, рабочей силы) носили крайне фрагментарный характер. Исключением, однако, была деятельность в рамках интеграционного сотрудничества в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) на основе идеи международного социалистического разделения труда: развивалась не только международная торговля, но и производственная кооперация, научно техническое сотрудничество, совместная инвестиционная деятельность и даже некоторая координация планов экономического развития. На исходе 80-х годов XX века в экономическом мышлении стала пробиваться и идея «социалистического транснационализма». До этого допускалось существование только совместных предприятий с долей собственности каждой страны в 50%. Но она уже не имела исторических перспектив.

Не оказывала существенного воздействия на внешнеэкономическую деятельность предприятий и валютная система: валютный курс в условиях монополии государства не мог действовать как полноценный регулирующий фактор. Такие принципы деятельности деформировали и развитие регионов. Наследие советской внешнеэкономической модели в силу сложностей процессов трансформации в определенной степени сохраняется и в современной ситуации, что усложняет оптимизацию данного направления деятельности.

Новые принципы территориальной организации экономики в масштабах всего мира и отдельных стран, особенно с трансформирующейся рыночной экономикой, также усиливают внимание к регионам. Так, одна из трактовок интеграционных процессов в Европейском Союзе (ЕС) уже достаточно давно предполагает акцент на то, что ЕС – это экономика, состоящая из регионов, а не только из отдельных стран. Это отражается и в единой региональной политике ЕС, многие положения которой могут быть значимыми для разработки региональной политики в Российской Федерации.

Реформы в стране, таким образом, предполагали не только переход от плановой экономики к рыночной, от индустриальной системы к постиндустриальной, базирующейся на новых технологических укладах, но и от закрытой модели системы к открытой. И это имело значение не только по отношению к национальной экономической системе, но и к регионам страны. Изменились, по сравнению с советским периодом, многие принципы территориального развития, взаимодействия федеральных и региональных начал.

[1] **Портер М.** Конкурентные преимущества стран / Вехи экономической мысли. – Т. 6: Международная экономика. – М. : ТЕИС, 2006. – 720 с.

На разных этапах реформ в России действовали различные факторы внешнего, национального и территориального характера, оказавшие воздействие на характеристики внешнеэкономических связей регионов. При этом последствия носили разнонаправленный характер – как позитивный, так и негативный. Обозначим важнейшие из них.

На первом – «подготовительном» (1990–1992 гг.) и на втором – «вхождение в рынок» (1992–1998 гг.) этапах реформ на первый план вышли следующие факторы.

Вначале это были безуспешные попытки трансформации самой системы плановой экономики. С 1992 г. – уже и сами масштабные рыночные экономические реформы. Глубокий спад в экономике, падение спроса, снижение уровня жизни, инфляция и безработица, бюджетные проблемы во многом изменили внешнеэкономические процессы.

Важнейший фактор – распад СССР и разрыв кооперационных связей с республиками. Отметим также начало попыток формирования нового интеграционного пространства в рамках СНГ в различных формах – от зоны свободной торговли стран СНГ и даже экономического союза до первого варианта Таможенного союза СНГ, имевших, впрочем, в основном символический характер.

В этот период времени активно шли процессы разрушения внешнеэкономических институтов плановой и создания соответствующих институтов рыночной экономики, обеспечивавших либерализацию внешнеэкономической деятельности на разных уровнях. Шло создание внешней рыночной инфраструктуры, ее законодательного оформления. Предприятия и их интересы были поставлены в качестве основы внешнеэкономических процессов, но при почти полной неподготовленности их к работе в таких условиях.

Это происходило на фоне создания новой политической системы устройства общества, превратившей многие ранее внутренние связи (в рамках СССР) во внешние, появления у регионов возможности активно участвовать во внешнеэкономической деятельности. Революционный, а не реформистский характер данных изменений, к сожалению, создавал существенные проблемы трансформации, когда значимые процессы во внешнеэкономическом сегменте оказались без регулирующего воздействия, приобрели стихийный характер и усилили теневую составляющую экономики.

Значимым событием стало вступление страны в ряд международных экономических организаций (в том числе в МВФ). Прекратил свое существование СЭВ, в силу чего началась переориентация стран Восточной Европы на Запад, и был введен режим расчета с этими странами в СКВ. Начали работать, впрочем, в достаточно спорном режиме, соглашения России с ЕС о партнерстве и сотрудничестве.

В 1992 г. произошел переход через модель множественности валютных курсов, введенной еще в 1987 г. и призванной адаптировать предприятия к новым условиям экспорта и импорта, к единому валютному курсу – сначала плавающему, а затем и к фиксированному в рамках валютного коридора (с 1995 г.). На внешнеэкономической деятельности сказалась и сложная, преимущественно негативная динамика цен на нефть.

На этом фоне объективных и субъективных (было допущено много принципиальных ошибок в реформах) процессов изменилась отраслевая, да и региональная структуры национальной системы. Многие предприятия и целые отрасли прекратили свое существование. Но появились и новые предприятия, в том числе за счет начала притока иностранных капиталов. Произошел существенный перелив ресурсов в добывающие отрасли хозяйства. Значительная часть капитала была вывезена из страны, что изменило в худшую сторону соотношение факторов производства с последующим изменением во внешней торговле.

В целом экономика России, если пользоваться терминологией М. Портера, перешла (а точнее скатилась) к стадии конкурентоспособности, движимой базисными, уже сформировавшимися ранее факторными условиями. Это сказалось и на уровне большинства ее регионов.

10.2 ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД 1990–1998 гг.

В Алтайском крае, как и в целом в экономике России, действие охарактеризованных выше факторов проявилось, прежде всего, в трансформационном спаде, в заметной деградации структуры хозяйства, в значительных, но постепенных потерях в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, в социальной сфере региона.

По данным исследований ИЭиООП, проведенных еще в конце 80-х годов XX века (1989 г.), Алтайский край занимал 2-е место после Кемеровской области по экспорту среди регионов Западной Сибири (если не учитывать экспорт нефти и газа Тюменской областью). Это около 272 млн руб. Экспортные поставки осуществляли 37 предприятий машиностроения, химической промышленности, сельского хозяйства. Поставки шли в 66 стран: 23% экспорта – в развитые страны (12 государств), 40% – в страны СЭВ (14 стран), 4% – в развивающиеся страны (34 страны). При этом один только завод «Кристалл» (обработка алмазов) давал 32% экспорта. Доля машин и оборудования в экспорте составляла 56%, что превышало в 3,5 раза средний по стране уровень, а 10% продукции машиностроения соответствовало мировым стандартам[1].

Экономические реформы, однако, постепенно стали изменять эту ситуацию в худшую сторону. Правда, в середине 1990-х годов наблюдался всплеск внешнеэкономической деятельности. С 1993 по 1995 год экспорт в стоимостном выражении вырос в 3,6 раза и превысил 362 млн долл., импорт вырос более чем в два раза (до 178 млн долл.), что объясняется как новыми возможностями, открывшимися у предприятий, так и резким сокращением внутреннего спроса из-за спада производства в стране и переориентацией на внешних потребителей и поставщиков.

Экспорт осуществлялся в 75 стран (с учетом стран СНГ). Но уже в 1995 г. наметилось снижение темпов роста экспорта вследствие изменения валютной политики, исчерпания запасов на предприятиях, роста внутренних цен и издержек, транспортных тарифов, институциональных изменений и общей сложной внутриэкономической и глобальной ситуации.

Тем не менее в 1995 г. на внешний рынок все-таки вышло 573 предприятия (в том числе новых форм хозяйствования), по сравнению с 960 предприятиями в 1994 г. – это было 1-е место в Сибири, и 37 предприятиями в 1987 г. Количество наименований товаров превысило 1800, в том числе вооружение. При этом 44% экспорта составляла продукция машиностроения (при среднем значении по России – 5%), 15,2% – легкой промышленности, 14,3% – доля топливно-энергетической отрасли, 12,4% – цветной металлургии, 6% – химической промышленности. Доля в экспорте продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности составляла 2,9%. Отметим, что 24% экспорта – это продукция военного назначения. С 1995 г. стали заметно снижаться стоимостные объемы экспортных поставок цветной и черной ме-

[1] **Концепция** развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 349.

таллургии, химического комплекса, легкой промышленности, сельского хозяйства. Вырос объём распродажи запасов – алюминия, железнодорожных рельсов[1].

В 1997 г. экспорт края составил уже всего 181 млн долл., а импорт – 175,5 млн долл.[2]

Постепенная деиндустриализация, обусловленная комплексом причин кризисного трансформационного характера, вызвала сокращение торговых связей с некоторыми развитыми зарубежными странами и со странами Восточной Европы и Балтии. При этом в целом еще сохранялись связи с дальним зарубежьем, расширялась торговля со странами СНГ, особенно с Казахстаном и Китаем. Снизился потенциал развития многих предприятий. Особенно сильно это затронуло сельскохозяйственное машиностроение, производство станков и оборудования, приборостроение, производство котлов, двигателей, вагонов, текстильную и швейную промышленность. Вырос импорт потребительских и инвестиционных товаров. Значительная часть предприятий промышленности и сельского хозяйства региона сократила производство товаров в силу их неконкурентоспособности, падения спроса и отсутствия инвестиционных ресурсов. Но при этом были не только сохранены, но и получили развитие предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, ряд предприятий химической и машиностроительной промышленности, имевших ранее экспортную ориентацию.

Основную роль в сохранении экономического потенциала края, в том числе внешнеэкономического, сыграли руководители и коллективы предприятий. Начали формироваться предпринимательские ресурсы, приобретался опыт внешнеэкономического сотрудничества в новых рыночных условиях.

На этом этапе более определенно стали проявляться и конкурентные преимущества региональной экономики, к сожалению, тоже базисного плана, как части национальной системы, имеющие внешнеэкономическое значение. Это, прежде всего, природные ресурсы для развития сельского и лесного хозяйства, в том числе как основы перерабатывающих данные ресурсы отраслей, и в целом агропромышленного комплекса, рекреационные ресурсы. Частично такими ресурсами оказались и сохранившиеся капитальные, технологические и трудовые ресурсы ряда предприятий машиностроения, особенно ВПК, обеспечивших определенные экспортные позиции. Однако значительная часть интеллектуального и технологического, индустриального потенциала региона все же была утрачена.

На данном этапе начала формироваться институциональная региональная составляющая внешнеэкономической деятельности. Были созданы первые институты ее регулирования: Департамент внешнеэкономической деятельности, Алтайская торгово-промышленная палата, АО Алтайская ярмарка и др. Это обеспечило поддержку экспортной деятельности фирм и проявилось в еще одном направлении внешнеэкономических отношений – притоке иностранного капитала: в крае появились первые предприятия с иностранным участием.

Однако Алтайский край в ряду других регионов России по привлеченным иностранным инвестициям лидером никак не являлся и не является до сих пор. Он занимал одно из последних мест по данному показателю, причем его доля в общем объеме поступивших в Россию иностранных инвестиций имела тенденцию к снижению.

---

[1] **Концепция** развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 349.

[2] **Ковалева Г.Д.** Алтайский край в контексте внешней торговли России и СФО: ретроспектива и текущее состояние // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления; под ред. Н.Н. Чинякова. – Барнаул, 2015. – С. 104.

Начало вложению иностранного капитала было положено в 1992 г., и к концу 1994 г. в крае было зарегистрировано порядка 90 совместных предприятий, а в 1995 г. – всего 35. При этом на долю края в 1996 г. пришлось 0,38% от общего количества иностранных инвестиций, в 1997 г. – 0,1%, а в 1998 г. – всего 0,04%.

По сравнению с регионами Западной Сибири в Алтайский край поступило лишь 0,6% региональных инвестиций, в то время как на долю Омской области пришлось около 40%, Тюменской – 27%, Томской – 15%, Новосибирской – 8% и Кемеровской – 6%. Основной причиной этого является значительно возросшая конкуренция со стороны других регионов России (в части законодательных условий, гарантий и др.). Также сказалось ограниченное количество высокорентабельных проектов, способных привлечь иностранных инвесторов в Алтайский край, особенности географического положения и неразвитость инфраструктуры.

Накопленный объем иностранных инвестиций на 1998 г. составлял всего 29,3 млн долл., из них прямых инвестиций – 99,5%. При этом 4,6% было вложено в промышленность, 93,4% – в сферу финансов[1]. По данным обследования[2], проведенного ИЭиООП в 1995 г., 40% совместных предприятий (далее – СП) работало в сфере торговли и общественного питания, треть – в промышленности, около 13% – в строительстве. В основном предприятия ориентировались на производство потребительских товаров. География партнеров в 1995 г. охватывала 30 стран, при этом больше половины СП были созданы со странами СНГ. Объем производства товаров и услуг СП в 1995 г. составил 213,5 млрд руб. в текущих ценах. Доля СП в промышленном производстве составляла около 3%. Еще меньше их доля в инвестициях – 0,5% от всех видов капиталовложений в крае. Но более весом был их вклад в экспорт (88 млн долл. – 32%, и преимущественно это был вывоз алмазов СП «Алсана ЛТД») и импорт (17,5 млн долл. – 11% краевого уровня). Фактически СП в основном работали как посредники во внешней торговле.

В этот период начала функционировать впоследствии закрытая свободная экономическая зона (СЭЗ) «Алтай». Были заключены также первые соглашения об экономическом сотрудничестве администрации края с другими странами, расширившие внешнеэкономические возможности территории.

10.3 СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (1998–2008 ГГ.)

В период 1998–2008 гг., после финансового кризиса 1998 г. и вплоть до кризиса 2008 г., появились новые факторы, оказавшие воздействие на внешнеэкономические процессы в стране и регионах. В целом, это был период утверждения рыночных начал в экономике, но в специфической, и вероятно, не совсем оптимальной форме. Усиление централизации не сопровождалось укреплением региональных аспектов развития, либо носило ограниченный характер. Но при этом произошла общая стабилизация экономики, была снижена стихийная составляющая ее развития, в значительной степени потеснен теневой сектор.

---

[1] **Зиновьев Н.Р., Стриженко А.А., Хомутов О.И.** Иностранные инвестиции в экономике Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2000_2/pages/21/pap_21.html (дата обращения: 09.10.2016 г.).

[2] **Концепция** развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 354.

Но, пожалуй, важнейшим внешнеэкономическим фактором, оказавшим в начале этого периода воздействие на национальную экономику в целом и на экономику регионов, в частности, стало почти четырехкратное падение курса рубля, вызванное целым комплексом причин – как внутреннего, так и внешнего порядка. Это повлекло за собой заметное снижение импорта и создало стимулы к восстановлению ряда направлений экономики в силу роста внутреннего спроса, а также заметного расширения экспорта. Фактически произошло частичное импортозамещение в ряде важных секторов экономики.

Повышение в дальнейшем цены на нефть и общая финансовая стабилизация способствовали накоплению капитальных ресурсов в регионах как за счет ресурсов фирм, так и за счет вложений федерального центра, изменивших во многом состояние производства, экспорта и импорта. В страну активно стал поступать (или возвращаться) иностранный капитал, причем и в виде прямых инвестиций. Однако в экономике стали активно проявляться и признаки «голландской болезни», вероятно, начавшейся еще на предыдущем этапе, вызвавшей, прежде всего, перелив капитала в сферу добывающей промышленности. Это сказалось и на региональной экономике, причем в разных аспектах – усилились позиции добывающих территорий при ослаблении положения аграрных и промышленных регионов.

В этот период времени развитие национальной и косвенно региональной экономики уже проходило в условиях становления второго варианта Таможенного союза, формирования ЕврАзЭС и оформления Союзного государства России и Белоруссии. К сожалению, и на этом этапе не удалось существенно задействовать интеграционные аспекты развития, хотя объективная потребность в сотрудничестве на постсоветском пространстве никуда не исчезала.

В анализируемый период стал интенсивно проявляться и фактор роста экономики Китая, объективно требующий определенного разворота страны в восточном направлении. Значимым моментом стало и начало функционирования ШОС, в рамках которой постепенно усиливаются экономические аспекты сотрудничества. Вступление России в АТЭС, где действуют весьма привлекательные для бизнеса принципы «открытого регионализма», также содействовали появлению новых возможностей активных контактов со странами этого региона. Однако европейское направление в этот период времени по-прежнему оставалось основным и особо важным. Вхождение стран Восточной Европы и Балтии в ЕС также оказало воздействие, в основном негативное, на региональное развитие, даже для достаточно отдаленных территорий Сибири.

В стране были приняты новые законодательные акты, связанные с развитием внешнеэкономической деятельности и территорий. Вероятно, что и изменение общей политической ситуации в РФ, попытки изменить соотношение политических сил также сыграли свою роль, однако однозначно оценить эти процессы пока сложно. Следует отметить, что и внешнеполитическая обстановка в этот период времени в целом была очень благоприятной – преобладали позитивные ожидания сотрудничества между странами по всем направлениям. Активно прорабатывалась концепция единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана.

В этот период времени, вероятно, уже можно говорить о попытке перехода экономики страны к инвестиционной стадии развития международной конкурентоспособности (М. Портер). При этом страна демонстрировала явное отставание от развитых и части развивающихся стран, приступивших в той или иной степени уже к инновационной стадии ее развития. Однако и эта инвестиционная стадия фактически была прервана мировым, глобальным финансовым кризисом 2008 г., в результате

чего в дальнейшем России уже не удалось сохранить высокие темпы экономического роста ни на уровне макроэкономики, ни на уровне большинства регионов. Проблемы инвестиционного этапа так и не были решены. В огромной степени это повлияло на региональное развитие и вызвало усиление дифференциации конкурентоспособности регионов за счет неравномерного инвестиционного процесса, в том числе за счет ресурсов иностранного капитала, и создало условия для снижения темпов роста экономики и производительности труда. Но это отчетливо проявилось уже на следующей стадии.

В данный период времени в Алтайском крае, как уже отмечалось в монографии ранее, в основном сохраняются негативные тенденции – продолжается деградация структуры региональной экономики в направлении деиндустриализации, усиливается ее периферийный характер. Однако некоторое развитие, в том числе и за счет ресурсов федерального центра, получают отрасли сельского хозяйства, особенно животноводства и птицеводства, пищевой и деревообрабатывающей промышленности, химическое производство, частично восстанавливается отрасль машиностроения, в том числе сельскохозяйственного. Появляются новые сегменты экономики края – фармацевтическая отрасль, туризм и курортно-санаторные услуги, которые также прямо или косвенно уже связаны с внешнеэкономическими процессами. Формируются новые, программные, кластерные подходы к развитию экономики (агропромышленный комплекс, биофармацевтика, туризм). Тем самым через развитие родственных и поддерживающих, обслуживающих производств усиливаются конкурентные позиции и внешнеэкономические потенциальные возможности ряда производств, создаются предпосылки международного инвестиционного сотрудничества.

Все это снижало потребности в импортных поставках и изменяло отраслевой состав региональной экономики и формировало определенные предпосылки развития экспортной деятельности. Предприятия начинают шире использовать открывающиеся в силу принятия новых законодательных норм возможности в области развития внешнеэкономического сотрудничества. Однако в целом специфика края не позволила существенно изменить условия для повышения внешнеэкономического потенциала территории.

В определенной степени, несмотря на общие потери, получают развитие некоторые сегменты трудовых ресурсов края, готовятся специалисты в новых сферах деятельности (туризм, международные отношения, регионоведение). Сохранение системы образования, несмотря на неоднозначность реформ в этой области и «проседание» системы среднего специального образования, позволяет считать, что в крае значительно усилились и предпринимательские ресурсы, что важно для развития внешнеэкономической деятельности, а общий уровень образования может стать привлекательным и для притока иностранного капитала. Разрабатываются совместные образовательные программы с зарубежными вузами Франции, Китая, Республики Корея. Начинает развиваться и экспорт образовательных услуг, особенно в рамках ШОС и ЕврАзЭс.

Делаются попытки развития и других факторов производства как основы конкурентоспособности, в том числе внешней (в сфере инфраструктуры, технологических инноваций). Это наглядно видно на примере Бийска, получившего статус наукограда в 2005 г.

Усилиями Администрации края налаживается внешнеэкономическое сотрудничество в рамках программ развития региона. Работают институты регионального регулирования и общественные организации бизнеса.

В данный период расширяются контакты администрации края с зарубежными странами, в том числе со странами СНГ. Так, например, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между администрацией Алтайского края и Министерством внешних экономических связей Республики Белоруссия действует с 1998 г. Широко известны также соглашения с Германией, Францией, Китаем, Монголией. Итоги внешнеэкономической деятельности края в этот период можно видеть на основе ряда показателей 2008–2009 гг. (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Динамика внешнеторгового оборота Алтайского края в 2008-2010 гг., млн долл. США

Показатель	2008 г.	2008 г. в % к 2007	2009 г.	2009 г. в % к 2008	Январь-июнь 2010 г.	Январь-июнь 2010 г., в % к январю-июню 2009 г.
Внешнеторговый оборот (ВТО)	2042,7	в 1,5 раза	1124,6	55,1	613,1	111,9
экспорт	1338,8	138,4	762,8	57,0	341,8	82,6
импорт	703,9	в 1,9 раза	361,8	51,4	271,3	в 1,8 раза
Сальдо торгового баланса	634,9	105,3	401,0	63,1	70,5	26,2
Доля экспорта в обороте, %	65,5	–	67,8	–	55,8	–
Доля импорта в обороте, %	34,5	–	32,2	–	44,2	–

Источник: Внешнеэкономические связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

Внешнеторговый оборот в 2008 г. превысил 2 млрд долл., при этом он превзошел уровень 2007 г. в полтора раза[1]. Экспорт превысил импорт более чем на 600 млн долл. Однако в кризисном 2009 г. показатели ухудшились почти в 2 раза – упал и внешнеторговый оборот, и экспорт, и импорт. При этом доля края в экспорте России составляла всего 0,3%, в импорте – 0,2%. Товарная структура экспорта и его распределение по группам стран показана в таблице 10.2.

В отличие от предыдущего периода в экспорте преобладали уже минеральные продукты – 38,9%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 23,7%. Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья выросла с 2,9% в 1995 г. до 11,6%. Доля машин и оборудования снизилась с 44% в 1995 г. до 15,5%. При этом, за исключением минеральных продуктов, большая часть товаров названных групп экспортируется в страны СНГ. Доля этих стран в общем экспорте – 63,7% против 36% в 1995 г. Общее число стран-партнеров по экспорту края в 2008 г. составило 65 вместо 75 в 1995 г. В пятерке лидеров по объему экспорта: Казахстан, Узбекистан, Бельгия, Украина, Иран. Товарная структура импорта и его распределение по группам стран показана в таблице 10.3.

[1] **Внешнеэкономические** связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

Таблица 10.2

Товарная структура экспорта Алтайского края в 2008 г.

Показатель	Всего		В том числе	
	млн долл.	%	в страны дальнего зарубежья, млн долл.	в страны СНГ, млн долл.
Всего	1338,8	100,0	486,3	852,5
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	154,8	11,6	65,7	89,1
Минеральные продукты	520,2	38,9	302,5	217,7
В том числе топливно-энергетические	500,0	37,3	289,5	210,5
Продукция химической промышленности, каучук	79,9	6,0	12,5	67,4
Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них	3,3	0,2	3,3	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	318,8	23,7	39,0	279,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3,6	0,3	0,6	3,0
Металлы и изделия из них	22,5	1,7	8,5	14,0
Машины, оборудование, транспортные средства	207,8	15,5	36,3	171,5
Другое	27,9	2,1	17,9	10,0

Источник: Рассчитано автором на основе: **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 25–26.

Таблица 10.3

Товарная структура импорта Алтайского края в 2008 г.

Показатель	Всего		В том числе	
	млн долл.	%	в страны дальнего зарубежья, млн долл.	в страны СНГ, млн долл.
Всего	703,9	100,0	336,9	367,0
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	208,2	29,6	30,0	178,2
Минеральные продукты	68,0	9,7	57,9	10,1
В том числе топливно-энергетические	63,3	9,0	57,1	6,2
Продукция химической промышленности, каучук	20,7	2,9	13,1	7,6
Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них	0,4	0,1	0,4	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,5	0,5	0,6	2,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	31,6	4,5	20,8	10,8
Металлы и изделия из них	57,6	8,2	14,7	42,9
Машины, оборудование, транспортные средства	295,3	42,0	187,0	108,3
Другое	18,6	2,5	12,4	6,2

Источник: Рассчитано автором на основе: **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / *В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова*; под ред. В.М. Мочалова // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 25–26.

Отметим, что в структуре импорта преобладают машины, оборудование, транспортные средства – 42%, что говорит о попытках предприятий осуществить переоснащение предприятий более совершенным импортным оборудованием и о снижении его производства в России.

Продовольственные товары и сельхозсырье составили 26%, минеральные продукты – около 10%, металлы и изделия из них – 8%. В импорте только по трем группам товаров импорт из стран СНГ превышал импорт из стран дальнего зарубежья – это продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; металлы и изделия из них. Общее количество стран-партнеров по импорту – 56. Наибольшие объемы импорта приходились на страны: Казахстан, Китай, США, Украина, Германия.

Объемы экспорта и цены отдельных значимых экспортных товаров на границе рассматриваемого периода характеризовались показателями, которые позволяют увидеть некоторые последствия глобального экономического кризиса (падение спроса и цен на мировых рынках) – таблица 10.4.

Таблица 10.4

Объем и цены экспорта отдельных товаров

Показатель	Экспорт		2009 г., в % к 2008 г.	Цена в среднем за год, долл. за 1 т, $м^3$, шт.		2009 г., в % к 2008 г.
	2008	2009		2008	2009	
Мука пшеничная, тыс. т	169,6	90,7	53,5	446,5	261,7	58,6
Кокс и полукокс, тыс. т	1595,4	943,5	59,1	309,6	249,5	80,6
Лесоматериалы обработанные, тыс. $м^3$	1677,3	1218,5	72,6	160,3	127,7	79,7
Вагоны железнодорожные, шт.	996	587	58,9	85300,5	37955,2	44,5

Источник: **Внешнеэкономические** связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

В целом ситуация оказалась крайне неблагоприятной для края, поскольку затронула важнейшие экспортные товары. Это оказало негативное воздействие и на инвестиционные возможности многих предприятий, и на их общее экономическое состояние, а также на уровень жизни работников.

За 10 лет заметных позитивных изменений в специализации края и в структуре экспорта и импорта не произошло, если судить по укрупненным группам товаров. Однако можно свидетельствовать о некоторых сдвигах в формировании новых конкурентных преимуществ и о развитии факторов производства, важных в контексте развития экспортного потенциала (фармацевтика, переработка сырьевых товаров). К сожалению, машиностроению в целом не удалось восстановить свои позиции.

Второе направление внешнеэкономической деятельности – движение капитала. Для Алтайского края – это приток иностранного капитала. Иностранные партнеры с 2002 г. осуществляли вложения в наиболее капиталоемкие отрасли Алтайского края – энергетику, а также черную и цветную металлургию (ОАО «Сибирь-Полиметаллы», ОАО «Алтай-кокс» и др.). В натуральном выражении иностранные вложения в уставной капитал предприятий увеличились с 19,6 млн руб. в 1998 г. до 1320,8 млн руб. в 2005 г. (в 2004 г. – 1524,2 млн руб.). При этом размер доли иностранных предпринимателей в общем объеме уставных капиталов предприятий с иностранными инвестициями уменьшился с 58,9% в 1998 г. до 44,2% в 2005 г.[1]

На конец рассматриваемого периода и на начало следующего (виден перелом, вызванный кризисом 2008 г.) деятельность предприятий края с иностранным участием выглядела следующим образом (табл. 10.5).

Кроме сельского хозяйства основными сферами деятельности предприятий с участием иностранного капитала к концу рассматриваемого периода были: производство пищевых продуктов, включая напитки и табак, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. В крае действовали иностранные инвесторы из 24 стран. Наиболее крупные инвестиции в уставный капитал принадлежат инвесторам из Кипра (38,1% взносов всех иностранных инвесторов), Казахстана (34,6%), Германии (16,7%). Однако приходится констатировать, что край в этот период, в отличие от многих других регионов России, не смог реализовать задачи активного привлечения иностранного капитала как одной из основ инвестиционного и структурного развития территории, формирования новых ресурсов, способных изменить экспортный потенциал региона. СЭЗ «Алтай» в 2003 г. также была закрыта. Причины этого, в первую очередь, связаны со сложившейся структурой экономики края, невысокой емкостью регионального рынка, его географическим положением, конкуренцией со стороны других территорий.

Таблица 10.5

Деятельность предприятий Алтайского края с участием иностранного капитала

Показатель	2008 г.	2009 г.	2009 г. в % к 2008 г.
Количество организаций с участием иностранного капитала, единиц	84	77	91,7
Оборот организаций с участием иностранного капитала, млн руб.	32168,1	14603,2	45,4
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2888,0	1367,5	47,4
Взносы иностранных инвесторов в уставный капитал, млн руб.	915,1	575,3	62,9
Среднесписочная численность работников, занятых на предприятиях с участием иностранного капитала (без совместителей), чел.	23480	13183	56,1

Источник: **Внешнеэкономические** связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

[1] **Лацков В.Н.** Деятельность предприятий с участием иностранного капитала и их влияние на экономику Алтайского края // Ползуновский вестник. – 2006. – № 4. – С. 254–258.

В целом за рассматриваемый период времени край незначительно улучшил свое стратегическое положение в сфере внешнеэкономической деятельности, сохранив ряд старых предприятий и создав условия для усиления новых направлений деятельности.

10.4 ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2009–2016 гг.)

Данный период развития привлекает особое внимание в силу его актуальности и исключительной сложности и противоречивости протекающих процессов. Мировой экономический кризис, проявившийся в 2008 г., фактически положил начало новому этапу развития экономики России в целом ее и регионов, в частности. Резкий спад производства в стране (больше 7%) означал также, что экономика страны уже стала частью глобальной экономической системы, причем крайне уязвимой к внешним факторам воздействия. Усугубляет ситуацию то, что инвестиционные задачи, поставленные на предыдущем этапе, так и не были полностью реализованы, и структурная перестройка экономики пока не стала реальностью.

Спад мировой экономики в 2009 г. поначалу создавал только сложности с притоком капитала в Россию, как, впрочем, и на другие развивающиеся рынки. В то же время изменения валютного курса и цен на нефть в 2008–2009 гг., в целом, не очень сильно повлияли на состояние экономики. Но ожидания роста мировой экономики затянулось, и к 2012–2013 гг. в России после непродолжительного восстановительного роста уже стали заметны признаки стагнации, вызванной, как утверждает большинство специалистов, преимущественно внутренними причинами.

В 2012 г. страна вступила в ВТО, но однозначно эффекты этого события оценить трудно – протекционистские меры 2014–2015 гг. оказали, по всей видимости, более сильное воздействие. Но известно, что в 2013 г. прямые иностранные инвестиции в Россию все же выросли – на 57% (79 млрд долл.)[1]. В результате наша страна по итогам первого полного года членства в ВТО впервые вышла на третье место в рейтинге государств по данному показателю[2]. Этот эффект от вступления в ВТО, к сожалению, оказался непродолжительным в связи с введением двусторонних санкций.

В дальнейшем, начиная с 2014 г., траектория развития как страны существенно изменяется: падение цен на нефть, переход к плавающему валютному курсу и его резкое снижение, введение тяжелейших для экономики России финансовых санкций, ограничивших приток капитала, ответные эмбарго РФ на поставки продовольствия существенно изменили состояние экономики. Ухудшилась финансовая ситуация и сократились реальные инвестиции, в том числе вследствие бегства капиталов из страны. Вместе с тем обозначился путь к импортозамещению по многим направлениям деятельности, особенно в сельском хозяйстве, для которого это может стать началом его экспортной ориентации (Россия уже вышла на первое место в мире по

[1] В международной экономике рост инвестиций после вступления стран в ВТО считается закономерностью.

[2] **Зачем** России ВТО. Россия в ВТО – плюсы и минусы для экспорта [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24_a_7775321.shtml (дата обращения: 20.10.2016 г.).

экспорту зерна)[1], важной и в плане постепенного вытеснения значимости экспорта углеводородов.

Из существенных факторов в последнее время стоит назвать также начало функционирования с января 2015 г. ЕАЭС при одновременном сокращении связей с рядом стран СНГ (Грузией, Украиной, Молдовой), развитие связей со странами АСЕАН, расширение сотрудничества в рамках БРИКС, в том числе в сфере инвестиций, а с Китаем еще и по линии ШОС и проекта «Экономического пояса великого шелкового пути».

Трудности в экономике в плане внешнеэкономической деятельности в дальнейшем могут усилиться и в результате интеграционных проектов США в регионах Тихого и Атлантического океанов. Адаптация к этим условиям еще только начинается, и исход этих процессов непредсказуем.

Вследствие данных процессов во внешней торговле России стали происходить определенные позитивные структурные изменения. Так, «по данным Центра международной торговли Москвы после присоединения России к ВТО на 16% увеличился экспорт по группе машины и оборудование. Экспорт одежды и обуви вырос на 26%, продовольствия – на 5%. По данным Федеральной таможенной службы, за первое полугодие 2015 года физический объем экспорта металлов и изделий из них вырос на 8,1%. Доля экспорта машин и оборудования в общей структуре составила 5,1%, стоимостной объем экспорта в этой категории вырос на 23%»[2].

Статистика международной торговли показывает также, что поставки Россией сельскохозяйственной техники за границу после девальвации рубля достигли рекордных значений. В первом полугодии 2015 г. объем экспорта составил 3,8 млрд руб. – это в 2 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 1,1 млрд руб. больше предыдущего максимума в 2012 г. Экспорт российской сельскохозяйственной техники в Германию, Францию, Болгарию, Турцию, Канаду и Азербайджан вырос в 3 раза, в Казахстан, Монголию и Таджикистан – в 2 раза, в Кыргызстан и Венгрию – на 30%. Несмотря на традиционно большие поставки вооружения, российский экспорт становится все более мирным. За последний год российские производители в сфере сельского хозяйства экспортировали товаров на 20 млрд долл. Рост составил 15%, и это позволило обогнать экспорт российского вооружения[3].

В то же время, по данным Федеральной таможенной службы, за первое полугодие 2015 г. внешнеторговый оборот России составил 270,7 млрд долл., это на 32,6% ниже, чем за аналогичный период прошлого года. Доходы страны от экспорта сократились на 28,8% – до 183,04 млрд долл. Соглашаясь с тем, что Россия несет потери, эксперты в то же время говорят о том, что удалось добиться положительных изменений в структуре экспорта. В стоимостном объеме экспорта в страны дальнего зарубежья доля металлов и изделий из них в первом полугодии составила 9,6% (7,5% год назад), физический объем экспорта вырос на 8,1%. Доля экспорта продукции химической промышленности составила 6,6% (5,0% год назад), физический объем вырос на 12,8%. Доля экспорта машин и оборудования составила 5,1% (3,0% год назад). И хотя это все еще небольшие показатели, это единственная группа товаров, которой удалось

[1] В 2016 г. ожидается рост экспорта зерна Россией до 30 млн т., что составит около 17% мирового рынка.

[2] **Зачем** России ВТО. Россия в ВТО – плюсы и минусы для экспорта [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24_a_7775321.shtml (дата обращения: 20.10.2016 г.).

[3] **Новое** о российском экспорте [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/21_a_7764959.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

существенно нарастить стоимостной объем – в среднем на 23%[1]. Однако действие фактора девальвации рубля не может быть длительным. Обычно потенциал роста за счет данного фактора продолжается не более 3–4 лет.

Внешние вызовы заставляют пересматривать экономическую политику по целому ряду направлений. Из самых значимых – завершение структурной перестройки экономики, импортозамещение по некоторым стратегически важным направлениям, усиление экспортной ориентации в перерабатывающих отраслях. Неизбежным становится и ориентация на инновационный этап развития конкурентоспособности страны как на фактор сохранения и в дальнейшем улучшения состояния экономики, что, однако, крайне затруднительно в условиях незавершенности инвестиционного этапа, внутренних и внешних финансовых проблем, продолжающейся стагнации экономики.

Все эти процессы затрагивают и экономику регионов, в частности, Алтайского края.

Рассматриваемый период был для Алтайского края также очень неоднородным по основным характеристикам. Отметим, что с 2009 по 2013 год в целом сохранялись тенденции в развитии, которые можно было бы определить как посткризисное восстановление. Совокупность факторов, обнаружившихся в 2014–2016 гг. внесли более серьезные и значимые коррективы в траекторию движения экономики региона. При этом крайне сложно однозначно определить все причины происходивших изменений.

В период 2009–2013 гг., когда экономика России восстанавливалась после мирового экономического кризиса, преобладали следующие тенденции в сфере внешнеторговой деятельности края[2].

Несколько выросло количество стран-партнеров в 2012 г.: по экспорту – 66, по импорту – 62, против 65 и 56 соответственно в 2008 г.

Объемы экспорта в 2012 г. в 863 млн долл. так и не достигли максимального докризисного уровня 2008 г., составив всего 64,5% от него. В первую очередь это стало проявлением общего падения спроса на мировых рынках и сложным процессом адаптации предприятий края к условиям замедления экономического роста в России.

На изменение объемов экспорта в сторону снижения в 2008–2012 гг. (за исключением 2011 г.) в основном влияли поставки наиболее важных для экономики края, сохранения ее промышленной составляющей, видов продуктов: топливно-энергетических товаров (кокса), машин, оборудования, транспортных средств (вагонов), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (лесоматериалов). Значительный вклад в сокращение объема экспорта внес и ценовой фактор: так, средние цены за 2012 г. по сравнению с 2008 г. в долларовом исчислении по коксу снизились на 36%, по вагонам – на 34%.

Необходимо отметить, что экспорт предприятий Алтайского края продолжал быть ориентирован в первую очередь на государства-участников СНГ (кроме минеральной продукции). Так, за 2012 г. доля этой группы стран составила 63,6% стоимостного объема экспорта и практически не изменилась с 2008 г. Особенно упрочи-

[1] **Россия** разнообразила экспорт [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/08/26_a_7719377.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

[2] **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 60 с.

лись позиции Казахстана как главного экспортного партнера Алтайского края: за 2012 г. доля этой страны в стоимостном объеме поставок края составила 44,4%. Думается, что здесь уже проявился эффект создания Таможенного союза.

Доля экспорта в секторе крупных и средних предприятий была достаточно заметной и составляла около 9% в отгрузке продукции собственного производства (работ, услуг). Экспорт как направление деятельности был у 8% крупных и средних предприятий края. Высокая доля экспорта в объеме продажи продукции сложилась за 2012 г.: по пиломатериалам – 64,1%, минеральным удобрениям – 58,5%, вагонам – 38,3%, серной кислоте – 36,3%, лакокрасочным материалам – 25,1%, тканям – 17,9%, моющим средствам – 14,3%, шинам – 8,7%, средствам парфюмерным и косметическим – 9,6%, средствам лекарственным – 8,1%, бумаге – 7,5%.

Укрупненная товарная структура экспорта в 2012 г. характеризовалась сосредоточением объемов в 5 товарных группах. При этом проявляются определенные динамические изменения в структуре экспорта по сравнению с 2008 г.[1] Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) составили 14,3% от стоимостного объема экспорта (11,6% в 2008 г.); минеральные продукты – 25,8% против 38,9% в 2008 г.; продукция химической промышленности, каучук – 13,4% против 6% в 2008 г.); древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 17,5% (23,8% в 2008 г); машины, оборудование и транспортные средства – 18,8% (15,5% в 2008 г.). Доля готовых продовольственных товаров (83% в объёме экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья) существенно превысила долю сельскохозяйственного сырья (17%), и это свидетельство значимых структурных изменений в экономике края, сложившихся в результате инвестиционной деятельности.

В 2012 г. импорт Алтайского края составил 557 млн долл. и также не достиг максимума 2008 г. Преимущественно импорт шел из стран дальнего зарубежья 64,7% общего стоимостного объема импорта (в 2008 г. – 47,9%) и превысил уровень 2008 г., а вот из государств-участников СНГ заметно снижался (как в абсолютном выражении, так и в относительном). Лидером среди всех стран в импорте Алтайского края, что в целом соответствовало и общероссийским тенденциям, стал Китай, опередив при этом Казахстан. Суммарно из этих двух стран импортировалось более 49 % товаров.

Товарная структура импорта края в 2012 г. характеризовалась преобладанием объемов в 4 товарных группах. И здесь также заметны некоторые изменения. Так, минеральные продукты составляли 18,6% импорта (в 2008 г. – 10%); продукция химической промышленности, каучук – 10,9%; металлы и изделия из них – 10,5%; машины, оборудование и транспортные средства – 46,7% (42% в 2008 г.). В товарной структуре импорта стали заметно преобладать машины, оборудование, транспортные средства: вероятно, в этом были заметны усилия предприятий по переоснащению производства.

Отметим также, что данные показатели, к сожалению, никак не могут скрыть того факта, что в крае стоимостной объем экспорта на душу населения в 2012 г. составлял всего 359 долл., в то время как в среднем по России он был около 3670 долл. Стоимостной объем импорта, также на душу населения, составил 231 и 2196 долл.

[1] **Внешняя** и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / В.М. Мочалов, И.В. Супонина, Н.Н. Трифонова; под ред. В.М. Мочалова / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – С. 6.

соответственно. Отставание заметно и по сравнению со средними значениями данных показателей по СФО: 1844 и 545 долл.[1]

Во второй части рассматриваемого периода, в 2014–2016 гг. ситуация во внешнеэкономической деятельности изменилась в силу указанных выше причин, и прежде всего, сказалось значимое падение курса рубля, ограничения во внешней торговле и инвестициях в результате введения санкций, а затем и создание ЕАЭС.

К настоящему времени в крае сформировался достаточно широкий круг участников внешнеэкономической деятельности. Существенно расширился их состав. По оценкам региональной таможни, в 2015 г. внешнеторговые операции осуществляли 702 зарегистрированных участников ВЭД – резидентов (в том числе индивидуальные предприниматели).

Общие итоги внешней торговли в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г. можно показать с помощью таблицы 10.6.

При этом необходимо отметить, что с 2015 г. в статистике внешнеторгового оборота не учтены данные о движении товаров между краем и странами ЕАЭС, поскольку таможенного оформления товары уже не проходят. Это крайне затрудняет анализ динамики развития внешней торговли региона и делает показатели в значительной степени несопоставимыми, существенно изменяя данные о структуре торговли.

Таблица 10.6

Итоги внешней торговли в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г.

Показатель	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г. в % к 2014 г.
Товарооборот – всего	546,2	100,0	70,0
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	403,6	73,9	68,7
страны СНГ	142,6	26,1	74,2
Импорт – всего	171,8	31,4	51,3
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	159,0	92,5	50,3
страны СНГ	12,8	7,5	67,0
Экспорт – всего	374,4	68,6	84,1
В том числе:			
страны дальнего зарубежья	244,5	65,3	89,9
страны СНГ	129,9	34,7	75,0

Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: http://www.doc22.ru/information/analysis/6829 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

[1] **Ковалева Г.Д.** Алтайский край в контексте внешней торговли России и СФО: ретроспектива и текущее состояние // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления; под ред. Н.Н. Чинякова. – Барнаул, 2015. – С. 105.

Внешнеторговый оборот в регионе в 2015 г. составил 546,2 млн долл. и по сравнению с 2014 г. уменьшился на 234 млн долл. (на 30%).

В 2015 г. внешнеторговые операции осуществлены с партнерами из 73 стран мира (в 2014 г. – из 82 стран). Основные показатели внешней торговли края по странам-партнерам представлены в таблице 10.7.

Таблица 10.7

Внешнеторговый оборот по странам – основным торговым партнерам Алтайского края в 2015 г.

Страна	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г., в % к 2014 г.
Всего	546,2	100,0	70,0
В том числе:			
Китай, Сянган	175,9	32,2	62,7
США	64,9	11,9	97,8
Узбекистан	58,2	10,7	66,7
Таджикистан	26,6	4,9	104,0
Азербайджан	22,8	4,2	217,5
Афганистан	20,9	3,8	84,5
Германия	20,2	3,7	65,3
Украина	18,4	3,4	54,6
Республика Корея	16,6	3,0	130,8
Монголия	15,5	2,8	74,2
Чехия	11,1	2,0	74,4
Киргизия	11,0	2,0	48,2
Прочие страны	84,0	15,4	56,4

Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: http://www.doc22.ru/information/analysis/6829 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

Как видно из табл. 10.7, в 2015 г. ведущими торговыми партнерами региона стали Китай (32,2% от общего стоимостного объема товарооборота), США (11,9%), Узбекистан (10,7%).

И это без учета стран ЕАЭС, доля которых очень значительна, особенно у Казахстана. Так, если на 2013 г. на Республику Казахстан приходилось 436 млн долл. товарооборота, то в 2014 г. – уже 462 млн долл., а в 2015 г. – всего 277 млн долл. Снижение на 67% было явно связано с проблемами динамики валютных курсов. Но «Республика Казахстан по-прежнему один из основных внешнеторговых партнеров Алтайского края. Ее доля в общем объеме товарооборота региона составляет 31%. В первом полугодии 2016 года объем товарооборота уже превысил 107,5 млн. долларов

США, это 71,8% от товарооборота аналогичного периода прошлого года. Из общей суммы на экспорт пришлось 62,5 миллиона, на импорт — 45,1 миллиона долларов»[1].

На долю стран дальнего зарубежья пришлось 73,9% от общего стоимостного объема товарооборота, стран СНГ (без учета взаимной торговли со странами Таможенного союза) – 26,1%. В торговле как со странами дальнего зарубежья, так и со странами СНГ товарооборот уменьшился: с дальним зарубежьем на 31,4% и составил 403,6 млн долл., с государствами СНГ – на 25,8% и составил 142,7 млн долл.

По сравнению с 2014 г. стоимостно́й объем товарооборота сократился с Китаем, Узбекистаном, Украиной, Киргизией, Германией, Монголией, Чехией, Афганистаном и США и вырос с торговыми партнерами из Азербайджана, Республики Корея и Таджикистана. Можно с определенной уверенностью утверждать, что это последствия падения курса рубля, вызвавшего изменение товарных потоков между странами. Это особенно заметно на примере Китая: так, экспорт в эту страну вырос на 18,5% при очень значительном снижении импорта – более чем на 50% в течение года, но, к сожалению, при сохранении отрицательной динамики всего товарооборота.

Экспорт товаров осуществлялся в 65 стран дальнего и ближнего зарубежья (в 2014 г. – в 62 страны).

Структура экспорта края по странам представлена в таблице 10.8.

Таблица 10.8

Экспорт по странам - основным торговым партнерам Алтайского края в 2015 г.

Страна	Стоимость, млн долл.	Удельный вес, %	2015 г., в % к 2014 г.
Всего	374,4	100,0	84,1
В том числе:			
США	61,8	16,5	99,8
Китай, Сянган	60,4	16,1	118,5
Узбекистан	48,3	12,9	61,7
Таджикистан	25,8	6,9	102,6
Азербайджан	22,8	6,1	218,3
Афганистан	20,9	5,6	85,5
Украина	16,7	4,5	65,0
Республика Корея	15,7	4,2	144,1
Монголия	15,1	4,0	73,7
Киргизия	10,9	2,9	50,7
Прочие страны	76,0	20,3	65,9

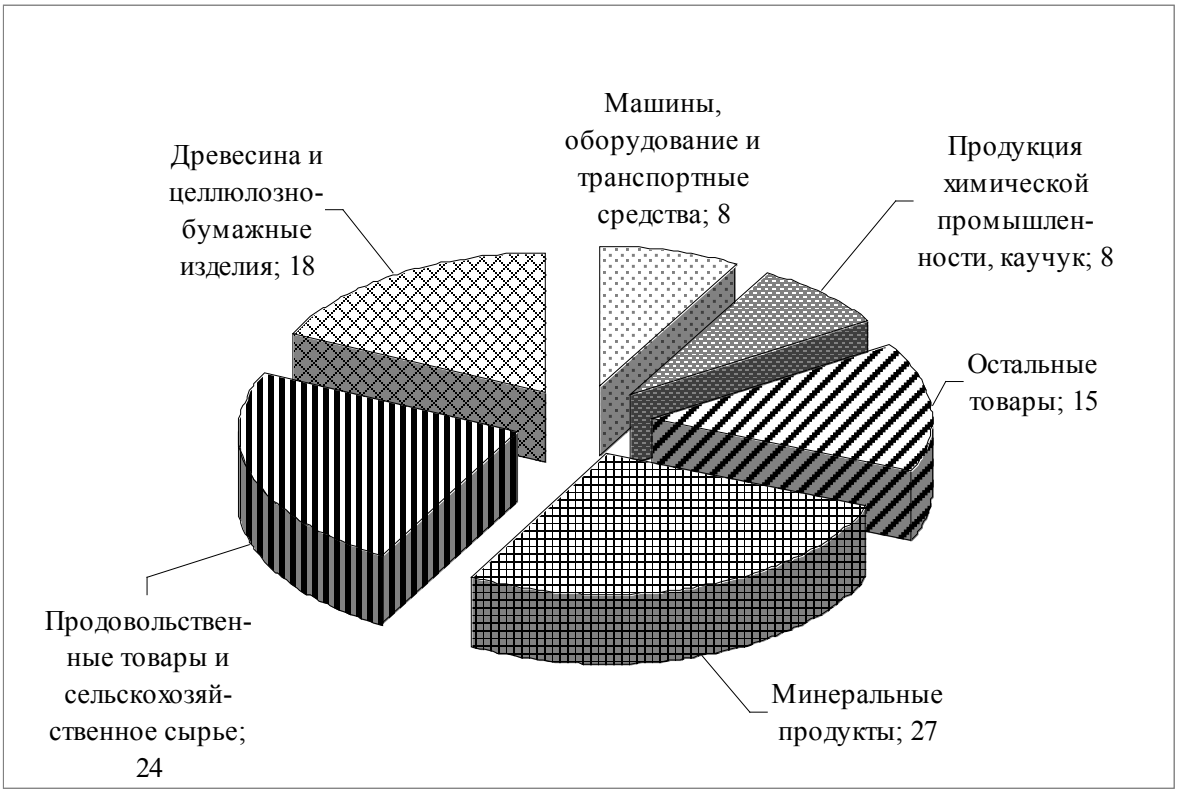
Источник: Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: http://www.doc22.ru/information/analysis/6829 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

[1] **Алтайский** край и Казахстан пытаются остановить падение товарооборота [Электронный ресурс]. – URL: https://regnum.ru/news/economy/2202990.html (дата обращения: 10.11.2016 г.).

В целом экспорт товаров в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшился на 70,8 млн долл. (на 15,9%) и составил 374,4 млн долл. Очевидно, что это, прежде всего, следствие указанного выше отсутствия в таможенной статистике данных по странам ЕАЭС. Поставки товаров в страны дальнего зарубежья в стоимостном объеме сократились на 10,1% и составили 244,5 млн долл. (65,3% от общего стоимостного объема экспорта), при этом на первое место по импорту алтайских товаров вышли США. Следующие строчки по доле в экспорте заняли Китай, Узбекистан, Таджикистан и Афганистан.

Особенно заметен рост экспорта в Китай, Азербайджан, Республику Корея и падение в Узбекистан, Украину, Киргизию.

Структура экспорта края по укрупненным группам товаров представлена на рисунке 10.1. Как видим, значительная часть экспорта – это продовольственные товары и сырье. Их доля выросла с 11,6% в 2008 г. (и 2,9% в 1997 г.) до 24% в 2015 г. Доля машин и оборудования заметно снизилась – 8% против 15,5% в 2008 г. (44% – в 1997 г.). И это, пожалуй, самые заметные и, скорее всего, долгосрочные тенденции в изменении экспорта края. Но при этом по-прежнему следует учитывать воздействие на структуру экспорта и импорта новых условий учета внешней торговли в ЕАЭС.



Источник: Итоги внешней торговли Алтайского края за 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4342 (дата обращения: 04.10.2016 г.).

Рис. 10.1. Товарная структура экспорта по укрупненным группам товаров в 2015 г., %

Структура экспорта по более узким товарным позициям, дающим картину в разрезе основных вывозимых товаров, представлена на рисунке 10.2.



Источник: **Экспортный** потенциал Алтайского края [Электронный ресурс] // Алтайский краевой центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства: [сайт]. – URL: http://www.export22.ru/exports/2 (дата обращения: 04.10.2016 г.).

Рис. 10.2. Товарная структура экспорта (по видам товаров) в 2015 г., %

Крупнейшими экспортерами Алтайской таможни в 2015 г. выступали ООО «АгроСиб-Раздолье», ОАО «Каучуксульфат», ЗАО «Транссервис-Юг», ООО «Рубцовский ЛДК», ОАО ПО «Алтайский шинный комбинат» и ОАО «Барнаульский вагоноремонтный завод».

Изменения в импорте можно охарактеризовать следующим образом.

В 2015 г. в Алтайский край ввозились товары, происходящие из 49 стран дальнего и ближнего зарубежья (в 2014 г. – из 64 стран). Основные партнеры края в сфере импорта (без учета стран ЕАЭС) – Китай (более 67% – 115,5 млн долл.), Германия (8,35%), Узбекистан (5,78%), Италия (4,55%), Чехия (2,71%)[1].

При этом импорт товаров в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшился в 2 раза. Безусловно, причина этого – резкое падение курса рубля, а также изменение порядка расчета объема внешней торговли. Импорт товаров из стран дальнего зарубежья

[1] **Алтайский** край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL: http://www.doc22.ru/information/analysis/6829 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

сократился по сравнению с 2014 г. в 2 раза, из стран СНГ (без учета стран Евразийского союза) – на 33%[1].

Наибольший объем в импорте, как и следовало ожидать, дали четыре группы товаров: машины и оборудование (32%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (24%), химическая продукция (25%), текстиль и обувь (10%)[2].

Крупнейшими импортерами в регионе деятельности Алтайской таможни в 2015 г. выступали ООО МФО «Вестфалика М», ИП Каюмов Ш.С., ООО «Хайгер Бас Рус», ООО «Агроводпром».

В 2016 г. во внешнеторговой деятельности края, в основном, продолжились самые значимые тенденции, сложившиеся к 2015 г.: в первом полугодии 2016 г. по сравнению с тем же периодом 2015 г. стоимостнóй объем экспорта продовольственных товаров увеличился на 35,7%; импорт машиностроительной продукции вырос на 19,6%. Очевидно, что именно сейчас в условиях протекционистских ограничений и низкого валютного курса для края могут сложиться благоприятные условия для развития производств с выраженной экспортной ориентацией.

Номенклатура основных экспортных товаров края достаточно стабильна – это кокс, лесоматериалы, грузовые вагоны и запасные части к ним, продукция машиностроительных заводов (котлы, оборудование и механические устройства к ним), лекарства и пищевые добавки, сельскохозяйственное сырье и пищевые продукты, шины. Вероятно, что эти статьи должны сохраниться и развиваться в дальнейшем как основа экспорта региона. Возможно также их расширение за счет туристических и курортных услуг.

Отметим особо реальные перспективы экспорта продовольственных товаров. Край уже сейчас занимает 1-е место в России по производству муки, жирных твердых сыров и гречневой крупе, 2-е место – по крупе и животному маслу, 3-е место – по макаронным изделиям, что дает возможность расширять и экспортные поставки товаров. Объемы экспорта края заметно растут по целому ряду направлений продовольственных товаров. Так, «по данным Сибирского таможенного управления, в первом полугодии 2016 года – в сравнении с таким же периодом 2015-го – в 35 раз вырос экспорт соевого масла (в основном оно поставляется в Китай, Казахстан, Узбекистан). Экспорт подсолнечного масла вырос в 3 раза (Китай, Казахстан, Афганистан, Киргизия, Узбекистан). Растет спрос на алтайское рапсовое масло – увеличение в 1,6 раза (снова Китай и Монголия, но в числе основных покупателей также Норвегия). Продажа на экспорт муки выросла в 2,2 раза (главные потребители – Таджикистан, Монголия, Китай). Существенно выросли поставки в другие страны алтайского сыра, а также водки. Ее хорошо покупают США и Голландия»[3].

Компания «Юг Сибири», объединяющая крупнейшие за Уралом маслоэкстракционные заводы, в том числе находящиеся в Алтайском крае (ООО «АгроСиб-Раздолье», ПАО «Бийский МЭЗ») охватывает 2% российского экспорта растительно-

[1] **О внешнеэкономической** деятельности и развитии международных связей Алтайского края в 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-alt/-/asset_publisher/5xjjlWtPCeCZ/content/id/2142560 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

[2] **Итоги** внешней торговли Алтайского края за 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4342/ (дата обращения: 04.10.2016 г.).

[3] **Алтайский** край многократно нарастил экспорт продовольствия [Электронный ресурс] // Капиталист: журнал о бизнесе. – 2016. – 25 августа. – URL: http://kapitalist.tv/2016/08/25/altayskiy-kray-mnogokratno-narastil/ (дата обращения: 20.09.16 г.).

го масла и в настоящее время занимает 12-ю строчку в аналогичном рейтинге. И, скорее всего, эта статья экспорта края будет расширяться: Масложировой союз России готовит программу развития отрасли. В соответствии с ней предполагается расширить объем посевных площадей под масличные культуры, в результате только за счет полной загрузки уже имеющихся мощностей по их переработке можно вдвое увеличить производство масел и в стоимостном выражении и, как минимум, сравнять их по потенциалу экспорта с пшеницей. Сейчас экспорт масел первого передела Россией составляет около 2 млн т в год (2 млрд долл.). Вместе с экспортом 2 млн т отходов от их производства (360 млн долл.) это уже дает 2,26 млрд долл. При удвоении объема производства экспортная выручка превысит выручку от экспорта зерна Российской Федерацией, которая сейчас составляет 5,25 млрд долл.[1]

Снижение курса рубля стимулировало некоторый рост экспорта машиностроительной продукции – но лишь по отдельным видам товаров (например вагонов). Происходит коррекция и в отдельных сегментах импорта продукции машиностроения: «Разработанная в рамках импортозамещения сельскохозяйственная техника алтайского производства пользуется высоким спросом у аграриев, отвечает их требованиям, конкурентоспособна и не уступает по качеству мировым аналогам. В сложившихся в 2014–2015 годах экономических условиях стоимость алтайской техники в полтора-три раза ниже, чем у европейских или американских производителей при сравнимых технических характеристиках»[2].

Масштабные проекты реализуют и такие известные на федеральном уровне гиганты, как «Эвалар» и «Алтайвитамины». По итогам 2014 г., фармацевтические предприятия Алтайского края произвели продукции на более чем 16 млрд руб. При этом доля экспорта в общем объеме производства одной только фирмы «Эвалар» достигла 15% оборота, а рост объема продаж на зарубежных рынках (более чем в 20 странах) составил 50%. (Основной рост традиционно показали рынки стран СНГ.)[3]

Выгодное географическое положение Алтайского края на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков в непосредственной близости к крупным сырьевым и перерабатывающим районам в настоящее время, в условиях усиления восточного и азиатского вектора развития, становления и развития ЕАЭС может помочь ему более активно участвовать в международном обмене.

Второе направление сотрудничества – международное движение капитала – в направлении края по-прежнему крайне ограничено. Так, если отношение величины внебюджетных инвестиций в основной капитал к величине ВРП в целом по краю находится на уровне 15–17%, то доля организаций с участием иностранного капитала (ОУИК) в этих инвестициях – менее 1% (хуже только в Ингушетии и Северной Осетии), при средних по РФ значениях в 3–4%. А доля ОУИК во внебюджетных инвестициях в основной капитал в крае – 2,5–5% (ниже показатель только в семи субъектах Федерации из 85)[4]. Для сравнения: доля зарубежных инвестиций в основной капитал Татарстана во всем объеме инвестиций увеличилась с 2,5% в 2013 г. до 5,1%

---

[1] **Подсолнечное** масло догоняет пшеницу [Электронный ресурс] // Известия. – 2016. – 8 нояб. – URL: http://izvestia.ru/news/642783?utm_source=smi2 (дата обращения: 10.11.2016 г.).

[2] **Здоровые** амбиции [Электронный ресурс] // Эксперт-Сибирь. – 2015. – № 41-42. – URL: http://www.econom22.ru/press-centre/Publics/detail.php?ID=12046 (дата обращения: 10.11.2016 г.).

[3] **Международная** экспансии компании «Эвалар» продолжает расширяться [Электронный ресурс] // Новости GMP: интернет портал. – URL: http://gmpnews.ru/2015/05/mezhdunarodnaya-ekspansiya-kompanii-evalar-prodolzhaet-rasshiryatsya (дата обращения: 10.11.2016 г.).

[4] **Кузнецова О.** Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 91.

в 2015 г. В 2015 г. Татарстан привлек 507,4 млн долл. прямых иностранных инвестиций против 435 млн долл. в 2014 г. Только за первое полугодие 2016 г. в экономику республики пришло 397,3 млн долл., что в 3 раза превышает уровень соответствующего периода 2015 г. Из них 38,5% (153,1 млн долл.) – прямые инвестиции. Татарстан входит в число 20 регионов России, на которые, в общем, приходится до 95% вложений, пришедших в страну[1].

Алтайский край пока не может соперничать с такими регионами, тем более что приток иностранных инвестиций, прежде всего, связан с решениями самих инвесторов и государственных органов федерального уровня. Ограничивают эти возможности также неразвитость инфраструктуры, ограниченная емкость рынка и отсутствие подготовленных трудовых ресурсов. Но можно надеяться, что развитие производства продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности хотя бы в некоторой степени изменит ситуацию в лучшую сторону. Уже сейчас Китай, став крупнейшим покупателем российского продовольствия, может начать этот процесс: «китайские предприниматели планируют изучить возможность вложения инвестиций в экономику Алтайского края. В первую очередь интерес вызывает сфера пищевой и перерабатывающей промышленности. Также совместно с российскими компаниями-партнерами будет рассматриваться вопрос участия китайских корпораций в развитии особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь», туристического кластера «Белокуриха-2» и других туристических проектов»[2]. Возможно сотрудничество и в других отраслях и с другими государствами.

Создание ЕАЭС открывает новые перспективные возможности для предприятий края также и для вывоза капитала в регион Казахстана, Средней Азии, Монголии и создания там своих филиалов или совместных предприятий.

10.5 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие внешнеэкономической деятельности в рыночной экономике, несомненно, связано, в первую очередь, с деятельностью предприятий как ведущего субъекта экономики, с их экономическими интересами. В то же время исключительно велика и роль государственных регулирующих органов, как на уровне федерального центра, ориентированного на обеспечение общенациональных интересов, так и регионов, заинтересованных в стабилизации и развитии территорий. Важными являются и общественные организации в сфере предпринимательства. Соответственно, необходимым оказывается рассмотрение вопроса об институциональной поддержке внешнеэкономической деятельности в Алтайском крае.

Администрация Алтайского края в целом, Управление Алтайского края по туризму, межрегиональных и международным отношениям в настоящее время активно работают над развитием внешнеэкономических связей, в том числе в рамках программного подхода, создавая благоприятные условия для алтайских предприятий.

---

[1] **Татарстан** привлек 507,4 млн долл. прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] // РБК Татарстан. – URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5825a4f69a79477a43966aed (дата обращения: 12.11.2016 г.).

[2] **Китайские** предприниматели планируют инвестировать в экономику Алтайского края [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Алтайского края: [сайт]. – URL: http://invest.alregn.ru/news/detail.php?ID=1794 (дата обращения: 12.11.2016 г.).

Важными в данном аспекте являются такие программы как: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края на 2012–2020 годы», «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», Государственная программа Алтайского края «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2020 годы», «План мероприятий по содействию импортозамещению до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года». Заметную роль в этом играет и Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г., которая определяет основные направления, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития Сибири.

Большую работу проводит в названном направлении также Алтайская торгово-промышленная палата (АТПП), Алтайский краевой центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства. Последний тем более важен, что малый бизнес часто оказывается наиболее успешным в области новых идей и их реализации, что может открыть и его экспортные возможности. Он также способен эффективно взаимодействовать с крупным бизнесом, стимулирует развитие предпринимательских ресурсов региона. Существенные функции выполняют Алтайский союз предпринимателей, Алтайский бизнес-инкубатор и другие структуры.

В целом Администрация Алтайского края заключила более 15 соглашений о сотрудничестве с министерствами зарубежных государств и органами власти административно-территориальных образований иностранных государств. Именно заключение конкретных соглашений позволяет формировать устойчивые экономические и гуманитарные связи Алтайского края, в частности, с Белоруссией, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Республики Казахстан, Ховдским и Баян-Ульгийским аймаками Монголии, Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китайской Народной Республики и регионом Франш-Конте Французской Республики. Осуществляется работа по развитию и укреплению всестороннего сотрудничества Алтайского края с Киргизией, Таджикистаном, Шуменской областью Болгарии и провинцией Больцано – Южный Тироль Италии[1].

Крайне важно отметить, что 15 декабря 2014 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Администрацией Алтайского края Российской Федерации и Всемирной продовольственной программой ООН. Алтайский край стал первым и единственным регионом страны, с которым заключено такое соглашение. Подписанный меморандум позволит алтайским переработчикам значительно расширить географию международных поставок. Официальным поставщиком ООН от Алтайского края является компания «Алтайские мельницы»[2].

Большие возможности для повышения эффективности международных связей Алтайского края представляет деятельность представительств края, созданных за рубежом, в частности, в Федеративной Республике Германия (г. Берлин) и Монголии (г. Улан-Батор). Указанные представительства могут существенным образом содействовать налаживанию двустороннего сотрудничества, взаимодействуют с министерствами иностранных государств по вопросам международного сотрудничества, способствуют формированию позитивного восприятия Алтайского края в иностранных государствах. Действенным инструментом обеспечения экономических интересов Алтайского края на федеральном уровне являются и двусторонние межправитель-

[1] **О некоторых** итогах развития международных и межрегиональных связей Алтайского края в 2014 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/territory/foreign_ec/ved (дата обращения: 09.10.2016 г.).

[2] Там же.

ственные комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Алтайский край является постоянным участником многих таких структур: Российско-Казахстанской, Российско-Германской, Российско-Узбекской, Российско-Киргизской и Российско-Монгольской Межправительственных комиссий.

Алтайский край активно участвует также в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях. Это активно способствует улучшению его имиджа, привлечению внимания к экономике региона со стороны государственных органов власти и иностранных инвесторов, представителей бизнеса зарубежных государств.

В целом ряде международных выставок Алтайский край принимает участие уже на протяжении нескольких лет: например, в сельскохозяйственной выставке «Зеленая неделя» (Германия), туристической выставке «ITB» (Германия), Урумчийской выставке (Китай), выставке-ярмарке «Улан-Батор. Партнерство» (Монголия), Экспортно-импортной ярмарке (Китай).

В рамках данных мероприятий Алтайский край позиционирует себя уже не только в качестве одного из крупнейших агропромышленных регионов России, но и как центр всесезонного туризма. Так, в 2014 г. Алтайский край впервые был представлен на крупнейшей в Болгарии международной туристической выставке Holiday and Spa Expo 2014. Участвует край и в международной выставке «Китай – Евразия ЭКСПО», которая ежегодно проходит в Китае. В рамках этой ярмарки компанией «Юг-Сибири» достигнута договоренность с китайскими коллегами о поставках наливного подсолнечного и рапсового масла, а также бутилированного подсолнечного масла торговой марки «Янтарь Алтай».

На протяжении 2014–2015 гг. Администрацией Алтайского края организованы приемы в Алтайском крае официальных делегаций и представителей деловых кругов следующих зарубежных государств: Казахстан, Таджикистан, Китай, Монголия, Германия, Франция и др.

С 2014 г. продолжились контакты по линии Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». Совет «Наш общий дом – Алтай» – это интересный формат приграничного диалога органов власти, бизнеса и общественности территории Большого Алтая. В рамках данного Совета выполняется целый ряд важных проектов, среди них Совет ректоров вузов Большого Алтая.

Известным событием в Алтайском крае является и межрегиональный агропромышленный форум «День сибирского поля», в котором также принимают участие и представители других государств. Так, китайская сторона участвует в нем с 2014 г. Развиваются и другие формы сотрудничества Алтайского края с зарубежными странами.

Все более важным направлением становится углубление контактов региональных органов власти в рамках пространства ЕАЭС: так, в октябре 2016 г. делегация алтайских предпринимателей приняла участие в работе седьмой международной промышленной выставки «EXPO-RUSSIA ARMENIA PLUS IRAN 2016», которая проходила в г. Ереване Республики Армения[1]. Это дополняет уже имеющиеся контакты с другими государствами ЕАЭС.

[1] **Делегация** алтайских предпринимателей осваивает рынок Армении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бийского бизнес инкубатора: [сайт]. – URL: http://www.incubator22.ru/index.php/1034-delegatsiya-altajskikh-predprinimatelej-osvaivaet-rynok-armenii (дата обращения: 20.11.2016 г.).

Подведем итоги. Внешнеэкономическая деятельность Алтайского края за двадцать пять лет экономической трансформации испытывала противоречивое влияние целого комплекса факторов национального, мирового и территориального характера как экономического, так и политического плана.

К сожалению, реальностью стало «упрощение» ресурсного экспортного потенциала края – произошло смещение в сторону факторов природного характера при существенном сокращении факторов производственного капитала, технологических и трудовых ресурсов; в результате край понес потери по многим уже ранее сложившимся направлениям экспортной деятельности, прежде всего, в сфере машиностроения.

В то же время удалось сохранить экспортные возможности ряда крупных промышленных предприятий химической, машиностроительной отраслей, созданных еще в советский период, что при благоприятных инвестиционных и институциональных условиях может стать основой дальнейшего восстановления и расширения промышленного экспорта. Вероятно, новые возможности в этом направлении открывает и создание ЕАЭС.

Складываются благоприятные, причем долгосрочного характера, условия для развития экспортной ориентации предприятий деревообрабатывающей, фармацевтической отраслей, сельского хозяйства, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленности, в том числе в производстве экологически чистых и редких аутентичных продуктов, что, однако, тоже требует расширения инвестиций.

Постепенно накапливается потенциал в сфере туризма и курортного дела: они также могут в перспективе занять некоторые ниши на мировом рынке соответствующих услуг.

Следует отметить увеличение и улучшение качества предпринимательских ресурсов и, вследствие этого, заметное реальное включение интересов предприятий (не только крупных, но и средних и малых) в направлении расширения пространства их деятельности за пределы Российской Федерации. В то же время уровень подготовки трудовых ресурсов в целом остается невысоким.

В качестве приоритетного направления и как условие освоения международных рынков следует назвать и развитие инноваций: в крае в некоторых сегментах экономики уже идут данные процессы, причем и на уровне малых предприятий, в том числе создаваемых при университетах и крупных бизнес-структурах.

Крайне необходимо развитие эффективной производственной инфраструктуры как одного из условий успешной внешнеэкономической деятельности.

Активизация уже сформированных и создание новых кластерных систем также может способствовать расширению внешнеэкономических связей предприятий края, в том числе посредством инвестиционной и инновационной деятельности.

Важно задействовать в будущем и процессы миграции капитала – не только в плане привлечения иностранных инвестиций и создания филиалов зарубежных предприятий, совместных компаний, но и посредством стимулирования экспорта прямых инвестиций наиболее сильными предприятиями края за рубеж, в первую очередь, в страны ЕАЭС, Монголию, возможно, и в Китай.

Конкурентоспособность национальной экономики в мировом хозяйстве в рыночной экономике, прежде всего, базируется на деятельности самих фирм. Но для создания условий проявления их возможностей, стимулирования активности и для гармонизации экономических эффектов, складывающихся на уровнях микро-, макроэкономики, региональной экономики, необходимы усилия органов власти, не только федеральной, но и региональной. В Алтайском крае сформировался и развива-

ется дальше целый комплекс институтов, способствующих активизации внешнеэкономической деятельности предприятий.

Перед краем, всеми его экономическими субъектами, таким образом, стоит задача опираться в развитии внешнеэкономических связей не только на уже сложившиеся, базисные факторные условия конкурентоспособности. Необходимо обеспечить развитие капитальных, трудовых, информационных и предпринимательских ресурсов в направлении формирования их «специфичности», выделяющей их на фоне ресурсов других регионов и определяющей конкурентные преимущества предприятий как в системе национальной, так и международной экономики. В условиях намечаемого реформирования региональной политики государства это должно стать важнейшей предпосылкой развития внешнеэкономической деятельности, роста экономики края, повышения уровня жизни его населения и будет содействовать развитию всего национального хозяйства Российской Федерации.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Сравнительный анализ инвестиционных процессов в крае и России показал их неоднозначность. С одной стороны, край продолжает находиться в числе регионов-аутсайдеров по показателю душевого объема инвестиций (в действующих ценах), что во многом объясняется сравнительно невысокой привлекательностью края как места приложения частных инвестиций.

С другой стороны, в последние годы в регионе по сравнению с Россией наблюдается позитивная тенденция более высоких темпов роста индекса физического объема инвестиций в основной капитал, в результате чего по показателю душевых инвестиций (в сопоставимых ценах) край приблизился к среднероссийским показателям (пик сближения пришелся на 2014 г.).

Более высокая инвестиционная активность (в 2010 г. имел место настоящий «инвестиционный рывок») была обеспечена за счет собственных ресурсов края. Алтайский край, начиная с 2004–2005 гг., сумел резко увеличить инвестиционную активность и к 2009 г. обогнать по показателю душевых инвестиций за счет средств краевого бюджета «среднероссийский» регион. Несмотря на заметное снижение этого показателя в 2012–2014 гг., край сумел сохранить лидирующие позиции и в 2015 г.

Анализ и оценка в целом динамики инвестиционной сферы Алтайского края позволила выявить ключевую ее особенность: если для России в целом характерна потребительская модель роста, ориентированная на опережающий рост заработной платы по сравнению с инвестициями, то для края – сберегательная модель, направленная на формирование базы его развития в перспективе в сочетании с бюджетной политикой, не допускающей чрезмерного роста долга консолидированного бюджета региона.

2. Инновации постепенно становятся одним из наиболее важных факторов экономического роста и предпосылок формирования конкурентных преимуществ. Анализ тенденций и факторов развития экономики региона за период 2006–2013 гг. позволил выявить активизацию инновационных процессов во всех секторах экономики, в том числе традиционных; опережающую динамику развития высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг (фармацевтики, образования, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий); развитие новых видов экономической деятельности (производство композитов, наноматериалов, биотехнологии); рост инвестиций в научные исследования и разработки (в 2,8 раза к уровню 2006 г.). За этот период произошел ряд позитивных подвижек: формирование центров инновационной

активности, активизация инновационных процессов во всех областях экономики, рост затрат и, соответственно, объема выполненных научных исследований и разработок. Технологии, разработанные в регионе, востребованы не только в России, но и в странах ближнего зарубежья. По количеству проданных технологий и программных средств среди регионов Сибирского федерального округа Алтайский край в 2012 г. занимал 2-е место (организациями края продана 71 разработка против одной в 2008 г.), уступая лишь Томской области, а по доле инновационной продукции в объеме экспорта промышленных предприятий регион лидирует в Сибири.

Инновационная сфера края прошла в своем развитии основные этапы становления. *Первый* (организационный) *этап* (2006–2007 гг.) становления и развития инновационной системы Алтайского края был связан с созданием основ инновационного сектора экономики, формированием правового поля, созданием управленческих структур и совещательных органов. Особое место в региональной политике было отведено инновациям в 2006 г., когда был принят закон «Об инновационной деятельности в Алтайском крае». В этот период особое внимание уделялось вовлечению научной общественности и бизнеса в процесс реализации государственной научно-технической и инновационной политики.

В 2007 г. были кардинально изменены принципы поддержки научных исследований. В основу положена двухступенчатая процедура выбора проектов, используемая на федеральном уровне. Предусмотрена увязка научных исследований с приоритетами социально-экономического развития Алтайского края. Выполнение работ на паритетных условиях позволило привлечь более 30 млн руб. средств федерального бюджета.

На *втором этапе* (2008–2010 гг.) произошло внедрение кластерного подхода, способствующего созданию и развитию кластеров в сфере биофармацевтики, аграрного машиностроения, энергомашиностроения и энергоэффективных технологий, производства полимерных композитов. По состоянию на начало 2015 г. в них вовлечено более 80 организаций.

Для обеспечения ускоренного развития биоиндустрии создан центр инжиниринга «Промбиотех». Его главной задачей является обеспечение взаимодействия между инжиниринговыми компаниями и производственными предприятиями биотехнологического профиля в целях повышения технологической готовности малого и среднего бизнеса к освоению новых видов продукции и внедрению научно-технических разработок.

Третий (интеграционный) *этап* начался в 2011 г. В рамках его были созданы ключевые элементы региональной инновационной системы, работающие по принципу «инновационного лифта». В этой системе поддержка инновационной деятельности организаций и отдельных предпринимателей осуществляется на всех этапах жизненного цикла инноваций: от зарождения идеи до реализации конкретного инновационного проекта в виде внедрения технологии, организации выпуска инновационной продукции на действующем производстве, создания нового производства.

Учитывая наличие ряда факторов, сдерживающих развитие инновационной сферы Алтайского края, потребуется дальнейшая системная работа, направленная на увеличение эффективности региональной инновационной системы, устранение разобщенности в работе субъектов инновационной деятельности и решение общих задач, обусловленных спецификой инновационной сферы: неразвитость системы проектного и венчурного финансирования, дефицит специалистов по инновационному менеджменту и качественно проработанных инновационных проектов, разрывы в инновационном цикле при переходе от фундаментальных исследований к коммерческим технологиям.

Исходя из этого, основные приоритетные направления совершенствования кластерной политики государства должны заключаться в переходе от практики субсидирования решения только транспортных, инженерных и социальных проблем территорий базирования кластеров к применению «проектного» подхода при распределении финансирования. При этом финансирование недостающих элементов инновационной инфраструктуры должно предусматривать не только приобретение оборудования, но и капитальное строительство. Эффективное сочетание потенциала региональных инновационных решений и возможностей федеральных институтов могут обеспечить создание в регионе дополнительных конкурентных преимуществ при формировании в регионе нового уровня и качества экономического роста.

Не менее важным фактором становления инновационной среды в крае, как свидетельствуют результаты социологических исследований, является постепенное формирование пусть пока и достаточно узкого слоя, инновационно активных жителей, инновационной модели поведения населения, в том числе сельского.

3. Низкая производительность труда и недостаточные темпы ее роста были и остаются одним из главных ограничений повышения конкурентоспособности Алтайского края. По уровню производительности труда край традиционно уступает большинству регионов России и существенно отстает от средних показателей по стране. Со временем это отставание только нарастало. Если в 1990 г. производительность труда в регионе составляла около 70% от уровня РФ, то в настоящее время – менее 50%. Картина отраслевых значений производительности труда в крае довольно многолика и в ряде отраслей специализации не столь удручающа.

Динамика региональных уровней производительности труда носит ярко выраженный проциклический характер, в ней просматривается несколько волн повышения и понижения, выделяются долговременные позитивные и негативные тренды в сочетании с частыми краткосрочными незначительными колебаниями. Она характеризуется более глубоким по сравнению со среднероссийскими показателями падением в 1990-е годы и очень близким к этим показателям ростом и меньшим падением в 2000-е годы.

Особо следует выделить 2015–2016 гг., когда в отличие от России в целом, несмотря на всю сложность ситуации, в крае наблюдается рост производительности труда. Такому развитию событий в регионе способствуют благоприятные погодные условия и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, западные санкции и ответное продовольственное эмбарго со стороны Российской Федерации, военные угрозы и возрождение оборонного комплекса.

4. Алтайское село в настоящее время обладает трудовым потенциалом, обеспечивающим конкурентоспособность аграрного сектора региона. Однако трудовой потенциал сельских территорий, начиная с 2006 г., снижается (прежде всего в количественном отношении), и в значительной своей части не востребован. В 2014 г. по сравнению с 2000-м годом сельский трудовой потенциал в крае уменьшился на 17%. Вероятнее всего, снижение трудового потенциала сохранится и в долгосрочной перспективе. По прогнозным расчетам в 2020 г. по сравнению с 2014 г. он сократится на 7–10%.

Наибольший вклад в сокращение трудового потенциала села вносит естественная убыль населения и миграция. Масштабы потенциальной миграции, особенно среди молодой и образованной части сельского сообщества, остаются достаточно высокими. В 2016 г. 40% сельской молодежи края хотели уехать из села, главным образом из-за низких доходов, отсутствия работы и недоступности получения желаемого образования (квалификации). Вместе с тем в последние годы наблюдается значительное сокращение миграционной активности селян, обусловленное заметным ослаблением влияния ключевых факторов роста их миграционных настроений.

В динамике качественных характеристик сельского трудового потенциала края (здоровье, образование и пр.) наблюдаются противоречивые тенденции, характерные, впрочем, и для России в целом.

5. Низкие доходы населения края, как уже отмечалось, являются одним из наиболее существенных барьеров на пути повышения конкурентоспособности региона. Алтайский край входит в группу регионов СФО и России с самыми низкими доходами населения, стабильно занимает самую низкую позицию в Сибири по заработной плате.

В зависимости от этапа реформирования экономики тренды формирования доходов населения выглядели следующим образом:

- на этапе вступления в рынок и в период активных рыночных реформ в стране и крае произошли обвальное падение уровня жизни, поляризация населения по доходам. Причем в Алтайском крае наблюдались более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) падение реальных доходов и рост бедности в сравнении с регионами СФО и Россией;
- в годы экономического подъема край характеризовался значительной положительной динамикой реальных доходов и оплаты труда, отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО;
- в последние годы (2013–2015 гг.) ухудшение ключевых социальных показателей в регионе было менее выражено, что позволило Алтайскому краю переместиться в группу более благополучных сибирских регионов по масштабам бедности. Вместе с тем по реальным доходам населения и заработной плате край не вышел на показатели 1990 г. (в 2015 г. 65% и 59% соответственно).

6. Внешнеэкономическая деятельность Алтайского края за двадцать пять лет экономической трансформации испытывала противоречивое влияние целого комплекса факторов мирового, национального и территориального характера – как экономического, так и политического плана. Реальностью стало «упрощение» экспортного потенциала края – произошло смещение в сторону факторов природного характера при существенном сокращении факторов производственного капитала, технологических и трудовых ресурсов. В результате край понес потери по многим ранее сложившимся направлениям экспортной деятельности, прежде всего в сфере машиностроения.

В то же время удалось сохранить экспортные возможности ряда крупных промышленных предприятий химической и отдельных сегментов машиностроительной отраслей, созданных еще в советский период, что при благоприятных инвестиционных и институциональных условиях может стать основой восстановления и дальнейшего расширения промышленного экспорта. Формируются предпосылки для развития экспортной ориентации предприятий деревообрабатывающей и фармацевтической промышленности, сельского хозяйства и сельхозпереработки, в том числе в производстве экологически чистых и редких аутентичных продуктов. Новые возможности в этом направлении открываются в рамках ЕАЭС.

В качестве приоритетных направлений и как условие освоения международных рынков следует назвать развитие инноваций, активизацию уже сформированных и создание новых кластеров, расширение экспортного потенциала в сфере туризма и курортного дела. Важно задействовать в будущем и процессы миграции капитала – не только в плане привлечения иностранных инвестиций и создания филиалов зарубежных предприятий, совместных компаний, но и посредством стимулирования экспорта прямых инвестиций наиболее сильными предприятиями края за рубеж, в первую очередь в страны ЕАЭС, Монголию и, возможно, в Китай.

Глава 11.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТА АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

11.1 ХАРАКТЕРИСТИКА БЮДЖЕТА КРАЯ В 1990–2009 ГГ.

Процесс бюджетирования в Российской Федерации и в регионе напрямую обусловлен целями и задачами экономической политики государства. Замедление экономического роста сопровождалось нарастанием проблем по формированию и исполнению бюджета Алтайского края, начиная со дня его образования (1937 г.). Дефицит бюджета, который возник тогда и существует в настоящее время, зависит от динамики базовых видов экономической деятельности за истекший период, которая характеризуется дотационностью сельского хозяйства и наличием ряда малорентабельных отраслей.

В 80-е годы XX века дефицит бюджета края составлял около 30% и покрывался субсидиями из союзного и республиканского бюджетов. Наряду с этим в крае самостоятельно дополнительно выделялись большие средства в виде субсидий для покрытия затрат в сельском хозяйстве и на ряде предприятий машиностроения, нефтехимической и сельхозперерабатывающей промышленности. В период централизованного управления Алтайский край к концу 1980-х годов превратился в один из крупнейших и экономически развитых регионов страны.

Отраслями специализации промышленности края являлись машиностроение (более 40% товарной продукции промышленности), химическая и нефтехимическая (16%) и легкая (12%) промышленность. Новой отраслью специализации в 1980-е годы стала чёрная металлургия в связи с пуском Алтайского коксохимического завода в г. Заринске. Алтайский край в тот период имел своё определённое место в общесоюзном разделении труда, что позволяло ему играть заметную роль в экономике России[1].

Развитие экономического края в анализируемом периоде характеризовалось разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, значительно возрос экономический потенциал края, с другой – возможность развития края, включая его сельхозпроизводство, использовались недостаточно полно, с большими экономическими и социальными потерями. При этом аграрно-промышленная ориентация не была, как в последующем периоде (с начала 1990-х годов), доминирующим фактором его депрессивности[2].

Состояние экономики края в начале 1990-х годов характеризовалось тем, что край занимал промежуточное положение между благополучными и неблагополучными регионами. Его социально-экономического развитие было как неустойчивое и очень чувствительное к изменению внешней экономической среды. В 1992–1994 гг. край вплотную подошёл к опасной черте, разделяющей «проблемные» (депрессивные и отсталые)

[1] **Троцковский А.Я., Чертов Н.А.** Управление региональной экономикой: Учебное пособие – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 236 с.

[2] **Мищенко В.В., Медведева А.Г.** Межбюджетное регулирование как инструмент сглаживания территориальной дифференциации в регионе (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного университета. – 2007. – № 12 (38). – С. 57–62.

регионы от остальных, относительно благополучных субъектов Российской Федерации[1].

За годы реформ в стране радикально сменились источники формирования бюджета: в 1992 г. налоги давали 40% доходной части консолидиранного бюджета. Бюджеты субъектов РФ функционировали автономно и не входили своими доходами и расходами в более высокое административное звено. В 1992 г. 55,9% доходов поступало в федеральный, 44,1% – в региональный и местные бюджеты.

Объёмы бюджетов в 1990-е годы сократились пропорционально уменьшению ВВП. До наступления в начале 2000-х годов благоприятной внешнеэкономической ситуации (рост цен на нефть) в России наблюдался хронический недостаток всех финансовых ресурсов, а низкая результативность экономической политики во многом определялась недостатком государственных финансовых ресурсов. Слабость и нарастающее отставание экономики Алтайского края от других территорий не позволяло региону развиваться без помощи из вышестоящего бюджета.

В 1990-х годах в бюджетной системе в основном преобладали расходы, совместно финансируемые из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований (ст. 85 БКРФ). Это размывало ответственность конкретного уровня власти за финансовое обеспечение их выполнения, а на практике зачастую приводило к неисполнению. Именно в этом и был корень главных проблем конца XX века, таких как долги по зарплате, социальным пособиям, хроническое недофинансирование ЖКХ. Это также явилось причиной наличия в регионах неиспользуемых денежных средств[2].

По результатам исполнения бюджета края за 1998 г. доходы составили 3,68 млрд руб., а расходы – 3,27 млрд руб., т.е. в крае сложился профицит бюджета в размере 410 млн руб. Однако обеспеченность собственными доходами была лишь на 20%, а трансфертами из федерального бюджета – 80%[3].

До 2000-х годов в Алтайском крае наблюдалось существенное сокращение темпов производства в оборонно-промышленном комплексе. Оборонные предприятия региона в результате обвального сокращения госзаказа (объём оборонного заказа в среднем по предприятиям ВПК сократился почти в 30 раз, а его доля в общем объёме производства продукции – в 5 раз и составила лишь шестую часть) оказались в крайне сложном финансовом положении. Их деятельность в значительной степени определялась гарантированными заказами партнёров советского времени. Поэтому они не смогли в те годы сохранить существенное влияние в экономике края и обеспечить соответствующее положение бюджета.

После 1998 г. – года экономического кризиса и дефолта – начался восстановительный рост экономики в крае. Бюджетные показатели 1999–2000 гг. отмечены невысокими темпами роста доходов – 3,8%, что было несоизмеримо с инфляцией.

В 2001–2002 гг. фиксируется дальнейший темп роста доходов, но за счёт увеличения помощи региону – 7,4 млрд руб. в 2001 г. и 10,6 млрд руб. в 2002 г. Объём межбюджетных трансфертов по сравнению с 1999 г. увеличился почти в 3,5 раза. В этом же году показатель обеспеченности бюджета края собственными доходами достиг минимума и составил 13,4%, трансфертов – 86,6%.

---

[1] **Мищенко В.В., Медведева А.Г.** Межбюджетное регулирование как инструмент сглаживания территориальной дифференциации в регионе (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного университета. – 2007. – № 12 (38). – С. 57–62.

[2] Там же.

[3] **Рыжак Н.** Депутат Госдумы Николай Рыжак анализирует эволюционные этапы развития бюджета Алтайского края // Газета № 1. Ваша газета на Алтае. – 2008. – № 37. – С. 15–19.

Кроме финансовой поддержки в виде субсидий, субвенций и дотаций доходная часть бюджета края пополнялась за счёт введения новых нормативов отчислений из федерального налога на доходы физических лиц и ввода новых региональных налогов.

В 2004 г. доля межбюджетных трансфертов в бюджете Алтайского края снизилась до 67%. За счёт увеличения собственных доходов с 2002 по 2004 год налоговые доходы увеличились практически в 4 раза, в том числе и за счёт введения нового регионального налога (транспортного).

С начала 2000-х годов в России были последовательно утверждены и реализованы среднесрочные программы бюджетных реформ, среди которых:

- Программа развития органов Федерального казначейства на 2000–2004 годы;
- Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года;
- Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах;
- Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006–2008 годах;
- Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года;
- Программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года;
- Концепция создания и развития интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет».

Программа развития бюджетного федерализма заложила основы системы межбюджетных отношений, в которых чётко разграничены расходные и доходные полномочия органов власти, и сокращены обязательства, установленные федеральными законами для бюджетов всех уровней без учёта возможностей их выполнения. Концепция реформирования бюджетного процесса создала условия для максимально эффективного управления общественными финансами, определив задачи и инструментарий реформирования.

В основу организации бюджетного процесса легла модель «бюджетирования, ориентированного на результаты» (БОР) в рамках среднесрочного финансового планирования. Её суть – распределение бюджетных ресурсов между администраторами бюджетных средств и реализуемыми ими бюджетными программами, с учетом или в прямой зависимости от достижения конкретных результатов в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах долгосрочных объемов бюджетных ресурсов («потолком расходов»). В России система БОР начала использоваться с принятием Концепции реформирования бюджетного процесса[1].

Бюджетирование такого рода активно поддерживалось Министерством финансов РФ и стимулировалось к внедрению на региональном и местном уровнях посредством выделения субсидий на реформирование региональных и местных финансов. Была образована правительственная комиссия по повышению результативности бюджетных расходов, а субъекты бюджетного планирования готовили доклады о результатах и основных направлениях своей деятельности (так называемых ДРОНДов).

[1] **О мерах** по повышению результативности бюджетных расходов: постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.05.2017 г.).

Бюджет Алтайского края в 2006 г. впервые за многие годы был исполнен с профицитом, так как в этом году край выиграл право на получение субсидии из Федерального фонда реформирования региональных и муниципальных финансов. В рамках программы реформирования региональных финансов в крае создаётся концепция по реформированию региональных финансов.

Начиная с конца 2006 г., в крае начинает проводиться политика погашения внутреннего долга, растёт кредитный рейтинг региона. В бюджете края впервые за послереформенную историю собственные доходы превысили трансферты из Федерального бюджета. Они составили 51,5% всех доходов.

Сверхдоходы 2006 г. объясняются субсидиями на реформирование региональных финансов, а также тем, что 10% собственных доходов составляли дотации и субсидии из федерального бюджета, которые с 2005 г. были включены в собственные доходы.

При этом следует отметить, что с 2005 г. в Российской Федерации была начата реформа федеративных отношений и местного самоуправления, которая базировалась на принципах:

- ♦ отнесения к собственным доходам дотаций и субсидий;
- ♦ преобразования регулирующих доходов в закрепленные доходы;
- ♦ отказа от расщепления региональных и местных налогов федеральными законами;
- ♦ установления единых нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов в бюджеты субъектов РФ (в местные бюджеты);
- ♦ установление возможности дифференциации нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц в местные бюджеты[1].

В рамках изменения Бюджетного кодекса РФ в 2005 г. в собственные доходы регионов стали включатся безвозмездные и безвозвратные перечисления (кроме субвенций). Как следствие, увеличилась доля собственных доходов во всех доходах краевого бюджета: 2004 г. – 31%, 2005 г. – 48%. При этом расходные обязательства увеличились на 29%. Изменилась и структура расходов. Существенно увеличились в общей структуре расходы на социальную сферу (10%).

В 2005 г. Алтайский край занимал 3-е место в стране по объёму дотаций, получаемых из федерального бюджета. Консолидированный бюджет края был только на 40,8% обеспечен собственными доходами.

Центральная власть большое внимание уделяла показателю «отношение государственного долга к доходам бюджета (без учёта финансовой помощи из федерального бюджета)». В 2005 г. в Алтайском крае этот показатель был равен 9,6% – 23-е место в стране. Поскольку региональный государственный долг берётся под залог краевого бюджета, а он в регионе невелик, значительный приток трансфертов имел своим следствием «ненапряжённое» расходование регионального бюджета.

Отметим, что этот финансовый рычаг минимально использовался в финансово-экономической политике Алтая. Отношение текущих расходов к суммарным расходам бюджета в 2005 г. в Алтайском крае составило 95,3% – 77-е место из 79 субъектов Российской Федерации. Для сравнения: среднее значение данного показателя в стране – 88%[2].

---

[1] **Игудин А.Г.** Межбюджетные отношения и реформа местного самоуправления // Финансы. – 2006. – № 7. – С. 11–15.

[2] **Альтернативная** стратегия социально-экономического развития Алтайского края (концепция) В.В. Мищенко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 98 с.

В 2006 г. план поступления в краевой бюджет налоговых и неналоговых доходов был выполнен на 108,2%. При этом анализ краевого бюджета от использования государственной собственности свидетельствовал о недостаточно эффективных механизмах управления имуществом. Не в полной мере был задействован источник пополнения доходной части бюджета от использования государственной собственности, а также семь из одиннадцати разделов функциональной классификации расходов[1].

По мере улучшения общеэкономической и социальной обстановки в стране основной целью бюджетной политики в 2006–2007 гг. становится обеспечение общей макроэкономической сбалансированности и устойчивости. Изменились и требования к качеству бюджетного планирования. Основным подходом стало ежегодное составление и утверждение федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на три года.

Кроме внедрения среднесрочного финансового планирования в период с 2006 по 2008 год было разработано еще несколько наиболее значимых направлений:

- ♦ формирование порядка планирования бюджетных ассигнований;
- ♦ формирование и реализация заданий на оказание государственных услуг;
- ♦ стандартизация государственных (муниципальных) услуг.

Одним из главных направлений реформирования бюджетного процесса этого периода стало совершенствование и расширение сферы применения программно-целевых методов бюджетного планирования с прогнозом социально-экономического развития, долгосрочными целевыми программами.

Экономика Алтайского края в 2006 г. имела умеренный размер. Показатель ВРП на душу населения составлял 42% среднероссийского показателя. Значительное место в экономике края продолжало занимать сельское хозяйство, и низкая прибыльность этого сектора влияла на размер и расширение базы налогообложения. Ввиду относительно небольшой налогооблагаемой базы края его бюджетная обеспеченность в 2006 г. составляла лишь 65% среднероссийского уровня.

Бюджет края зависел по-прежнему от финансовой помощи из федерального бюджета. В 2007 г. на долю федеральных трансфертов пришлось 58% общих доходов регионального бюджета, что, однако, ниже чем в 2003 г., когда эта доля достигла 80%. Удельный вес прямой финансовой помощи из федерального бюджета в 2007 г. равнялся 34% общих доходов, постепенно снизившись с максимального зафиксированного уровня в 61% в 2003 г. Федеральные трансферты включали в себя, в частности, целевые трансферты капитального характера, объёмы которых могли изменяться, в том числе и снижаться. Это оказывало отрицательное влияние на бюджетные показатели региона с учётом низкой финансовой гибкости.

С 2003 по 2006 год бюджет Алтайского края имел положительный баланс – в среднем 7,8% операционных доходов. Отмечался существенный рост доходов (на 28% в годовом выражении), в то время как рост расходов составлял 18,7%. Сказанное позволяет сделать вывод о хорошем управлении государственными финансами со стороны региональных органов власти, нацеленном на расширение базы налогообложения и контроля над расходами.

[1] Отчет о работе Счетной палаты Алтайского края за 2007 год [Электронный ресурс] // Алтайский край. Счётная палата – Заглавие с экрана – URL: http:/ www.ach22.ru/report/2007/index.htme (дата обращения: 22.05.2017 г.).

Долговая нагрузка региона находилась на низком уровне. В 2003–2007 гг. она постепенно снижалась и к концу 2007 г. по отношению к совокупным доходам снизилась до незначительного уровня (соответственно, с 23 до 2,4%). Основная часть доходов регионального бюджета в 2006 г. – это трансферты из федерального бюджета. Следующей по размеру статьёй доходов являлись налоговые поступления. В структуре расходов доминировали трансферты муниципалитетам, поддержка местной экономики и социальные расходы.

В этом же году в крае была принята долгосрочная стратегия социально-экономического развития до 2025 г. Экономическими приоритетами региона были названы развитие края в различных стратегически важных сферах, включая туристический бизнес. При финансовой поддержке из Федерального бюджета предполагалось создать специальную туристско-рекреационную зону и игорную зону.

Ожидалось, что это увеличит внутренний спрос и будет способствовать экономическому развитию, в том числе развитию инфраструктуры, туризма, гостиничного бизнеса и сектора общественного питания. Также прогнозировалось экономическое развитие в традиционных для региона секторах: сельском хозяйстве и машиностроении. Алтайский край поддерживал сектор инноваций и высоких технологий (например, биофармацевтические и химические предприятия в научном центре г. Бийск). Другим приоритетом являлось развитие международного сотрудничества с Республикой Казахстан.

Были определены и среднесрочные цели бюджетного развития края. Особое внимание было направлено на развитие кадровых ресурсов, повышение уровня жизни и обеспечение социальной защиты жителей региона. В сфере бюджета были названы следующие приоритеты: улучшение качества среднесрочного бюджетного планирования, повышение эффективности бюджетных расходов за счёт использования бюджетирования, ориентированного на результат; рост удельного веса налоговых доходов в структуре доходов за счёт налогооблагаемой базы посредством улучшения инвестиционного и делового климата в регионе.

Несмотря на относительно небольшую налогооблагаемую базу края и бюджетную обеспеченность (65% от среднего уровня в стране), в 2006–2007 гг. в регионе не зафиксированы высокие темпы экономического роста – темпы роста ВРП в среднем равнялись 11%. В 2007 г. в реальном выражении рост экономики региона составлял 11,5%, что было выше среднероссийского показателя (8,1%).

Экономический рост поддерживался за счёт высоких темпов инвестиций в основной капитал. В 2006 г. и в 2007 г. в реальном выражении инвестиции в основной капитал увеличились на 22,6 и 28,2% соответственно. Совокупные темпы годового роста ВРП края в 2003–2007 гг. достигли 7,6%, что практически соответствовало среднероссийскому уровню (7,8%). При этом прогнозировалось, что в 2008 г. высокий уровень инвестиций в основной капитал (24,5%) должен будет поддерживать экономическое развитие в регионе (на уровне 10,5%). Планировался рост ВРП в реальном выражении.

Консолидированный бюджет региона включал в себя региональный бюджет, бюджеты 72 муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов), а также бюджеты 725 городских и сельских поселений.

Бюджеты муниципальных образований пользовались ограниченной независимостью и выполняли, согласно федеральному законодательству, ряд функций в регионе. В рамках межбюджетных отношений с муниципальными образованиями Алтайский край передал на муниципальный уровень дополнительные расходы и источники доходов для выполнения конкретных делегированных полномочий. Помимо поступлений, положенных по Бюджетному кодексу РФ, край передал дополнительные доли налоговых

поступлений в городские поселения и муниципальные округа, что обеспечивало дополнительную мотивацию муниципальных образований по развитию местной экономики.

В 2006 г. край начал проводить программу реформирования региональных финансов и вошёл в число субъектов Федерации, которые получили финансовую поддержку от Министерства финансов РФ на проведение этой программы. В 2007 г. край успешно завершил программу, получив в 2006–2007 гг. трансферт из Федерального бюджета в размере 188 млн руб.

Структура доходов бюджета была представлена доминирующими трансфертами из Федерального бюджета (58% общих доходов в 2007 г.), налоговыми доходами в размере 40% и крупнейшими источниками налоговых доходов: НДФЛ (15% всех бюджетных поступлений), налогом на прибыль организаций (12%). На протяжении пяти лет Алтайский край демонстрировал высокие темпы роста бюджетных доходов. В абсолютном выражении доходы бюджета увеличились почти в три раза, с 14,5 млрд руб. в 2003 г. до 38,2 млрд руб. в 2007 г., а налоговые доходы повысились с 2,6 млрд руб. до 15,4 млрд руб.

Быстрый рост налоговых доходов в 2003–2007 гг. был обусловлен перераспределением источников доходов между уровнями бюджета, а также ростом налогооблагаемой базы по НДФЛ и налогу на прибыль организаций. Фактическое распределение поступлений от налога на прибыль организаций между региональными и муниципальными бюджетами значительно изменилось в 2003–2007 гг. Доля поступлений в регион от НДФЛ повысилась до 88,3% в 2004 г. с нулевого уровня в 2003 г. и достигла 100% в 2005–2007 гг. Удельный вес поступлений от НДФЛ повысился с 34,5% в 2003 г. до 60% в 2006–2007 гг.

Распределение налоговых поступлений между региональными и муниципальными бюджетами свидетельствовало о том, что налоговые доходы все более концентрируются на уровне края. Основная причина такого перераспределения – реформа местного самоуправления, которая создала новую структуру распределения налоговых поступлений между региональным бюджетом и бюджетами муниципальных образований.

С учётом неравномерного размера налогооблагаемой базы в различных муниципальных образованиях, регион в большей степени полагался на трансферты в местные бюджеты, чем на передачу в такие бюджеты долей налоговых поступлений. В то же время регион передал в местные бюджеты дополнительные доли от некоторых небольших источников налогов.

Единые нормативы распределения долей налоговых поступлений распространялись на несколько видов налогов, в основном на те, по которым имеется равномерная база налогообложения, включая налог на добычу полезных ископаемых, единый сельскохозяйственный налог, сбор за пользование животного мира и водными биологическими ресурсами, а также налог, взимаемый в связи применением упрощённой системой налогообложения. Соответствующие нормативы были закреплены в 2006 г. и, согласно закону о бюджете на 2008 г., остались в силе в течение следующих трёх лет. Это давало муниципальным образованиям дополнительный стимул для развития местной экономики и, соответственно, расширения налогооблагаемой базы.

Кроме того, налоговые доходы увеличились в результате роста базы налогообложения по НДФЛ и на прибыль организаций. Зарплаты в государственном и частном секторе повысились в 2003–2007 гг. в среднем на 29% в год, что стимулировало рост поступлений от НДФЛ. Кроме того, облагаемая налогом прибыль организаций в 2003–2007 гг. увеличилась в пять раз, обеспечив рост доходов от соответствующе-

го налога. Доля поступлений от малого и среднего бизнеса в общих доходах бюджета за 2005–2007 гг. в среднем составила 7,7%.

В то же время за рассматриваемый период темпы увеличения трансфертов из Федерального бюджета были более низкими, чем рост собственных бюджетных доходов. Размер трансфертов в 2003–2007 гг. увеличился лишь в 2 раза – с 11,6 млрд руб. до 22,2 млрд руб. В результате Алтайский край стал больше полагаться на собственные источники доходов, а доля трансфертов в общих доходах бюджета снизилась с 80% в 2003 г. до 58% в 2007 г. Кроме того, в структуре федеральных трансфертов произошёл сдвиг от прямой финансовой помощи к целевым субсидиям.

Межбюджетные отношения в эти годы характеризовались рядом ключевых черт. Трансферты из федерального бюджета подразделялись на две категории: дотации и субсидии для финансирования собственных расходных обязательств, а также субвенции для финансирования делегированных расходных обязательств. В последнем случае региональный бюджет представлял собой «транзитный» счёт для средств, которые использовались в целях финансирования федеральных мандатов. Дотации переводились в бюджет края и находились в полном распоряжении властей региона. Субсидии использовались для софинансирования конкретных проектов края.

Объём дотаций, или чистой финансовой помощи, постепенно снизился – с 76% всех трансфертов в 2003 г. до 59% в 2007 г. Однако субвенции для финансирования федеральных мандатов повысились с практически нулевого уровня в начале 2000-х годов до 16% в 2007 г. Оставшиеся 25% федеральных трансфертов были представлены субсидиями, включая софинансирование инвестиционных программ. В то же время зависимость Алтайского края от трансфертов из федерального бюджета оставалась высокой.

Самой крупной статьёй расходов регионального бюджета являлись трансферты муниципальным образованиям (46% в 2007 г.). Следующие основные статьи расходов – национальная экономика (19%), здравоохранение (10,3%) и социальная политика (8%).

Удельный вес трансфертов в муниципальные бюджеты постепенно сократился с максимального уровня в 58% общих расходов в 2004 г. до 46% в 2007 г. Основной причиной этого стало перераспределение расходных обязательств между регионом и муниципальными образованиями в связи с внедрением новой системы местного самоуправления. Такие обязательства практически в равных долях состояли из финансовой помощи (дотаций и субвенций) муниципальным образованиям (51% общих трансфертов муниципалитетам на 2008 г.) и субвенций (49%).

Основной целью оказания финансовой помощи муниципальным образованиям являлось обеспечение сбалансированности муниципальных бюджетов для финансирования основных расходных полномочий, переданных в местные бюджеты. Алтайский край представлял муниципальным властям дотации для финансирования расходов согласно мандатам. Распределение этих средств происходило согласно бюджетному потенциалу конкретного муниципального образования.

Регион предоставлял муниципалитетам субсидии для софинансирования отдельных статей расходов, как правило, капитальных расходов. Кроме того, субвенции были нацелены на финансирование расходных обязательств, которые регион передал на местный уровень. Самая крупная часть таких субвенций – это зарплаты учителям в муниципальных школах и социальная поддержки населения с низким уровнем доходов.

В период с 2003 по 2007 год произошли изменения в структуре распределения бюджетных расходов между социальными статьями (образование, здравоохранение и социальная политика). Социальные расходы постепенно повысились с низкого уров-

ня в 15,2% в 2004 г. и достигли исторического максимума в 25,6% общих расходов в 2007 г.

Увеличение социальных расходов было связано с распределением расходных полномочий по образованию и здравоохранению между региональным и муниципальными бюджетами. Доля расходов на образование увеличилась более чем в два раза – с 2,3% общих расходов в 2003 г. до 5,4% в 2007 г. Наблюдался существенный рост расходов на здравоохранение, которые достигли 12,5% совокупных расходов в 2008 г., в то время как в 2003 г. доля таких расходов составляла 6,1%.

Расходы на социальное обеспечение в 2005–2006 гг. повысились в соответствии с новым законодательством, вступившим в силу в 2005 г., по которому правительство региона стало нести ответственность за расходы на образование, здравоохранение и выплату денежных пособий отдельным группам населения (в частности, пенсионерам и ветеранам). Ранее такие группы получали натуральные льготы по платежам за государственные и жилищно-коммунальные услуги.

Доля расходов на развитие экономики в 2003–2004 гг. в среднем составляла 18% общих расходов, а в 2005 г. сократилась до 13,8%. Высокая доля расходов на экономическое развитие в 2002–2004 гг. поддерживалась за счёт целевого дорожного фонда, на который в среднем приходилось 9% общих бюджетных расходов. В 2005 г. этот фонд был упразднён, и объём финансирования дорожного строительства уменьшился. Однако доля расходов на местную экономику в 2006–2007 гг. постепенно повышалась, достигнув максимума в 18,6% общих расходов. Частично это объяснялось расходами на празднование 70-летия Алтайского края, в связи с чем капитальные расходы за указанный год были увеличены.

В 2003–2004 гг. региональный бюджет исполнялся с умеренным дефицитом: долг составлял в среднем 1,1% совокупных доходов, а в 2007 г. этот показатель был равен 2,5% совокупных доходов.

В 2007 г. в Алтайском крае был принят новый закон о бюджете на 2008–2010 гг., который предусматривал переход к среднесрочному бюджетному планированию. Прогнозы бюджетных доходов на 2008 г. были довольно консервативными: ожидалось повышение доходов на 5,4% по сравнению с 2007 г. Кроме того, в 2008 г. ожидалось повышение расходов на 8,4%, что было ниже ожидаемого уровня инфляции. В бюджете на 2008 г. был запланирован дефицит на уровне 1,4% совокупных расходов. Дефицит планировалось профинансировать за счёт привлечения банковских кредитов, что приводило к умеренному повышению долга региона в абсолютном выражении. Было введено ограничение на максимальный размер долга (включая гарантии) на уровне 1,8 млрд руб. к концу 2008 г., или 4,5% общих доходов. Такая долговая нагрузка расценивается как очень низкая и по российским, и по международным стандартам[1].

Несмотря на общее замедление экономики в стране из-за мирового финансового кризиса, Алтайский край продолжал показывать хорошее исполнение бюджета. Существенного сокращения экономки края в 2008 г. и в 2009 г., в отличие от экономики страны в целом, не было. ВРП в 2008 г. остался практически без изменений в реальном выражении относительно предыдущего года.

Объём налогооблагаемой базы края был относительно небольшой: его бюджетная обеспеченность составляла 60% от среднего значения для российских регионов в

[1] Для характеристики региональных финансов здесь и далее использовались материалы рейтинговых отчетов. См.: Fitch Ratings. Региональные финансы. Россия. Алтайский край. URL: https://www.fitchratings.com/site/russia (дата обращения: 30.06.2017 г.).

2008 г. Поэтому бюджет Алтайского края по-прежнему в высокой степени зависел от финансовой помощи от федерального правительства. Предсказуемый характер поступления федеральных трансфертов поддерживал доходы бюджета в текущей уязвимой экономической ситуации.

С учётом льготного налогообложения сельского хозяйства, налогооблагаемая база региона была относительно слабой: его налоговый потенциал составлял лишь 60% от среднего уровня для российских регионов в 2009 г., что предопределило 63-е место Алтайского края среди субъектов Российской Федерации по показателю бюджетной обеспеченности.

В то же время регион демонстрировал экономическое развитие. В 2008 г. ВРП достиг 286 млрд руб. (224 млрд руб. в 2007 г.), увеличившись в реальном выражении на 4,7% относительно предыдущего года, что ниже среднего показателя по стране (5,6%). Темп роста инвестиций в основной капитал замедлился до 6,7% по сравнению с темпом 2007 г.(26,1%). Снижение цен на сырьевые товары в 2008 г. сказалось на Алтайском крае меньше, чем на других российских регионах ввиду его низкой зависимости от добывающих отраслей. Сельское хозяйство и пищевая промышленность поддерживали восстановление экономики, поэтому существенного снижения ВРП, как в ряде других регионов РФ, в 2009 г. не произошло.

Алтайский край – один из ведущих производителей сельхозпродукции (пшеницы, молока и мяса) в России, а также крупнейший поставщик сельскохозяйственной продукции в восточной части России. Кроме того, в регионе производились разнообразные виды сельскохозяйственной продукции, которая обеспечивает основную часть потребностей местной пищевой промышленности. Промышленный сектор обеспечивал 22,5% ВРП. Среди ведущих отраслей промышленности отмечалось машиностроение и металлообработка, пищевая промышленность и энергетика, а также производство кокса.

В структуре бюджетных доходов регионального бюджета вновь доминировали трансферты из федерального бюджета (59% доходов в 2008 г.). При этом в структуре трансфертов произошёл сдвиг от прямой финансовой помощи к целевым субсидиям. Объём дотаций, или чистой финансовой помощи, постепенно снизился с 73% всех трансфертов в 2006 г. до 55,3% в 2008 г. В то же время целевое финансирование федеральных мандатов увеличилось до 12% в 2008 г. по сравнению с 7,6% в 2006 г.

Налоги обеспечивали 41% доходов в 2008 г. Наиболее крупными, как и прежде, источниками налоговых поступлений в бюджет региона являлись НДФЛ (15%) и налог на прибыль организаций (13%).

В 2007–2008 гг. бюджет региона демонстрировал быстрый рост доходов – при средних годовых темпах роста в 30%. В отличие от других регионов Российской Федерации, Алтайский край не ощущал существенного ухудшения налоговых поступлений в конце 2008 г., хотя общий экономический спад привёл к сокращению базы налогообложения по налогу на прибыль организаций в 2009 г.. Согласно скорректированному бюджету на 2009 г., поступления от налога на прибыль организаций снизился на 41% относительно фактических результатов за 2008 г. В абсолютном выражении это снижение составило лишь около 2,7 млрд руб., или 5% доходов, заложенных в бюджет на 2009 г.

Другие налоги – НДФЛ и налог на имущество, в меньшей степени зависели от экономической конъюнктуры. Кроме того, Алтайский край получил дополнительные 5 млрд руб. федеральных трансфертов по сравнению с 2008 г., что в полной мере компенсировало сокращение налога на прибыль организаций, вследствие чего общие доходы повысились.

Расходы краевого бюджета демонстрировали стабильный рост в 2006–2008 гг. в среднем на 20%. Основную часть этих расходов составляли такие негибкие статьи, как оплата труда (20% всех расходов в 2008 г.) и текущие трансферты (69%). К текущим трансфертам относились трансферты муниципальным образованиям, социальные трансферты населению и во внебюджетные фонды, а также текущие трансферты государственным и частным компаниям.

Трансферты частным и государственным компаниям представляли собой, в первую очередь, субсидии предприятиям реального сектора экономики и транспорта, а также для компенсации расходов на предоставление услуг населению с низким доходом и другим наименее защищенным группам населения. В 2009 г. был повышен общий объём расходов на 15% по сравнению с 2008 г. Причиной такого повышения, в первую очередь, являлись социальные субсидии, которые увеличились на 41%.

Стагнация краевой экономики и общая финансовая нестабильность привели к умеренному ухудшению показателей бюджета по итогам 2009 г. из-за снижения налоговых доходов. В то же время увеличение текущих трансфертов из федерального бюджета и контроль над расходами сглаживали негативные тенденции.

В 2008 г. в Алтайском крае был зафиксирован умеренный дефицит до движения долга, который составлял менее 0,1%% всех доходов.

В конце 2008 г. в Алтайском крае был принят новый закон о бюджете на 2009–2011 гг., который продолжил практику среднесрочного бюджетного планирования. В I квартале 2009 г. в бюджет края были внесены поправки в бюджетный прогноз на 2009 г. с учётом экономического спада и скорректированных цифр по трансфертам из федерального бюджета. Поправки включали, прежде всего, снижение прогнозов по сборам с налога на прибыль организаций и увеличение трансфертов из федерального бюджета. Были сокращены капитальные расходы и расходы бюджета, не связанные с социальными статьями. Такие изменения привели к снижению заложенных в бюджет доходов и расходов на 4 и 6% соответственно в сравнении с первоначальными уровнями.

В 2009 г. ВРП на душу населения в Алтайском крае составил 69% от медианного уровня в стране. Структура экономики региона была хорошо сбалансирована, и тремя ведущими секторами являлись промышленность, торговля и сельское хозяйство.

ВРП Алтайского края повысился на 8% – до 317 млрд руб. в 2010 г. относительно 267,5 млрд руб. в 2009 г. Ранее, в результате экономической рецессии, отмечалось снижение ВРП на 5,3% в 2009 г. относительно предыдущего года. Темпы роста местной экономики превысили темпы роста экономики в стране, которые составили 4% в 2010 г. В этом же году отмечалось стабильное восстановление промышленного сектора края, который показал рост на 20,9% в годовом выражении (–8% в 2009 г.), опередив темпы роста в стране (8,2%). Темпы роста в сельскохозяйственном секторе региона составили 14% в 2010 г. относительно предыдущего года. Инвестиции в основной капитал увеличились на 18% в 2010 г., в то время как в 2009 г. отмечалось снижение на 19,1%.

11.2 ДИНАМИКА БЮДЖЕТА КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 2010 г. доходы Алтайского края повысились на 13,4% относительно предыдущего года, что было вызвано восстановлением налоговых доходов. Доходы практически в равных долях были представлены трансфертами из федерального бюджета и налоговыми сборами, при этом трансферты уменьшились до 52,8% доходов с 62% в 2009 г. Доля налоговых доходов в региональном бюджете повысилась с 38% всех доходов в 2009 г. до 46,9%. Основными источниками налоговых доходов оставались поступления от НДФЛ (31,8% всех налоговых доходов), а также налог на прибыль организаций, доля которого повысилась до 30,7%. Другие налоговые поступления составили 37,5% налоговых доходов.

Расходы Алтайского края повысились на 3,4% в 2010 г. относительно предыдущего года, опередив темпы роста доходов. Структура расходов бюджета стабилизировалась в 2009–2010 гг. Такие расходы состояли в первую очередь из текущих трансфертов муниципалитетам, компаниям и населению (всего 73,8% в 2010 г.), а также расходов на оплату труда (16,5% всех расходов).

Самая крупная отдельная статья расходов Алтайского края – текущие трансферты муниципалитетам, которые составляли 35,1% всех расходов в 2010 г. (в 2009 г. – 34,1%), а затем шли социальные трансферты (28,4%). Текущие трансферты, предоставляемые регионом, отражают трансферты, которые поступают в край из федерального бюджета.

Возможности Алтайского края по самостоятельному финансированию расходов существенно улучшились в 2010 г., при повышении покрытия текущими доходами до 104,9% капитальных трансфертов и положительные балансы освободили регион от необходимости привлекать заимствования для финансирования капитальных расходов в 2007–2010 гг.

Политика управления долгом у Алтайского края была консервативной и направленной на сведение к минимуму стоимости заимствований и обслуживания долга для бюджета региона в 2005–2010 гг.

В 2010 г. экономика региона имела умеренный размер, и показатели благосостояния исторически отставали от медианных уровней в стране. Так, ВРП составил 67,5% от медианного значения для регионов Российской Федерации. Ограниченная прибыльность сельскохозяйственного сектора, который полагается на расчёты в неденежной форме, не учитываемые в официальной статистике, отчасти объясняет невысокие показатели благосостояния у региона.

Регион имел незначительный дефицит в 2010 г. – 7,9% и поддерживал способность финансировать капитальные расходы за счёт собственных средств.

Экономика Алтайского края продолжила рост в 2011 г. ВРП увеличился на 5,1% относительно предыдущего года (в 2010 г. – на 3,2%) – до 348,2 млрд руб. Темпы роста местной экономики превысили темпы роста экономики в стране, которые составили 4% в 2011 г. Стабильный рост ВРП на уровне 4% в год был в 2012 г. и около 5–6% в 2013–2014 гг.

В 2011 г. продолжился рост доходов региона, который достиг 62,7 млрд руб., что на 12,8% выше предыдущего года (в 2010 г. – на 13,4%). Доходы региона практически в равных долях состояли из федеральных трансфертов и налогов. Так, трансферты обеспечили 52,4% всех доходов в 2011 г. Крупными источниками налоговых доходов оставались НДФЛ и налог на прибыль организаций, каждый из которых представлял 31,1% всех налоговых доходов.

Рост в 2011 г. был обусловлен увеличением промышленного производства в регионе на 7,9% относительно предыдущего года, и инвестиций в основной капитал на 15,4%. На долю Алтайского края приходилось около 1,7% населения страны, и он обеспечивал приблизительно 0,8% валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2010 г. ВРП на душу населения Алтайского края составлял 68% от медианного уровня в стране.

Расходы Алтайского края в 2011 г. существенно выросли до 52,9 млрд руб., на 19,7% относительно предыдущего года. Основным фактором роста расходов были социальные трансферты и товары и услуги, которые увеличились, соответственно, на 16,5 и 84,4% относительно предыдущего года. Рост социальных трансфертов отражает электоральный цикл, в то время как повышение расходов на товары и услуги связывается с реформой бюджетных организаций и переклассификацией ряда расходов.

В составе расходов региона по-прежнему доминировали текущие трансферты муниципальным образованиям, на долю которых приходилось 31% всех расходов в 2011 г., а затем следовали социальные трансферты (27,7%). Текущие трансферты, проводимые Алтайским краем, повторяли структуру трансфертов, получаемых им из федерального бюджета. Расходы на оплату труда и другие расходы (в значительной мере представленные закупкой товаров и услуг) составляли по 15,3% от годовых расходов.

В 2011 г. Алтайский край имел незначительный дефицит до движения долга в 173,7 млн руб., или 0,3% всех доходов, поддерживая хорошие операционные показатели.

Низкие уровни валовой добавленной стоимости и благосостояния обусловлены значительной долей сектора услуг: 55% валовой добавленной стоимости в 2010 г. Кроме того, это было связано с низкой прибыльностью сельскохозяйственного сектора, на который пришлось 18,2% валовой добавленной стоимости в 2010 г. Вклад сельскохозяйственного сектора в валовую добавленную стоимость региона более чем в четыре раза превосходил средний уровень по стране.

Основные отрасли экономики края были традиционно представлены тремя ведущими секторами: промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. Сельскохозяйственный сектор региона был хорошо развит и основан на уникальном для Сибири климате и плодородных почвах, пригодных как для животноводства, так и для возделывания сельскохозяйственных культур. Сельское хозяйство обеспечивало рабочие места для 20,4% рабочей силы региона в 2011 г. (19,9% в 2010 г.).

Промышленный сектор Алтайского края включал машиностроение и металлообработку, пищевую промышленность, электроэнергетику и производство кокса. В секторе было задействовано 16% экономически активного населения в 2011 г. (15,8% в 2010 г.), и он обеспечивал 23,3% валовой добавленной стоимости в 2010 г.

На долю торговли проходилось 18,9% валовой добавленной стоимости в 2010 г. и 17,2% всех рабочих мест в регионе в 2011 г. (17,4% – в 2010 г.). Другие нерыночные услуги, включая образование, здравоохранение и госуправление, составляли 18,4% валовой добавленной стоимости в 2010 г., транспорт (7,8%) и строительство (4,7%).

Бюджетные доходы Алтайского края в 2011 г. составили около 67,4 млрд руб., в 2012 г. повысились на 7,5% относительно предыдущего года, чему способствовал рост экономики региона.

В 2011 г. продолжился рост доходов бюджета региона, который достиг 62,7 млрд руб., что на 12,8% выше предыдущего года (в 2010 г. – 13,4%). Бюджетные доходы региона практически в равных долях состояли из федеральных трансфертов и налогов. Так, трансферты обеспечили 52,4% всех доходов в 2011 г.

Крупнейшими источниками налоговых доходов являлись налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и налог на прибыль организаций, каждый из которых представлял

31,1% всех налоговых доходов. Налоговая база региона была хорошо диверсифицирована по ряду компаний в некоторых секторах. База налогообложения являлась относительно слабой ввиду льготного налогообложения сельскохозяйственной отрасли, в значительной мере полагающейся на сделки в неденежной форме, которые не отражаются в налоговой отчётности и официальной статистике.

Ведущие 10 налогоплательщиков региона включали местные филиалы госкомпаний ОАО Российские железные дороги, Сбербанк России, местную дочернюю структуру ОАО Новолипецкий металлургический комбинат, компания ТЭК, два спиртовых завода и несколько промпредприятий. Их вклад в консолидированный бюджет Алтайского края (краевой бюджет плюс муниципальный бюджеты) составил около 20% в 2009–2011 гг.

Негибкие статьи расходов в сумме были равны 74% бюджетных расходов в 2011 г. и состояли из трансфертов муниципалитета, социальных трансфертов и расходов на персонал.

Алтайский край имел хорошие бюджетные показатели, чему способствовало развитие местной экономики и стабильный приток текущих трансфертов из Федерального бюджета.

Капитальные расходы Алтайского края были близки к обычному историческому уровню (приблизительно 21,5% всех расходов к концу 2011 г.), которые выросли до 14,5 млрд руб. Возможности региона по финансированию капитальных расходов за счёт собственных средств оставались сильными при текущем балансе и капитальных доходах, покрывших 98,8% годовых капитальных расходов в 2011 г. Стабильный приток капитальных трансфертов из федерального бюджета и положительные бюджетные балансы освобождали регион от необходимости привлекать заимствования для финансирования капитальных расходов в 2007–2011 гг.

Сумма имеющихся бюджетных кредитов в 2010–2011 гг. была равна 472 млн руб., поскольку Алтайский край не привлекал новых кредитов из федерального бюджета в 2011 г. Существующие кредиты имели сроки погашения, распределённые до 2015 г., и были предоставлены под субсидируемые процентные ставки в 2010 г.

Алтайский край имел несколько сезонных пиковых потребностей в денежных средствах: в июне и июле, когда необходимо проводить выплаты отпускных работникам бюджетной сферы, а также в третьем квартале года для финансирования подготовки к зимнему отопительному сезону и во время проведения весенних и осенних сельскохозяйственных работ. Такие сезонные кассовые разрывы обычно покрывались за счёт денежных средств, заранее аккумулированных регионом.

Экономика региона в 2012–2014 гг. являлась хорошо диверсифицированной и поддерживалась несколькими нециклическими отраслями, такими как сельское хозяйство и торговля, на которые приходилось 37% валовой добавленной стоимости.

В то же время экономика региона продолжала иметь умеренный размер. Показатели благосостояния исторически отставали от медианных уровней в стране. Так, в 2010 г. ВРП составил 67,5% от медианного значения для регионов Российской Федерации. Ограниченная прибыльность сельскохозяйственного сектора, который полагался на расчёты в неденежной форме, не учитываемые в официальной статистике, отчасти объяснял невысокие показатели благосостояния региона.

Тем не менее отмечались достаточно высокие показатели бюджета. Доходы бюджета в 2012–2014 гг. выросли более чем на 15% (в 2011 г. – 15,6%, в 2010 г. – 20,1%). Регион имел незначительный дефицит до движения долга, около 0,3% всех доходов в 2011 г. (в 2010 г. – 7,9%) и поддерживал высокую способность финансировать капи-

тальные расходы за счёт собственных средств с учётом того, что текущий баланс и капитальные доходы покрывали 98,8% капитальных расходов в 2011 г.

В 2015 г. в крае были решены две тактические задачи: помощь экономике в адаптации к новым условиям и сохранение ситуации на рынке труда. Хотя снижения объёма ВРП избежать не удалось, но, если сравнить ситуацию 2015 г. с кризисом 2008–2009 гг., снижение ВРП оказалось намного меньше (абсолютная величина ВРП в 2015 г. составила 490 млрд руб.).

В эти годы решалась задача по сохранению экономики на основе адекватной бюджетной и экономической политики. Благодаря консервативной бюджетной политике регион сохранил стабильность своей бюджетной системы.

По итогам 2016 г. в Алтайском крае выросло промышленное производство на 11%, по России – на 8,9%. Ключевым ориентиром по бюджету на 2016 г. оставалось достижение дефицита бюджета в сумме 2316 млн руб. (8,3% от собственных доходов краевого бюджета).

Одну из главных ролей в этом процессе сыграла бюджетная политика. Принятые решения по оптимизации бюджетных расходов, по аккуратному подходу к текущим обязательствам способствовали быстрой перестройке экономики к новым условиям, стабилизации ключевых макроэкономических показателей.

Базовым инструментом реализации целей государственной политики в различных сферах регулирования являлись государственные программы Алтайского края как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов и создания условий для повышения качества государственного управления, бюджетного планирования, повышения эффективности и результативности использования бюджетных средств.

В 2015 г. в регионе действовало 35 государственных программ и 16 ведомственных целевых программ. На реализацию программ за счёт средств федерального и краевого бюджетов плановые ассигнования составили 65,8 млрд руб. (21,0 и 44,8 млрд руб. соответственно), на их использование в 2015 г. направлено 62,2 млрд руб. (18,9 и 43,3 млрд руб. соответственно).

Финансирование программ осуществлялось по трём основным направлениям. В общих расходах за счёт средств федерального и краевого бюджета на реализацию программ на мероприятия по достижению высокого уровня и качества жизни населения приходилось 42266,2 млн руб. (9640,1 и 32626,1 млн руб. соответственно), на создание условий для устойчивого экономического роста – 17815,9 млн руб. (8864,6 и 8951,3 млн руб.), на повышение эффективности управления – 2104,4 млн руб. (372,9 и 1731,5 млн руб. соответственно). Общие расходы на программы в 2015 г. выросли к показателю 2014 г. на 17,1%.

По сравнению с 2009 г. объём доходов в 2015 г. увеличился в 1,5 раза. Собственные доходы краевого бюджета составили 52%, безвозмездные поступления – 48% к общей сумме доходов. Основными источниками собственных доходов краевого бюджета являются НДФЛ, налог на прибыль организаций, акцизы и налог на имущество организаций.

Объём средств расходной части краевого бюджета в 2015 г. вырос на 4% по сравнению с предыдущим годом и в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2009 г. 66% от общей суммы расходов составили расходы на финансирование отраслей социальной сферы, на национальную экономику – 23%, на оказание финансовой помощи местным бюджетам – 2%, на обеспечение национальной безопасности и правоохранительной деятельности – 1%.

Государственный долг края на 1 января 2016 г. составил 6,0% по отношению к собственным доходам. Структуру госдолга составляли бюджетные кредиты, привлечённые в бюджет Алтайского края из других бюджетов – 96% долга и госгарантии – 4%. По сравнению с другими регионами долговая нагрузка Алтайского края продолжала оставаться минимальной. Это один из наименьших показателей в Сибирском федеральном округе и 11 по Российской Федерации.

Актуальной в 2015 г. оставалась проблема сбалансированности бюджета, невзирая на сокращение долговых обязательств. Это обстоятельство не принесло ощутимых результатов в связи с непомерно большим количеством полномочий, которые закреплены за субъектом Российской Федерации. Так, по предметам совместного ведения было увеличено количество полномочий регионов за последние 10 лет с 46 до 105, полномочий, делегированных с федерального уровня – с 11 до 117. При этом не всегда закрепление полномочий и наделение новыми полномочиями сопровождалось наделением регионов соответствующими доходными источниками и финансовым обеспечением.

В то же время существовала тенденция к сокращению объёма дотаций из Федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности и сбалансированности пятидесяти дефицитных регионов России, в том числе Алтайского края. Такая ситуация не дала региону возможности сбалансировать региональный бюджет и принять решение по собственным полномочиям.

Решение этой проблемы видится в необходимости отнести к дотациям средства, которые ныне предоставляются как иные межбюджетные трансферты и субсидии, поскольку сами субвенции и субсидии ничего не дают регионам с точки зрения сбалансированности, а иные межбюджетные трансферты с полномочиями вообще не связаны.

Утвержденный объём дотаций в Федеральном бюджете обеспечивал минимальный уровень бюджетной обеспеченности на уровне 66% от среднего по России. Дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности направлялись в региональный бюджет на частичную компенсацию дополнительных расходов субъектов Российской Федерации, на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, а также на стимулирование темпов роста налогового потенциала в регионе.

Финансовая поддержка бюджету края также оказывалась в виде субсидий на развитие приоритетных направлений государственной политики – сельского хозяйства, образования, здравоохранения, массового спорта, инфраструктуры.

Проектирование краевого бюджета на один год в 2016 г. вместо трехлетнего на тот момент было оправданным и с тактической точки зрения шаг верный: сужая горизонт планирования, исполнительная и законодательная власть Алтайского края не давала невыполнимых обещаний на будущее. В то же время были опасения в том, что реализация долгосрочных программ и проектов будет свернута. Главным было, чтобы эта исключительная мера, связанная с политикой оперативного реагирования, не стала правилом, так как в этом случае могла быть свёрнута практика программного бюджетирования.

Снижение темпов роста экономики, изменение финансового результата деятельности предприятий означало снижение поступлений по налогу на прибыль от организаций, зарегистрированных за пределами края, а также от консолидированных групп налогоплательщиков. Было ясно, что замедление темпов роста зарплаты приведёт к сокращению поступлений по налогу на доходы физических лиц.

Для обеспечения стабильности краевой бюджет впервые за долгие годы был сформирован с предельным уровнем дефицита, при этом приоритетом оставалась его социальная направленность.

Финансовую поддержку регион из Федерального бюджета надеялся получить в 2016 г. с учётом региональных особенностей и условий ведения сельского хозяйства и его бюджетных особенностей. Правительство РФ выделило средства на поддержку сельского хозяйства как бизнеса и на устойчивое развитие сельских территорий на уровне 2015 г. В это время были приняты важные решения, отразившиеся на краевом бюджете. В ноябре 2015 г. в Совете Федерации проходили дни Алтайского края, на основе чего было принято постановление верхней палаты Федерального Собрания «О поддержке социально-экономического развития Алтайского края» с рекомендациями Правительству России, особенно в области сельского хозяйства.

Было принято решение о создании федерального научного центра «Алтайский НИИ сельского хозяйства». Это означало объединение разрозненных научных учреждений (их 6) в единую научную структуру, которая должна дать возможность сконцентрировать ресурсы учреждений для решения стратегических задач государства в аграрно-промышленном секторе экономики.

Было предложено внести изменения в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», предусматривающие софинансирование из средств федерального бюджета программы «Земский доктор» до 60%, а также расширения радиуса действия программы «Земский доктор» на малые города.

Важным было и предложение об увеличении лимитов федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма». В крае реализуются крупные проекты «Белокуриха-2», «Золотые ворота» и «Барнаул-горнозаводской город». Здесь уникальность программы состоит в том, что на 1 руб. государственных средств привлекается 3 руб. частных инвестиций. Планировалось выделение значительных средств (17 млрд руб.) на реализацию проекта по строительству объездной дороги, которая позволит соединить две федеральные автомобильные трассы.

В условиях сохраняющейся экономической нестабильности, вызванной мировым финансовым кризисом, резкое падение цен на товары российского экспорта, экономические санкции и замедление темпов роста экономики в течение 2015–2016 гг. привели к снижению доходной части федерального бюджета и, как следствие, краевого бюджета. Поэтому принимаемый в 2016 г. бюджет края учитывал сложившиеся реалии. Они были направлены на обеспечение макроэкономической стабильности выполнения всех социальных обязательств, создания условий для роста экономики и расширения ее потенциала, физического развития, повышения эффективности расходов.

Экономика страны, и Алтайского края, по окончанию 2016 г. демонстрировала очевидные признаки постепенного преодоления кризисной ситуации. По основным параметрам год был завершён с положительной динамикой. ВРП возрос на 1% (в России темп прироста составил 0,3%). Индекс промышленного производства – 101,4% (в России – 101,1%).

За прошедшие 11 лет объёмы промышленного производства в крае увеличились в 1,6 раза. В большинстве отраслей регионального сектора, ориентированных на импортозамещение (сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность, сельхозмашиностроение) в 2016 г. достигнут существенный рост объёмов производства по сравнению со среднеотраслевыми (в сельском хозяйстве – 12%, в пищевой промышленности – 5,3%, в производстве машин и оборудования – 18,4%). Эти отрасли внесли значимый вклад в формирование ВРП (40%), а также в формирование экспортного потенциала Алтайского края. Продукция предприятий сельхоз-

машиностроения является конкурентоспособной не только на внутреннем, но и на международном рынке.

Анализ состояния бюджета Алтайского края за 2016 г. позволяет отметить некоторые положительные тенденции на фоне сохраняющейся нестабильности в экономике страны и региона. Отмечается рост собственных доходов регионального бюджета в расчёте на душу населения. Если в 2015 г. этот показатель составил 23,8 тыс. руб., то в 2016 г. – 28 тыс. руб. Одной из основных положительных характеристик бюджета Алтайского края является сбалансированность: все социальные расходные обязательства бюджета исполнены в полном объёме, государственный долг Алтайского края не увеличился и составил 5% от собственных доходов краевого бюджета, что исключило необходимость в расходах по его обслуживанию. С учётом этого, дополнительно поступившие налоговые доходы были направлены не на обслуживание долга, а на развитие экономики и социальных отраслей края.

На сокращение государственного долга, в том числе на замещение долговых обязательств по ценным бумагам и кредитам кредитных организаций, повлияло предоставление бюджетных кредитов Алтайскому краю, как субъекту, в котором проводится политика снижения дефицита и уровня госдолга. Она предусматривает реализацию программы оздоровления региональных финансов, направленных на мобилизацию их доходного потенциала и повышения эффективности расходов.

Для финансового обеспечения полномочий, переданных с федерального уровня, Алтайскому краю, как и другим субъектам Российской Федерации, в 2016 г. предоставляются консолидированные субсидии, имеющие близкие цели и задачи с включением их в государственные программы.

Для финансового обеспечения полномочий, переданных с федерального уровня, региону предоставляются субвенции, в том числе:

- на оплату ЖКХ отдельным категориям граждан;
- на выплату государственных пособий лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и лицам, уволенным в связи с ликвидацией организаций;
- на социальные выплаты безработным гражданам;
- на осуществление переданных полномочий Российской Федерации по предоставлению отдельных мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации;
- на обеспечение жильём отдельных категорий граждан;
- на предоставление единой субвенции.

Единая субвенция сформирована из 7 субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации и направлена на финансовое обеспечение осуществления переданных органам государственной власти субъектов РФ полномочий Российской Федерации.

С учётом неблагоприятной экономической ситуации в 2016 г. целевые ориентиры в части реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Алтайском крае были выполнены. Бюджетный процесс в крае был направлен на обеспечение сбалансированного распределения имеющихся бюджетных ресурсов между текущими (как правило, социальными) расходами и расходами на развитие (в широком смысле – инфраструктуру, образование, здравоохранение, поддержку инноваций), реализацию 32 принятых государственных программ.

РАЗДЕЛ IV.
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В СВЕТЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Глава 12.
ОЦЕНКА ЛОКАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

12.1 СТРУКТУРА И СДВИГИ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ КРАЯ

Сегодня нет нужды повторять ставшее традиционным утверждение о ведущей роли городов, прежде всего крупных и крупнейших, в социально-экономическом развитии регионов. В 2010 г. данное представление было даже положено в основу пространственной стратегии развития страны, согласно которой перспективы развития оставались за регионами, имевшими агломерации с населением свыше 1 млн человек.

Алтайский край не может быть отнесен к регионам со средней и, тем более, высокой степенью урбанизации. Сеть городов в крае развита относительно слабо. Она формировалась на разных этапах освоения края с заметными временными разрывами, к тому же необходимо учитывать сельскохозяйственную специализацию региона, которая не могла не повлиять на развитие городских территорий.

Несмотря на то что доля городского населения в общей численности населения края неуклонно растет, этот показатель увеличился с 48,8% в 1989 г. до 53,2% в 2016 г., при этом он остается существенно ниже среднероссийского (74,2% в 2013 г.) – таблица 12.1.

Таблица 12.1

Динамика численности городского населения Алтайского края в 1989–2016 гг.

Показатели	1989	1996	2000	2005	2010	2016	2016 г. к 1989, %
Число городов всего, ед.	12	12	12	12	12	12	100
Численность населения – всего, чел.	2630656	2688035	2651628	2539430	2419755	2376774	90,3
в том числе: численность городского населения, чел.	1282658	1285984	1262300	1315268	1248476	1263417	98,5
доля городского населения, %	48,8	47,8	47,6	51,8	51,6	53,2	х
Темпы роста численности городского населения, %	100,0	100,3	98,2	104,2	94,9	101,2	х

При этом темпы роста городского населения сокращаются. Это отражает общую тенденцию замедления темпов роста городского населения во всех странах, что свидетельствует об исчерпании ресурсов пополнения городского населения[1].

[1] **Белкина Т.Д., Минченко М.М., Ноздрина Н.Н., Протокалистова Л.В., Щербакова Е.М.** Мониторинг состояния и проблемы развития городов России в годы реформ // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 2. – С. 83–102.

Пропорция городских жителей в значительной мере зависит от географических, природно-климатических условий и от возможностей эффективного ведения сельского хозяйства. Но при различиях в уровне урбанизации общей чертой развитых стран стало отсутствие динамики в ней[1].

Заметим, что неблагоприятная экономическая ситуация сказалась на численности городского населения края в заметно большей степени, чем в России. Так, в 2003 г. по сравнению с 1989 г. городское население края сократилось на 1,2%, в России хотя и незначительно, но увеличилось (на 0,6%)[2].

Отмеченный выше относительный рост городского населения сочетался с его абсолютным сокращением. За анализируемый период произошло сокращение городского населения в абсолютном выражении на 1,5%, при том что в целом население края уменьшилось на 9,7% (см. табл. 12.1).

Свое сдерживающее влияние оказали два главных фактора: меньшая интенсивность миграционного оттока из городов по сравнению с селом и проведенные административные преобразования. В результате реформы местного самоуправления (2003 г.) доля городского населения в 2005 г. увеличилась на 4,2% в связи с преобразованием части городов в городские округа и включением в их состав пригородных территорий (см. табл. 12.1).

Городская система края характеризуется видовым разнообразием городов[3] и включает в себя четыре мельчайших города численностью до 20 тыс. чел. (Белокуриха, Змеиногорск, Горняк, Яровое); четыре малых города численностью от 20 до 50 тыс. чел. (Камень-на-Оби, Славгород, Алейск, Заринск); один средний город с численностью от 50 до 100 тыс. чел. (Новоалтайск); два больших города с людностью от 100 до 250 тыс. чел. (Бийск, Рубцовск) и один крупный город – Барнаул, с людностью свыше 500 тыс. чел. Из них 9 городов краевого значения и три (Горняк, Змеиногорск, Камень-на-Оби) районного значения.

Сокращение численности населения происходило не во всех городах края. Наблюдалась устойчивая тенденция к концентрации населения в столице края – г. Барнауле – на 5,6% и городе-спутнике Новоалтайске – на 36,3%. Также увеличилась численность города-курорта Белокуриха – на 4,4%. В остальных городах края произошло сокращение численности населения. Наибольшие темпы сокращения наблюдались в городах Горняк и Яровое (17,6 и 17% соответственно). Высокие темпы сокращения численности населения за исследуемый период отмечены в Рубцовске (14,8%), Змеиногорске (13,6%), Славгороде (12,9%)[4], Бийске (12,6%). Незначительные

---

[1] **Коломак Е.А.** Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59—74.

[2] **Коломак Е.А.** Городская система России // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1. – С. 235.

[3] В соответствии с Законом Алтайского края «Об административно-территориальном устройстве Алтайского края» от 01.03.2008 г. № 28-ЗС ст. 13 городом считается – «населенный пункт с численностью населения не менее одиннадцати тысяч человек, из которых не менее 85% – работники сферы промышленного производства, сферы обслуживания и члены их семей, на территории которого имеются промышленные предприятия, объекты строительства, железнодорожные узлы, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, военные и другие экономически важные объекты, являющиеся экономическим и культурным центром, имеющие важное промышленное, социально-экономическое, историческое значение, перспективы дальнейшего экономического развития и роста численности населения».

[4] В 2012 г. по решению органов власти в Славгородский городской округ включили жителей окружающего района, что привело к заметному увеличению его людности.

темпы сокращения численности имели место в городах Камень-на-Оби (1,6%), Алейск (5,9%), Заринск (6,4%).

В результате за рассматриваемый период два города (Заринск, Яровое) перешли в группу городов с меньшей людностью. Городу Славгороду удалось удержать свои позиции только благодаря административным преобразованиям. Города Змеиногорск (2009 г.) и Камень-на-Оби (2016 г.) понизили свой статус в результате исключения из списков городов краевого значения.

Как отмечают исследователи, среди городов отмечалась пестрая картина. В главном городе края Барнауле между последними переписями отмечено снижение численности населения. При этом в городском округе наблюдалось увеличение населения, что свидетельствует об активной субурбанизации. Именно населенные пункты городских округов в первую очередь демонстрируют высокие темпы прироста населения. Такая же ситуация отмечается в пригородах городов второго порядка – Бийске и Рубцовске. Много населенных пунктов увеличивших свою людность отмечается, прежде всего, в районах Барнаульской городской агломерации – Павловском, Первомайском, Тальменском и Калманском.

Для Алтайского края характерна поляризация региональной системы расселения. На краевом уровне положительную динамику демонстрируют, прежде всего, населенные пункты Барнаульской городской агломерации и пригородные поселения больших городов. На районном уровне при общем сокращении населения меньшие темпы уменьшения численности отмечаются у районных центров[1].

Очевидно, что сформировавшаяся структура городов в силу разнообразия ее элементов является бесспорным преимуществом сети расселения края.

В числе позитивных тенденций следует отметить концентрацию городского населения в столице региона с 46,9% в 1989 г. до 50,3% в 2016 г. Это, с одной стороны, укрепляет агломерационный потенциал экономики края, а с другой стороны, содействует ее росту, в силу выполняемых Барнаулом столичных функций.

Вместе с тем настораживает факт потери населения и снижения статуса районообразующих центров края, что может сказаться негативным образом на развитии алтайского села[2].

Особое место в системе расселения края занимает Барнаульская агломерация. По своей природе городская агломерация является сложной социально-экономической системой, формирующейся – и это крайне важно – естественным образом при наличии определенных предпосылок. Соглашение об образовании Барнаульской агломерации[3],

[1] **Борисенко М.А.** Современные тенденции трансформации системы расселения в Алтайском крае. География и регион: материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–25 сентября 2015 г.): в 6-ти томах / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – Т. II: Социально-экономическая география. – 320 с.

[2] Влияние малых, так называемых аграрных городов, на развитие села было раскрыто в монографии «Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации». См.: **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

[3] Барнаульская агломерация зарегистрирована Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю 12 ноября 2012 г. как некоммерческая организация Ассоциация «Барнаульская агломерация интеграционного развития территорий». Как отмечается в соглашении об образовании Барнаульской агломерации между Барнаулом, Новоалтайском и Первомайским районом, стороны договорились о создании в Алтайском крае компактной пространственной группировки населенных пунктов, обладающих промышленными, транспортными, торговыми, культурными и социально-бытовыми связями. Принятые сторонами решения позволили проводить согласованную политику в финансово-экономической, градостроительной и социальной сферах, развивать совместно инженерную и транспортную инфраструктуры и формировать единую планировочную структуру близлежащих насе-

в состав которой вошли города Барнаул и Новоалтайск, а также Первомайский район, лишь закрепило сложившиеся многолетние экономические и культурно-бытовые связи между упомянутыми муниципальными образованиями.

В числе наиболее значимых предпосылок формирования Барнаульской агломерации – развитая транспортная инфраструктура как необходимое условие формирования и укрепления горизонтальных связей между муниципальными образованиями – элементами агломерации.

Развитие последних в едином территориальном комплексе оказалось возможным благодаря наличию крупного Барнаульско-Алтайского железнодорожного узла и автомобильной сети.

Немаловажно и сравнительно высокое качество транспортной сети – особенностью железнодорожной сети является преобладание магистралей федерального значения, предназначенных для осуществления межрегиональных и транзитных связей. Железнодорожные пути включают в себя три двухпутных электрифицированных и пять однопутных неэлектрифицированных участков. Это два выхода на Казахстан, выходы на Новосибирск и Кузбасс. В состав автомобильной транспортной сети, в свою очередь, входят две федеральные дороги: М-52 («Чуйский тракт» – Новосибирск – Монголия) и А-349 с выходом на Казахстан.

Что же касается производственных связей, имеющих многолетнюю историю, то, как известно, сельскохозяйственная продукция, производимая на территории Первомайского района, перерабатывается и реализуется в соседних городах и, прежде всего, в краевом центре. На территории Первомайского района распложено 43 тысячи садовых участков жителей Барнаула и Новоалтайска. Естественно, перечень производственных связей в агломерации гораздо шире, но отследить их с помощью современной статистики затруднительно[1].

Для Барнаульской агломерации характерна трудовая маятниковая миграция населения, выполняющая функции скрепа при формировании единого рынка труда агломерации. По имеющейся информации, около 10% трудоспособного населения города Новоалтайска работает и учится в городе Барнауле. Из 22 тысяч трудоспособного населения Первомайского района около 7 тысяч работают в Барнауле и Новоалтайске, служат в войсковых частях; 4,5 тысячи жителей Барнаула трудятся на предприятиях и в учреждениях города Новоалтайска и Первомайского района.

Существенным фактором, способствующим усилению агломерационных процессов, являются сложившиеся социально-культурные и бытовые связи населения.

Часть населения города Новоалтайска и Первомайского района получает медицинские услуги (особенно высокотехнологичные) в учреждениях краевого центра. Население окружающих территорий посещает торговые предприятия и учреждения культуры города Барнаула и т.д.

Барнаульская агломерация состоит из двух территориальных частей, разделенных широкой (до 11 км) поймой р. Обь.

Площадь агломерации – около 4,6 тыс. кв. км (Барнаул – 93,9 тыс. га; Новоалтайск – 8 тыс. га; Первомайский район – 359, 9 тыс. га).

ленных пунктов. При этом, при создании агломерации, изменение существующих муниципальных образований не предусмотрено.

[1] Подробнее об этом см.: **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др**. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – С. 151–156.

Общая численность населения Барнаульской агломерации по состоянию на 2015 г. составила 760 тыс. человек (что составляет более трети населения Алтайского края), в том числе на левом берегу – 644,8 тыс. человек (84,8% на 20% территории), на правом берегу – 115,2 тыс. человек. На территории Барнаульской агломерации расположено более 80 населенных пунктов, из них более 35% находятся в границах городских округов[1].

В агломерации сосредоточено:

40–45% промышленного производства края;

более 40% инвестиций края в основной капитал;

около 70% основных фондов организаций края;

более 65% объема розничной торговли и предоставляемых населению услуг.

Если же рассматривать Барнаульскую агломерацию на фоне других агломераций Сибири, то, как следует из таблицы 12.2, она не является относительно большой по численности (на 6-м месте из 8-ми).

Таблица 12.2

Городские агломерации Сибири

Агломерация	Число городских поселений	Численность населения, тыс. чел. в 2009 г.				Площадь агломерации в зоне 2-часовой доступности, тыс. кв. км	Плотность населения, чел./кв. км	
		в городском центре	в зоне 1-часовой транспортной доступности	в зоне 2-часовой транспортной доступности	в том числе городское		городское	сельское
1. Новосибирская	0	1308,9	1428,9	1523,1	219,7	3,4	423	25
2. Омская	7	1015,8	1021,6	1057,3	56,0	4,1	257	28
3. Красноярская	6	795,2	812,5	859,1	76,8	3,0	286	11
4. Иркутская	7	548,1	596,4	850,8	305,4	2,5	370	12
5. Новокузнецкая	13	543,6	557,4	1183,3	702,3	1,6	696	19
6. Барнаульская	9	531,8	637,9	641,8	110,0	3,2	210	27
7. Кемеровская	7	470,0	484,4	571,3	104,4	2,0	286	22
8. Томская	2	420,7	428,6	428,6	22,9	2,3	192	10

Примечание. Таблица составлена на основе расчетов ГИПРОГОРа (приведены городские агломерации с населением города-ядра свыше 400 тыс. чел., расположенные на территории Сибирского федерального округа).

Источник: **Горяченко Е.Е.** Городские агломерации Сибири: предпосылки формирования и барьеры развития // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 96.

[1] По данным Алтайкрайстата.

Вторым по численности городом края является Бийск, при этом усиливается разрыв в показателях людности самого крупного по численности города Барнаула и второго за ним Бийска, в 1989 г. он составил 2,58 раз, в 2016 г. – 3,12 раза. Как уже было отмечено ранее, в городе наблюдаются высокие темпы сокращения численности населения (табл. 12.3).

Таблица 12.3

Численность населения г. Бийска в 1989–2016 гг., чел.

Показатель	1989	1996	2000	2005	2010	2016	2016 г. к 1989, %
Население – всего	233238	227000	224000	227600	210115	203826	87,4

Источник: Данные Алтайкрайстата.

В настоящее время город Бийск является одним из 13 действующих наукоградов Российской Федерации. Он является ключевым элементом региональной инновационной системы. Наличие особого статуса обеспечивает городу возможность привлечения федеральных ресурсов для поддержки социальной, инженерной и инновационной инфраструктуры. С 2005 г. на развитие города Бийска в статусе наукограда привлечено более 1,4 млрд руб. средств федерального бюджета и свыше 50 млн руб. выделено из краевого бюджета.

Концентрация в городе ряда научно-исследовательских, промышленных, сервисных и инфраструктурных организаций и их комплексное развитие позволяет реализовать всю инновационную цепочку: от исследований и разработок до выпуска наукоемкой продукции.

По объему инновационной продукции на душу населения наукоград в 8 раз опережает среднекраевой уровень (19906 руб. по итогам 2012 г. против 2426 руб. в среднем по краю).

В Бийске функционируют три полюса инноваций: в сфере оборонной промышленности, биофармацевтики и нанотехнологий. Инновационная система города развивается темпами, опережающими средние по краю и стране в целом. Город становится не только научным, но и инновационным центром региона. В 2006–2012 гг. объем научных исследований организаций города Бийска вырос в 3 раза, затраты на инновации – в 12 раз, а выпуск новой продукции – в 28 раз. Помимо выполнения федеральной миссии наукограда, Бийск является площадкой формирования и апробирования новых инструментов региональной научно-технической политики. В наукограде в 2008 г. был сформирован Алтайский биофармацевтический кластер, а в 2010 г. запущен механизм субсидирования затрат действующим инновационным компаниям, расширенный в последующие годы.

Формирование благоприятных организационных и правовых условий стимулирует развитие кооперации предприятий наукограда с научно-исследовательскими организациями соседних регионов. В 2012 г. завершен реализованный в партнерстве с Томским государственным университетом проект создания на базе ОАО «ФНПЦ «Алтай» единственного в России производства стратегически важного импортозамещающего соединения – кристаллического глиоксаля[1].

[1] **Концепция** развития инновационной системы Алтайского края на период до 2020 года: в ред. постановления Администрации Алтайского края от 04.07.2014 № 312 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/fa0/312_14.pdf (дата обращения: 11.11.2016 г.).

К средним городам относится город Рубцовск. По численности населения он занимает третье место в крае, но как отмечалось выше, население города неуклонно сокращается, причем довольно высокими темпами, за исследуемый период сокращение составило 14,8% (табл. 12.4).

Таблица 12.4

Динамика численности населения г. Рубцовска в 1989–2016 гг., чел.

Показатель	1989	1996	2000	2005	2010	2016	2016 г. к 1989, %
Население – всего	171792	169900	165100	160430	147002	146386	85,2

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Город Рубцовск расположен в Алейской степи, на левом берегу р. Алей, в 290 км от города Барнаула. Он находится недалеко от границы с Казахстаном (40 км), однако не носит статус пограничного города. Рубцовск находится на железнодорожной и автомобильной магистралях федерального значения, связывающих Западно-Сибирский регион с государствами Средней Азии и Казахстаном.

Преимущество расположения в совокупности с развитием транспортной инфраструктуры (включая железнодорожный транспорт) предоставляет большие возможности для осуществления экспортных и импортных поставок различных видов продукции, развития торговых связей с южными странами СНГ и Китаем.

В новых экономических условиях наряду со многими монопрофильными городами в кризисном положении оказался и город, насыщенный машиностроительными предприятиями, спад производства на которых вызвал в городе своего рода цепную реакцию – рост безработицы, падение уровня жизни, ухудшение социальной обстановки, сложности с обслуживанием жилищного фонда, объектов инженерной и социальной инфраструктуры.

Несостоятельность бывших градообразующих предприятий решающим образом повлияла на состояние всего бюджета муниципального образования и положение дел в социальной сфере города. Негативные тенденции, вызванные мировым финансово-экономическим кризисом, не могли не сказаться на состоянии экономики города, усилив ее депрессивность[1].

Промышленные предприятия в силу специфики их положения долгое время были ориентированы на сотрудничество с близлежащими республиками постсоветского пространства и странами Юго-Востока. В период кризиса экономические связи предприятий города с некоторыми субъектами были прерваны, с некоторыми приостановлены.

В рейтинге показателей социально-экономического развития городских округов город Рубцовск в период кризиса практически по всем показателям занимал предпоследние места.

[1] **Об утверждении** Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Рубцовск Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: решение Рубцовского городского Совета депутатов от 19.12.2013 № 251. – URL: http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/Rubtsovsk2025.pdf (дата обращения: 15.11.2015 г.).

В 2008–2012 гг. по уровню комплексного социально-экономического развития из 10 муниципальных образований городских округов Алтайского края город Рубцовск стабильно занимал 7-е место[1].

Материальная сфера производства традиционно занимает в городе ведущее место. В промышленном комплексе города на 2016 г. действовало 25 крупных и средних организаций и 75 малых.

Основные виды продукции крупных и средних организаций: электроэнергия, тепловая энергия, сельскохозяйственная техника (сеялки, плуги, тракторы), крупное и среднее литье, продовольственная продукция (мука, крупа, макаронные изделия, комбикорма, колбасные изделия, мясо и субпродукты, мясные полуфабрикаты, масло растительное, хлеб и хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, масло сливочное, сыр и продукты сырные, напитки безалкогольные и воды минеральные).

Город располагает достаточно развитым промышленным комплексом. В настоящее время традиционные для экономики города производства, связанные с изготовлением машин, оборудования (сельскохозяйственной техники), крупных и средних организаций обременены морально устаревшими значительно изношенными основными фондами.

Преимуществом для организации новых видов производственной деятельности является наличие энергетических мощностей и транспортных терминалов на территории города.

Одной из характеристик городской системы является разнообразие населенных пунктов. Свойство разнообразия и неоднородности экономических систем, как правило, создает и преимущества и недостатки. В отношении городской системы в качестве недостатков рассматриваются ограничения в развитии агломерации, так как разнообразие предполагает наличие как больших, так и малых и средних городов. В качестве преимуществ выдвигается несколько аргументов, первый связан с тем, что разные виды деятельности характеризуются различными оптимальными размерами экономики и рынка, поэтому диверсифицированная городская структура, предлагая производителям и потребителям набор вариантов размещения, выигрывает по сравнению с однородной урбанистической системой. Второй аргумент обусловлен развитием пространства по оси «центр-периферия». Центры, главным образом крупные города, передают импульсы развития периферии, которая, в свою очередь, выступает источником внешних ресурсов развития и является площадкой, куда распространяются адаптированные инновации, и может перемещаться бизнес, не выдерживающий конкуренции в крупном городе. В зависимости от того, какое направление взаимодействия преобладает, развитие может сопровождаться усилением или ослаблением пространственного неравенства. Рост различий может быть свидетельством того, что эффект распространения от центра к периферии отсутствует либо слишком слабый. Стагнация городской периферии может стать препятствием как для усвоения ею импульсов развития в будущем, так и для развития самого центра[2].

[1] **Об утверждении** Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Рубцовск Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: решение Рубцовского городского Совета депутатов от 19.12.2013 № 251. – URL: http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/Rubtsovsk2025.pdf (дата обращения: 15.11.2015 г.).

[2] **Коломак Е.А.** Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–74.

Состояние городов в наибольшей степени зависит от их размеров, статуса, функций и географического положения. Особенно наглядны различия указанных параметров в городах с различным числом жителей. Чем меньше размер города, тем выше в нем доля незанятого населения, меньше зарплата, меньше, соответственно, торговый оборот. В то же время в ближайшем окружении столицы или недалеко от других крупнейших городов признаков сильной депрессии даже в малых городах, как правило, не видно. Это говорит о важности фактора местоположения города по отношению к крупнейшим центрам, независимо от размера самого города. Однако всегда есть исключения, и даже на периферии можно встретить успешные небольшие центры, хотя в периоды кризисов остается не так много функций, способных переломить остальные неблагоприятные факторы развития городов, особенно монофункциональных[1].

Среди алтайских городов преобладают средние и малые[2], по облику и образу жизни населения схожие с окружающей сельской местностью. В соответствии с критериями Министерства регионального развития Российской Федерации к малым городам края отнесены городские округа – город Алейск, Белокуриха, Заринск, Славгород, Яровое, городское поселение – город Камень-на-Оби, город Горняк. В малых городах края в 2016 г. проживает около 200 тыс. человек. Большинство из них – районные центры (Алейск, Заринск, Славгород, Камень-на-Оби).

Специализацией малых городов является пищевая и перерабатывающая промышленность, химическая промышленность, производство кокса, туризм и рекреация. На долю малых городов приходится около 20% объемов промышленного производства, сосредоточенного в городах края; четверть всех туристов, приезжающих в край, посещают малые города.

Вместе с тем на долю малых городов приходится менее 3% общекраевого объема капитальных вложений, а по уровню инвестиций в основной капитал на душу населения малые города уступают не только крупным городам, но и большинству районов края. Реализация проектов, которые способны обеспечить высокий темп экономического роста, в настоящее время ограничивается состоянием инженерной и транспортной инфраструктуры, низкой инновационной активностью предприятий.

Для малых городов по сравнению с крупными городами края характерна большая острота социальных проблем, проявляющаяся, в конечном счете, в более низком по сравнению с высокоурбанизированными поселениями уровне жизни населения.

Естественно, проблема отставания в развитии малых городов не является региональной особенностью. Крупный специалист в этой области Т.Г. Нефедова без малого десять лет назад сделала заключение о том, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия.

---

[1] **Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Лихачёва Э.А., Черногаева Г.М., Некрасова Л.А.** Оценка трансформации социально-экономической и природной среды Центрального федерального округа РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://geomor.igras.ru›files/f.2011.06.07.12.41.09..3.pdf (дата обращения: 16.03.2016 г.).

[2] К малым городам статистика относит города с числом жителей менее 50 тыс. человек. В России их насчитывается около 800, что составляет более 2/3 всех российских городов. Совокупная численность населения малых городов на протяжении всего XX века постепенно возрастала: это объясняется в основном образованием новых городов. Но в общей численности горожан их доля неуклонно снижалась. Сейчас в малых городах России проживает около 15% городского населения страны (в Алтайском крае – 16%).

Низкие оценки по уровню социально-экономического развития имели в 2007 г. 60% всех малых городов России (менее 50 тыс. жителей), хотя по сравнению с началом 2000-х годов их состояние несколько улучшилось (тогда подобные оценки получили 72% малых городов). В целом 45% всех оцениваемых городов получили в 2007 г. неудовлетворительные оценки, и их можно отнести к депрессивным. Подавляющая их часть – это малые городки. Многие из них, по образной оценке Т.Г. Нефедовой, – как бы заснули глубоким сном, иногда несколько веков тому назад[1].

В целях повышения качества жизни населения малых городов, обеспечения их устойчивого социально-экономического развития в Алтайском крае принята государственная программа «Развитие малых городов Алтайского края» на период до 2020 г.[2] Однако для подведения ее итогов время еще не наступило.

Сегодня можно лишь заметить, что многочисленные попытки регулирования развития экономического пространства в целом и системы расселения, в частности, предпринятые на федеральном уровне, были, как правило, обречены на неудачу.

12.2 ДИНАМИКА РАЗЛИЧИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ

Социально-экономические реформы двух последних десятилетий привели к кардинальным изменениям в пространственных процессах развития сельских районов России[3]. В значительной мере это касается приграничных аграрных регионов, таких как Алтайский край, где более ярко проявляются проблемы обеспечения продовольственной безопасности, потребности инновационного развития и повышения конкурентоспособности в условиях более сильного влияния внешней среды. В связи с этим представляется важным обратиться к анализу современного состояния и территориальных сдвигов в социально-экономическом развитии сельских районов Алтайского края.

В работах Е. Горяченко, Т. Заславской, Л. Ляшенко выделены три подхода к изучению динамики многомерных объектов[4], два из которых соответствуют нашим задачам[5]. *Первый подход* к изучению динамики многомерных объектов, выделенный

---

[1] **Нефедова Т.Г.** Поляризация городов и сельской местности и расширении российской периферии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/ material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenie-rossiyskoy-periferii.html (дата обращения: 20.10.2016 г.).

[2] **Государственная** программа Алтайского края «Развитие малых городов Алтайского края» на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утверждена Постановлением администрации Алтайского края от 22 июля 2014 года № 340. – URL:http://docs.cntd.ru/document/412713719 (дата обращения: 21.10.2016 г.).

[3] См.: **Калугина З.И.** Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.; **Нечипоренко О.В.** Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. – Новосибирск, 2010. – 302 с.; **Пациорковский В.В.** Сельско-городская Россия. – М., 2010. – 390 с. и др.

[4] Подробнее см.: **Развитие** сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М. : Статистика, 1977. – С. 46–48.

[5] **Третий** подход предполагает анализ средних векторов динамических сдвигов для каждого типа объектов, построенного по данным на начало периода. Основным ограничением данного подхода является невозможность исследования специфики изменения отдельных объектов в пределах одного типа. См.: **Развитие** сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М. : Статистика, 1977. – С. 46.

учеными, предполагает построение типологии объектов с использованием сдвоенного массива данных на начало и конец периода. В этом случае типы объектов имеют границы, неизменные во времени, что позволяет анализировать перемещения объектов между типами с позиций динамики их статусов. По мнению ученых, данный вид типологического анализа наиболее эвристичен в контексте изучения динамики многомерных объектов.

Второй подход – сопоставление аналогичных, но независимых типологий (выделение одноименных классов и типов), построенных на массиве данных на начало и конец периода. Недостатком такого вида исследования, по мнению ученых, является то, что одноименные классы объектов в типологиях не являются идентичными по положению в признаковом пространстве. Переход объекта в другой тип свидетельствует лишь о более быстром или, напротив, медленном его развитии в сравнении с остальной совокупностью и не позволяет сделать выводы о снижении или повышении его статуса[1].

В целом соглашаясь с указанной выше позицией, добавим, что несмотря на ограничения второго подхода, его использование при анализе изменения уровня развития объектов во времени (в нашем случае – сельских районов) имеет и свои преимущества, а именно позволяет сделать выводы о следующем: 1) о росте или уменьшении дифференциации уровня развития объектов (сравнение дисперсий показателей по нескольким совокупностям объектов, между крайними классами объектов в каждой типологии); 2) об изменении расстояния между объектами разных классов, т.е. о росте или уменьшении социальных различий между ними. Кроме того, об изменении положения объектов в таких типологиях можно судить не по самому факту их перемещения между кластерами, а по результатам сравнительного анализа характеристик развития объектов в каждом кластере на начало и конец периода. Методико-процессуальные особенности реализации рассмотренных методических подходов при изучении территориальных характеристик социально-экономического развития сельских районов в 2000-х годах указаны в таблице 12.5.

В основу анализа территориальных изменений в социально-экономическом развитии сельских районов Алтайского края, результаты которого представлены в данной монографии, положен второй подход к типологизации многомерных объектов из трех, рассмотренных Е. Горяченко, Т. Заславской, Л. Ляшенко и др.[2] Отметим, что нами была предпринята попытка анализа таких территориальных изменений и на основе первого подхода, однако проведенная содержательная интерпретация полученных кластеров показала, что выделенные группы районов не имеют выраженных различий по уровню социально-экономического развития и его динамике.

Для изучения территориальных особенностей социально-экономического развития 60 сельских муниципальных районов Алтайского края на основе 25 статистических показателей развития сфер здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, общего и дошкольного образования, социально-культурной сферы, потребительского рынка товаров и услуг, сферы доходов и занятости, экономики в 2000 г. и 2010 г. осуществлен факторный анализ. На сформированных факторах проведена кластеризация и выделено по три типа районов, значительно различающихся уровнем

[1] Подробнее см.: **Развитие** сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М. : Статистика, 1977. – С. 46.

[2] См.: **Развитие** сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М. : Статистика, 1977. – С. 46–48.

Таблица 12.5

Методико-процессуальные особенности типологического анализа территориальных характеристик социально-экономического развития сельских районов

Процедуры	Первый подход	Второй подход
1. Факторный анализ	Одна процедура – по объединенным массивам данных 2000 г. и 2010 г. на основе одинакового набора показателей	Две процедуры – по массивам данных 2000 г. и 2010 г.
2. Кластерный анализ методом K-means на полученных факторах	Одна процедура – на полученной совокупности факторов по объединенным массивам данных 2000 г. и 2010 г.	Две процедуры – на полученных двух совокупностях факторов по данным 2000 г. и 2010 г.
3. Содержательная интерпретация типов районов по уровню социально-экономического развития*	Выделение типов районов по двум векторам: уровень развития и особенности изменения	Выделение по 3 типа в обеих типологиях: относительно благополучные районы, районы со средним уровнем развития, относительно неблагополучные районы
4. Пересечение полученных типов районов	Не предусмотрено	Выделение в каждом из трех типов районов в 2010 г. подтипов по характеру перемещения между типами с 2000 г. (условно положительный, условно нулевой, условно отрицательный)
5. Содержательная интерпретация типов районов по уровню социально-экономического развития и его изменению	Не предусмотрено	По логике процедуры № 3 второго подхода

* В основу процедуры положены сравнение средних значений показателей каждого типа районов со всей совокупностью и анализ их однородности (на основе показателя дисперсии).

социально-экономического развития[1]: относительно благополучные (7 в 2000 г. и 18 в 2010 г.), районы со средним уровнем развития (39 и 38 соответственно) и относительно неблагополучные (14 и 4 соответственно)[2]. Расположение выделенных типов на карте Алтайского края представлено на рисунках 12.1–12.2.

[1] Для характеристики типов районов дополнительно использованы показатели экономического развития (относительные показатели произведенной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестиций в основной капитал), не участвующие в факторном анализе.

[2] Подробнее см.: **Устойчивое** развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография. – Барнаул, 2013. – С. 124–137.

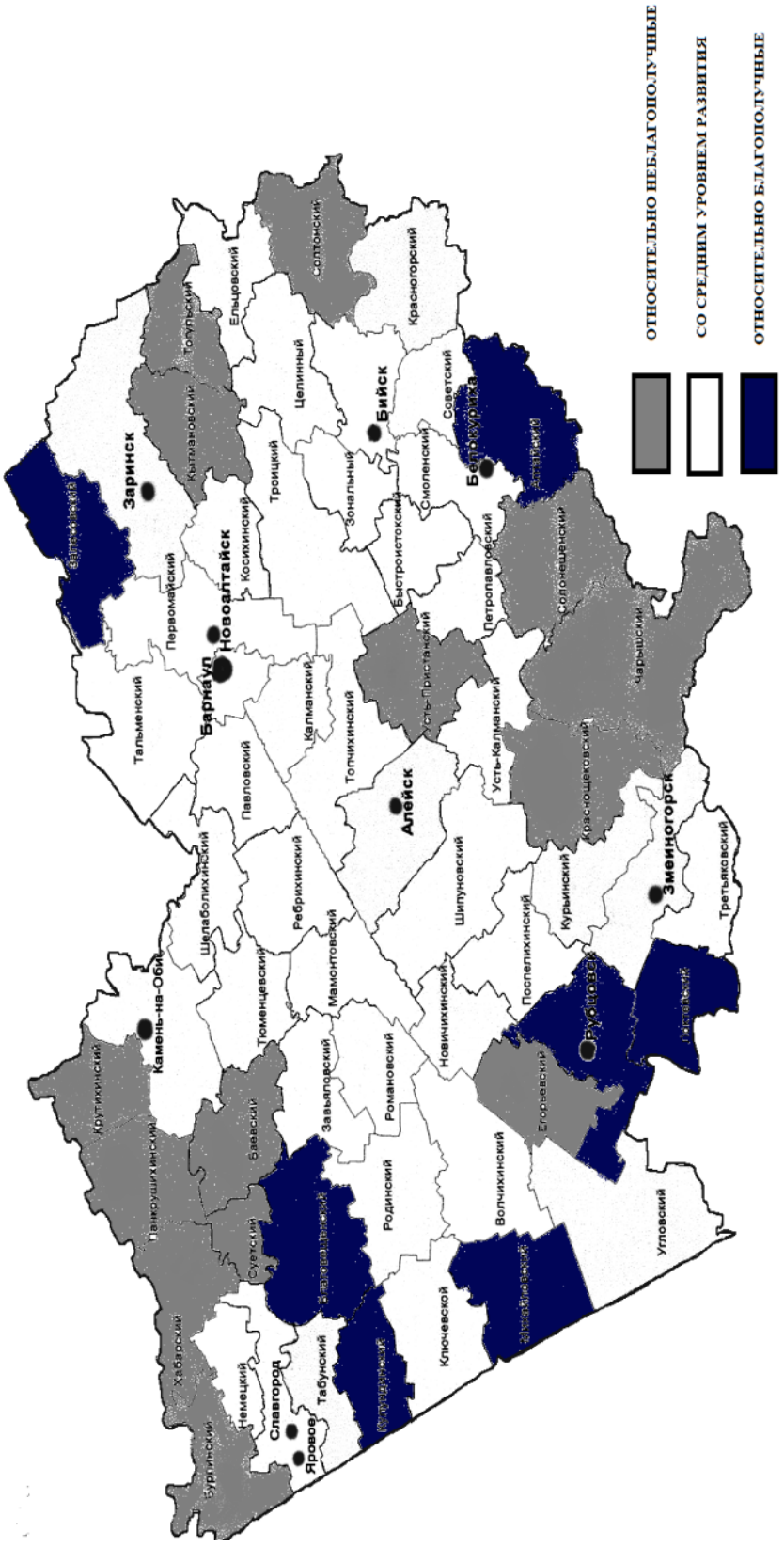


Рис. 12.1. Типы социально-экономического развития сельских муниципальных районов Алтайского края в 2000 г.

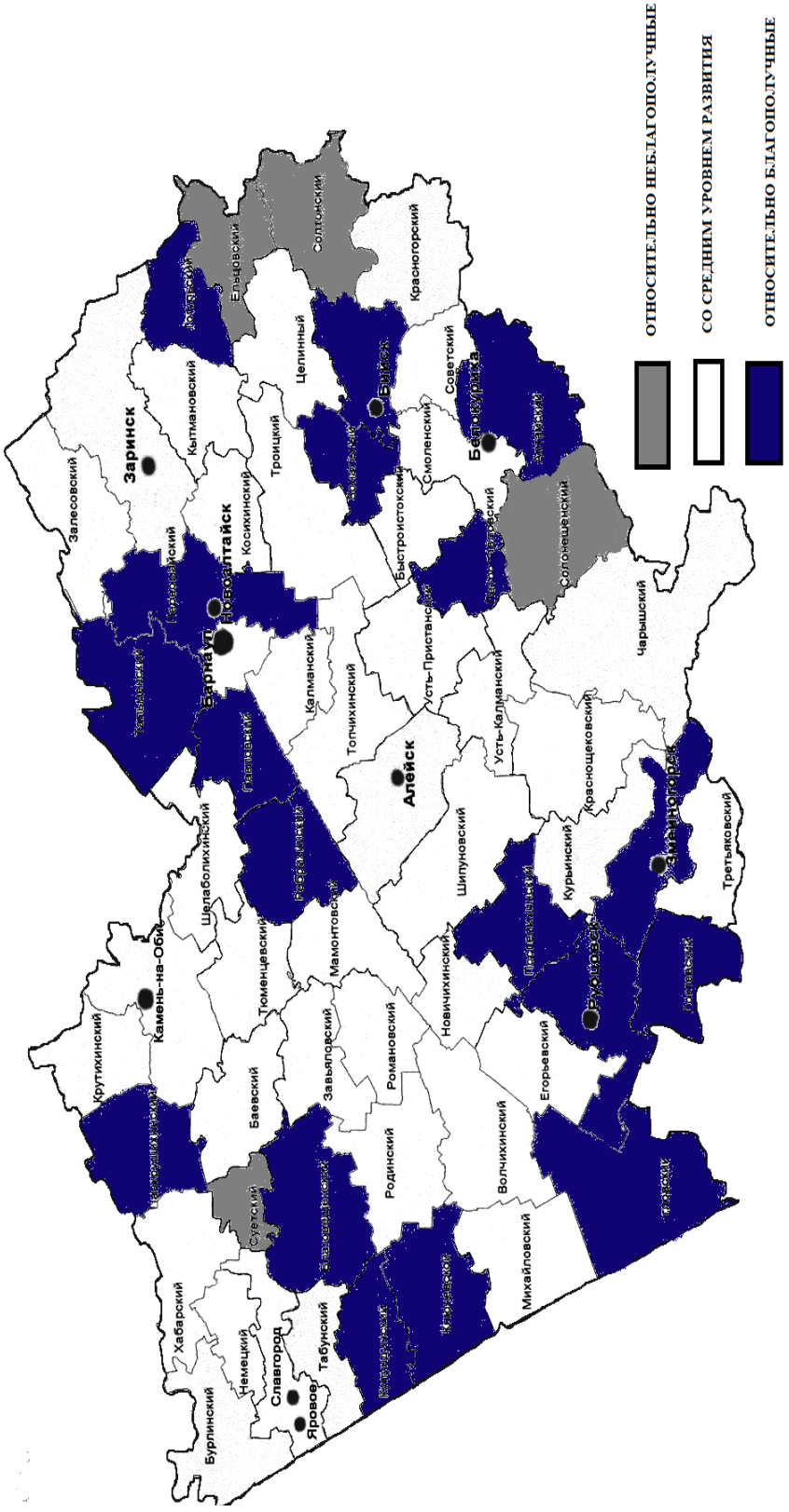


Рис. 12.2. Типы социально-экономического развития сельских муниципальных районов Алтайского края в 2010 г.

Типы районов, выделенные в 2000 г. (см. рис. 12.1 и табл. 12.6), характеризуются следующим. *Первый тип* районов («относительно благополучные»), являющийся наименее наполненным (7 районов), по сравнению с остальными типами отличался наиболее высокими показателями обеспеченности населения медицинскими кадрами (при самом низкой обеспеченности медучреждениями), развития потребительского рынка товаров и услуг, размера заработной платы, объема производства промышленной продукции. Однако в данных районах сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспечения жильем (при самой низкой доле ветхого жилья в общей площади жилфонда и среднем уровне его ввода в действие наблюдалась самая низкая обеспеченность населения его общей площадью), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Второй тип районов («со средним уровнем развития»), являющийся самым наполненным (39 районов), характеризовался наибольшей приближенностью показателей уровня социально-экономического развития к среднекраевым значениям (развитие потребительского рынка, размер заработной платы, обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы и др.). В данных районах сложилась наиболее благоприятная ситуация в сфере обеспечения жильем и его качества.

Третий тип («относительно неблагополучные»), представленный 14 районами, отличался наиболее низкими значениями следующих территориальных характеристик развития районов: обеспечение населения медучреждениями и медицинскими кадрами, ввод в действие жилья и его качество, развитие потребительского рынка, размер заработной платы, развитие промышленного производства, инвестиции в основной капитал и др.

По результатам типологического анализа сельских районов края по уровню социально-экономического развития в 2010 г. (см. рис. 12.2 и табл. 12.6) значения большинства показателей в 18 «относительно благополучных» районах были заметно выше среднекраевых (развитие потребительского рынка, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиции в основной капитал, размер оплаты труда и др.).

Вместе с тем в районах данного типа сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности жильем (самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда при самой низкой доле ветхого жилья), а также зафиксирована наиболее низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, медучреждениями и средним медперсоналом.

Многие показатели уровня социально-экономического развития в районах 2-го типа («со средним уровнем развития»), являющегося самым наполненным (38 районов), по своим значениям были наиболее близки (по сравнению с другими типами) к среднекраевым. При этом данные районы отличались наиболее высокими показателями первичной заболеваемости населения и официально зарегистрированной безработицы.

Уровень социально-экономического развития в районах 3-го типа («относительно неблагополучные»), являющегося наименее наполненным (4 района), был существенно ниже среднего по краю и в целом уступал остальным типам районов. В 2010 г. эти районы-аутсайдеры отличались наиболее низкими показателями произведенной сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также инвестиций в основной капитал. Как следствие, в этих районах самая низкая заработная плата, особенно в сельском хозяйстве. Кроме того, ниже среднекраевых были показатели ввода жилья и его качества, развития потребительского рынка. В то же время эти

районы характеризовались наиболее высокой обеспеченностью населения учреждениями культуры, а также медучреждениями и средним медперсоналом, что способствовало снижению заболеваемости.

По результатам факторного анализа показателей социально-экономического развития сельских районов края в 2000 г. и 2010 г. выделены показатели, оказывающие наибольшее влияние на дифференциацию районов. В 2000 г. наибольшее влияние оказывали факторы, объединяющие следующие показатели: 1) уровень заработной платы, ввод в действие жилья и обеспеченность им, миграция населения (собственное значение фактора – 3,16, процент объясненной дисперсии равен 12,63); 2) качества жилищного фонда: доля жилья с водопроводом, канализацией, горячей водой, доля ветхого жилья (2,61, 10,46); 3) обеспеченности социальной инфраструктурой: библиотеки, клубы, детсады, больницы (2,60, 10,42); 4) демографические показатели естественного движения населения: естественный прирост, доля учащихся школ (2,45, 9,81). В 2010 г. наибольшее влияние на дифференциацию социально-экономического развития сельских территорий региона оказывали факторы, наполненные показателями: 1) обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры (библиотеками, культурно-досуговыми учреждениями) и развития потребительского рынка товаров и услуг, строительство жилья, миграции сельского населения (собственное значение фактора – 3,86, процент объясненной дисперсии равен 15,45); 2) обеспеченности населения медучреждениями (2,50; 10,01); 3) обеспеченности жилья коммунальными услугами: доля жилья с водопроводом, канализацией и горячей водой (2,41, 9,64); 4) износа жилья: доля ветхого жилья (2,45, 9,81).

Изменение дисперсии и коэффициентов вариации показателей социально-экономического развития районов в 2010 г. по сравнению с 2000 г. свидетельствует о том, что за прошедшее десятилетие, с одной стороны, значительно выросли территориальные различия по рождаемости, заболеваемости, обеспеченности жильем, развитию потребительского рынка, сети учреждений культуры, а с другой стороны, существенно снизилась дифференциация районов по уровню миграции, обеспеченности медицинскими учреждениями и кадрами, качеству жилищного фонда, оплате труда, уровню безработицы.

Наиболее значимые различия между благополучными и неблагополучными районами в 2010 г. сложились по показателям ввода и качества жилья (в 9–11 раз – по вводу жилья и его ветхости, в 3 раза – по доле жилья с горячей водой), обеспеченности сельских жителей медучреждениями (больницами и поликлиниками – в 2–3 раза), интенсивности миграционного оттока (в 3,4 раза). Вместе с тем различия по уровню рождаемости, заработной платы, безработицы, обороту торговли не превышали 20–30%.

Таким образом, с начала 2000-х годов произошли качественные изменения в дифференциации уровня социально-экономического развития сельских районов Алтайского края, а именно: заметно усилилось дифференцирующее влияние уровня обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры при сохранении высокой значимости миграции селян. Вместе с тем рост дисперсии большинства территориальных характеристик (в том числе между относительно благополучными и относительно неблагополучными типами районов) свидетельствует об увеличении различий в социально-экономического развитии сельских территорий.

Пересечение типологий сельских районов региона по данным 2000 г. и 2010 г. осуществлено посредством выделения в каждом из трех типов районов по уровню социально-экономического развития в 2010 г. («относительно благополучные», «со

средним уровнем развития», «относительно неблагополучные») восьми подтипов по характеру перемещения между типами с 2000 г. (условно положительная[1], условно нулевая[2], условно отрицательная[3]) – см. табл. 12.6.

Сравнительный анализ показателей развития сельских районов в 2000 г. и 2010 г. позволяет говорить не только об их положительной динамике в абсолютном выражении, но об изменении относительных позиций: повысили свой статус (переместились в более благополучные группы) 22 из 60 районов, в том числе 13 районов поднялись до уровня наиболее благополучных, тогда как ухудшили свои позиции на фоне других только три пограничных района (см. табл. 12.6 и табл.12.7).

Таблица 12.6

Распределение сельских районов Алтайского края по типам, различающимся уровнем социально-экономического развития в 2000 г. и в 2010 г.

	2000 г.			
		1-тип относительно благополучные	2-тип со средним уровнем развития	3-тип относительно неблагополучные
2010 г.	1-й тип относительно благополучные	1-й тип – 5 ед. Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский	2-й тип – 11 ед. Бийский, Змеиногорский, Зональный, Ключевский, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тальменский, Угловский	3-тип – 2 ед. . Панкрушихинский, Тогульский
	2-й тип со средним уровнем развития	4-й тип – 2 ед. Залесовский, Михайловский	5-й тип – 27 ед. Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Немецкий национальный, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский (г. Славгород), Смоленский, Советский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шелаболихинский, Шипуновский	6-й тип – 9 ед. Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский
	1-й тип относительно неблагополучные	–	7-й тип – 1 ед. Ельцовский	8-й тип – 3 ед. Солонешенский, Солтонский, Суетский

[1] Здесь и далее говорим «условно», поскольку имеется в виду формальный переход в более благополучный тип районов, согласно типологии 2010 г., например, из кластера относительно неблагополучных районов в 2000 г. в кластер районов со средним уровнем развития.

[2] Принадлежность к тому же типу по уровню социально-экономического развития.

[3] Переход в менее благополучный тип районов по уровню социально-экономического развития.

Таблица 12.7

Отдельные характеристики типов сельских районов Алтайского края по уровню социально-экономического развития в 2000, 2010 и 2014 гг.

Характеристики	Год	Всего (60 ед.)	1-й тип (5 ед.)	2-й тип (11 ед.)	3-й тип (2 ед.)	4-й тип (2 ед.)	5-й тип (27 ед.)	6-й тип (9 ед.)	7-й тип (1 ед.)	8-й тип (3 ед.)
Естественный прирост населения, ‰	2014	–3,6	–1,0	–2,0	–5,2	–4,5	–3,0	–4,5	–6,2	–2,1
	2010	–4,2	–2,7	–2,7	–4,0	–3,9	–3,6	–4,6	–10,5	–1,2
	2000	–4,7	–4,0	–6,5	–4,7	–4,8	–4,8	–4,6	–6,6	–1,6
Миграционный прирост населения, ‰	2014	–7,2	–1,1	–2,8	–8,1	–12,5	–10,6	–12,0	5,2	–15,6
	2010	–7,9	–3,5	–3,0	–8,7	–5,1	–8,9	–12,9	–6,6	–14,3
	2000	–2,5	–1,3	3,7	–6,4	4,1	–2,8	–6,1	–0,9	–9,9
Врачи на 10 тыс. чел., чел.	2014	20,1	16,5	21,4	22,2	22,7	21,0	23,2	14,8	18,9
	2010	19,2	20,3	19,0	16,7	21,7	21,7	20,9	12,7	20,3
	2000	18,2	19,5	18,1	16,9	20,8	19,2	17,9	15,5	17,7
Средний медперсонал на 10 тыс. чел., чел.	2014	85,4	77,9	77,9	85,3	87,6	79,2	91,0	80,3	103,6
	2010	87,9	88,0	75,9	89,8	84,9	84,5	88,8	90,6	100,8
	2000	75,8	81,0	69,0	76,6	71,2	75,8	76,0	78,6	77,9
Площадь квартир на 1 чел., кв. м	2014	25,5	23,3	23,3	25,6	22,9	25,2	25,7	29,1	28,6
	2010	24,1	22,2	22,3	26,2	21,1	24,0	23,8	27,5	25,6
	2000	18,7	18,4	18,7	18,1	16,9	19,3	18,9	20,8	18,8
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	2014	0,218	0,25	0,085	0,12	0,145	0,1	0,145	0,12	0,25
	2010	0,195	0,16	0,29	0,07	0,6	0,16	0,09	0,17	0,07
	2000	0,148	0,17	0,23	0,105	0,105	0,15	0,08	0,06	0,07
Оборот розничной торговли на 1 чел., руб.	2014	57668	67638	61805	60612	53455	55013	51385	54691	56737
	2010	39246	49311	43759	42262	33385	36847	35433	38353	34618
	2000	4860	6082	5409	6137	4090	4856	4150	3175	4981
Оборот платных услуг на 1 жителя, руб.	2014	7699	11595	8746	5973	9543	7650	7163	5298	5625
	2010	6034	9647	6608	4782	5870	5619	5552	4522	4531
	2000	620	1231	647	497	755	559	511	357	454
Среднемесячная заработная плата, руб.	2014	16559	19752	17581	17603	15427	15673	15399	16182	14853
	2010	10183	12193	10785	11231	9769	9491	9391	9515	9092
	2000	913	1142	991	834	979	958	806	802	794
Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, руб.	2014	13535	11872	15922	18424	12939	12202	11899	13601	11419
	2010	7611	7183	9517	10438	6146	7214	7298	5558	7535
	2000	627	702	777	574	689	765	567	389	555
Уровень официальной безработицы, %	2014	3,6	2,2	2,5	4,1	5	3,1	3,7	5,8	2,6
	2010	4,4	2,9	3,4	4,6	6,2	4,4	4,9	5,1	3,8
	2000	1,9	2,4	1,7	1,2	2,9	1,7	1,9	1,4	1,7
Библиотеки на 10 тыс. населения, ед.	2014	10,0	7,4	6,5	14,8	9,5	9,9	12,2	13,1	16,7
	2010	10,4	7,4	7,8	13,0	9,5	10,4	12,3	13,0	16,0
	2000	8,8	7,0	7,5	10,5	8,0	8,9	9,9	11,0	12,0
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. населения, ед.	2014	12,0	9,5	9,5	13,9	8,1	12,1	14,2	13,1	20,0
	2010	12,0	9,6	8,7	14,5	8,5	12,1	14,8	13,0	19,3
	2000	10,7	9,4	8,8	12,5	8,0	10,6	12,3	13,0	15,3
Производство продукции промышленного производства на 1 чел., руб.	2014	42880	77229	61902	30813	24585	53155	25055	39009	31290
	2010	34656	63165	52157	20195	29294	31343	21004	7810	15916
	2000	4604	5848	6499	2640	4209	4658	2926	1083	3688
Производство сельскохозяйственной продукции на 1 чел., руб.	2014	100722	70517	120421	147725	68067	106590	110015	69813	112632
	2010	76764	50710	85960	95688	46313	79644	74833	64794	78024
	2000	18371	12919	17461	16760	10867	21050	18181	10798	15852
Инвестиции в основной капитал на 1 чел., руб.	2014	14319	25793	26892	12406	4552	17125	11127	4574	11996
	2010	11861	24914	7690	15475	24416	7785	7105	2566	4940
	2000	1156	1024	765	1082	1327	1705	1338	1401	604

Примечание. В 2014 г. – 59 районов (в связи с административно-территориальными преобразованиями).

Для районов 1-го типа (5 ед.) сохранение позиции в кластере «лидеров» в обеих типологиях означало сохранение в целом наиболее высокого уровня экономического развития при относительно невысоких темпах его улучшения и невысоком уровне обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры. Данные районы в 2000–2014 гг. занимали выраженные лидерские позиции в сфере промышленного производства и увеличения его объемов, отличались наиболее высокими показателями роста инвестиций в основной капитал, развития потребительского рынка товаров и услуг, размера и роста заработной платы, наименьшим уровнем безработицы и его сокращением, относительно высоким качеством жилищного фонда[1], самой высокой наполненностью детьми детских садов и ее увеличением, а также одним из самых низких уровней естественной убыли (при значительном улучшении) и миграционного оттока населения (и роста в «нулевых»).

Вместе с тем районы 1-го типа характеризовались одними из наиболее низких показателей производства сельскохозяйственной продукции[2] и ухудшающимися показателями заработной платы в данной отрасли (вплоть до 2014 г. включительно). Здесь зафиксирована самая низкая обеспеченность населения учреждениями медицинскими учреждениями (с отрицательной динамикой) и самый высокий рост первичной заболеваемости населения[3] при значительном ухудшении ранее относительно высоких показателей кадровой укомплектованности медучреждений (по обеспеченности населения средним медперсоналом – до самых низких). Кроме того, этот тип районов отличается одним из самых низких показателей обеспеченности населения жилищным фондом (при его заметном абсолютном росте) и учреждениями культурно-досугового типа[4].

Для районов 2-го типа (11 ед.) переход из кластера районов «со средним уровнем развития» в кластер «относительно благополучных» (т.е. формальное улучшение позиции) в 2000–2010 гг. означал сохранение относительно высокого уровня экономического развития и интенсивности его улучшения и, напротив, относительно невысокого уровня обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры (и даже его снижения по отдельным показателям) – см. таблицы 12.6–12.7. В 2000–2014 гг. районы 2-го типа характеризовались относительно высоким уровнем развития промышленного и сельскохозяйственного производства, потребительского рынка товаров и услуг и их заметным ростом, увеличением инвестирования в основной капитал и его самыми высокими показателями в последние годы, а также сохранением низкого уровня безработицы (несмотря на его рост в абсолютном выражении). Вместе с тем, наряду с существенно улучшившейся ситуацией в сфере естественного движения населения (в сравнении с другими типами районов края), его миграционный отток заметно вырос в 2010-х годах (при сохранении сравнительно «хороших» позиций в

[1] Кроме показателей обеспеченности жилья газом и горячей водой – значения ниже средних по краю. Здесь и далее при характеристике 8-ми типов по качеству жилья для сравнения использованы данные 2000 г. и 2010 г., в 2014 г. такие показатели по муниципальным районам отсутствуют.

[2] Что не может однозначно трактоваться отрицательно, так как может быть связано со спецификой хозяйственно-отраслевой специализации данных районов.

[3] Что не всегда может трактоваться однозначно отрицательно, так как это может быть связано с улучшением качества медицинского обслуживания, а именно развитием диагностических методов выявления заболеваний.

[4] Сравнительно низкие показатели в обеспеченности объектами культурно-досуговой сферы могут объясняться более высокой концентрацией населения, а также более активным формированием более современных укрупненных форм культурного обслуживания.

крае). Улучшение качества жилищного фонда (кроме оборудованности жилья канализацией и водопроводом) сопровождалось наибольшим снижением ввода в действие нового жилья и сохранением низкого уровня обеспеченности им населения. Улучшение кадровой укомплектованности медицинских учреждений происходило при снижении обеспеченности населения последними до худших показателей[1]. Здесь сохранился низкий уровень обеспеченности селян библиотеками и клубами.

Районы 3-го типа (2 ед.) вошли в кластер «относительно благополучных» посредством перехода из кластера «относительно неблагополучных» районов (см. табл. 12.6–12.7). Для данных районов формально самая значительная положительная динамика их позиции по социально-экономическому развитию означала достижение такого уровня и интенсивности его изменения, который, с одной стороны, в целом заметно уступал другим типам «относительно благополучных» районов (кроме обеспеченности селян объектами социальной инфраструктуры), а с другой – оказался существенно выше в сравнении с представителями остальных кластеров.

В 2000–2014 гг. районы 3-го типа занимали выраженные лидерские позиции в сфере сельхозпроизводства и его заметного роста до лучших показателей по краю. В рассматриваемый период здесь сложилась одна из наиболее благоприятных ситуаций в сфере оплаты труда работников (особенно в сельском хозяйстве). Вместе с тем в районах данного типа зафиксированы невысокие показатели производства промышленной продукции и его наращивания, а также инвестиций в основной капитал. Наряду с относительно высокими и растущими показателями обеспеченности населения клубами и библиотеками (выше только в 8-м типе) этот тип характеризуется относительно низкой (особенно в сравнении с районами 1-го и 2-го типов) обеспеченностью населения медучреждениями. При средних показателях обеспеченности жильем здесь наблюдается относительно низкий ввод его в действие. В рассматриваемый период на фоне первых двух типов районы 3-го типа отличались также более неблагоприятной демографической ситуацией, менее развитым потребительским рынком товаров и услуг, более низким качеством жилищного фонда (кроме оборудованности жилья отоплением и газом) и темпом его роста (кроме оборудованности водопроводом), а также наиболее высоким уровнем зарегистрированной безработицы и его ростом.

Районы 4-го типа (2 ед.) вошли в кластер «со средним уровнем развития» посредством перехода из кластера «относительно благополучных» районов (см. табл. 12.6–12.7). В 2000–2014 гг. данные районы отличались наименее значимыми положительными сдвигами в социально-экономическом развитии; относительное (а иногда и абсолютное) ухудшение значительного числа его показателей (инвестиции в основной капитал, рост безработицы, миграционного оттока населения и др.) привело к отставанию данных районов от более интенсивно развивающихся районов первых трех типов. В рассматриваемый период районы 4-го типа в сравнении с другими типами районов «со средним уровнем развития» характеризовались более высоким уровнем развития потребительского рынка товаров и услуг и обеспеченности селян медучреждениями, более высоким качеством жилищного фонда. Вместе с тем самая низкая обеспеченность населения жильем при сравнительно низких темпах его обновления, ухудшение показателей естественного движения, обеспеченность ниже среднего библиотеками и клубами, а также другие изменения не позволили занять данным районам более сильные позиции по отношению к районам 5-го и 6-го типов.

[1] Для сравнения здесь и далее при анализе этих показателей использованы данные 2000 г. и 2010 г.

Уровень социально-экономического развития районов самого наполненного 5-го типа (27 ед.), в обеих типологиях входивших в кластер «со средним уровнем развития», в 2000–2014 гг. был наиболее близок к среднекраевому. Это означало достижение такого уровня социально-экономического развития, который, с одной стороны, уступал многим «относительно благополучным» районам (особенно по экономическим показателям и размеру оплаты труда), а с другой стороны, оказался выше (по большинству показателей) районов, «поднявшихся» в одноименный кластер из кластера «относительно неблагополучных» (см. табл. 12.6–12.7). Вместе с тем в сравнении с другими представителями группы «со средним уровнем развития» в 2010–2014 гг. рассматриваемые районы отличались, с одной стороны, более высокими показателями инвестиционной активности и производства промышленной продукции, оборота розничной торговли, наименьшим уровнем безработицы и его ростом, в целом более благоприятной демографической ситуацией, а с другой стороны, более низкой обеспеченностью населения медучреждениями и ее более интенсивным снижением, средним медперсоналом, а также более низким уровнем ввода в действие нового жилья.

Районы 6-го типа (9 ед.) вошли в кластер районов «со средним уровнем развития» посредством перехода из кластера «относительно неблагополучных» районов (формальное улучшение позиции), что фактически означало следующее: произошедшее значимое повышение уровня социально-экономического развития районов в 2000–2014 гг. позволило им занять место среди других кластеров районов «со средним уровнем развития» и сохранить более выраженные лидерские позиции в сравнении с другими «относительно неблагополучными» районами в 2000 г. (см. табл. 12.6–12.7). В 2000–2014 гг. районы 6-го типа характеризовались самым низким уровнем и относительно невысоким ростом производства промышленной продукции при близких к среднекраевым показателями объемах и темпах развития сельхозпроизводства, невысоким объемом инвестиций в основной капитал. Также в рассматриваемых районах сложилась неблагоприятная демографическая ситуация: сохранились сравнительно высокие масштабы естественной убыли и миграционного оттока населения. Несмотря на более низкий уровень развития в 2010–2014 гг. в сравнении с другими представителями кластера «со средним уровнем развития» по показателям оплаты труда, развития потребительского рынка, качества жилищного фонда, – районы 6-го типа отличались более интенсивной положительной динамикой таких показателей, как обеспеченность населения учреждениями культурно-досугового типа, жилищным фондом и его благоустроенностью (оборудованность жилья горячей водой, водопроводом и канализацией), вводом жилья в расчете на численность населения (на фоне самого заметного увеличения доли ветхого жилья).

В 7-й тип выделился Ельцовский район, перешедший в кластер «относительно неблагополучных» из кластера районов «со средним уровнем развития». Для данного района формальное ухудшение позиции означало следующее: заметное улучшение отдельных показателей социально-экономического развития (при относительном ухудшении или «замораживании» значений остальных показателей) оказалось недостаточным для того, чтобы сохранить позиции в кластере «со средним уровнем развития» (табл. см. 12.6–12.7). В 2000–2014 гг. район 7-го типа отличался наиболее значимыми положительными изменениями в сфере производства промышленной продукции, развития потребительского рынка, оплаты труда при относительно низких показателях развития сельскохозяйственного производства и инвестиций в основной капитал.

Район выделялся кардинальным улучшением миграционной ситуации (отток сменился миграционным приростом) при наибольших масштабах естественной убыли населения, а самым высоким уровнем безработицы и его ростом, самыми низкими показателями численности учащихся в школах и наполненности детских садов[1] при относительно высокой обеспеченности населения библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями. При сохранении весь рассматриваемый период самой высокой обеспеченности селян жилищным фондом (в сравнении с другими типами) здесь наблюдалось снижение его ввода, в результате резко выросла доля ветхого жилья, а также произошло ухудшение благоустроенности жилья по некоторым показателям (центральное отопление, горячая вода). Данный район также характеризовался наибольшими показателями обеспеченности населения медучреждениями и ее роста при сохранении относительно низкого уровня их кадровой укомплектованности (особенно врачами).

Наконец, для районов 8-го типа (3 ед.) сохранение позиции в кластере «относительно неблагополучных» означало сохранение в целом сравнительно низких характеристик уровня и интенсивности большинства показателей экономического развития на фоне относительно высокого уровня обеспеченности населения жильем (при их низком качестве) и объектами социальной инфраструктуры[2] (см. табл. 12.6–12.7). В 2000–2014 гг. уровни производства сельскохозяйственной продукции, развития потребительского рынка, официально зарегистрированной безработицы и их рост оказались выше, чем у некоторых районов «со средним уровнем развития». Вместе с тем районы 8-го типа отличались самым низким уровнем заработной платы работников, в том числе в сельском хозяйстве. Несмотря на заметный рост обеспеченности селян жильем и его вводом, его качество заметно уступало остальным типам районов: резко выросла доля ветхого жилья, и заметно снизился ввод в действие нового, отмечалась самая низкая благоустроенность жилищного фонда (по оборудованности газом, водопроводом, канализацией). Районы 8-го типа отличались наибольшим миграционным оттоком населения и, напротив, относительно низкой его естественной убылью, ухудшением обеспеченности селян медучреждениями на фоне сравнительно высоких и растущих показателей их укомплектованности медперсоналом. В рассматриваемых районах стабильно наблюдался самый высокий уровень обеспеченности селян клубно-досуговыми учреждениями и наибольший его рост с начала 2000-х годов, что связано в первую очередь с сокращением численности проживающих в районах, а не вводом в действие новых объектов.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Одноименные группы сельских районов в типологиях 2000 г. и 2010 г. не являются идентичными по положению в признаковом пространстве, о чем свидетельствуют показатели их социально-экономического развития (см. табл. 12.7). Содержательный анализ формальных перемещений сельских районов между типами (кластерами) в разных типологиях свидетельствует о несовпадении масштабов статусных и реальных изменений характеристик их социально-экономического развития. Так, формально наиболее существенная положительная динамика позиции районов 3-го типа (переход из одного «крайнего» типа в другой) хоть и привела к повышению их статуса по уровню социально-экономического развития, в действительности означала, что произошедшие изменения в абсолютном выражении оказались менее значимыми в сравнении с другими «относительно благополучными» районами края.

[1] Для сравнения использованы данные 2000 г. и 2010 г.

[2] Без учета материально-технического состояния данных объектов.

Пересечение двух типологий сельских районов по уровню их социально-экономического развития в 2000 г. и 2010 г. позволило выявить следующее: на одном полюсе размещаются 18 благополучных районов, сохранивших или повысивших свой относительный статус за прошедшее десятилетие, а на другом – 4 наиболее неблагополучных района-«аутсайдера» (Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский), сохранивших такие позиции или «угодивших» в эту категорию. Отличительной особенностью географического расположения неблагополучных кластеров районов является их периферийность, пограничность (либо близость к границе Алтайского края), наряду с удаленностью от авто- и железнодорожных магистралей, тогда как наиболее благополучный кластер территориально тяготеет к Барнаулу и другим крупным городам, а также к селам-райцентрам, где расположены крупные предприятия сельхозпереработки.

Выделенные типы сельских районов качественно различаются между собой по уровню и динамике социально-экономического развития и могут стать основой для разработки дифференцированных политик. Положительный полюс образуют около трети районов с относительно высоким уровнем и позитивной динамикой, которые могут рассматриваться как территории социально-экономического благополучия и «роста», привлекательные для инвестиций. Наряду с устойчивым центром со средним уровнем развития, образованным почти половиной районов края, середину заполнили также 15% ранее неблагополучных районов. Отрицательный полюс наполнен только 4-мя районами с наиболее проблемной социально-экономической ситуацией, концентрирующими неблагополучие не только в статике, но и в динамике. Узлы проблем развития этих районов сосредоточены в сфере АПК, что формирует низкие оплату труда и платежеспособность сельских жителей, отражающиеся на развитии потребительского рынка, низких объемах строительства жилья и, как следствие, высоких показателях миграционного оттока населения, низкой привлекательности этих территорий для квалифицированных работников. По отношению к таким районам могут быть применены различные меры федеральной и региональной социально-экономической поддержки.

Изменение показателей уровня социально-экономического развития сельских муниципальных районов с начала 2000-х годов (см. табл. 12.7) позволяет говорить об улучшении их характеристик. Вместе с тем их сравнительный анализ с городскими территориями (муниципальными образованиями) региона в 2000 г. и 2014 г. (табл. 12.8) показал, что несмотря на сокращение различий между селом и городом по отдельным показателям развития потребительского рынка, здравоохранения оплаты труда, качества жилищного фонда (за счет более значимых изменений в сельской местности), – существенного улучшения социально-экономических характеристик в сельской местности не произошло.

Причины менее благоприятного социально-экономического развития села по сравнению с городом в крае имеют во многом те же основы, что и в России в целом. Мы согласны с мнением Р. Салахутдиновой и С. Ларцевой, что такими причинами в частности являются следующие: 1) специфика расселения селян (территориальная отдаленность мелких сел от объектов социальной инфраструктуры и др.); 2) недостаточное развитие инфраструктуры (энерго- и газоснабжения, транспортных сетей, социальной сферы); 3) недостаток финансовых ресурсов в сельских муниципалитетах; 4) слабое развитие малого предпринимательства; 5) моноотраслевой характер экономики[1].

[1] **Салахутдинова Р.Р.** Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия / Р.Р. Салахутдинова, С.А. Ларцева // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография. – Уфа : БАГСУ, 2014. – С. 242–250.

Таблица 12.8

Характеристики социально-экономического развития сельских муниципальных районов и городских муниципальных образований Алтайского края в 2000 г. и 2014 г.

Показатель	2000 г.			2014 г.		
	город	село	отношение село/город, %	город	село	отношение село/город, %
Естественный прирост населения, ‰	–5,0	–4,7	0,3[1]	0,1	–3,6	–3,7[1]
Миграционный прирост населения, ‰	2,6	–2,5	–5,1[1]	2,5	–7,2	–9,7[1]
Число больничных коек на 10 тыс. чел., ед.	100,6	87,8	0,87	142,1	52,1	0,37
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену, ед.	278,6	228,1	0,82	2736,8	340,1	0,12
Врачи всех специальностей на 10 тыс. чел., чел.	40,5	18,2	0,45	65,1	20,1	0,31
Средний медперсонал на 10 тыс. чел., чел.	90,8	75,8	0,83	141,5	85,4	0,6
Площадь квартир на 1 чел., кв. м	17,8	18,7	1,05	21,3	22,5	1,06
Доля ветхого и аварийного жилья, %	1,5	1,3	0,87	1,6	2,9	1,81
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	0,2	0,148	0,74	0,44	0,16	0,36
Доля жилья с водопроводом, %	86,4	48,2	0,56	89,3	66,7	0,75
Доля жилья с канализацией, %	82,2	35,2	0,43	83,2	47,9	0,58
Доля жилья с отоплением, %	86,2	64,6	0,75	90,8	83,9	0,92
Доля жилья с газом, в том числе природным, %	40,6	86,8	2,14	39,4	84,8	2,15
Доля жилья с горячей водой, %	74,4	4,2	0,06	72,3	22,0	0,3
Оборот розничной торговли на 1 чел., руб.	13478	4860	0,36	121903	57668	0,47
Оборот общественного питания на 1 жителя, руб.	316	106	0,34	664	323	0,49
Среднемесячная заработная плата, руб.	1788	913	0,51	24195	16559	0,68
Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, руб.	810	627	0,77	18534	13535	0,73
Уровень официальной безработицы, %	1,2	1,9	1,58	1,17	3,6	3,08
Количество детей на 1 детский сад, чел.	97,3	43,4	0,45	202,7	63,2	0,31
Библиотеки на 10 тыс. населения, ед.	1,1	8,8	8,0	0,6	10,0	16,7
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. чел., ед.	0,6	10,7	17,8	0,4	12,0	30,0
Инвестиции в основной капитал на 1 чел., руб.	2084	1156	0,55	24064	14319	0,6

Примечание. Рассчитана абсолютная разница показателей.

Результаты типологизации сельских районов Алтайского края за предыдущие десятилетия позволили выявить устойчивость позиций регионов-«аутсайдеров» и факторы их неблагополучия. История изменения статуса выделенных четырех районов на фоне других районов края показала, что еще в середине 1980-х годов эта четверка занимала только средние или худшие позиции. В советское время благодаря инвестиционной политике урбанизированные районы, расположенные близко к большим городам, имели более низкий уровень развития социальной инфраструктуры в отличие от периферийных, пограничных районов, но «выигрывали» в экономическом развитии[1]. За последующие годы влияния советской социальной политики, направленной на поддержку удаленных от городов, периферийных районов, два района из проблемной четверки заняли благополучные позиции, удержать которые удалось даже в годы активных рыночных реформ благодаря открывшимся возможностям взаимодействия с соседними регионами. С середины 1990-х годов усилилась зависимость не только развития экономики, но и социальной инфраструктуры сельских районов от их географического положения. Наблюдалось повышение значимости близости крупных городов, что отразилось на улучшении экономического и социального положения каждого четвертого района Алтайского края. Более благополучные позиции заняли 15% районов, расположенных вблизи автомагистралей и железных дорог на границах с экономически более сильными регионами страны (Кемеровской и Новосибирской областями) и Казахстаном.

В наиболее неблагополучной ситуации оказались районы, не имеющие таких явно выраженных преимуществ. Но особенностью выделенных районов-аутсайдеров является высокий природный потенциал, что может определить перспективу их социально-экономического развития. Внимание властей и предпринимателей к проблемным территориям со значительным природным потенциалом привело к тому, что в крае запущены различные программы и проекты с опорой на природную составляющую («Программа устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края до 2020 г.», Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и др.). В Солонешенском районе в последнее десятилетие активно развивался туристический кластер, с 2013 г. формируется природно-археологический парк, в Солтонском районе запущен инвестиционный проект строительства Алтайской конденсационной электростанции мощностью 660 МВт.

Итак, только к концу второго десятилетия пореформенной России в сельских районах Алтайского края получен явно выраженный эффект взаимосвязи экономического благополучия и развития социальной сферы благодаря близости крупных городов и другие выгоды географического положения. К этому времени влияние советской инвестиционной политики на развитие социальной сферы было нивелировано. В последнюю пятилетку этот эффект усилился в еще большей мере. Для сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов требуется эффективное применение современных государственных инструментов сокращения масштабов социально-экономического неравенства сельских территорий, сближения стандартов жизни между городским и сельским населением. Драйверами социально-экономического развития сельских территорий в Алтайском крае и повышения его

[1] См.: **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** и др. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – С. 192–194.

конкурентоспособности являются не только ставшие традиционными программы занятости и стимулирования малого бизнеса, но и программы поддержки и адаптации трудовых иммигрантов, а также в целом формирование активной социальной среды внедрения инноваций в ключевых отраслях сельской экономики[1].

12.3 ОЦЕНКА ЛОКАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ НА СЕЛЬСКОМ РЫНКЕ ТРУДА РЕГИОНА

Одним из необходимых условий устойчивого развития сельских территорий, повышения их конкурентоспособности является преодоление чрезмерной пространственной дифференциации на рынке труда, поскольку последняя препятствует нормальному функционированию этих территорий, не позволяет им успешно решать ключевые проблемы внутреннего развития и эффективно выполнять внешние функции[2].

Глубокая пространственная асимметрия на сельском рынке труда приводит к оттоку населения, преимущественно в наиболее трудоактивном возрасте, из районов с неблагоприятной ситуацией на рынке труда и, как следствие, его сокращению, обезлюдиванию значительных территорий и утрате социального контроля над ними; дефициту ресурсов труда, падению объемов сельскохозяйственного производства и снижению уровня продовольственной безопасности страны; сокращению ресурсной базы для развития социальной сферы села и воспроизводства человеческого потенциала, дальнейшему оттоку населения и росту пространственных диспропорций, в том числе на рынке труда, и т.д. Налицо замкнутый круг проблем, которые усиливают друг друга и снижают уровень устойчивости сельских территорий, их привлекательность для населения и капитала. Разорвать этот круг весьма непросто. Определенный вклад в преодоление этих трудностей может внести решение ряда теоретико-методологических и прикладных задач, направленных на изучение влияния внутрирегиональных различий на рынке труда на степень устойчивости сельских территорий, выявление ключевых характеристик рынка труда и формирование системы показателей, их отражающих; оценку пространственных различий на сельском рынке труда по этим показателям и определение допустимых границ их варьирования с позиций устойчивости; разработку предложений по сокращению чрезмерной дифференциации локальных рынков труда и механизмов их реализации.

Выделенные задачи становятся особенно актуальными в современных условиях, когда глобальные вызовы, обрушившиеся на нашу страну, как это ни парадоксально, открывают новые возможности для роста конкурентоспособности аграрной экономики и развития социальной инфраструктуры в сельской местности, улучшения ситуации и снижения пространственных неравенств на сельском рынке труда,

[1] См. п. 6.3 и п. 8.3 данной монографии.

[2] **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2–1. – С. 324–333.

повышения степени устойчивости сельских территорий. В настоящем разделе представлены некоторые подходы к решению перечисленных выше задач и результаты. В качестве эмпирического объекта анализа выбраны рынки труда сельских районов Алтайского края.

Одной из важнейших характеристик рынка труда является его напряженность, которая отражает совокупность негативных социально-экономических явлений, обусловленных противоречиями и диспропорциями между основными субъектами, институтами и компонентами этого рынка, между наемными работниками и работодателями, безработными и государством, частными и государственными службами занятости, между спросом на ресурсы труда и их предложением, ценой рабочей силы и затратами на ее воспроизводство и т.п. Усиление напряженности проявляется в росте регистрируемой и общей безработицы, увеличении масштабов застойной, хронической и скрытой безработицы, снижении уровня реальной заработной платы и распространении неоплачиваемой занятости, отсутствии вакантных рабочих мест с высоким потребительским потенциалом, расширении теневых и неформальных отношений в сфере занятости, усилении гендерных, возрастных и территориальных неравенств на рынке труда, в распространении забастовочного движения, дискомфортном психологическом состоянии субъектов рынка труда и др.[1]

Система показателей напряженности на рынке труда должна удовлетворять таким требованиям, как комплексность, логическая завершенность, информационная обеспеченность, быть обозримой и отражать наиболее значимые признаки напряженности на рынке труда. На основе изучения научно-методической литературы по интересующей нас тематике[2], анализа государственной, ведомственной и муниципальной статистики по проблемам занятости и рынка труда, а также опроса экспертов было отобрано восемь частных индикаторов, которые отражают диспропорции между спросом и предложением на сельском рынке труда, застойную и скрытую безработицу, цену рабочей силы, возрастные и гендерные дисбалансы на рынке труда. Перечень этих показателей (x_i) и их основные характеристики представлены в таблице 12.9.

Коэффициенты относительной важности показывают силу влияния выделенных параметров на напряженность на рынке труда, определяются экспертным путем на основе ранговых оценок и их нормирования. Знак связи отражает прямую или обратную зависимость между частным показателем и напряженностью на рынке труда. Среднее значение показателя напряженности определяет его величину, характерную для всей совокупности локальных рынков труда в сельской местности региона.

[1] **Гончарова Н.П., Родионова Л.В., Родионова О.Е.** Напряженность на сельском рынке труда: методические подходы и результаты исследования // Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 292–317.

[2] **Обзор** занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М. : ТЕИС, 2002. – 352 с.; **Капелюшников Р.И., Ощепков А.Ю.** Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. – 2014. – № 7. – С. 66–92; **Экономическое** содержание рынка труда, его особенности и модели. – М., 2011. – 800 с.; **Эренберг Рональд Дж., Смит Роберт С.** Современная экономика труда. – М. : МГУ, 1996; **George J. Boris.** Labor economics. 2nd Edition. – Boston etc. : McGrow-Hill Higher Education — 2000. – 521 p.

Таблица 12.9

Основные характеристики частных индикаторов напряженности на сельском рынке труда Алтайского края в 2014 г.

i	$x_i{}^t$	a_i^t	связь	$\bar{x}_{it}$	$xt\ min\ i$	$xt\ max\ i$	kv_i
1	Уровень официальной безработицы, %	0,185	+	2,7	0,5	7,5	0,48
2	Нагрузка незанятого населения на одну вакансию, ед.	0,182	+	5,2	0,7	44,1	1,52
3	Среднемесячная заработная плата, руб.	0,178	–	15410	12160	20372	0,11
4	Удельный вес безработных, ищущих работу более года, %	0,132	+	4,1	0,8	16,3	0,74
5	Доля молодежи в общей численности безработных, %	0,114	+	13,2	4,5	22,7	0,25
6	Неотработанное время в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и отпусков по инициативе администрации, час./чел.	0,083	+	1,9	0,0	11,8	1,48
7	Доля женщин в общей численности безработных, %	0,069	+	44,7	26,2	64,5	0,18
8	Просроченная задолженность по заработной плате, руб./чел.	0,057	+	11,4	0,0	1062	0,21

Примечания: a_i^t – коэффициент относительной важности индикатора i в период времени t,
kv_i – коэффициент вариации.

Источники: Данные Росстата, Управления Алтайского края по труду и занятости населения, оценки экспертов и расчеты авторов.

Наиболее распространенным способом оценки колеблемости признаков является расчет абсолютных и относительных показателей вариации, таких как размах вариации, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации и др.[1] Минимальные и максимальные значения показателя очерчивают зону его вариации, а его значения выше и ниже от среднего показателя ее верхнюю и нижнюю подзоны. Изменение показателей вариации во времени отражает увеличение или уменьшение разброса основных показателей напряженности на сельском рынке труда от средних величин и характеризует тип пространственного развития сельского рынка труда в регионе. В зависимости от динамики показателей вариации (восходящей, нисходящей или

[1] **Вайнберг Дж., Шумекер Дж.** Статистика / пер. с англ. Л.А. Клименко и Б.И. Клименко. – М. : Статистика, 1979. – 389 с.; **Минакир П.А.** Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. – 2014. – № 1. – С. 12–39; **Минашкин В.Г., Садовникова Н.А., Шмойлова Р.А., Карманов М.В.** и др. Статистика: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М., 2013. – 448 с.

неизменной) он может быть асимметричным, симметричным или нейтральным. При выделении названных типов авторы опирались на работы Б.Л. Лавровского по пространственному развитию и региональной асимметрии экономики и социальной сферы в Российской Федерации[1].

Для измерения внутрирегиональной дифференциации наряду с показателями вариации основных параметров рынка труда можно также использовать индексы и коэффициенты его территориальной разбалансированности, типологии и классификации локальных рынков труда и межгрупповые соотношения частных и интегральных показателей напряженности на этих рынках.

Следующий момент, на котором хотелось бы заострить внимание, касается вопросов взаимосвязи напряженности и пространственной асимметрии на сельском рынке труда и влияния их динамики на степень устойчивости сельских территорий и их конкурентные позиции[2]. Теоретически здесь просматривается девять основных сценариев возможного развития ситуации, которые условно можно разбить на три группы (табл. 12.10).

Таблица 12.10

Матрица основных сценариев изменения напряженности и пространственной асимметрии на сельском рынке труда и устойчивости сельских территорий

Группа	Сценарий	Напряженность	Асимметрия	Устойчивость
A	1	∨	∨	∧
	2	∨	=	∧
	3	∨	∧	∧, ∨, =
B	4	∧	∨	∨, =
	5	∧	=	∨, =
	6	∧	∧	∨
C	7	=	∨	=, ∧
	8	=	=	=
	9	=	∧	=, ∨

Примечания: ∨ – снижение (уменьшение, ослабление);
∧ – повышение (увеличение, усиление);
= – сохранение на прежнем уровне.

[1] **Лавровский Б.Л.** Региональная асимметрия в Российской Федерации: измерение и регулирование / Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск : Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 272–306; **Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцин Е.А., Суслов В.И.** Региональные дисбалансы: Россия и Сибирь / под ред. В.И. Суслова. – Новосибирск, 2010. – 305 с.

[2] Заметим, что понятия «устойчивость территории» и «конкурентоспособность территории» тесно взаимосвязаны, но последнее уже первого, поскольку распространяется только на экономическую составляющую устойчивости. Конкурентоспособность территории – важнейшая характеристика ее устойчивости, которая отражает экономическую компоненту последней и через нее влияет на социальную и экологическую составляющую устойчивости. Чем выше конкурентоспособность территории, тем выше ее устойчивость, и наоборот.

Во всех сценариях группы *A* преобладает тенденция улучшения показателей напряженности на рынке труда, а их пространственная асимметрия может снижаться, оставаться на прежнем уровне или усиливаться. При таком развитии событий согласно социально-трудовым критериям устойчивости сельских территорий[1] степень устойчивости последних и их конкурентоспособность в первых двух случаях однозначно будет расти, а в последнем – изменяться в зависимости от соотношения темпов снижения и роста показателей напряженности и асимметрии.

В группе *B* наблюдается негативная динамика показателей напряженности, при этом их пространственная асимметрия изменяется по аналогии с группой *A*, степень устойчивости сельских территорий при таких условиях будет преимущественно снижаться.

Группа *C* объединяет сценарии, при которых показатели напряженности стабильны, а динамика показателей асимметрии может быть восходящей, неизменной или нисходящей. При этом степень устойчивости сельских территорий будет либо сохраняться на прежнем уровне, либо изменяться в направлении, противоположном динамике показателей пространственной асимметрии. В контексте устойчивости наиболее предпочтительны первые два сценария из девяти рассмотренных. Заметим, что в реальной действительности в зависимости от динамики отдельных показателей, их относительной важности и соотношения темпов изменения число сценариев может быть существенно больше.

Прежде чем приступить к измерению пространственных различий и диспропорций на сельском рынке труда, необходимо оговориться, что большинство используемых в нашем исследовании данных распространяется лишь на официально зарегистрированных безработных и существенным образом отличается от данных обследований населения по проблемам занятости. В первую очередь это касается уровня безработицы, удельного веса безработных, ищущих работу более года и доли молодежи среди безработных. Но поскольку внутрирегиональный разрез этих показателей представлен только в статистике государственных органов по труду и занятости в регионах, мы используем именно их информацию.

Сельский рынок труда Алтайского края характеризуется значительной внутрирегиональной дифференциацией. В 2014 г. по уровню официально зарегистрированной безработицы разрыв между наиболее и наименее проблемными сельскими районами составил 15 раз, по показателю хронической безработицы – 20 раз, по числу незанятых граждан на одну вакансию – более 60 раз. Потери рабочего времени в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и административными отпусками и просроченная задолженность по заработной плате, характеризующие скрытую безработицу, в шести и сорока восьми районах, соответственно, в рассматриваемый период отсутствовали, а для оставшихся районов коэффициент асимметрии или соотношение между наибольшим и наименьшим значением анализируемых показателей был равен 122 и 16 раз соответственно. Дифференциация по уровню заработной платы, возрастные и гендерные диспропорции на рынке труда варьировали от 1,5 до 5 раз (см. табл. 12.9).

Сопоставление максимальных и минимальных значений с соответствующими средними свидетельствует о том, что внутрирегиональная дифференциация сельских районов по таким показателям, как уровень официальной безработицы, удельный вес

[1] **Нерезько С.В., Перекаренкова Ю.А., Родионова Л.В.** Социально-трудовые аспекты устойчивого развития сельских территорий // Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / науч. ред. А.Я. Троцковский – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 271–314.

безработных, ищущих работу более года, доля молодежи и доля женщин в общей численности безработных, неотработанное время по экономическим причинам и просроченная задолженность по заработной плате в верхней подзоне вариации была слабее, чем в нижней, а по показателям – нагрузка незанятого населения на одну вакансию и заработная плата – сильнее.

Относительные показатели вариации также демонстрировали значительную неоднородность локальных рынков труда по частным индикаторам напряженности. Наибольшей колеблемостью отличались показатели: нагрузка незанятого населения на одну вакансию и неотработанное рабочее время в связи с административными отпусками и сокращенным рабочим днем или неделей, а наименьшей – среднемесячная заработная плата.

Внурирегиональные различия на сельском рынке труда достаточно устойчивы во времени. Вместе с тем их динамика по отдельным частным показателям разнонаправлена. Так, относительно 2006 г. (отличающегося высокими темпами развития аграрной экономики края, превышающими соответствующие показатели 2014 г.) по уровню официальной, молодежной и женской безработицы территориальная дифференциация усилилась, а по уровню хронической безработицы, заработной плате, просроченной задолженности, неотработанному рабочему времени по экономическим причинам и нагрузке незанятого населения на одну вакансию – сократилась. Заметно улучшились предельные и средние значения частных показателей напряженности на сельском рынке труда (см. табл. 12.9 и табл. 12.11), появились районы, в которых нет долговременной безработицы, возросло число районов, где по официальным данным отсутствуют потери рабочего времени по экономическим причинам, в 5 раз сократилось количество районов, имеющих просроченную задолженность по заработной плате, исчезли районы, в которых нет вакансий.

Таблица 12.11

Основные характеристики частных индикаторов напряженности на сельском рынке труда Алтайского края в 2006 г.

i	*xi t*	a_i^t	связь	$\bar{x}_{it}$	*xt min i*	*xtmax i*	kv_i
1	Уровень официальной безработицы, %	0,182	+	7,8	2,5	17,9	0,36
2	Нагрузка незанятого населения на одну вакансию, ед.	0,179	+	65,6	8,8	2055,0	7,56
3	Среднемесячная заработная плата, руб.	0,148	–	4390	3147	6039	0,14
4	Удельный вес безработных, ищущих работу более года, %	0,131	+	16,0	1,3	41,4	0,61
5	Доля молодежи в общей численности безработных, %	0,112	+	25,7	14,5	39,0	0,20
6	Неотработанное время в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и отпусков по инициативе администрации, час./чел.	0,076	+	4,3	0,0	37,6	1,68
7	Доля женщин в общей численности безработных, %	0,047	+	61,2	48,8	79,4	0,11
8	Просроченная задолженность по заработной плате, руб./чел.	0,125	+	161,9	0,0	1425,7	1,63

Примечания: a_i^t – коэффициент относительной важности индикатора *i* в период времени *t*,
kv_i – коэффициент вариации.

Источник: Данные Росстата, Управления Алтайского края по труду и занятости населения, оценки экспертов и расчеты авторов.

Сопоставление минимальных и максимальных значений показателей напряженности на рынке труда между собой и с соответствующими средними в 2014 г. и 2006 г. показало, что почти для всех частных индикаторов зона вариации сузилась и в большинстве случаев разброс в верхней подзоне сокращался интенсивнее, чем в нижней. Уровень заработной платы – единственный показатель, абсолютные границы колеблемости которого расширились (оценки проводились с учетом динамики индекса потребительских цен в рассматриваемый период).

По мнению экспертов, наиболее значимыми характеристиками напряженности на рынке труда являются уровень безработицы и нагрузка незанятого населения на одну вакансию. На их основе можно построить индекс территориальной рассогласованности рынка труда (I_r), который используется для обобщающей оценки уровня пространственной разбалансированности рынка и рассчитывается по формуле[1]:

$$I_r = 1/2 \sum_{j=1} \left| b_j / b - v_j / v \right|, \qquad (1)$$

адаптированной авторами к уровню региона. В нашем случае, d_j и v_j – количество безработных и количество вакансий в районе j; d и v – общее количество безработных и количество вакансий в сельской местности региона.

В 2014 г. значение этого показателя в Алтайском крае равнялось 0,329. Это говорит о том, что наблюдаемая сельская безработица почти на треть объяснялась территориальной несбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, преодоление которой возможно лишь за счет перемещения рабочей силы и рабочих мест из одних районов в другие. Такому перемещению сегодня препятствуют сохраняющиеся административные барьеры, отсутствие надежной информации об имеющихся вакансиях в других районах, неразвитость транспортной сети и рынка доступного жилья, высокие издержки, связанные с переменой места жительства, и крайний дефицит инвестиционных ресурсов на местах. Вместе с тем в 2000-е годы отмечается сокращение территориальных диспропорций на сельском рынке труда региона, по сравнению с 2006 г. анализируемый показатель уменьшился в 1,5 раза, а с 2001 г. – почти в 2 раза.

Довольно часто административные границы сельских районов не совпадают с границами локальных рынков труда. Несколько нивелировать влияние административного фактора на пространственный разброс частных показателей напряженности позволяют коэффициенты квинтильного и децильного разрыва. Коэффициенты квинтильного и децильного разрыва уровней официальной безработицы (определяемые как отношение между средними уровнями безработицы в двух группах сельских районов, первая из которых объединяет районы с самыми высокими показателями безработицы и охватывает примерно пятую (или десятую) часть экономически активного сельского населения региона, а вторая объединяет районы с самыми низкими показателями безработицы и также охватывает двадцать (или десять) процентов сельской рабочей силы) также показали заметную территориальную асимметричность сельского рынка труда в Алтайском крае и составили в 2014 г. 5 и 8 раз соответственно.

Подобные коэффициенты, рассчитанные для показателя нагрузки незанятого населения на одну вакансию, подтверждают вывод о том, что этот показатель обладает наибольшей дифференцирующей силой. Для двух групп районов, с самыми высокими и самыми низкими значениями данного индикатора и охватывающих по 20% сельских

[1] **Обзор** занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М. : ТЕИС, 2002. – С. 133; **Korovkin A.G., Parbuzin K.V.** Evaluation of Stractural Unemployment in Russia. Regional aspect // The Russian Economic Barometer. – 1999. – Vol. 8. – № 1. – Pp. 22–26.

рабочих мест, он был равен 15, а для аналогичных групп районов, в которых сосредоточено по 10% рабочих мест, – 27.

В сравнении с 2006 г. пространственная неоднородность сельского рынка труда Алтайского края по первому показателю возросла более чем в 2 раза, а по второму снизилась в 11 раз.

Анализ частных характеристик напряженности и их пространственной дифференциации показали всю неоднозначность, разнонаправленность и противоречивость изучаемого явления. Принятие эффективных управленческих решений в подобной ситуации весьма затруднительно и возможно только на основе интегральных оценок. Нами был предложен интегральный индикатор напряженности на рынке труда – индекс напряженности (J^r), который в 2014 г. определялся следующем образом:

$$J^r = 0.185 \cdot y_1^r + 0.182 \cdot y_2^r + 0.178 \cdot y_3^r + 0.132 \cdot y_4^r + 0.114 \cdot y_5^r + \\ + 0.083 \cdot y^r + 0.069 \cdot y_7^r + 0.057 \cdot y_8^r, \quad (2)$$

где r – индекс района ($r = 1 \ldots n$, $n = 59$);

y_i^r – унифицированный частный показатель напряженности i в регионе r ($y_1{}^r$ – уровень официально зарегистрированной безработицы);

$y_2{}^r$ – число незанятых граждан на одну вакансию;

$y_3{}^r$ – среднемесячная начисленная заработная плата одного работника;

$y_4{}^r$ – удельный вес безработных, ищущих работу более года;

$y_5{}^r$ – доля молодежи в общей численности безработных;

$y_6{}^r$ – неотработанное время в связи с работой в режиме сокращенного рабочего времени и административными отпусками;

$y_7{}^r$ – доля женщин в общей численности безработных,

$y_8{}^r$ – просроченная задолженность по заработной плате в расчете на одного работника);

коэффициенты при y_i^r – коэффициенты относительной важности частных показателей напряженности на рынке труда.

Более подробно методика расчета данного индекса изложена в работе «Методика интегральной оценки напряженности на региональном рынке труда»[1].

По сравнению с 2006 г. индекс напряженности сократился, существенно ослабло на него влияние такого фактора, как просроченная задолженность по заработной плате (по оценкам экспертов в 2 раза) и усилилось воздействие заработной платы (на 20%). Это было обусловлено многократным сокращением невыплат по заработной плате в рассматриваемый период и нарастанием отставания уровня заработной платы в сельской экономике региона от среднекраевых и среднероссийских показателей. Значимость других частных показателей напряженности изменилась не столь значительно.

[1] **Родионова Л.В., Родионова О.Е.** Методика интегральной оценки напряженности на региональном рынке труда // Человек и труд. – 2007. – № 10. – С. 23–25.

Абсолютные показатели территориального разброса индекса напряженности в основном уменьшились, а относительные – увеличились. Зона пространственной вариации интегрального показателя напряженности на рынке труда сузилась и это произошло исключительно за счет верхней ее подзоны, в нижней подзоне неоднородность рассматриваемого показателя возросла (табл.12.12).

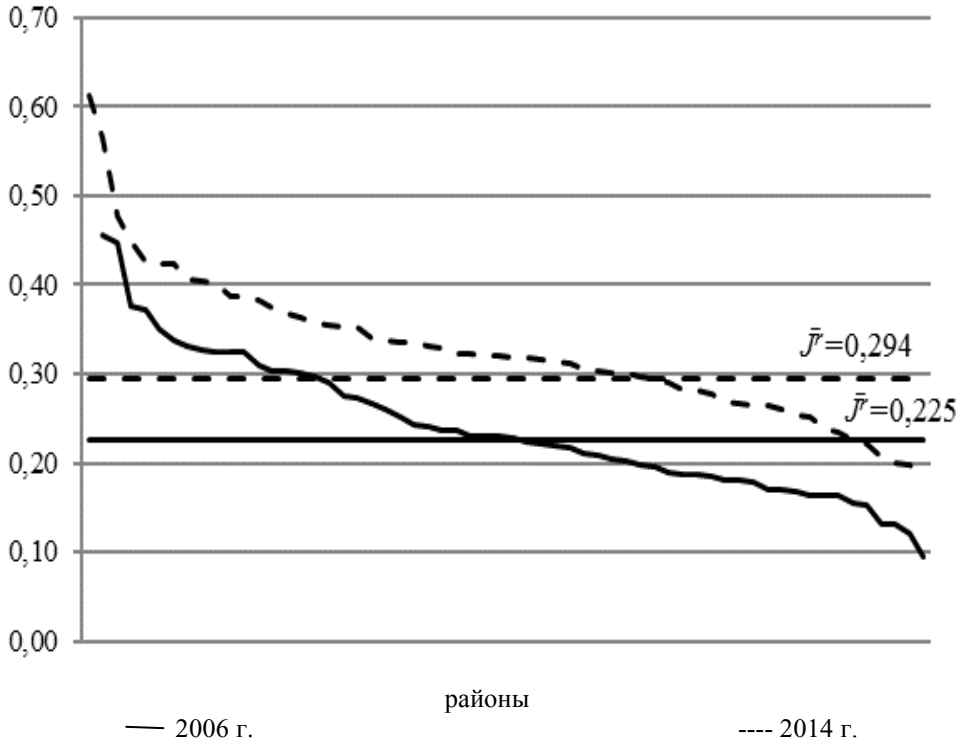
Таблица 12.12

Средние величины и показатели пространственной вариации индекса напряженности на сельском рынке труда Алтайского края, ед.

J^r	2014	2006
Среднее значение	0,225	0,294
Минимальное значение	0,096	0,181
Максимальное значение	0,455	0,613
Размах вариации в целом в верхней подзоне в нижней подзоне	 0,359 0,230 0,129	 0,432 0,319 0,113
Коэффициент асимметрии в целом в верхней подзоне в нижней подзоне	 4,7 2,0 2,3	 3,4 2,1 1,6
Среднеквадратическое отклонение	0,077	0,081
Коэффициент вариации	0,341	0,274

Источник: Данные Росстата, Управления Алтайского края по труду и занятости населения, расчеты авторов.

Графический анализ распределения сельских районов Алтайского края по индексу напряженности на рынке труда показывает меньшую вогнутость кривой территориальных значений анализируемого показателя в 2014 г. по сравнению с 2006 г. и ее смещение к оси абцисс, что говорит о снижении абсолютных показателей дифференциации этих районов по данному параметру и о колеблемости последнего на более низком среднем уровне. Заметное смещение точки пересечения рассматриваемых кривых с соответствующими средними к оси ординат в анализируемый период также свидетельствует о позитивных изменениях на сельском рынке труда – сокращении группы районов с повышенной напряженностью на рынке труда и переходе значительной их части в группу с более благоприятной ситуацией на рынке труда, т.е. о все большей концентрации сельских районов в зоне с меньшей напряженностью на рынке труда (рис. 12.3). Справедливости ради следует отметить, что определенное влияние на изменение картины распределения сельских районов оказали административные преобразования в регионе, в частности – объединение Славгородского района и города Славгорода в 2012 г. и соответствующее изменение статистической отчетности.



Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 12.3. Распределение сельских районов Алтайского края по индексу напряженности на рынке труда

Исследование сельского рынка труда Алтайского края в территориальном разрезе показало, что здесь сохраняется явная внутрирегиональная асимметрия, локальные рынки труда не образуют однородной совокупности и требуют различной поддержки и дифференцированного подхода. Для осуществления дифференцированной региональной политики по снижению напряженности и сокращению пространственных различий на сельском рынке труда была построена классификация сельских районов региона по индексу напряженности. Было выделено четыре класса районов (табл. 12.13).

Первый класс объединяет территориальные образования с низким уровнем напряженности на рынке труда. В двадцати одном сельском районе этого класса интегральный показатель напряженности не превышает 0,200. Большинство этих территорий отличается: пониженным уровнем регистрируемой и хронической безработицы; меньшими потерями рабочего времени из-за работы в режиме сокращенного рабочего дня или недели, а также отпусков по инициативе администрации; более низкой нагрузкой незанятого населения на одну вакансию и более высоким уровнем заработной платы.

Экономика сельских районов рассматриваемой группы характеризуется высоким уровнем развития сельского хозяйства, наличием предприятий переработки сельскохозяйственной продукции, развитой инфраструктурой. Численность населения в них сокращается менее интенсивно по сравнению с другими классами – как за счет естественной, так и миграционной составляющей. Территориально эти районы расположены преимущественно вблизи городов.

Таблица 12.13

Классификация сельских районов Алтайского края по индексу напряженности на рынке труда

1-й класс.	**Районы с низким уровнем напряженности на рынке труда**
2014 г.	Рубцовский (0,096), Топчихинский (0,121), Зональный (0,130), Новичихинский (0,132), Солтонский (0,153), Благовещенский (0,154), Быстроистокский (0,163), Каменский (0,164), Змеиногорский (0,164), Калманский (0,167), Егорьевский (0,169), Бурлинский (0,170), Кулундинский (0,178), Павловский (0,180), Панкрушихинский (0,181), Крутихинский (0,185), Шипуновский (0,186), Усть-Пристанский (0,188), Залесовский (0,190), Ельцовский (0,196), Петропавловский (0,198)
2006 г.	Рубцовский (0,181), Усть-Калманский (0,198)
2-й класс.	**Районы со средним уровнем напряженности на рынке труда**
2014 г.	Целинный (0,202), Тогульский (0,205), Алейский (0,209), Суетский (0,211), Тюменцевский (0,218), Ребрихинский (0,219), Хабарский (0,221), Смоленский (0,224), Волчихинский (0,228), Косихинский (0,229), Шелаболихинский (0,230), Баевский (0,230), Троицкий (0,237), Чарышский (0,238), Кытмановский (0,240), Заринский (0,244), Первомайский (0,251), Тальменский (0,261), Поспелихинский (0,267), Немецкий (0,274), Советский (0,275), Алтайский (0,290), Ключевский (0,296)
2006 г.	Суетский (0,201), Первомайский (0,206), Алейский (0,222), Тальменский (0,225), Ельцовский (0,234), Волчихинский (0,238), Локтевский (0,251) Благовещенский (0,254), Егорьевский (0,260), Павловский (0,264), Смоленский (0,265), Красногорский (0,267), Петропавловский (0,269), Усть-Пристанский (0,277), Солонешенский (0,281), Шипуновский (0,282), Заринский (0,291), Шелаболихинский (0,294), Тогульский (0,296)
3-й класс.	**Районы с высоким уровнем напряженности на рынке труда**
2014 г.	Михайловский (0,302), Угловский (0,303), Солонешенский (0,304), Усть-Калманский (0,309), Бийский (0,324), Третьяковский (0,325), Локтевский (0,326), Табунский (0,328), Курьинский (0,330), Завьяловский (0,339), Романовский (0,351), Красногорский (0,372), Мамонтовский (0,375)
2006 г.	Быстроистокский (0,300), Кулундинский (0,301), Завьяловский (0,303), Алтайский (0,306), Зональный (0,312), Солтонский (0,314), Романовский (0,317), Троицкий (0,318), Бийский (0,319), Поспелихинский (0,320), Топчихинский (0,321), Панкрушихинский (0,322), Косихинский (0,322), Табунский (0,330), Целинный (0,331), Тюменцевский (0,335), Советский (0,336), Новичихинский (0,339), Ключевский (0,341), Каменский (0,352), Угловский (0,353), Краснощековский (0,354), Михайловский (0,357), Чарышский (0,364), Залесовский (0,369), Хабарский (0,374), Немецкий (0,383), Кытмановский (0,387), Бурлинский (0,388)
4-й класс.	**Районы с критическим уровнем напряженности на рынке труда**
2014 г.	Родинский (0,448), Краснощековский (0,455)
2006 г.	Крутихинский (0,403), Баевский (0,405), Мамонтовский (0,407), Калманский (0,422), Змеиногорский (0,423), Третьяковский (0,425), Ребрихинский (0,449), Курьинский (0,476), Родинский (0,565), Славгородский (0,613)

Примечание. В скобках приведен индекс напряженности в районе.
Источник: Расчеты авторов.

Второй класс включает двадцать три района со средним уровнем напряженности на рынке труда. Индекс напряженности в административных районах этой группы варьирует от 0,200 до 0,300. Частные индикаторы напряженности в территориальных образованиях выделенного класса в среднем несколько хуже по сравнению с 1-м классом. Сельские районы, входящие в данную группу, неоднородны. Среди них можно выделить как территориальные образования с высоким и средним уровнем развития предприятий АПК, экономической и социальной инфраструктуры, так и слаборазвитые районы. Темпы сокращения населения в этих районах заметно выше, чем в районах предыдущей группы. В основном они компактно расположены и граничат с районами первого класса и городами.

Третий класс объединяет тринадцать административных районов с высоким уровнем напряженности на рынке труда. Интегральный показатель напряженности в сельских районах этого типа составляет от 0,300 до 0,400. Показатели безработицы, нагрузки незанятого населения на имеющиеся вакансии, потерь рабочего времени по экономическим причинам, оплаты труда, возрастной и гендерной асимметрии здесь значительно хуже по сравнению с первыми двумя группами. Экономика рассматриваемых районов характеризуется низким уровнем и потенциалом развития, а население – более интенсивным сокращением.

В четвертый класс вошли два района со сверхвысокой напряженностью на рынке труда. Индекс напряженности в сельских образованиях этого класса превышает 0,400. Подавляющее большинство частных индикаторов напряженности в рассматриваемых районах достигло своих предельных значений и свидетельствует о критической ситуации на рынке труда. Административные районы анализируемого класса отличаются кризисным состоянием сельского хозяйства и предприятий сельхозпереработки, слабым развитием производственной инфраструктуры и сферы услуг. Среднегодовые темпы сокращения населения и интенсивность его миграционного оттока в этих районах в 2 и 3 раза соответственно превышают аналогичные показатели для районов 1-го класса. Внутрирегиональные образования с критической ситуацией на рынке труда вместе с районами 3-го класса образуют значительные по площади зоны социально-экономического неблагополучия, которые требуют к себе особого внимания со стороны федеральных и региональных органов управления.

По сравнению с 2006 г. количество районов с высоким и критическим уровнем напряженности на рынке труда уменьшилось в 2 и 5 раз соответственно, а со средним и низким – увеличилось более чем в 1,2 и 10 раз соответственно, т.е. доминировали переходы районов из 3-го и 4-го классов по степени напряженности в 1-й и 2-й классы.

Внутрирегиональные различия на сельском рынке труда будут существовать всегда, но важно ответить на вопросы, до какой степени эти различия приемлемы, каковы границы области допустимых значений показателей напряженности на рынке труда? Это непростая задача. Размышляя над ее решением, изучая труды ученых-регионалистов С.С. Артобалевского, П.Я. Бакланова, П.А. Минакира, А.И. Трейвиша и других[1]

[1] **Артоболевский С.С.** Региональная политика, направленная на снижение пространственных экономических и социальных диспропорций в РФ (концепция) / Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 23-51; **Артоболевский С.С.** Российская региональная политика: модернизация или деформация пространства // Современные производительные силы. – 2012. – С. 77–85; **Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И.** Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 2. – С. 101–112; **Минакир П.А.** Мифы и реальности пространственных экономических диспропорций // Федерализм. – 2011. – № 1 (61). – С. 43–56; **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32.

и развивая их идеи применительно к нашему объекту исследования, авторы пришли к следующему заключению:пороговые или нормативные значения показателей напряженности на рынке труда – это такие их количественные оценки, выход за пределы которых препятствует динамичному развитию сельских территорий, представляет угрозу для их сохранения и выполнения ими внешних функций, ведет к росту пространственных противоречий и усилению напряженности на рынке труда, т.е. снижает уровень устойчивости сельских территорий, ослабляет их конкурентные позиции. При этом в обществе должно быть согласие относительно этих границ, осознаваться опасность выхода за их пределы и поддерживаться выделение дополнительных общественных ресурсов на развитие наиболее проблемных территорий.

Определить пороговые значения показателей напряженности на сельском рынке труда можно на основе экспертных оценок, выбора средних или лучших показателей на сельском рынке труда изучаемого территориального образования, России в целом и ее наиболее развитых агропромышленных регионов, а также высоко и среднеразвитых стран и их сельских территорий. С помощью нормативов можно осуществлять диагностику пространственных неравенств в сферах занятости и обращения рабочей силы, их можно использовать в качестве ориентиров развития локальных рынков труда и использовать при разработке и реализации региональной политики занятости.

По мнению экспертов, внутрирегиональная дифференциация на сельском рынке труда Алтайского края чрезмерна и для ее сокращения первоочередное внимание необходимо уделять тем сельским районам, в которых большинство частных и интегральных показателей напряженности на рынке труда в 1,5 и более раз выше средних для параметров с положительной связью и ниже – для показателей с отрицательной связью.

В таблице 12.14 приведены пороговые значения показателей напряженности на сельском рынке труда Алтайского края. Устанавливать верхнюю границу области допустимых значений для заработной платы и нижние границы для всех остальных показателей напряженности на рынке труда в современных условиях представляется нецелесообразным, поскольку как уже отмечалось выше позитивная динамика этих показателей – это движение в направлении повышения степени устойчивости сельских территорий.

Отметим, что обозначенные границы подвижны во времени и по мере достижения подавляющим большинством сельских районов нормативных значений показателей они будут изменяться.

Таблица 12.14

Пороговые значения показателей напряженности на сельском рынке труда Алтайского края

Показатели	Пороговые значения	Показатели	Пороговые значения
Уровень официальной безработицы, %	Более 3	Неотработанное время в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и отпусков по инициативе администрации, час./чел.	Более 2,5
Нагрузка незанятого населения на одну вакансию, ед.	Более 7	Доля женщин в общей численности безработных, %	Более 50
Среднемесячная заработная плата, руб.	Менее 13000	Просроченная задолженность по заработной плате, руб./чел.	0
Удельный вес безработных, ищущих работу более года, %	Более 6	Индекс территориальной рассогласованности рынка труда, ед.	Более 0,20
Доля молодежи в общей численности безработных, %	Более 20	Индекс напряженности на рынке труда, ед.	Более 0,30

Источник: Оценки экспертов.

Итак, проведенный анализ показал, что на сельском рынке труда Алтайского края сохраняются заметные внутрирегиональные различия и дисбалансы. Сельская безработица в регионе примерно на треть объясняется территориальной разбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, преодоление которого возможно лишь путем межрайонного перераспределения рабочей силы и рабочих мест.

Среди частных показателей напряженности на рынке труда наибольшей колеблемостью отличаются такие показатели, как нагрузка незанятого населения на одну вакансию и неотработанное время в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и отпусков по инициативе администрации. При этом доля сельских районов с показателями хуже нормативных варьирует от 12 до 90%.

Интегральные показатели напряженности характеризуются меньшей поляризацией, и только в четверти изученных районов они превышают пороговые значения.

Внутрирегиональные различия на сельском рынке труда достаточно устойчивы во времени. Вместе с тем в рассматриваемый период для большинства показателей напряженности на рынке труда преобладала тенденция сокращения их территориального расслоения, а там, где этого не происходило, они закреплялись на более низком среднем уровне. Зона вариации сузилась, и в большинстве случаев разброс показателей в верхней подзоне сокращался интенсивнее, чем в нижней. Заработная плата – единственный показатель, абсолютные границы колеблемости которого расширились и в номинальном, и в реальном исчислении. Наблюдалась все большая концентрация сельских районов в группах с более благоприятной ситуацией на рынке труда. Индекс территориальной рассогласованности сельского рынка труда уменьшился почти в 1,5 раза. Улучшение ситуации на рынке труда в значительной степени было продиктовано демографическими факторами, в частности сокращением численности сельского населения в трудоспособном возрасте на всей территории края, а не социально-экономическими.

Однако не все так однозначно. Некоторые относительные показатели вариации в анализируемый период возросли. Это относится к уровню официальной безработицы и индексу напряженности. Но в целом, пожалуй, можно говорить о симметричном типе пространственного развития сельского рынка труда в Алтайском крае или, по крайней мере, о движении в этом направлении. Для его ускорения следует осуществить комплекс мер, направленных на рост эффективности политики занятости в регионе и ее адресности; модернизацию сельской экономики, создание новых современных рабочих мест и расширение спроса на рабочую силу; развитие трудового потенциала и формирование эффективного предложения на рынке труда; совершенствование пространственной организации сельскохозяйственного производства и повышение территориальной мобильности рабочей силы; совершенствование ценообразования и активизацию экономического поведения сельского населения на рынке труда. Особое внимание необходимо уделить сельским территориям с высоким и критическим уровнем напряженности на рынке труда.

Снижение локальной асимметрии на сельском рынке труда при определенных условиях приведет к сокращению миграционного оттока сельского населения и сохранению трудового потенциала сельских территорий, ослаблению диспропорций между спросом и предложением рабочей силы в экономике, сокращению потерь живого труда и более эффективному его использованию, росту сельской экономики и ресурсной базы для развития социальной сферы села, то есть создаст предпосылки для повышения степени устойчивости сельских территорий, их социальной и инвестиционной привлекательности, для усиления их конкурентных позиций.

Экономические санкции против России со стороны западных стран и наше ответное продовольственное эмбарго открывают новые перспективы для развития позитивных процессов в российской деревне в целом и на сельском рынке труда, в частности.

Глава 13
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЫ АЛТАЙСКОГО СЕЛА

13.1 ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КРАЯ

Согласно изложенным в первой главе монографии (п. 1.4) методологии и методике исследования совокупность сельских районов края была распределена между укрупненными группами, различающимися своим центропериферийным положением, достаточно равномерно: на долю *ближней периферии* пришлось 23,8%, *срединной* – 30,6% и *дальней периферии* – 45,8% всех сельских районов края (табл. 13.1, рис. 13.1).

Таблица 13.1

Распределение сельских районов Алтайского края по оси «центр-периферия»

Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Бийский, Первомайский, Рубцовский	Павловский, Тальменский, Калманский, Смоленский, Зональный, Егорьевский	Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский, Локтевский	Целинный, Солтонский, Залесовский, Красногорский, Советский, Троицкий, Косихинский, Поспелихинский, Угловский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Солонешенский, Петропавловский, Алтайский, Новичихинский, Топчихинский	Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Ельцовский, Завьяловский, Ключевский, Краснощековский, Крутихинский, Кулундинский, Курьинский, Кытмановский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Панкрушихинский, Родинский, Романовский, Суетский, Табунский, Тогульский, Третьяковский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский, Шипуновский

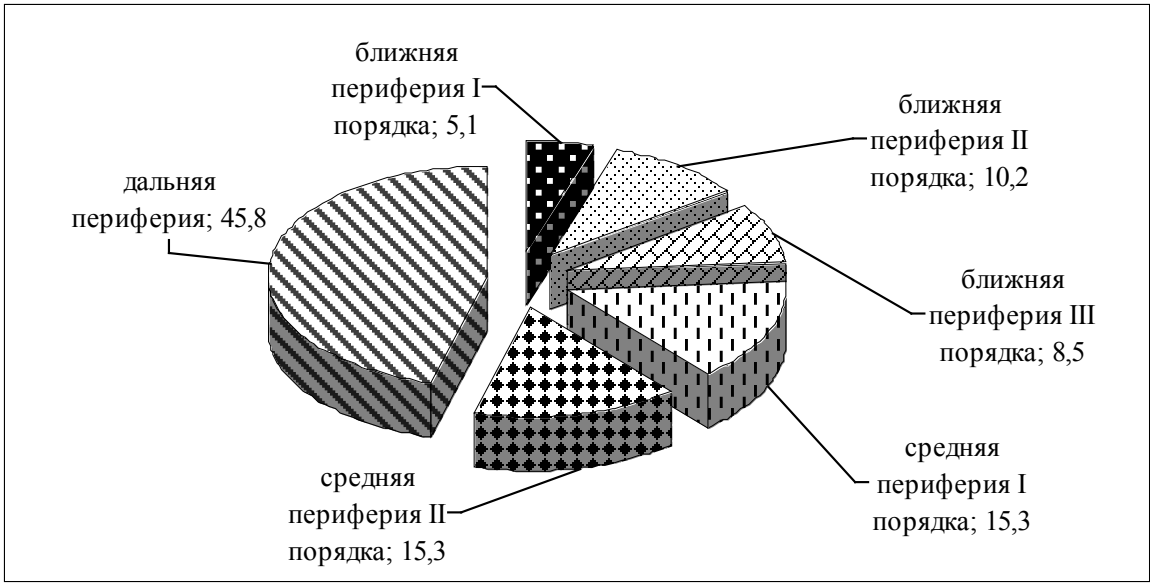


Рис. 13.1. Структура сельской периферии Алтайского края, 2014 г.

Таблица 13.2

Территориальная структура хозяйства различных типов сельских территорий Алтайского края в 2014 г., %

Тип сельских территорий	Территория	Численность населения	Объем отгруженной промышленной продукции собственного производства	Объем введенного жилья*	Валовая продукция сельского хозяйства	Инвестиции в основной капитал**
Ближняя периферия – всего	24,7	32,0	38,0	50,6	34,9	43,5
В том числе:						
I порядка	5,5	11,2	7,6	26,0	8,5	14,0
II порядка	8,6	14,0	24,7	20,3	18,3	16,3
III порядка	10,6	6,8	5,7	4,3	8,1	13,2
Срединная периферия – всего	31,4	29,3	26,8	25,4	27,2	26,9
В том числе:						
I порядка	16,5	14,8	13,4	12,3	13,1	10,5
II порядка	14,9	14,5	13,4	131,0	14,1	16,4
Дальняя периферия	43,9	38,7	35,2	24,0	37,7	29,6
Сельская периферия – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Объём введённого жилья рассчитан в среднем за 2012–2015 гг.

** Инвестиции в основной капитал рассчитаны в среднем за 2012–2015 гг.

Для краткой характеристики роли и места выделенных типов сельских районов в территориальной структуре хозяйства региональной сельской периферии воспользуемся таблицей 13.2.

Ближняя периферия включает в себя 14 районов, три из которых примыкают к крупным городам края (Бийск, Рубцовск) либо входят в состав Барнаульской агломерации (Первомайский); 6 районов имеют в качестве районных центров малые города края; остальные 5 районов находятся в зоне активного влияния столицы края и двух его крупных городов. На территории этой группы районов, составляющей четверть общей площади всех сельских территорий края, проживает более трети сельского населения.

В районах ближней периферии, отличающихся повышенной концентрацией экономической активности, производится треть всего объема производимой в крае сельхозпродукции и 34,9 % всего объема находящейся в сельской местности промышленности, представленной, как правило, подотраслями пищевой, деревообрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов.

Анализируемые районы – территории повышенной инвестиционной привлекательности: на их долю в 2014 г. приходилось практически половина всех инвестиций в основной капитал и общего объема ввода жилья в сельской местности края. В этом отношении выделяются районы ближней периферии I порядка, где в последние годы получило бурное развитие строительство коттеджных поселков.

Что касается районов, расположенных в зонах влияния крупных городов края (районов ближней периферии II порядка), то обращает на себя внимание повышенная концентрация экономической деятельности и инвестиций на их территории. Так, на долю 14% сельского населения приходится 16,3 % всех инвестиций в основной капитал, 24,7% всего объема производимой в сельской местности промышленной продукции и около 18,3% – валовой продукции сельского хозяйства.

Для районов ближней периферии III порядка, расположенных в зоне влияния малых городов края, отличительной особенностью хозяйства является сравнительно невысокий уровень развития промышленности: на их долю приходится порядка 6,8% общей численности сельского населения, проживающего в этих районах, около 5,7% всего объема производимой в селе промышленной продукции.

Группа районов *срединной периферии* представлена 18 сельскими районами, занимающими 31,4% общей площади сельской периферии Алтайского края. На их территории проживает 29,3% сельского населения края, где производится 27,2% общего объема продукции сельского хозяйства, дислоцируется 26,8% обрабатывающих производств. Доля инвестиций в основной капитал срединных районов составляет 26,9%, а объем ввода жилья – 25,4% от аналогичных показателей в целом по сельской местности края.

Отметим, что срединные районы I порядка, расположенные по сравнению с районами II порядка ближе к крупнейшим и крупным городам региона, инвестиционно менее привлекательны по сравнению с районами II порядка, при сравнительно одинаковой концентрации на их территориях предприятий сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности (см. табл. 13.2).

Группа районов *дальней периферии*, находящихся вне зоны влияния городов, является самой многочисленной. В нее входят 27 сельских районов. Площадь районов дальней периферии составляет 43,9% общей площади сельской периферии края. На территории данной группы проживает 38,7% сельского населения региона. Предприятия, расположенные на территории дальней периферии, производят 37,9% общего объема продукции сельского хозяйства, 35,2% обрабатывающих производств. Доля инве-

стиций в основной капитал на территориях районов данной группы мала и составляет 29,6%, при достаточно низких объёмах ввода жилья – 24,0%.

Таков в самом общем виде «портрет» групп районов ближней, срединной и дальней региональной сельской периферии Алтайского края по состоянию на 2014 г. Далее будет дана более детальная оценка социально-экономического развития выделенных типов районов.

13.2 СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНЫХ ТИПОВ РАЙОНОВ

Демографическое развитие. Для характеристики демографических процессов в районах с различным центропериферийным положением выделим 6 групп территорий, различающихся соотношением результатов естественного и механического движения населения, а именно:

(1) миграционный приток превышает естественный прирост;
(2) миграционный приток превышает естественную убыль;
(3) естественная убыль превышает миграционный приток;
(4) миграционный отток превышает естественный прирост;
(5) миграционный отток превышает естественную убыль;
(6) естественная убыль превышает миграционный отток.

Как видно из таблицы 13.3, для большинства сельских районов Алтайского края характерно превышение естественного оттока населения над их естественной убылью (64%). Только в двух районах наблюдается естественный прирост населения в сочетании с миграционным притоком (Павловский и Алтайский районы). Если в 2010 г. группа районов *ближней периферии* характеризовалась высокой долей районов (40%), где миграционный приток превышает естественную убыль населения, то в 2014 г. только 3 района (четверть районов данной группы) имеют положительный прирост. Остальные районы ближней периферии характеризуются негативными темпами динамики численности населения за счет высокого миграционного оттока населения.

Для 2/3 *срединных районов* также характерен высокий миграционный отток населения, который является главным фактором убыли населения. В данной группе имеются районы с миграционным притоком и естественным приростом населения (3 района). Остальные районы данной группы характеризуются доминированием естественной убыли населения над миграционным оттоком (16%).

Причиной убыли населении в районах *дальней периферии* является как миграционный отток населения, так и естественная убыль населения. При этом главным фактором убыли населения является высокий миграционный отток населения.

Наиболее высокие темпы убыли численности населения – более 2% в год – характерны для 9 районов Алтайского края (Баевский, Бурлинский, Быстроистокский, Ельцовский, Каменский, Курьинский, Солтонский, Суетский, Троицкий). В основном это территории с худшими в регионе значениями рождаемости, высокими показателями смертности, быстро растущей долей лиц старше трудоспособного возраста населения. Кроме того, важнейшим фактором убыли их населения является многолетний миграционный отток сельских жителей из этих районов.

Для определения зависимости (независимости) результатов естественного и механического движения от центропериферийного положения воспользуемся далее тестом хи-квадрат.

Таблица 13.3

Характеристика сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по соотношению результатов естественного и механического движения населения, 2014 г.

Соотношение результатов механического и естественного движения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Миграционный приток превышает естественный прирост		Павловский			Алтайский	
2. Миграционный приток превышает естественную убыль	Первомайский	Зональный		Поспелихинский		Ельцовский, Крутихинский, Шипуновский
3. Естественная убыль превышает миграционный приток						Мамонтовский
4. Миграционный отток превышает естественный прирост				Солтонский		Немецкий, Табунский, Кулундинский, Третьяковский
5. Миграционный отток превышает естественную убыль		Егорьевский, Калманский, Смоленский, Тальменский	Змеиногорский, Заринский, Каменский, Локтевский, Алейский	Залесовский, Красногорский, Советский, Косихинский, Угловский, Целинный, Троицкий	Волчихинский, Быстроистокский, Новичихинский, Петропавловский, Солонешенский	Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Ключевский, Кытмановский, Курьинский, Краснощековский, Михайловский, Панкрушихинский, Родинский, Романовский, Суетский, Тогульский, Тюменцевский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский
6. Естественная убыль превышает миграционный отток	Бийский, Рубцовский				Ребрихинский, Топчихинский, Шелаболихинский	Завьяловский, Усть-Калманский

Наблюдаемое значение хи-квадрат равно 25,16, критическое – 31,41. Поскольку наблюдаемое значение меньше критического, следовательно, гипотеза о независимости переменных подтверждается на 5%-ном уровне значимости. С вероятностью 95% можно утверждать об отсутствии связи между центропериферийным положением района и процессами механического и естественного движения населения. Другими словами, негативные миграционное процессы не связаны с положением района на внутрирегиональном пространстве, а определены другими факторами, в первую очередь либо отсутствием места приложения труда, либо низким уровнем ее оплаты.

Возрастная структура сельского населения: территориальные аспекты. Оценка возрастной структуры населения районов с различным центропериферийным положением производилась по шкале, предложенной сотрудниками Российского государственного аграрного университета им. К.А. Тимирязева. Она отражает превышение доли населения моложе трудоспособного возраста над долей населения старше трудоспособного возраста.

Таблица 13.4

Распределение сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по типам возрастной структуры населения, 2014 г.

Тип возрастной структуры населения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Прогрессивная, от 4 до 10						Немецкий национальный округ, Табунский
2. Стационарная, от 1 до 4			Заринский	Угловский	Алтайский, Волчихинский, Солонешенский	Бурлинский, Суетский, Благовещенский, Третьяковский, Чарышский
3. Регрессивная, от –5 до 0	Первомайский, Бийский, Рубцовский	Павловский, Тальменский, Зональный, Калманский, Смоленский, Егорьевский	Змеиногорский, Каменский	Залесовский, Солтонский, Косихинский, Поспелихинский, Красногорский, Советский, Целинный, Троицкий	Шелаболихинский, Новичихинский, Топчихинский, Петропавловский, Ребрихинский, Быстроистокский	Баевский, Завьяловский, Ключевский, Крутихинский, Кулундинский, Кытмановский, Михайловский, Панкрушихинский, Родинский, Тогульский, Тюменцевский, Хабарский, Краснощековский, Шипуновский
4. Регрессивная, от –11 до –5			Алейский, Локтевский			Ельцовский, Мамонтовский, Романовский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Курьинский

Результаты пересечения двух типологий – по возрастной структуре и центропериферийному положению районов – показаны в таблице 13.4. В зависимости от сложившегося соотношения сформированы 4 типа возрастной структуры населения: прогрессивная, стационарная и регрессивная (2 градации). Как видно из таблицы, подавляющее большинство сельских районов края (80%) относятся к районам с регрессивным типом возрастной структуры населения. Стоит отметить положительные сдвиги в возрастной структуре сельских территорий. Так, по нашим данным, в 2010 г. к регрессивной структуре относилось 92% всех сельских территорий края.

Проведенная нами проверка гипотезы о независимости двух переменных (возрастной структуры и центропериферийного положения районов) подтвердилась: критическое значение хи-квадрат, равное 24,99, существенно превышает наблюдаемое (16,92). Следовательно, территориальное размещение района не является определяющим фактором возрастной структуры его населения. Главным фактором, детерминирующим тип возрастной структуры населения района, является национальный состав его населения. К примеру, районы с прогрессивной и стационарной возрастными структурами (Немецкий, Табунский и др.) характеризуются высокой долей немецкого населения, отличающегося сравнительно высоким уровнем рождаемости.

Характеристика системы сельского расселения в районах с различным центропериферийным положением. Для характеристики сельских районов с различным центропериферийным положением по плотности населения использовалась шкала из пяти градаций (табл. 13.5). Две первые градации объединяют районы с плотностью населения от 10 до 20 человек на 1 кв. км, что выше как среднекраевого, так и среднероссийского уровня. К третьей градации отнесены районы с плотностью населения на уровне среднекраевой, к четвертой – ниже среднекраевой. Пятая градация характеризуется плотностью населения существенно меньше среднекраевой – примерно в 2 раза.

Как видно из таблицы 13.5, треть районов *ближней периферии* характеризуются высокой плотностью населения либо плотностью выше среднекраевой. Прежде всего это касается районов ближней периферии I и II порядков. Аналогичные показатели *срединных районов* и *районов дальней периферии* равны 5 и 4% соответственно. Напротив, доля районов ближней периферии с низкой плотностью населения ниже средней составляет по рассматриваемым типам 67 и 81% соответственно.

Рассчитанное нами критическое значение статистики хи-квадрат равно 31,41, что меньше наблюдаемого значения, равного 33,04. Следовательно, гипотеза о независимости переменных отвергается на 5%-ном уровне значимости.

Таким образом, с вероятностью 95% можно утверждать, что между плотностью сельского населения и центропериферийным положением района существует статистическая зависимость. Этот показатель может рассматриваться в качестве критерия, определяющего место района на шкале «центр-периферия».

Косвенным ее отражением является показатель численности населения срединного района в разрезе анализируемых типов сельских территорий:

- районов ближней периферии I порядка – 36,5 тыс. чел., II порядка – 23,2 тыс. чел., III порядка – 11,4 тыс. чел.;
- срединных районов I порядка – 16,4 тыс. чел., II порядка – 16,0 тыс. чел.;
- районов дальней периферии – 14,8 тыс. чел.

Таблица 13.5

Характеристика сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по плотности сельского населения, 2014 г.

Плотность	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Высокая	Бийский	Павловский				
2. Выше среднего	Первомайский	Смоленский, Зональный		Советский		Немецкий национальный округ
3. Средняя	Рубцовский	Калманский, Тальменский		Косихинский, Поспелихинский	Алтайский, Петропавловский, Ребрихинский	Кулундинский, Мамонтовский, Завьяловский, Шипуновский
4. Ниже средней		Егорьевский	Локтевский	Целинный, Красногорский, Троицкий	Топчихинский, Шелаболихинский, Волчихинский, Новичихинский	Ключевский, Краснощековский, Третьяковский, Крутихинский, Кытмановский, Михайловский, Романовский, Табунский, Родинский, Хабарский, Тюменцевский, Усть-Калманский
5. Низкая			Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский	Залесовский, Солтонский, Угловский	Быстроистокский, Солонешенский	Суетский, Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Ельцовский, Панкрушихинский, Курьинский, Тогульский, Усть-Пристанский, Чарышский

Потребительские расходы сельского населения: динамика и территориальная дифференциация. Доходы населения являются ключевым аспектом при оценке уровня его жизни, однако возможности государственной статистики не позволяют в полной мере их оценить. Здесь имеются в виду два момента. Во-первых, заработная плата сегодня не отражает всей полноты доходов населения, в особенности сельского. Во-вторых, материалы обследования бюджетов домашних хозяйств не репрезентативны по отношению к отдельному региону и могут быть использованы лишь в качестве дополнительного источника информации.

Поэтому в качестве индикатора уровня жизни населения нами был выбран показатель потребительских расходов[1]. При этом отметим, что величина данного показателя для ряда сельских территорий (в первую очередь пригородных) может быть искажена, поскольку часть расходов сельское население осуществляет в ближайших городах.

Таблица 13.6

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центроперифериным положением по душевому уровню потребительских расходов населения, 2014 г.

Душевой уровень потребительских расходов	Центроперифериное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Относительно высокий, 36–50 тыс. руб.				Поспелихинский	Волчихинский, Солонешенский, Алтайский, Новичихинский	Благовещенский, Кулундинский, Мамонтовский, Родинский
2. Средний, 24–36 тыс. руб.	Первомайский, Бийский	Павловский, Тальменский, Калманский, Смоленский	Локтевский	Советский, Троицкий, Косихинский	Петропавловский	Баевский, Завьяловский, Ключевский, Кытмановский, Михайловский, Панкрушихинский, Романовский, Тогульский, Третьяковский, Усть-Калманский, Усть- Пристанский, Хабарский
3. Относительно низкий, 12–25 тыс. руб.	Рубцовский	Егорьевский, Зональный	Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский	Целинный, Залесовский, Солтонский, Красногорский, Угловский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Быстроистокский, Топчихинский	Бурлинский, Ельцовский, Краснощековский, Крутихинский, Курьинский, Немецкий автономный, Суетский, Табунский, Тюменцевский, Чарышский, Шипуновский

[1] Аналогичный подход использовала И.Д. Тургель. В качестве показателя, оценивающего уровень доходов муниципальных образований Свердловской области, рассматривался душевой объем розничного товарооборота. См.**: Тургель. И.Д.** Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного. – Вып. XVI. – М., 2000. – С. 233–244.

Для анализа территориальной дифференциации сельских территорий по уровню душевых потребительских расходов воспользуемся таблицей 13.6. Согласно ей, все потребительские душевые расходы населения делятся на три группы:

1) районы с относительно высоким уровнем потребления – свыше 36–50 тыс. руб. на 1 чел.;

2) районы со средним уровнем потребления – от 24–36 тыс. руб. на 1 чел.;

3) районы с относительно низким уровнем потребления – от 12–25 тыс. руб. на 1 чел.

Как видно из таблицы 13.6, районы с различным центропериферийным положением представлены в разных группах по уровню потребительских расходов. Исключением являются лишь районы ближней периферии, где фактически не зафиксирован высокий уровень потребительских расходов населения, в то время как в срединных районах таковых 28%, а в дальней периферии – 15%. Объясняется это, по-видимому, тем, что часть покупок сельскими жителями осуществлялась в городах.

Статистическая оценка независимости выборок также подтвердила гипотезу о том, что между центропериферийным положением района и уровнем потребительских расходов населения связи нет: критическое значение статистики хи-квадрат (18,3) меньше наблюдаемого (14,7).

Обеспеченность жильем. С позиций устойчивого развития сельских территорий обеспеченность жильем населения занимает центральное место среди отраслей социальной сферы. Жилищный фонд сельского поселения, рассматриваемый как с количественной, так и качественной сторон, во многом предопределяет миграционную подвижность населения, обеспеченность территории рабочей силой.

Для характеристики сельских районов с различным центропериферийным положением по жилищной обеспеченности проведем пересечение двух типологий: по центропериферийному положению и обеспеченности жильем на душу населения (табл. 13.7).

По каждому из сельских районов был рассчитан коэффициент обеспеченности жилплощадью в расчете на душу населения, и далее выделены три группы районов с относительно высокой, средней и низкой жилищной обеспеченностью. Следующим шагом было построение таблицы совместного распределения сельских районов по центропериферийности и уровню обеспеченности жилой площадью.

В первом приближении, как следует из таблицы 13.7, просматривается определенная взаимосвязь между центропериферийным положением района и уровнем его жилищной обеспеченности. В целом на долю районов с высоким уровнем обеспеченности социальной инфраструктурой пришлось 13,3%, со средним уровнем – 50,0%, с низким – 36,7% всех районов края.

Однако при оценке взаимозависимости двух переменных с помощью теста хи-квадрат гипотеза о зависимости центропериферийного положения и уровня обеспеченности населения жильем не подтвердилась (критическое значение статистики хи-квадрат, равное 18,31, больше наблюдаемого – 13,76).

Таблица 13.7

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по обеспеченностью жильем на душу населения, 2014 г.

Обеспеченность жильем на душу населения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Высокий, свыше 27 кв. м		Тальменский	Змеиногорский, Локтевский		Новичихинский	Суетский, Благовещенский, Ключевский, Ельцовский, Михайловский, Курьинский, Романовский, Мамонтовский, Родинский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Калманский
2. Средний, от 24–27 кв. м	Рубцовский	Смоленский, Егорьевский	Каменский, Алейский	Целинный, Солтонский, Косихинский, Троицкий, Угловский	Ребрихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Солонешенский	Усть-Пристанский, Завьяловский, Панкрушихинский, Третьяковский, Хабарский, Немецкий, Тогульский, Табунский, Баевский, Бурлинский, Краснощековский
3. Низкий, менее 24 кв. м	Бийский, Первомайский	Павловский, Зональный, Калманский	Заринский	Советский, Поспелихинский, Залесовский, Краногорский	Алтайский, Шелаболихинский, Топчихинский, Петропавловский	Чарышский, Шипуновский, Кулундинский, Тюменцевский

Территориальные аспекты занятости сельского населения. Динамика экономической активности населения, как известно, напрямую зависит от состояния экономики региона. Для того чтобы оценить влияние на уровень регистрируемой безработицы центропериферийного положения района, нами была сделана их группировка. Согласно ей все сельские районы Алтайского края были разделены на 4 группы (с учетом среднего по сельской местности значения официально зарегистрированной безработицы, равного 3% в 2014 г.):

1) районы с низким уровнем безработицы – от 1 до 2,5%;
2) районы со средним уровнем безработицы – 2,6–3,2%;
3) районы с уровнем безработицы выше среднего – 3,3–4,9%;
4) районы с высоким уровнем безработицы – 5% и выше.

Результаты распределения сельских районов с различным центропериферийным положением по уровню регистрируемой безработицы приведены в таблице 13.8.

Таблица 13.8

Распределение сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по уровню безработицы, 2014 г.

Уровень официальной безработицы	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Низкий, 1–2,5%	Рубцовский, Бийский, Первомайский	Смоленский, Павловский, Калманский, Тальменский	Алейский	Красногорский, Поспелихинский	Алтайский, Петропавловский, Солонешенский, Топчихинский, Шелаболихинский	Мамонтовский, Табунский, Благовещенский, Краснощековский, Курьинский, Третьяковский, Усть-Калманский, Чарышский, Шипуновский
2. Средний, 2,6–3,2%		Зональный	Змеиногорский, Локтевский	Угловский	Волчихинский	Тюменцевский, Завьяловский, Ельцовский, Ключевский, Кулундинский, Панкрушихинский, Романовский, Тогульский
3. Выше среднего, 3,3–4,9%		Егорьевский	Заринский, Каменский	Залесовский, Советский, Троицкий, Косихинский, Солтонский	Ребрихинский, Быстроистокский	Баевский, Михайловский, Кытмановский, Суетский, Усть-Пристанский, Хабарский
4. Высокий, 5% и выше				Целинный	Новичихинский	Бурлинский, Крутихинский, Немецкий, Родинский

Прежде всего обращает на себя внимание то, что районы с наибольшим уровнем регистрируемой безработицы за последние шесть лет (Бурлинский, Целинный) и, напротив, с наименьшим уровнем безработицы (Петропавловский, Усть-Калманский) сохранили свои позиции, что свидетельствует в целом об устойчивости состава кластеров районов с высокой и низкой безработицей.

Оценка результатов, приведенная в таблице 13.8, свидетельствует о пестроте и мозаичности полученной картины. В каждом из типов районов с различным центропериферийным положением представлены порядка 40–47% районов со средним уровнем безработицы, около 30–40% районов – с низким уровнем и 13–22% районов – с высоким уровнем безработицы.

Отсутствие взаимозависимости между центропериферийным положением района и уровнем регистрируемой безработицы в нем подтверждается тестом хи-квадрат. Наблюдаемое значение хи-квадрат равно 16,06, критическое – 24,99. Поскольку наблюдаемое значение меньше критического, следовательно, гипотеза о независимости переменных подтверждается на 5%-ном уровне значимости. С вероятностью 95% можно утверждать об отсутствии связи между центропериферийным положением района и уровнем официальной безработицы.

Вместе с тем нельзя не заметить, что районы ближней периферии, за исключением Егорьевского, Заринского и Каменского, характеризуются отсутствием высокой безработицы и безработицы выше средних значений. Это объясняется, по-видимому, наличием в пригородных районах маятниковой трудовой миграции и концентрации экономической активности населения.

13.3 ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С РАЗЛИЧНЫМ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Взаимосвязь типологии сельских районов края по центропериферийности и уровню развития сельхозпроизводства. Перейдем далее к характеристике районов с различным центропериферийным положением с позиции достигнутого уровня развития сельхозпроизводства. В этих целях воспользуемся наработками сотрудников ФГО РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. Для оценки уровня экономического развития сельскохозяйственного производства ими были рассчитаны следующие показатели: уровень эффективности, интенсивности производства, уровень рентабельности, уровень товарности сельскохозяйственного производства. При этом в качестве ведущих показателей определены экономическая эффективность и интенсивность производства[1].

Расчет интегрального показателя уровня экономического развития сельскохозяйственного производства произведен методом линейного масштабирования с использованием экспертных оценок коэффициентов значимости отдельных показателей (от 0 до 1) и определением индекса для каждого из муниципальных районов.

В результате, было выделено пять групп районов: с высоким (10% всех районов края), выше среднего (28,3%), средним (16,7%), ниже среднего (35%) и низким (10%) уровнем развития сельского хозяйства (табл. 13.9)[2].

---

[1] Экономическая эффективность производства оценивается с помощью интегрального количественного показателя, учитывающего основные характеристики экономической деятельности сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности. Расчет основан на использовании ряда относительных показателей, среди которых: объем валовой и товарной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий, производительность труда, выход товарной продукции на 1 занятого в сельскохозяйственном производстве. Интенсивность производства – интегральный количественный показатель, отражающий уровень насыщенности сельскохозяйственного производства средствами труда. В качестве основного показателя рассматривались сумма всех затрат на производство продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий. К дополнительным показателям отнесены: уровень механизации, затраты на внесение минеральных удобрений на 100 га обрабатываемых земель.

[2] **Проведение** научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений: отчет. – С. 54–55.

Каждый из типов районов по уровню экономического развития характеризуется присущими ему качественными характеристиками, а именно:

1-й тип – низкий. Для него характерны низкие показатели эффективности и интенсивности производства, рентабельности сельскохозяйственных предприятий; уровень товарности продукции стабильно не превышает 20%.

2-й тип – сельские районы с уровнем развития ниже среднего. Это районы со средним или низким уровнем эффективности и интенсивности производства, нестабильными показателями рентабельности предприятий, главным образом, низкий уровень товарности производства.

3-й тип – средний. Ему присущи средние показатели интенсивности и эффективности производства. Сельские районы данной группы либо не обладают значительным уровнем товарности продукции, но при этом характеризуются достаточно высокими по сравнению со среднерайонными показателями рентабельности продукции, и наоборот.

4-й тип – сельские районы с уровнем развития выше среднего. Районы данной группы в значительной степени приближены к типу с высоким уровнем, однако они имеют более низкий интегральный показатель развития, который сформировался за счет недостаточной развитости одного или нескольких исследуемых показателей.

5-й тип – высокий. Группа характеризуется стабильно высокими показателями эффективности и интенсивности производства, рентабельности сельскохозяйственных предприятий. Уровень товарности продукции стабильно превышает 20%..

Проведенная нами перекрестная группировка распределения районов по уровню развития сельхозпроизводства и центропериферийности показала, что 2/3 районов ближней периферии относятся к сельским территориям с высоким и выше среднего уровнем развития сельхозпроизводства. При этом 2/3 районов ближней периферии I порядка и 1/3 районов ближней периферии II порядка характеризуются высоким уровнем развития сельхозпроизводства. Напротив, около 60% районов дальней периферии и 44% срединных районов относятся к территориям с низким и ниже среднего уровнем развития сельхозпроизводства (см. табл. 13.9).

Статистическая оценка взаимосвязи двух переменных – уровня развития сельхозпроизводства и центропериферийного положения – подтвердила их взаимосвязанность. На 5%-ном уровне значимости наблюдаемое значение хи-квадрат (31,48) больше критического (31,4), что свидетельствует о наличии взаимосвязи между исследуемыми переменными[1].

[1] Заметим, что аналогичную картину выявил А.Я. Троцковский, исследовавший взаимосвязь уровня урбанизированности района и эффективности его сельского хозяйства в течение двух периодов – 1976–1985 гг. и 1990–1995 гг. Им же был раскрыт механизм воздействия города на эффективность сельхозпроизводства в результате формирования более высокого аграрно-экономического потенциала; позитивного влияния близлежащего устойчивого рынка сбыта сельхозпродукции, развитой сферы переработки и обслуживания и т.п. Названные выше факторы позволили ряду сельских периферийных районов края сохранить относительно высокую эффективность сельхозпроизводства до настоящего времени. См.: **Троцковский А.Я.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации ; ИЭиОПП СО РАН. – Новосибирск, 1997. – С. 146.

Таблица 13.9

Группировка сельских районов
с различным центропериферийным положением
по уровню развития сельского хозяйства, 2014 г.

Типология по уровню развития сельского хозяйства	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1-й тип – низкий			Каменский	Солтонский, Угловский	Солонешенский	Краснощековский, Михайловский
2-й тип – ниже среднего, 35%		Егорьевский		Красногорский, Троицкий	Ребрихинский, Новичихинский, Быстроистокский	Панкрушихинский, Курьинский, Ельцовский, Шипуновский, Родинский, Кулундинский, Чарышский, Усть-Пристанский, Баевский, Тюменцевский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Калманский, Суетский
3-й тип – средний, 16,7%	Рубцовский		Локтевский	Косихинский, Целинный		Ключевский, Табунский, Хабарский, Мамонтовский, Романовский
4-й тип – выше среднего, 28,3%		Тальменский, Калманский, Смоленский	Змеиногорский, Алейский	Залесовский, Поспелихинский, Советский	Шелаболихинский, Алтайский, Топчихинский, Волчихинский, Петропавловский	Благовещенский, Немецкий автономный округ, Третьяковский, Бурлинский
5-й тип – высокий, 10%	Бийский, Первомайский	Павловский, Зональный	Заринский			Завьяловский, Тогульский

Характеристика центропериферийных типов районов по инвестиционной активности территорий. Для получения более объективной картины территориальной дифференциации инвестиционной активности необходим анализ за более продолжительный период. С учетом этого, в исследовании по каждому из сельских районов был рассчитан усредненный объем инвестиций в расчете на душу населения за 2012–2015 гг., далее выделены три группы районы с относительно высокой, средней и низкой инвестиционной активностью. Следующим шагом, согласно методике исследования, было построение таблицы совместного распределения сельских районов по центропериферийности и инвестиционной активности (табл. 13.10).

Таблица 13.10

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по уровню инвестиций на душу населения, 2012–2015 гг.

Уровень инвестиций на душу населения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Срединная периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
1. Высокий, свыше 40 тыс. руб.	Первомайский	Павловский, Смоленский	Змеиногорский		Алтайский	Благовещенский, Михайловский, Ключевский
2. Выше среднего, 40–30 тыс. руб.	Рубцовский					
3. Средний, от 30 до 20 тыс. руб.	Бийский	Зональный, Тальменский		Советский	Ребрихинский	
4. Ниже среднего, от 20 до 10 тыс. руб.		Калманский	Каменский, Заринский	Поспелихинский, Троицкий, Целинный	Шелаболихинский	Краснощековский, Кулундинский, Курьинский, Родинский, Табунский, Тогульский, Третьяковский, Хабарский
5. Низкий		Егорьевский	Локтевский, Алейский	Косихинский, Залесовский, Угловский, Красногорский, Солтонский	Топчихинский, Петропавловский, Волчихинский, Новичихинский, Быстроистокский, Солонешенский	Ельцовский, Баевский, Бурлинский, Завьяловский, Крутихинский, Мамонтовский, Кытмановский, Немецкий, Романовский, Панкрушихинский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Суетский, Усть-Пристанский, Чарышский, Шипуновский

Примечание. Средний объём инвестиций рассчитан за период с 2012 по 2015 год.

В первом приближении, как следует из таблицы 13.10, просматривается взаимосвязь между центропериферийным положением района и уровнем его инвестиционной активности. Так, каждый третий район ближней периферии характеризуется относительно высоким уровнем инвестиционной активности, среди срединных районов – каждый пятый, а среди районов дальней периферии – каждый десятый.

Напротив, территории с относительно низким уровнем развития в наибольшей степени представлены среди районов дальней периферии и срединных районов (по 61% в срединных районах и по 59% в районах дальней периферии). Среди районов ближней периферии таких насчитывается 20%.

Взаимосвязь подтверждается и статистической оценкой. Так, наблюдаемое значение статистики хи-квадрат, равное 38,59, больше критического – 37,57. Этот показатель также может рассматриваться в качестве критерия, определяющего место района на шкале «центр-периферия».

Резюмируя проведенный анализ, отметим, что центропериферийное положение муниципальных районов не является главным фактором, детерминирующим уровень их социально-экономического развития в разрезе большинства показателей (за исключением плотности населения, инвестиций и уровня эффективности сельхозпроизводства).

Таблица 13.11

Кластеризация муниципальных районов Алтайского края (по данным за 2006–2013 гг.)

Кластер	Муниципальные районы	Количество
Кластер 1	Алейский, Баевский, Бурлинский, Быстроистокский, Ельцовский, Крутихинский, Кытмановский, Солонешенский, Солтонский, Усть-Пристанский, Чарышский	11
Кластер 2	Егорьевский, Залесовский, Косихинский, Красногорский, Панкрушихиндкий, Угловский	6
Кластер 3	Завьяловский, Локтевский, Мамонтовский, Немецкий национальный округ, Новичихинский, Родинский, Романовский, Тогульский, Тюменцевский	9
Кластер 4	Краснощековский, Смоленский, Топчихинский, Третьяковский, Усть-Калманский, Шелаболихинский, Шипуновский	7
Кластер 5	Калманский, Каменский, Курьинский, Ребрихинский, Суетский, Табунский, Троицкий, Хабарский, Целинный	9
Кластер 6	Алтайский, Бийский, Заринский, Зональный, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Советский	9
Кластер 7	Благовещенский, Волчихинский, Ключевский, Кулундинский, Михайловский, Рубцовский, Тальменский	7

Источник: **Внутрирегиональная** социально-экономическая дифференциация муниципальных районов Алтайского края: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 76 с.

Можно ли предположить, что цетропериферийное положение района, не оказывая доминирующего влияния на отдельные показатели его социально-экономического развития, тем не менее предопределяет уровень развития района в целом? Для ответа на этот вопрос необходимо соотнести две типологии: по центропериферийному положению и по уровню социально-экономического развития.

В качестве последней используем кластеры, выделенные в ходе комплексного анализа внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития муниципальных районов Алтайского края.

Все муниципальные районы края в зависимости от уровня развития подразделены на три группы: 1) выше среднего (кластер 6), 2) средняя (кластеры 3, 4, 5, 7), ниже среднего (кластер 1, 2). Распределение муниципальных районов края по кластерам приведено в таблице 13.11.

Кластер 1. Значения показателей развития сферы промышленности и объемов инвестиции районов кластера 1 ниже средних в целом по всей совокупности. По показателям «объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения», а также «инвестиции в основной капитал на душу населения» уровень развития всех районов кластера находится у нижних границ практически на протяжении всего периода.

Практически по всем районам кластера значения показателей развития сельского хозяйства, демографической ситуации и деловой активности ниже средних по краю.

Отличительной особенностью кластера 1 являются высокие показатели развития социальной сферы. Можно предположить, что достижение среднего уровня развития возможно при значительных внешних вливаниях в социальную сферу, а следовательно, данные территории полностью зависят от внешних факторов, в том числе от механизмов перераспределения в рамках бюджетной системы, и относятся к нестабильно развивающимся территориям.

Кластер 2. Невысокий уровень развития сельского хозяйства территорий данного кластера сформировался за счет сравнительно низких значений ряда показателей (к ним относится: продукция сельского хозяйства на душу населения, доля занятых сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством в среднесписочной численности работников организаций; произведено на убой скота и птицы в живом весе, надоено молока). При этом уровень и динамика развития демографической ситуации и деловой активности, промышленности, инвестиций и социальной сферы характеризуются средними значениями.

Отличительной чертой данного кластера от территорий кластера 1 является средний уровень развития промышленности и инвестиционной сферы, отрицательная динамика развития говорит о нестабильной ситуации в данных сферах. Таким образом, территории данного кластера можно отнести к территориям со слаборазвитой экономикой как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и инвестиционной сфере.

Кластер 3. Отличительной особенностью кластера 3 являются высокие показатели сельского хозяйства, социальной сферы, демографической ситуации и деловой активности, вкупе с самым низким уровнем развития промышленности и инвестиционной сферы. Низкий уровень развития муниципальных районов данного кластера в сфере промышленности и инвестиций сформировался за счет наименьших среди всей совокупности значений показателей по объему отгруженных товаров соб-

ственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения. Более того, темпы роста не обеспечивают приближение к средним значениям. Территории данного кластера можно отнести к сельскохозяйственным районам Алтайского края.

Кластер 4. Муниципальные районы данного кластера имеют средний уровень развития, социальной сферы, демографической ситуации и деловой активности, промышленности и инвестиций. Отличительной особенностью кластера 4 являются высокие показатели развития сельского хозяйства и низкие темпы его роста. В целом можно сказать, что районы данного кластера развиваются равномерно по всем направлениям с некоторым ускорением в сфере сельского хозяйства.

Кластер 5. Муниципальные районы кластера 5 развиваются равномерно по всем направлениям с некоторым ускорением в сфере промышленности и инвестиций. Он занимает 2-е место среди всей совокупности по достигнутому уровню социального развития. Важно отметить высокие значения показателей развития данных сфер в динамике. Заметно отстает по уровню развития всех рассмотренных сфер Суетский муниципальный район, но положительная динамика развития промышленности и инвестиций, демографии и деловой активности, сельского хозяйства в перспективе послужат достижению высокого уровня развития этого района.

В целом можно сказать, что районы данного кластера являются наиболее динамично развивающимися территориями в разрезе всех сфер социально-экономического развития.

Кластер 6. Все муниципальные районы кластера 6 имеют один из самых низких значений показателя общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, что сказалось на уровне развития всей социальной сферы. Отличительной чертой данного кластера является высокая степень развития основных сфер экономики (промышленность и инвестиции, сельское хозяйство), демографической ситуации и деловой активности. Высокий уровень развития подкреплен положительной динамикой роста. Муниципальные районы кластера 6 можно охарактеризовать как территории с высоким уровнем развития экономики и, как следствие, динамичным развитием демографической ситуации и деловой активности.

Кластер 7. Его отличие состоит в максимальной среди кластеров степени развития промышленности и инвестиций, сферы демографической ситуации и деловой активности. Высокий уровень отношения родившихся к умершим, среднемесячной начисленной заработной платы, доли занятых в промышленности в среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), численности учащихся общеобразовательных учреждений – прослеживается по всем территориям кластера.

Низкий уровень развития сельского хозяйства в муниципальных районах данного кластера сформировался за счет наименьших среди всей совокупности значений показателей урожайности зерновых и зернобобовых культур; масличных культур. Стоит отметить положительную динамику развития сельского хозяйства, что в перспективе послужит достижению муниципальными районами данного кластера среднего уровня развития в данной сфере. Территории данного кластера можно отнести к промышленно развитым муниципальным районам Алтайского края.

В целях нашего исследования для большей наглядности картины сгруппируем семь выделенных кластеров в три типа районов по уровню социально-экономического развития (средний, ниже среднего и выше среднего) и проведем их пересечение с типологией районов по центропериферийному положению районов края (табл. 13.12).

Таблица 13.12

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по уровню социально-экономического развития, 2006-2013 гг.

Уровень развития	Центропериферийное положение районов		
	Ближняя периферия	Срединная периферия	Дальняя периферия
Ниже среднего	Алейский, Егорьевский	Солтонский, Быстроистокский, Солонешенский, Залесовский, Косихинский, Красногорский, Угловский	Баевский, Бурлинский, Ельцовский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Чарышский, Панкрушихинский
Средний	Локтевский, Смоленский, Калманский, Каменский, Рубцовский, Тальменский	Новичихинский, Топчихинский, Шелаболихинский, Троицкий, Целинный, Ребрихинский, Волчихинский	Завьяловский, Мамонтовский, Немецкий национальный округ , Родинский, Романовский, Тогульский, Тюменцевский, Краснощековский, Третьяковский, Усть-Калманский, Шипуновский, Курьинский, Суетский, Табунский, Хабарский, Благовещенский, Михайловский, Ключевский, Кулундинский
Выше среднего	Бийский, Первомайский, Зональный, Заринский, Павловский	Алтайский, Петропавловский, Советский, Поспелихинский	

Источник: Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация муниципальных районов Алтайского края: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – С. 45–48.

Статистическая оценка зависимости двух переменных – центропериферийности района и его социально-экономического развития свидетельствует о наличии их взаимосвязи: на 5%-ном уровне значимости наблюдаемое значение хи-квадрат (12,7) больше критического (9,5).

13.4 РАЗВИТИЕ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНЫХ ТИПОВ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАЯ В 2010–2014 гг.

Оценка трансформационных сдвигов в пространственном развитии алтайского села производилась путем сравнения двух массивов данных на 2010 г. и на 2014 г.

С одной стороны, рассматриваемый период с учетом «консервативности» региональной территориально-поселенческой и экономической структур является недостаточным для выявления устойчивых тенденций. С другой стороны, выбранный период охватывает определенный этап в развитии экономики (посткризисное оживление и в дальнейшем – стагнация экономики), что позволяет выявить трансформационные сдвиги в развитии пространства применительно к этому, пусть и незначительному с позиции регионального развития, периоду.

В целях обеспечения сопоставимости двух разновременных массивов данных из массива 2010 г. был исключен Славгородский район, поскольку в массиве 2014 г. он не относился к сельским территориям (с 2011 г. Славгородский район преобразован в городской округ).

В качестве сравниваемых показателей был избран достаточно ограниченный их круг, в то же время позволяющий судить о развитии экономики сельских территорий в разрезе ее ключевых направлений (табл. 13.13).

Результаты проведенного сравнительного анализа в самом общем виде свидетельствуют о том, что в 2010–2014 гг. происходило дальнейшее усиление неравномерности пространственного распределения экономической активности. Это проявилось в возрастании роли сельских территорий, входящих в состав Барнаульской агломерации либо имеющих своим центром большие города края (ближняя территория I порядка). Эти территории, занимавшие ранее лидерские позиции, сумели не только их сохранить, но и укрепить.

Относительно стабильное развитие, позволившее далее несколько повысить свою роль, было характерно для сельских территорий, расположенных в зоне влияния крупного либо большого города (ближняя периферия II порядка), а также для сельских территорий, находящихся вне зоны активного влияния городов, но не «оторванных» от них значительными расстояниями (срединная периферия).

Заметно уменьшилась концентрация экономической активности в сельских территориях, удаленных от городов (дальняя периферия), и в меньшей мере – в территориях, центром которых является малый город.

Последнее находит простое объяснение – стагнация районного центра, ослабление его районообразующих функций не могло негативным образом не сказаться на развитии района[1].

Такова в целом картина пространственных трансформаций в развитии алтайского села в 2010–2014 гг. Далее дадим оценку динамике пространственного развития в разрезе отдельных показателей.

[1] Подробно о роли малых городов в развитии сельских территорий см.: **Троцковский А.Я.** Цит. работа. – С. 97–103.

Численность населения. Анализ сдвигов в концентрации сельского населения края показал, что в этой области продолжают доминировать центростремительные тенденции. Однако их проявление своеобразно:

- традиционно продолжает «оголяться» дальняя периферия;
- срединная периферия относительно наращивает свой людской потенциал: за четыре рассматриваемых года ее удельный вес в общей численности сельского населения края вырос на 1,7 п.п. (процентные пункты);
- ближняя периферия в целом характеризуется относительным снижением концентрации населения. Однако этот факт не опровергает сделанного ранее вывода о доминировании центростремительных тенденций в расселении населения.

Таблица 13.13

Территориальная структура хозяйства различных типов сельских территорий Алтайского края, %

Типы сельских территорий	Территория		Численность населения		Инвестиции в основной капитал в среднем за период		Объем отгруженной промышленной продукции собственного производства		Объем введенного жилья в среднем за период		Валовая продукция сельского хозяйства	
	2010*	2014	2010	2014	2008–2010	2013–2015	2010	2014	2008–2010	2013–2015	2010	2014
Ближняя периферия – всего	24,7	24,7	33,3	32,0	38,6	43,5	31,0	38,0	39,1	50,6	32,7	34,9
В том числе:												
I порядка	5,5	5,5	9,8	11,2	15,0	14,0	6,4	7,6	19,5	26,0	8,2	8,5
II порядка	8,6	8,6	14,4	14,0	15,7	16,3	20,7	24,7	10,9	20,3	15,4	18,3
III порядка	10,6	10,6	9,1	6,8	7,8	13,2	3,9	5,7	8,7	4,3	9,1	8,1
Срединная периферия – всего	31,4	31,4	27,6	29,3	23,5	26,9	24,7	26,8	19,8	25,4	27,6	27,2
В том числе:												
I порядка	16,5	16,5	14,0	14,8	8,8	10,5	16,1	13,4	7,1	12,3	13,2	13,1
II порядка	14,9	14,9	13,6	14,5	14,7	16,4	8,6	13,4	12,7	131,0	14,4	14,1
Дальняя периферия	43,9	43,9	39,1	38,7	37,9	29,6	44,3	35,2	41,1	24,0	39,7	37,9
Сельская периферия – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* В 2010 г. в расчет не брался Славгородский район для корректного сопоставления данных (с 2011 г. он бы преобразован в городской округ).

В самом деле, сельские районы, вошедшие в состав агломераций, либо расположенные рядом с г. Бийском и г. Рубцовском, концентрируют у себя население (за четыре года доля территорий ближней периферией I порядка выросла на 1,4 п.п.). При этом существенно уменьшилась относительная концентрация населения в сельских районах, центром которых является малый город: доля ближней периферии III порядка снизилась за четыре года на 2,3 п.п. В меньшей мере, но также уменьшилась привлекательность для населения территорий, отнесенных нами к ближней территории II порядка.

Результаты описанных выше территориальных аспектов демографического развития районов с различным центропериферийным положением предопределены соотношением результатов естественного и механического движения населения.

Для всех сельских территорий, отнесенных к ближней периферии I порядка, миграционный приток превышал естественную убыль. Напротив, для подавляющего большинства сельских территорий, отнесенных к дальней периферии и ближней периферии III порядка, миграционный отток «накладывался» на естественную убыль населения, что и привело к относительно высоким темпам его потери.

Ввод жилья. О перспективах развития того или иного центропериферийного типа территории можно судить по показателю объема введенного жилья. Как следует из таблицы 13.13, наиболее проблемные территории – дальняя периферия и сельские территории с центрами – с малыми городами (ближняя периферия III порядка), сократили среднегодовой ввод жилья в 2013–2015 гг. по сравнению с 2008–2010 гг., соответственно, в 1,7 и 2,0 раза.

Инвестиционная активность. Важнейшим показателем, отражающим уровень экономической активности на территории, является инвестиционная активность расположенных на ней организаций. Как и следовало ожидать, выросла доля инвестиций в основной капитал организаций (без субъектов малого предпринимательства), находящихся в районах ближней и срединной сельской периферии; вместе с тем заметно уменьшилась (в среднегодовом исчислении с 37,9% в 2008–2010 гг. до 29,6% в 2013–2015 гг.) доля дальней сельской периферии.

Наряду с прогнозируемыми выявлены и нетривиальные результаты: снижение относительной значимости в территориальном распределении инвестиций в сельской местности края высоко урбанизированных сельских территорий.

В целом картина такова: ближняя периферия, концентрируя на своей территории менее трети всего сельского населения края (32%), «забирает на себя» почти половину (43,5%) всех инвестиций в алтайское село. Более того, несмотря на относительное снижение численности населения ближней периферии, ее инвестиционная привлекательность не уменьшилась, а возросла.

Однако ее рост обусловлен не как ожидалось, «вкладом» сельских территорий, включенных в Барнаульскую агломерацию, либо расположенную вокруг г. Бийска и г. Рубцовска (их инвестиционная активность и привлекательность далее уменьшилась), а районами ближней периферии II порядка, соседствующих с наиболее высоко урбанизированными сельскими территориями.

Промышленное производство. Заметно выросла роль ближней периферии в производство промышленной продукции: доля отгруженной промышленной продукции собственного производства высоко урбанизированных сельских территорий в общем ее объеме увеличилась с 31% в 2010 г. до 38% в 2014 г. Рост этого показателя

наблюдался во всех районов ближней периферии. Что же касается сельских территорий, отнесенных к срединной периферии, то здесь на фоне общего роста «вклада» этого типа районов в производство и отгрузку промышленной продукции собственного производства, применительно к районам I и II порядка, имели место разнонаправленные процессы: соответственно, рост показателей для районов I порядка и снижение – для районов II порядка. Роль в отгрузке промышленной продукции собственного производства районов, отнесенных к дальней периферии, уменьшилась (см. табл. 13.13).

Производство сельхозпродукции. Сельское хозяйство, естественно, является ключевой отраслью специализации для всех рассматриваемых центропериферийных типов районов, а роль последних в производстве сельхозпродукции коррелирует с численностью населения того или иного типа районов.

Отмеченные выше тенденции распределения и перераспределения экономической активности населения по территории характерны и для производства сельхозпродукции. За четыре рассматриваемых года относительно возросла роль районов ближней периферии (за исключением районов III порядка); уменьшилась роль районов срединной и дальней периферии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в территориальном разрезе возрастает роль районов близлежащих к городам (за исключением районов, центром которых являются малые города), сохраняют в целом свою роль и значимость районы срединной периферии. Наиболее проблемная ситуация в районах дальней периферии, характеризующихся ощутимым снижением экономической активности населения.

Сказанное свидетельствует о продолжающемся процессе «сжатия» экономического пространства сельской местности края, характерные черты которого проявились даже за столь короткий промежуток времени.

В целом динамике пространственного развития алтайского села присущи те же черты, что и развитию экономического пространства России: неравномерность, концентрация экономической активности в наиболее развитых регионах, усиление роли центров экономической активности.

Своим крайним результатом охарактеризованные выше процессы могут породить острые формы территориального неравенства, требующие не только нивелировки межрегиональных, но и внутрирегиональных различий.

Глава 14
МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

14.1 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В реальной жизни практически нет таких областей, которые бы не имели правового обеспечения. Нормативное регулирование человеческой деятельности постоянно расширяется и это одна из важных тенденций развития правовых государств, к которым себя конституционно относит и Россия.

В рамках предмета нашего исследования любое государственно-властное решение в вопросах регулирования пространственного развития экономики региона должно базироваться на соответствующих нормативно-правовых актах – как общего, так и территориально значимого характера.

Необходимо сформировать такой режим регулирования экономики, который бы стимулировал и гарантировал устойчивый экономический рост не только в целом в Российской Федерации, но и в ее субъектах.

В теории права правовое регулирование рассматривается как воздействие на общественные отношения, осуществляемое при помощи системы правовых средств. Другими словами, когда мы ведем речь о правовом регулировании, в том числе и пространственного развития экономики, то, прежде всего, должны иметь в виду экономические отношения, складывающиеся на определенной территории, регулируемые правом или объективно требующие правового регулирования.

В юридической науке понятие «территориальная (пространственная) экономика», используемое автором в настоящей работе, не разработано. В российском законодательстве отсутствуют также соответствующие дефиниции.

Наиболее часто используемыми являются термины «экономическое пространство», «экономические отношения», «региональная экономика», «региональное экономическое право» и т.д. Данная синонимия явно затрудняет разработку нормативно-правовых актов, направленных на правовое регулирование территориальной экономики.

Теоретическая модель процесса правового регулирования пространственного развития экономики должна включать в себя, на наш взгляд, как минимум два вида отношений:

(1) экономические отношения между субъектами права – членами соответствующего территориального сообщества;

(2) экономические отношения соответствующего территориального сообщества и государства.

Помимо этого в теоретической модели процесса правового регулирования пространственного развития экономики необходимо обозначить социальные возможности (пределы) правового регулирования и стадии регулирования.

К социальным возможностям следует отнести уровень экономического, духовного, политического развития как в целом общества, так и отдельно взятого территориального сообщества, а также рамки компетенций субъектов власти.

Первая стадия регулирования связана с возникновением соответствующих экономических отношений, объективно требующих правового регулирования, модернизации законодательства, создания новых, либо реорганизации старых органов власти – как государства, так и территориального сообщества. Вторая стадия предусматривает появление правовой нормы-закона или подзаконного акта. Третья – возникновение правоотношений. Четвертая стадия связана с применением права в случае уклонения одной из сторон экономического правоотношения от исполнения своих юридических обязанностей, обеспечения управляемой стороне возможности реализации своих прав, свобод и законных интересов.

Как уже не однажды доказывала наука и практика, эффективность правового регулирования, в том числе и регулирования экономических отношений, зависит от

- соответствия правовой нормы регулируемым отношениям;
- наличия совершенного законодательства;
- способности законодателя оперативно реагировать на возникающие потребности в правовом регулировании и учета им в процессе правотворчества юридических новаций и юридической практики;
- уровня правовой культуры субъектов права;
- слаженной работы всего механизма государства и территориального сообщества;
- уровня профессиональной подготовки правоприменителя.

Регулирование пространственного развития экономики, в том числе правовое, отличается своими специфическими особенностями. Известно, что экономика имеет объективные законы развития. Однако при регулировании ее состояние в большей или меньшей степени зависит от субъективных факторов – политических установок действующей власти, принципов распределения общественного богатства, культивирования определенных потребностей на определенной территории. Поэтому необходимо максимально точно в оптимальном варианте определить степень вмешательства в управление этой сферой через имеющийся правовой и административный ресурс.

Правовое регулирование пространственного развития экономики можно рассматривать в двух аспектах. *Во-первых*, как элемент управления наряду с организационными, институциональными и финансово-экономическими мерами, определяющими деятельность всех субъектов пространственного развития экономики.

Во-вторых, как способ легитимизации перечисленных мер без самодавлеющего характера воздействия на процесс управления.

В правовом государстве, на наш взгляд, единственно приемлемым является синтетический подход, когда в основе всех управленческих решений лежит правовая норма, выполняющая по своей природе миссию сдерживания в принятии недостаточно продуманных шагов в регулировании тех или иных групп общественных отношений. Тем более юридическая ответственность должна быть максимальной, когда речь идет об управлении совокупностью отношений, происходящих на определенной территории.

Нормативное по сути и по форме проектирование социально-экономической модели территории, по мнению ряда авторов[1], является сегодня ключевой задачей и должно включать в себя управление функционированием и развитием ее экономики.

Проектирование управления функционированием экономики на основе моделирования процессов, протекающих в муниципальном образовании и его организацион-

[1] См., например, **Молотков Ю.И.** Муниципальное образование как объект управления // Государственное и муниципальное управление в Сибири: Состояние и перспективы. – Новосибирск, 2007. – С. 180.

ной системе, позволяет объяснить взаимосвязь и взаимозависимость элементов, входящих в объект управления, и на этой основе разрабатывать и принимать обоснованные управленческие решения, направленные на изменения состояния объекта управления и его организационной системы.

Формирование модели управления, – и мы полностью разделяем эту точку зрения, – начинается с исследования нормативно-правовой базы, обеспечивающей регулирование жизнедеятельности территории как объекта управления (в нашем случае – экономической составляющей данной жизнедеятельности).

Необходимо исследовать всю совокупность нормативно-правовой базы – от основных законов до юридически значимых решений субъектов правотворчества, имеющих отношение к объекту исследования, выделив, соответственно, проблемные точки регулирования пространственного развития экономики.

Итак, основы стратегии правового регулирования, как в целом развития страны, так и отдельных территорий, в том числе пространственного развития экономики, должны иметь свои начала в Конституции Российской Федерации. Заметим сразу, что прямо в основном правовом документе страны не сформулированы норма, принцип, которые бы легли в основу политики территориального пространственного развития экономики.

Однако опосредованно, на наш взгляд, правовые основы пространственного развития экономики заложены в следующих конституционных принципах, установленных статьей 8 Конституции Российской Федерации. Это

– единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности;

– признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

В статье 74 особо указывается, что на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Ограничения могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Еще одним основополагающим правовым принципом, лежащим в основе регулирования пространственного развития экономики, возможно более значимым, чем перечисленные, – является принцип, обязывающий государство соблюдать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). Статья 18 Конституции гласит, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, нормативно-правовые акты, принимаемые в экономической сфере, не должны, как минимум, нарушать социально-экономические права человека и гражданина, к которым относятся:

- право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности (ст. 34);
- право на свободный труд, выбор рода деятельности и профессии, на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на отдых, на вознаграждение без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленной законом минимальной оплаты труда, на защиту от безработицы, на трудовые споры, на забастовку (ст. 37).

Существенное значение в правовом регулировании пространственного развития экономики имеют конституционные положения о том, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы (ст. 132).

Конституционно установлено и разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти (ст. 71–73), в том числе и в области экономической политики.

Так, в ведении Российской Федерации в рамках темы нашего исследования находятся: установление основ федеральной политики и федеральные программы экономического развития Российской Федерации (ст. 71 п. е); установление правовых основ единого рынка, финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики, федеральные экономические службы, включая федеральные банки (ст. 71 п. ж); внешнеэкономические отношения Российской Федерации и установление исключительной экономической зоны (ст. 71 п. к, п. н).

По перечисленным в статьях предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные законы. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации не могут осуществлять собственное правовое регулирование по этим вопросам. Содержащийся в статьях перечень является исчерпывающим. Органы государственной власти не должны вторгаться в компетенцию субъектов и самостоятельно, без согласования с субъектами Российской Федерации, осуществлять полномочия, отнесенные в Конституции к предметам совместного ведения.

Совместное ведение Российской Федерации и субъектов в ее составе означает совместное осуществление полномочий органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов и их общую ответственность за состояние дел в этих сферах.

В экономической сфере в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся:

- вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (ст. 72 п. в);
- разграничение государственной собственности (ст. 72 п. г);
- установление общих принципов налогообложения и сборов в РФ (ст. 72 п. и);
- координация внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров (ст. 72 п. о).

По предметам совместного ведения издаются федеральные законы, определяющие основы (общие принципы) правового регулирования, а в субъектах РФ отношения, закрепляемые такими законами, развиваются и конкретизируются применительно к условиям каждого субъекта. Практическая реализация данных вопросов происходит в соответствии с Федеральным законом от 24.06.99 № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Закон предусматривает, что до принятия федеральных законов по вопросам, отнесенных к совместному ведению, субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование. После того как соответствующий федеральный закон будет принят, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации приводятся в соответствии с ним.

Сегодня в какой-то мере определен механизм действия анализируемого закона. В частности, наиболее инструментальным в этом отношении является ФЗ-199 от 23 декабря 2005 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий»[1], в котором уточняются полномочия органов власти не всех уровней в общем и целом, а уже по отраслевой структуре управления, в частности, по вопросам регулирования занятости (ст. 7.1, 7.2), образования (ст. 2), культуры (ст. 3), здравоохранения (ст. 5), жилищно-коммунального хозяйства (ст. 32).

Внесены также изменения и дополнения в реестр полномочий в области региональной экономической политики, в такие законы, как «О государственном регулировании тарифов на электроэнергию» (ст. 6); «О естественных монополиях» (ст. 8); «Лесной кодекс Российской Федерации» (ст. 15); «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ст. 25); «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (ст. 30); «Градостроительный кодекс Российской Федерации» (ст. 33) и др.

В законах «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[2] и «Об общих принципах организации местного самоуправления»[3] уточнены полномочия органов власти различных уровней.

Одним из наиболее важных действующих нормативно-правовых актов является Указ Президента Российской Федерации № 803 от 3 июня 1996 г. «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации»[4], который рекомендует наряду с федеральными органами государственной власти, органам власти субъектов Российской Федерации использовать основные положения региональной политики в Российской Федерации при решении задач социально-экономического развития регионов РФ, повышения действенности экономических реформ, обеспечения роста благосостояния населения, а также развития федерализма и местного самоуправления.

Далее, Конституция устанавливает, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73).

Исключительные полномочия субъектов Российской Федерации определяются их конституциями или уставами.

В Уставе Алтайского края экономический блок предметов ведения и полномочий представлен следующим образом. В первую очередь в главе 4 Устава закреплены основы экономики и финансов Алтайского края, где установлено, что экономическую основу Алтайского края составляют (ст. 32):

---

[1] **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: Федеральный закон от 23 декабря 2005 года № 199–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 23. – Ст. 2756.

[2] **Об общих** принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 505.

[3] **Об общих** принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131–ФЗ // Российская газета. – 2003. – 8 окт.

[4] **Об основных** положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 803 от 3 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2756.

♦ имеющаяся в пределах территории Алтайского края федеральная государственная собственность;

♦ краевая государственная собственность;

♦ муниципальная собственность;

♦ частная и иная собственность.

В последующих статьях дается характеристика собственности Алтайского края, определяются правомочия собственника, управление и распоряжение объектами права собственности, порядок приватизации объектов права собственности Алтайского края и объектов муниципальной собственности.

Статьи 38–46 закрепляют всю совокупность основ финансовой системы Алтайского края и включают в себя определение финансовых ресурсов, бюджетных прав органов власти, правила формирования доходов и расходов краевого бюджета, краевых налогов и сборов, обеспечение сбалансированности бюджетов муниципальных образований, ролевых функций территориальных внебюджетных фондов, а также участие органов государственной власти в кредитных отношениях.

Экономический блок полномочий органов государственной власти края в общем виде установлен в статье 61 гл. 7 и детализирован в статье 73 гл. 8 и в статье 80 гл. 9, посвященных законодательной и исполнительной власти края.

Так, Законодательное собрание своими законами утверждает краевой бюджет и годовой отчет о его исполнении, утверждает программы социально-экономического развития края, устанавливает налоги и сборы в соответствии с федеральным законом, а также порядок их взимания, утверждает бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов и отчеты об их исполнении, устанавливает порядок управления и распоряжения собственностью Алтайского края, в том числе долями (паями, акциями Алтайского края в капиталах хозяйственных обществ, товариществ и предприятий иных организационно-правовых норм).

Исполнительная власть наделена правом и обязанностью разработки проекта бюджета Алтайского края, а также проектов программ социально-экономического развития края. Далее, должна обеспечить исполнение бюджета и готовить отчеты о его исполнении и отчеты о выполнении программ социально-экономического развития. Помимо этого администрация управляет и распоряжается собственностью Алтайского края, управляет также федеральной собственностью, переданной краю в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации. Причем администрация несет ответственность за реализацию своих полномочий, за результаты комплексного социально-экономического развития Алтайского края и повышение жизненного уровня его населения.

Как видим, анализ основных нормативно-правовых актов федерального и субфедерального уровня указывает нам на особенность правовой базы, регламентирующей пространственное развитие экономики, в первую очередь, ее многослойность, широкий круг субъектов экономических отношений. Другими словами, правовое регулирование экономики в территориальном разрезе осуществляется нормативно-правовыми актами, принятыми в рамках федеральной, совместной, исключительной компетенции субъекта Федерации и компетенции самих муниципальных образований.

Можно констатировать также, что к настоящему времени разграничение властных полномочий в области правового регулирования экономики состоялось и, что в целом, основные правовые акты приняты. В то же время конституционные принципы разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации

и субъектов Российской Федерации не являются застывшей конструкцией, а постоянно развиваются в принимаемых законах с учетом правоприменительной практики.

Подобная многослойность правового регулирования региональной экономики определила соответственно характер ее правовой базы. В первую очередь, она характеризуется обширностью – от Конституции Российской Федерации до подзаконных актов муниципальных образований. Во-вторых, в зависимости от характера решаемых территориальных экономических вопросов все нормативные акты можно разделить на два крупных блока:

(1) акты, регламентирующие горизонтальные отношения, когда государство выступает как субъект гражданских правоотношений;

(2) акты по государственному регулированию деятельности участников экономических отношений (вертикальные отношения).

Все законодательство, регулирующее региональную экономику, можно структурировать по тематическому признаку на

- общеэкономическое;
- функциональное;
- отраслевое (предметное);
- собственно территориальное.

Под собственно территориальным законодательством мы, в данном случае, подразумеваем не уровень правового регулирования, а нормативно-правовые акты комплексного плана, влияющие предметно на развитие экономики отдельных территориальных образований Алтайского края.

Общеэкономическое законодательство представлено, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, Конституциями и Уставами субъектов. Их характеристика дана выше.

Среди федеральных общеэкономических законов – это законы о приватизации государственного и муниципального имущества, законы о статусе конкретных хозяйствующих субъектов, о правовом положении региональных государственных предприятий и учреждений как звеньев государственного сектора рыночной экономики[1].

В рамках общеэкономического законодательства регулируется статус и некоторых негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций.

---

[1] См. например: **О приватизации** государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ // Российская газета. – 2008. – № 158. – 25 июля; **О сельскохозяйственной** кооперации: Федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 250-ФЗ (с изм. на 3.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 49, ст. 5748; **Об акционерных** обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1, ст. 1; **Об обществах** с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 декабря 1998 № 14-ФЗ (ред. от 29 апреля 2008, с изм. от 22.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 23 декабря; **О естественных** монополиях: Федеральный закон от 17 августа 2002 года № 147-ФЗ (с изм. от 25.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 30 декабря; **О государственном** регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации: Федеральный закон от 14 апреля 1995 года № 41-ФЗ (ред. от 25.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 30 декабря; **О государственной** регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ (ред. от 30.12.2008, с изм. и доп. от 26.01.2009) // Российская газета. – 2008. – 26 декабря; **О лицензировании** отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 128-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33, ч. 1, ст. 3430; **О развитии** малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31, ст. 4006.

К функциональным нормативно-правовым актам следует отнести, прежде всего, Кодексы (Гражданский в части регулирования права собственности и обязательственного права; Градостроительный, закрепляющий полномочия органов государственной власти субъектов Федерации в области градостроительства; бюджетный, фиксирующий компетенцию органов власти субъектов Российской Федерации в области регулирования бюджетных отношений), а также ряд федеральных законов о ценообразовании, защите прав потребителей, антимонопольной деятельности, о легитимации хозяйственной деятельности и ее субъектов (регистрации, лицензировании, сертификации и т.п.), где содержатся положения, касающиеся регламентации этих отношений в регионах.

В федеральном законодательстве о ценообразовании, о защите прав потребителей также содержатся положения, касающиеся регламентации этой деятельности в регионах.

В функциональном законодательстве определенное место занимают аспекты о легитимации (регистрации, лицензировании, сертификации и т.п.) хозяйственной деятельности и ее субъектов.

Функциональное законодательство в субъектах Федерации объединяет нормативно-правовые акты по различным направлениям государственного регулирования экономических отношений на своей территории.

Так, в Алтайском крае, к примеру, принят закон № 117-ЗС от 7 ноября 2006 г. «О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программировании социально-экономического развития Алтайского края»[1] регулирующий отношения, возникающие при формировании (разработке), утверждении и реализации целевых программ.

Региональное финансовое регулирование экономики обеспечивается законодательными актами по отдельным направлениям (бюджетному, налоговому и др.). Закон Алтайского края № 75-ЗС от 3 сентября 2007 г. «О бюджетном устройстве, бюджетном процессе и финансовом контроле в Алтайском крае»[2] устанавливает правовые основы функционирования бюджетной системы в крае, межбюджетные отношения, основы бюджетного процесса. Налоговое законодательство в крае состоит из законов, регулирующих, в основном, отдельные виды налогов, связанных с земельными и имущественными отношениями.

Постановлениями администрации регулируется политика ценообразования в крае.

Среди законодательных актов, регулирующих региональную экономику, количественно превалируют отраслевые нормативно-правовые акты. Они сегодня составляют основу управления экономикой края, соответствующим образом сформирована и институциональная база управления экономикой.

К примеру, анализ банка нормативно-правовых актов, проведенный за 2000–2006 гг. Центром специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации, выявлены основные приоритетные направления деятельно-

[1] **О государственном** прогнозировании, индикативном планировании и программировании социально-экономического развития Алтайского края: Закон Алтайского края № 117-ЗС от 7 ноября 2006 г. // Сборник законодательства Алтайского края. – № 127, ч. 2; Сборник законодательства Алтайского края. – № 145.

[2] **О бюджетном** устройстве, бюджетном процессе и финансовом контроле в Алтайском крае: Закон Алтайского края № 75-ЗС от 3 сентября 2007 г. // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 137, ч.1.

сти администрации Алтайского края (всего было исследовано 1318 нормативно-правовых актов)[1].

Значительное количество нормативных актов краевой администрации было издано по проблемам агропромышленного комплекса – 26%, причем, ранжируя их по содержанию, получим в порядке убывания: государственное регулирование промышленного производства, договоры в сельском хозяйстве, сельскохозяйственные товаропроизводители, отрасли сельского хозяйства, документы общего организационного характера.

По регулированию промышленности издано 25% нормативных актов. Далее снова в порядке убывания: пищевая промышленность, энергетика, топливная промышленность, документы общего организационного характера, иные отраслевые вопросы.

По строительству и архитектуре издано 11% нормативных актов; далее в порядке убывания – капитальное строительство в отдельных отраслях деятельности, вопросы общего организационного характера, управление в сфере строительства, капитальные вложения и инвестиции[2].

По организации торговли и общественного питания выпущено 18% нормативных актов: торговля отдельными видами товаров, розничная торговля, вопросы общего организационного характера, вопросы оптовой торговли, защита прав потребителей.

Таким образом, приоритетными в материальной сфере (остальные отрасли представлены незначительно) являются в порядке убывания: агропромышленный комплекс, промышленность, торговля и общественное питание, строительство и архитектура.

По непроизводственной сфере приведем только ранжированный ряд, так как 63% нормативных актов посвящены вопросам организации управления. Итак, в порядке убывания – природопользование и охрана окружающей среды, образование, наука и культура, здравоохранение, физическая культура, спорт, туризм, социальное обеспечение и социальное страхование, жилищно-коммунальное хозяйство.

Помимо этого, отраслевое экономическое законодательство объединяет акты по сферам деятельности. Так, инвестиционное законодательство комплексно регламентирует инвестиционную политику. В Алтайском крае закон об инвестиционной деятельности принят еще в 1998 г. Позже администрация края неоднократно совершенствовала нормы правоприменительной практики, утвердив своим постановлением порядок оценки социальной и бюджетной эффективности инвестиционных проектов, планируемых к реализации с участием средств бюджета Алтайского края. Были разработаны и нормативно оформлены меры государственного стимулирования инвестиционной деятельности.

Правовое обеспечение в крае получила инновационная деятельность[3], связанная с оборотом недвижимости, с реализацией права государственной собственности. К началу 2009 г. было принято 10 краевых законов, 10 постановлений администрации края, в которых регулируются отношения, связанные с приватизацией государственного и муниципального имущества, его сохранением, передачей в залог, использованием

[1] **Банк** нормативно-правовых актов Центра специальной связи и информации «Система» Федеральной службы охраны Российской Федерации. – URL: http://www1.fapsi.alt/bpa.ru (дата обращения: 15.11.2016 г.).

[2] Так, перечень законодательных актов Алтайского края, направленных на привлечение инвестиций, см.: **Экономическая** энциклопедия регионов России. Алтайский край / НПО «Экономика». – М. : Экономика, 2012. – С. 187–190.

[3] **Об инновационной** деятельности в Алтайском крае : Закон Алтайского края от 14 сентября 2006 года № 95-ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. – 2006. – № 125, ч. 3.

объектов краевой собственности в качестве обеспечения договоров поручительства, об отчуждении объектов права собственности Алтайского края в собственность муниципальных образований и приобретение имущества муниципальных образований в собственность Алтайского края. Ряд постановлений администрации посвящен порядку управления и распоряжения собственностью, закрепленной за унитарными предприятиями.

В рамках предмета нашего исследования мы выделяем еще одну группу нормативно-правовых актов об экономическом развитии отдельных территорий. Заметим сразу, что в количественном отношении эта группа нормативно-правовых актов – как на федеральном, так и на региональном уровне – представлена значительно слабее. Более того, законодательство, связанное с комплексным регулированием экономического развития конкретных территорий в Алтайском крае, как и в других субъектах РФ, отсутствует, и этому факту имеется свое объяснение.

Прежде всего региональный законодатель в своем правотворчестве не может не учитывать норму-принцип Конституции РФ, где в статье 12 местное самоуправление, его самостоятельность и автономность определены в качестве одной из основ конституционного строя. Соответственно, законодательство и в первую очередь Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» направлен на реализацию этого права, и развитие реальной способности органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими, в том числе и в области экономического развития.

Далее, основы взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления также предусмотрены Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», другими федеральными нормативно-правовыми актами высшей юридической силы по отношению к региональному законодательству.

Так, компетенция органов местного самоуправления по регулированию экономики муниципальных образований основана на Конституции Российской Федерации, Бюджетном кодексе Российской Федерации, Налоговом кодексе Российской Федерации, Жилищном кодексе Российской Федерации, Земельном Кодексе Российской Федерации, Лесном кодексе Российской Федерации, Водном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», Федеральном законе от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса», Федеральном законе от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Федеральном законе от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Полномочия муниципальных образований в экономической сфере не предполагают активного вмешательства в этот процесс органов государственной власти субъекта Федерации. Ответственность за экономическое благополучие территории также несут, в первую очередь, сами муниципальные образования. Другими словами, канал воздействия на муниципальные образования со стороны субъектов Федерации, в том

числе и по экономическим вопросам, по действующему законодательству значительно сужен и включает в себя следующие рычаги.

Во-первых, федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрено, что законами субъекта Российской Федерации в порядке, определенном федеральным законом, органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации по решению вопросов, предусмотренных законом, с передачей органам местного самоуправления необходимых материальных и финансовых ресурсов. Реализация указанных полномочий подконтрольна государству. При этом в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации средства, связанные с исполнением органами местного самоуправления переданных полномочий, предоставляются органам местного самоуправления в виде субвенций.

Кроме того, в качестве видов финансового взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Бюджетным кодексом Российской Федерации предусмотрено предоставление органам местного самоуправления субсидий для долевого финансирования расходов на решение отдельных вопросов местного значения, в случаях и в порядке, предусмотренных действующим законодательством, и выделение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов).

В качестве основных видов взаимодействия в области поддержки предпринимательства Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предусматривает функции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по разработке и реализации региональных и межмуниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных и других особенностей, поддержке муниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, методическому обеспечению органов местного самоуправления и содействию им в разработке и реализации мер по развитию малого и среднего предпринимательства на территориях муниципальных образований.

В соответствии с законом Алтайского края от 07.11.2006 № 117-ЗС «О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программировании социально-экономического развития Алтайского края» органы местного самоуправления муниципальных образований Алтайского края осуществляют разработку прогнозов, программ и индикативных планов социально-экономического развития муниципальных образований в соответствии с действующим законодательством. Планово-прогнозные документы муниципальных образований разрабатываются в соответствии с порядком, установленным органами местного самоуправления муниципальных образований. Индикативные планы социально-экономического развития муниципальных образований разрабатываются на основе комплексного анализа социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях, прогнозов, программ социально-экономического развития Алтайского края и муниципальных образований, а также утвержденных краевого и местных бюджетов.

Администрация Алтайского края оказывает органам местного самоуправления методическое содействие в формировании прогнозов, программ и индикативных планов социально-экономического развития муниципальных образований. Между администрацией Алтайского края и органами местного самоуправления муници-

пальных образований могут заключаться соглашения о взаимодействии в области прогнозирования, индикативного планирования и программирования социально-экономического развития (далее – соглашения). Соглашения устанавливают взаимные организационные и финансовые обязательства, обеспечивающие реализацию планово-прогнозной деятельности в Алтайском крае, достижение пороговых значений индикаторов. «Рабочим» субъектом взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления по экономическим вопросам является, прежде всего, Главное управление экономики и инвестиций.

Не способствует принятию комплексных правовых решений по экономическому развитию конкретных территорий сложившаяся в крае система управления, в том числе и экономикой края.

Основу ее управления составляет отраслевой принцип. Большая часть принимаемых на уровне края решений и бюджетных средств «проходит» по линии отдельных органов исполнительной власти. При этом они исходят из своих отраслевых критериев, т.е. экономической эффективности, необходимости поддерживать существующие мощности, уровень обслуживания и т.д. Хотя принимаемые решения касаются всего края, очевидно, что эти отраслевые механизмы и решения оказывают значительное воздействие на ситуацию в отдельных территориях.

Территориальный эффект этих отраслевых решений, как отмечалось ранее, весьма велик, и он во многом определяет тенденции развития отдельных территорий. Но все эти территориальные эффекты не увязаны в единую систему, они направлены преимущественно на решение текущих проблем, а не фундаментальных причин, породивших территориальные проблемы.

Другими словами, «узкая» специализация органов власти в области регулирования экономических процессов на территории имеет как позитивные, так и негативные стороны. Важнейшей организационной проблемой текущего управления в администрации края является отраслевая разобщенность различных структурных подразделений, слабое горизонтальное взаимодействие между ними. Вследствие этого значительно усложняются процессы информационного обмена, затрудняется выполнение совместных поручений. Это, в свою очередь, зачастую приводит к некачественному выполнению совместных заданий, перекладыванию ответственности друг на друга[1].

Сказанное в полной мере можно отнести и к программному управлению. Все участники процесса разработки и реализации программ наделены определенными правами и обязанностями[2]:

♦ на отраслевые управления Алтайского края возложено инициирование разработки, разработка, текущее управление программами, а также составление бюджетных заявок на финансирование из средств федерального бюджета по федеральным целевым программам;

♦ на заместителей Губернатора края – определение форм и методов управления программами, внесение при необходимости корректив в распределение средств

[1] Подробнее о совершенствовании деятельности администрации Алтайского края как субъекта социально-экономической политики, см. монографию: **Социально-экономическое** развитие региона: методика и результаты исследования: монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 373 с.

[2] **О системе** органов исполнительной власти Алтайского края: Закон Алтайского края от 3 ноября 2005 года № 93-ЗС (ред. от 08.11.2007) // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 115, ч. 1; **Сборник** законодательства Алтайского края. – 2007. – № 139, ч. 1.

между мероприятиями в течение финансового года, ответственность за целевое использование бюджетных средств;

♦ на Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края – внесение предложений по перечню программ, предлагаемых к финансированию из краевого бюджета на очередной финансовый год, внесение предложений по определению приоритетности программ, ежеквартальный контроль за ходом исполнения региональных и федеральных целевых программ на территории края;

♦ на Комитет администрации края по финансам, налоговой и кредитной политике – финансирование программ;

♦ на Совет администрации – принятие краевых и утверждение ведомственных программ, принятие решений по законопроектам «О краевом бюджете, расходам краевого бюджета на выдачу гарантий краевого бюджета по кредитам коммерческих банков, утверждение изменений в целевые программы».

Алтайское краевое Законодательное Собрание утверждает краевые программы, принимает закон «О краевом бюджете», санкционирует гарантии краевого бюджета по кредитам коммерческих банков для предприятий и организаций края.

Такая система управления характеризуется рядом преимуществ, а именно:

- высокий уровень специализации, глубокое знание проблем отдельных отраслей экономики и социальной сферы;
- четкое обозначение ответственности за реализацию программных мероприятий;
- ответственность за нецелевое использование бюджетных средств;
- постоянный контроль за ходом реализации программных мероприятий;
- контроль за перераспределением средств между программными мероприятиями, за введением дополнительных программных мероприятий в течение финансового года.

Вместе с тем у нее существуют и определенные недостатки:

- зависимость от инициативности и активности отдельных органов исполнительной власти края;
- недостаточная квалификация кадров, занимающихся разработкой целевых программ в органах исполнительной власти края;
- ориентация большинства программ на бюджетное финансирование как основной источник получения средств на реализацию программных мероприятий.

В то же время незначительный объем финансирования, выделяемый бюджетами всех уровней на реализацию целевых программ, приводит к затягиванию сроков выполнения программных мероприятий.

Практика современного управления показывает, что чем объемнее масштабы экономических проблем, тем более высокие требования предъявляются к способности региональных органов власти и управления противостоять складывающимся негативным тенденциям. В настоящее время, когда инвестиционные ресурсы ограничены, только эффективная система управления способна решить проблему их острого дефицита.

Коренного изменения требует система информационного обеспечения управления стратегическим развитием (региональная статистика, региональный маркетинг, информационные сети, постоянный социологический мониторинг).

Совершенствование региональной информационной системы является одной из новых функций управления регионом. Для этого необходимо определить состав и объемы информации, источники и периодичность ее получения, каналы и способы передачи, технологию обработки и хранения, техническое и кадровое обеспечение.

Более того, задачей власти является не только информационное обеспечение собственной деятельности, но и создание эффективной интегрированной системы информационного обеспечения всех действующих на территории субъектов. Удовлетворение информационных потребностей хозяйствующих субъектов территории – главная задача органов власти, ибо полная и достоверная информация – необходимое условие экономического развития региона.

Решение перечисленных проблем требует соответствующего правового обеспечения.

В целом, обобщение и анализ теоретического, нормативного и фактологического материала в рамках темы настоящего исследования позволяет сделать ряд выводов:

1. В настоящее время «правила игры» в регулировании пространственного развития экономики в основном сформулированы как на федеральном, так и на региональном уровне.

2. Законодательство в области регулирования экономических отношений формировалось в основном опытным путем, без четкого концептуального сопровождения и вследствие этого несет в себе элемент несистемности и противоречивости.

Позитивную роль в совершенствовании законодательства может сыграть правоприменительный мониторинг, проводимый надотраслевым властным органом, созданным на всех уровнях правового регулирования.

14.2 СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ФОРМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Формирование пространственных аспектов развития экономики края является важной составной частью региональной экономической политики, проводимой органами власти и управления края. Система поддержки экономики муниципальных образований, лежащая в основе формирования «пространственной экономики», была сформирована уже в начале 90-х годов XX века. Изначально она несла на себе «печать» командной экономики и характеризовалась существенными ресурсными ограничениями. Затем, по прошествии времени, административно-командные методы управления во многом были заменены экономическими методами, расширился спектр возможностей влияния региональных органов власти на пространственное развитие экономики региона.

К примеру, для преодоления кризисной ситуации в развитии экономики края, возникшей в 2005 г., администрацией края были выработаны новые подходы к управлению региональными экономическими процессами, а именно:

- на основе глубокого анализа ситуации определены приоритетные направления социально-экономического развития края на 2006–2008 гг.;
- сформирован комплекс краевых и ведомственных целевых программ;
- расширены механизмы государственной поддержки инвестиционного процесса;

♦ начата активная модернизация социальной сферы и др.[1]

Подверглись заметному изменению и сами используемые региональной властью инструменты: часть из них не нашла в крае широкого применения (как, например, вклад в уставный капитал предприятий); применение же других инструментов, напротив, существенно расширилось (субсидирование предприятиям части банковской процентной ставки, лизинговые схемы оплаты, субсидирование налога на имущество, налога на прибыль, процентной ставки по корпоративным облигациям, гранты и премии в области экономики)[2].

В последние годы появились новые инструменты воздействия региональных органов власти на пространственное развитие экономики региона, нашедшие свое отражение в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 г. Особенностью этого документа стали обоснование и расчеты по формированию на территории Алтайского края территориально-отраслевых кластеров – новых сетевых форм организации производства, возникающих в наиболее конкурентоспособных секторах экономики и являющихся основными точками роста в долгосрочной перспективе (агропромышленный, туристско-рекреационный, биофармацевтический, инновационный кластеры)[3].

Широта и многообразие используемых при этом инструментов дополняется постоянным внедрением в практику регионального управления новых их видов. Тем не менее в монографии сделана попытка систематизации основных направлений и форм регулирования пространственного развития экономики в Алтайском крае (рис. 14.1).

Как видно из рисунка, в качестве ключевых форм регулирования пространственного развития региона (с учетом методов косвенного воздействия) определены следующие:

♦ разработка предплановых документов и планирование пространственного развития экономики региона;

♦ поддержка развития экономики и стимулирование инвестиционной активности муниципальных образований;

♦ совершенствование территориальной структуры хозяйства региона;

♦ модернизация административно-территориальной структуры, системы расселения и территориального управления;

♦ обеспечение экономики муниципальных образований региона трудовыми ресурсами.

Каждая из форм пространственного развития региона реализуется с помощью ряда инструментов, различающихся между собой как по роли в регулировании пространственного развития, так и по масштабам их применения.

---

[1] **Карлин А.Б.** Новые подходы к управлению // Промышленник России. – 2008. – № 12. – С. 33.

[2] Заметим, что набор инструментов государственной поддержки экономики региона, используемых в Алтайском крае, не является оригинальным. В принципе, видовой спектр инструментов поддержки экономики муниципальных образований в регионах России примерно одинаков. Частота использования тех либо других инструментов в конкретных регионах обусловлена рядом факторов, важнейшим их которых являются ресурсные ограничения, в первую очередь финансовые, а также специфика экономической ситуации.

[3] **Стратегия** социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: утверждена законом Алтайского края 21.11.2012 № 86-ЗС) // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/ Zakon86-zs_121121.pdf (дата обращения: 20.11.2016 г.).

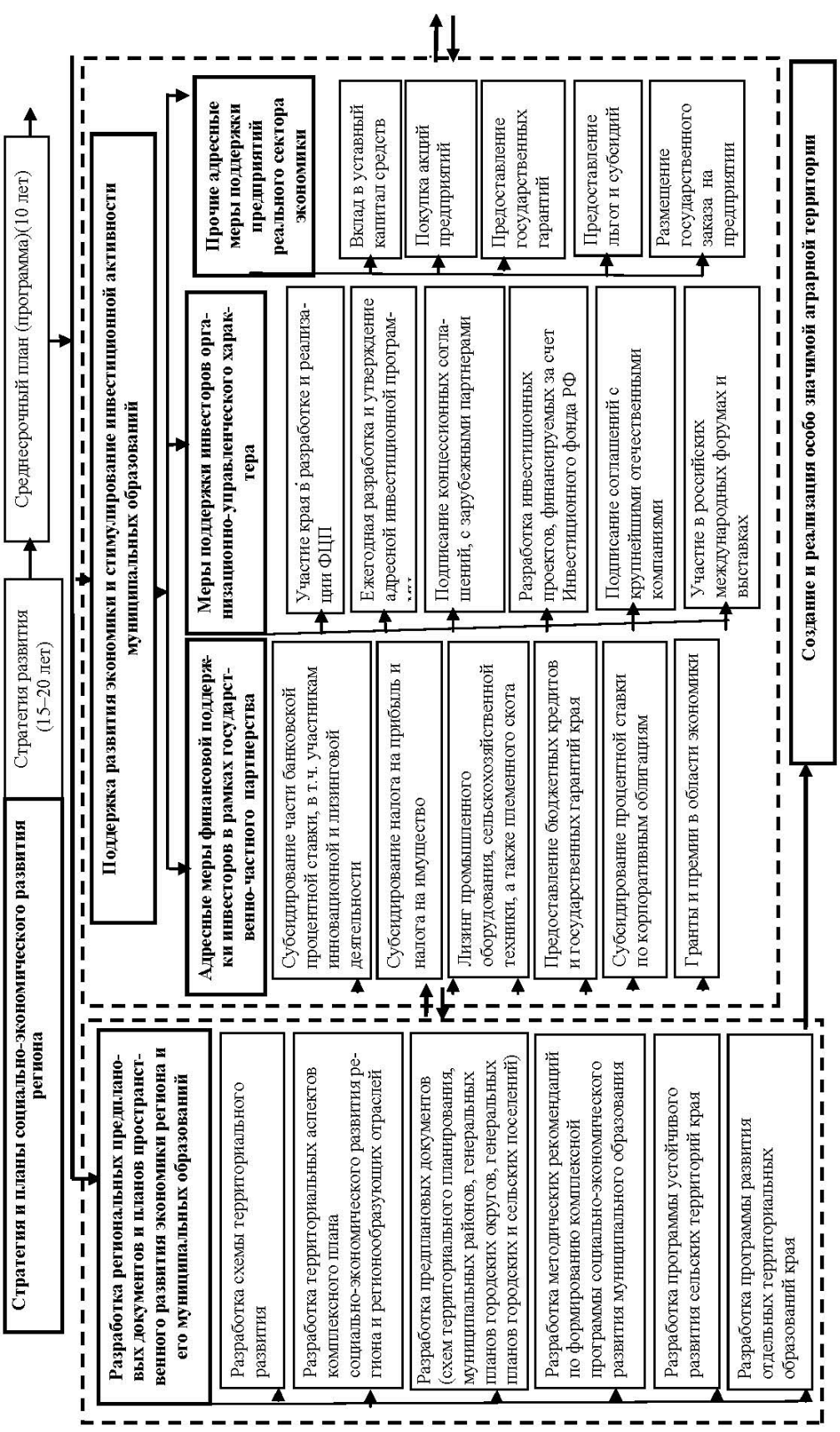
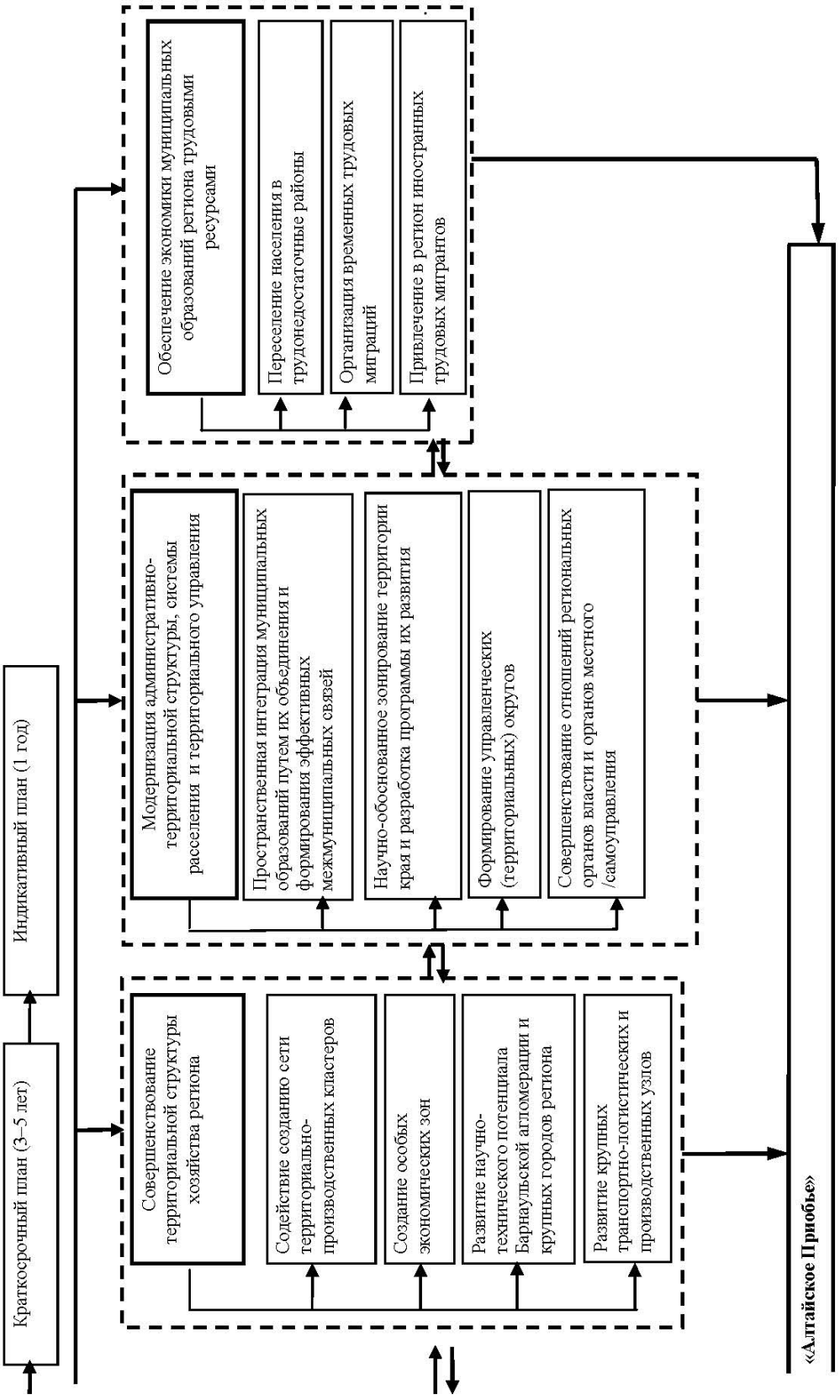


Рис. 14.1. Основные формы и инструменты регулирования



пространственного развития экономики Алтайского края

Предлагаемый подход, однако, требует некоторых комментариев. *Во-первых*, схема не претендует на полный охват всех инструментов (методов, приемов), отражающих прямое и косвенное воздействие региональных органов власти на региональное экономическое пространство. *Во-вторых*, систематизация инструментов регулирования пространственного развития региона является достаточно условной, «привязанной» к конкретным целям и задачам исследования. Наконец, *в-третьих*, – и это самое важное, – предложенный подход существенно шире по сравнению с принятым в науке взглядом на региональную политику, когда в качестве ее объекта рассматривается некая конкретная территория, а в качестве инструмента регулирования – разработанные национальные либо региональные программы ее развития[1].

14.3 ПОДДЕРЖКА И СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Это направление деятельности региональных органов власти и управления является, бесспорно, центральным элементом системы поддержки развития экономики муниципальных образований[2]. Как видно из рисунка 14.1, оно включает в себя, *во-первых*, меры организационно-управленческого характера, включая меры, обеспечивающие участие региона в реализации федеральных целевых и региональных программ; *во-вторых*, адресные меры финансовой поддержки предприятий реального сектора; наконец, *в-третьих*, прочие адресные меры поддержки предприятий. Рассмотрим их последовательно.

Меры организационно-управленческого характера. Основы сегодняшней системы управления инвестиционными процессами были заложены в 1998 г., когда был принят закон Алтайского края «Об инвестиционной деятельности в Алтайском крае», предусматривавший

– ежегодную разработку, утверждение краевым законодательным органом[3] и реализацию программы капитальных вложений за счет средств краевого бюджета, формируемой по приоритетным направлениям и отраслям;

– выделение средств краевого бюджета на участие Алтайского края в реализации федеральных целевых и региональных программ;

– предоставление бюджетных кредитов, государственных гарантий края;

---

[1] **Леонов С.Н.** Закономерности и особенности реализации селективной региональной политики зарубежных стран // Пространственная экономика. – 2011. – № 1. – С. 67–80.

[2] Специалистами администрации Алтайского края ежегодно выпускается справочник инвестора, в котором дается оценка инвестиционного климата, включая инвестиционные риски в Алтайском крае, характеризуется законодательство, регулирующее инвестиционную деятельность, раскрывается инфраструктура поддержки инвесторов и приводится перечень инвестиционных проектов. См.: **Алтайский** край. Справочник инвестора. 2009–2010. – Барнаул, 2009. – 152 с.; **Алтайский** край. Справочник инвестора. 2011–2012. – Барнаул, 2010. – 127 с.; **Алтайский** край. Справочник инвестора 2013. – Барнаул, 2013. – 76 с.

[3] В настоящее время эта функция Законодательного собрания Алтайского края в Законе не предусмотрена.

– компенсацию за счет краевого бюджета части банковской процентной ставки хозяйствующим субъектам края[1].

Сформированная в конце 1990-х годов система управления инвестиционными процессами в крае была существенно модернизирована во второй половине 2000-х годов. В частности, для решения задач улучшения инвестиционного климата и обеспечения экономического роста органами исполнительной власти при организационном и методологическом обеспечении Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края были разработаны и утверждены приоритетные направления социально-экономического развития региона. К числу основных приоритетных направлений отнесены улучшение предпринимательского климата, диверсификация структуры экономики и повышение ее конкурентоспособности.

Достижение целевых показателей социально-экономического развития Алтайского края обеспечивалось за счет специально созданной системы управления, в которой функции координации органов исполнительной власти выполняло Главное управление экономики и инвестиций[2]. Этим обеспечивалась целенаправленная реализация мероприятий и постоянный анализ индикаторов, характеризующих тенденции регионального развития[3].

Важное место в деятельности администрации края занимало и занимает создание инвестиционной инфраструктуры. К настоящему времени такая структура в основных своих чертах уже сложилась и продемонстрировала свою работоспособность[4].

Последующий этап модернизации системы управления инвестиционными процессами в Алтайском крае был связан с принятием на 2011–2015 гг. краевой программы «Улучшение инвестиционного климата в Алтайском крае». В разработанных в крае планах по ее реализации предусматривались и в настоящее время реализуются следующие мероприятия:

– разработка и внесение предложений по расширению инструментария поддержки инвестиционных проектов;

– интеграция субъектов малого и среднего бизнеса с крупными производствами (аутсорсинг);

– совершенствование механизмов стимулирования спроса на продукцию (услуги), производимую (оказываемые) в рамках инвестиционных и инновационных проектов Алтайского края;

– формирование и развитие кластеров в соответствии с конкурентными преимуществами Алтайского края;

– создание условий для повышения региональной инновационной активности в реальном секторе экономики, включая особые экономические формы для наукоемких и высокотехнологичных производств;

– формирование инвестиционно привлекательного имиджа Алтайского края.

---

[1] **Об инвестиционной** деятельности в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 9 декабря 2008 г. № 61–ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. – 1998. – № 32; См. также: **О мерах** государственного стимулирования инвестиционной деятельности в Алтайском крае: постановление администрации Алтайского края от 15 сентября 2007 года № 437 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 137, ч.2.

[2] **Об утверждении** плана действий органов исполнительной власти Алтайского края по реализации приоритетных направлений социально-экономического развития Алтайского края на 2006–2008 годы: постановление администрации Алтайского края от 20 апреля 2007 г. № 172 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 132, ч.1.

[3] **Об утверждении** перечня показателей Индикативного плана социально-экономического развития Алтайского края на 2008–2010 годы: постановление администрации Алтайского края от 20 июня 2008 г. № 243 // Алтайская правда. – 2008. – 3 июля.

[4] См.: **Алтайский** край. Справочник инвестора 2011–2012. – Барнаул, 2010. – С. 73–86.

Существенные изменения претерпела и система управления инвестиционными процессами, связанная прежде всего с введением института инвестиционных уполномоченных[1]. В частности, в 2011 г. был назначен инвестиционный уполномоченный в Алтайском крае, в функции которого входит взаимодействие с органами местного самоуправления, органами власти регионального и федерального уровней, включая взаимодействие с аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе – с целью оказания содействия хозяйствующим субъектам в реализации инвестиционных проектов.

Сформирован также институт инвестиционных уполномоченных в органах исполнительной власти Алтайского края и органах местного самоуправления, ориентированный на устранение административных барьеров, привлечение ресурсов в реализацию общегосударственных и региональных проектов, в том числе осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства[2].

В целях решения задач инвестиционной политики по формированию условий для привлечения инвестиций в проекты модернизации экономики края в 2011 г. было создано краевое автономное учреждение «Алтайский центр государственно-частного партнерства и привлечения инвестиций»[3]. Алтайский центр является профессиональным оператором инвестиционной деятельности и призван сориентировать инвесторов на реализацию стратегических приоритетов развития края.

Третьим значимым нововведением в системе управления инвестиционными процессами является созданный по решению Губернатора Алтайского края А.Б. Карлина региональный инвестиционный фонд с общим объемом 560 млн руб. Средства фонда направляются на поддержку инвестиционных проектов в виде строительства необходимой инфраструктуры (дорог, сетей водоснабжения и т.д.).

В крае был разработан план мероприятий («дорожная карта») «Улучшение предпринимательского климата в сфере строительства в Алтайском крае». Его ключевыми разделами, раскрывающими содержание документа, являются:

- разработка документов территориального планирования, градостроительного зонирования и документации по планировке территории;
- создание единой информационной базы на свободные земельные участки;
- утверждение административных регламентов государственных и муниципальных функций и услуг в сфере строительства;
- сокращение сроков и количества согласований и решений[4].

[1] **Об инвестиционных** уполномоченных и иных субъектах инвестиционной деятельности Алтайского края, а также об организации их взаимодействия: постановление Администрации Алтайского края от 30 ноября 2011 г. № 696 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2011. – № 187, ч. 4. – С. 391.

[2] В научной литературе достаточно подробно рассмотрен вопрос о целесообразности использования ГЧП при реализации проектов. См., например, **Мамченко О.П., Долженко И.А.** Экономическая сущность и роль государственно-частного партнерства в реализации региональной экономической политики // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2–2. – С. 245–249.

[3] **О создании** краевого автономного учреждения «Алтайский центр государственно-частного партнерства и привлечения инвестиций»: постановление Администрации Алтайского края от 15 июня 2011 г. № 321 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2011. – № 182, ч. 1. – С. 388.

[4] Контрольными показателями реализации дорожной карты предусмотрено сокращение в 2013–2018 гг. предельного количества процедур, необходимых для получения разрешения на строительство эталонного объекта капитального строительства непроизводственного назначения с 40 до 11 единиц; предельного срока прохождения всех процедур, соответственно, с 350 до 56 дней.

Организационно-управленческие меры поддержки инвестиционной деятельности (см. рис. 14.1) не ограничиваются вышеизложенным. Так, значимую роль играет разработка инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации.

В Стратегию социально-экономического развития Сибири на период до 2020 г.[1] вошли 12 первоочередных проектов, реализуемых в Алтайском крае. Перечислим главные из них:

- строительство и техническое оснащение современного свиноводческого комплекса на 300 000 голов;
- строительство свинокомплекса, производительностью 32,5 тыс. т мяса в живом весе в год;
- создание вертикально интегрированного птицеводческого комплекса с незамкнутым циклом по производству 63 тыс. т мяса бройлеров в год;
- строительство животноводческого комплекса по производству молока и мяса с общим содержанием 4000 голов дойного стада и 6000 голов молодняка крупнорогатого скота;
- создание транспортно-логистического терминала;
- глубокая переработка пшеницы на реконструированном мелькомбинате с. Ребриха Алтайского края;
- выращивание и глубокая переработка льна-межеумка масличного и др.[2]

Одной из перспективных форм развития государственно-частного партнерства в крае является подписание соглашений о социально-экономическом партнерстве администрации края с крупнейшими отечественными компаниями, в которых предусмотрены обязательства компаний по инвестированию в коммерческие и социальные проекты.

Это направление деятельности администрации имеет многолетнюю традицию. Еще в 2007 г. администрацией края были подписаны и сегодня реализуются долгосрочные соглашения с ОАО «Российские железные дороги», ОАО «Газпром», Уральской горно-металлургической компанией и ОАО «Сибирь-Полиметаллы», Холдинговой Компанией «Сибирский Деловой Союз» и ОАО «Алтайвагон», ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ОАО «Алтайкокс», Федеральным космическим агентством (Роскосмос), ООО «Бийскэнерго», ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть». Активизируется сотрудничество предприятий края с Государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк)*, Сбербанком РФ, ВТБ 24, СО РАСКУ СО РАН и т.д.

* Внешэкономбанк создан в соответствии с федеральным законом. См.: О банке развития: Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ (с изм. и доп. от 25 июня 2012 г. № 85-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22, ст. 2562. Его задачей является финансирование и обслуживание государственных инвестиционных проектов: банк обеспечивает финансирование проектов, которые в силу низкой доходности, высоких рисков или долгосрочности реализации проектов не привлекательны для частного инвестирования. При этом к поддерживаемым инвестиционным проектам относятся проекты: 1) финансируемые за счет средств Инвестиционного фонда России; 2) нацеленные на обеспечение функционирования особых экономических зон; 3) реализуемые в рамках федеральных целевых программ.

[1] **Об утверждении** Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 33, ст. 4444.

[2] По данным Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края.

С целью более эффективной реализации экономического потенциала муниципальных образований края и продвижения продукции предприятий региона на российский и международный рынок Алтайский край активно участвует в организации и проведении общеэкономических, специализированных и международных выставок, торгово-экономических миссий, деловых форумов[1]. Для этого в 1995 г. была создана ЗАО «Алтайская ярмарка». Сегодня выставочное общество «Алтайская ярмарка» представляет собой широко разветвленную структуру, проводящую ежегодно более 10 крупных выставочных и конгрессио-выставочных мероприятий.

Наиболее масштабными инвестиционными площадками для данных мероприятий российского и мирового уровня являлись:

- «MIPIM» – Международная выставка-ярмарка инвестиционных проектов в сфере коммерческой недвижимости, г. Канны, Франция;
- «ITB» – ведущая специализированная выставка в мире международного туристического бизнеса, г. Берлин, Германия;
- Петербургский международный экономический форум, г. Санкт-Петербург;
- «Интурмаркет» (ITM) – крупнейшая российская выставка туристической индустрии, г. Москва;
- «Туризм и отдых – MITF» – Московская Международная выставка, направленная на развитие всех направлений и видов туризма в России, г. Москва.

Данные форумы и выставки являются платформой для привлечения внимания отечественных и зарубежных инвесторов к перспективным инвестиционным и инновационным направлениям развития края.

В целом новые формы государственной поддержки предприятий создают благоприятные условия для динамичного развития рыночной экономики региона и способствуют повышению активности и самостоятельности предприятий в конкурентной борьбе как на внешнем, так и на внутреннем рынках.

Одним из ключевых инструментов стимулирования инвестиционной деятельности в крае является участие региона в реализации федеральных и региональных целевых программ. Алтайский край участвует более чем в 40% действующих на территории Российской Федерации федеральных целевых программ.

В 2014 г. в Алтайском крае было реализовано 17 из 40 государственных программ, утвержденных Правительством Российской Федерации (42,5%), в 2012 г. – 24 из 54 (44,4%). Остальные программы, как правило, имели узкоспециализированную направленность, в силу чего край не мог принимать в них участие.

Из федерального бюджета Алтайскому краю в 2003–2014 гг. на реализацию федеральных целевых программ и проектов внепрограммной части было выделено 111,5 млрд руб. (в действующих ценах), в том числе государственных капитальных вложений – 71,1 млрд руб. (63,8%) (табл. 14.1).

Наибольшее финансирование из федерального бюджета направлено на реализацию следующих федеральных целевых программ: «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)»; «Жилище» на 2011–2015 годы; «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»; «Развитие внутреннего и въездного туризма Российской Федерации (2011–2018 гг.)»[2].

[1] **Экономика** Алтайского края: итоги и перспективы развития. – Барнаул, 2006. – С. 97.

[2] Характеристика наиболее крупных федеральных программ дана в «Экономическая энциклопедия регионов России». См.: **Экономическая** энциклопедия Алтайский край / НПО «Экономика». – М. : Экономика, 2012. – С. 390–392.

Таблица 14.1

Динамика финансирования федеральных целевых программ в 2003–2014 гг.

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Финансирование ФЦП за счет средств федерального бюджета, млн руб.	1994,0	2177,4	2954,5	4047,5	5799,4	8491,4	13098,3	14183,2	16004,9	17753,5	13096,5	11201,1

Источник: **Третьякова Л.П., Троцковский А.Я.** Программно-целевые методы управления: исторический и современный контекст / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – С. 46.

Основными приоритетными направлениями расходования средств являются создание условий для получения доступного и качественного образования, повышение доступности услуг дошкольного образования для населения края. В 2014 г. на реализацию мероприятий по модернизации региональных систем дошкольного образования направлено 1,14 млрд руб., в том числе 0,91 млрд руб. – средства федерального бюджета. За счет указанных бюджетных средств проведены работы по строительству, реконструкции и капитальному ремонту 26 детских садов.

С участием средств федерального бюджета решаются задачи, связанные с развитием водоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, теплоснабжения, газификации, а также осуществляются проекты по комплексной компактной застройке и благоустройству территорий сельских поселений.

В целом в 2014 г. на развитие инженерной инфраструктуры в муниципальные образования направлено более 640,0 млн руб., в том числе 305,5 млн руб. из федерального бюджета. За 2014 г. введены в эксплуатацию газопроводы и разводящие газовые сети – 117 км, водопроводные сети – более 80 км.

Реализация федеральных целевых программ осуществляется с учетом принципа софинансирования за счет средств краевого бюджета. Объем инвестиций, направляемых в объекты капитального вложения с помощью адресной инвестиционной программы, увеличился с 625,4 млн руб. в 2003 г. до 5080,8 млн руб. в 2012 г. (табл. 14.2).

Таблица 14.2

Динамика объема инвестиций адресной инвестиционной программы в 2003–2014 гг.

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Капиталовложения за счет средств краевого бюджета, млн руб.	625,4	572,0	451,6	765,4	187,2	3336,2	2926,8	2538,9	5329,9	5080,8	2802,5	1437,2

Источник: **Третьякова Л.П., Троцковский А.Я.** Программно-целевые методы управления: исторический и современный контекст / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – С. 47.

Снижение объемов финансирования в последние два года, как отмечалось ранее, обусловлено прекращением действия ряда ФЦП.

Удельный вес финансирования из бюджета края в общем объеме финансирования федеральных целевых программ составил в 2014 г. около 20%. Он заметно разнится в зависимости от программы (табл. 14.3).

Таблица 14.3

Характеристика основных ФЦП, реализуемых на территории Алтайского края на условиях софинансирования, 2012 г.

Наименование программ	Финансирование из федерального бюджета, млн руб.	Финансирование из краевого бюджета, млн руб.	Доля в общем объеме средств из федерального бюджета, %	Доля в общем объеме средств из краевого бюджета, %
1. Развитие транспортной системы в России (на 2009– 2015 гг.)	1404,18	102,37	7,9	5,56
2. Жилище	975,53	304,07	5,49	16,5
3. Социальное развитие села до 2013 г.	400,10	361,23	2,25	19,62
4. Развитие физической культуры и спорта на 2006–2015 гг.	103,42	21,36	0,58	1,16
5. Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 гг.	258,05	6,48	14,7	0,35
6. Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 г.	48,48	13,41	0,27	0,72

Особое внимание уделяется улучшению жилищных условий граждан (молодых семей, жителей сельской местности, в том числе молодых специалистов, детей-сирот). В 2011–2014 гг. благодаря федеральному финансированию и софинансированию из средств краевого и местных бюджетов улучшили свои жилищные условия порядка 6,3 тыс. семей, в основном молодых. В 2013–2014 гг. были обеспечены жильем 414 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Вторым из основных направлений деятельности региональных органов власти и управления по стимулированию инвестиционной деятельности, обозначенным на рисунке 14.1, являются адресные меры финансовой поддержки предприятий реального сектора экономики. Следует заметить, что это направление работы в тех или иных формах постоянно присутствовало в деятельности региональных органов власти.

Наряду с апробированными постоянно появляются и новые формы поддержки инвесторов. Например, в 2009–2012 гг. появились такие формы, как предоставление государственных гарантий Алтайского края по заимствованиям застройщиков и передача в залог имущества казны. Прорабатывается вопрос о внедрении новых форм поддержки – субсидирование части затрат на приобретение инвестором оборудования и затрат инвестора по уплате процентной ставки по договорам лизинга. Вместе с тем ряд ранее используемых форм финансовой поддержки (субсидирование части процентной ставки по кредитам на газификацию жилья и развитие личных подсобных хозяйств) в сегодняшней практике нет.

Начиная с 2000 г. администрацией края осуществляется поддержка реального сектора экономики в виде компенсаций части банковской ставки по кредитам, привлекаемым предприятиями для реализации инвестиционных проектов[1]. В последние годы круг инвесторов, охваченных этой формой государственной поддержки, значительно расширился благодаря распространению с 2006 г. механизма субсидирования части банковской процентной ставки на участников лизинговой деятельности, а также на другие сектора экономики.

Можно сказать, что субсидирование части банковской процентной ставки по кредитам, привлекаемым в кредитных организациях, стало платформой государственной поддержки предприятий и организаций реального сектора экономики. Государственная поддержка за счет средств краевого бюджета в виде субсидированной части банковской процентной ставки по привлеченным кредитам и затрат по уплате налога на имущество за 2006–2012 гг. была оказана 290 организациям и индивидуальным предпринимателям на сумму более 1 млрд руб., в том числе на субсидирование части банковской процентной ставки – 970,4 млн руб. Получателями господдержки инициирована реализация более 150 инвестиционных проектов.

Объем обслуженных за указанный период кредитов, привлеченных на условиях субсидирования части банковской процентной ставки, составил около 14 млрд руб. На 1 руб. господдержки инвесторами было привлечено 12 руб. кредитных ресурсов[2].

Благодаря разнообразию предлагаемых форм поддержки инвесторов ею могут воспользоваться предприятия, осуществляющие инвестиции за счет кредитных ресурсов, за счет собственных средств, а также предприятия, использующие схему лизинга.

Наряду с субсидированием части банковской процентной ставки широкое распространение в крае получили такие инструменты поддержки предприятий реального сектора, как лизинг промышленного оборудования, сельскохозяйственной техники, а также племенного скота, субсидирование налога на прибыль и налога на имущество, а с 1997 г. – поддержка малого бизнеса[3].

Первые попытки использования лизинга в крае как инструмента поддержки инвесторов были предприняты к концу 1990-х годов, когда в целях оказания помощи сельхозтоваропроизводителям был принят закон «О поддержке лизинговой деятельности в отраслях реального сектора экономики Алтайского края»[4].

С учетом высокой степени износа основных фондов в сельском хозяйстве (около 54%), администрацией края начиная с 2006 г. были приняты организационные меры по формированию и использованию Краевого лизингового фонда. За годы работы Краевого лизингового фонда за счет его средств приобретено 1935 единиц новой высокопроизводительной сельскохозяйственной техники, в том числе 201 комбайн, 400 тракторов. В результате принятых мер уже в 2006 г. степень износа производственного капитала в сельском хозяйстве начала снижаться и достигла уровня 1997 г.

---

[1] **О предоставлении** хозяйствующим субъектам края инвестиционных кредитов с участием краевого бюджета: постановление администрации Алтайского края от 16 марта 2001 года № 190 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2001. – № 59. – С. 153.

[2] **Алтайский** край. Справочник инвестора 2011– 012 гг. – Барнаул, 2010. – С. 70.

[3] Подробная характеристика инструментов поддержки инвесторов, используемых в Алтайском крае. См.: **Социально-экономическое** развитие региона: методика и результаты исследования: монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 14–21.

[4] **О поддержке** лизинговой деятельности в отраслях реального сектора экономики Алтайского края: Закон Алтайского края от 6 мая 1999 года № 17–ЗС [с изм. и доп. от 7.10.2010 № 85-ЗС] // Сборник законодательства Алтайского края. – 1999. – № 36. – С. 9; **Сборник** законодательства Алтайского края. – 2010. – № 174, ч. 1. – С. 50.

В дальнейшем число инвесторов, использующих лизинговые схемы государственной поддержки, заметно расширилось. Так, с 2005 г. за счет средств Краевого лизингового фонда стало осуществляться приобретение сельскохозяйственными организациями племенного скота и обновление основных средств промышленными предприятиями[1].

В заключение этого раздела работы мы с помощью экспертов дадим оценку сильных и слабых сторон сложившейся системы управления инвестиционными процессами в Алтайском крае.

Сильными сторонами системы, по мнению экспертов, являются открытость власти, диверсифицированный портфель возможностей государственной поддержки, наличие персональной ответственности за сопровождение инвестиционного процесса, эффективно выстроенные взаимоотношения с федеральными институтами и министерствами.

Анализ сложившейся в крае системы инвестирования позволил нам также сделать вывод о достаточно высокой адаптации системы к существующим реалиям. Это, в частности, проявилось в реализации дифференцированного подхода к софинансированию объектов, включенных в адресную инвестиционную программу (для городов – 50%, для сельских районов – в зависимости от наполняемости доходной части их бюджета – от 10 до 50%).

К узким «местам» в улучшении инвестиционного климата в крае, по мнению экспертов, можно отнести инертность муниципальных органов власти, дотационность бюджета и ограниченность в предоставлении некоторых видов поддержки (налоговых льгот и каникул, государственных гарантий под крупномасштабные проекты и т.д.). Администрация края, пытаясь восполнить этот пробел, взяла на себя расходы на выполнение проектно-сметной документации (по крайней мере, в отношении наиболее социально значимых объектов).

Наконец, отработан и внедрен в практику механизм, позволяющий контролировать объемы затраченных средств путем утверждения предельной стоимости объектов.

С нашей точки зрения, эффективность инвестиционного процесса во многом снижается из-за слабой проработки территориальных аспектов программ развития социальных отраслей.

До тех пор пока не определены приоритеты пространственного развития и, соответственно, не решен главный вопрос – развитие экономики каких конкретно муниципальных образований (городов, районов) должно стимулироваться администрацией края? – инвестиционная политика в своей «социальной части» будет и должна, на наш взгляд, носить «уравнительный» характер, а ее доминирующим целями будут не экономические, а социальные и политические.

Сказанное, однако, не исключает необходимости координации, прежде всего, инфраструктурный инвестиций и инвестиционных стратегий бизнеса в регионах с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений, включая демографические[2].

---

[1] Подробнее см.: **Развитие** лизинговой деятельности в Алтайском крае: справочное издание. – Барнаул, 2007. – 81 с.

[2] **Аганбегян А.Г., Михеева И.Н., Фетисов Г.Г.** Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 37.

14.4 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ: НОВЫЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ С УЧЕТОМ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ СТРУКТУР

На современном этапе региональная политика рассматривается как одна из наиболее важных составляющих конструирования динамично развивающейся и конкурентоспособной хозяйственной системы. Между тем в настоящее время сложилось большое количество разнородных пространственных элементов такой хозяйственной системы, как объекта политики регионального развития и стратегирования социально-экономического развития территорий. В их числе как административно определенные пространственные формирования (федеральные округа, субъекты федерации, муниципальные образования), так и специфические пространственные системы (экономические зоны различного типа, наукограды, кластеры и пр.).

Наличие такого разнообразия объектов управления пространственным развитием производительных сил, на наш взгляд, представляет собой серьезную проблему в достижении поставленных целей экономического развития страны и ее регионов. Подобная ситуация стала следствием отсутствия единых, стратегически выстроенных концептуальных представлений о сущности, формах и долговременных приоритетах политики пространственного развития и его стратегирования[1].

Одним из инструментов обеспечения управляемости, маневренности и эффективности развития территорий, а также приближения управляющих субъектов к объектам воздействия является районирование.

Надо отметить, что научные исследования по районированию Алтайского края немногочисленны и в большей степени носят типологический характер[2]. Например, одна из последних работ в этой области исследований посвящена распределению сельских территорий в зависимости от их центропериферийного положения[3].

Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. в целях совершенствования пространственной организации региона предусматривает его разделение на 4 зоны экономического роста: Северо-Восточная, Юго-Восточная, Южная и Северо-Западная[4]. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач: выравнивание территориальной неравномерности, формирование зон и центров экономического роста на базе крупных городов, перепрофилирование моногородов, повышение качества транспортной и инженерной инфраструктуры.

Интересным опытом районирования является деление Алтайского края на 7 управленческих округов, перечень и состав которых утверждены распоряжением

---

[1] **Швецов А.Н.** Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная Экономика. – 2015. – № 1. – С. 38–61.

[2] **Жидких А.А.** Виды районирования Алтайского края / Материалы Международной научно-практическая конференция «Роль аграрных реформ П.А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока» / под общей ред. М.П. Щетинина. – Барнаул, 2010. – С. 144–167.

[3] **Троцковский А.Я., Мищенко И.В**. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование: монография. – Барнаул, 2013. – 176 с.

[4] **Стратегия** социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утверждена Законом Алтайского края 21.11.2012 № 86-ЗС // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf. (дата обращения: 20.11.2016 г.).

Администрации края[1]. За каждым округом был закреплен заместитель Губернатора края, который во взаимодействии с государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти региона осуществлял мониторинг социально-экономического положения в округе. Кроме того, в Алтайском крае существуют и другие варианты районирования так или иначе связанные с системой управления отдельными сферами: образовательные округа, медико-географические зоны, избирательные округа, межрайонные инспекции федеральной налоговой службы по Алтайскому краю.

Таким образом, на сегодняшний день в системе территориального управления Алтайским краем существует несколько действующих и не совпадающих между собой схем деления региона на составные части, что не способствует проведению согласованной экономической и социальной политики. Более того, о применяемых критериальных подходах к построению указанных систем районирования можно только догадываться.

Учитывая, что на региональном уровне пространственного стратегирования нет однозначного представления о том, на какие части (помимо формальной сети муниципальных образований) может быть поделена территория региона с целью принятия оптимальных управленческих решений, и как это можно сделать, данная задача представляется особенно актуальной. Следует заметить, что ее решение в существенной мере осложняется значительным неравенством уровней социально-экономического развития как самих субъектов Российской Федерации, так и отдельных территорий в пределах практически всех регионов России.

Предлагаемый подход к выделению экономических районов субъекта РФ базируется на двух основополагающих характеристиках территории – уровне экономического развития и ее финансово-экономической самостоятельности.

Отличительной особенностью подхода является его практикоориентированность, подразумевающая его доступность и минимизацию усилий со стороны органов управления в процессе использования подхода.

С учетом сказанного, достигнутый уровень экономического развития территории оценивался крайне ограниченным и в то же время минимально достаточным, на наш взгляд, кругом показателей. В их числе:

- ♦ объем отгруженных товаров собственного производства в расчете на одного трудоспособного;
- ♦ объем продукции сельского хозяйства в расчете на одного трудоспособного;
- ♦ объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения.

Оценка финансово-экономической самостоятельности территории производилась по формуле, предложенной акад. А.Г. Гранбергом:

$$K_{fi} = \frac{Y + P}{G - R}, \qquad (3)$$

где K_{fi} – коэффициент общей финансово-экономической самостоятельности;

Y – общая величина денежных доходов населения;

[1] **О перечне** управленческих округов и предметов деятельности, закрепленных за заместителями Губернатора Алтайского края [Электронный ресурс]: распоряжение администрации Алтайского края от 21.09.2009 № 310-Р // Российский Региональное законодательство [сайт]. – URL: http://www.regionz.ru/index.php?ds=366425 (дата обращения: 20.11.2015 г.). Постановлением Администрации Алтайского края № 16 от 17.01.2014 г. указанное распоряжение признано утратившим силу.

P – прибыль предприятий;

G – общий объем расходов бюджета;

R – собственные доходы бюджета.

Для расчета интегральной оценки используется метод многомерного шкалирования индикаторов. Свод данных по частным показателям осуществляется по формуле многомерной средней[1]. Для этого:

(1) В целях приведения показателей x_i^j в сопоставимый вид, по каждому из них рассчитываются нормированные индикаторы $\tilde{x}$ по формуле:

$$\tilde{x}_i^j = \frac{x_i^j}{\bar{x}}, \qquad (4)$$

где i – номер индикатора, j – территория, $\bar{x}$ – среднее значение индикатора по региону.

(2) Рассчитывается обобщенный интегральный показатель (Y^j), характеризующий экономическое развитие, как многомерное среднее нормированных индикаторов по формуле:

$$Y^j = \frac{\sum_{i=1}^{n} \tilde{x}_i^j}{n}, \qquad (5)$$

где Σ – сумма нормированных значений индикаторов, n – количество нормированных индикаторов.

(3) Определяется нормированная оценка коэффициента общей финансово-экономической самостоятельности (K_{fi}) по формуле 5.

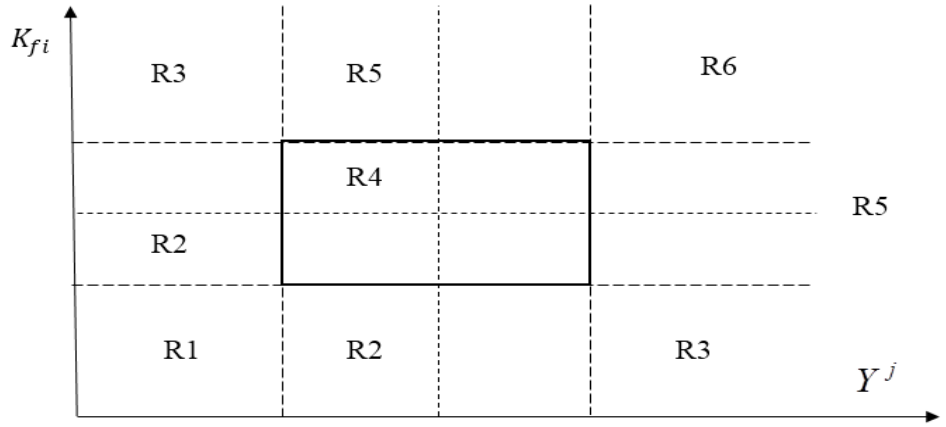
Территории по результатам анализа двух главных компонент: *первая*, представленная по горизонтальной оси, отражает уровень экономического развития; *вторая* размещена по вертикали, и представляет собой финансово-экономическую самостоятельность, подразделяются на зоны (рис. 14.2)[2].

Моделирование районирования будем осуществлять по формуле расчета потенциала поля расселения с учетом реальных расстояний по транспортным путям, предложенной В.С. Тикуновым[3], по аналогии с формулой тяготения Ньютона, которая выражает взаимодействие двух тел через произведение их масс, деленное на квадрат расстояния между ними.

[1] По нашей оценке, расчет многомерной средней является одним из наиболее распространенных и надежных методов межрегиональных сопоставлений. См., например**, Суспицын С.А.** Барометры социально-экономического положения регионов России. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2004. – 124 с.

[2] Там же.– С. 61.

[3] **Тикунов В.С.** Моделирование в картографии: Учебник. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – С. 36.



Примечания: R1 – зона неблагополучных регионов;
R2 – хуже средних;
R3 – зона проблемных регионов;
R4 – зона регионов с приемлемыми (средними) характеристиками;
R5 – зона регионов лучше средних;
R6 – зона благополучных регионов.

Рис. 14.2. Структуризация пространства региональных индикаторов

В нашем исследовании вместо показателей численности населения мы используем интегральные значения показателей, характеризующих экономическое развитие и финансово-экономическую самостоятельность территорий.

$$I = \frac{Y_1^j \times Y_2^j}{(D_1 - D_2)^2}, \qquad (6)$$

где Y_1^j и Y_2^j – интегральные значения показателей характеризующих уровень экономического развития и финансово-экономическую самостоятельность двух территорий;

$\boldsymbol{D_1}$ и $\boldsymbol{D_2}$ – расстояние между центрами этих территорий.

В итоге мы получаем сетку экономических районов, в рамках которых в дальнейшем предполагается выделить ключевые отрасли специализации с целью создания вокруг них территориальных кластеров.

На рисунке 14.3 приведены результаты интегральной оценки показателей, характеризующих экономическое развитие и финансово-экономическую самостоятельность территорий Алтайского края по итогам 2014 г., которые мы подразделили на 4 группы, несколько видоизменив ранее предложенную классификацию. Эти группы были положены в основу предлагаемой нами сетки экономических районов и подрайонов (рис. 14.4).

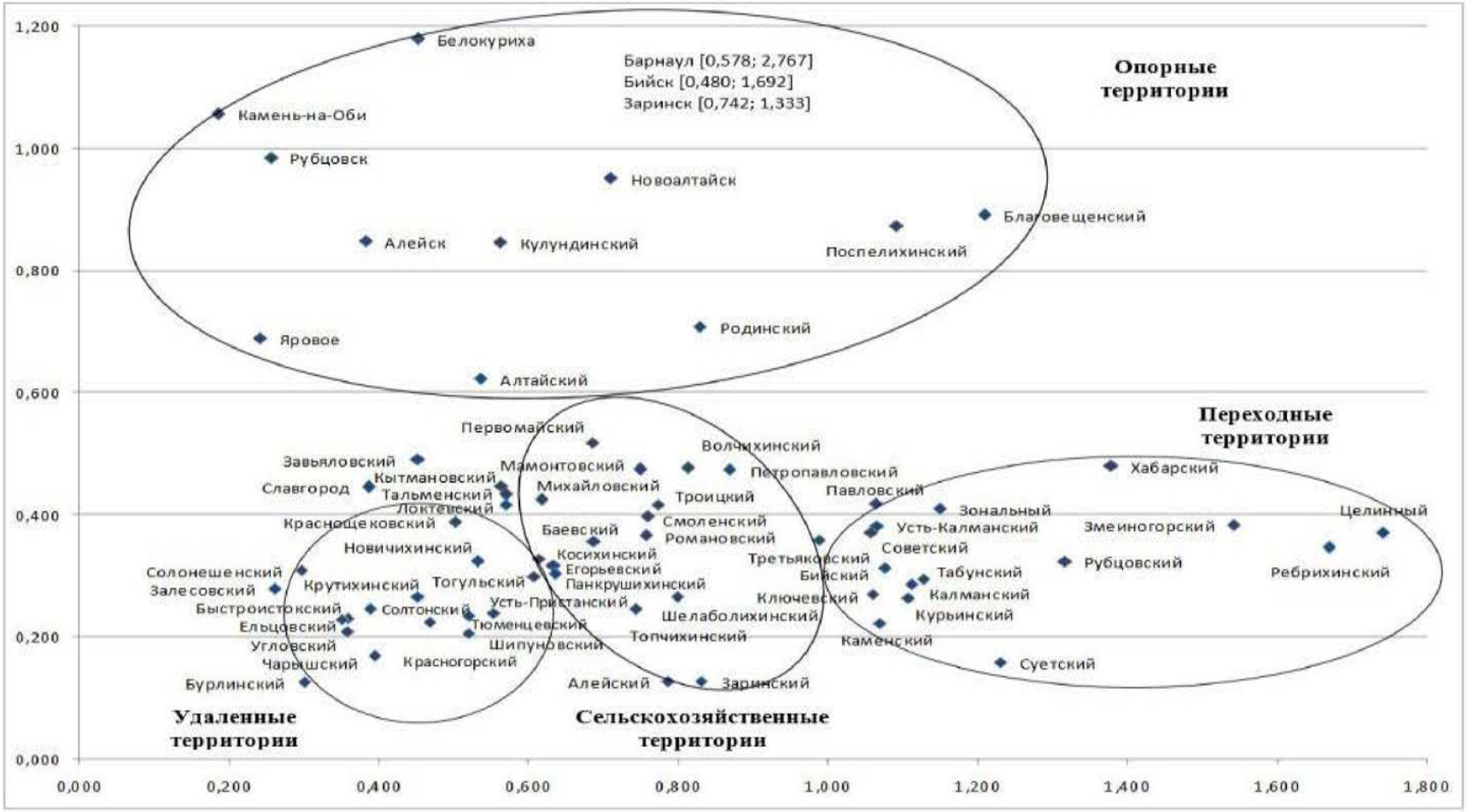


Рис. 14.3. Группировка территорий Алтайского края по результатам интегральной оценки показателей, характеризующих экономическое развитие и финансово-экономическую самостоятельность

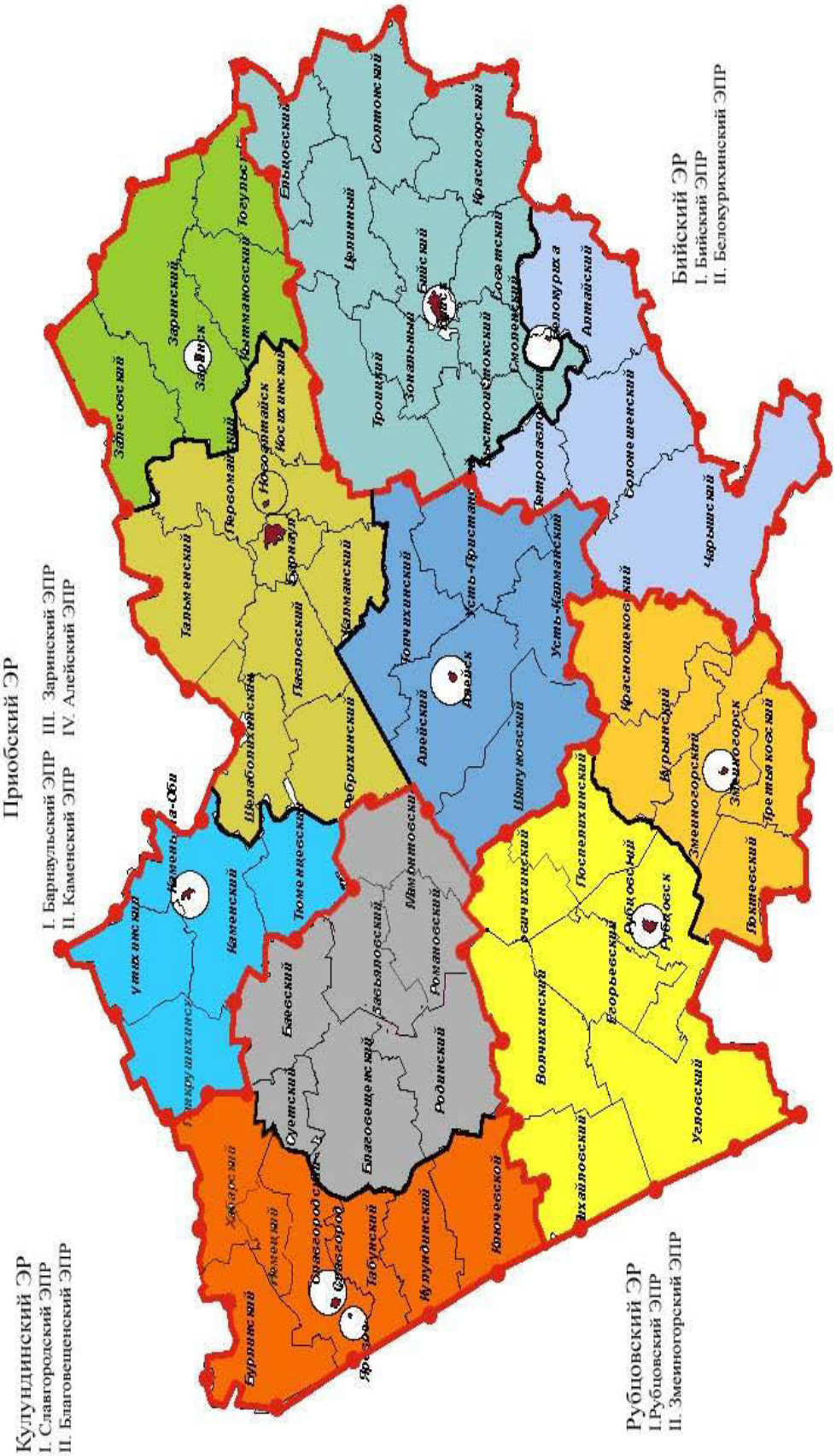


Рис. 14.4. Схема экономических районов (ЭР) и подрайонов (ЭПР) Алтайского края

Характеристика этих групп выглядит следующим образом.

Первая группа. Удаленные (приграничные) территории – расположены на границах с соседними регионами, характеризуются низким уровнем социально-экономического развития, финансовой устойчивости, плотности населения и доступности (периферийности). Промышленность практически отсутствует, основная специализация сельское хозяйство и туризм.

Вторая группа. Сельскохозяйственные территории, где занимаются в основном традиционным производством первичного сырья и его переработкой. Основанием для выделения данной группы является средний уровень социально-экономического развития и финансовой устойчивости.

Третья группа. Переходные территории – имеют развитый промышленный сектор, основанный на среднетехнологичных производствах, ориентированных на потенциал и развитие преимуществ, связанных с местной специализацией.

Четвертая группа. Опорные территории имеют относительно высокий уровень развития; в основном это города – промышленные центры и крупные муниципальные районы с диверсифицированной экономикой.

Новая сетка экономических районов существенно отличается от предложенной в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. Ее отличительной особенностью является бóльшее количество опорных центров, более дробное деление и различный состав территорий в группах.

Очевидно, что большие (укрупненные) территориальные образования на региональном уровне имеют определенные преимущества перед небольшими. Прежде всего это касается круга и величины производственных ресурсов, в частности трудовых, набора отраслей специализации и объемов производства, уровней экономического, а значит и социального развития, относительной финансово-бюджетной обеспеченности и привлекательности предпринимательского климата. В этой связи мы полагаем, что именно они должны стать основным объектом региональной экономической политики.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Трансформация экономического и социального пространства края, рассмотренная с позиции его конкурентоспособности, характеризуется рядом тенденций.

Основными из них являются следующие:

- система расселения Алтайского края продолжает испытывать на себе влияние центростремительных сил. В результате процесс «сжатия» экономического пространства края интенсифицируется, экономическая активность населения во все большей мере концентрируется вокруг крупных городов края;
- несмотря на разнонаправленность в изменениях отдельных показателей, в целом в 2000–2014 гг. наблюдался рост различий (дивергенция) по уровню социально-экономического развития между сельскими районами края, которая проявляется, в частности, и в меньшей компактности выделенных типов районов, усилении размытости границ между ними;
- социально-экономическое развитие сельских районов края носит «рассогласованный» характер: сближение по одним показателям (по уровню миграции, обеспеченности медицинскими учреждениями и кадрами, качеству жилищного фонда, оплате труда, уровню безработицы) и значительный рост территориальных различий

по другим (рождаемости, заболеваемости, обеспеченности жильем, развитию потребительского рынка, сети учреждений культуры);

- произошедшие массовые изменения в позициях сельских административных районов за исследуемые 10 лет (это коснулось более 40% всех районов) свидетельствуют о довольно высокой мобильности районов края по уровню социально-экономического развития и отсутствии «застойных» явлений в сельской территориальной структуре;
- близлежащие к городам сельские административные районы характеризуются в целом более высоким уровнем социально-экономического развития и конкурентоспособности. Вместе с тем статистически значимая связь между центропериферийным положением района и уровнем его социально-экономического развития имеется лишь по ряду показателей (соотношению миграционных потоков и естественного движения населения; плотности населения и уровню развития сельхозпроизводства);
- к наиболее относительно неблагополучным относятся 4 района (Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский). Три последних из них сохранили такую позицию в рассматриваемом десятилетии. Эти районы-аутсайдеры отличались более низкими показателями экономического развития при относительно высоких показателях обеспеченности населения неблагоустроенным жильем и объектами социальной инфраструктуры. Узлы проблем развития этих районов сосредоточены в сфере АПК, что формирует низкие оплату труда и платежеспособность сельских жителей, отражающиеся на развитии потребительского рынка, низких объемах строительства жилья и, как следствие, высоких показателях миграционного оттока населения. Особенностью географического расположения этой группы неблагополучных районов является их периферийность, пограничность (либо близость к границе Алтайского края), наряду с удаленностью от авто- и железнодорожных магистралей, а также высокий природный потенциал, что может определить перспективу их социально-экономического развития.

2. В современной практике территориального управления существует несколько действующих и не совпадающих между собой схем деления региона на составные части, что не способствует проведению согласованной экономической и социальной политики. Основная проблема состоит в отсутствии однозначного представления о том, на какие части (помимо формальной сети муниципальных образований) могла бы быть поделена территория региона с целью принятия оптимальных управленческих решений. Ее решение в существенной мере осложняется значительным неравенством уровней социально-экономического развития – как межрегиональных, так и внутрирегиональных.

Предложен подход к выделению укрупненных по сравнению с существующим административно-территориальным делением региона экономических районов, базирующийся на двух основополагающих характеристиках – уровне экономического развития территории и ее финансово-экономической самостоятельности.

Укрупненные экономические районы региона обладают рядом конкурентных преимуществ, обусловленных расширением объема располагаемых ресурсов и отраслей специализации, ростом масштабов производства, финансово-бюджетной обеспеченности, привлекательности предпринимательского климата и возможностей социального развития территории.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экспортно-сырьевая модель развития экономики России, действующая до настоящего времени, не создала для аграрно-промышленных регионов благоприятных условий развития. Алтайскому краю, благодаря более высоким по сравнению с Россией темпам роста, удалось в целом удержать свои конкурентные позиции, не допустить заметного усиления различий в развитии по сравнению со «среднероссийским» регионом. Однако с учетом гораздо большей глубины падения в первые годы реформ набранных темпов роста оказалось недостаточно для нивелирования существующих межрегиональных различий.

Происходящие сегодня подвижки в экономической и региональной политике государства дают краю определенные шансы для повышения уровня социально-экономического развития и укрепления его конкурентных позиций. Факторы развития экономики края, предопределившие большую по сравнению с Россией глубину его падения на этапе вступления страны в рынок, в новых экономических условиях, при реализации новой модели экономики могут перейти в свою противоположность и послужить драйвером развития региона.

Но главное, на наш взгляд, все-таки в другом – существующая межрегиональная конкуренция, как порождение концепции либерализма, не может быть признана эффективной, созидательной[1]. Основным признаком последней, по мнению Ф. Хайека, является использование потенциала конкуренции для координации деятельности, неразрывность конкуренции и сотрудничества[2].

Применительно к нашему исследованию речь идет о межрегиональном сотрудничестве, не получившем, как известно, большого распространения. В этих условиях регионам с менее выраженными конкурентными преимуществами (Алтайский край в их числе) сложно создать среду, позволяющую дислоцированным на их территории предприятиям и организациям в полной мере выдерживать возрастающую конкуренцию.

Исходя из сказанного выше, принципиальным моментом для роста конкурентоспособности края является научно обоснованная региональная политика федерального центра. Ее особенностью, на наш взгляд, должен быть отказ от рассмотрения слабо- и среднеразвитых регионов России в качестве прицепов к «регионам – локомотивам роста».

Только в этом случае регионы, не обладающие высоким уровне социально-экономического развития, будут являться полноправными субъектами Российской Федерации, занимающими, исходя из имеющихся конкурентных преимуществ, свое достойное место в межрегиональном разделении труда.

[1] Такой точки зрения придерживаются сегодня большое число ведущих ученых – не только регионалистов, но и экономистов-теоретиков. См.: **Селиверстов В.Е.** Сибирь: стратегия и перспективы // Наука в Сибири. – 2014 – № 44. – С. 7; **Полтерович В.М.** Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5–23.

[2] См. подробнее: **Хайек Ф.А.** Дорога к рабству. – М. : Новое изд-во, 2005. – С. 79.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Blanchard O., Katz L. Wage dynamics: Reconciling theory and evidence // American Economic Review. – 1999. – Vol. 89. – No 2. – Pp. 69–74.

2. Cartmel F., Furlong. A. Youth unemployment in rural areas. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 46 pp.

3. Commander S., McHale J., Yamtsor R. Russia // Unemployment, Restructuring and the Labour Market in Eastern Europe and Russia / ed. by S. Commander, F. Corichelli. – Washington: World Bank, 1995.

4. Dohmen T., Lehmann H., Schaffer V. Wage policies of a Russian firm and the financial crisis of 1998: Evidence from personnel data, 1997 to 2002 // Industrial and Labor Relations Review. – 2014. – Vol. 67. – No 2. – Pp. 504–531.

5. Fitch Ratings. Региональные финансы. Россия. Алтайский край. URL: https://www.fitchratings.com/site/russia (дата обращения: 30.06.2017 г.).

6. Foss N.J. Higher-order industrial capabilities and competitive advantage // J. Industry Studies. – 1996. – No 3 (1). – Pp. 1–20.

7. Friedmann J., Alonso W. Regional development as a policy issue // Regional development and planning. – Cambridge (Mass.), 1964. – P. 41.

8. George J. Boris. Labor economics. 2nd Edition. – Boston etc.: McGrow-Hill Higher Education – 2000. – 521 pp.

9. Healy A., Morgan K. Space of innovation: Learning, Proximity and the Ecological Turn // Regional studies. – Vol. 46.8. – September 2012. – Pp. 1041–1053.

10. Korovkin A.G., Parbuzin K.V. Evaluation of Stractural Unemployment in Russia. Regional aspect // The Russian Economic Barometer. – 1999. – Vol. 8. – No 1. – Pp. 22–26.

11. Meager N., Speckesser S. Wages, productivity and employment: A review of theory and international data. European Employment Observatory Thematic Expert ad-hoc Paper / Institude for Employment Studies. – 2011.

12. Pavis S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. –50 pp.

13. Porter M.E. The economic performance of regions // Regional Studies. – Vol. 37. – No 6–7. – 2003. – Pp. 549–578, 562.

14. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon and Schuster. – 2000. – 384 pp.

15. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven: Yale University Press, 1985. – 389 pp.

16. Taylor J.E. Human Capital: Migration and Rural Population Change // Handbook of Agricultural Economics. [Electronic resource]. – URL: http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf (дата обращения: 13.08.2016 г.).

17. The learning region: foundations, state of the art, future / edited by Roel Rutten, Frans Boekema. – Edward Elgar: Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2007. – 320 pp.

18. Townsend P. The Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology. – 2010. – No 61. – Pp. 85–102.

19. Wallerstein I. A World-system perspective on the social sciences // British journal of sociology. 1976. – Vol. 27. – No 3. – P. 347.

20. 60 лет Алтайскому краю: юбил. стат. сб. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1997. – 120 с.

21. Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. – 2006. – № 1. – С. 4–19.

22. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

23. Аганбегян А.Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. – № 2. – 2015. – С. 7–13.

24. Аганбегян А.Г., Михеева И.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 37.

25. Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4. – С. 7–44.

26. Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика: учебник / под общ. ред. д.э.н., проф. А.В. Сидоровича; МГУ им. М.В. Ломоносова. – 6-е изд. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2004. – 448 с.

27. Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Российская экономика на повороте: докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 27 с.

28. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.

29. Алексашенко С. Кризис 2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11.– С. 25–37.

30. Алиев У.Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 2 (192). – С. 97–108.

31. Алле М. Условия эффективности в экономике / пер. с фр. Л.Б. Азимова, А.В. Белянина, И.А. Егорова, Н.М. Калмыковой. – М.: Научно-издательский центр «Наука для общества», 1998.

32. Алтайская семья в зеркале статистики. 2008–2012: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 56 с.

33. Алтайский край – территория экономического роста. – Барнаул, 2007. – 308 с.

34. Алтайский край в цифрах. 1994–1998: стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул., 1999. – 260 с.

35. Алтайский край в цифрах. 1997–2001: стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 2002. – 307 с.

36. Алтайский край в цифрах. 1998–2002: стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 2003. – 268 с.

37. Алтайский край в цифрах. 2001–2005: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2006. – 248 с.

38. Алтайский край в цифрах 2006–2011: крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2012.– 216 с.

39. Алтайский край в цифрах. 2007–2012: крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 216 с.

40. Алтайский край в цифрах. 2008–2013: крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 240 с.

41. Алтайский край в цифрах. 2010–2014: крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 252 с.

42. Алтайский край в цифрах. 2012–2016: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2017. – 236 с.

43. Алтайский край и Казахстан пытаются остановить падение товарооборота [Электронный ресурс]. – URL: https://regnum.ru/news/economy/2202990.html (дата обращения: 10.11.2016 г.).

44. Алтайский край многократно нарастил экспорт продовольствия [Электронный ресурс] // Капиталист: журнал о бизнесе. – 2016. – 25 августа. – URL: http://kapitalist. tv/2016/08/25/altayskiy-kray-mnogokratno-narastil/ (дата обращения: 20.09.2016 г.).

45. Алтайский край. Справочник инвестора. 2009–2010. – Барнаул, 2009. – 152 с.

46. Алтайский край. Справочник инвестора. 2011–2012. – Барнаул, 2010. – 128 с.

47. Алтайский край. Справочник инвестора 2013. – Барнаул, 2013. – 76 с.

48. Алтайский край: как развивались внешняя торговля в регионе в 2015 году? [Электронный ресурс] // Doc22.ru: информационно-аналитический портал Алтайского края. – URL:http://www.doc22.ru/information/analysis/6829 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

49. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 296 с.

50. Альтернативная стратегия социально-экономического развития Алтайского края (концепция) В.В. Мищенко – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 98 с.

51. Ананченко Ю.С. Формирование кластерного подхода на региональном уровне // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2008. – № 2. – С. 68–72.

52. Артоболевский С.С. Региональная политика, направленная на снижение пространственных экономических и социальных диспропорций в РФ (концепция) / Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 23–51.

53. Артоболевский С.С. Российская региональная политика: модернизация или деформация пространства // Современные производительные силы. – 2012. – С. 77–85.

54. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 2. – С. 101–112.

55. Байкалов С.П. Системный анализ проблем промышленного развития региона. – Барнаул, 2000. – 290 с.

56. Батейкин Д.В. Механизм усиления роли локальных рынков государственных и муниципальных заказов: монография. – Барнаул, 2008. – 170 с.

57. Баянова О.Т. Сравнительная рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 96–107.

58. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Электронный ресурс]: аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2013. – 167 с. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf (дата обращения: 25.12.2006 г.).

59. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. –330 с.

60. Белкина Т.Д., Минченко М.М., Ноздрина Н.Н., Протокалистова Л.В., Щербакова Е.М. Мониторинг состояния и проблемы развития городов России в годы реформ // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 2. – С. 83–102.

61. Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики: доклады X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. – М.: ИД ГУ ВШЭ – 2009. – 66 с.

62. Бизнес-карта России. Социально-экономический потенциал: [Справочник: В 18-ти кн.]. Кн. 4: Западная Сибирь: Алтайский край. Новосибирская область. Томская область. – М.: Бизнес-карта, 1993. – 251 с.

63. Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С.46–58.

64. Богомолова Т.Ю. Траектории перемещения населения России в пространстве "бедность – не бедность" в 1990–2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120.

65. Бондаренко Л. Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – № 6. – С. 104–116.

66. Борисенко М.А. Современные тенденции трансформации системы расселения в Алтайском крае. География и регион: материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–25 сентября 2015 г.): в 6-ти т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – Т. II: Социально-экономическая география. – 320 с.

67. Бородин В.А. Алтай промышленный: монография / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016.

68. Бородин В.А. Промышленность Алтайского края, XX век: чему учит история // Вестник алтайской науки. – 2001. – № 2. – С. 29–46.

69. Бородин В.А. Промышленность Алтая: на рубеже веков: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – 233 с.

70. Бородин В.А. Стратегические направления реформирования промышленного комплекса Алтайского края // Ползуновский альманах. – 1999. – № 2. – С. 140–152.

71. Бурдьё П. Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.

72. Буфетова А.Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 55–68.

73. Быстрова Н.П., Кранц Л.А. Зона активного взаимодействия города и села // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город–село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР. – Саранск, 1981.

74. В режиме созидания. В ритме позитивных перемен: Социально-экономическое развитие Алтайского края в 2006–2013 годах. Итоги и перспективы / под общ. ред. М.П. Щетинина. – Барнаул: Азбука, 2013. – 392 с.

75. Вайнберг Дж., Шумекер Дж. Статистика / пер. с англ. Л.А. Клименко и Б.И. Клименко. – М.: Статистика, 1979. – 389 с.

76. Вакуленко Е., Гурвич Е. Моделирование механизмов российского рынка труда // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 5–29.

77. Валовой региональный продукт по Алтайскому краю: стат. сб. – Барнаул, 2009. – 102 с.

78. Ведомственная целевая программа «Развитие лесов Алтайского края» на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 10.08.2011 г. № 354 // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/759/post354_ 100810.pdf (дата обращения: 10.12.2016 г.).

79. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012. – 340 с.

80. Верещагина В.Н., Гриценко Г.М. Проблемы стратегического управления инновационным развитием регионального АПК (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2009. – № 12. – С. 116–120.

81. Виноградский В.Г. Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы. – Саратов, 2010. –195 с.

82. Влияние мирового финансового кризиса на производство и использование ВРП Алтайского края. 2008–2009: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – 80 с.

83. Внешнеэкономические связи Алтайского края 2009–2010 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010.

84. Внешняя и межрегиональная торговля Алтайского края: состояние и основные тенденции развития. 2008–2012: аналит. зап. / под ред. В.М. Мочалова; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 60 с.

85. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация муниципальных районов Алтайского края: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 76 с.

86. Гапоненко А.Л., Полянский В.Г. Развитие региона: цели, закономерности, методы управления. – М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1999. – 128 с.

87. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. – М.: Изд-во Михайлова В.А., 1988. – 659 с.

88. Глазырина И.П., Клевакина Е.А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 113–128.

89. Глущенко К.П. Методы анализа территориального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 54–57.

90. Голубева В. Инновации и традиции российского агрокомплекса // Мир России. – 2013. – № 1. – С. 61–77.

91. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах [Электронный ресурс]: аналитический доклад (декабрь 2014) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf (дата обращения: 19.10.2015 г.).

92. Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81.

93. Гончарова Н.П., Родионова Л.В., Родионова О.Е. Напряженность на сельском рынке труда: методические подходы и результаты исследования // Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 292–317.

94. Горяченко Е.Е. Городские агломерации Сибири: предпосылки формирования и барьеры развития // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 96.

95. Государственная программа Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 годы [Электронный ре-

сурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 24.01.2014 г. № 20 // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/official_docs/e318663.html (дата обращения: 20.11.2015 г.).

96. Государственная программа Алтайского края «Развитие инновационного территориального кластера «АлтайБио» на 2014–2016 годы [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 10.10.2014 №459 // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http:// www.altairegion22.ru/upload/iblock/d4d/459_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

97. Государственная программа Алтайского края «Развитие малых городов Алтайского края» на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 22 июля 2014 года № 340. – URL: http://docs.cntd.ru/ document/412713719 (дата обращения: 21.10.2016 г.).

98. Государственная программа Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 27.10.2014 г. № 497. – URL: http:// www.altairegion22.ru/ upload/iblock/638/ 497_14.pdf (дата обращения: 25.12.2016 г.).

99. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.

100. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., 2003.

101. Гранберг А.Г. Пространственная экономика в системе наук. Новая экономическая ситуация [Электронный ресурс]. – URL: www.econorus.org/consp/files/gran.doc

102. Григорьев Л. Финансовый кризис–2008: вхождение в мировую рецессию диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 12. – С. 27–45.

103. Делегация алтайских предпринимателей осваивает рынок Армении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бийского бизнес инкубатора: [сайт]. – URL: http://www.incubator22.ru/index.php/1034-delegatsiya-altajskikh-predprinimatelej-osvaivaet-rynok-armenii (дата обращения: 20.11.2016 г.).

104. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н. Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // Пространственная экономика. – 2012. – № 3. – С. 111–134.

105. Денежные доходы и потребительский спрос населения Алтайского края. 2005–2009: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010. – 20 с.

106. Диспропорция в доходах населения Алтайского края. 2000–2006.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2007. – 32 с.

107. Доклад «О механизме взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ социально-экономического развития регионов» // Стратегия и конкурентоспособность. – 2006. – № 7. – С. 51–63.

108. Долгосрочная целевая программа «Развитие промышленного производства в Алтайском крае» на 2013–2017 годы [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 26.12.2012 г. № 731 // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/58a/731_post.PDF (дата обращения: 10.12.2016 г.).

109. Доходы населения Алтайского края: структурный и динамический анализ. 2011–2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Барнаул, 2016. – 48 с.

110. Жидких А.А. Виды районирования Алтайского края / Материалы Международной научно-практическая конференция «Роль аграрных реформ П.А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока» / под общей ред. М.П. Щетинина. – Барнаул, 2010. – С. 144–167.

111. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do

112. Зайцев А. Региональная диагностика и отраслевой анализ производительности труда // Федерализм. – 2013. – № 1. – С. 54–77.

113. Замараев В. Экономические итоги 2008 года: конец тучных лет диагноз // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 4–25.

114. Заславская Т.И. Динамика человеческого потенциала / Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.

115. Заславская Т.И. Избранное в 3-х т. – Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – 591 с.

116. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: учеб. пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

117. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002.

118. Зачем России ВТО. Россия в ВТО – плюсы и минусы для экспорта [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/ 09/24_a_7775321.shtml (дата обращения: 20.10.2016 г.).

119. Здоровые амбиции [Электронный ресурс] // Эксперт-Сибирь. – 2015. – № 41–42. – URL: http://www.econom22.ru/press-centre/Publics/detail.php? ID=12046 (дата обращения: 10.11.16 г.).

120. Земельная аккумуляция в начале XXI века: сборник науч. статей / под общ. ред. А.М. Никулина. – М., 2012. – 274 с.

121. Зиновьев Н.Р., Стриженко А.А., Хомутов О.И. Иностранные инвестиции в экономике Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/ pa2000_2/pages/21/pap_21.html (дата обращения: 09.10.2016 г.).

122. Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38–53.

123. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

124. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2003. – 160 с.

125. Игудин А.Г. Межбюджетные отношения и реформа местного самоуправления // Финансы. – 2006. – № 7. – С. 11–15.

126. Инвестиции в основной капитал – ключ к повышению экономического потенциала Алтайского края. 2010–2014: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 20 с.

127. Инвестиционная активность промышленных организаций Алтайского края. 2016: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – 12 с.

128. Инвестиционная деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – 76 с.

129. Инвестиционная деятельность регионов Сибирского федерального округа. 2014: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. – Томск, 2014. – 124 с.

130. Инновации в экономике Алтайского края: тенденции и перспективы развития: монография. – Барнаул, 2008. – С. 156–166.

131. Инновационная Россия – 2020 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: www.economy.gov.ru/minec/ activity/sections/ innovations/ doc20101231_016 (дата обращения: 15.11.2015 г.).

132. Итоги внешней торговли Алтайского края за 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusexporter.ru/research/ region/detail/4342 (дата обращения: 04.10.2016 г.).

133. Итоги внешней торговли Алтайского края, январь-июнь 2016 года. – URL: http://alttur22.ru/pages/statistika-i-godovye-otchety (дата обращения: 09.11.2016 г.).

134. Итоги работы Алтайской таможни за первое полугодие 2016 года. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14019:-2016-&catid=4: news& Itemid=88 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

135. Как много в жизни значит дом. Развитие жилищного строительства в Алтайском крае. 2011–2015: аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – 28 с.

136. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. – М., 2010. – С. 129.

137. Калугина З.И, Фадеева. О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск, 2009. – 340 с.

138. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.

139. Калугина З.И. Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117–129.

140. Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 36–61.

141. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 308 с.

142. Капелюшников Р.И., Ощепков А.Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. – 2014. – № 7. – С. 66–92.

143. Карлин А.Б. Новые подходы к управлению // Промышленник России. – 2008. – № 12. – С. 33.

144. Китайские предприниматели планируют инвестировать в экономику Алтайского края [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Алтайского края: [сайт]. – URL: http://invest.alregn.ru/news/detail.php?ID=1794 (дата обращения: 12.11.2016 г.).

145. Клинов В. Сдвиги в распределении доходов между трудом и капиталом: факторы, последствия и проблемы регулирования // Вопросы экономики. – 2016. – № 7. – С. 64–77.

146. Ковалева Г.Д. Алтайский край в контексте внешней торговли России и СФО: ретроспектива и текущее состояние // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления; под ред. Н.Н. Чинякова. – Барнаул, 2015. – С. 99–108.

147. Кожевина О.В. Повышение конкурентоспособности региона на основе реализации модели инновационного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 14–20.

148. Коломак Е.А. Анализ факторов конкурентоспособности региона // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 87–115.

149. Коломак Е.А. Городская система России // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1. – С. 235.

150. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–74.

151. Концепция демографического развития Алтайского края на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Губернатора Алтайского края от 31.07.2015 № 54-рг // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/ 7a5/54r_2015.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

152. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24.09.2001 № 1270-р) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт] – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya.html (дата обращения: 20.11.2015 г.).

153. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

154. Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 г.: научный отчет ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 1996.

155. Концепция развития и размещения производительных сил Российской Федерации в 1993–2000 гг. / Минэкономики, Госкомсотрудничество Российской Федерации, Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству. – М., 1993. – 59 с.

156. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (проект) [Электронный ресурс] // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – № 2 (35). – URL: http://dpr.ru/journal/journal_33_4.htm (дата обращения: 26.06.2016 г.).

157. Коршунов А. Пространственные трансформации и развитие экономики регионов России. – Барнаул, 2009. – 195 с.

158. Краевая программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года» [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 15.07.2014 г. № 329 // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/upload/iblock/ f5f/329_2014.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

159. Кузнецова И.И. Проблемы территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 22. – С. 261–269.

160. Кузнецова О. Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 86–102.

161. Кузнецова О. Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 46–67.

162. Кундиус В.А., Чермянина В.В., Полтарыхин А.Л. Кластеризация и диверсификация производства в агропромышленном комплексе: монография. – Барнаул, 2008. – 191 с.

163. Курцев И.В., Кисельников А.А., Мочалов В.М. Экономико-статистический анализ агропромышленного комплекса Сибири и ее регионов: итоги аграрных реформ и проблемы постреформенного развития. – Новосибирск, 2005. – 217 с.

164. Курцер М. Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 4–12.

165. Лавровский Б.Л. Региональная асимметрия в Российской Федерации: измерение и регулирование // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 272–306.

166. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. – 2003. – № 4. – С. 524–537.

167. Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцин Е.А., Суслов В.И. Региональные дисбалансы: Россия и Сибирь / под ред. В.И. Суслова. – Новосибирск, 2010. – 305 с.

168. Лавровский Б.Л., Мурзов И.А. Большая Сибирь: тенденции производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 103–117.

169. Лавровский Б.Л., Позднякова И.В. Самое важное, самое главное для победы // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 83–95.

170. Лаженцев В.Н. Научно-методологические проблемы государственного регулирования территориального развития // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 1. – С. 48–58.

171. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. – М., 2008. –328 с.

172. Ларина Н.И. Региональные кластеры и территориально-производственные комплексы как формы территориальной организации производства // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 126–139.

173. Латышева М.А. Статистическое исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 3: Экономика. Экология. – Вып. 1. – 2010. – С. 89–92.

174. Лацков В.Н. Деятельность предприятий с участием иностранного капитала и их влияние на экономику Алтайского края // Ползуновский вестник. – 2006. – № 4. – С. 254–258.

175. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – 3-е изд. (стер.). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 368 с.

176. Леонов С.Н. Закономерности и особенности реализации селективной региональной политики зарубежных стран // Пространственная экономика. – 2011. – № 1. – С. 67–80.

177. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

178. Лобова С.В., Ушакова Е.П. К вопросу о теоретико-методологическом обосновании кластерной организации региональной экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2011. – Т. 36. – № 4. – С. 97–101.

179. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Трудовая миграция в Алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5 (103). – С. 129–133.

180. Малеева Т.М., Овчарова Л.Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO. – 2009. – № 10. – С. 11–31.

181. Мамченко О.П., Долженко И.А. Экономическая сущность и роль государственно-частного партнерства в реализации региональной экономической политики // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2–2. – С. 245–249.

182. Маркс К. Избранные сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – В 9-ти т. – Т. 7. – М.: Политиздат, 1987. – 811 с.

183. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3-х т. – М.: Прогресс, 1981. – Т. 1. – 416 с.

184. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Управление экономикой региона. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001. – 404 с.

185. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Проблемы формирования региональной экономической политики субъекта Федерации // Проблемы регионального и муниципального управления: сборник научных трудов / под ред. А.С. Новосёлова. – Новосибирск, 2011. – С. 5–22.

186. Мау В. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика в России в 2015 г. // Вопросы экономики. – 2016. – № 2 – С. 5–34.

187. Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 4–32.

188. Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 5–31.

189. Мау В. Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. – 2011. – № 2. – С. 4–22.

190. Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 114–132.

191. Медведкова Э.А. Социально-экономическое районирование Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1985. – 151 с.

192. Международная экспансии компании «Эвалар» продолжает расширяться [Электронный ресурс] // Новости GMP: интернет портал. – URL:http://gmpnews.ru/2015/05/mezhdunarodnaya-ekspansiya-kompanii-evalar-prodolzhaet-rasshiryatsya (дата обращения: 10.11.2016 г.).

193. Меренкова И.Н. Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 24. – С. 49–60.

194. Мерзлов А.В. Использование европейского опыта регионального маркетинга в целях устойчивого развития сельских территорий Ярославской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 5.

195. Минакир П.А. Мифы и реальности пространственных экономических диспропорций // Федерализм. – 2011. – № 1 (61). – С. 43–56.

196. Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. – 2014. – № 1. – С. 12–39.

197. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // Пространственная экономика. – 2011. – № 4. – С. 124–134.

198. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32.

199. Минашкин В.Г., Садовникова Н.А., Шмойлова Р.А., Карманов М.В. и др. Статистика: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М., 2013. – 448 с.

200. Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С. 6–28.

201. Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2. – С. 86–112.

202. Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 423 с.

203. Мищенко В.В., Медведева А.Г. Межбюджетное регулирование как инструмент сглаживания территориальной дифференциации в регионе (на примере Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного университета. – 2007. – № 12 (38). –С. 57–62.

204. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центропериферийные взаимодействия в регионах России – анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2010. – С. 644–663.

205. Молотков Ю.И. Муниципальное образование как объект управления / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Сибирской академии государственной службы «Государственное и муниципальное управление в Сибири: состояние и перспективы». – Новосибирск, 2007.

206. Мореханова М.Ю. Социальные аспекты перехода сельского хозяйства на инновационный путь развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М., 2008. – С. 273–275.

207. Наукоград Бийск: стат. сб. – Барнаул, 2007. – 125 с.

208. Научный отчет Центра по изучению проблем народонаселения. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 94 с.

209. Национальные счета России в 1996–2003 годах: стат. сб. / ФСГС России. – М., 2004. – 351 с.

210. Национальные счета России в 1997–2004 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – 348 с.

211. Национальные счета России в 1998–2005 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 345 с.

212. Национальные счета России в 2002–2009 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 325 с.

213. Национальные счета России в 2003–2010 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 333 с.

214. Национальные счета России в 2004–2011 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 344 с.

215. Национальные счета России в 2005–2012 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 364 с.

216. Национальные счета России в 2006–2013 годах: электронное приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/pril-nac_sh.rar (дата обращения: 30.11.2015 г.).

217. Национальные счета России в 2007–2014 годах. Региональные показатели СНС: электронное приложение к сборнику, 2015 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/nac/pril-nac_sh.rar (дата обращения: 30.11.2015 г.).

218. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал регионов России: [сайт]. URL: http://www.investinregions.ru/rating/ (дата обращения: 20.11.2015 г.).

219. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. – М., 2003. – 136 с.

220. Нерезько С.В., Перекаренкова Ю.А., Родионова Л.В. Социально-трудовые аспекты устойчивого развития сельских территорий // Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 271–314.

221. Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. Административная реформа. – М., 2004. – № 2. – С. 441–458.

222. Нефедова Т.Г. Поляризация городов и сельской местности и расширении российской периферии [Электронный ресурс]. – URL:http:// www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenie-rossiyskoy-periferii.html (дата обращения: 20.10.2016 г.).

223. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–31.

224. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Лихачёва Э.А.,. Черногаева Г.М.,. Некрасова Л.А. Оценка трансформации социально-экономической и природной среды Центрального федерального округа РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://geomor.igras.ru›files/f.2011.06.07.12.41.09..3.pdf (дата обращения: 16.03.2016 г.).

225. Нечипоренко О.В. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики / О.В. Нечипоренко, В.В. Самсонова, М.Р. Зазулина, М.Ю. Мореханова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 252 с.

226. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. – Новосибирск, 2010. – 302 с.

227. Нижегородцев Р.М. Эволюция экономического пространства // Российская наука: мечта светла. Сборник научно-популярных статей / под ред. В.И. Конова. – М., 2006.

228. Новое о российском экспорте [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/21_a_ 7764959.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

229. О банке развития: Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ [с изм. и доп. от 25 июня 2012 г. № 85-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22, ст. 2562.

230. О бюджетном устройстве, бюджетном процессе и финансовом контроле в Алтайском крае: Закон Алтайского края № 75-ЗС от 3 сентября 2007 года // Сборник законодательства Алтайского края. – № 137, ч. 1.

231. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: Федеральный закон от 23 декабря 2005 года № 199-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 23, ст. 2756.

232. О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 01.12.2014 г. № 408-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

233. О внешнеэкономической деятельности и развитии международных связей Алтайского края в 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-alt/-/asset_publisher/5xjjlWtPCeCZcontent/id/2142560 (дата обращения: 08.11.2016 г.).

234. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ (ред. от 30.12.2008, с изм. и доп. от 26.01.2009) // Российская газета. – 2008. – 26 декабря.

235. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 21 июля.

236. О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программировании социально-экономического развития Алтайского края: Закон Алтайского края № 117-ЗС от 7 ноября 2006 года // Сборник законодательства Алтайского края. – № 127, ч. 2.

237. О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программировании социально-экономического развития Алтайского края: Закон Алтайского края № 117-ЗС от 7 ноября 2006 года // Сборник законодательства Алтайского края. – № 145.

238. О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации: Федеральный закон от 14 апреля 1995 года № 41-ФЗ (ред. от 25.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.

239. О естественных монополиях: Федеральный закон от 17 августа 2002 года № 147-ФЗ (с изм. от 25.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.

240. О концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: доклад министра регионального развития Российской Федерации В.А. Яковлева на заседании Правительства РФ 30.06.2005 [Электронный ресурс]. – URL: http://niisp.ru/?p=2903 (дата обращения: 20.12.2016 г.).

241. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 128-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33, ч. 1, ст. 3430.

242. О мерах государственного стимулирования инвестиционной деятельности в Алтайском крае: постановление администрации Алтайского края от 15 сентября 2007 года № 437 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 137, ч. 2.

243. О мерах по повышению результативности бюджетных расходов: постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

244. О некоторых итогах развития международных и межрегиональных связей Алтайского края в 2014 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края: [сайт]. – URL: http://www.altairegion22.ru/territory/foreign_ec/ved (дата обращения: 09.10.2016 г.).

245. О поддержке лизинговой деятельности в отраслях реального сектора экономики Алтайского края: Закон Алтайского края от 6 мая 1999 года № 17-ЗС (с изм. и доп. от 7.10.2010 № 85-ЗС) // Сборник законодательства Алтайского края. – 1999. – № 36. – С. 9.

246. О предоставлении хозяйствующим субъектам края инвестиционных кредитов с участием краевого бюджета: постановление администрации Алтайского края от 16 марта 2001 года № 190 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2001. – № 59. – С. 153.

247. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ // Российская газета. – 2008. – № 158. – 25 июля.

248. О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов (вместе с «Положением о подготовке и утверждении перечня приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов»): постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 419 (ред. от 21.12.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 30, ст. 3935.

249. О проведении конкурсного отбора субъектов Российской Федерации для предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 сентября 2013 г. № 514 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/ sections/ innovations/politic/doc20130906_1 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

250. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31, ст. 4006.

251. О сельскохозяйственной кооперации: Федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 250-ФЗ (с изм. на 03.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 49, ст. 5748.

252. О системе органов исполнительной власти Алтайского края: Закон Алтайского края от 3 ноября 2005 года № 93-ЗС (ред. от 08.11.2007) // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 115, ч. 1.

253. О системе органов исполнительной власти Алтайского края: Закон Алтайского края от 3 ноября 2005 года № 93-ЗС (ред. от 08.11.2007) // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 139, ч. 1.

254. О создании краевого автономного учреждения «Алтайский центр государственно-частного партнерства и привлечения инвестиций»: постановление администрации Алтайского края от 15 июня 2011 г. № 321 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2011. – № 182, ч. 1. – С. 388.

255. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1, ст. 1.

256. Об инвестиционной деятельности в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 9 декабря 2008 г. № 61–ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. – 1998. – № 32.

257. Об инвестиционных уполномоченных и иных субъектах инвестиционной деятельности Алтайского края, а также об организации их взаимодействия: постановление администрации Алтайского края от 30 ноября 2011 г. № 696 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2011. – № 187, ч. 4. – С. 391.

258. Об инновационной деятельности в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 14 сентября 2006 года № 95-ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. 2006. – № 125, ч. 3.

259. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 декабря 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29 апреля 2008, с изм. от 22.12.2008) // Российская газета. – 2008. – 23 дек.

260. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 505.

261. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Российская газета. – 2003. – 8 окт.

262. Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23, ст. 2756.

263. Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23, ст. 2256.

264. Об утверждении Концепции развития инновационной системы Алтайского края на период до 2020 года: постановление администрации Алтайского края от 04.07.2014 № 312 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/ upload/iblock/fa0/312_14.pdf (дата обращения: 15.11.2015 г.).

265. Об утверждении перечня показателей Индикативного плана социально-экономического развития Алтайского края на 2008–2010 годы: постановление администрации Алтайского края от 20 июня 2008 г. № 243 // Алтайская правда. – 2008. – 3 июля.

266. Об утверждении плана действий органов исполнительной власти Алтайского края по реализации приоритетных направлений социально-экономического развития Алтайского края на 2006–2008 годы: постановление администрации Алтайского края от 20 апреля 2007 г. № 172 // Сборник законодательства Алтайского края. – 2007. – № 132, ч. 1.

267. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Рубцовск Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: решение Рубцовского городского Совета депутатов от 19.12.2013 № 251. – URL: http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/ Rubtsovsk2025.pdf (дата обращения: 15.11.2015 г.).

268. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 33. – Ст. 4444.

269. Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М.: ТЕИС, 2002. – 352 с.

270. Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) [Электронный ресурс]: утвержден постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

271. Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1. – С. 26–30.

272. Отчет о работе Счетной палаты Алтайского края за 2007 год [Электронный ресурс] // Алтайский край. Счётная палата – Заглавие с экрана – URL: http:/ www.ach22.ru/report/2007/index.htme (дата обращения: 22.05.2017 г.).

273. Официальные статистические показатели / ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 22.04.2016 г.).

274. Папело В.Н., Иткулов С.Г., Иващенко Г.В. Инновационная политика и управление научно-техническим прогрессом в АПК Сибирского федерального округа // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири. – Новосибирск, 2009. – С. 117–144.

275. Парамонов Е.Г., Менжулин И.Д., Ишутин Я.Н. Лесное хозяйство Алтая. – Барнаул: Алтай, 1997. – 373 с.

276. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М., 2010. – 390 с.

277. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.

278. Петриков А. Устойчивое развитие сельской местности в России и направления научных исследований // АПК: экономика, управление. – 2001. – № 12. – С. 13.

279. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / под. ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 92 с.

280. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания: монография. – М., 2009.

281. План первоочередных мероприятий на 2002–2005 гг. по реализации в Алтайском крае Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://altai.news-city.info/docs/sistemsz /dok_ieqzwz.htm (дата обращения: 14.11.2015 г.).

282. Победин А.А. Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области [Электронный ресурс] // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2010. – № 4. – URL: http://vestnik.uapa.ru/ru–ru/issue/2010/04/15/ (дата обращения: 12.12.2015 г.).

283. Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долговременного экономического роста в России: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 53 с.

284. Подсолнечное масло догоняет пшеницу [Электронный ресурс] // Известия. – 2016. – 8 нояб. – URL: http://izvestia.ru/news/642783?utm_ source=smi2 (дата обращения: 10.11.2016 г.).

285. Портер М. Конкурентные преимущества стран / Вехи экономической мысли. – Т. 6: Международная экономика. – М.: ТЕИС, 2006. – 720 с.

286. Портер М. Конкуренция. – М., 2002. –608 с.

287. Потребительский рынок продовольственных товаров Алтайского края. 2008–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – 44 с.

288. Прибылов А.М., Бородин В.А. Методологические основы оценки экспортного потенциала региона // Вестник алтайской науки. – 2012. – № 3. – С. 120–127.

289. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – 270 с.

290. Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений: отчет. – ФГО РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. – М., 2010. – 123 с.

291. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/ doc20130325_06 (дата обращения: 20.11.2015 г.).

292. Промышленность Алтайского края: анализ и оценка итогов работы в 1999–2000 гг.: отчет о НИР / Институт проблем промышленного развития. – Барнаул, 2000. – 88 с.

293. Промышленность Алтайского края: анализ, оценка, основные направления реформирования: науч. изд. /. – Барнаул, 1999. – 217 с.

294. Процессы воспроизводства основных фондов в Алтайском крае. 2005–2008: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010. – 72 с.

295. Развитие лизинговой деятельности в Алтайском крае: справочное издание. – Барнаул, 2007. – 81 с.

296. Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М.: Статистика, 1977. – 295 с.

297. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 384 с.

298. Регион: проблемы планирования и управления. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – 408 с.

299. Региональная экономика: учебник / под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. – М.: ИНФРА, 2007. – 666 с.

300. Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. – 488 с.

301. Регионы России / Госкомстат России, 1997. – М., Т. 1. – 591 с.

302. Регионы России / Госкомстат России, 1998. – М., Т. 2. – 611 с.

303. Регионы России / Госкомстат России, 1999. – М., Т. 2. – 632 с.

304. Регионы России. Социально-экономические показатели 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 982 с.

305. Регионы России. Социально-экономические показатели 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.

306. Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.

307. Регионы России. Социально-экономические показатели 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.

308. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

309. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

310. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

311. Римашевская Н.М. Здоровье человека – здоровье нации // Человек и реформы: секреты выживания. – М., 2003. – С. 74–84.

312. Родионова Л.В., Родионова О.Е. Методика интегральной оценки напряженности на региональном рынке труда // Человек и труд. – 2007. – № 10. – С. 23–25.

313. Родионова Л.В., Родионова О.Е. Региональный рынок труда: проблемы формирования и регулирования. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 204 с.

314. Родионова Л.В., Троцковский А.Я. Региональный рынок труда: проблемы формирования, прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2–1. – С. 298–307.

315. Российская модернизация. Экономические беседы / Центр проблем. анализа и гос.-упр. проектирования ; под ред. С.С. Сулакшина. – М., 2007. – 360 с.

316. Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

317. Российский статистический ежегодник. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 705 с.

318. Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – 280 с.

319. Россия в цифрах. 2015: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 543 с.

320. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 750 с.

321. Россия разнообразила экспорт [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/eksport/2015/08/26_a_ 7719377.shtml (дата обращения: 07.11.2016 г.).

322. Рыжак Н. Депутат Госдумы Николай Рыжак анализирует эволюционные этапы развтия бюджета Алтайского края // Газета № 1. Ваша газета на Алтае. – 2008. – № 37. – С. 15–19.

323. Рынок труда Алтайского края. 2006–2009: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010. – 48 с.

324. Салахутдинова Р.Р., Ларцева С.А. Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 242–250.

325. Сборник законодательства Алтайского края. – 2010. – № 174, ч. 1. – С. 50.

326. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: статистический бюллетень / Росстат. – М., 2015. – 214 с.

327. Сегменты рынка труда Алтайского края: неформальная занятость – состояние и тенденции развития: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 76 с.

328. Селиверстов В.Е. Сибирь: стратегия и перспективы // Наука в Сибири. – 2014 – № 44. – С. 7.

329. Семина Л.А. Кластер как приоритет инвестиционного развития региона // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2010. – № 7. – С. 91–94.

330. Сен А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

331. Сергиенко А.М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.

332. Сергиенко А.М. Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262.

333. Сергиенко А.М. Внедрение инновационных технологий как фактор устойчивого землепользования: социальные аспекты исследования в сельских районах Алтайского края // Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации: материалы Островских чтений 2014: – Саратов: ИАгП РАН, 2014. – С. 349–354.

334. Сергиенко А.М. Внутренняя социальная политика агробизнеса в Алтайском крае: современные практики, тенденции и факторы развития // Актуальные проблемы социологии бизнеса: сборник статей / под ред. В.В. Нагайцева. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. – С. 24–40.

335. Сергиенко А.М. Динамика бедности сельского населения аграрных регионов России и механизмы ее преодоления // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – Гл. 12. – С. 183–201.

336. Сергиенко А.М. Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 1 (199). – С. 194–205.

337. Сергиенко А.М. Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 2/1 (74). – С. 200–224.

338. Сергиенко А.М. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография / А.М. Сергиенко, С.А. Решетникова. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 202 с.

339. Сергиенко А.М. Социальная сфера алтайского села как объект государственной и муниципальной политики // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2008. – № 1. – С. 39–42.

340. Сергиенко А.М. Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе / А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 377–393.

341. Сергиенко А.М. Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 7 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 132–140.

342. Сергиенко А.М. Социально-экономические и экологические аспекты внедрения инноваций в землепользовании в сельских районах Алтайского края // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольствен-

ной безопасностью России: XIX Никоновские чтения. – М.: Изд-во ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. – С. 237–241.

343. Сергиенко А.М. Социально-экономические факторы внедрения инноваций в землепользовании в районах Кулундинской зоны Алтайского края // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2014. – № 11. – С. 4–9.

344. Сергиенко А.М. Аренды и драйверы социального развития сельских территорий Алтайского края: инновационные аспекты исследования // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 4–5 февраля 2016 г. / под ред. И.А. Панарина; Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул: АЗБУКА, 2016. – С. 241–246.

345. Сергиенко А.М. Тренды и инновации в социально-экономическом развитии алтайского села в начале XXI века // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 11–14 ноября 2014 г. [Электронный ресурс].– Барнаул: АлтГУ, 2014. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM). – С. 2615–2625.

346. Сергиенко А.М. Трудовая миграция в сельские районы Алтайского края и политика ее оптимизации: экспертные оценки руководителей сельских муниципалитетов // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2015. – № 12. – С. 29–33.

347. Сергиенко А.М. Трудовая иммиграция как драйвер социально-экономического развития села: опыт социологического исследования в приграничном аграрном регионе // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», [г. Екатеринбург, 10–11 апреля 2015 г.] [Электронный документ]. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 324–336. – URL: http://hdl.handle.net/ 10995/35380 (дата обращения: 20.11.2016 г.).

348. Сергиенко А.М. Трудовые иммигранты в сельском сообществе: этнокультурный спектр взаимоотношений // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Барнаул: «Концепт», 2015. – С. 152–159.

349. Сергиенко А.М., Гончарова Н.П. Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3–1(87). – С. 190 –194.

350. Сергиенко А.М., Гончарова Н.П. Трудовые иммигранты и сельские жители приграничного аграрного региона: модели взаимодействия и пути его оптимизации // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XV Междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2015. – С. 365–373.

351. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8: в 2-х ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21–26.

352. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Кадровая обеспеченность сельского хозяйства: проблемы и перспективы в условиях массовой миграции сельской молодежи // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы III Международного экономического форума / под ред. д.э.н. С.Н. Бочарова. – Барнаул: Издательство ООО «Колибри», 2016. – С. 358–362.

353. Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 202 с.

354. Сергиенко А.М., Родионова Л.В. Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 377–393.

355. Сигов А.И. Региональная экономика (понятийный аппарат). – СПб.: ИРЭ РАН, 2000. – 200 с.

356. Сидельников Н.В. Оценка неравномерности развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1.– С. 22–36.

357. Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2009. – № 10. – С. 131–158.

358. Ситуация в сфере промышленного производства в Алтайском крае. Январь-декабрь 2016.: аналит. обзор / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2016. – 20 с.

359. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 720–738.

360. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 2008. – С. 299–312.

361. Социально-экономическое положение Алтайского края. 2014: стат. докл. / Алтайкрайстат. – Барнаул, 2015. – 184 с.

362. Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования: монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 373 с.

363. Стандарт деятельности органов исполнительной власти Алтайского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе [Электронный ресурс]: утвержден постановлением Администрации Алтайского края № 100 от 28.02.2013 г. // Официальный сайт Алтайского края: [сайт] – URL: http:// www.altairegion22.ru/upload/iblock/174/100_13.PDF (дата обращения: 20.11.2015 г.).

364. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2003–2008: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2009. – 368 с.

365. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2005–2010: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2011. – 392 с.

366. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2006–2011: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2012. – 390 с.

367. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2007–2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2013. – 400 с.

368. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2008–2013: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2014. – 348 с.

369. Статистический ежегодник Алтайский край. 2010–2014: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2015. – 416 с.

370. Статистический ежегодник Алтайский край. 2011–2015: : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2016. – 348 с.

371. Стратегия 2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической Стратегии России на период до 2020 г. Кн. 2. / под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 408 с.

372. Стратегия развития сферы труда и занятости населения Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утверждена постановлением администрации Алтайского края от 24.12.2013 № 684 // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http://www.econom22.ru/ upload/iblock/04a/Post684_131224.pdf (дата обращения: 20.11.2015 г.).

373. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утверждена Законом Алтайского края 21.11.2012 № 86-ЗС // Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края [сайт]. – URL: http:// www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf (дата обращения: 20.11.2016 г.).

374. Суспицын С.А. Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2. – С. 134–140.

375. Суспицын С.А. Барометры социально-экономического положения регионов России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004. – 124 с.

376. Татаркин А.И. Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. – 2005. – № 4. – С. 21–39.

377. Татаркин А.И. Формирование конкурентных преимуществ региона // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 141–154.

378. Татарстан привлек 507,4 млн долларов прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] // РБК Татарстан. – URL: http:// rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5825a4f69a79477a43966aed (дата обращения: 12.11.2016 г.).

379. Территориальное управление экономикой: словарь-справочник. – 2-е изд., доп. и перераб. / гл. ред. В.П. Колесов, В.М. Шупыро. – М.: ТЕИС, 2001. – 642 с.

380. Тикунов В.С. Моделирование в картографии: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 405 с.

381. Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России: учебно-практическое пособие. – М.: Бек, 1999. – 379 с.

382. Точки роста промышленности Алтайского края. 2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – 24 с.

383. Третьякова Л.П., Троцковский А.Я. Программно-целевые методы управления: исторический и современный контекст / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. – 176 с.

384. Третьякова Л.П., Троцковский А.Я. Программно-целевые методы управления: исторический и современный контекст: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. – 150 с.

385. Троцковский А.А., Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура агропромышленного региона и механизмы ее регулирования: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. – 211 с.

386. Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации; ИЭиОПП СО РАН. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

387. Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю. Исследование и регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне: монография. – Барнаул, 2014. – 200 с.

388. Троцковский А.Я., Мищенко И.В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование: монография. – Барнаул, 2013. – 176 с.

389. Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю. Пространственное развитие экономики Алтайского края: традиционные и инновационные инструменты / Проблемы инновационного управления экономикой регионов Сибири. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 20015. – С. 82–115.

390. Троцковский А.Я., Обиремко С.И., Голотвин Д.Н. Лесной комплекс в контексте развития экономического пространства Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2-2 (82). – С. 347–352.

391. Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. Экономические реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда). – Барнаул, 1996. – 193 с.

392. Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 402–416.

393. Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

394. Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-1. – С. 324–333.

395. Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Региональная политика в агропромышленных регионах: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – 316 с.

396. Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Управление региональной экономикой: Учебное пособие – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 236 с.

397. Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Экономика Алтайского края в условиях реформирования. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 139 с.

398. Троцковский А.Я., Щетинин М.П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2/2. – С. 298–307.

399. Труд и занятость в России. 2015: региональное приложение [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 12.03.2016 г.).

400. Трудовые мигранты в российском селе: монография / Великий П.П., Сергиенко А.М. и др. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – 293 с.

401. Тургель И.Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного; вып. XVI. – М., 2000. – С. 233–244.

402. Унтура Г.А. Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 1. – С. 3–8.

403. Унтура Г.А., Яковлева Т.И., Евсеенко А.В. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – С. 77–88.

404. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография / под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013 – 330 с.

405. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. – М., 2005. – 229 с.

406. Устойчивое финансовое положение – основа успешного развития организаций обрабатывающих производств Алтайского края. 2013–2015: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – 72 с.

407. Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск, 2014. – 262 с.

408. Федерализм: энциклопедический словарь. – М., 1997. – 288 с.

409. Федосеев В.И. Комплексная типология сельских районов Алтайского края: препринт. – Новосибирск, 1987. – 18 с.

410. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Пимонов А.Г. Конкурентные преимущества и инновационность экономики регионов // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 33–49.

411. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Писарев Ю.А. Алгоритм оценки конкурентоспособности региона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «Социально-экономические науки». – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 112.

412. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Новое изд-во, 2005. – 264 с.

413. Ценовая ситуация на региональном потребительском рынке продовольственных товаров в период мирового финансового кризиса. Алтайский край. 2008–2010: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2011. – 36 с.

414. Цифры и факты: качество жизни населения в Алтайском крае. 2009–2013: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 52 с.

415. Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона. – Тамбов, 2008. – 148 с.

416. Чертов Н.А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона. – Новосибирск, 2003. – 308 с.

417. Чиняков Н.Н. Некоторые проблемы социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.timacad.ru/conf_news/ section2/section2.php (дата обращения: 14.10.2016 г.).

418. Чуканов В.И. Методический подход к стратегии планирования социально-экономического развития лесного хозяйства и результаты оптимизационных расчетов многоресурсного лесопользования в Алтайском крае: сб. тр. // МГУЛ. № 343. – Барнаул, 2005. – С. 75–86.

419. Шамлина Г.Г., Гагарин А.И. Кластеры в экономике России // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 6. – С. 9–16.

420. Шамлина Г.Г., Гагарин А.И. Российские корни территориального кластера // ЭКО. – 2007. – № 12. – С. 163–171.

421. Швецов А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная Экономика. – 2015. – № 1. – С. 38–61.

422. Шило И.Н. Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 114–119.

423. Шнипер Р.И. Конкурентные позиции региона и их оценка // Регион: экономика и социология. – 1995. – № 1. – С. 3–24.

424. Шнипер Р.И. Регион: диагностика и прогнозирование. – Новосибирск, 1996. – 136 с.

425. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 206 с.

426. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла): пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

427. Экологические функции леса и эффективность использования лесных ресурсов Алтайского края: аналит. обзор / под ред. В.М. Мочалова: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2013. – 24 с.

428. Экономика Алтайского края в 2008–2009 гг.: аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2010. – 88 с.

429. Экономика Алтайского края: итоги и перспективы развития. – Барнаул, 2006.

430. Экономика и энергетика Алтайского края: тенденции и перспективы развития. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – 586 с.

431. Экономическая энциклопедия регионов России. Алтайский край / Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края. – НПО «Экономика». – М.: Экономика, 2012 г. – 477 с.

432. Экономическое содержание рынка труда, его особенности и модели. – М., 2011. – 800 с.

433. Экспортный потенциал Алтайского края [Электронный ресурс] // Алтайский краевой центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства: [сайт]. – URL: http://www.export22.ru/ exports/2 (дата обращения: 04.10.2016 г.).

434. Эренберг Рональд Дж., Смит Роберт С. Современная экономика труда. – М.: МГУ, 1996.

435. Эффективность использования производственных ресурсов в сельском хозяйстве: колл. монография / под общ. ред. проф. П.Ф. Парамонова. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – 244 с.

436. Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2006. – № 7. – С. 189–200.

437. Ясин Е., Андрущик Г., Ивантер А. и др. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 77–96.

Научное издание

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ФОРМИРОВАНИЕ
КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Под редакцией
доктора социологических наук
Александра Яковлевича Троцковского

Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Земцова Р.А., Угрюмов А.П.*

Подписано в печать 30 октября 2017 г.
Формат бумаги 60 × $84^{1}/_{8}$. Гарнитура «Таймс».
Объём 53 п.л. Уч.-изд. л. 52. Тираж 500 экз. Заказ №. 59.

Издательство ИЭОПП СО РАН.
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН.
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.